П. Ѳ. КАПТЕРЕВЪ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ.

Ново-Николаевская

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный складъ „ЗЕМЛЯ“. Невскій пр., 55.
1914.

Типографія „Викторія“, Знаменская ул., 17. Телефонъ № 32-48.

Предисловіе къ первому изданію.

Задача нашего труда видна уже изъ его названія. Прежде всего, мы хотимъ занимающимся воспитаніемъ и обученіемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о психическихъ явленіяхъ, которыя помогли бы имъ въ ихъ занятіяхъ. Нѣтъ, кажется, нужды доказывать ту мысль, что вполнѣ разумная педагогическая дѣятельность возможна только подъ условіемъ болѣе или менѣе обстоятельнаго знакомства къ психическими явленіями. А его нерѣдко не достаетъ занимающимся воспитаніемъ и обученіемъ. Но этою цѣлью мы не ограничиваемся. Мы хотимъ еще въ своемъ трудѣ главнѣйшія ученія теоретической педагогики связать съ твердыми данными науки о душѣ, вывесть первыя изъ послѣднихъ. Намъ кажется, что при такой постановкѣ дѣла различныя педагогическія правила и теоріи будутъ обоснованы тверже и раціональнѣе, чѣмъ теперь. Излагая данныя психологической и педагогической науки, мы постараемся, чтобы это изложеніе съ одной стороны, не было ниже уровня современнаго развитія этихъ наукъ, а съ другой—было на столько общедоступно, чтобы могло быть читаемо народнымъ учителемъ.

П. Каптеревъ.

Предисловіе ко второму изданію.

Настоящее, второе, изданіе „Педагогической Психологіи", преслѣдуя тѣ же задачи, что и первое, является существенно переработаннымъ. Главнѣйшія измѣненія были сдѣланы въ такомъ направленіи: описательная сторона перваго изданія значительно сокращена и расширены элементы историко-критическій и объяснительный. Нѣкоторыя главы перваго изданія исключены во второмъ и на мѣсто ихъ поставлены новыя, такъ что „Педагогическая Психологія" въ настоящемъ видѣ въ значительной степени представляетъ новый трудъ, а не второе изданіе прежняго.

П. Каптеревъ.

Предисловіе къ третьему изданію.

Что такое педагогическая психологія? Прежде это было совершенно ясно—курсъ общей психологіи съ нѣкоторыми педагогическими выводами. Теперь понятіе о ней значительно мѣняется, въ курсъ общей психологіи все болѣе и болѣе вводится данныхъ, съ одной стороны, изъ дѣтской психологіи, а съ другой—изъ педагогики собственно. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по педагогической психологіи общая психологія исчезаетъ совсѣмъ и замѣняется курсомъ дѣтской психологіи, а педагогическіе выводы превращаются въ широкое трактованіе основныхъ педагогическихъ вопросовъ и болѣе краткое спеціальныхъ.

Мы полагаемъ, что педагогическая психологія не есть ни общая психологія, ни психологія дѣтскаго возраста, ни педагогика, это есть дисциплина, соединяющая педагогику съ психологіей, ведущая отъ психологіи къ педагогикѣ. Сама по себѣ общая психологія довольно далека отъ педагогики, она изображаетъ общій фонъ педагогической дѣятельности; но считать общую психологію лишней въ педагогической психологіи было бы неправильно, общій психологическій фонъ необходимъ, особенно если его надлежащимъ образомъ изобразить. А правильное изображеніе есть не механическое помѣщеніе всего курса общей психологіи въ педагогическую психологію, а обстоятельное изложеніе такихъ психологическихъ ученій, которыя имѣютъ существенное значеніе для педагогической дѣятельности, выясняютъ и обосновываютъ ее. Причемъ особенно важно указаніе развитія разсматриваемыхъ душевныхъ явленій, и въ родѣ человѣческомъ и въ отдѣльной личности. Данныя дѣтской психологіи необходимо постоянно вкрапливать въ изложеніе общепсихологическихъ проблемъ и, кромѣ того, дать систематическую картину развитія человѣческой личности. Эта послѣдняя будетъ подобно общей психологіи, не курсомъ дѣтской психологіи, а освѣщеніемъ главнѣйшихъ моментовъ развитія дитяти.

Есть еще одинъ весьма важный элементъ педагогической психологіи—ученіе о типахъ душевной жизни вообще и отдѣльныхъ душевныхъ процессовъ въ частности. Педагогъ имѣетъ дѣло съ личностями отдѣльными и соединенными въ группы или классы, для него положенія общей психологіи, въ равной степени и взрослаго и дитяти, нѣсколько далеки и туманны, сфера дѣятельности педагога болѣе конкретна и частна. Психологія должна приблизиться къ педагогу и приблизить къ нему воспитываемыхъ и образуемыхъ. Это она можетъ сдѣлать, разработавъ ученіе о душевныхъ типахъ. Каждый педагогъ, волей - неволей дѣлитъ своихъ учениковъ на типы: этотъ—изъ лѣнивыхъ, этотъ—изъ способныхъ, этотъ—средній ученикъ и т. д. Такіе типы—первобытнаго характера, научнаго значенія не имѣютъ; нужно помочь въ этомъ дѣлѣ педагогу и заняться изученіемъ душевныхъ типовъ, школьныхъ типовъ, дѣтей въ семьѣ и т. п. Мы вводимъ въ педагогическую психологію ученіе о душевныхъ типахъ.

Такимъ образомъ педагогическая психологія слагается изъ слѣдующихъ элементовъ:

1) данныхъ общей психологіи, необходимыхъ для педагога, излагаемыхъ преимущественно съ точки зрѣнія развитія душевныхъ процессовъ и въ связи съ педагогическими выводами;

2) данныхъ изъ психологіи дѣтства и дальнѣйшихъ воспитательныхъ возрастовъ, отчасти вводимыхъ въ изложеніе общихъ психологическихъ проблеммъ, а отчасти излагаемыхъ особо, въ видѣ характеристики главнѣйшихъ моментовъ въ развитіи личности;

3) ученія о типахъ душевной жизни вообще и типахъ отдѣльныхъ душевныхъ процессовъ въ частности.

Содержаніе педагогической психологіи оказывается весьма сложнымъ и обширнымъ. Написать съ изложенной точки зрѣнія вполнѣ удовлетворительную книгу весьма трудно. Авторъ отчетливо сознаетъ недостатки своего труда, но онъ даетъ то, что можетъ дать при наличныхъ условіяхъ своей работы. Можетъ быть, и въ настоящемъ видѣ книга принесетъ нѣкоторую пользу; если же книга и авторъ доживутъ до новаго изданія, то работа будетъ обстоятельно пересмотрѣна.

П. Каптеревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. О воспріятіи и наблюденіи	3
II. О воспитаніи наблюдательности	22
III. О запоминаніи	46
IV. Типы запоминанія	63
V. О воспроизведеніи и забвеніи	78
VI. О воспитаніи памяти	94
VII. Образное творчество и его воспитаніе. Миѳологическое творчество	101
VIII. Художественное творчество	125
IX. Отвлеченное мышленіе	141
X. Борьба и объединеніе образнаго и отвлеченнаго творчества	162
XI. Главнѣйшіе типы умовъ	179
XII. О воспитаніи отвлеченнаго творчества	200
XIII. Эгоистическія чувствованія силы	217
XIV. Эгоистическія чувствованія безсилія	227
XV. Эгоистическія интеллектуальныя чувствованія	242
XVI. Воспитаніе эгоистическихъ чувствованій	245
XVII. Объ эстетическомъ чувствѣ и его воспитаніи: а) Элементы эстетическаго чувства; б) Его развитіе у дѣтей	254
XVIII. Общественныя чувствованія. Симпатія	274
XIX. Развитіе нравственныхъ чувствованій и ихъ воспитаніе: а) Періодъ преобладанія личныхъ интересовъ; б) Періодъ преобладанія общественныхъ интересовъ.	281
XX. О религіозныхъ чувствованіяхъ и ихъ воспитаніи	306
XXI. О волѣ и ея воспитаніи. Элементарная воля	317
XXII. Воля, какъ сочетаніе различныхъ душевныхъ явленій. Развитіе воли въ періодъ дѣтства	326
XXIII. Развитіе воли въ періодъ юности	339
XXIV. Главнѣйшія теоріи о природѣ воли	353
XXV. О типахъ души	363
XXVI. Существенныя черты психическаго развитія дитяти въ 1, 2, 3 и 4 годы жизни	389
XXVII. Наблюденія надъ развитіемъ рѣчи и мышленія у дѣтей	415
XXVIII. О развитіи запоминанія и творчества у дѣтей	448
XXIX. Дѣтская религія	467
XXX. Недостатки дѣтской воли	480

I.

О воспріятіи и наблюденіи.

Душевная жизнь человѣка начинается состояніемъ, близкимъ къ хаотическому, она слагается изъ разрозненныхъ, непріятныхъ и пріятныхъ, возбужденій органическаго характера: голода, жажды, тепла, холода, движеній, утомленія, покоя. Эти душевныя состоянія суть психическій отзвукъ главнѣйшихъ жизненныхъ процессовъ тѣла: безъ послѣднихъ живой человѣческій организмъ невозможенъ, а съ ними неизбѣжны, нераздѣльны и ихъ психическіе отзвуки. Перечисленныя душевныя состоянія разрознены, обособлены одно отъ другого, потому что мозгъ новорожденнаго еще не сформировался, не закончилъ своего развитія, центры нервной системы дѣйствуютъ весьма несовершенно, обособленіе сѣраго вещества мозга отъ бѣлаго недостаточно, соединительныхъ волоконъ между существующими центрами еще нѣтъ. Человѣческій мозгъ при развитіи человѣка далеко не такъ готовъ для настоящей полной дѣятельности, какъ болѣе простые по своему строенію мозги животныхъ. Двигательные и чувствительные нервы у новорожденнаго также не вполнѣ доразвиты,—въ нервныхъ волокнахъ недостаточно отложено нервной мякоти (міэлина) кругомъ осевыхъ цилиндровъ. А нервы тѣмъ лучше и совершеннѣе работаютъ, чѣмъ толще міэлиновый слой, окружающій осевые цилиндры. Самыя нервныя клѣтки появляются сперва безъ вѣтвей (дендритовъ) и пріобрѣтаютъ ихъ весьма медленно и постепенно. Протоплазма даетъ сначала отростокъ, который съ теченіемъ времени дѣлится, и въ концѣ концовъ появляется цѣлая масса тончайшихъ волоконъ, расходящихся по опредѣленнымъ направленіямъ. Способность воспринимать и передавать раздраженія и составляетъ дѣятельность этихъ вѣтвей и окончаній. Поэтому новорожденные первое время очень слабо видятъ; первые дни бываютъ почти глухи, ихъ кожная и обонятельная чувствительность тупа, и лишь основныя вкусовыя ощущенія являются болѣе опредѣленными.

Несовершенство строенія нервной системы новорожденныхъ, а вмѣстѣ и хаотичность испытываемыхъ ими возбужденій приводятъ нѣкоторыхъ изслѣдователей къ заключенію, что первое время

жизни дѣтей есть періодъ безсознательности, господства простыхъ и сложныхъ рефлексовъ. Говорятъ, что новорожденный, повидимому, ничего не видитъ, не слышитъ, не чувствуетъ, вообще лишенъ (по крайней мѣрѣ, въ первые часы и дни послѣ рожденія) какого бы то ни было сознанія. И если, тѣмъ не менѣе, онъ обнаруживаетъ тотчасъ же послѣ рожденія цѣлый рядъ разнообразныхъ движеній, то движенія эти слѣдуетъ признать чисто безсознательными. Напримѣръ, дитя кричитъ при рожденіине потому, чтобы ему было холодно или больно, а потому, что испытываемое имъ охлажденіе окружающей среды, грубое прикосновеніе рукъ и т. п. раздражаютъ его кожу, каковое раздраженіе передается центрамъ двигательныхъ и голосовыхъ органовъ и выражается крикомъ. Это сложный рефлексъ [1]).

Подобныя утвержденія не соотвѣтствуютъ фактамъ. Наблюденія надъ новорожденными свидѣтельствуютъ объ ихъ различной мимикѣ при пріятныхъ и непріятныхъ возбужденіяхъ: широкое раскрытіе глазъ, блескъ ихъ, негромкіе довольные звуки при насыщеніи и подобныхъ пріятныхъ состояніяхъ; сомкнутіе вѣкъ, закрываніе глазъ, рѣзкіе крики, общее безпокойство при голодѣ и другихъ непріятныхъ возбужденіяхъ. Мимика бываетъ всегда довольно опредѣленная, никогда не смѣшивается, т. е. никогда непріятное раздраженіе не выражается мимикой пріятнаго и наоборотъ. Затѣмъ, надъ новорожденными имѣются такія наблюденія: они пьютъ, на второй день по рожденіи, безъ колебанія коровье молоко, разбавленное водой, но на четвертый день уже не хотятъ принимать его, слѣдовательно распознаютъ качество молока. Таково наблюденіе Прейера надъ его сыномъ, сообщенное имъ въ его извѣстной книгѣ (Die Seele des Kindes).

Если подобные факты изъ дѣтской жизни признавать только сложными рефлексами, безъ всякаго участія сознанія, то не будетъ препятствій признавать сложнымъ лишь рефлексомъ вой собаки и ея бѣгство, послѣ удара ея палкой, т. е. признавать правильной теорію Декарта, что у животныхъ нѣтъ души, а что они суть сложныя машины, не чувствующія и не мыслящія. А если такъ, то и всѣ люди, кромѣ насъ самихъ, суть машины, потому что объ ихъ душевной жизни мы можемъ знать и судить лишь по ея выраженію, а выраженіе душевной жизни другихъ съ виду есть не что иное, какъ сложный рефлексъ. Слѣдовательно, душев-

[1]) А. Ф. Лазурскій. О развитіи воли и характера у дѣтей. Энциклоп. семейн. воспит. и обученія. Вып. LI, стр. 8, 9. Натанъ Оппенгеймъ, Развитіе ребенка, наслѣдственность и среда. Перев. подъ редакц. Игнатьева. Москва, 1913 г. Стр. 62, 68 и др.

ная жизнь останется только у насъ, самосознающихъ и себя непосредственно наблюдающихъ существъ,—теорія не особенно соблазнительная.

Дальнѣйшее развитіе душевной жизни человѣка совершается такимъ путемъ: однородныя душевныя состоянія, первоначально распадавшіяся только на пріятныя и непріятныя различной степени силы, начинаютъ опредѣляться ближе и частнѣе, съ развитіемъ нервной системы выясняются качественно различныя ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ и внутреннихъ жизненныхъ процессовъ нашего тѣла; эти ощущенія, сохраняя до извѣстной степени характеръ прежнихъ пріятныхъ и непріятныхъ состояній, съ теченіемъ времени пріобрѣтаютъ все больше и больше значеніе познавательное, объективное, особенно ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ; съ образованіемъ и постепеннымъ развитіемъ всѣхъ нервныхъ центровъ и связующихъ путей между ними, такъ называемыхъ ассоціонныхъ волоконъ, разрозненность первоначальныхъ душевныхъ состояній уменьшается, они вступаютъ въ связь между собою. Мало-по-малу образуются не только нервные центры, но и душевные, такія группы пережитыхъ душевныхъ состояній, которыя получаютъ нѣкоторую устойчивость и оказываютъ притягательное дѣйствіе на новыя душевныя явленія. Теперь переживаемое состояніе не существуетъ уже само по себѣ, внѣ связей и отношеній къ другимъ, теперь каждое ощущеніе и волненіе, лишь только возникло, сейчасъ же относится къ той или другой группѣ изъ прежде пережитыхъ душевныхъ состояній, наиболѣе близко подходящей, наиболѣе сходной съ испытываемымъ ощущеніемъ. Теперь мы не просто ощущаемъ пріятное состояніе при видѣ какой-либо бѣлой поверхности, а говоримъ, что это—бѣлый цвѣтъ, не пріятность отъ какого-то звука, а говоримъ, что слышимъ голосъ матери, не простое органическое безпокойство, а совершенно опредѣленное страданіе отъ голода. Разрозненныя, обособленныя ощущенія исчезаютъ навсегда, они, какъ только возникаютъ, сейчасъ же соединяются съ подобными прежде бывшими, они воспринимаются въ ихъ среду, сочетаются съ ними (апперцепируются) и являются представленіями. Этотъ процессъ воспріятія новаго въ старое, сочетанія сейчасъ переживаемаго съ прежде пережитымъ чрезвычайно важенъ, это одинъ изъ основныхъ, коренныхъ процессовъ нашей духовной жизни. Онъ же лежитъ въ основѣ и наблюдательности, составляетъ ея сущность, сердцевину. Поэтому мы остановимся на психологіи воспріятія.

Воспріятіе есть одинъ изъ процессовъ, наиболѣе часто встрѣчающихся въ нашей душевной жизни. Распознаваніе окружаю-

щаго есть воспріятіе. Мы признаемъ извѣстную мѣстность, улицу, домъ, квартиру, книгу, членовъ своего семейства и знакомыхъ безъ подробныхъ предварительныхъ изслѣдованій, быстро, почти мгновенно. Изъ всей совокупности признаковъ, представляемыхъ отдѣльными существами, вещами и явленіями, мы сейчасъ замѣчаемъ два—три и по нимъ отожествляемъ предметъ, т. е. сливаемъ сейчасъ полученное ощущеніе съ соотвѣтствующей группой уже существовавшихъ у насъ образовъ. Мы слушаемъ рѣчь, мы читаемъ книгу. Въ это время мы чрезвычайно быстро совершаемъ безчисленное множество воспріятій: каждый отдѣльный звукъ, каждая отдѣльная буква узнаются, т. е. отожествляются съ имѣющимися представленіями этого звука и этой буквы; тотъ же процессъ совершается и съ отдѣльными словами. Если рѣчь произносится быстро, а чтеніе идетъ спѣшно, то мы не каждое слово и тѣмъ болѣе, конечно, не каждый звукъ и не каждую букву воспринимаемъ отдѣльно; мы довольствуемся тогда прочтеніемъ или прослушаніемъ только части словъ предложенія и по нимъ догадываемся о смыслѣ цѣлаго предложенія. Непрочтенныя или непрослушанныя слова мы дополняемъ уже готовыми, имѣющимися у насъ въ умѣ, въ той группѣ или рядѣ словъ, съ которымъ мы сочетаемъ сейчасъ прочтенныя или прослушанныя. Тамъ, въ умѣ, существуетъ ихъ полный рядъ, а потому изъ сейчасъ слушаемой рѣчи мы беремъ только часть, потому что и по этой части мы хорошо понимаемъ цѣлое. Мы наблюдаемъ душевное состояніе другого лица. Понять душевную жизнь другого мы можемъ или изъ его словъ или изъ движеній, въ которыхъ душевная дѣятельность воплощается, изъ выраженія лица, глазъ и т. д. Наблюдая человѣка съ цѣлью ознакомиться съ его душевнымъ состояніемъ, мы, слѣдовательно, цѣлый рядъ ощущеній соединяемъ съ цѣлымъ рядомъ образовъ, т. е. постоянно говоримъ про себя' что такое-то выраженіе лица значитъ то-то, такое-то выраженіе глазъ соединяется съ такимъ душевнымъ настроеніемъ и т. д.

Но не только самые простые и обыденные процессы относятся къ разряду воспріятій, высшія и сложныя формы умственной дѣятельности до извѣстной степени представляютъ собой въ сущности осложненные типы воспріятія. Таковы научные эксперименты и научныя наблюденія, классификаціи, провѣрка научныхъ дедукцій, провѣрка типовъ художественнаго творчества, операціи научнаго метода вообще.

Научный экспериментъ, равно какъ и научное наблюденіе, непремѣнно предполагаетъ два акта: собственно наблюденіе извѣстнаго явленія и провѣрку этимъ наблюденіемъ имѣющихся пред-

ставленій и взглядовъ о явленіи. Научные эксперименты и наблюденія дѣлаются въ тѣхъ видахъ, чтобы рѣшить, правильно или ложно составленное представленіе о предметѣ, подтверждается оно наблюдаемыми въ немъ свойствами или нѣтъ. Конечно, такая дѣятельность предполагаетъ уже раннѣйшія работы по изученію изслѣдуемаго явленія. Но если мы возьмемъ самое первое наблюденіе предмета, когда еще о немъ не составлено никакого опредѣленнаго представленія, то и въ этомъ случаѣ процессъ существенно не измѣняется. Какъ скоро мы совершаемъ наблюденіе, то оно сейчасъ же вызываетъ дѣятельность центровъ, ряды болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ группъ представленій, образованныхъ прежде, и затѣмъ возникаетъ сочетаніе этихъ группъ съ получаемымъ ощущеніемъ.

Классификація представляетъ также форму воспріятія. Классифицировать значитъ какое либо явленіе относить къ соотвѣтствующей группѣ. Для этого, очевидно, необходимо наблюдать явленіе, изучать его свойства и отношенія и имѣть представленіе о различныхъ группахъ предметовъ, болѣе или менѣе сходныхъ съ изучаемымъ предметомъ, имѣть представленіе объ ихъ отличительныхъ чертахъ. Какъ скоро эти два условія на лицо, то и произойдетъ процессъ сліянія даннаго предмета съ наиболѣе соотвѣтствующей группой, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сравненія наблюдаемаго предмета со всѣми, въ большей или меньшей мѣрѣ, сходными группами. Это и будетъ классификація.

Провѣрка научныхъ дедукцій и типовъ художественнаго творчества совершается путемъ воспріятія. Ученый предлагаетъ намъ гипотезу для объясненія извѣстныхъ явленій, художникъ даетъ намъ типическое изображеніе нѣкотораго вида людей, направленія общественной дѣятельности. Правильна ли ученая гипотеза, правдивъ ли художественный типъ? Для рѣшенія такихъ вопросовъ мы должны произвести повѣрку, мы должны прикинуть или примѣрить на данные типъ и гипотезу цѣлый рядъ подходящихъ отдѣльныхъ явленій и смотрѣть, укладываются ли они въ данной мѣркѣ или нѣтъ. Если теорія хорошо объясняетъ извѣстныя явленія, а типъ хорошо выражаетъ извѣстныя направленія общественной жизни, то происходитъ сліяніе ряда отдѣльныхъ фактовъ съ гипотезой или типомъ, гипотеза превращается въ научную теорію или законъ, а типъ становится нарицательнымъ именемъ выраженныхъ въ немъ фактовъ; если же нѣтъ, то они разъединяются, гипотеза и типъ отбрасываются, какъ ложные, и остаются только одни отдѣльные факты, ожидая новаго объясненія въ видѣ новой гипотезы или новаго типа.

Наконецъ, истинно научный методъ предполагаетъ процессъ воспріятія. Научный методъ не есть ни дедукція, ни индукція, но сочетаніе той и другой въ одинъ сложный методъ. Моменты такого метода можно указать слѣдующіе: индуктивное изслѣдованіе, лежащее въ основѣ всего процесса; дедуктивный выводъ на основаніи индуктивныхъ данныхъ; провѣрка дедукціи наблюденіемъ, опытомъ или достовѣрнымъ свидѣтельствомъ. Каждый изъ поименованныхъ трехъ моментовъ вполнѣ необходимъ въ истинно научномъ методѣ, а методъ въ такомъ видѣ, на первой и третьей ступени своего развитія, неизбѣжно включаетъ въ себя и процессъ воспріятія, хотя кромѣ воспріятія здѣсь совершаются и другіе процессы.

Скорость совершенія процесса воспріятія бываетъ различна, то весьма значительна, то незначительна. Причины, отъ которыхъ зависитъ различіе въ быстротѣ воспріятія, заключаются въ большей или меньшей степени знакомства съ воспринимаемымъ предметомъ и въ степени сложности процесса воспріятія. Чѣмъ знакомѣе воспринимаемый предметъ, тѣмъ быстрѣе и вѣрнѣе происходитъ сліяніе сейчасъ получаемыхъ ощущеній съ прежними сходными представленіями, пока дѣло не дойдетъ до полной механичности отожествленія или непосредственности наблюденія; чѣмъ менѣе знакомъ намъ предметъ, тѣмъ медленнѣе и труднѣе совершается его воспріятіе. Читая, мы какъ будто совсѣмъ не уподобляемъ встрѣчающіяся буквы прежде нами видѣннымъ, да и заняты собственно не разсматриваніемъ буквъ, а вниканіемъ въ смыслъ читаемаго. Но на самомъ дѣлѣ разсматриваніе буквъ совершается, совершается и отожествленіе ихъ, иначе невозможно было бы и самое чтеніе, только процессъ, вслѣдствіе привычки, совершается очень быстро, нерѣдко съ значительнымъ пропускомъ буквъ и даже цѣлыхъ словъ, каковые пропуски пополняются имѣющимися наготовѣ ассоціаціями. Учащійся читать отожествляетъ буквы очень медленно и очень часто неправильно, вслѣдствіе чего и ошибается въ чтеніи. Встрѣчаясь съ знакомымъ каждый день, мы не думаемъ задаваться вопросомъ: да это лицо дѣйствительно ли есть нашъ знакомый? Но не видавъ этого знакомаго нѣсколько лѣтъ и снова встрѣтившись съ нимъ, мы иногда замѣчаемъ: да онъ ли это? Онъ такъ измѣнился, что его трудно узнать. Въ одномъ случаѣ отожествленіе совершается легко и быстро, въ другомъ съ препятствіями и медленно.

Другая причина, отъ которой зависитъ быстрота воспріятія, есть большая или меньшая сложность процесса воспріятія. Воспріятіе можетъ имѣть различную степень сложности, отъ дѣятель-

ности сравнительно простой и нетрудной оно можетъ подниматься до процесса весьма запутаннаго и многосложнаго, включающаго въ себя и собственно ощущенія и высшія формы умственной жизни. Сложность процесса воспріятія можетъ обусловиться двумя обстоятельствами: или тѣми ощущеніями, которыя классифируются въ воспріятіи, или тѣми группами образовъ, къ которымъ надобно отнести соотвѣтствующее ощущеніе. Воспринимаемое ощущеніе можетъ быть единичнымъ или можетъ представлять цѣлый рядъ ощущеній. Мы разсматриваемъ, напр., розовый цвѣтъ какой либо ткани и отожествляемъ этотъ цвѣтъ съ прежде полученными ощущеніями такого же цвѣта. Въ данномъ случаѣ воспринимаемое ощущеніе единично и времени на воспріятіе ощущенія тратится немного. Мы приглядываемся къ довольно обширной мѣстности, въ которую мы попали случайно, сбившись съ пути. Были мы когда либо здѣсь или нѣтъ? И вотъ мы приглядываемся, есть ли здѣсь вправо маленькая рѣчка, дѣлающая довольно крутые повороты, недалеко отъ одного изъ ея поворотовъ есть ли небольшой холмъ, покрытый мелкимъ кустарникомъ, влѣво—есть ли полуразвалившаяся хижина и т. д. Въ этомъ второмъ случаѣ воспринимаемыя ощущенія составляютъ цѣлый рядъ и, очевидно, воспріятіе ихъ потребуетъ большаго количества времени, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Воспринимаемое ощущеніе можетъ замедлять процессъ воспріятія еще и тѣмъ, что тѣ признаки, по которымъ узнается ощущеніе, могутъ быть измѣнчивыми, то появляться, то исчезать, то обнаруживаться въ большей мѣрѣ, то въ меньшей. Съ подобными условіями приходится очень часто встрѣчаться ученому экспериментатору, вслѣдствіе чего точная экспериментація и представляетъ значительныя трудности.

Что касается тѣхъ группъ представленій, въ которыя мы воспринимаемъ извѣстное ощущеніе, то и онѣ могутъ имѣть весьма различную степень сложности. При воспріятіи наша задача можетъ состоять въ томъ, чтобы отнести какой либо предметъ къ какой либо очень широкой группѣ предметовъ, къ большому классу вещей, имѣющему, на основаніи логическихъ законовъ, немного чертъ въ своемъ содержаніи и потому допускающему ошибку и затрудненіе только въ рѣдкихъ случаяхъ; или же задача состоитъ въ томъ, чтобы отнести вещь къ какому либо виду, частной группѣ вещей, имѣющей въ своемъ содержаніи много чертъ и потому представляющей значительныя затрудненія процессу воспріятія. Большая разница отвѣтить на вопросъ: это животное собака или не собака?—отнести вещь къ обширной

группѣ вещей—или: это животное пудель или не пудель?—отнести вещь къ меньшей группѣ, съ большимъ содержаніемъ. Точно также: этотъ человѣкъ европеецъ или не европеецъ? французъ или не французъ?

Въ воспріятіи ощущенія и прежній душевный опытъ вступаютъ во взаимоотношеніе. Что же каждое изъ нихъ выигрываетъ отъ такого взаимоотношенія, какимъ измѣненіямъ подвергается? Разсмотримъ прежде всего, какъ измѣняется ощущеніе въ воспріятіи.

Ощущеніе въ воспріятіи дополняется. Каждый изъ окружающихъ насъ предметовъ, каждое явленіе представляетъ совокупность множества признаковъ, неопредѣленнаго ихъ числа. Но признавая окружающее, мы довольствуемся въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюденіемъ одного, двухъ признаковъ и по нимъ сливаемъ ощущеніе съ цѣлою совокупностью признаковъ. Глядя на различныя постройки, мы говоримъ: это—церковь, это—дворецъ, это—тюрьма, это—школа. Съ каждымъ изъ перечисленныхъ названій мы соединяемъ массу различныхъ признаковъ, различныхъ представленій, каждое изъ перечисленныхъ словъ предполагаетъ богатое содержаніе. А что мы видимъ, что ощущаемъ? Мы видимъ только цвѣтъ, форму и величину какихъ-то зданій и больше ничего. Цвѣтъ, форма и величина ихъ различны, но въ этой разности нѣтъ никакого другаго содержанія, никакихъ другихъ признаковъ. А между тѣмъ, называя одно зданіе—церковью, другое—дворцемъ, третье—тюрьмой и т. д., мы мыслимъ не только цвѣтъ, форму и величину зданія, но и множество другихъ признаковъ, осязательныхъ, мускульныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, десять, двадцать, можетъ быть, болѣе. Откуда же берутся эти добавочные признаки? Изъ соотвѣтствующихъ группъ образовъ раньше нами сформированныхъ, къ которымъ мы пріурочиваемъ данныя ощущенія. Давъ своимъ скуднымъ зрительнымъ ощущеніямъ такое названіе, мы воспринимаемъ ихъ сейчасъ же въ соотвѣтствующія группы ранѣе созданныхъ образовъ, и, вслѣдствіе этого, восполняемъ ихъ прежде извѣстными намъ чертами, прибавляемъ имъ содержанія въ десять, въ двадцать, можетъ быть, во сто разъ больше, чѣмъ сколько сейчасъ замѣчаемъ въ нихъ. Было бы въ высшей степени вредно для нашего развитія, если бы мы каждый предметъ вынуждены были переизслѣдовать цѣликомъ при каждомъ новомъ воспріятіи его, это чрезвычайно замедлило бы наше развитіе. Въ разговорѣ, въ чтеніи, въ наблюденіи, особенно совершаемыхъ бѣгло, поспѣшно, торопливо, мы довольствуемся замѣчаніемъ небольшей части признаковъ пред-

мета, а остальную, большую, часть дополняемъ отъ себя. Даже когда намъ сообщаютъ что либо новое, то и новое мы усвояемъ и восполняемъ съ помощію стараго и старымъ. Когда намъ описываютъ новое животное или растеніе, то мы сейчасъ же умственно сопоставляемъ его съ прежде намъ извѣстными и находимъ черты сходства и различія. Наблюдая, учась, воспринимая новыя впечатлѣнія, мы не столько новымъ пополняемъ старое, сколько, наоборотъ, старымъ дополняемъ новое, старыя впечатлѣнія даютъ гораздо больше новому впечатлѣнію, чѣмъ сколько сами берутъ отъ него. И такое взаимоотношеніе между старыми и новыми впечатлѣніями совершенно необходимо. Прежнія представленія заключаютъ въ себѣ всю сумму опыта, и представленія пространства и времени, и массу конкретныхъ представленій, и разнообразныя идеи, новое же ощущеніе есть только капля, которая, соединяясь съ прежнимъ опытомъ, и тонетъ въ этомъ морѣ, конечно, сама давая нѣчто морю.

Извѣстный нѣмецкій психологъ и лингвистъ Лацарусъ разсказалъ о себѣ, что ему приходилось разсматривать, въ теченіе нѣкотораго времени, очень пристально простыми глазами различныя мелкія начертанія и тонкія ткани, искусственныя и природныя. Изображеніе, пріобрѣтенное такимъ путемъ, было весьма опредѣленно. Затѣмъ, онъ разсматривалъ тотъ же самый предметъ въ микроскопъ и открывалъ въ тканяхъ многія новыя черты, которыхъ дотолѣ не видѣлъ. Если, потомъ, онъ опять смотрѣлъ на предметъ простымъ глазомъ, то замѣчалъ и тѣ черты, которыя прежде не были видны простымъ глазомъ, а были узнаны только съ помощью микроскопа. Очевидно, возникшій вновь, съ помощью микроскопа, воспринимающій зрительный центръ сдѣлалъ наблюденіе простымъ глазомъ болѣе тонкимъ. Подобныхъ фактовъ мы имѣемъ много о различнаго рода спеціалистахъ, тупыхъ ко всѣмъ впечатлѣніямъ, не касающимся спеціальнаго предмета ихъ занятій, и тонко и отчетливо наблюдающихъ и воспринимающихъ предметы своей спеціальности. Извѣстно, напримѣръ, что нерѣдко музыканты, почти совершенно оглохнувъ, будучи не въ состояніи понимать разговоръ другихъ даже при сильномъ крикѣ, хорошо слышатъ самый тихій музыкальный тонъ. Итакъ, воспріятіе есть часто врагъ точнаго, безпристрастнаго наблюденія, но нерѣдко и помогаетъ наблюденію, изощряетъ нашу спеціальную воспріимчивость сообразно съ тѣмъ или другимъ воспринимающимъ центромъ; значитъ, нужно умѣть ею пользоваться при наблюденіи.

Ощущеніе въ воспріятіи исправляется. Когда мы читаемъ

книгу, напечатанную неправильно, то при чтеніи мы исправляемъ опечатки, произносимъ слова правильно, иногда же вовсе и не замѣчаемъ опечатокъ. Очевидно, такое исправленіе опечатокъ совершается въ силу прежнихъ многочисленныхъ правильныхъ воспріятій словъ. Стоя на одномъ концѣ длинной и прямой улицы или аллеи, мы видимъ, какъ дома или деревья противоположнаго конца все ближе и ближе сходятся между собою и, наконецъ, вмѣсто двухъ параллельныхъ рядовъ, образуютъ одинъ рядъ. Но мы, наученные опытомъ, знаемъ, что это только намъ кажется, что на самомъ дѣлѣ ряды домовъ или деревьевъ остаются и на противоположномъ концѣ столь же далекими другъ отъ друга, какъ и на томъ, на которомъ мы стоимъ. И если бы на самомъ дѣлѣ оказалось, что тамъ, далеко отъ насъ, деревья или дома дѣйствительно сошлись, то мы этому очень удивились бы. Въ безводныхъ пустыняхъ и степяхъ утомленные путники иногда недалеко отъ себя видятъ большія озера, рѣки и на ихъ берегахъ цвѣтущіе города. Но опытные путешественники не обманываются этими видѣніями, они знаютъ, что и вода и города только кажущіеся, а не дѣйствительные.

Какимъ измѣненіямъ подвергается въ воспріятіяхъ прежній душевный опытъ? Съ нимъ въ процессѣ воспріятія совершается тоже самое, что и съ ощущеніями, т. е. онъ дополняется и исправляется.

Наши представленія объ окружающихъ насъ явленіяхъ складываются постепенно, очень часто бываетъ, что наше знаніе какого либо предмета расширяется въ теченіе всей нашей жизни. Какимъ образомъ происходитъ расширеніе нашихъ знаній? Чрезъ наростаніе матеріала, относящагося къ сферѣ извѣстнаго предмета, черезъ увеличеніе наблюденій, экспериментовъ, чрезъ полученіе вообще новыхъ ощущеній. Выше мы назвали отдѣльное новое ощущеніе, присоединяющееся ко всей совокупности прежняго опыта, каплей, тонущей въ морѣ. Но нужно помнить, что безчисленное множество капель, соединяясь между собою, можетъ образовать море. Капли—ощущенія, приливающія постоянно въ одномъ направленіи, могутъ значительно измѣнить, наконецъ, море опыта. По пословицѣ, и капля, падая постоянно, долбитъ камень. Конечно, мы можемъ расширять свои знанія и такимъ путемъ, что постараемся изъ собраннаго уже матеріала извлечь всѣ возможныя слѣдствія, сдѣлать всѣ выводы, которыхъ прежде мы не дѣлали, не смотря на то, что владѣли тѣмъ же матеріаломъ. Но такое, чисто логическое, расширеніе нашего знанія, взятое въ своемъ чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси новаго матеріала въ видѣ

новыхъ ощущеній, очень ограничено по своему объему. Новый выводъ дѣлается обыкновенно тогда, когда къ прежнему матеріалу присоединяется нѣчто новое, хотя бы и не очень значительное само по себѣ. Да и на самый выводъ мы обыкновенно наталкиваемся какимъ либо наблюденіемъ, которое можетъ и не представляться особенно новымъ, но почему нибудь поразило насъ, дало толчекъ нашей мысли и вмѣстѣ новый оборотъ нашимъ идеямъ, новую группировку. Говорятъ, что Ньютонъ пришелъ къ мысли о всемірномъ тяготѣніи, глядя на падающее съ яблони яблоко. Не въ первый разъ, конечно, онъ видѣлъ это явленіе, оно было ему хорошо знакомо раньше, но тѣмъ не менѣе толчекъ, приведшій мысль Ньютона къ закону всемірнаго тяготѣнія, былъ данъ наблюденіемъ явленія, хотя бы и знакомаго. Но пусть мыслитель, путемъ чисто логическаго разсужденія, пришелъ къ новымъ выводамъ изъ матеріала, которымъ онъ владѣлъ давно; выводы надобно провѣрить, справедливы ли они, сообразны ли съ фактами. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, наши знанія настоящимъ, твердымъ образомъ расширятся только тогда, когда къ имѣющемуся запасу присоединятся ощущенія или новыя или если и прежнія, то провѣренныя, тщательныя, вполнѣ сообразныя съ извѣстными началами.

Одновременно съ расширеніемъ прежняго знанія происходитъ и исправленіе его. Въ нашихъ первоначальныхъ представленіяхъ о вещахъ бываетъ очень много несоотвѣтствующаго самимъ вещамъ, первоначальное міровоззрѣніе есть міровоззрѣніе фантастическое или миѳологическое. Мы приходимъ къ болѣе правильному взгляду на вещи только путемъ непрерывной поправки: получая постоянно новыя впечатлѣнія отъ вещей, мы и волей и неволей сравниваемъ эти ощущенія съ имѣющимися представленіями о вещахъ и, замѣчая недостаточность своихъ представленій, исправляемъ ихъ, согласно съ новымъ опытомъ. Процессъ поправки тянется всю жизнь, мыслящій старикъ найдетъ въ своихъ представленіяхъ много такого, что требовало бы капитальной поправки. Непрерывно исправлять ошибки своихъ представленій, постоянно работать надъ своимъ умственнымъ самоусовершенствованіемъ— одна изъ существенныхъ задачъ нашей умственной дѣятельности. Человѣкъ, пришедшій къ сознанію, что его свѣдѣнія и достаточно полны и достаточно правильны, такъ что не нуждаются ни въ расширеніи, ни въ исправленіи, такой человѣкъ умственно уже омертвѣлъ и долженъ быть вычеркнутъ изъ списка лицъ, живущихъ умственною жизнью.

Итакъ воспріятіе такой процессъ, въ которомъ всѣ элементы умственнаго развитія вступаютъ въ живой и плодотворный союзъ

для созданія болѣе высокихъ и твердо обоснованныхъ результатовъ умственнаго труда, въ которомъ разнообразныя данныя взаимно дополняются и контролируются, вслѣдствіе чего умственная жизнь и достигаетъ возможнаго для нея расцвѣта.

Процессъ воспріятія можетъ совершаться правильно и неправильно. Если настоящее ощущеніе сливается съ той группой образовъ, къ которой оно дѣйствительно принадлежитъ, то воспріятіе совершилось вполнѣ правильно; но, по разнымъ причинамъ, ощущеніе можетъ слиться не съ той группой образовъ, къ которой принадлежитъ, а съ какой либо другой, болѣе или менѣе ему соотвѣтствующей, и тогда произойдетъ неправильное воспріятіе. Неправильное воспріятіе есть иллюзія.

Часто на иллюзіи смотрятъ какъ на явленія болѣзненныя, не нормальныя, и относятъ ихъ къ области патологіи. Но нѣтъ ничего болѣе обычнаго и распространеннаго въ нашей душевной жизни, какъ иллюзія, и въ тоже время вполнѣ естественнаго и нормальнаго. Мы постоянно подвергаемся иллюзіямъ, каждую минуту живемъ среди иллюзій и избавиться отъ нихъ не имѣемъ возможности. Когда мы одного человѣка принимаемъ за другого, знакомое мѣсто за незнакомое и наоборотъ, сѣрый цвѣтъ за бѣлый, лицемѣріе за искренность и т. д., мы подвергаемся иллюзіямъ.

Причины и виды иллюзій различны. Такъ какъ воспріятіе слагается изъ двухъ моментовъ: ощущенія и прежняго опыта, то и причины иллюзій могутъ лежать или въ ощущеніяхъ или въ прежнемъ опытѣ. Разсмотримъ, какимъ образомъ ощущенія могутъ порождать иллюзіи и какимъ образомъ прежній опытъ.

Характеръ ощущенія опредѣляется характеромъ внѣшняго возбужденія и качествомъ воспринимающаго возбужденіе органа. Причина иллюзіи и можетъ корениться въ этихъ двухъ обстоятельствахъ.

Внѣшнее раздраженіе очень часто бываетъ слабымъ, что затрудняетъ правильное воспріятіе его. Мы слышимъ звукъ, который доносится къ намъ издалека. По слабости звука, мы не можемъ опредѣлить, кѣмъ издается этотъ звукъ, живымъ существомъ или инструментомъ, выражаетъ онъ отчаяніе или радость. Мы выбираемъ одно изъ предположеній, по нашему мнѣнію, наиболѣе сообразное съ фактомъ и нерѣдко жестоко ошибаемся. Мы видимъ вдали или въ полумракѣ какой либо предметъ, очертаній котораго не можемъ хорошо разсмотрѣть; мы предполагаемъ, что видимъ такой то предметъ, кошку, а на дѣлѣ оказывается совершенно другой, собака. Поэтому органы, получающіе наиболѣе

сильныя и отчетливыя впечатлѣнія, служатъ рѣже источникомъ иллюзій, чѣмъ органы, получающіе возбужденія обыкновенно слабыя и не вполнѣ раздѣльныя. Запахи гораздо легче и чаще неправильно воспринимаются, чѣмъ цвѣта.

Впечатлѣніе можетъ отличаться большою сложностью, такъ что характерность составляющихъ его элементовъ можетъ скрываться, распознаваніе ихъ затрудняется, вслѣдствіе чего и воспріятіе часто бываетъ неправильнымъ. Мы видимъ предъ собой двухъ человѣкъ, о которыхъ намъ сказано, что одинъ изъ нихъ французъ, а другой нѣмецъ. Спрашивается теперь: который же изъ нихъ нѣмецъ и который французъ? Признаковъ, характеризующихъ каждый типъ, такъ много, они такъ перепутываются между собою и, сочетаясь въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, такъ сглаживаются, что трудно вполнѣ рѣшительно отвѣтить на вопросъ.

Искуснымъ подборомъ различныхъ впечатлѣній пользуются въ художествахъ, чтобы вызвать въ зрителяхъ нужную иллюзію, подборомъ цвѣтовъ, тѣней, соразмѣрностью разстоянія, надлежащимъ освѣщеніемъ, постановкой и т. д. Таковы живопись и декоративное искусство, заставляющія насъ видѣть тѣла тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ существуютъ только плоскости, различно раскрашенныя.

Причина иллюзіи можетъ корениться въ органѣ, подвергающемся дѣйствію впечатлѣнія. Наши органы владѣютъ чувствительностью въ опредѣленныхъ границахъ. Какъ скоро эти границы нарушаются, впечатлѣніе оказывается или слишкомъ слабымъ или слишкомъ сильнымъ, и оно сейчасъ же воспринимается неправильно. Къ такимъ особеннымъ случаямъ мы прилагаемъ свои обычныя нормы, вслѣдствіе чего и выходитъ ошибка. Напримѣръ, въ опредѣленныхъ частяхъ тѣла отъ двухъ ножекъ циркуля, раздвинутыхъ на опредѣленное разстояніе, получается, вслѣдствіе ограниченности чувствительности нашей кожи, одно впечатлѣніе; если рядомъ поставлены двѣ поверхности: свѣтлая и темная, то свѣтлая неизбѣжно будетъ казаться свѣтлѣе, чѣмъ какова она есть на самомъ дѣлѣ; вслѣдствіе ограниченной чувствительности нашего глаза, мы не замѣчаемъ въ здоровомъ глазѣ, такъ называемыхъ, „летающихъ мухъ“, двойныхъ изображеній при обыкновенномъ смотрѣніи двумя глазами и т. д. Всѣ подобныя иллюзіи могутъ быть названы иллюзіями не въ собственномъ смыслѣ, потому что онѣ возникаютъ вслѣдствіе основного устройства нашего организма и побороть эти иллюзіи мы не въ силахъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и про всѣ случаи локализаціи ощущеній. Ощущенія совершаются въ центрахъ нервной системы, а мы обыкно-

венно выносимъ ихъ на периферіи тѣла и здѣсь локализируемъ. Иначе поступать мы не можемъ, это иллюзія непреодолимая, обусловленная строеніемъ нашего организма.

Часто причиной иллюзіи служитъ измѣнчивость чувствительности нашихъ органовъ, ихъ особенная тупость или острота, при различныхъ положеніяхъ. Если, напримѣръ, мы одну руку погрузимъ въ холодную воду, а другую — въ горячую и затѣмъ обѣ въ тепловатую, то одна и та же вода одновременно будетъ казаться и теплой и холодной. Въ различныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ часто встрѣчаются и повышеніе и пониженіе чувствительности, которыя продолжаются иногда довольно значительное время и такимъ образомъ составляютъ въ нѣкоторой степени уже постоянное свойство нашего организма. Таковы гиперестезія (повышенная чувствительность) и анестезія (подавленная чувствительность).

Формы душевной жизни, развившіяся изъ ощущеній, также часто служатъ источникомъ иллюзій. Въ нихъ, какъ источники иллюзій, мы можемъ отличать болѣе или менѣе постоянныя настроенія и быстро измѣняющіяся состоянія.

Къ числу устойчивыхъ источниковъ иллюзій въ психологическомъ отношеніи нужно отнести постоянный складъ мысли и занятій и господствующія чувствованія. Если человѣкъ постоянно занимается однимъ какимъ либо спеціальнымъ предметомъ, то естественно, что въ его сознаніи неизмѣнно присутствуютъ группы представленій только извѣстнаго рода. Эти представленія и стремятся сочетаться съ каждымъ новымъ ощущеніемъ. Поэтому каждый спеціалистъ смотритъ на всѣ явленія съ своей особой точки зрѣнія, воспринимаетъ ощущенія только въ опредѣленные круги представленій. Покажите одну и ту же вещь ботанику, зоологу, живописцу, ремесленнику, торговцу и каждый выскажетъ о вещи что либо свое, особенное, свойственное обычному кругу его представленій и интересовъ. А это и будетъ значить, что каждый изъ нихъ сочеталъ полученное ощущеніе съ специфической группой образовъ. Отсюда до настоящей иллюзіи одинъ шагъ. По разсказу Гельвеція, приводимому Кантомъ, одна дама смотрѣла въ телескопъ на луну и увидала тамъ тѣни двухъ влюбленныхъ. Священникъ, который смотрѣлъ вслѣдъ за ней, сказалъ: „нѣтъ, madame, это не влюбленные, а двѣ башни на одномъ соборѣ“ [1]). Постоянное опредѣленное настроеніе чувства даетъ тотъ же результатъ: человѣкъ боязливый во всемъ видитъ страшное, пессимистъ дурное, человѣкъ веселый и легкомысленный никакъ не

[1]) Kant, Anthropologie, erster Theil, стр. 31.

можетъ отнестись къ серьезной вещи надлежащимъ образомъ и т. д. Во время пожара въ хрустальномъ дворцѣ, въ Лондонѣ, зимой 1866—1867 гг., когда всѣ животныя были уничтожены огнемъ, составилось почему-то мнѣніе, что шимпанзе успѣлъ убѣжать изъ своей клѣтки. Въ этомъ убѣжденіи глаза всѣхъ обратились къ крышѣ, и всѣ увидѣли несчастное животное, прижавшееся къ ней и дѣлавшее отчаянныя усилія, чтобы взобраться на одну изъ желѣзныхъ перекладинъ. Нечего и говорить, что за нимъ слѣдили съ живѣйшимъ участіемъ и даже „замираніемъ сердца", какъ сообщали газеты. На самомъ же дѣлѣ оказалось, однако, что никакого шимпанзе здѣсь не было, и что предметомъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ былъ изорванный кусокъ парусины, лохмотья котораго расположились такъ, что воспроизводили, для настроеннаго воображенія, туловище, ноги и руки обезьяны [2]). Вліяніе устойчиваго настроенія мысли и чувства на возникновеніе иллюзій прекрасно изображено Сервантесомъ въ Донъ Кихотѣ. Донъ Кихотъ, начитавшійся рыцарскихъ романовъ, образовалъ въ себѣ прочный строй мысли и чувства въ духѣ рыцарства и въ это своеобразное міровоззрѣніе воспринималъ всѣ, даже самыя обыденныя, впечатлѣнія, вслѣдствіе чего и получалась масса курьезныхъ иллюзій: деревню онъ принималъ за замокъ, мельницу за великановъ, стадо барановъ за рыцарей, съ которыми и вступалъ въ бой, не смотря на то, что его оруженосецъ кричалъ ему: „клянусь Богомъ! Вы, ваша милость, нападаете на барановъ".

Летучія, быстро проходящія, психическія состоянія также часто могутъ служить причиной иллюзій, какъ, напримѣръ, волненія страха, ожиданія, подозрительность, простая разсѣянность и невнимательность, соединяющіяся съ отсутствіемъ точнаго наблюденія предмета, причемъ одинаковое настроеніе многихъ лицъ можетъ вызвать одинаковую иллюзію. Лацарусъ (въ Журналѣ народной психологіи и лингвистики, V т.) приводитъ слѣдующій разсказъ англійскаго писателя Мура: весь экипажъ одного корабля однажды ночью былъ испуганъ привидѣніемъ повара, незадолго передъ тѣмъ умершаго. Всѣ ясно видѣли, какъ онъ шелъ по водѣ, прихрамывая особеннымъ образомъ, отличавшимъ его всегда, такъ какъ у него одна нога была короче другой. Поваръ, узнанный такимъ образомъ всѣми, на разсвѣтѣ оказался обломкомъ стараго разбитаго корабля. Очевидно, впечатлѣніе недавней смерти повара и покачиванье обломка на волнахъ, нѣсколько напоминавшее хромоту повара, вызвало эту иллюзію. Болѣе быстро измѣняющіяся

[2]) Карпентеръ. Основ. физіологія ума. Т. I, стр. 179.

психическія состоянія могутъ вызвать иллюзію. Когда мы смотримъ на облака, лунныя пятна, отдаленныя скалы съ цѣлью отыскать въ нихъ какой либо образъ, какую либо форму, то въ одинъ моментъ мы видимъ одинъ образъ, въ другой—другой, а тамъ третій, четвертый и т. д. Въ той мѣрѣ, какъ измѣняются въ нашемъ сознаніи представленія, измѣняется и форма облаковъ, лунныхъ пятенъ, скалъ. Мечта, капризъ имѣетъ въ возникновеніи такихъ иллюзій большое значеніе.

Особенно большое значеніе для возникновенія иллюзій имѣетъ чувствованіе ожиданія. Подъ вліяніемъ ожиданія каждому приходится пережить тысячи иллюзій. Ожиданіе въ томъ и состоитъ, что у насъ въ сознаніи имѣется вполнѣ наготовѣ опредѣленное представленіе или группа представленій и мы знаемъ, что скоро, можетъ быть сейчасъ, мы испытаемъ такое ощущеніе, которое однородно съ представленіемъ и потому должно съ нимъ слиться. Естественно, что въ каждомъ ощущеніи, получаемомъ въ это время, мы видимъ ожидаемое, и такъ какъ въ ощущеніи легко можетъ быть нѣчто, дѣйствительно сходное съ имѣющимся наготовѣ въ сознаніи представленіемъ, то актъ сліянія и происходитъ, вслѣдствіе чего и возникаетъ иллюзія.

Если предложить кому нибудь сначала взглянуть на два предмета не одинаковой величины, но равнаго вѣса, а затѣмъ попросить его путемъ поднятія опредѣлить, который изъ нихъ тяжелѣе, то обыкновенно переоцѣнивается тотъ предметъ, который больше, такъ какъ большая величина побуждаетъ ожидать и большаго вѣса.—Производился такого рода опытъ: подбрасывали мячъ 3 или 4 раза, а затѣмъ дѣлали видъ, будто его подбросили еще разъ. Изъ 165 дѣтей, присутствовавшихъ при этомъ опытѣ, 78 отвѣтили, что они видѣли, какъ мячъ поднялся кверху и исчезъ. Бинэ и Анри давали испытуемымъ лицамъ нѣсколько бутылокъ и увѣряли, что бутылки пахнутъ чуть-чуть розами, ванилью и. т. д., а затѣмъ предлагали опредѣлить ихъ запахъ. На самомъ дѣлѣ, запахъ былъ только у одной бутылки, но изъ восьми лицъ только одно не поддалось вліянію внушенія 1).

Въ иллюзіи и вообще въ воспріятіи присутствуютъ оба элемента, необходимые для совершенія процесса: переживаемыя сейчасъ ощущенія и прежній душевный опытъ. Но степень участія этихъ элементовъ бываетъ очень различна. Вообще можно сказать, что чѣмъ меньше участвуетъ въ воспріятіи ощущеніе, тѣмъ легче оно можетъ сдѣлаться неправильнымъ, т. е. иллюзіей, и чѣмъ

---

1) Джемсъ Селли, Педагогическая Психологія. Москва 1912 г. Стр. 174.

значительнѣе роль ощущенія, тѣмъ вѣроятнѣе правильный процессъ воспріятія. Въ иллюзіи ощущеніе часто участвуетъ въ незначительной мѣрѣ, такъ что большая часть всего процесса падаетъ на долю прежняго опыта. Въ той мѣрѣ, какъ участіе ощущенія въ иллюзіи становится все меньше и меньше, иллюзія все больше и больше приближается къ галлюцинаціи и, наконецъ, сливается съ нею. Обыкновенно между иллюзіей и галлюцинаціей полагается такое различіе: иллюзія есть неправильное воспріятіе дѣйствительно существующаго внѣшняго возбужденія, въ галлюцинаціи же никакого внѣшняго возбужденія не существуетъ и психическое явленіе сполна создается нами самими. Такое различеніе иллюзіи и галлюцинаціи повидимому хорошо, такъ какъ очень ясно. Но оно далеко не вполнѣ отвѣчаетъ фактамъ и, можно сказать, неправильно по существу. Строго разграничивать иллюзію и галлюцинацію невозможно, это явленія смежныя, соприкасающіяся непосредственно переходящія одно въ другое. Галлюцинація есть та же самая иллюзія, только на высшей степени развитія. Въ каждой галлюцинаціи есть предварительное нервное возбужденіе и оно тѣмъ отличается отъ нервнаго возбужденія при иллюзіи, что не столь опредѣленно, болѣе общаго характера и можетъ быть получено не сейчасъ, а за много времени ранѣе. Несомнѣнно, что истощеніе организма болѣзнью, нарушенія обычнаго порядка жизни въ связи съ большими волненіями и потрясеніями могутъ вызывать и дѣйствительно вызываютъ галлюцинаціи. Здѣсь, такимъ образомъ, внѣшнее возбужденіе и, слѣдовательно, ощущеніе несомнѣнно присутствуютъ; но это возбужденіе могло быть получено не сейчасъ, а значительное количество времени тому назадъ, и оно было не спеціальнымъ возбужденіемъ, предопредѣлявшимъ вотъ именно такую иллюзію, а не другую, но общимъ, дававшимъ просто толчекъ дѣятельности центровъ. Воспріятіе же возбужденія въ ту или другую форму зависѣло уже собственно отъ идей, бывшихъ въ данный моментъ въ сознаніи. Одинъ человѣкъ былъ боленъ холерой, а потомъ выздоровѣлъ. Выздоровленіе не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ, кромѣ появленія призраковъ около трехъ футовъ вышиной, одѣтыхъ въ жакетки и панталоны цвѣта зеленаго гороха. По мѣрѣ выздоровленія, призраки являлись уже рѣже и уменьшались въ своей величинѣ, такъ что съ теченіемъ времени сдѣлались не больше пальца, а, наконецъ, и совсѣмъ исчезли [1]). Несомнѣнно, что галлюцинація возникла вслѣдствіе истощенія и возбужденія организма холерой. Но почему это возбужденіе отлилось въ такую смѣш-

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, 1, 59.

ную форму—какихъ-то лиллипутовъ въ одеждѣ гороховаго цвѣта, объясненіе этого надобно искать въ психическомъ строѣ мысли и чувства галлюцината во время болѣзни и выздоровленія. И въ тѣхъ галлюцинаціяхъ, которыя не вызваны, повидимому, ничѣмъ внѣшнимъ, которыя чисто центральнаго и психическаго характера, мы всегда можемъ предполагать внѣшнее возбужденіе, можетъ быть, давнее, но еще сохраняющееся и дѣйствующее именно на центры, а не на периферіи.

Какъ на обычный примѣръ такихъ иллюзій—галлюцинацій, въ которыхъ роль ощущенія сравнительно ничтожна и почти весь процессъ падаетъ на долю представленій, мы можемъ указать на сновидѣнія. Начинаются они несомнѣнно отъ дѣйствій предметовъ на остающіеся открытыми во снѣ органы внѣшнихъ чувствъ, отъ дѣйствій жизненныхъ процессовъ нашего тѣла и отъ сохраняющихся въ центрахъ нервной системы дневныхъ возбужденій. Но эти возбужденія суть только первые толчки; какъ скоро толчекъ данъ, то уже представленія сами развертываются въ широкія, разнообразныя, блестящія картины, въ которыхъ часто совсѣмъ нѣтъ и помину о первомъ толчкѣ, давшемъ поводъ къ ихъ возникновенію. Поэтому сновидѣнія, по крайней мѣрѣ очень многія, наиболѣе далеко отошедшія отъ первоначальныхъ возбужденій, послужившихъ имъ исходной точкой, правильнѣе называть галлюцинаціями, чѣмъ иллюзіями.

Галлюцинаціи часто имѣютъ своимъ источникомъ сильное утомленіе или болѣзнь какого либо отдѣльнаго органа. Самый простой примѣръ галлюцинацій этого типа представляютъ микроскописты. Лица, которыя много работаютъ съ микроскопомъ, нерѣдко видятъ, спустя нѣсколько часовъ и даже дней по окончаніи работы, тотъ предметъ, который они изслѣдовали. Одинъ господинъ, наклонивъ слегка голову, однажды внимательно разсматривалъ небольшую гравюру дѣвы Маріи съ младенцемъ Іисусомъ. Поднявъ голову, онъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда замѣтилъ, на краю комнаты, фигуру женщины натуральной величины съ ребенкомъ на рукахъ. Послѣ того, какъ прошло первое чувство удивленія, онъ постарался отыскать источникъ галлюцинаціи и скоро замѣтилъ, что фигура вполнѣ соотвѣтствовала тому, что онъ видѣлъ на гравюрѣ. Видѣніе продолжалось двѣ минуты (Тэнъ).

Подобныя галлюцинаціи можно бываетъ наблюдать не только въ сферѣ зрѣнія, но и въ сферѣ другихъ чувствъ. Послѣ продолжительнаго путешествія по желѣзной дорогѣ, по прибытіи домой, вдали отъ всякихъ желѣзныхъ дорогъ, нерѣдко совершенно

явственно слышится шумъ желѣзнодорожнаго поѣзда. Одинъ молодой человѣкъ говорилъ Гризингеру, что онъ чувствовалъ, какъ ему въ горло влѣзалъ шершавый и щетинистый дьяволъ; другой больной затыкалъ на ночь обѣ ноздри, потому что ему въ носъ вползали ядовитые черви. Нѣкоторые больные чувствуютъ постоянно какой либо отвратительный запахъ—сѣры, падали, горящихъ углей, думаютъ, что ихъ хотятъ отравить и т. п.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ мы находимъ наличность болѣе или менѣе сильнаго раздраженія какого либо органа продолжительной или усиленной работой, болѣзнью и т. п. и раздраженное состояніе нервнаго центра, облекающаго возбужденіе периферическаго органа въ опредѣленную психическую форму, въ красочный образъ.

Вообще надобно имѣть въ виду, что полная нормальность нашей психической жизни обусловливается равновѣсіемъ ощущеній и образовъ. Какъ скоро послѣдніе получаютъ перевѣсъ, возникаютъ иллюзіи и галлюцинаціи. Представленія, идеи суть тѣ же ощущенія, только видоизмѣненныя; они признаются нами явленіями субъективными только до тѣхъ поръ, пока у насъ на лицо. есть явленія болѣе объективнаго характера, именно ощущенія. На ряду съ ощущеніями представленія блѣдны, слабы, субъективны, но преградите приливъ ощущеній, оставьте въ сознаніи одни идеи и представленія безъ сравненія съ ощущеніями, и эти образы какъ видоизмѣненныя ощущенія, сейчасъ примутъ характеръ послѣднихъ, покажутся объективными. Передъ сномъ, когда ощущенія постепенно ослабѣваютъ и замедляются, представленія становятся все ярче и живѣе и въ сновидѣніяхъ превращаются въ настоящія ощущенія. Пробуждаемся мы, начинается приливъ ощущеній и вотъ представленія все дальше и дальше отступаютъ отъ насъ, становятся все блѣднѣе, субъективнѣе. Непосредственно по пробужденіи мы еще какъ будто видимъ сонъ, онъ для насъ еще дѣйствительность, мы отъ него не освободились; но настоящія ощущенія быстро пересиливаютъ образы, отодвигаютъ ихъ на второй планъ, и обычная бодрственная жизнь, съ равновѣсіемъ и нѣкоторымъ даже преобладаніемъ ощущеній надъ представленіями и идеями, начинается.

Можно искусственно приводить себя въ такое состояніе, въ которомъ образы будутъ преобладать надъ ощущеніями и въ результатѣ получатся цѣлые ряды иллюзій и галлюцинацій. Значительный пріемъ спиртныхъ напитковъ, гашишъ и т. п. вещества даютъ представленіямъ особенную легкость и грандіозные размѣры, притупляя въ то же время нашу чувствительность

къ ощущеніямъ. Гипнотическое состояніе съ психологической стороны въ существѣ дѣла представляетъ тоже явленіе—оцѣпѣненіе органовъ внѣшнихъ чувствъ, прекращеніе чувствительности кожи, перерывъ ощущеній, вслѣдствіе чего каждая внушаемая субъекту идея, каждый образъ занимаетъ мѣсто ощущенія, объективируется. Получается такимъ образомъ галлюцинація. Подвергните галлюцината холодному душу, громкому шуму, словомъ заставьте испытать острое рѣзкое ощущеніе и галлюцинація исчезнетъ. Настоящее ощущеніе возьметъ верхъ надъ образомъ и отодвинетъ его на второй планъ. Вотъ почему уединеніе, молчаніе, темнота, недостатокъ вниманія, всѣ обстоятельства, ослабляющія ощущенія, облегчаютъ или вызываютъ галлюцинацію. Если подойти къ больному, страдающему галлюцинаціями слуха, и заговорить съ нимъ такъ, чтобы привлечь его вниманіе, то можно убѣдиться, что его невидимые собесѣдники молчатъ, пока продолжается разговоръ. Одинъ больной переставалъ подвергаться галлюцинаціямъ, когда его переводили въ другую залу и къ другимъ сосѣдямъ. Но это прекращеніе галлюцинацій продолжалось лишь нѣсколько дней, пока были новы и остры ощущенія; какъ же скоро больной привыкалъ къ новымъ условіямъ, среди которыхъ находился, онъ опять впадалъ въ свои ложныя воспріятія. Такихъ фактовъ замѣчено много [1]).

II.

О воспитаніи наблюдательности.

Наблюденіе есть, до извѣстной степени, процессъ воспріятія. Что такое наблюденіе, изъ какихъ элементовъ оно слагается?

Наблюденіе есть изслѣдованіе явленія посредствомъ органовъ внѣшнихъ чувствъ съ какою либо опредѣленною цѣлью. Изъ этого опредѣленія видно, что наблюденіе отличается, съ одной стороны, отъ ощущеній, а съ другой—отъ отвлеченнаго разсужденія.

Если мы отдаемся потоку ощущеній, являемся пассивными, плывемъ туда, куда несетъ насъ теченіе ощущеній, то, несмотря на множество и разнообразіе яркихъ и сильныхъ ощущеній, мы не наблюдатели, а простые ощущатели. У насъ нѣтъ никакихъ цѣлей, мы ничего не ищемъ, ничего не ждемъ, мы чувствительное зеркало, отражающее всю среду, отзывающееся на впечатлѣнія удовольствіемъ или скукой—и болѣе ничего. Когда путешественникъ ѣдетъ въ чужіе края не затѣмъ, чтобы что либо узнать,

[1]) См. Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, т. I, стр. 57—58.

изучить, съ чѣмъ либо опредѣленнымъ познакомиться, а просто для удовольствія, ради отдыха, которому собственно все равно, куда бы не ѣхать, лишь бы не было очень скучно, тогда онъ можетъ много ощущать, много видѣть, слышать, со многими людьми познакомиться, быть свидѣтелемъ любопытныхъ происшествій, но онъ не будетъ наблюдателемъ: его органы внѣшнихъ чувствъ открыты, въ нихъ вливаются цѣлыя рѣки новыхъ впечатлѣній, но его умъ закрытъ, у него цѣлей нѣтъ. Есть впечатлѣніе—хорошо, нѣтъ его, тоже хорошо, онъ его не искалъ. Наблюденіе есть не первичная, а вторичная, производная, душевная дѣятельность, вполнѣ активная, а не пассивная, предполагающая способность и желаніе ставить цѣли, искать чего-то, расцѣнивать и объединять ощущенія. Человѣкъ съ способностію наблюденія владѣетъ настойчивостью въ работѣ, продолжительно разсматриваетъ самые простые и невзрачные предметы, пытается открыть въ нихъ характерные основные признаки. Онъ наблюдаетъ предметы со всѣхъ сторонъ и до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ ясна соотносительность частей предмета и цѣнность его различныхъ свойствъ. Дѣтство есть время по преимуществу ощущеній, а не наблюденій, для послѣднихъ требуется нѣкоторая развитость, пробужденіе различныхъ интересовъ, психическій опыть, вслѣдствіе чего настоящее наблюденіе есть по преимуществу достояніе дальнѣйшихъ возрастовъ, хотя, конечно, въ извѣстной степени, и дѣтство не чуждо наблюденіямъ.

По экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, способность точнаго наблюденія увеличивается съ возрастомъ, наиболѣе ошибочныя наблюденія—это дѣтей младшаго возраста. По школьнымъ классамъ о/о правильныхъ показаній растетъ съ возрастомъ въ такомъ порядкѣ: въ младшихъ классахъ онъ равняется—50о/о, въ среднихъ—61о/о, въ старшихъ—81о/о [1]).

Наблюденіе не есть и отвлеченное разсужденіе, это такая умственная дѣятельность, которая совершается при непрерывномъ пособіи органовъ внѣшнихъ чувствъ. Въ наблюденіи сливаются въ одно цѣлое и дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ и умственная цѣль, руководящая внѣшними чувствами, приводящая ихъ въ то или другое положеніе. Такимъ образомъ, по своему типу наблюденіе подходитъ къ процессу воспріятія, какъ это было уже указано, но отличается отъ него сложностью своей умственной

[1]). Эрнстъ Мейманъ, Экономія и техника памяти. Пер. Н. Самсонова. Москва, 1913. Стр. 80; Штернъ, Воспоминанія, показанія и ложь въ раннемъ дѣтствѣ. Спб. 1911. Стр. 113—114.

стороны. Наблюденіе есть осложненное воспріятіе, въ которомъ, какъ и въ другихъ, ранѣе указанныхъ, формахъ, теоретическіе элементы значительно развиты. Въ то время, какъ въ простомъ чистомъ воспріятіи происходитъ непосредственное сліяніе новаго, сейчасъ переживаемаго, душевнаго опыта съ прежнимъ, въ наблюденіи это объединеніе новаго со старымъ происходитъ болѣе сложнымъ порядкомъ, при наличности лишь извѣстныхъ условій, именно: 1) постановки совершенно опредѣленной цѣли для наблюденія, безъ чего наблюденіе превратится въ простое ощущеніе; 2) намѣреннаго сосредоточенія вниманія на предметѣ наблюденія, что въ свою очередь предполагаетъ: устраненіе постороннихъ предмету наблюденія, развлекающихъ, впечатлѣній, и держаніе въ умѣ наготовѣ соотвѣтствующаго круга представленій и знаній, въ среду которыхъ должно войти новое наблюденіе, и 3) умѣнья отличать важное и существенное, характерное и нужное для поставленной цѣли, отъ мелочного и случайнаго въ наблюдаемомъ явленіи, только затемняющаго, а не разъясняющаго поставленную цѣль. Такимъ образомъ, въ наблюденіи объединеніе новаго опыта со старымъ совершается болѣе или менѣе медленно, соединяется съ расцѣнкой свойствъ наблюдаемаго явленія и сопоставленіемъ этихъ свойствъ съ намѣченною цѣлью, гипотезой, взглядомъ и т. п. Но по своей сущности наблюденіе относится къ типу процессовъ воспріятія. Отсюда понятно, что знакомство педагога съ процессомъ воспріятія должно обратить его вниманіе на воспитаніе способности правильнаго и точнаго наблюденія.

Такъ какъ надлежащее наблюденіе предполагаетъ правильную дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ и ума, то и воспитаніе наблюдательности предполагаетъ заботы о развитіи органовъ внѣшнихъ чувствъ и нѣкоторыхъ сторонъ умственныхъ процессовъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что отчетливость и ясность наблюденій, а равно ихъ количество, зависятъ, прежде всего, отъ силы и развитія органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Человѣкъ близорукій, или вообще имѣющій слабый органъ зрѣнія, конечно, не можетъ получать такихъ отчетливыхъ зрительныхъ ощущеній и въ такомъ количествѣ, какъ человѣкъ съ совершенно здоровыми и хорошо развитыми глазами. Тѣ несчастные, у которыхъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, недоставало нѣсколькихъ внѣшнихъ чувствъ, какъ Лаура Бриджманъ, Максъ-Ноакъ, Елена Келлеръ, несмотря на весьма заботливое воспитаніе и уходъ, не могли сравняться по развитости своей психической жизни съ людьми, не получившими тщательнаго воспитанія, но

владѣвшими всѣми органами внѣшнихъ чувствъ. Съ другой стороны, между геніями, великими и замѣчательными людьми, не было глухонѣмыхъ или слѣпыхъ отъ рожденія.

Кромѣ этого общаго значенія хорошо развитыхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ для наблюденій и психической жизни, слѣдуетъ обратить вниманіе на спеціальное значеніе ихъ въ различныхъ отрасляхъ труда. Многія ремесла требуютъ хорошо развитыхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, и нерѣдко главнѣйшее условіе для того, чтобы сдѣлаться мастеромъ въ извѣстной отрасли труда, заключается въ тонко развитомъ глазѣ, ухѣ, въ надлежащей чувствительности мускульнаго чувства и т. п. Для художниковъ хорошій глазъ, вѣрный слухъ, твердая искусная рука (для ваятелей) необходимы. Для людей науки, занимающихся идеями, вращающихся постоянно въ сферѣ отвлеченной мысли,—и для нихъ нерѣдко весьма важно имѣть хорошо развитые органы внѣшнихъ чувствъ. Прежде всего, всѣ естественныя науки требуютъ способности хорошо наблюдать; а эта способность немыслима безъ хорошихъ органовъ зрѣнія, слуха и т. д. Но не только естественныя науки предполагаютъ эту способность. То же можно сказать и про всѣ другія науки. Въ основѣ каждой науки лежатъ опредѣленные факты и явленія, которые необходимо изучать, сравнивать, т. е. наблюдать, если мы хотимъ изучать науку съ самаго начала. Такъ, напр., для психолога хорошій глазъ, хорошее ухо, которые давали бы ему возможность наблюдать отраженія психической жизни во внѣ, существенно важны. Итакъ, въ видахъ хорошаго развитія всей психической жизни, а не только наблюденій, мы должны обратить вниманіе на воспитаніе органовъ внѣшнихъ чувствъ.

Но необходимо ли спеціальное воспитаніе органовъ внѣшнихъ чувствъ? Не достаточно ли того развитія ихъ, какое обыкновенно бываетъ результатомъ жизненныхъ вліяній? Если же кому, вслѣдствіе его особенныхъ спеціальныхъ занятій, потребуется особенная развитость того или другого внѣшняго чувства, то это не указываетъ на необходимость воспитанія извѣстнаго органа для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ.

Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ указать на крайне недостаточное развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ въ настоящее время. Каждому извѣстно, какъ рѣдко можно встрѣтить въ настоящее время человѣка, владѣющаго всѣми органами, хорошо развитыми, и какъ много, наоборотъ, людей, у которыхъ слабъ тотъ или другой органъ. Даже такой, весьма важный для развитія психической жизни, органъ, какъ зрѣніе, обыкновенно бываетъ развитъ очень недостаточно. Наблюденія, производившіяся одно время въ Эдин-

бургѣ, дали поразительныя цифры въ этомъ отношеніи. Оказалось, что на каждые 18 человѣкъ приходится одинъ, не умѣющій отличать какого либо цвѣта. Изъ 1,154 лицъ разныхъ сословій, надъ которыми производились наблюденія, оказалось: 1 изъ 60 смѣшивалъ коричневый цвѣтъ съ зеленымъ, 1 изъ 55 смѣшивалъ красный цвѣтъ съ зеленымъ и 1 изъ 46 не отличалъ голубаго цвѣта отъ зеленаго. Нечего и говорить о тѣхъ, которые смѣшивали различные оттѣнки цвѣтовъ, ихъ было болѣе $^3/_4$ всѣхъ лицъ, надъ которыми производились наблюденія. По наблюденіямъ доктора Эрисмана надъ учащимися въ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ, почти 15% всѣхъ учениковъ лишены нормальной остроты зрѣнія. Докторъ Эрисманъ приписываетъ этотъ печальный фактъ вредному вліянію школъ на зрѣніе. Что наши школы устроены въ этомъ отношеніи далеко неудовлетворительно, это, конечно, безспорный фактъ. Но не однѣ школы виноваты въ этомъ, виновато также первоначальное воспитаніе, которое не сообщаетъ органамъ надлежащей крѣпости и силы, вслѣдствіе чего они легко уступаютъ неблагопріятнымъ вліяніямъ школы. Уже въ первыхъ классахъ учебныхъ заведеній оказывается значительное количество воспитанниковъ и воспитанницъ съ ненормальнымъ зрѣніемъ.

Но заботами о силѣ и крѣпости органовъ внѣшнихъ чувствъ, о предохраненіи ихъ отъ вредныхъ вліяній не исчерпывается педагогическая задача ихъ воспитанія. Это только основаніе дальнѣйшаго ихъ развитія, ближайшая цѣль. Нужно учить дѣтей не только хорошо видѣть, слышать и т. п., но и хорошо замѣчать видѣнное и слышанное. Нужно учить ихъ сосредоточивать вниманіе на разсматриваемомъ и слушаемомъ, отличать главное и существенное отъ второстепеннаго и частнаго, учить хорошо усвоять и прочно удерживать воспринятое чувствами, такъ чтобы ребенокъ въ каждый данный моментъ времени готовъ былъ воспользоваться своими наблюденіями. Если мы не будемъ преслѣдовать этихъ интеллектуальныхъ цѣлей при упражненіи чувствъ, то къ чему же послужатъ намъ развитыя чувства? Мы развиваемъ чувства, заботимся объ ихъ воспитаніи ради высшей цѣли—психическаго развитія человѣка, для поднятія уровня его умственной жизни, а не развиваемъ ихъ ради нихъ самихъ. Извѣстно, что необычайная острота органовъ внѣшнихъ чувствъ можетъ соединяться съ самымъ низкимъ духовнымъ развитіемъ. Такъ, напримѣръ, бывали идіоты, которые различали породы деревьевъ и камней только при помощи обонянія, не прибѣгая для этого къ чувству зрѣнія. Среди африканскихъ бушменовъ, дикарей съ весьма низкимъ

развитіемъ, встрѣчаются отдѣльныя лица, обладающія чрезвычайно хорошо развитымъ слухомъ и обоняніемъ. Слѣпой негръ Томъ, почти идіотъ, обладалъ не только тонкимъ слухомъ, но и необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ, приводившимъ въ восторгъ толпы. Словомъ, недостатокъ интеллектуальнаго воспитанія органовъ внѣшнихъ чувствъ, здоровыхъ и нормальныхъ, даже и у образованныхъ людей, встрѣчается очень часто и сопровождается затрудненіями въ ходѣ умственнаго развитія, въ умѣньи наблюдать извѣстныя явленія и судить о нихъ.

Фребель разсказываетъ о себѣ, что когда онъ въ 1799 году слушалъ лекціи по минералогіи въ іенскомъ университетѣ, то, не смотря на всю его любовь къ этому предмету, его успѣхи не соотвѣтствовали его ожиданіямъ. „Самое сильное напряженіе глаза, говоритъ онъ, не дѣлало меня видящимъ такъ ясно и такъ опредѣленно, какъ это было необходимо". Извѣстный историкъ педагогики Раумеръ говоритъ, что между его учениками по минералогіи были такіе, которые имѣли вполнѣ здоровые глаза и были способны отличать самыя малыя вещи, и которые, однако, были не въ состояніи усваивать формы, выдѣлять однородное изъ разнороднаго, коротко—которые имѣли глаза и не видѣли. Наоборотъ, были другіе, имѣвшіе слабые глаза, которые были какъ будто слѣпы, когда имъ приходилось разсматривать маленькіе кристаллы, но которые большіе кристалы понимали во всей ихъ красотѣ, слѣдили за нѣжнѣйшими переходами красокъ. Я знаю—продолжаетъ Раумеръ—(2 т. его „Исторіи педагогики" въ статьѣ о воспитаніи чувствъ), одного чрезвычайно близорукаго молодого человѣка, который имѣлъ, однако, весьма большой даръ для пониманія и оцѣнки достоинства картинъ. Нерѣдко можно встрѣтить, наоборотъ, людей съ хорошими глазами, которые равнодушно проходятъ мимо великолѣпнѣйшихъ статуй, картинъ, церквей, какъ будто вещей самыхъ обыкновенныхъ. Есть люди, имѣющіе очень тонкій и острый слухъ и не имѣющіе ни малѣйшаго чувства и вкуса для музыки; настройщики роялей и фортепіанъ могутъ прекрасно настраивать инструментъ и въ то же время, при большой тонкости слуха, имѣть такой недостатокъ въ его интеллектуальномъ развитіи, чтобы восхищаться самой ординарной музыкой.

Такимъ образомъ, педагогическая задача при воспитаніи органовъ внѣшнихъ чувствъ распадается на двѣ частныя цѣли: физіологическій уходъ за органомъ, забота о его крѣпости и силѣ, устраненіе вредныхъ вліяній для его развитія, и интеллектуальное воспитаніе органа, пріученіе схватывать въ наблюдаемомъ

существенныя черты, выдѣлять однородное изъ разнороднаго, разлагать сложныя формы на простыя, прочно усвоять, легко и вѣрно воспроизводить. Очевидно, первая цѣль есть болѣе ранняя и первоначальная задача, чѣмъ вторая. Достиженіе ея служитъ основой для второй. Впрочемъ строго разграничивать, раздѣлять эти двѣ цѣли воспитанія органовъ внѣшнихъ чувствъ нельзя. Онѣ тѣсно связаны между собою.

Самая первая забота при воспитаніи внѣшнихъ чувствъ ребенка должна состоять въ устраненіи неблагопріятныхъ вліяній, которыя могутъ вредить здоровому и успѣшному развитію органа. Такъ какъ въ первые дни и даже недѣли по рожденіи ребенокъ очень много спитъ, просыпается почти за тѣмъ только, чтобы ѣсть, то, очевидно, въ эти первыя недѣли забота воспитателя и можетъ ограничиваться только этими предохранительными мѣрами. Для глаза ребенка онѣ будутъ состоять въ заботѣ о чистотѣ и свѣжести воздуха дѣтской, такъ какъ пыль, дымъ и вообще нечистота воздуха вредятъ глазамъ; въ заботѣ о чистотѣ самаго глаза, для чего глаза ребенка должны быть промываемы свѣжей водой; въ предохраненіи глаза отъ сильныхъ раздраженій солнечнымъ свѣтомъ, свѣтомъ топящейся печки, камина, лампы; въ предохраненіи отъ быстрыхъ переходовъ отъ темноты къ свѣту и т. п. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ начинаетъ меньше спать, чаще открывать глаза и наслаждаться свѣтомъ, воспитатель долженъ постепенно вводить упражненія для дѣятельнаго (активнаго) развитія органа и не ограничиваться однѣми предохранительными мѣрами. Самое простое зрительное ощущеніе—это ощущеніе свѣта, навыкъ отличать освѣщенную поверхность отъ неосвѣщенной, свѣтъ отъ тьмы. Въ этомъ ощущеніи и нужно практиковать ребенка. За новорожденнымъ ребенкомъ, еще до истеченія перваго дня, можно бываетъ замѣтить такое явленіе: лицо его, обращенное къ окну, неожиданно измѣняется, если ему чѣмъ нибудь загородить глаза. Свѣтовыя ощущенія умѣренной силы доставляютъ ребенку удовольствіе, такъ что, если его голову отклоняютъ отъ источника свѣта, то онъ кричитъ и становится печаленъ, во время же свѣтового ощущенія его лицо имѣетъ довольное выраженіе. На шестой и седьмой день онъ самъ начинаетъ искать свѣта и поворачиваетъ голову къ окошку, если ее повернули въ другую сторону. При обращеніи къ окошку его лицо имѣетъ выраженіе довольства. Неожиданный, рѣзкій или быстро смѣняющійся ослѣпительный свѣтъ наиболѣе чувствительныхъ дѣтей приводитъ въ безпокойство и даже заставляетъ кричать.

Дальнѣйшія упражненія глаза ребенка будутъ заключаться

въ воспріятіи различныхъ цвѣтовъ. Начало различенія ихъ ребенкомъ опредѣлить довольно трудно. Въ концѣ перваго мѣсяца и началѣ второго замѣчаютъ надъ дѣтьми, что они улыбаются при взглядѣ на различно окрашенные предметы. Предметами упражненій могутъ быть: цвѣтные мячики (фребелевскіе), цвѣтныя бумажныя полоски и различно окрашенные деревянные овалы. Всѣ эти предметы слѣдуетъ давать дѣтямъ играть, подбирать ихъ по цвѣтамъ и съ началомъ рѣчи ассоціировать названіе съ цвѣтомъ. Когда ребенокъ начнетъ говорить, тогда можно предлагать ему задачи: найти мячикъ такого-то цвѣта, сопоставить съ нимъ такой-то овалъ и т. д. Лучше всѣхъ дѣтьми различаются цвѣта желтый и красный, хуже всѣхъ зеленый и синій. Точныя наблюденія (Прейера) надъ однимъ ребенкомъ дали слѣдующіе частные результаты: синій цвѣтъ обыкновенно перемѣшивался съ фіолетовымъ, съ зеленымъ, всѣ блѣдныя краски перемѣшивались съ сѣрой, всѣ темныя съ черной. Выраженія: свѣтлый и темный по отношенію къ названіямъ красокъ ребенокъ усвоить не могъ. Когда ребенку предоставляли свободно вынимать изъ ящика различные цвѣтные овалы, то онъ старательно розыскивалъ красные и желтые и почти каждый разъ называлъ ихъ правильно, синихъ же и зеленыхъ избѣгалъ и называлъ ихъ неправильно. Вообще болѣе свѣтлые овалы отыскивалъ ранѣе темныхъ. Перерывъ этихъ упражненій на два мѣсяца повлекъ за собой, при возобновленіи опытовъ, плохое различеніе цвѣтовъ, большую невѣрность, чѣмъ какая замѣчалась прежде, даже красный овалъ былъ названъ ошибочно подрядъ два раза. Синій цвѣтъ перемѣшивался съ зеленымъ даже на 4 году. Наблюденія другихъ изслѣдователей надъ распознаваніемъ цвѣтовъ въ общемъ согласны съ опытами Прейера. Съ дальнѣйшимъ возрастомъ ребенка упражненія по части различенія цвѣтовъ можно усложнить: изъ цвѣтныхъ игрушекъ можно строить что либо изящное, подбирать цвѣта въ извѣстномъ симметрическомъ порядкѣ, дать краски и заставлять раскрашивать извѣстнымъ образомъ чертежи и т. д.

Для пріученія къ распознаванію формъ можно пользоваться прежними мячиками и овалами и, кромѣ того, можно сдѣлать изъ дерева другія простѣйшія геометрическія фигуры: треугольникъ, квадратъ, параллелограмъ, осьмиугольникъ. Такія же фигуры можно вырѣзывать изъ бумаги и давать дѣтямъ играть. Съ началомъ рѣчи нужно позаботиться о твердой ассоціаціи правильнаго названія съ извѣстной формой. Какъ скоро ребенокъ ознакомится съ этими формами, то весьма важнымъ и полезнымъ упражненіемъ будетъ разрѣшеніе задачи: отыскать извѣстную форму въ предметахъ окружающей обстановки.

Въ томъ же родѣ могутъ быть организованы и другія упражненія для развитія зрѣнія: можно брать дощечки различной длины и опредѣлять ихъ длину по глазомѣру, при чемъ каждое опредѣленіе сейчасъ же провѣрять. То же можно дѣлать и съ окружающими предметами съ различныхъ разстояній; ставить игрушки въ различномъ направленіи и опредѣлять это направленіе; совершать ими различныя движенія и отличать одно движеніе отъ другого; тѣ же упражненія повторять на дѣйствительныхъ предметахъ и т. д. Мы указываемъ сначала упражненія на игрушкахъ, а потомъ на окружающихъ предметахъ, потому что игрушки и не такъ громоздки, какъ окружающіе предметы, и не такъ сложны, вслѣдствіе чего упражненія съ ними даютъ возможность болѣе отчетливаго и удобнаго воспріятія.

Первоначальныя заботы о развитіи органа слуха, какъ и глаза, должны заключаться въ гигіеническомъ уходѣ за органомъ, въ попеченіи о его цѣлости и чистотѣ. Органу слуха могутъ вредить приливы крови къ головѣ, вслѣдствіе, напримѣръ, продолжительнаго наклоннаго положенія головы, простуда, вода, попадающая въ уши при неосторожномъ купаніи, нечистота слухового прохода, очень сильныя раздраженія и пр. Активныя упражненія органа слуха заключаются, прежде всего, въ разговорѣ, въ болтовнѣ матери съ своимъ ребенкомъ. Можно поставить общимъ правиломъ, чтобы мать ничего не дѣлала съ ребенкомъ молча. Моетъ ли она его, перемѣняетъ на немъ бѣлье, или просто играетъ съ нимъ— каждое дѣйствіе, каждое движеніе она должна сопровождать словами, разговоромъ съ своимъ малюткой. Правда, малютка не будетъ отвѣчать ей на ея болтовню, даже не будетъ понимать ея болтовни. Но смущаться этимъ не слѣдуетъ. Болтовня матери съ ребенкомъ тѣмъ важна, что она служитъ къ возбужденію и укрѣпленію слухового органа и къ развитію вниманія у ребенка. Если мать часто говоритъ съ своимъ ребенкомъ, то чрезъ это она постоянно возбуждаетъ и практикуетъ его слуховой органъ и поддерживаетъ его психическую дѣятельность. Ребенокъ не лежитъ совершенно безъ дѣла, безъ всякихъ возбужденій отъ внѣшнихъ предметовъ, его вниманіе сосредоточивается на получаемыхъ имъ слуховыхъ ощущеніяхъ. Вслѣдствіе этого ребенокъ съ первыхъ дней жизни научается постоянно наблюдать, вслушиваться, а не пребывать въ какомъ то дремотномъ состояніи.

Ребенку въ жизни придется слушать не одни только членораздѣльные звуки. Звуки не членораздѣльные образуютъ собою не менѣе важный и обширный классъ слуховыхъ ощущеній. Поэтому упражненія органа слуха ребенка не могутъ ограничиться

одними членораздѣльными звуками, къ нимъ должны присоединиться упражненія и въ звукахъ не членораздѣльныхъ. Для этого нужно пользоваться тѣми случаями, которые представятся, обращать, напр., вниманіе ребенка, какой звукъ бываетъ при паденіи стекла, металла, камня, дерева, прислушиваться къ чиканью часовъ, ихъ бою, звону колокола, шелесту бумаги, звуку, возникающему при переливаніи воды и пр. Можно для этого пользоваться нарочно приготовленными кружками изъ различныхъ металловъ, различной величины и толщины. Эти кружки нужно бросать предъ глазами ребенка на столъ и давать ему возможность наблюдать звуки, ихъ различную высоту, силу и качество, зависящія отъ величины кружка, качества матеріала и высоты паденія. Когда ребенокъ подростетъ, тогда можно будетъ заставлять его отгадывать по звуку матеріалъ кружка и опредѣлять его величину. Само собой разумѣется, что съ этою же цѣлью можно пользоваться различными монетами, медалями и другими металлическими вещами. Въ то же время нужно пріучать ухо ребенка къ отчетливому усвоенію звуковъ, издаваемыхъ живыми существами природы. Пусть ребенокъ прислушивается къ пѣнію пѣтуха, лаю собаки, мяуканью кошки, чириканью птицъ, кудахтанью куръ и пр. Нисколько не будетъ лишнимъ, если мать или воспитательница, болтая съ своимъ ребенкомъ, при случаѣ, будетъ воспроизводить тѣ звуки, которые ребенокъ слышалъ, будетъ подражать своимъ голосомъ голосу различныхъ животныхъ и звукамъ, издаваемымъ различными тѣлами природы. Звуки, издаваемые животными, очень нравятся дѣтямъ, и они любятъ подражать имъ.

Дальнѣйшимъ упражненіемъ для слуха ребенка будутъ служить тѣ пѣсенки, которыя обыкновенно матери и няни напѣваютъ дѣтямъ, забавляя ихъ. Пѣсенки, очевидно, представляютъ болѣе серьезное и трудное упражненіе для уха ребенка, чѣмъ простая болтовня, или звуки животныхъ и различныхъ тѣлъ природы, потому что въ пѣсню входятъ музыкальные элементы. Въ три четверти года, по наблюденію Сигизмунда, дѣти при звукахъ музыки часто подпрыгиваютъ и стараются подражать такту ритмическими движеніями. Въ этихъ же видахъ полезно играть при дѣтяхъ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ. Знаменитые музыканты—Моцартъ, Бетховенъ и др.—рано наслаждались музыкальными звуками и рано развили свой слуховой органъ къ воспріятію гармоніи тоновъ. Пріученіе ребенка пѣть также полезно для развитія слуха. Въ настоящее время существуетъ довольно сборниковъ пѣсенъ для дѣтей и каждая мать можетъ выбрать отсюда подходящій матеріалъ для занятій съ своимъ ребенкомъ. Пѣніе же, значительно

способствуя развитію слуха, благотворно, кромѣ того, и во многихъ другихъ отношеніяхъ, особенно для развитія чувства и эстетическаго вкуса.

Подъ вліяніемъ этихъ разнообразныхъ упражненій ухо ребенка мало по малу разовьется для отчетливаго воспріятія слуховыхъ раздраженій, откуда бы они ни исходили, такъ какъ ухо ребенка было уже практикуемо во всѣхъ классахъ слуховыхъ ощущеній. Послѣ этого можно будетъ приступить и къ высшей практикѣ органа—узнаванью по звуку направленія и разстоянія звучащаго предмета и его качествъ. Для этого нужно вызывать звукъ такимъ образомъ, чтобы ребенокъ не могъ видѣть источника звука, и, при помощи однихъ слуховыхъ ощущеній, повертывая головку туда и сюда, опредѣлялъ: откуда исходитъ звукъ, съ какой стороны и въ какомъ разстояніи отъ него находится звучащій предметъ. Въ этихъ упражненіяхъ также нужно соблюдать постепенность: очевидно, по звуку несравненно труднѣе опредѣлить свойства звучащаго тѣла, чѣмъ его направленіе и разстояніе. Точно также разстояніе и направленіе звука гораздо легче опредѣлить тогда, когда звучащее тѣло находится недалеко и даетъ ясный звукъ, чѣмъ при условіяхъ противоположныхъ. Въ такой постепенности и нужно вести эти упражненія.

Такъ какъ мускульныя ощущенія суть, по преимуществу, ощущенія движеній и тяжести тѣлъ, то поэтому и средства для развитія мускульнаго чувства двухъ родовъ: возможно большее количество движеній и угадыванье вѣса тѣлъ по ихъ давленію на наши органы. Чѣмъ больше мы совершаемъ движеній своими органами, тѣмъ значительнѣй становится мускульная чувствительность. Человѣкъ, упражняющій постоянно извѣстный членъ тѣла, пріобрѣтаетъ особенную чувствительность въ этомъ членѣ. Сравните ученаго, постоянно сидящаго въ своемъ кабинетѣ, мало двигающагося, и акробата, мускулы котораго по нѣсколько часовъ въ день находятся въ состояніи большого напряженія: количество и отчетливость мускульныхъ ощущеній у этихъ двухъ лицъ совершенно различны. Въ то время, какъ акробатъ по мускульнымъ ощущеніямъ тонко соразмѣряетъ свои скачки и движенія, идетъ по канату, взбирается на цѣлую колонну стульевъ, готовыхъ ежеминутно рухнуть, и т. п. и приводитъ всѣхъ въ изумленіе своимъ искусствомъ, ученый мало чувствителенъ къ мускульнымъ ощущеніямъ. Тѣ движенія, которыя требуютъ болѣе или менѣе тонкаго вниманія къ мускульнымъ ощущеніямъ, напр. скачокъ опредѣленной величины вверхъ или вдоль, искусство попасть камнемъ въ цѣль, бросить извѣстный, особенно небольшой, предметъ на опредѣленное мѣсто, соверша-

ются имъ крайне плохо. Достаточное количество движенія и особенно систематическія гимнастическія упражненія скоро устраняютъ этотъ недостатокъ. Поэтому значительная сумма движенія въ различныхъ видахъ, практика въ движеніи по возможности всѣхъ членовъ тѣла, есть одно изъ главныхъ средствъ для развитія мускульнаго чувства. Требованія старинной педагогики отъ дѣтей: «сиди смирно, тихо, сложи руки, не шали, не бѣгай» и пр. не могутъ быть признаны благоразумными и справедливыми.

Другое главное средство развитія мускульнаго чувства есть опредѣленіе вѣса тѣлъ по ощущенію. Для этого полезно имѣть бруски или кружки одинаковаго діаметра, длины и ширины, но различныхъ по вѣсу металловъ, деревъ и камней. Эти бруски и кружки можно давать дѣтямъ играть, чтобы они, держа ихъ въ ручкахъ, осваивались съ ихъ вѣсомъ. Для этой же цѣли могутъ быть пригодны монеты и окружающіе ребенка небольшіе и не тяжелые предметы.

Упражненія для органа осязанія будутъ заключаться въ ощупываніи различныхъ предметовъ, шерсти различныхъ животныхъ, предметовъ мягкихъ, упругихъ и твердыхъ и т. п. Для этого нужно дать ребенку полную возможность до всего дотрагиваться и все ощупывать, къ чему дѣти имѣютъ большую наклонность. Для хорошаго развитія органа осязанія, между прочимъ, рѣшительно необходима гигіена кожи, такъ какъ посредствомъ кожи мы воспринимаемъ осязательныя ощущенія. Само собой разумѣется, что особенной заботы заслуживаютъ тѣ части кожи, посредствомъ которыхъ мы получаемъ наибольшее количество осязательныхъ ощущеній, и притомъ наиболѣе тонкихъ, таковы особенно кончики пальцевъ на рукахъ, вся кожа кистей рукъ, кожа лица и т. п.

На воспитаніе обонянія и вкуса въ настоящее время не обращаютъ никакого вниманія; нѣкоторые педагоги считаютъ даже вреднымъ развитіе этихъ органовъ, такъ какъ заботы объ ихъ развитіи могутъ повести къ цѣлямъ совершенно не желательнымъ, именно развитію чувственности въ ребенкѣ, наклонности хорошо попить и поѣсть, къ нѣгѣ и бездѣятельности. Мы несогласны съ этимъ мнѣніемъ. Мы не полагаемъ, чтобы было полезно, въ виду какихъ бы то ни было опасеній, отказываться отъ двухъ средствъ познанія природы. Человѣкъ не столь богато одаренное существо, чтобы могъ спокойно лишить себя двухъ путей къ знакомству съ природой; и при пользованіи всѣми чувствами въ природѣ остается еще столько неизвѣстнаго и неразгаданнаго для человѣка, что стыдно было бы отказаться, хотя бы и не отъ особенно важныхъ средствъ, сколько нибудь уменьшить эту громадную сферу неизвѣ-

стнаго. Конечно, обоняніе и вкусъ не могутъ соперничать съ другими чувствами въ значеніи и во вліяніи на общій ходъ психической жизни; но, при надлежащемъ развитіи, и они могутъ дать довольно знаній. Во всякомъ случаѣ чувства не лишнія. А чтобы развитіе этихъ чувствъ не повело къ развитію чувственности, для этого нужно обращать вниманіе дѣтей не на тѣ наслажденія, которыя можно извлечь изъ ощущеній этихъ органовъ, а на тѣ знанія, которыя они даютъ о предметахъ. И при воспитаніи другихъ органовъ мы можемъ сдѣлать такую ошибку: обращать преимущественное вниманіе дѣтей на удовольствія, получаемыя отъ ощущеній, и такимъ образомъ намного понизить интеллектуальное значеніе органовъ. Чѣмъ больше упражняются вкусъ и обоняніе, тѣмъ слабѣе становится элементъ пріятности или непріятности посредствуемыхъ ими ощущеній и тѣмъ болѣе на первый планъ выдвигаются объективныя, познавательныя свойства ощущенія, какъ показываетъ примѣръ аптекарей и химиковъ. Химики и аптекари упражненіемъ доводятъ свое обоняніе и вкусъ до высокой степени совершенства, но въ то же время равнодушно, безъ всякаго отвращенія, нюхаютъ и пробуютъ самыя непріятныя вещи. Средства развитія этихъ органовъ заключаются, прежде всего, въ воспріятіи впечатлѣній отъ окружающихъ соотвѣтственныхъ предметовъ, въ предохраненіи органовъ отъ поврежденій, слишкомъ сильныхъ раздраженій и т. п. Полезно имѣть, въ видахъ развитія упомянутыхъ органовъ, коллекцію пузырьковъ съ пахучими и имѣющими различный вкусъ безвредными жидкостями. Капли этихъ жидкостей кладутъ на языкъ и заставляютъ при этомъ замѣчать ихъ запахъ. Это упражненіе очень цѣлесообразно [1]).

При развитіи наблюдательности съ умственной стороны нужно обратить вниманіе на вліяніе строя мысли, личныхъ взглядовъ и мнѣній на правильность наблюденія и сужденія и на вліяніе чувствованій на процессъ наблюденія.

Искусствомъ наблюдать правильно и хорошо владѣютъ немногіе. Обыкновенно наблюдаемый фактъ обезображивается личными мнѣніями и взглядами, субъективными симпатіями и антипатіями; выводъ изъ факта, личное мнѣніе о немъ обыкновенно примѣшиваютъ къ самому факту и считаютъ частью факта; сужденіе выдаютъ за ощущеніе, то, что подумали и почувствовали, за то, что видѣли и слышали. Передайте вы одинъ и тотъ же фактъ

---

[1]) По воспитанію органовъ внѣшнихъ чувствъ много полезныхъ упражненій предложено г-жей М. Монтесори въ ея книгѣ, Домъ ребенка. Москва, 1913 г., стр. 148—192.

десятку различныхъ по своему образованію, положенію въ обществѣ и занятіямъ личностей, и попросите воспроизвести этотъ фактъ. Каждый воспроизведетъ его уже съ нѣкоторыми оттѣнками и измѣненіями, иногда почти незамѣтными. Будетъ уже не одинъ фактъ, а 10 фактовъ, столько, сколько было лицъ, слышавшихъ разсказъ. И плохою способностью наблюдать отличаются не только люди, не получившіе достаточно хорошаго воспитанія, но и хорошо образованные и даже ученые, которые въ своихъ занятіяхъ много стараются о томъ, чтобы не подкрашивать фактовъ собственными впечатлѣніями и выводы изъ нихъ не считать свойствами самаго факта. Приведемъ примѣры. Различные историки, совершенно невинные въ умышленномъ лжетолкованіи, видятъ въ историческихъ фактахъ лишь благопріятное протестантамъ или католикамъ, роялистамъ или республиканцамъ, Карлу I или Кромвеллю; другіе же, исходя изъ предвзятаго понятія, что крайности непремѣнно несправедливы, неспособны видѣть истину и право, когда послѣднія находятся цѣликомъ на одной сторонѣ. Разверните какіе либо ученые трактаты по старымъ и новымъ вопросамъ и вы на каждой страницѣ увидите, какъ авторы этихъ трактатовъ свою теорію примѣшиваютъ къ фактамъ и нерѣдко прямо свое мнѣніе, свой взглядъ выдаютъ за фактъ. Мы уже не говоримъ о произведеніяхъ нѣмецкихъ философовъ-идеалистовъ, въ которыхъ нерѣдко мнѣніе автора выдается за законъ природы и на факты, несогласные съ теоріей, не обращается никакого вниманія. Само собой разумѣется, что и естествоиспытатели, для которыхъ точное наблюденіе особенно важно, нерѣдко несвободны отъ недостатковъ наблюденія. Бываютъ такіе случаи, что одинъ наблюдатель видитъ то, чего, не смотря на всѣ старанія, не видитъ другой. Особенно часто это случается по отношенію къ такимъ предметамъ, которые, или по своей незначительной величинѣ, или по какимъ либо другимъ свойствамъ, требуютъ чрезвычайно тщательнаго наблюденія и которые въ то же время спорны.

Приведемъ нѣсколько частныхъ фактовъ для поясненія высказанныхъ мыслей. Отто Герике утверждалъ, что онъ слышалъ чиканье часовъ въ колоколѣ, изъ котораго былъ выкачанъ воздухъ, потому что совсѣмъ не соглашался съ ученіемъ о звукѣ, какъ колебаніи воздуха. — Когда д-ръ Пирсонъ въ первый разъ взвѣсилъ на пальцахъ шарикъ калія, добытый батареей Деви, онъ воскликнулъ: „какой тяжелый металлъ“! Предвзятая мысль о совпаденіи металлическаго блеска съ значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ заставила его чувствовать тяжесть въ веществѣ, которое, по непреложному свидѣтельству вѣсовъ, оказалось легче воды.—

Свѣдѣнія, выносимыя обыкновеннымъ путешественникомъ изъ чужой страны, какъ засвидѣтельствованныя его внѣшними чувствами, почти всегда точно совпадаютъ съ мнѣніями, съ которыми онъ отправился въ путь. Онъ видѣлъ и слышалъ лишь такія вещи, которыя надѣялся найти. Мирабо—отецъ сказалъ однажды: „въ книгахъ каждый читаетъ только то, что у него уже есть въ головѣ или сердцѣ.“

Иногда извѣстныя мысли такъ сильно дѣйствуютъ на людей, что мѣшаютъ имъ даже произвести самыя простыя наблюденія, которыя легко опровергли бы ихъ ложныя аксіомы. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ тому можетъ служить споръ о системѣ Коперника. Противники Коперника отвергали движеніе земли на томъ основаніи, что, еслибъ она двигалась, то камень, упавъ съ высокой башни, достигъ бы земли не у подошвы башни, а на небольшомъ отъ нея разстояніи, въ направленіи, противномъ движеніи земли,—точно такъ же (говорили они), какъ мячикъ, выпущенный изъ рукъ съ вершины мачты, на полномъ ходу корабля, упадетъ не вплоть у основанія мачты, а ближе къ кормѣ корабля. Сторонники Коперника разомъ заставили бы своихъ оппонентовъ замолчать, если бы они попробовали уронить мячикъ сверху мачты. Тогда они увидѣли бы, что онъ упадетъ вплоть у мачты, какъ того требуетъ теорія. Но нѣтъ; они допустили мнимый фактъ и тщетно пытались отыскать различіе между двумя случаями. „Мячикъ не часть корабля, и движеніе впередъ не естественно ни для корабля, ни для мячика. Съ другой стороны, камень, упавшій съ вершины башни, часть земли, и потому суточныя и годовыя вращенія, естественныя для земли, естественны и для камня; вслѣдствіе этого камень сохранитъ одно движеніе съ башней и упадетъ на землю у самой подошвы башни“ [1]). Негры, носящіе кораллъ, какъ талисманъ, утверждаютъ, по словамъ Париса, что цвѣтъ его „всегда зависитъ отъ состоянія здоровья человѣка, носящаго амулетъ, и блѣднѣетъ отъ болѣзни этого человѣка.“ О предметѣ, доступномъ всеобщему наблюденію, общее предложеніе, не представляющее ни малѣйшаго признака истинности, принимается какъ результатъ опыта, такъ что, повидимому, предвзятое мнѣніе препятствуетъ всякому наблюденію надъ предметомъ.

Чѣмъ меньше степень образованія человѣка, тѣмъ меньше у него способность выдѣлять наблюдаемый фактъ отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ произвелъ на него. Эта неспособность породила много чудесныхъ разсказовъ, много смѣшныхъ анекдотовъ.

[1]) Милль, Система логики, т. II, стр. 318.

Разсказчикъ сообщаетъ не то, что онъ видѣлъ или слышалъ, а впечатлѣніе, произведенное на него видѣннымъ или слышаннымъ,— впечатлѣніе, большая часть котораго состояла, можетъ быть, изъ вывода, хотя все оно сообщается не какъ выводъ, а какъ фактъ. Трудность заставить свидѣтелей умѣренно примѣшивать выводы къ изложенію своихъ воспріятій хорошо извѣстна опытнымъ судебнымъ слѣдователямъ. Она еще значительнѣе, когда невѣжды пытаются описать какое-либо естественное явленіе. „Самый простой разсказъ самаго невѣжественнаго наблюдателя, говоритъ Дюгальдъ Стюартъ, заключаетъ большее или меньшее число гипотезъ, мало того: обыкновенно чѣмъ человѣкъ невѣжественнѣе, тѣмъ болѣе въ его разсказѣ найдется гипотетическихъ предположеній. Деревенскій аптекарь и—если возможно, еще въ большей степени— опытная кормилица рѣдко способны описать самый простой случай, не прибѣгая къ выраженіямъ, каждое слово которыхъ есть теорія, между тѣмъ какъ простое и вѣрное обозначеніе отдѣльныхъ явленій, составляющихъ признакъ данной болѣзни,—обозначеніе, не извращаемое воображеніемъ или предвзятыми понятіями, можно принять за несомнѣнное доказательство ума, который долгимъ и успѣшнымъ изученіемъ усвоилъ самое трудное изъ всѣхъ искусствъ: искусство вѣрно толковать природу.“ [1]).

Само собой разумѣется, что дѣти гораздо менѣе взрослыхъ способны отдѣлять факты отъ впечатлѣній, производимыхъ этими фактами. Когда ребенокъ передаетъ какой-либо фактъ, то это не есть объективный разсказъ, а рядъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ наблюденія этого факта. Объективныя свойства наблюденія у дѣтей стоятъ на второмъ планѣ, главную же роль играетъ тонъ ощущеній, полученныхъ при наблюденіи, т. е. ихъ пріятный или непріятный характеръ. Поэтому дѣти—величайшіе субъективисты въ оцѣнкѣ всѣхъ возможныхъ явленій. И эта наклонность—ко всему примѣшивать свои личныя впечатлѣнія и выдавать ихъ за дѣйствительные факты—долго остается преобладающею у дѣтей. Даже въ школѣ она нерѣдко даетъ знать о себѣ. Учится ребенокъ читать и нужно ему прочитать, напр., слово башня. Прочитавъ первыя двѣ буквы, онъ спокойно говоритъ баня, не обращая вниманія на дальнѣйшія буквы и произнося первое слово, которое память воспроизвела ему, какъ начинающееся съ „б“ и „а“.

Какія же средства можно указать для того, чтобы научить ребенка правильно наблюдать, не примѣшивая къ наблюдаемымъ фактамъ личныхъ впечатлѣній? Средство очевидно одно: провѣрка

---

[1]) Ibidem, стр. 326.

разсказа ребенка и исправленіе. Какъ скоро ребенокъ уклонился отъ правильнаго описанія факта, прикрасилъ его собственными впечатлѣніями, то сейчасъ и слѣдуетъ произвести разграниченіе между фактомъ и впечатлѣніемъ отъ факта. Конечно, ребенокъ можетъ высказывать свои мысли и чувства по поводу извѣстнаго факта, но при изложеніи самаго факта нужно заботиться о томъ, чтобы онъ не былъ обезображенъ ничѣмъ постороннимъ. Для пріученія ребенка къ отчетливому воспринятію фактовъ, весьма полезно давать ему какіе либо предметы для наблюденія и послѣ спрашивать описаніе этихъ предметовъ, ихъ формы, цвѣта, тяжести и т. п. Въ такомъ случаѣ провѣрка описанія можетъ быть вполнѣ удобна и каждое уклоненіе отъ дѣйствительности наглядно можетъ быть показано ребенку. Изъ разсказовъ для этой цѣли особенно удобны тѣ, которые допускаютъ возможность легкой провѣрки, каковы напр. библейскія повѣствованія, историческіе факты, разсказъ, заимствованный изъ какой либо дѣтской книжки и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ не трудно произвести сравненіе первоначальнаго разсказа и его передѣлки въ устахъ ребенка и открыть прикрасы и искаженія. Вообще никогда не нужно дозволять ребенку передавать фактъ не правильно, не точно и оставлять его неисправленнымъ въ видахъ шутки, снисхожденія къ маленькому ребенку, собственной лѣни провѣрить справедливость сказаннаго и т. п. Искусство правильно наблюдать слишкомъ важно въ жизни человѣка, чтобы на развитіе его не обратить серьезнаго вниманія съ самаго начала. А между тѣмъ нерѣдко бываетъ, что и взрослые дозволяютъ себѣ сознательно искажать факты, особенно увеличивать или уменьшать ихъ размѣры и значеніе, ради эффекта, выгоды, краснаго словца, а иногда просто по лѣни исправить неточное, неправильное выраженіе. Подобное умственное неряшество, укрѣпляясь, парализуетъ способность хорошаго наблюденія. Особенно внимательно нужно пріучать дѣтей различать мелочное и главное въ наблюдаемомъ явленіи, указывая имъ, напримѣръ, какъ часто фокусники продѣлываютъ свои фокусы, отвлекая вниманіе зрителей отъ главнаго предмета къ чему либо второстепенному и даже постороннему, и на необходимость правильной послѣдовательности отдѣльныхъ моментовъ въ наблюденіи, такъ какъ перестановка частей и не надлежащая хронологія въ разсказѣ производятъ путаницу при передачѣ наблюденія.

Что касается чувствованій, то едва-ли можно указать между ними хотя бы одно, которое, достигнувъ высокой степени силы, не производило бы вреднаго вліянія на наблюденіе. Каждое сильное чувство побуждаетъ видѣть въ предметѣ наблюденія лишь

то, что отвѣчаетъ чувству, и совершенно заслоняетъ другія свойства, особенно же по своему характеру несогласныя съ качествомъ чувства; оно вынуждаетъ преувеличивать одинъ рядъ свойствъ и уменьшать другой, преувеличивать или уменьшать важность и значеніе свойствъ. Любовь усиливаетъ въ любимомъ существѣ всѣ цѣнныя свойства и закрываетъ глаза, совсѣмъ не видитъ недостатковъ; ревность возбуждаетъ подозрительность, недовѣріе и чрезвычайно понижаетъ всѣ положительныя качества заподазриваемаго соперника; ненависть, самолюбіе, самохвальство личное и народное, особенно же религіозныя чувствованія и страхъ могущественнымъ образомъ вліяютъ на наше наблюденіе, портя его подчасъ почти до полнаго разрушенія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Съ однимъ мясникомъ случилось большое несчастіе: вѣшая тяжелую тушу на крюкъ, надъ своей головой, онъ поскользнулся, и острый крюкъ захватилъ его руку, такъ что онъ самъ повисъ. Когда его сняли и перенесли на другое мѣсто, лицо было блѣдно, пульсъ едва замѣтенъ, и онъ стоналъ отъ острой боли. Двинуть рукой отъ сильнаго страданія онъ не могъ и, пока разрѣзывали рукавъ, нѣсколько разъ вскрикивалъ. Когда же рука его, наконецъ, была обнажена, то ее нашли цѣлой и невредимой; крюкъ прошелъ только чрезъ рукавъ верхняго платья [1]).

Одинъ англійскій духовный журналъ (The Church Herald) отъ 14 мая 1873 года помѣстилъ такую замѣтку о научномъ значеніи трудовъ извѣстнаго англійскаго философа, Джона Стюарта Милля: „Джонъ Стюартъ Миль, окончившій недавно свое существованіе, былъ бы замѣчательнымъ англійскимъ писателемъ, если бы его врожденная самоувѣренность и огромная самонадѣянность не сдѣлали изъ него извѣстнаго литературнаго пройдоху. Его смерть ни для кого не составляетъ потери, потому что это былъ ловкій и крайній невѣрующій и самый опасный человѣкъ. Чѣмъ скорѣе послѣдуютъ за нимъ тѣ „свѣточи мысли“, которые раздѣляютъ его мнѣнія, тѣмъ лучше для церкви и государства“ [2]). Подобныхъ фактовъ можно бы привести много.

Очевидно, если мы желаемъ наблюдать хорошо, точно, объективно, мы должны быть въ состояніи покоя, внѣ волненія страстей и чувствъ, изъ опасенія жестоко исказить наблюдаемое явленіе. Мы можемъ при наблюденіи допускать лишь одну страсть — любовь къ истинѣ.

Мы уже упоминали, что дѣти собственно очень плохіе на-

---

[1]) Карпентеръ, Основанія физіологіи ума. Т. I, стр. 137—140.

[2]) Спенсеръ, Изученіе соціологіи. Т. II, стр. 622—3.

блюдатели, хотя и очень любятъ смотрѣть, слушать, брать вещи въ руки и т. п. Они имѣютъ страсть ощущать, но не наблюдать. Окружающій ихъ міръ извѣстенъ имъ весьма неполно и необстоятельно, они скользятъ своимъ ощущающимъ вниманіемъ по предметамъ, очень многаго не замѣчаютъ, не видятъ и не слышатъ, а что и замѣчаютъ, то, какъ говорится, изъ пятаго въ десятое. Поэтому между дѣйствительностью и показаніями дѣтей лежитъ цѣлая пропасть, безошибочныя показанія о воспринятомъ составляютъ обыкновенно не правило, а исключеніе, хотя въ своей доступной сферѣ и при наличности интереса дѣти и могутъ наблюдать. Такъ, напримѣръ, болѣе половины бостонскихъ дѣтей, по обслѣдованіи, оказались не знающими такихъ обыкновенныхъ животныхъ, какъ воробей и овца. А нѣкоторыя изъ знавшихъ воробья утверждали, что у него четыре ноги, одинъ же болѣе смѣлый ребенокъ сказалъ, что у воробья шесть ногъ. Нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи отмѣтили у германскихъ дѣтей большую склонность, при воспріятіяхъ, называть незнакомые предметы по отдаленной аналогіи и всякими правдами и неправдами подводить ихъ подъ какую нибудь привычную рубрику, что, конечно, прямо портило ихъ наблюденіе. Этими же наблюденіями обнаружено, что всего лучше извѣстны дѣтямъ тѣ предметы, которые они держатъ въ рукахъ и которыми пользуются.

Другой свидѣтель несовершенства дѣтскихъ наблюденій это — дѣтскіе рисунки. Извѣстно, что дѣти рисуютъ не то, что видятъ, а то, что знаютъ, что умственно себѣ представляютъ. Поэтому они изображаютъ у человѣка руки выходящими изъ живота, или изъ шеи, или изъ головы, голову насаживаютъ прямо на плечи, усы рисуютъ выше глазъ, а то и прямо на рисункахъ изображаютъ отдѣльно нѣкоторыя части человѣческаго организма, а части одежды, напримѣръ, пуговицы, изображаютъ пришитыми непосредственно къ груди и животу; долгое время дѣти рисуютъ человѣка состоящимъ только изъ головы и ногъ, безъ туловища и рукъ, долгое время рисуютъ его безъ шеи, безъ волосъ на головѣ и т. п. Если вы поставите въ профиль человѣка или всадника и потребуете, чтобы дитя изобразило предметы такъ, какъ оно ихъ видитъ, то оно изобразитъ лицо человѣка съ двумя глазами, а всадника съ двумя ногами, причемъ другая нога будетъ просвѣчивать чрезъ тѣло лошади. Рисуя, дитя не наблюдаетъ, потому что еще не умѣетъ наблюдать, а вспоминаетъ то, что знаетъ объ изображаемомъ предметѣ. Мальчикъ, увидѣвъ отца моющимся въ ваннѣ, съ удивленіемъ замѣтилъ, что у отца есть шея. На вопросъ отца: какъ же онъ представлялъ его до сихъ поръ?—мальчикъ отвѣ-

тилъ, что онъ полагалъ у отца голову насаженной непосредственно на плечи.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и мы, взрослые, нерѣдко, подобно дѣтямъ, видимъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ у насъ предъ глазами, а наше толкованіе даннаго образа, напр., видимъ желѣзнодорожные рельсы имѣющими параллельное направленіе, а не сходящееся, видимъ у стула квадратное сидѣнье, хотя фотографія и показываетъ, что сидѣнье имѣетъ квадратную форму только съ одной извѣстной точки зрѣнія и т. п. При помощи особаго прибора, показывая испытуемому слово на короткое время, можно измѣнить въ словѣ нѣсколько буквъ (до двухъ третей общаго числа ихъ), и это измѣненіе можетъ остаться незамѣченнымъ наблюдателемъ. Такъ англійское hallucination читалось совершенно правильно и въ словѣ не замѣчалось никакой ошибки, если оно показывалось въ такомъ видѣ: hallneiuotion. Вообще экспериментальныя изслѣдованія способности взрослыхъ наблюдать показываемыя имъ изображенія и дѣйствительныя событія свидѣтельствуютъ о многихъ недостаткахъ, довольно видныя фигуры на изображеніяхъ и моменты въ дѣйствіяхъ пропускаются, наблюдаемое извращается, напримѣръ, на изображеніи фигуры справа переносятся налѣво и обратно, въ дѣйствіи одно движеніе или поступокъ ставится раньше или позже, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, къ замѣченному въ дѣйствительности прибавляются вымышленныя подробности и т. п. [1]). Воспитаніе правильнаго наблюденія—задача весьма важная.

Для оцѣнки объема и точности наблюденій дѣтей можно поступать такъ: предложить дитяти свободно передать, что оно наблюдало, или допросить его о наблюденіи, поставивъ ему рядъ вопросовъ, или соединить оба пріема въ послѣдовательномъ порядкѣ. Свободное показаніе всегда бываетъ значительно меньше по объему, чѣмъ все показаніе, т. е. то, которое получается изъ соединенія добровольнаго показанія и допроса; если мы предоставимъ ребенка или взрослаго въ его показаніяхъ о произведенномъ наблюденіи самому себѣ, то его добровольное показаніе достигнетъ лишь, по свидѣтельству нѣкоторыхъ изслѣдователей, половины всего его знанія о предметѣ [2]). Но при вопросахъ дѣтямъ нужно быть весьма осторожнымъ, такъ какъ дѣти легко поддаются внушенію: самое спрашиваніе о томъ, чего не было въ

[1]) См. объ этомъ два выпуска W. Stern'a Beiträge zus Psychologie der Aussage. Leipzig, 1902—1904 гг.

[2]) Мейманъ, Экономія и техника памяти. Стр. 82, 86.

наблюденіи, особенно тономъ энергичнымъ, настоятельнымъ, можетъ побудить дѣтей на утвержденіе того, чего они на самомъ дѣлѣ не наблюдали и о чемъ они въ свободномъ показаніи не упоминали. Бине изслѣдовалъ силу внушенія различныхъ наводящихъ вопросовъ, предлагаемыхъ дѣтямъ. Наиболѣе мягкіе вопросы дали 27% ошибокъ, вопросы средней силы внушенія—38%, а наибольшей силы 62% [1]). Въ опытахъ въ школѣ, произведенныхъ Штерномъ, ошибки въ самостоятельныхъ показаніяхъ, данныхъ непосредственно послѣ впечатлѣнія, составили 5%; при допросѣ же, который затѣмъ былъ произведенъ,—30% [2]). Поэтому свободныя показанія дѣтей, хотя въ отношеніи объема и очень недостаточныя, весьма цѣнны по своей правдивости и объективной правильности, тѣмъ болѣе, что способность самопроизвольнаго свободнаго наблюденія весьма быстро возрастаетъ: по показанію нѣкоторыхъ изслѣдователей, она возрастаетъ въ два раза съ 7 до 14 лѣтъ, съ 7 до 19 лѣтъ возрастаетъ почти въ четыре раза, между тѣмъ какъ количество показаній вообще (а не только свободныхъ) до 14-ти-лѣтняго возраста увеличивается на 50%, а въ слѣдующіе годы не увеличивается совсѣмъ. Въ то же время растетъ у дѣтей и сила сопротивленія внушенію, т. е. чѣмъ болѣе возрастаетъ способность самопроизвольнаго наблюденія, тѣмъ менѣе наблюдающій становится доступнымъ всякаго рода вліяніямъ [3]).

Въ свободномъ наблюденіи и показаніи сказывается самостоятельный, непосредственный интересъ наблюдающаго. По изслѣдованіямъ Штерна, при свободныхъ наблюденіяхъ предпочитаются слѣдующія три главныхъ стороны: 1) все, что касается лицъ, добровольно наблюдается и запоминается въ гораздо большей степени, чѣмъ вещи; 2)вещи добровольно наблюдаются и запоминаются лучше, чѣмъ качества и отношенія; 3) пространственныя величины обращаютъ на себя значительно больше вниманія, чѣмъ цвѣта. И дѣти и молодые люди на цвѣта обращаютъ очень мало вниманія, поэтому у нихъ въ показаніяхъ относительно цвѣтовъ бываетъ очень много ошибокъ. Въ развитіи же наблюдательности вообще можно указать слѣдующія ступени: 1) предметная (до 7 лѣтъ), въ ней лица и вещи называются въ безсвязной и независимой послѣдовательности; 2) ступень дѣйствія (до 10-тилѣтняго возраста), въ которой главное вниманіе обращается на дѣятельность лицъ; 3) ступень отношеній (12—14 лѣтъ)—главное вниманіе привлекается отношеніями вещей, наиболѣе пространственными; 4) ступень качественныхъ различій,

[1]) Binet, La Suggestibilite, p. 244.

[2]) Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія. Вып. 1., стр. 45.

[3]) Мейманъ, тамъ же, стр. 93.

когда замѣчаются и анализируются свойства вещей. Примѣръ предметной ступени—семилѣтняя дѣвочка такъ описала (по картинкѣ) крестьянскую комнату: „мужчина, женщина, колыбель, кровать, мальчикъ, стулъ, скамейка, кукла, три картины, крестъ, окно, крестьянскій парень, столъ, тарелка, миска.“ Примѣръ ступени качественныхъ различій—описаніе 19-тилѣтняго ученика семинаріи: „комната, потолокъ покрытъ деревянными досками, вѣроятно, дубовыми. На одной стѣнѣ виситъ картина въ желтой рамѣ съ маленькимъ домомъ и деревомъ... окно съ несовсѣмъ опущенной шторой и картиной на ней... На первомъ планѣ столъ съ коричневыми точеными ножками“ и. т. д.

Числовыя отношенія дѣтьми мало наблюдаются и показанія ихъ въ этой сферѣ ненадежны.

Способы для усовершенствованія способности наблюденія дѣтей практиковались разные, изъ нихъ можно упомянуть слѣдующіе: 1) общее руководство дѣтей въ планомѣрномъ наблюденіи съ обученіемъ примѣненія отдѣльныхъ точекъ зрѣнія, опредѣленныхъ категорій; начиная съ какого либо одного мѣста картины, дѣтей учили наблюдать всѣ подробности съ различныхъ данныхъ точекъ зрѣнія; 2) ознакомленіе дѣтей послѣ перваго опыта съ соотвѣтствующимъ отдѣльнымъ категоріямъ наблюденія чувственнымъ матеріаломъ—съ цвѣтами, формами, величинами и. т. д.; 3) воздѣйствіе на волю и чувства, пробужденіе интереса къ опыту, желанія давать лучшія показанія, усиленіе чувства отвѣтственности. Очевидно, послѣдній пріемъ не есть пріемъ собственно наблюденія, а общее воспитательное воздѣйствіе на дѣтей, отчасти дисциплинарнаго характера. Изъ остальныхъ двухъ при второмъ достигалось значительное улучшеніе показаній, а первый далъ слабые результаты, повидимому онъ превосходилъ силы дѣтей, подвергавшися экспериментаціи [1]).

Такъ какъ наблюденіе есть сочетанная дѣятельность, внѣшнихъ чувствъ и ума по изслѣдованію предмета, то полный актъ наблюденія предполагаетъ сложную подготовительную работу и сложный процессъ: 1) надлежащую, удобную для наблюденія, установку предмета, если онъ находится въ нашей власти, или приспособленіе себя и среды къ предмету, если онъ находится внѣ нашей власти, (при наблюденіи, напримѣръ, солнечныхъ и лунныхъ затменій); 2) приведеніе органовъ внѣшнихъ чувствъ, помощью которыхъ будетъ совершаться наблюденіе, въ надлежащее бдительное положеніе, чтобы быть способнымъ воспринять всѣ

[1]) Мейманъ, тамъ же, стр. 78.

нужныя свойства предмета и быстро въ короткое время, если явленіе скоропроходящее; 3) соотвѣтственное приготовленіе къ наблюденію своего ума, отчетливую и опредѣленную поставку цѣли наблюденія, сосредоточеніе на ней настойчиво и напряженно вниманія, съ устраненіемъ всѣхъ стороннихъ разсѣивающихъ мыслей и чувствованій; 4) умѣнье вести наблюденіе различными органами, въ послѣдовательномъ порядкѣ, быстро разбираться при самомъ наблюденіи въ относительной цѣнности замѣчаемыхъ чертъ, не сходя, однако, съ почвы строгаго объективнаго наблюденія, устраняя вредное вліяніе умственныхъ и сердечныхъ пристрастій, предвзятыхъ теорій и эгоистическихъ путающихъ настроеній.

Очевидно, что такое наблюденіе предполагаетъ по самому существу дѣятельное волевое усиліе, энергическую объединяющую работу, что оно находится въ самой тѣсной связи съ общимъ развитіемъ наблюдателя. Поэтому, уже между дѣтьми можно замѣтить нѣсколько типовъ наблюдательности, которые позднѣе опредѣляются еще рѣзче и выразительнѣе. Въ этомъ отношеніи интересны опыты Бинэ: онъ бралъ для своихъ изслѣдованій учениковъ начальныхъ школъ въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ. Имъ показывали картину, на которой былъ изображенъ работникъ, лежащій на смертномъ одрѣ и сообщающій сыновьямъ свою послѣднюю волю. Послѣ двухминутнаго разсматриванія картины учащимся предлагалось описать ее въ 10 минутъ. На основаніи полученныхъ описаній Бинэ пришелъ къ заключенію, что существуютъ четыре типа наблюденія: описательный, связывающій, ученый и эмоціональный. Лица перваго типа просто, по пространственному порядку, описываютъ то, что видѣли, безъ всякихъ размышленій и выводовъ, не заботясь представить наблюденіе въ цѣломъ; лица второго типа уже истолковываютъ наблюдаемое, объединяя, насколько возможно, отдѣльныя части въ одно цѣлое, распространяя и прибавляя подробности и создавая нѣчто большее того, что видѣли; лица третьяго типа оставляютъ въ сторонѣ то, что они восприняли, и обращаются къ ранѣе накопленнымъ знаніямъ, которыя и излагаютъ; такого рода дѣти въ сущности не наблюдаютъ, а видятъ въ вещахъ то, что имъ ранѣе извѣстно, такъ что у нихъ прежній опытъ заслоняетъ настоящій; представители четвертаго типа останавливаются на чувствованіяхъ, прямо выражаемыхъ картиной, или подсказываемыхъ ею, они переносятъ свою собственную жизнь въ то, что они видятъ во внѣ, самое же наблюденіе искажается нерѣдко фантастическими добавленіями, придающими всему наблюденію чисто субъективный характеръ [1]).

[1]) L' Année psychologique, III (1897 г.)p. 314 и слѣдующія; его же, L' Stude experimentale de l' intelligence, p. 190 и сл.

Если вдуматься въ эти типы, то, несмотря на недостаточную ихъ отграниченность другъ отъ друга и на неудачныя названія, напримѣръ, ученый типъ, нельзя не признать ихъ по существу правильными, принимая во вниманіе сказанное выше о сущности воспріятія, о причинахъ, искажающихъ этотъ процессъ, о природѣ наблюденія и его сложности. Описательный типъ это наблюдатели низшаго порядка, граничащіе съ простыми ощущателями, не поднимающіеся еще къ цѣльности воспріятія. Понятно, каждый наблюдаемый предметъ имѣетъ свою цѣлостность, каждое явленіе также, и наблюдатель, не сумѣвшій подняться до цѣлостнаго воспріятія и пониманія наблюдаемаго, плохой наблюдатель. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что слѣдующая необходимая ступень въ развитіи наблюдательности есть объединяющее,связывающее наблюденіе, достигающее единства при воспріятіи частностей. Какъ скоро наблюдатель достигъ этой ступени, онъ сейчасъ же подвергается опасностямъ искаженія наблюденія—онъ начинаетъ привносить въ наблюденіе нѣчто свое, субъективное, прибавляетъ прежній опытъ къ новому. Это необходимо въ наблюденіи, какъ мы видѣли, но безопасно и полезно только въ томъ случаѣ, когда сохраняется правильное соотношеніе между ощущеніями и прежнимъ опытомъ. Объединяющій типъ наблюденія стоитъ на этой высотѣ. Слѣдующіе же два типа наблюдателей представляютъ собою уже искаженное наблюденіе, одинъ разъ вліяніемъ предвзятыхъ идей, прежняго опыта (ученый типъ), а другой разъ—вліяніемъ чувствованій. И въ томъ и въ другомъ типѣ наблюденія нарушается равновѣсіе, правильное соотношеніе въ наблюденіи ощущеній и прежняго опыта, то въ пользу идей, то въ пользу чувствованій. 1).

1) У насъ въ Россіи была произведена провѣрка типовъ наблюдательности, установленныхъ Бинэ, и взгляды французскаго изслѣдователя были подтверждены русскими педагогами. Въ журналѣ „Извѣстія по народному образованію“ (мартъ 1910 г.) г. Лубенецъ напечаталъ статью „Дѣтскія сочиненія, какъ факторъ развитія языка“, въ которой онъ изложилъ результаты своихъ опытовъ, произведенныхъ въ церковно-приходской школѣ, въ группахъ Кіевскаго городского училища и въ 8-мъ классѣ женской гимназіи. Просмотрѣвъ 155 работъ г. Лубенецъ нашелъ, что изъ нихъ къ описательному типу нужно отнести 39,=25,4% всего числа, къ эмоціональному 19,=12,5%, къ связывающему (разсудительному) 43=27,7% и къ ученому (формальному) 47=29.6%. Смѣшаннаго типа оказалось 8 работъ=5% всего числа. Другой изслѣдователь, повторившій опыты Бинэ, г. Владиміровъ производилъ наблюденія въ 1-мъ отдѣленіи сельской школы (дѣти учились въ немъ немного болѣе года) и во 2-мъ. Въ первомъ отдѣленіи изъ 23 сочиненій оказалось описательнаго типа 3, эмоціональнаго 10, разсудительнаго 10, формальнаго 0; во второмъ отдѣленіи описательнаго 5, эмоціональнаго 6, разсудительнаго 2, формальнаго 0, эмоціонально-разсудительнаго 1, эмоціонально-описательнаго 6, а всего 20 работъ. (Русская Школа 1913 г., май—іюнь, ст. Дѣтскія сочиненія въ сельской школѣ).

Въ заключеніе разсужденія о развитіи наблюдательности у дѣтей слѣдуетъ особо отмѣтить важное значеніе въ разсматриваемомъ отношеніи лѣпки, рисованія и ручного труда. Поименованныя упражненія весьма интересны для дѣтей — кто въ дѣтствѣ страстно не увлекался ими или какими либо подобными занятіями? Они цѣнны и тѣмъ, что находятся въ тѣсной связи съ самодѣятельностью дѣтей. При перечисленныхъ занятіяхъ, все равно, что и въ играхъ, дѣти чувствуютъ себя свободнѣе, чѣмъ при ученьи по книгамъ, на ихъ долю выпадаетъ больше самостоятельности и почина, чѣмъ при усвоеніи и сдачѣ обыкновенныхъ школьныхъ уроковъ. Всѣ упомянутыя занятія требуютъ сочетанной дѣятельности рукъ, глазъ, туловища, иногда слуха и другихъ органовъ, тщательнаго вниманія къ цвѣту и формѣ предметовъ, умѣнья схватывать соотношеніе свойствъ и характерно ихъ отображать. Быть плохимъ наблюдателемъ и хорошо лѣпить, рисовать, а равно съ успѣхомъ заниматься ручнымъ трудомъ невозможно, въ основѣ всѣхъ перечисленныхъ упражненій лежатъ тщательное, добросовѣстное наблюденіе, умѣнье обращаться съ разнообразнымъ матеріаломъ, умѣнье подмѣчать формы, цвѣта, движенія, главныя, характерныя свойства и второстепенныя, мелочныя. Поэтому развитіе наблюдательности, а вмѣстѣ съ нею правильное воспитаніе всей духовной стороны человѣка, невозможно безъ упражненій въ лѣпкѣ, рисованіи и ручномъ трудѣ; съ введеніемъ ихъ сдѣлаются лишь достояніемъ исторіи, но не современною дѣйствительностью, факты, сообщаемые Кершенштейнеромъ, Левинштейномъ и другими изслѣдователями дѣтскихъ рисунковъ, что изъ десятковъ тысячъ дѣтей (58,000, изслѣдованныхъ Кершенштейнеромъ) только нѣсколько десятковъ вполнѣ владѣютъ представленіемъ о человѣческомъ тѣлѣ, а прочія какъ будто никогда не наблюдали ни человѣческой фигуры, ни другихъ, самыхъ обыкновенныхъ, предметовъ, а потому съ спокойною совѣстью изображаютъ на рисункахъ, напримѣръ, птицу съ четырьмя ногами и съ зубами въ клювѣ.

III.

О запоминаніи.

Въ душевной жизни память имѣетъ громадное значеніе: мы начинаемъ психически развиваться съ памяти. Первые недѣли, мѣсяцы и даже годы суть время преимущественной работы памяти. Память и покидаетъ человѣческую душу послѣдней: когда всѣ другія способности уже прекратили свою работу, замерли, память

ещё остается. Въ глубокой старости человѣкъ теряетъ мышленіе, лишается возможности радоваться и печалиться, онъ слабъ и безволенъ, какъ малое дитя, не можетъ самъ двигаться, но онъ еще узнаетъ окружающихъ, узнаетъ пищу и питье. Когда прекратится и процессъ узнаванія, тогда дѣло плохо, это значитъ, что человѣкъ духовно почти умеръ, у него остались лишь разрозненныя ощущенія, соединенныя съ неопредѣленными непріятными чувствованіями, то, съ чего онъ началъ жизнь, будучи новорожденнымъ младенцемъ. Въ болѣзняхъ общихъ и спеціально душевныхъ послѣдней погибаетъ также память, собственно способность узнаванія. Человѣкъ кончаетъ свою жизнь состояніемъ, близкимъ къ тому, которымъ онъ начинаетъ. За время всей жизни человѣка память находится въ неразрывной и самой тѣсной связи съ тѣлесною жизнью человѣка и со всѣми проявленіями духа. Въ своемъ цѣломъ память имѣетъ три момента: запоминаніе впечатлѣній, ихъ храненіе и воспроизведеніе. Фактически, въ опытѣ, намъ извѣстны первый и третій моменты, второй—есть область предположеній и догадокъ.

Упомянутые три момента въ дѣятельности памяти находятся въ весьма тѣсной связи между собою: что хорошо запоминается, то хорошо и воспроизводится, а слѣдовательно и сохраняется. Что хорошо воспроизведено, то, несомнѣнно, и хорошо сохранилось и отчетливо было усвоено, т. е. запомнено. Но, для порядка изложенія, мы будемъ разсматривать эти моменты отдѣльно, причемъ мы остановимся на первомъ и третьемъ моментахъ, какъ фактическихъ, и лишь вскользь коснемся второго—умозрительнаго.

Все, что въ предыдущихъ главахъ сказано о воспріятіи и развитіи наблюдательности, все это имѣетъ непосредственное отношеніе къ запоминанію: для того, чтобы хорошо запомнить какое нибудь явленіе, для этого его нужно, прежде всего, хорошо наблюдать. Всякая погрѣшность и торопливость въ наблюденіи будетъ отражаться соотвѣтствующимъ недостаткомъ и въ запоминаніи, плохо наблюдалъ, плохо и запомнилъ.

Кромѣ хорошаго наблюденія, для запоминанія важны два условія: а) правильная дѣятельность механизма запоминанія и б) особенности типовъ запоминанія. Эти два условія мы и разсмотримъ.

Прежде всего, запоминаніе нужно различать на очень короткое, непосредственное, когда воспроизведеніе совершается сейчасъ же послѣ полученія впечатлѣнія и представляетъ собою не столько воспроизведеніе, сколько оживленіе пережитаго, со всѣми его частностями, оттѣнками и обстоятельствами, такъ что оно есть само про-

должающееся еще впечатлѣніе, еще не замершее, а только замирающее, и на запоминаніе длительное, когда воспроизведеніе совершается значительно позже послѣ наблюденія и опирается главнымъ образомъ на повторенія, тогда какъ непосредственное запоминаніе опирается прямо на наблюденіе и ощущеніе. Можно имѣть сравнительно не обширное непосредственное запоминаніе и хорошее длительное, какъ это обыкновенно бываетъ у дѣтей, и обратно. Но въ сущности непосредственное и длительное запоминаніе двѣ ступени развитія одного явленія. Непосредственное запоминаніе можно развить упражненіемъ. Если неупражнявшійся взрослый человѣкъ можетъ непосредственно воспроизвести не болѣе 8—10 буквъ, то отъ упражненія его способность непосредственнаго воспроизведенія возрастетъ до 12—14 буквъ. Безошибочное непосредственное воспроизведеніе буквъ или цифръ достигало у нѣкоторыхъ взрослыхъ 13—14, безсмысленныхъ слоговъ 8—9, словъ—12, стихотвореній до 24 словъ, прозы—до 36 словъ. Дѣти непосредственно запоминаютъ значительно меньше взрослыхъ, но они постепенно усовершенствуютъ свою способность непосредственнаго воспроизведенія, хотя и медленно, но непрерывно, лѣтъ до 14. Индивидуальныя различія дѣтей въ непосредственномъ запоминаніи бываютъ довольно велики [1]).

Но педагога гораздо больше привлекаетъ запоминаніе длительное, посредственное, потому что занятія съ дѣтьми имѣютъ интересъ и значеніе не мимолетные, на пять минутъ, а на мѣсяцы, годы, на всю жизнь. Потому и запоминаніе должно дѣйствовать на долгое время. Къ изученію длительнаго запоминанія мы и обратимся, тѣмъ болѣе, что условія запоминанія непосредственнаго и посредственнаго собственно по своей сущности одни и тѣ же, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Присматриваясь къ механизму запоминанія и, вмѣстѣ, воспроизведенія, мы замѣчаемъ въ немъ два главные момента: воспроизведеніе идеи или факта и воспроизведеніе связи идеи и обстановки факта. Механизмъ запоминанія и воспроизведенія состоитъ въ установленіи чего либо и въ психической локализаціи установленнаго со стороны времени, мѣста и въ логическомъ отношеніи. Запоминая и припоминая что-нибудь, мы стараемся запомнить и воспроизвести не только извѣстный фактъ или идею съ возможною отчетливостью, но и всю ту обстановку, среди которой онъ былъ замѣченъ нами въ первый разъ, вмѣстѣ со всѣми непосредственно предъидущими, послѣдующими и сосуществующими идеями и фактами. Какъ скоро фактъ запоминается и воспроизводится одинъ,

[1]) Мейманъ, Экономія и техника памяти. Стр. 205—213.

безъ обстановки, то мы свое запоминаніе и припоминаніе не признаемъ вполнѣ яснымъ и отчетливымъ. Каждый фактъ, каждая идея связаны съ другими ближайшими фактами и идеями и понимаются только по соотношенію съ ними. Поэтому вырвать при запоминаніи фактъ или идею изъ ихъ естественной связи и обстановки неудобно, нужно запомнить и фактъ или идею и ихъ связь или обстановку. Намъ говорятъ: вотъ идея совершенно новая и оригинальная. Мы иногда отвѣчаемъ: нѣтъ, эта идея не новая, мы ее встрѣчали раньше, не то когда то вычитали изъ книги, не то слышали въ разговорѣ. И мы не успокаиваемся до тѣхъ поръ, пока отчетливо не опредѣлимъ, гдѣ и когда мы встрѣтили эту идею, среди какихъ другихъ предшествующихъ и послѣдующихъ идей, въ какой логической и фактической обстановкѣ. Запоминаніе и припоминаніе географическихъ, историческихъ и всякаго рода другихъ жизненыхъ и научныхъ фактовъ есть вкладываніе факта въ рамку пространственныхъ, временныхъ и логическихъ отношеній. Невозможность припомнить самый фактъ или обстановку факта есть уже забвеніе наполовину. Поэтому мы и разсмотримъ два вопроса относительно запоминанія: почему запоминаются идеи и факты, взятые сами по себѣ? Почему и какъ запоминается обстановка идей и фактовъ?

Главная причина запоминанія отдѣльныхъ идей и фактовъ, взятыхъ самихъ по себѣ, заключается въ силѣ того впечатлѣнія, которое производитъ на насъ извѣстный фактъ или идея, и степени сосредоточенія вниманія на идеѣ или фактѣ. Чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на насъ фактъ, тѣмъ лучше, вѣрнѣе онъ запоминается; чѣмъ слабѣе, тѣмъ неотчетливѣе и туманнѣе. Сила же впечатлѣнія можетъ быть расматриваема съ двухъ сторонъ: физической и психической.

Физическая сила отдѣльныхъ фактовъ состоитъ во вліяніи ихъ на нашъ физическій и по преимуществу нервный организмъ, въ степени возбужденія нервныхъ клѣтокъ. Нервныя клѣтки, поставленныя въ состояніе наивысшаго возбужденія, долго сохраняютъ это возбужденіе и такимъ образомъ даютъ возможность воспроизведенія соотвѣтствующаго представленія неопредѣленно долгое время [1]). Поэтому самое простое и лучшее средство закрѣпленія извѣстныхъ фактовъ—значительное впечатлѣніе ихъ. Отсюда понятно, что сильные, громкіе звуки и острые запахи запоминаются гораздо лучше, чѣмъ тихіе и слабые, серьезная тяжелая болѣзнь долѣе легкой; лица, которыя мы видимъ на прогулкѣ, сейчасъ же

[1]) Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

забываются нами, какъ только они прошли мимо насъ, и нужно какое либо особенное возбужденіе, чтобы припомнить которое либо изъ нихъ; фигура же, почему либо поразившая насъ, странностью или оригинальностью костюма, эксцентричными манерами, запоминается прочно и припоминается отчетливо. Какой либо замѣчательный видъ природы, гроза, метеоръ и т. п. нерѣдко оставляютъ по себѣ воспоминаніе на всю жизнь, слабыя же впечатлѣнія улетучиваются очень быстро. „По прошествіи 30 лѣтъ, я черта за чертой припоминаю видъ театра, куда меня привели въ первый разъ, говоритъ Тэнъ [1]). „Съ третьяго яруса зала казалась мнѣ чудовищнымъ колодцемъ, совершенно краснымъ и пламенѣющимъ, съ муравейникомъ головъ; совершенно внизу, направо, на узкій помостъ вошли двое мущинъ и одна женщина, вышли, и опять вошли, жестикулировали и казались мнѣ двигающимися куклами; къ моему великому удивленію, одна изъ этихъ куколъ стала на колѣна, цѣловала руку дамы, потомъ скрылась за ширмами; другая, которая вошла, казалась сердитой и подняла руки. Мнѣ было семь лѣтъ, я ничего не могъ понять; но колодецъ бархатно-малиноваго цвѣта былъ такъ набитъ народомъ, такъ золотистъ и свѣтелъ, что чрезъ четверть часа я былъ какъ бы пьянъ и заснулъ". Но приведенное условіе имѣетъ и ограниченіе: если впечатлѣніе чрезвычайно сильно, производитъ болѣзненное потрясеніе организма, словомъ превосходитъ maximum раздраженія, то оно запоминается смутно, потому что въ такой формѣ оно воспринимается не отчетливо.

Такимъ образомъ, для запоминанія неудобны: предметы, производящіе или очень слабое или очень сильное раздраженіе; предметы, дающіе раздраженіе средней силы, наиболѣе удобны для запоминанія. При этомъ еще нужно, чтобы впечатлѣніе имѣло извѣстную продолжительность, моментально быстрая смѣна впечатлѣній не даетъ ясныхъ ощущеній, а потому запоминается плохо, или даже и совсѣмъ не усвояется.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда запоминаемый фактъ есть сложный, состоящій изъ нѣсколькихъ элементовъ или частей, тогда ассоціація ихъ усвоится хорошо, если не всѣ члены ея производятъ впечатлѣніе, а только нѣсколько и даже одинъ. Такимъ путемъ обыкновенно внѣдряютъ въ дѣтскія головы много всякой премудрости, сочетая какое либо знаніе, правило, сами по себѣ производящія впечатлѣнія очень мало, съ острою тѣлесною болью. Мать, которая даетъ плюху своему ребенку за то, что тотъ забылъ, что она ему сказала, и прибавляетъ: „теперь ты это будешь помнить",

[1]) Объ умѣ и познаніи, 1, 82.

признаетъ, сама того не зная, этотъ психологическій принципъ. Плюха связываетъ съ назиданіемъ чувство болѣе сильное, которое дѣлаетъ умственное впечатлѣніе болѣе энергичнымъ, слѣдовательно болѣе продолжительнымъ. Взрослые въ своей жизни часто пользуются этимъ сцѣпленіемъ слабаго факта съ сильнымъ, чтобы поддержать слабый энергіей сильнаго. Я не помню, когда я купилъ такую-то книгу, но я помню, что въ этотъ день была дурная сырая погода, что я, отправляясь въ магазинъ, простудился и хворалъ нѣсколько дней. Свою болѣзнь, какъ фактъ болѣе сильный, я помню лучше, а по ассоціаціи съ ней запомню и время покупки книги. Но нельзя не признать, что подобныя ассоціаціи сильнаго впечатлѣнія съ слабымъ часто связываютъ совершенно разнородныя вещи, что въ концѣ концовъ затрудняетъ и разсѣеваетъ мышленіе.

Не всѣ предметы могутъ производить на насъ сильное впечатлѣніе, есть множество предметовъ, дѣйствующихъ и могущихъ дѣйствовать только слабо. Чтобы прочно запомнить ихъ, мы можемъ прибѣгнуть къ двумъ средствамъ, помощію которыхъ сила ихъ впечатлѣнія увеличится: а) къ воспріятію предмета различными органами, б) къ повторенію.

Каждый предметъ имѣетъ различныя свойства, которыя могутъ быть усвоены различными органами. Наши представленія объ отдѣльныхъ вещахъ—конкретныя представленія—суть разнородныя соединенія, въ нихъ сочетаются элементы трехъ, четырехъ и даже пяти органовъ. Этимъ свойствомъ предметовъ и соотвѣтствующихъ имъ представленій мы и пользуемся при запоминаніи. Свойства предмета таковы, что не могутъ произвесть на насъ сильнаго впечатлѣнія; тогда мы беремъ по одиночкѣ каждое свойство и дѣйствуемъ на соотвѣтствующій органъ, по возможности заботясь о раздраженіи каждаго органа. Эти слабыя впечатлѣнія на каждый органъ въ отдѣльности, вмѣстѣ взятыя, сведенныя въ одну сумму, будутъ равняться сильному. Они будутъ поддерживать и замѣнять другъ друга, и, если предметъ забудется по впечатлѣнію на одинъ органъ, то припомнится по впечатлѣнію на другой. Признакомствѣ съ вещью мы можемъ ограничиться разсмотрѣніемъ ея, а можемъ еще брать ее въ руки, обнюхать ее, попробовать на вкусъ, стучать ею. Въ послѣднемъ случаѣ вещь будетъ запоминаться тверже и вѣрнѣе, чѣмъ въ первомъ. Хотя люди по своей способности запоминанія раздѣляются на односторонніе типы (о которыхъ рѣчь будетъ дальше), но большинство относится къ смѣшанному типу, владѣющему задатками разносторонняго усвоенія, а потому могущему запоминать различныя дѣйствія предметовъ.

Повтореніе впечатлѣнія ведетъ къ тому же самому результату. Если вещь не производитъ сильнаго впечатлѣнія и если ею нельзя затронуть различные органы, то остается одинъ путь къ ея твердому запоминанію—повтореніе. „Повтореніе—мать занятій", такъ говорили еще древніе. Важность и дѣйствительность этого средства твердаго запоминанія слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы нужно было объ этомъ много распространяться. Можно сказать только, что на это средство очень часто слишкомъ сильно налегаютъ, пренебрегая другими. Частыя повторенія наиболѣе умѣстны и нужны при занятіяхъ съ маленькими дѣтьми, безъ повтореній изъ дѣтской головы все весьма быстро улетучивается. Впрочемъ и вообще только фактъ, нѣсколько разъ нами прочитанный и нѣсколько разъ нами обдуманный, становится нашимъ вѣчнымъ достояніемъ, готовымъ къ воспроизведенію въ каждый данный моментъ времени. Само собою разумѣется, повторенія должны быть поставлены раціонально, чтобы не надоѣсть „хуже горькой рѣдьки", а именно должны имѣть въ виду главное и существенное, а не мелочи и частности, должны освѣщать предметъ съ новыхъ точекъ зрѣнія и вести ученика къ свободному и разумному пользованію знаніями, а не механическому задалбливанью ихъ. Даже буквальнымъ заучиваньемъ нельзя пренебрегать. Многое необходимо бываетъ запомнить буквально, какъ, напримѣръ, молитвы, тексты, формулы въ различныхъ наукахъ, стихи. Буквальное выучиванье изъ лучшихъ отечественныхъ писателей можетъ обогатить рѣчь дитяти многими словами и прекрасными оборотами, ввести его въ духъ языка, познакомить съ его первоисточниками. О заучиваньи безъ полнаго, отчетливаго пониманія заучиваемаго, слѣдовательно безъ предварительнаго, обстоятельнаго объясненія, не можетъ быть, конечно, и рѣчи. По экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, безсмысленный матеріалъ запоминается гораздо хуже, чѣмъ осмысленный; слова съ легко доступнымъ смысломъ запоминаются значительно лучше, чѣмъ понимаемыя съ трудомъ или совсѣмъ непонятныя; сильную поддержку сохраненію и правильному воспроизведенію запоминаемаго матеріала оказываетъ пониманіе его смысла. Повтореніе же и выучиванье вполнѣ понятаго не только не есть нѣчто противоположное развитію ума, но есть одно изъ важныхъ и существенныхъ средствъ умственнаго развитія. Безъ повтореній и заучиванья не можетъ быть обширныхъ свѣдѣній; безъ обширныхъ свѣдѣній не можетъ быть обширнаго ума.

Психическая сила ассоціаціи, обусловливающая сосредоточеніе на ней вниманія и твердое запоминаніе, можетъ выражаться раз-

лично: а) новостью ассоціаціи, б) значительнымъ интересомъ или чувствомъ, соединяемымъ съ ней, в) подробнымъ и отчетливымъ различеніемъ качествъ и составныхъ частей ассоціаціи.

Новость впечатлѣнія—обстоятельство большой важности для отчетливаго запоминанія. Переживать постоянно вновь уже пережитое, старое—вещь утомительно скучная и тягостная. Старыя удовольствія и тѣ пріѣдаются, теряютъ свою остроту, свою пряность и превращаются въ обыденныя, почти безразличныя, вещи; простыя же впечатлѣнія, не доставляющія удовольствія, очень часто повторяясь, явно надоѣдаютъ. Потому мы жадно накидываемся на все новое, интересуемся имъ, хорошо его запоминаемъ.

И чѣмъ больше новизны въ запоминаемомъ фактѣ, чѣмъ рѣзче онъ отличается отъ прежде извѣстныхъ намъ фактовъ, тѣмъ больше привлекается наше вниманіе къ нему. Впрочемъ нужно замѣтить, что къ этимъ новымъ свѣдѣніямъ уже должна быть напередъ подготовка. Свѣдѣнія совершенно, абсолютно новыя не заинтересуютъ, потому что не найдутъ въ нашей душѣ ничего однороднаго, ничего родственнаго. Какъ бы ни былъ интересенъ и новъ самъ по себѣ трактатъ по психологіи, но мы не заинтересуемъ имъ астронома и математика, если прежде они вовсе не занимались психологіей, и наоборотъ,—астрономическіе и математическіе трактаты будутъ не интересны для психолога, не занимавшагося этими науками. Разумѣется, эти слова имѣютъ примѣненіе только къ взрослымъ. Нервная система дѣтей еще такъ воспріимчива, у нихъ еще не сложилось опредѣленныхъ навыковъ и направленій мысли, какъ у взрослаго, вслѣдствіе чего дѣти жадно накидываются на все новое. Для взрослаго же свѣдѣнія, несоотвѣтствующія его умственнымъ привычкамъ и неимѣющія напередъ запаснаго достаточнаго количества однородныхъ знаній, представляются неинтересными. У дѣтей ихъ всесторонній интересъ къ новому ограничивается врожденными склонностями къ тому или другому роду умственныхъ занятій. Предметы, соотвѣтствующіе врожденной склонности, интересуютъ ихъ болѣе, чѣмъ несоотвѣтствующіе ей.

Но не только новизна впечатлѣнія можетъ привлекать къ себѣ наше вниманіе, съ предметомъ у насъ могутъ связываться другіе психическіе интересы. Онъ можетъ относиться къ сферѣ нашихъ любимыхъ занятій, и потому, не будучи особенно новымъ, привлекать къ себѣ наше вниманіе; онъ можетъ возбуждать въ насъ радость или печаль, гнѣвъ или страхъ, любовь или отвращеніе и потому производить на насъ сильное впечатлѣніе и долго помниться. Случаи значительной опасности и большой радости,

дни особенно счастливые для насъ и особенно несчастные запоминаются нами хорошо и воспроизводятся отчетливо всю жизнь. Вообще наши склонности, страсти, чувствованія, разнообразные интересы могутъ запечатлѣвать образы предметовъ навсегда въ нашемъ сознаніи, хотя бы физическое впечатлѣніе ихъ и было слабо. Слово, сказанное шопотомъ, иногда поражаетъ насъ чрезвычайно сильно, а крикъ во все горло часто совсѣмъ не привлекаетъ къ себѣ нашего вниманія.

Если же представленіе не отличается ни новизной, ни возбуждаетъ какого либо нашего интереса, а между тѣмъ намъ почему либо нужно его запомнить, то мы можемъ усилить его интеллектуальное дѣйствіе, анализируя его, отчетливо наблюдая его свойства и части, различая его внимательно отъ другихъ подобныхъ представленій. Чѣмъ отчетливѣе мы сознаемъ представленіе, чѣмъ обстоятельнѣе сравниваемъ его съ другими подобными представленіями и выдѣляемъ изъ нихъ, тѣмъ дольше и лучше оно будетъ помниться. При этомъ условіи каждая черта, каждый признакъ представленія отобразятся въ нашемъ сознаніи и произведутъ большее впечатлѣніе, чѣмъ слитное представленіе цѣликомъ. Поэтому ясныя, раздѣльныя представленія запоминаются лучше, чѣмъ слитныя и неясныя; поэтому память зависитъ отъ способности находить различія въ предметахъ и въ свойствахъ предметовъ, т. е. прямо отъ интеллекта. Разсматриваемый процессъ вполнѣ аналогиченъ тому, когда мы, для лучшаго запоминанія предмета, стараемся подѣйствовать имъ на различные органы. Разница заключается въ томъ, что тамъ дѣйствіе предмета физическое, а здѣсь интеллектуальное, тамъ на органы внѣшнихъ чувствъ, здѣсь—на сознаніе.

Повтореніе имѣетъ значеніе средства, усиливающаго энергію представленія, и при психическомъ дѣйствіи предметовъ, какъ и при физическомъ.

Какимъ образомъ запоминается обстановка идей и фактовъ, какимъ образомъ фактъ психически локолизуется? Психическая локолизація факта можетъ имѣть три частныя направленія: среди послѣдовательныхъ фактовъ (локолизація во времени), среди сосуществующихъ (локолизація въ пространствѣ) и локолизація логическая, собственно идейная. Ихъ мы и разсмотримъ.

Близость или отдаленность какого либо явленія въ прошломъ и будущемъ оцѣнивается нами длинной ассоціаціи, количествомъ членовъ отъ настоящаго момента, т. е. переживаемаго факта, до того, который мы хотимъ пережить опять. Чѣмъ больше легло членовъ ассоціаціи между переживаемымъ и пережитымъ

фактомъ, чѣмъ длиннѣе путь, тѣмъ большимъ намъ кажется время, потому что болѣе получается точекъ настоящаго. Желая припомнить, когда было, давно или недавно, съ нами такое то происшествіе, мы на разсвѣтѣ жизни пользуемся такимъ пріемомъ: сначала вспоминаемъ, что было пережито минуту назадъ, двѣ, часъ, день, недѣлю и т. д. Чѣмъ больше будетъ та цѣпь, которую намъ нужно перебрать, чтобы дойти до извѣстнаго факта, тѣмъ больше мы положимъ времени между настоящимъ событіемъ и припоминаемымъ и наоборотъ.

Очевидно, что такое послѣдовательное перебираніе ассоціацій вещь необычайно утомительная и она весьма значительно затрудняла бы всѣ наши психическіе процессы, если бы намъ необходимо было при каждой локолизаціи факта во времени постоянно сполна прибѣгать къ этому длинному процессу. Мы его сокращаемъ: множество мелкихъ, частныхъ членовъ ассоціаціи мы выбрасываемъ, а оставляемъ только главные. На мѣсто всего ряда фактовъ мы ставимъ вѣхи, выбираемъ представителей, дающихъ намъ возможность опознаться, и ими пользуемся при локолизаціи фактовъ во времени. Желая опредѣлить время совершенія какого-либо событія въ нашей жизни, мы не воспроизводимъ всѣхъ пережитыхъ состояній, а только сравниваемъ нужный фактъ съ стоящими въ нашемъ сознаніи вѣхами: случился онъ до окончанія школьнаго ученья или послѣ, до отъѣзда въ такой городъ или послѣ и т. д. Мы считаемъ фактъ достаточно опредѣленнымъ со стороны времени, какъ скоро намъ удастся вставить его между какими-либо двумя вѣхами. За точнѣйшимъ и болѣе подробнымъ пріурочиваніемъ факта къ извѣстному пункту времени мы годимся только тогда, когда это намъ особенно нужно. Тогда мы стараемся воспроизвести всѣ члены ассоціаціи въ порядкѣ. Опредѣленіе времени совершенія историческихъ фактовъ всегда нами дѣлается съ помощію историческихъ вѣхъ. Мы говоримъ: такое-то событіе случилось при Периклѣ или во вторую пуническую войну. И пріурочивъ фактъ къ подобной исторической вѣхѣ, мы успокаиваемся. Иначе и нельзя, иначе мы не столько бы жили вновь, сколько безъ конца припоминали бы. Только что по поводу одного припоминанія мы перебрали длиннѣйшую цѣпь ассоціацій, и вотъ по поводу другого мы должны снова начать ту же работу. Тогда наши умственныя упражненія были бы буквально трудомъ данаидъ. Разстояніе же во времени самыхъ вѣхъ отъ переживаемаго факта и другъ отъ друга должно быть твердо запечатлѣно въ нашемъ сознаніи нѣсколько разъ повтореннымъ основательнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ членовъ ассоціацій, послѣ

чего эти отдѣльные члены замѣняются вѣхами и улетучиваются изъ памяти, какъ сослужившіе свою службу и больше не нужные, увольняются „въ чистую“, впредь до надобности. Припоминать время совершенія факта и значитъ пріурочивать его, по какимъ либо частнымъ чертамъ, въ какой либо вѣхѣ. Само собой разумѣется, что сразу правильнаго пріуроченія мы сдѣлать не можемъ, особенно если самое событіе помнится не отчетливо. Тогда образъ можетъ скользить между вѣхами, перебѣгать отъ одной къ другой и эти колебанія образа со стороны времени будутъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ тусклѣе и скуднѣе содержаніемъ образъ.

Относительно локолизаціи припоминаемаго въ пространствѣ распространяться много нечего, такъ какъ процессъ тотъ же самый, что и при локолизаціи во времени. Мы, прежде всего, познаемъ пространство, среди котораго находимся сами, ближайшее къ намъ, и измѣряемъ его величину тратой собственной силы на передвиженіе по немъ; потомъ всѣ другія разстоянія и пространства мы оцѣниваемъ примѣнительно и помощью насъ окружающаго пространства, создаемъ также извѣстныя вѣхи и къ нимъ пріурочиваемъ предметы. Геогра фическія воспроизведенія и суть воспроизведенія по такимъ пространственнымъ вѣхамъ. Гдѣ находится островъ Цейлонъ? Пріурочивъ его къ какой либо географической вѣхѣ, напримѣръ, къ извѣстному градусу долготы и широты, къ извѣстной части свѣта и большому полуострову, мы считаемъ дѣло покончеппымъ. Самая же вѣха запечатлѣвается въ нашей памяти отчетливымъ воспроизведеніемъ какого либо хорошо извѣстнаго намъ по собственному опыту пространства— сажени, версты, мили — и сознаніемъ, что это пространство до извѣстной вѣхи отъ насъ или между извѣстными вѣхами повторится столько-то разъ. Чѣмъ больше уляжется между вѣхами хорошо намъ извѣстныхъ пространствъ, чѣмъ слѣдовательно больше должна бы у насъ быть трата силы на передвиженіе себя по этимъ пространствамъ, тѣмъ большимъ мы признаемъ данное разстояніе и наоборотъ.

Идейная локолизація ничѣмъ существенно не отличается отъ другихъ, здѣсь также должны быть утверждены вѣхи — идеи, имѣющія характеръ логическихъ представителей. Напримѣръ, изучающему исторію философіи необходимо намѣтить главнѣйшія начала, развивающіяся въ извѣстный періодъ времени и развиваемыя отдѣльными философами, ихъ выяснить и утвердить сопоставленіемъ и размышленіемъ и потомъ къ нимъ пріурочивать частные взгляды и мнѣнія. Безъ идей—вѣхъ такъ же легко

запутаться въ философіи, какъ и въ исторіи и географіи. Отчетливое воспроизведеніе содержанія каждой отвлеченной науки предполагаетъ вполнѣ твердое и ясное усвоеніе главнѣйшихъ пунктовъ, главнѣйшихъ положеній науки, отчетливую помѣтку частей, отдѣловъ и подъ-отдѣловъ науки, знаніе существеннаго содержанія каждой части, отдѣла и т. д. Для лучшаго идейнаго и вообще связнаго запоминанія разнообразныхъ фактовъ и предметовъ весьма полезно пользоваться схемами, чертежами, фигурами, помѣтками, планами, словомъ всякаго рода внѣшними знаками, изображающими такъ или иначе главныя и второстепенныя части запоминаемаго.

Изслѣдованіе процесса локолизаціи припоминаемаго показываетъ, что самое главнѣйшее условіе хорошаго запоминанія обстановки или среды факта есть твердая установка руководящихъ вѣхъ. Къ чему мы будемъ пріурочивать припоминаемые факты и идеи, если у насъ слабы, колеблются основныя положенія? Никогда преподаватель исторіи и географіи не добьется отчетливыхъ воспроизведеній отъ своихъ учениковъ, если крѣпко-накрѣпко не утвердитъ въ ихъ сознаніи нѣкоторыхъ главнѣйшихъ пунктовъ, нѣкоторыхъ основныхъ представленій—вѣхъ, которыя могли бы служить точкой опоры для другихъ, частныхъ, а эти частныя могли бы въ порядкѣ укладываться между главными. Утвердивъ основныя вѣхи, мы должны стараться какъ можно крѣпче связать извѣстный фактъ съ соотвѣтствующей вѣхой. Для этого хорошо отъ даннаго событія или идеи протягивать умственныя нити не къ одной вѣхѣ, а къ нѣсколькимъ смежнымъ. Если между самыми вѣхами есть факты болѣе частнаго характера, но хорошо извѣстные и однородные, то полезно связывать данное обстоятельство и съ ними, вплесть его въ однородную группу, причемъ дѣло будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше различныхъ сопоставленій мы сдѣлаемъ между частнымъ обстоятельствомъ и группой: порвется одна или двѣ нити, связь представленій будетъ держаться другими нитями. Объяснимъ это примѣромъ. Предположимъ, что мы имѣемъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Руссо, Базедова, Фребеля и Дистервега, но не знаемъ ничего о Песталоцци. Какъ намъ прочнѣе усвоить свѣдѣнія о немъ, напримѣръ, время его жизни и дѣятельности, 1746—1827 гг.? Если отрывочно запомнить этотъ фактъ, то онъ недолго продержится въ нашей головѣ. Намъ нужно отнести этотъ фактъ прежде всего къ извѣстной вѣхѣ, т. е. къ эпохѣ конца XVIII и начала XIX столѣтія, нужно связать дѣятельность Песталоцци съ общимъ направленіемъ жизни того времени, съ французской ре-

волюціей XVIII вѣка, съ правленіемъ Наполеона, его войнами и т. д. Для этого нужно имѣть въ виду, что Песталоцци представлялся императорамъ Наполеону I и Александру I, что основанныя имъ школы въ Станцѣ и Бургдорфѣ прекращали свое существованіе вслѣдствіе смутъ тогдашняго времени, прохода французскихъ войскъ, измѣненія правленія въ Швейцаріи и т. д. Такимъ образомъ дѣятельность Песталоцци будетъ пріурочена къ извѣстной исторической вѣхѣ. Но этого мало, нужно тверже и частнѣе закрѣпить извѣстный фактъ, а для этого хорошо его связать съ другими частными, намъ извѣстными, фактами, напр. сообразить, что Песталоцци былъ младшимъ современникомъ Руссо и Базедова и старшимъ Фребеля и Дистервега. Но одна эта связь недостаточна, она легко можетъ порваться. Поэтому ее нужно закрѣпить другими связями, напримѣръ, имѣть въ виду, что Эмиль Руссо произвелъ на юношу—Песталоцци сильное вліяніе и способствовалъ укрѣпленію въ немъ его идеалистическихъ воззрѣній, и что Фребель былъ ученикомъ Песталоцци, жилъ у него нѣкоторое время въ Ифертенѣ. Далѣе, можно навести связь другого рода, именно ту, что время жизни Песталоцци совпадаетъ со временемъ жизни нѣкоторыхъ извѣстныхъ философовъ, напримѣръ, Фихте и Гербарта, которые оба очень сочувственно отнеслись къ Песталоцци и его дѣятельности. При этомъ можно будетъ припомнить, что старшій современникъ этихъ двухъ философовъ, Кантъ, также благосклонно отнесся къ старшему современнику Песталоцци, педагогу Базедову. Когда мы такимъ образомъ свяжемъ фактъ жизни Песталоцци множествомъ нитей съ другими извѣстными намъ фактами, то намъ трудно будетъ забыть этотъ фактъ. Конечно, подобное усвоеніе требуетъ нѣкоторой траты времени, но за то оно бываетъ прочно. А мы запоминаемъ, конечно, не за тѣмъ, чтобы забывать. Отсюда становится понятнымъ, что чѣмъ болѣе мы имѣемъ представленій, однородныхъ съ извѣстнымъ впечатлѣніемъ, тѣмъ легче и точнѣе усвояемъ это впечатлѣніе.

При изученіи фактовъ и идей въ связи весьма большое значеніе имѣютъ методы, которыми пользуются при запоминаніи. Особенно это нужно сказать про школу, въ которой работа запоминанія занимаетъ выдающееся положеніе.

Экспериментальная педагогика обратила вниманіе на одинъ изъ весьма распространенныхъ методовъ запоминанія — раздѣленіе матеріала запоминанія (напримѣръ, урока) на части и послѣдовательное изученіе каждой части въ отдѣльности, а потомъ въ цѣломъ. Методъ противоположный—изученіе молитвы,

стихотворенія, разсказа, отрывка изъ автора и т. п. въ цѣломъ, заразъ, если, конечно, матеріалъ не очень великъ, встрѣчается рѣдко не только у дѣтей, но и у взрослыхъ. Между тѣмъ, по экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, оказалось, что этотъ методъ недѣленнаго запоминанія матеріала удобнѣе, требуетъ меньше времени, чѣмъ методъ частичнаго запоминанія. Чтобы запомнить какое либо стихотвореніе по частичному методу нужно, положимъ, 3 мин. и 3 секуды, а запоминаніе того же стихотворенія сразу, въ цѣломъ, требуетъ 2 мин. и 47 секундъ. Одна госпожа въ теченіе десяти дней каждый день заучивала по двѣ строфы изъ Шиллеровой Дидоны такимъ образомъ, что въ первый, третій, пятый и другіе нечетные дни она заучивала по частямъ, а во второй, четвертый и другіе четные дни строфы заучивались цѣликомъ. Выяснилось, что въ среднемъ при заучиваніи цѣликомъ получилось 14, 5 минутъ экономіи времени сравнительно съ временемъ, употребленнымъ на заучиваніе строфъ по частямъ. Затѣмъ оказалось, что строфы, заученныя цѣликомъ, прочнѣе сохранились въ памяти и были воспроизведены наизусть съ большею увѣренностью. Количество повтореній при заучиваніи по частямъ равнялось для двухъ строфъ 33-мъ, а при заучиваніи цѣликомъ всего 14-ти. При прочитываніи стихотворенія наизусть, если оно изучалось цѣликомъ, не бываетъ обычныхъ заучиванію по частичному методу запинаній при переходѣ отъ одной строфы къ другой, а въ случаѣ забвенія, строфы выучивались вновь быстрѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда стихотвореніе заучивалось по частичному методу, а потомъ забылось. Если матеріалъ для заучиванія брался довольно большой и притомъ безсмысленный—до 20 слоговъ, то результаты были тѣ же: непрерывное заучиваніе, цѣликомъ, скорѣе приводило къ желанному результату, чѣмъ прерывистое, частичное заучиваніе. Отсюда усиленная рекомендація метода цѣлостнаго заучиванія педагогами—экспериментаторами.

При ближайшемъ разсмотрѣніи въ методѣ цѣлостнаго запоминанія оказались значительные недочеты. Сокращеніе времени заучиванія бываетъ не особенно большимъ, чтобы стоило изъ за этого много хлопотать, а нерѣдко времени на запоминаніе при заучиваніи цѣликомъ тратится не менѣе, чѣмъ при частичномъ заучиваніи. Число повтореній, нужныхъ для заучиванія, дѣйствительно уменьшается при заучиваніи цѣликомъ, но время заучиванія остается почти одно и то же и при томъ и при другомъ методѣ. Далѣе, если при запоминаніи цѣликомъ не дается почему либо только одна небольшая частичка, то изъ за нея приходится повторять все, и такимъ образомъ твердить то, что уже хорошо

заучено, что неудобно. Потомъ, сама природа вниманія требуетъ раздѣленія заучиваемаго на части: напряженность вниманія не остается одинаковой во все время запоминанія цѣлаго урока, она обыкновенно понижается въ срединѣ или нѣсколько ближе къ концу, а въ концѣ снова поднимается. Вслѣдствіе этого средина заучивается хуже и легко выпадаетъ изъ памяти. Наконецъ, всѣ предполагаемыя преимущества метода цѣлостнаго заучиванія имѣютъ въ виду запоминаніе дословное, буквальное, которое, конечно, необходимо при воспитаніи и обученіи, и въ семьѣ и въ школѣ, но составляетъ только небольшую часть упражненій. Расширять область буквальнаго запоминанія нѣтъ достаточныхъ педагогическихъ основаній.

По изложеннымъ соображеніямъ, пришлось вносить въ методъ цѣлостнаго заучиванія поправки. Стали разбивать цѣлый урокъ на части и, послѣ чтенія каждой части, давали изучающему маленькую передышку, а потомъ продолжали читать дальше. Слѣдовательно, вмѣсто изученія по кусочкамъ, изучается урокъ въ цѣломъ, но съ остановками на частяхъ. А когда встрѣчаются трудныя слова или мѣста, тогда они выучиваются особо, а потомъ происходитъ заучиваніе цѣликомъ. Такимъ образомъ, методъ непрерывнаго изученія сохраняется съ этими поправками. А зачѣмъ стремиться къ его сохраненію, если онъ въ чистомъ видѣ неудобенъ и во времени не выигрываетъ? Главная его цѣнность— психологическая: по нему происходитъ стройное, связное и равномѣрное запоминаніе, всѣ части котораго сочетаются между собою въ должномъ порядкѣ. Смыслъ и связь цѣлаго выясняются лучше и все запоминаніе ближе подходитъ къ типу логическаго усвоенія. При методѣ частичнаго запоминанія цѣлое отодвигается на второй планъ, на первомъ—отдѣльныя части. Чтобы связать ихъ между собою, нужно особенное усиліе. Притомъ при частичномъ запоминаніи образуется, отъ отдѣльныхъ повтореній, совершенно ненужная, лишь путающая дѣло, ассоціація между концомъ и началомъ каждой части, легко могутъ образоваться и другія развлекающія ассоціаціи, съ которыми, при воспріятіи уроковъ въ цѣломъ, придется вступать въ борьбу и такимъ образомъ расходовать силы непроизводительно. Поэтому оказывается, что цѣлостный методъ даетъ болѣе хорошіе результаты: по свидѣтельству Бинэ, одно лицо, по прошествіи двухъ лѣтъ, могло еще воспроизвести 23% пьесъ, разученныхъ по цѣлостному методу, и только 12% подобныхъ же пьесъ, разученныхъ по частичному методу [1]).

1) Бинэ, Современныя идеи о дѣтяхъ. Подробности объ изложенномъ методѣ см. Мейманъ, Экономія и техника памяти, стр. 154—167. Москва, 1913 г.

Существенные вопросы въ каждомъ методѣ запоминанія суть: вопросы о сосредоточеніи вниманія и о постановкѣ повтореній.

Установка вниманія и управленіе имъ во время запоминанія дѣло серьезной важности. Конечно, самое первое, что нужно, сосреточеніе вниманія и, по возможности, глубокое. Обыкновенно бываетъ такъ, что въ началѣ работы такое сосредоточеніе на лицо, а потомъ оно ослабѣваетъ. Нужно поддерживать напряженность вниманія, дѣлать его стойкимъ. Устойчивость вниманія зависитъ отъ многихъ причинъ, и отъ свойствъ субъекта и отъ качества усвояемаго матеріала и отъ метода усвоенія. За напряженіемъ вниманія неизбѣжно слѣдуетъ утомленіе, которое и предвѣщаетъ необходимость скораго окончанія работы. Напряженное вниманіе и утомленіе двѣ противоборствующія силы, игра которыхъ и даетъ различныя ступени умственной работы, въ томъ числѣ и запоминанія. Въ общемъ ихъ соотношеніе въ умственной работѣ можно представить такъ: въ началѣ вниманіе уходитъ на приспособленіе къ работѣ, на первыя попытки овладѣть матеріаломъ, на предварительную развѣдочную дѣятельность, вслѣдствіе чего работоспособность въ началѣ очень не высока. Это первый періодъ работы. Второй начинается съ развертыванія работоспособности, съ сосредоточенности вниманія, захватыванія и переработки матеріала. Окончаніе этого періода есть наивысшая ступень работоспособности, моментъ наисильнѣйшаго напряженія вниманія и вмѣстѣ самой быстрой и и вѣрной, успѣшной работы. Этотъ моментъ у разныхъ лицъ настаетъ съ различной степенью скорости: одни быстро доходятъ до максимума работоспособности и напряженности вниманія, другіе—медленно, ихъ максимумъ отодвигается. За максимумомъ начинается третій періодъ работы—ея ослабленіе, появляется утомленіе, сказывающееся тѣмъ, что работа совершается медленнѣе, вниманіе начинаетъ разсѣеваться, ошибокъ въ работѣ попадается больше. Чѣмъ сильнѣе утомленіе, тѣмъ ниже качество работы. Наконецъ, утомленіе окончательно беретъ верхъ надъ вниманіемъ, быть внимательнымъ оказывается невозможно и работа прекращается. Каждому педагогу нужно опредѣленно представлять эти три періода запоминанія и умственной работы вообще и сообразоваться въ своей дѣятельности съ ними. Указанные три періода въ работѣ замѣчаются какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ классовъ въ школахъ.

Въ частности о запоминаніи слѣдуетъ сказать, что вещи запоминаются лучше и легче словъ, и что зрительныя воспріятія даются медленнѣе слуховыхъ, но оказываются болѣе надежными и прочными.

Относительно повтореній представляются слѣдующіе вопросы: 1) нужны ли повторенія, если матеріалъ усвоенъ съ одного раза? 2) Какъ производить повторенія—заразъ побольше или заразъ поменьше? 3) При увеличеніи матеріала, насколько нужно увеличивать число повтореній?

1. Если извѣстный матеріалъ усвоенъ съ одного раза, то повторенія все же необходимы для запоминанія его настолько прочнаго, чтобы быть въ состояніи свободно и безъ ошибокъ воспроизвести его чрезъ сутки или чрезъ болѣе продолжительное время.

2) Распредѣленіе повтореній на извѣстное время гораздо выгоднѣе, чѣмъ совершеніе ихъ разомъ. Напримѣръ, когда мы учимъ ряды слоговъ и дѣ имъ повторенія на три дня, тогда для каждаго ряда требуется 38 повтореній; если же мы всѣ ряды заучиваемъ сразу въ одинь день, то необходимо сдѣлать 68 повтореній.. Другой изслѣдователь повторялъ рядъ слоговъ тридцать разъ безъ перерыва, затѣмъ въ теченіе трехъ дней повторялъ рядъ каждый день по 10-ти разъ. Черезъ сутки онъ испыталъ прочность запоминанія и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Оказалось, что слоги, выученные съ раздѣленіемъ повтореній, сохранились лучше, чѣмъ заученные въ одинь день. Дальнѣйшіе опыты показали, что при большомъ матеріалѣ, требующемъ для заучиванія большого количества повтореній, наиболѣе благопріятнымъ является распредѣленіе, растянутое на большой промежутокъ времени, т.-е., что заучиваніе производится быстрѣе, съ меньшимъ количествомъ повтореній, и заученное сохраняется надежнѣе, если повторенія распредѣляются на извѣстное время и если даже на одинъ день приходится одно повтореніе. Поэтому, если бы мы захотѣли заучить что либо въ одинъ разъ такъ, чтобы оно надолго сохранилось, то мы должны затратить очень значительное количество повтореній и все же не можемъ быть увѣрены въ успѣхѣ.

3. О вліяніи увеличивающагося объема матеріала повтореній на число повтореній существуютъ два мнѣнія: по одному число необходимыхъ повтореній возрастаетъ значительно быстрѣе увеличенія матеріала. Въ переводѣ на слоги это даетъ такіе два ряда:

число слоговъ: 7, 12, 16, 24, 26.

число понадобившихся повтореній: 1, 16, 6, 30, 44, 65. (Эббингаузъ).

По другому мнѣнію, затрата силъ, съ возрастаніемъ количе-

ства работы, относительно уменьшается. Вотъ какіе ряды представляются:

Число слоговъ: 8, 12, 16, 18, 24, 36.

Число повтореній: 5, 2, 10,4, 17, 21,5, 30, 32,5. (Мейманъ).

Въ объясненіе фактовъ, служащихъ поддержкой второго мнѣнія, приводится то соображеніе, что было бы странно, если бы опытъ, пріобрѣтаемый на изученіи предшествующаго матеріала, не оказывалъ благотворнаго, т. е. облегчающаго трудности запоминанія, вліянія на изученіе послѣдующаго. Это соображеніе, несомнѣнно, правильное. [1]).

IV.

Типы запоминанія.

Въ послѣдніе годы было обращено серьезное вниманіе на то, кому какой матеріалъ и какъ легче запоминать и воспроизводить. На основаніи разнообразныхъ наблюденій и многочисленныхъ экспериментовъ, мало по малу были установлены типы запоминанія и воспроизведенія. Нѣкоторые типы указываются согласно всѣми изслѣдователями, а нѣкоторые одними указываются, другими пропускаются, или одними изслѣдователями указываются такіе, а другими —другіе. Такое разногласіе и согласіе изслѣдователей обусловливается причинами типичнаго запоминанія и воспроизведенія. Причины эти весьма различны и заключаются въ преобладаніи извѣстной стороны, извѣстнаго органа у человѣка— зрѣнія, слуха, мускульнаго чувства и т. п.—надъ другими, что выражается вполнѣ ясно и опредѣленно и признается всѣми; или же причина заключается въ такихъ особенностяхъ строенія центровъ нервной системы, которыя выражаются менѣе ярко и опредѣленно что и служитъ основаніемъ для различныхъ взглядовъ; наконецъ, на возникновеніе типовъ запоминанія имѣютъ еще вліяніе среда, окружающая человѣка, физическая и общественная, воспитаніе и разнообразныя частныя культурныя условія жизни и дѣятельности, напримѣръ профессія, ремесло, весьма часто окрашивающія все запоминаніе не только самого профессіональнаго работника, но и его дѣтей, въ опредѣленный цвѣтъ.

---

1). См. объ указанныхъ вопросахъ и нѣкоторыхъ частныхъ пріемахъ заучиванія у Меймана, Экономія и техника памяти, гл. 4—Условія и техника механическаго заучиванія; В. Анри, Воспитаніе памяти. Москва, 1901 г; Max Offner, Gedächtniss. Die Ergebnisse der experimentellen Psychologie und ihre Anwendung in Unterricht und Erziehung. Berlin, 1909.

Что врожденныя свойства существенно вліяютъ на типъ запоминанія, это подтверждается наслѣдственностью въ семьяхъ извѣстныхъ свойствъ представленія. Такъ американскій психологъ Доджъ сообщаетъ о себѣ, что у него совсѣмъ нѣтъ слуховыхъ воспроизведенныхъ представленій, а потому у него зрительныя воспоминанія о фигурѣ и движеніяхъ человѣка заступаютъ мѣсто воспоминаній о его голосѣ, и что такой типъ представленій въ его семействѣ передается по наслѣдству. Лай зналъ трехъ братьевъ, близнецовъ, принадлежавшихъ къ слуховому типу; въ частности музыкальная память, цвѣтной слухъ и подобныя особенности представленій передаются по наслѣдству. Женщины въ большемъ числѣ принадлежатъ къ зрительному типу, чѣмъ мужчины. У дѣвочекъ различеніе цвѣтовыхъ оттѣнковъ находятъ болѣе тонкимъ, чѣмъ у мальчиковъ; дѣвочки выказываютъ болѣе склонности къ декоративному искусству, мальчики—къ чистой архитектурѣ. Что касается вліянія на складъ типа запоминанія воспитанія и вообще культуры, то объ этомъ будетъ сказано ниже.

Мы различаемъ двѣ группы типовъ запоминанія: органическіе и культурные. Но считаемъ нужнымъ замѣтить теперь же, что раздѣлять ихъ строго нельзя: къ даннымъ органическимъ основаніямъ типа обыкновенно прибавляются соотвѣтствующія культурныя вліянія, а въ основѣ культурныхъ типовъ всегда можно предполагать нѣкоторыя особенности въ строеніи нервной системы человѣка. Организмъ и культура дѣйствуютъ совмѣстно и одновременно въ созданіи типовъ запоминанія и воспроизведенія.

Органическіе типы.

Они опредѣляются преобладаніемъ одного изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, соотвѣтствующаго нервнаго центра и ярко характерной умственной дѣятельностью лица.

Зрительный типъ. Бываютъ люди, память которыхъ переполнена зрительными представленіями, которымъ легко дается все образно-зрительное, но которымъ болѣе или менѣе трудно запоминать звуки, слова, жесты, движенія, словомъ все, что нужно усвоять не зрѣніемъ, а какимъ либо другимъ органомъ. Въ какую сторону не двинутся люди этого типа, чѣмъ ни начнутъ заниматься, всюду они встрѣчаютъ у себя зрительныя представленія, во всемъ прибѣгаютъ къ помощи органа зрѣнія, а другими пользуются только въ случаѣ необходимости. У дѣтей преобладаніе этого типа выражается тѣмъ, что при заучиваніи они всегда читаютъ сами урокъ, а не ограничиваются тѣмъ, что прослушаютъ чтеніе другого, и даже вообще не любятъ запоминать со словъ

другихъ. Запоминая урокъ, они отчетливо запоминаютъ видъ изучаемаго учебника, страницу, строчки вверху, внизу или въ срединѣ страницы, характеръ шрифта. Когда они воспроизводятъ урокъ, тогда они такъ отчетливо представляютъ книгу и страницы, что какъ будто читаютъ по книгѣ; если урокъ переходитъ на другую страницу, они умственно переворачиваютъ листы книги и продолжаютъ чтеніе. Они очень хорошо знаютъ, читаютъ они начало страницы или ея конецъ. Если они учили по рукописи, въ которой нѣкоторыя мѣста были написаны неразборчиво, перечеркнуты, то, дойдя до этихъ мѣстъ въ своемъ воспроизведеніи, они начинаютъ припоминать медленно, ошибаться, потому что они умственно читаютъ неразборчивый текстъ. Между взрослыми наиболѣе яркими представителями этого типа служатъ нѣкоторые живописцы, которые, рисуя портретъ, довольствуются немногими посѣщеніями оригинала, а далѣе пишутъ наизусть, потому что они умственно видятъ оригиналъ со всѣми его позами и оттѣнками цвѣта; шахматные игроки, наизусть, безъ досокъ и шахматъ, играющіе одновременно съ нѣсколькими противниками, потому что умственно они совершенно отчетливо видятъ доски и расположеніе фигуръ на нихъ; нѣкоторые романисты, предъ глазами которыхъ проходятъ выведенные ими въ романахъ герои и героини, встаютъ, садятся, совершаютъ всевозможныя движенія; многоопытные корректоры, которые и во снѣ и на яву совершенно отчетливо видятъ корректурные листы при ихъ дѣйствительномъ отсутствіи. Представленія, полученныя при помощи другихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, у людей зрительнаго типа бываютъ немногочисленны и часто не совсѣмъ ясны.

Слуховой типъ. Относительно этого типа слѣдуетъ сказать то же, что сказано о зрительномъ типѣ, но съ примѣненіемъ къ слуховымъ представленіямъ. Люди слухового типа тѣ, у которыхъ внутри все говоритъ и поетъ, которымъ постоянно слышатся слова и голоса. Весь міръ для нихъ есть, прежде всего, безконечная система звуковъ, всѣ другія его свойства на второмъ планѣ. Они все стараются запоминать чрезъ посредство слуховыхъ впечатлѣній: человѣкъ для нихъ есть не извѣстная фигура и лицо, а, прежде всего, голосъ извѣстной силы и тембра; урокъ— послѣдовательный рядъ словъ, которыя нужно прослушать. Воспроизводя урокъ, они воспроизводятъ звуки, слова, голосъ, а не буквы, страницы и книги. Между взрослыми самые видные представители этого типа суть пѣвцы и музыканты.

Важно обратить вниманіе на двухъ представителей двухъ типовъ запоминанія, Иноди и Діаманди, потому что ихъ способъ

запоминанія разъясняетъ работу памяти. Это два, прославившіеся на весь міръ, счетчика.

Иноди почти исключительно пользовался при счисленіи слуховыми представленіями, съ нѣкоторою примѣсью рѣче-двигательныхъ элементовъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ пастухомъ въ пьемонтской области, не получилъ никакого школьнаго образованія и до 14 лѣтъ оставался неграмотнымъ. Вычисленія онъ началъ производить съ шестилѣтняго возраста, когда старшій братъ научилъ его считать. Семи лѣтъ онъ могъ умножать устно пятизначныя числа. При вычисленіяхъ онъ никогда не пользовался ни камешками, ни какими либо другими средствами и не чувствовалъ въ этомъ нужды. При публичныхъ выступленіяхъ Иноди дѣлалъ устно умноженія невѣроятно большихъ чиселъ, съ 16-ти, 20-ти, 24-хъ значными множителями. Задачи ему непремѣнно нужно было давать устно, на цифры онъ не смотрѣлъ, онѣ ему мѣшали. Чрезъ часъ послѣ сеанса, во время котораго онъ дѣлалъ вычисленія съ 300-ми цифрами, Иноди могъ повторять наизусть все вычисленіе. Онъ могъ сдѣлать это и на слѣдующій день, если даже не былъ къ этому приготовленъ. Въ другихъ же отношеніяхъ память его была слаба: онъ могъ запомнить непосредственно лишь шесть, семь буквъ и очень немного словъ изъ стихотворенія; его память на музыкальные отрывки, форму и цвѣтъ была ниже средняго уровня. А если ему назывались цифры, то онъ непосредственно могъ воспроизвести ихъ до 42 (обыкновенно, въ лучшемъ случаѣ, повторяютъ не болѣе 13). Иноди запоминалъ большое число цифръ не механически, но въ задачѣ, въ которой онѣ встрѣчались. Онъ запоминалъ цифры, образуя послѣдовательные ряды изъ нихъ и никогда не видя предъ собою одновременно большого количества цифръ. Основой его счисленія было умноженіе. Слѣдовательно, онъ пользовался, несмотря на свое необычайное природное запоминаніе цифръ, помощью логическаго усвоенія, которое можно считать разъ въ десять превосходящимъ непосредственное механическое запоминаніе. Когда, во время рѣшенія задачъ, вниманіе Иноди отвлекали двигательными раздраженіями, заставляли его вычислять съ высунутымъ или сдавленнымъ между зубами языкомъ, то, хотя онъ и вычислялъ, но работа требовала втрое болѣе времени.

Другой знаменитый счетчикъ, Діаманди, происходилъ изъ образованной и состоятельной семьи и нѣкоторое время занимался торговлей зерномъ. Самъ Діаманди утверждаетъ, что при счисленіи онъ видитъ цифры, какъ будто „сфотографированными“ на листѣ и внутренно читаетъ ихъ. При задачахъ Діаманди

всегда требовалъ, чтобы ему написали задачу. Затѣмъ, онъ бросалъ бѣглый взглядъ на написанную задачу, закрывалъ глаза и оживлялъ внутренно созерцаемую картину цифръ. Когда онъ достигалъ вполнѣ отчетливаго внутренняго созерцанія цифръ, тогда онъ начиналъ вычисленіе, которое совершалъ гораздо медленнѣе Иноди: послѣдній запоминалъ простой рядъ, состоящій изъ 25 цифръ, чрезъ 45 секундъ, а Діаманди чрезъ 3 минуты. Такъ какъ Діаманди отличался, подобно Иноди, весьма значительною способностію къ быстрымъ вычисленіямъ, то большую скорость Иноди въ запоминаніи простыхъ рядовъ чиселъ нужно отнести не на счетъ личной одаренности Иноди, а на счетъ его типа счисленія, т. е. что двигательно-слуховой типъ представленія (Иноди) дѣлалъ возможнымъ болѣе быстрый счетъ, чѣмъ зрительный (Діаманди). Но въ другихъ отношеніяхъ зрительный типъ имѣетъ преимущества предъ двигательно-слуховымъ. Такъ, когда нужно было запоминать порядокъ цифръ въ пространствѣ, считать цифры сверху внизъ и снизу вверхъ, то Діаманди обгонялъ Иноди. Діаманди легко запоминалъ цифры, вписанныя въ квадратъ, производилъ счисленіе въ любомъ порядкѣ, такъ какъ онъ внутренно созерцалъ цифры; Иноди же почти не въ состояніи былъ этого сдѣлать и достигалъ цѣли лишь съ помощью утомительныхъ сложныхъ вспомогательныхъ средствъ. Очевидно, что запоминаніе каждаго было болѣе или менѣе одностороннимъ.

Двигательный типъ. Нами непрерывно совершается громадное количество движеній всѣмъ тѣломъ вмѣстѣ, отдѣльными органами, глазами, голосовымъ аппаратомъ. Мы живы, ведемъ здоровую жизнь лишь тогда, когда совершаемъ множество движеній. Эти движенія въ жизни многихъ — простыхъ рабочихъ, гимнастовъ, танцоровъ, фокусниковъ, рисовальщиковъ, скульпторовъ—могутъ получить преобладающее значеніе, особенную яркость и опредѣленность, вслѣдствіе чего способъ представленія міра, его познанія и запоминанія будетъ особенный, мускульно-двигательный, подобно тому, какъ есть таковые же зрительный и слуховой. Съ особенною силою этотъ типъ представленія обнаруживается у тѣхъ лицъ, которыя, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, лишились зрѣнія и слуха, но остались жить и получили хорошее образованіе, какова Елена Келлеръ. Главный источникъ знанія у такихъ лицъ—осязательно-двигательный органъ. Но и въ другихъ, болѣе обыкновенныхъ, обстоятельствахъ этотъ органъ нерѣдко выдвигается и придаетъ духовной жизни особенную окраску.

Психологъ Доджъ сообщаетъ о себѣ, что онъ мыслитъ или

словами или наглядными образами. Когда онъ мыслитъ словами—а это бываетъ въ большинствѣ случаевъ,—онъ внутренно произноситъ слова, но при этомъ совершенно не слышитъ звуковъ рѣчи, т. е. его мышленіе представляетъ собою двигательную беззвучную рѣчь. Чувственными элементами, выплывающими при этомъ, бываютъ осязательныя и двигательныя представленія движеній губъ, языка, полости рта и гортани, а также грудныхъ мускуловъ, дѣйствующихъ при дыханіи. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ появляются при этомъ и слабые слуховые образы. Но вообще его слуховыя запоминанія, по его словамъ, „необыкновенно блѣдны и слабы". „Я совершенно не въ состояніи воспроизвести въ памяти музыкальную пьесу". Нѣкоторыя простыя мелодіи Доджъ можетъ внутренно спѣть, но пѣніе это будетъ почти исключительно двигательнымъ, т. е. безъ звуковъ. Онъ не въ состояніи представить голоса большинства знакомыхъ ему лицъ, голосъ своего отца онъ представляетъ только въ опредѣленныхъ оборотахъ рѣчи (какъ-то: ту, boy и т. п.). Недавно слышанную оперу онъ можетъ вполнѣ повторить въ мысляхъ, но, къ „сожалѣнію, лишь какъ пантомиму". Представленія словъ—двигательныя, голоса пѣвцовъ не звучатъ. Эта односторонность наслѣдственна въ его семьѣ: его мать и братъ обладаютъ такою же слабою музыкальною памятью и никто изъ нихъ не могъ пѣть.

Подобнымъ образомъ вѣнскій профессоръ Штрикеръ, по его свидѣтельству, мыслитъ осязательными и двигательными представленіями, для него музыкальныя представленія, а также слова, суть только внутреннія двигательныя возбужденія.

Другіе органическіе типы. Такъ какъ, кромѣ органовъ зрѣнія, слуха и движеній, у насъ есть множество и другихъ органовъ, дѣятельность которыхъ имѣетъ важное значеніе для нашего тѣлеснаго благополучія, и энергія которыхъ возрастаетъ въ опредѣленные періоды жизни человѣка, заполняя его сознаніе свойственными имъ образами, то, сверхъ указанныхъ трехъ типовъ представленій, время отъ времени попадаются другіе. Встрѣчаются люди съ преобладающими вкусовыми ощущеніями, которые исповѣдуютъ такую вѣру: мы живемъ для того, чтобы ѣсть. Наслажденіе пищей, мечта о вкусныхъ кушаніяхъ и роскошныхъ пиршествахъ, соображенія о томъ, какъ ихъ устроить и откуда достать средства для ихъ устройства, тонкая критическая расцѣнка разнообразныхъ винъ и кушаній, обширныя знанія о томъ, откуда и когда привозятся лучшія вина, рыба, наиболѣе вкусная дичь, обстоятельное знакомство со всѣми ресторанами Европы, гдѣ хорошо кормятъ—вотъ преобладающее содержаніе психики

такого типа людей. Ихъ простѣйшій, первобытный представитель—Петръ Петровичъ Пѣтухъ у Гоголя. Весь міръ въ глазахъ подобныхъ лицъ нѣчто въ родѣ громадной кухни, гдѣ все родящееся родится затѣмъ, чтобы ѣсть или быть съѣденнымъ, всѣ другія цѣли бытія имѣютъ второстепенное, служебное по отношенію къ главной, значеніе. Такіе люди легко запоминаютъ все, относящееся къ ѣдѣ, и тупо все прочее.

Типъ обонятельный у насъ встрѣчается весьма рѣдко. Вѣроятно, его чаще можно встрѣтить въ тѣхъ восточныхъ странахъ, гдѣ цвѣты, духи, всякія притиранія и благовонія играютъ видную роль въ жизни. За то часто встрѣчается смѣшанный органическій типъ, въ которомъ есть задатки всѣхъ типовъ, но преобладающимъ болѣе или менѣе являются черты какого либо одного. Большинство людей смѣшаннаго типа, такъ какъ у большинства органы внѣшнихъ чувствъ и соотвѣтствующіе нервные центры дѣйствуютъ нормально и тѣмъ препятствуютъ созданію чистаго односторонняго типа. Строго односторонній, до исключенія элементовъ всѣхъ прочихъ, типъ никогда не встрѣчается. Даже Иноди, хотя и плохо, но все же запоминалъ и цвѣта и формы. Притомъ онъ былъ двигательно-слуховой типъ, т. е. процессъ мышленія и счисленія сопровождался у него равномѣрными слабыми движеніями мускуловъ голосового аппарата. Вообще при типѣ можетъ итти рѣчь только о значительномъ преобладаніи свойствъ даннаго типа надъ другими. Но это преобладаніе весьма важно для пониманія данной личности, характера ея запоминанія и вообще ея развитія. Полная односторонность типа запоминанія, его чистота влекла бы великія затрудненія для мышленія, тогда все не-зрительное, или не-слуховое, или не-двигательное пришлось бы замѣщать элементами наличнаго типа, что возможно, но чрезвычайно трудно, какъ показываетъ примѣръ воспитанія такихъ лицъ, какъ Лаура Бриджманъ и Елена Келлеръ. Притомъ онѣ замѣщали недостатокъ другихъ чувствъ данными основного-осязательно-мускульнаго. Возможно ли, наоборотъ, замѣщеніе этого чувствѣа данными зрѣнія или слуха—вопросъ, такъ какъ соотвѣтствующаго опыта не было, по крайней мѣрѣ въ широкомъ видѣ. Болѣзненные случаи бывали такого рода: больные теряютъ мускульное чувство, а потому, лишь только перестаютъ видѣть свои члены, не имѣютъ болѣе понятія объ ихъ положеніи и даже объ ихъ существованіи. Въ постели они ихъ совершенно теряютъ и бываютъ вынуждены отыскивать ихъ, не зная, гдѣ они. Больные дѣлаютъ иногда усиліе, чтобы согнуть или разогнуть членъ уже согнутый или

разогнутый. Если они сдѣлали движеніе, то не знаютъ о его величинѣ и часто даже не знаютъ, сдѣлали ли они его. Если они думали совершить какое либо движеніе, но имъ препятствуютъ совершенно безъ ихъ вѣдома, то они остаются увѣренными, что совершили это движеніе, потому что имѣли намѣреніе исполнить его. Ихъ можно заставить совершать пассивныя движенія при помощи электрическаго прибора, и они не будутъ подозрѣвать объ этихъ движеніяхъ. Хотя подобные люди сохраняютъ всю свою мускульную силу и не знаютъ усталости, однако, когда они въ темнотѣ, или когда перестаютъ наблюдать глазами за движеніями своихъ членовъ, они ходятъ съ трудомъ. Для нихъ необходимо, чтобы зрительныя ощущенія замѣняли недостающія мускульныя. Если имъ точно также недостаетъ и зрительныхъ ощущеній, какъ и мускульныхъ, то они не могутъ держаться, стоя, не качаясь, или не рискуя упасть. Ихъ движенія имѣютъ слишкомъ мало увѣренности, предметы, находящіеся у нихъ въ рукѣ, легко выпадаютъ, а иногда они раздавливаютъ находящіеся въ ихъ рукахъ предметы, вслѣдствіе слишкомъ энергичнаго сокращенія мускуловъ.

Бываютъ случаи совершенно противоположнаго характера, когда теряется чувствительность кожи, исчезаютъ осязательныя ощущенія, между тѣмъ какъ мускульныя сохраняются. Одинъ работникъ, имѣя мускульныя ощущенія, былъ лишенъ кожной чувствительности въ рукѣ и пальцахъ, такъ что ему были недоступны ощущенія прикосновенія, боли и температуры. Если послѣ того, какъ онъ закрывалъ глаза, ему давали въ руку довольно объемистый предметъ, онъ удивлялся, что не могъ сжать ее. Онъ получалъ только ощущенія сопротивленія и ничего болѣе. Онъ ничего не могъ сказать о предметѣ, какова его форма, величина, былъ ли онъ тепелъ или холоденъ, острый или притупленный. Если ему, при помощи снурка и не предупреждая его, къ кисти руки привязывали тяжесть въ $2^1/_2$ фунта вѣсомъ, то онъ предполагалъ, что его дергали за руку.

Подобные болѣзненные случаи открываютъ намъ возможность появленія и существованія такихъ органическихъ типовъ запоминанія, которые совсѣмъ не встрѣчаются въ окружающей насъ обыкновенной дѣйствительности.

Когда различныя впечатлѣнія дѣйствуютъ на нормальнаго человѣка съ какимъ либо типомъ запоминанія, то совершается такой процессъ: если впечатлѣніе соотвѣтствуетъ свойствамъ преобладающаго типа и ими воспринимается, то получается отчетливое и прочное запоминаніе. Если же впечатлѣніе отвѣчаетъ

свойствамъ не главнаго типа, а другимъ, слабѣйшимъ, то эти другія выдвигаются въ моментъ воспріятія на первый планъ и запоминаніе совершается нестоль отчетливо, какъ въ первомъ случаѣ, но все же сносно, и если дѣло идетъ о томъ, чтобы воспринятое впечатлѣніе воспроизвести сейчасъ же, непосредственно по его полученіи, то воспроизведеніе удается. Но положеніе измѣняется, какъ скоро задача касается длительнаго воспроизведенія, усвоенія надолго. Такъ какъ воспринимавшія впечатлѣнія свойства были слабы, то припоминаніе оказывается неяснымъ и невѣрнымъ, оно улетучивается, забывается. Возникаетъ необходимость его замѣны, а замѣняющіе элементы обыкновенно почерпаются изъ сильныхъ свойствъ преобладающаго типа. Предположимъ, что слабы слуховыя качества даннаго лица, а сильны зрительныя или двигательныя, и вотъ воспріятіе голоса человѣка замѣщается воспріятіемъ его лица при разговорѣ, позы говорящаго, выраженія его глазъ; припоминается опера, но въ видѣ пантомимы, въ видѣ движеній пѣвцовъ. У кого либо слабо воспріятіе запаховъ, а сильно и отчетливо воспріятіе цвѣтовъ, и вотъ при обонятельномъ ощущеніи запоминается названіе запаха (зрительнымъ путемъ, въ видѣ печатнаго или письменнаго имени) и усвояется общій смыслъ слова при помощи аналогіи даннаго запаха съ какимъ либо цвѣтомъ (или вкусомъ, при другомъ сочетаніи). Очевидно, чѣмъ чаще происходитъ такая замѣна, тѣмъ запоминаніе и мышленіе становятся смутнѣе и смутнѣе. Въ смѣшанномъ типѣ желательно сочетаніе элементовъ трехъ односторонникъ типовъ: осязательно-мускульнаго(двигательнаго), зрительнаго и слухового. Этими тремя элементами будетъ обезпечено разностороннее и отчетливое запоминаніе.

Число дѣтей, принадлежащихъ къ различнымъ типамъ запоминанія, на большихъ массахъ не изслѣдовано. Одно изслѣдованіе небольшой группы дѣвочекъ—15-ти, весьма точно проведенное въ теченіе трехъ лѣтъ подрядъ, дало такой результатъ: дѣтей зрительнаго типа 44,6%, слухового — 25.3%, и двигательнаго 30,1%. Устойчивость типовъ довольно значительна: съ 10-лѣтняго до 11-лѣтняго возраста количество дѣтей зрительнаго типа уменьшилось, по наблюденію того же изслѣдователя (Пфейфера), на 8,8%, процентное отношеніе дѣтей слухового типа осталось почти тоже, а двигательнаго возросло на 8,7%. На слѣдующій годъ процентное отношеніе зрительнаго типа увеличилось у тѣхъ же самыхъ дѣтей на 2,4%, слухового уменьшилось на 1.5%, двигательнаго уменьшилось на 0,9% [1]).

[1]). Мейманъ, Экономія и техника памяти. Стр. 149, 133.

Культурные типы.

Органическіе типы памяти имѣютъ значеніе не только для запоминанія и воспроизведенія душевныхъ состояній, они имѣютъ значеніе и для всей душевной жизни, для самыхъ разнообразныхъ душевныхъ дѣятельностей. Типъ запоминанія отражается, прежде всего, на умственной дѣятельности, наполняя умъ представленіями извѣстной области и, вслѣдствіе этого, предрасполагая его къ мышленію о соотвѣтствующихъ вопросахъ и способамъ или болѣе наглядным или отвлеченнымъ. А умъ извѣстнаго склада будетъ сильно вліять на ходъ чувствованій и волю. Культурные типы запоминанія находятся въ еще болѣе тѣсной связи съ общимъ ходомъ душевной жизни, такъ что представляютъ собой прямо уже не только типы запоминанія, но и умственной дѣятельности и характеризуютъ и другія стороны душевной жизни.

Можно дѣлить культурные типы запоминанія на быстрые и медленные. Съ внѣшней стороны быстрый и медленный типы запоминанія характеризуются тѣмъ, что быстрый типъ скоро усвояетъ и скоро же и забываетъ, а медленный не легко запоминаетъ, съ значительной затратой времени, но зато долго хранитъ воспринятое. Вотъ пояснительные факты и характеристика обоихъ типовъ, сдѣланная Мейманомъ: одному взрослому лицу для заучиванія ряда изъ 12 слоговъ потребовалось 56 повтореній, а другому того же возраста лишь 18. Послѣ четырехнедѣльнаго упражненія для запоминанія ряда въ 12 слоговъ первому потребовалось 25 повтореній, а второму 6. Подобныя же соотношенія встрѣчаются и у дѣтей. Первый, очевидно, медленный, второй—быстрый. Но быстрый и забывалъ быстро: онъ требовалъ, чтобы ему позволили сказать рядъ слоговъ тотчасъ же, какъ только онъ увѣрился, что онъ ихъ запомнилъ, потому что чрезъ двѣ минуты послѣ заучиванія онъ уже не могъ воспроизвести ряда слоговъ. Быстрый и воспроизводитъ быстро, безпокойно, торопливо. Медленный требуетъ большаго количества повтореній, послѣ заучиванія не только не требуетъ, чтобы ему дали сказать заученное сейчасъ же, но часто высказываетъ желаніе, чтобы заученное въ теченіе нѣсколькихъ минутъ укрѣпилось. Онъ воспроизводитъ съ большею увѣренностью, сравнительно медленно и чрезъ нѣсколько минутъ можетъ такъ же хорошо воспроизвести изученное, какъ и при первомъ воспроизведеніи. Очевидно, воспроизведеніе быстраго приближается къ непосредственному запоминанію, а запоминаніе медленнаго есть настоящее длительное запоминаніе.

Съ внутренней стороны быстрый и медленный типы запоминанія характеризуются состояніемъ вниманія: быстрый скоро приспособляется къ работѣ, ея задачѣ и условіямъ, и скоро достигаетъ доступной ему сосредоточенности вниманія; у медленнаго и тотъ и другой процессы совершаются съ гораздо большей затратой времени. Поэтому Мейманъ не безъ основанія замѣчаетъ [1]), что вниманіе, быстро приспособляющееся и также легко мѣняющее свое направленіе, благопріятно для профессіи журналиста, дипломата, врача, учителя, оно является условіемъ художественнаго дарованія, дара импровизаціи, находчивости въ рѣчи; сосредоточенное продолжительное вниманіе является спеціальнымъ условіемъ научнаго дарованія.

Есть типъ запоминанія и вмѣстѣ типъ всей психической жизни, который можно назвать личнымъ или эгоистическимъ. Онъ характеризуется преобладающимъ вниманіемъ къ личнымъ переживаніямъ всякаго рода и весьма малою способностію отрываться отъ личной почвы, чтобы войти въ положеніе другого, понять строй его мысли, пріобщиться къ потоку его чувствованій и т. п. У такихъ людей замѣчается особенная чувствительность къ личнымъ переживаніямъ, „кожа ихъ души“ слишкомъ нѣжна. Флоберъ, напримѣръ, сравнивалъ себя съ человѣкомъ, у котораго содрана кожа, и говорилъ, что въ самой натурѣ его лежитъ какая-то „невозможность счастья“, что онъ не созданъ для наслажденія. Такіе люди весьма хорошо помнятъ все, касающееся ихъ личнаго благополучія, событія веселыя, благопріятныя, печальныя происшествія, когда они попали въ затруднительное положеніе и какъ со славою изъ него вышли, отчетливо запоминаютъ свою обстановку и лицъ, доставлявшихъ имъ удовольствія и огорченія. Въ разговорѣ они говорятъ только о себѣ, о томъ, что съ ними было, куда они ѣздили, что дѣлали, что хотятъ сдѣлать. Жизнь другихъ имъ неинтересна и чужда. Сколько ихъ не слушай, никогда не переслушаешь, и все это будутъ рѣчи о себѣ, или о томъ, что касается себя съ той или другой стороны, о родныхъ, о знакомыхъ, нерѣдко съ самой подробной хронологіей семейныхъ событій. Если лицо, принадлежащее къ этому типу, занимается умственнымъ трудомъ, научными изслѣдованіями, то оно будетъ говорить о нихъ со всѣми и во всякое время, къ дѣлу и не къ дѣлу, и опять безъ конца. Рѣчь о трудахъ другихъ и по другимъ предметамъ оно пропускаетъ мимо ушей, и лишь только разговоръ прервался, оно снова начинаетъ безко-

1) Тамъ же, стр. 118.

нечный разсказъ о томъ, что оно сдѣлало, или намѣрено сдѣлать. Людей этого типа нельзя признать безпамятными или глупыми, они очень памятливы относительно себя и бываютъ очень неглупыми въ своей области, но они очень ограничены и нравственно и умственно: это безконечное вращеніе вокругъ своей особы съ ея мелкими переживаніями, эта постоянная мысль о своей работѣ, о своей темѣ, сопровождающіяся отсутствіемъ интереса къ другимъ лицамъ и другимъ работамъ и даже непониманіемъ всего, что лежитъ за предѣлами моего я, придаютъ человѣку печать узкой ограниченности. Онъ не можетъ сказать про себя: я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо. Этотъ общій типъ разбивается на множество частныхъ: бываютъ люди, которые очень внимательны къ своему здоровью и разстройствамъ его, постоянно говорятъ о болѣзняхъ, докторахъ, лечебницахъ, память которыхъ переполнена всякими гигіеническими и медицинскими фактами; другіе бываютъ очень памятливы къ веселымъ событіямъ жизни; третьи особенно воспріимчивы къ фактамъ, касающимся ихъ самолюбія и т. п.

Самый важный изъ всѣхъ культурныхъ типовъ памяти есть, безъ сомнѣнія, разумно—волевой.

Разумность входитъ элементомъ въ обширное и твердое запоминаніе. Мы уже указывали, что наше запоминаніе есть запоминаніе въ связи, а связное запоминаніе есть, между прочимъ, запоминаніе идейное, логическое, предполагающее сопоставленіе вновь запоминаемаго съ прежде усвоеннымъ, образованіе разнообразныхъ связующихъ нитей между частями и элементами запасовъ памяти. Громадная разница — запоминать матеріалъ безсмысленный, состоящій изъ слоговъ, буквъ, цифръ, отдѣльныхъ безсвязныхъ словъ, или осмысленный, напримѣръ, слова, связанныя смысломъ. Изъ опытовъ Бине и Анри, произведенныхъ надъ сохраненіемъ словъ и фразъ, выяснилось, что, если дѣтямъ предлагалось запомнить отдѣльныя слова, не связанныя смысломъ, и слова, соединенныя въ осмысленныя предложенія, то въ послѣднемъ случаѣ они запоминали въ 25 разъ больше словъ, чѣмъ въ первомъ. Эббингаузъ нашелъ, что для запоминанія извѣстнаго числа рядовъ, состоящихъ изъ 12 безсмысленныхъ слоговъ, на шестой день потребовалось еще 31 повтореніе, въ то время, какъ шесть строфъ изъ Донъ-Жуана Байрона были безошибочно воспроизводимы уже на четвертый день. Согласно другимъ опытамъ Эббингауза и Бине, для заучиванія осмысленнаго матеріала средняго объема требуется, повидимому, лишь 0,1 времени, необходимаго для механическаго запоминанія матеріала того же

объема. Отсюда становится понятнымъ, что съ возрастомъ, т. е. съ постепеннымъ развитіемъ разума, способность механическаго заучиванія и охота къ нему уменьшаются, что при заучиваніи даже безсмысленнаго матеріала и дѣти и взрослые невольно прибѣгаютъ къ такимъ вспомогательнымъ средствамъ, какъ темпъ и ритмъ, чтобы тѣмъ или другимъ объединить предложенный матеріалъ, распредѣлить его на связныя группы, внести въ него какой либо порядокъ, другими словами хотя немножко пропитать его логическимъ элементомъ. Одно лицо, подвергавшееся опытамъ въ лабораторіи по части выучиванія безсмысленныхъ слоговъ, заявило, что оно запоминаетъ рядъ безсмысленныхъ слоговъ благодаря тому, что образуетъ изъ нихъ родъ двигательно—слухового единства („родъ мелодіи“). Очевидно, безсмысленное въ своемъ чистомъ видѣ претитъ намъ, при необходимости запоминанія его мы всячески стараемся преобразовать безсмысленное въ какую либо, хотя бы и искусственную, форму разумности. Каждый можетъ припомнить изъ исторіи своего дѣтства, какъ ему и его школьнымъ товарищамъ приходилось всячески изворачиваться, чтобы запомнить исключенія изъ правилъ латинской грамматики, а для этого образовывать изъ исключеній стихи, предложенія и пр. Вообще наша память стремится безсвязный матеріалъ собирать въ единства, въ группы и въ гнѣзда, и усвояетъ его по такимъ объединеннымъ группамъ. Для запоминанія важно не количество отдѣльныхъ элементовъ, но количество образуемыхъ памятью объединяющихъ центровъ, сложныхъ единствъ. Такимъ образомъ, нашему запоминанію въ самой его сущности свойственно стремленіе къ объединяющей разумности.

Конечно, у отдѣльныхъ лицъ естественное стремленіе памяти къ объединенію и разумности выражается весьма различно. Одни прямо и рѣшительно преслѣдуютъ смыслъ и логическую связь матеріала, запоминая слова лишь настолько, насколько они выясняютъ смыслъ и связь мыслей; другіе при осмысленномъ заучиваніи обращаютъ главное вниманіе на словесные и грамматическіе элементы текста, присматриваются къ строю предложеній, отличаютъ въ нихъ зрительныя и слуховыя составныя части и т. д.; третьи стараются овладѣть, прежде всего, всѣмъ матеріаломъ, какъ цѣлымъ, а потомъ переходятъ къ его частямъ; четвертые поступаютъ совершенно наоборотъ и т. д. Индивидуальныя различенія весьма значительны.

Къ элементамъ разумности въ памяти присоединяются еще элементы воли. Конечно, запоминаніе подлежитъ закону необходимости и совершается невольно и неизбѣжно, хотимъ мы запоми-

нать или не хотимъ. Но когда хотимъ, тогда запоминаніе совершается гораздо лучше, и можно сказать, что настоящее, твердое и правильнее запоминаніе есть волевое.

Во первыхъ, когда у насъ нѣтъ желанія запоминать, то, значитъ, нѣтъ и желанія наблюдать, нѣтъ цѣли, нѣтъ сознательнаго намѣренія, тогда мы пассивны, отдаемся потоку ощущеній, т. е. смотря, ходя съ открытыми глазами, не видимъ, слушая, не слышимъ и т. д. Сколько разъ у насъ въ рукахъ бываютъ извѣстныя вещи, сколько разъ мы видѣли извѣстные предметы, слышали голоса и мелодіи, и все же свойства ихъ намъ остались неизвѣстными, потому что мы не хотѣли видѣть, слушать, наблюдать. Многія повторенія не повлекли за собою запоминанія. Проф. Мейманъ сообщаетъ [1]), что онъ систематически разспрашивалъ студентовъ, знаютъ ли они, какой видъ имѣютъ обои ихъ рабочей комнаты, могутъ ли они описать форму ключа, которымъ они пользуются ежедневно, сколько ступенекъ они должны пройти по лѣстницѣ въ университетъ могутъ ли они назвать дома, мимо которыхъ имъ приходится ежедневно проходить, могутъ ли они описать или нарисовать самыя замѣчательныя колокольни города, могутъ ли описать очертаніе горъ, на которыя они смотрѣли часто и внимательно, могутъ ли они вспомнить, обозначена ли цифра четыре на ихъ карманныхъ часахъ въ видѣ четырехъ палочекъ, или въ видѣ пяти безъ единицы и т. п. На всѣ подобные вопросы получаются удивительно неувѣренные или совсѣмъ неправильные отвѣты. Слѣдовательно, чтобы запоминать, нужно сначала наблюдать, т. е. хотѣть запоминать, а безъ этого элемента воли многія повторныя впечатлѣнія не оставляютъ по себѣ опредѣленнаго слѣда въ нашемъ сознаніи и забываются [2]).

Во вторыхъ, хотѣть запоминать вообще недостаточно. Наше запоминаніе зависитъ отъ многихъ условій, о которыхъ выше была рѣчь. Хотѣть запоминать значитъ хотѣть выполнить всѣ условія хорошаго запоминанія, какъ отдѣльныхъ фактовъ и идей, взятыхъ сами по себѣ, такъ и въ связи, въ извѣстномъ положеніи

[1]). Экономія и техника памяти. Стр. 204.

[2]). Въ Севастополѣ, на броненосцѣ „Чесма", въ офицерской столовой, на боковой стѣнкѣ, висѣли два совершенно одинаковыхъ поясныхъ портрета Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тожественность которыхъ бросилась въ глаза сразу одному случайному посѣтителю. Между тѣмъ офицеры сообщили ему, что они только чрезъ четыре мѣсяца плаванія, проводя въ столовой ежедневно по нѣсколько часовъ, замѣтили, что на стѣнѣ висятъ два одинаковыхъ портрета, и то не сами, а благодаря фотографу—любителю (Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія. Вып. 1. Москва. Стр. 78).

ихъ въ пространствѣ, времени и среди другихъ родственныхъ идей и фактовъ. Это трудъ, требующій затраты силъ и времени, но его необходимо произвести тому, кто хочетъ хорошо запомнить.

Въ третьихъ, нужно хотѣть не только запомнить, но и вспомнить, воспроизвести. Когда мы вспоминаемъ, то нерѣдко оказывается, что мы не можемъ вспомнить, забыли. Мы не должны сразу же отказываться отъ припоминанія, мы должны сдѣлать усилія вспомнить, поискать тѣ связующія ниточки, которыя должны быть непремѣнно у каждаго запоминаемаго факта. Мы должны постараться припомнить связь идейную, по мѣсту и по времени, пошарить въ различныхъ уголкахъ своей памяти, подергать различныя ассоціаціи. Гдѣ нибудь, можетъ быть, откроется связывающая ниточка, по ней мы доберемся и до самого, не дающагося намъ сразу, факта. Дѣлать усилія припомнить мы во всякомъ случаѣ должны, это пріучитъ насъ не оставлять факты разрозненными, въ хаотическомъ безпорядкѣ, на манеръ вещей, бывшихъ въ плюшкинской кучѣ, а сочетать ихъ съ прежними и другъ съ другомъ по опредѣленному порядку, дающему возможность добираться, хотя и съ усиліемъ и съ трудомъ, до каждаго факта, составляющаго часть нашего упорядоченнаго, систематическаго запоминанія. Что такія усилія вспомнить приводятъ нерѣдко къ цѣли, объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе факты успѣшнаго волевого припоминанія [1]).

Такое разумно-волевое запоминаніе есть педагогическій идеалъ, къ осуществленію котораго нужно стремиться.

Наконецъ, послѣдній типъ культурной памяти есть память профессіональная—спеціальныхъ наукъ, искусствъ, ремеслъ, языковъ, именъ, чиселъ, словомъ того, что человѣку бываетъ необходимо помнить по его жизненнымъ обстоятельствамъ. Этотъ типъ запоминанія возникаетъ подъ вліяніемъ главнымъ образомъ двухъ могучихъ силъ: упражненія и сосредоточеннаго вниманія и можетъ достигать громаднаго развитія. Бываютъ, говорятъ, люди, которые знаютъ наизусть всѣ святцы. Появляются геніи профессіональной памяти, по большей части глубоко односторонніе, усвояющіе и помнящіе въ своей спеціальности непомѣрно много и очень мало въ другихъ областяхъ. Линней имѣлъ обширную память по части растеній, но былъ совсѣмъ безпамятенъ на языки. Случалось ему живать въ данной странѣ по нѣскольку лѣтъ, но усвоить языка ея жителей онъ не могъ. Вальтеръ Скоттъ легко

[1]) См. нѣкоторые примѣры у К. и В. Штернъ, Воспоминаніе, показаніе и ложь въ раннемъ дѣтствѣ. СПБ. 1911 г., стр. 144, 145, 81.

запоминалъ пѣсенки, баллады, отрывки изъ трагедій и комедій, но имена, числа и вообще точная исторія была не по немъ. Громадная спеціальная память легко мирится съ общимъ слабымъ развитіемъ ума, а иногда уживается съ тупостію и даже съ идіотизмомъ. Архидіаконъ Фиронъ разсказываетъ [1]), что въ приходѣ его отца былъ идіотъ, который помнилъ всѣхъ умершихъ и погребенныхъ въ продолженіе 35 лѣтъ, ихъ имена, лѣта, а равно и всѣхъ присутствовавшихъ при ихъ погребеніи. За то кромѣ погребеній онъ ничего не помнилъ, не могъ даже самъ принимать пищу. Вообще же нужно сказать, что условія, вліяющія на развитіе и формировку другихъ типовъ запоминанія, дѣйствуютъ на складъ и этого типа.

Конечно, профессіональная память необходимо вызывается потребностями жизни, но психологическая ея цѣнность не велика, она собственно не что иное, какъ громадный болѣзненный наростъ на общей нормальной памяти. Человѣкъ съ громадной спеціальной памятью и слабой общей есть уродъ, какъ физически уродливъ тотъ, кто развилъ у себя необычайно мускулы, но у котораго дыханіе, пищевареніе и все здоровье слабы. Съ этой точки зрѣнія и Иноди и Діаманди и всѣ односторонніе геніи также уродливы.

V.

О воспроизведеніи и забвеніи.

Вся наша душевная жизнь представляетъ собой непрерывающееся теченіе состояній, постоянно мѣняющихся. Одно душевное явленіе слѣдуетъ за другимъ и ни одно не бываетъ тожественнымъ съ какимъ либо другимъ. Ужъ если гдѣ, то именно въ душевной области справедливо выраженіе древняго мыслителя: все течетъ, все измѣняется. Отсюда ждать въ воспроизведеніи точнаго повторенія пережитаго невозможно. Наша память есть составной элементъ измѣнчивой душевной жизни; какъ же она можетъ что либо сохранять и воспроизводить безъ всякихъ перемѣнъ? Въ нашей душѣ нѣтъ такого мертваго угла, нѣтъ такой неподвижной заводи, на днѣ которой запасы памяти лежали бы спокойно, невредимо, неизмѣнно. Бури въ душѣ бушевали бы, совершались бы крупные душевные перевороты, человѣкъ перестраивался бы заново, а въ неподвижной заводи памяти все оставалось бы лежать спокойно, безъ перемѣнъ, по старому. Это невозможно, это противорѣчило бы самому существу душевной

[1]). Винсловъ, Болѣзни мозга и души. Стр. 585

жизни. Поэтому нечего жаловаться, что память наша невѣрна, что на нее нельзя полагаться, что она воспроизводитъ ошибочно, неточно. Она неразрывно спаяна и съ умомъ и съ волей, на ея дѣятельность вліяютъ чувствованія и вниманіе, а всѣ перечисленныя состоянія непрерывно измѣняются, слѣдовательно должна измѣняться и память. Сохраняя пережитое, память въ то же время ихъ измѣняетъ и передѣлываетъ. Какъ? Какими путями? Въ какихъ размѣрахъ? Въ настоящее время установлено, что, напримѣръ, свидѣтельскихъ показаній, вполнѣ точныхъ, буквально достовѣрныхъ, не бываетъ. Взрослый человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ факта, разсматривавшій картину, присутствовавшій на бесѣдѣ, никогда не передастъ безъ искаженій, дополненій, пропусковъ и измѣненій, что онъ наблюдалъ, его показаніе не будетъ ложью, оно будетъ содержать нѣчто истинное, но и нѣчто выдуманное. Всѣ свидѣтели, подвергавшіеся испытанію, утверждали подъ присягой ложные факты въ количествѣ, которое приблизительно выражается 25% [1]).

Каждый знаетъ, что воспроизведеніе пережитаго, за исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, бываетъ менѣе живо и ясно, чѣмъ сама дѣйствительность, само ощущеніе. Воспроизведеніе есть повтореніе, копія оригинальнаго факта, а копіи никогда не сравняться съ оригиналомъ по яркости и жизненности. И чѣмъ больше проходитъ времени между извѣстнымъ фактомъ и его воспроизведеніемъ, тѣмъ больше и больше убываютъ живость и отчетливость воспроизведенія и послѣднее становится блѣднѣе, безкровнѣе, такъ что вообще мы можемъ сказать, что живость и ясность воспроизведенія и количество протекшаго времени между совершеніемъ факта и его воспроизведеніемъ обратно пропорціональны: чѣмъ больше времени, тѣмъ меньше живости и наоборотъ. Поэтому факты, въ большинствѣ случаевъ наиболѣе туманно припоминаемые, суть давніе факты, отдѣленные отъ настоящаго времени десятками лѣтъ [2]). Основанія такого явленія заключаются въ слѣдующемъ: нервныя клѣтки мало по малу теряютъ полученныя ими раздраженія, а вмѣстѣ съ ослабленіемъ полученнаго раздраженія, и соотвѣтствующій психическій актъ становится все менѣе и менѣе яснымъ. Съ уменьшеніемъ живости и ясности воспроизводимыхъ образовъ становится возможной замѣна одного припоминаемаго факта другимъ, болѣе или менѣе сходнымъ съ нимъ. Отсюда возникаетъ цѣлая масса ошибокъ, недоразумѣній,

---

[1]). Бинэ, Современныя идеи о дѣтяхъ. Москва, 1910 г. Стр. 117.

[2]) Отъ особенностяхъ старческаго воспроизведенія, представляющаго уклоненія отъ указаннаго правила, мы будемъ говорить ниже.

споровъ, взаимныхъ обвиненій и т. д. Подобная замѣна происходитъ даже въ сферѣ такихъ припоминаемыхъ фактовъ, которые должны бы помниться чрезвычайно ясно и отчетливо и не допускать смѣшенія съ другими подобными. Пѣвцы и музыканты должны бы повидимому очень точно припоминать и воспроизводить основные музыкальные звуки, а между тѣмъ одинъ изслѣдователь, заставляя многихъ выдающихся пѣвцовъ и музыкантовъ взять ля и провѣряя это ля особымъ инструментомъ, убѣдился, что оно очень далеко отъ точнаго воспроизведенія и бываетъ только приблизительнымъ, замѣняясь подобнымъ звукомъ [1]).

Воспроизведенія обыкновеннымъ сознаніемъ относятся къ прошлому. Поэтому важно знать, какъ память воспроизводитъ самое время, точно или не точно? Воспроизведенія времени бываютъ довольно неточными. Наблюдая ихъ, мы можемъ легко замѣтить, что длинные промежутки времени мы при воспроизведеніи сокращаемъ, а очень короткіе удлиняемъ. Сокращенія бываютъ тѣмъ больше, чѣмъ больше по объему воспроизводимый періодъ времени и чѣмъ дальше отстоитъ онъ отъ настоящаго момента. Годъ въ воспроизведеніи сокращается нами гораздо больше, чѣмъ мѣсяцъ, и годъ, пережитый нами 10 лѣтъ тому назадъ, сокращается гораздо больше, чѣмъ годъ, предшествовавшій тому, въ которомъ мы сейчасъ живемъ. И, наоборотъ, чѣмъ меньше та часть времени, которую намъ требуется воспроизвести, тѣмъ больше мы ее увеличиваемъ. Причины такого явленія заключаются въ слѣдующемъ: время, его продолжительность мы можемъ опредѣлять, пробѣгая памятью по ряду событій, наполнявшихъ извѣстный періодъ времени. Времени чистаго, отвлеченнаго отъ совершавшихся въ немъ событій, мы не знаемъ и знать не можемъ, помимо техническихъ обозначеній единицъ времени и ихъ различныхъ сочетаній, будетъ ли то помощію словъ членораздѣльной рѣчи, или помощію какихъ либо другихъ знаковъ. Слѣдовательно, воспроизводя обширный или даже краткій промежутокъ времени, мы должны припомнить всѣ событія, его наполнявшія, иначе сказать, снова пережить умственно всѣ эти событія. А такая работа потребовала бы столько же времени, сколько и первое, дѣйствительное переживаніе событій и даже больше, такъ какъ въ воспроизведеніи переходъ отъ одного событія къ другому совершается съ большимъ или меньшимъ трудомъ, котораго не бываетъ при настоящемъ переживаніи событій. Естественно, что

---

[1]) Revue philosophique, 1882, № 9, p. 310—312, ст. Hirault, la memoire de l'intonation.

мы должны сокращать время въ воспроизведеніи, сжимать его, тѣмъ болѣе, что многихъ мелкихъ событій, совершившихся въ извѣстный періодъ времени, мы даже и не въ состояніи припомнить. Очень малыя же части времени, напримѣръ четверть секунды, мы въ воспроизведеніи необходимо увеличиваемъ, потому что припоминать моменты времени значитъ совершать переходы, передвиженія мысли отъ одной точки къ другой, отъ одного факта къ другому; а такія передвиженія мысли сами требуютъ времени и нерѣдко большаго, чѣмъ представляемое, вслѣдствіе чего послѣднее намъ и кажется больше, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Вслѣдствіе этой же причины мы можемъ иногда время, протекшее между двумя событіями, признать гораздо меньшимъ, чѣмъ каково оно было въ дѣйствительности, потому что наша мысль быстрѣе, въ болѣе короткій промежутокъ времени перейдетъ отъ одного событія къ другому, чѣмъ какъ въ дѣйствительности смѣнялись эти событія. Точно также тотъ періодъ времени, который былъ наполненъ нѣсколькими отдѣльными, хорошо различаемыми нами, событіями, покажется въ воспроизведеніи большимъ, чѣмъ равный ему періодъ, въ который наше вниманіе было поглощено какимъ либо однимъ событіемъ, пусть даже очень важнымъ. Для путешественника, изучающаго незнакомую страну и получающаго массу новыхъ впечатлѣній, недѣля кажется періодомъ времени очень долгимъ, а для человѣка, проскучавшаго недѣлю, ничѣмъ не занимавшагося, недѣля въ воспоминаніи кажется очень короткой; у перваго мысли, при напоминаніи недѣли, есть возможность остановиться на многомъ, у второго же ей остановиться не на чемъ. При обсужденіи подобныхъ случаевъ не надобно смѣшивать двухъ, хотя и различныхъ, вещей, но тѣмъ не менѣе легко смѣшиваемыхъ: самаго переживанія времени и припоминанія времени пережитаго. Время переживается наиболѣе медленно тогда, когда оно не занято событіями или работой, или занято такой работой, которая совершенно механична, однообразна и не привлекаетъ къ себѣ сознанія; время переживается очень быстро, когда оно занято множествомъ разнообразныхъ событій, сосредоточивающихъ на себѣ наше вниманіе. Человѣкъ бездѣльничающій и ничѣмъ не интересующійся живетъ крайне медленно, мучительно медленно, настоящее едва тянется предъ его сознаніемъ, оно безконечно длинно; зато прошлое его крайне кратко, такъ какъ совершенно пусто, все его содержаніе характеризуется и выражается однимъ словомъ—скука. У человѣка занятаго и работающаго время бѣжитъ, летитъ незамѣтно, настоящее переживается быстро, но за то воспроизведеніе его—

прошлое очень богато, развертывается безконечнымъ рядомъ ассоціацій.

Мы невольно перемѣшиваемъ до нѣкоторой степени прошлое съ настоящимъ, измѣняемъ и передѣлываемъ факты прошедшіе по настоящимъ, смотримъ на прошедшее съ точки зрѣнія сейчасъ существующихъ убѣжденій и отношеній. Очень наглядно такая ошибка памяти выражается въ пониманіи и воспроизведеніи прошлыхъ историческихъ фактовъ примѣнительно къ современнымъ. Каждому историку предстоитъ нелегкая задача воспроизвести старину правильно, не примѣшивая къ ней современности. А между тѣмъ извѣстно, что одна изъ наиболѣе распространенныхъ погрѣшностей историковъ—это перенесеніе на болѣе или менѣе отдаленное прошлое современныхъ взглядовъ, обычаевъ, условій общественной и частной жизни и т. д. Ту опасность, которая грозитъ историку при изученіи жизни народовъ, каждому человѣку приходится испытывать при воспроизведеніи своей прошлой жизни. Настоящая личная жизнь отражается на нашихъ воспоминаніяхъ и подкрашиваетъ ихъ въ свой цвѣтъ.

Убѣжденія, которыя пріобрѣтаются нами вновь, волненія и страсти, которыя мы переживаемъ, всѣ психическіе перевороты и кризисы не остаются безъ вліянія на запасъ представленій, хранимый нашей памятью, но незамѣтно для насъ, для нашего сознанія, помимо нашей воли, видоизмѣняютъ прежніе образы въ духѣ новыхъ убѣжденій и чувствъ. Гдѣ-то тамъ, за границами нашего сознанія, идетъ тихая, незамѣтная, но тѣмъ не менѣе дѣятельная работа, передѣлывающая наши воспоминанія въ новую форму, отливающая ихъ въ новый видъ, дающая пережитому новый оттѣнокъ, новый характеръ. То, что прежде казалось намъ чрезвычайно грустнымъ и тяжелымъ, со временемъ облегчается и въ немъ отыскиваются свѣтлыя, какъ будто незамѣченныя прежде, черты, отвѣчающія нашему настоящему веселому настроенію; факты, служившіе прежде непоколебимой опорой какого либо взгляда, съ перемѣной убѣжденія, съ появленіемъ какой либо новой вѣры, представляются крайне шаткими и мало достовѣрными, въ нихъ оказывается много сомнительнаго; человѣкъ, къ которому мы были прежде рѣшительно равнодушны, дѣйствія котораго не имѣли для насъ никакой привлекательности, совсѣмъ измѣняется въ нашихъ глазахъ, какъ скоро мы его полюбили, все его прошлое представляется намъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, онъ оказывается и умнымъ, и любезнымъ, и всѣмъ, чѣмъ хотите. Особенно поучительны въ разсматриваемомъ отношеніи случаи обращенія какого либо искренняго, глубоко вѣрующаго, человѣка въ новую

вѣру: вся прошлая жизнь рисуется ему тогда совсѣмъ другой, онъ начинаетъ воспроизводить ее совсѣмъ иначе, онъ иногда самъ говоритъ про себя: „только теперь я прозрѣлъ". Психологически эта фраза значитъ, что данная личность съ настоящаго момента будетъ воспроизводить всю свою прошлую жизнь неправильно, примѣшивая къ давнимъ воспоминаніямъ элементы своего настоящаго настроенія, перекрашивая ихъ въ цвѣтъ настоящаго чувства. Эта порча воспоминаній измѣненными убѣжденіями и новыми чувствами вполнѣ аналогична той порчѣ разсказа, который передается десяткомъ различныхъ слушателей: каждый слушатель оттѣняетъ въ разсказѣ то, что кажется ему наиболѣе важнымъ, что съ его точки зрѣнія нужно оттѣнить. Разсказъ получаетъ цѣлый десятокъ частныхъ формъ или редакцій. То, что въ этомъ случаѣ совершается одновременно съ разсказомъ въ головахъ десяти слушателей, то же совершается послѣдовательно въ головѣ одного человѣка, мѣняющаго убѣжденія и переживающаго новыя и новыя треволненія чувствъ и страстей. Поэтому автобіографическіе разсказы великихъ людей и даже цѣлыя автобіографіи, написанныя ими подъ старость, требуютъ непремѣнно тщательной критической провѣрки, потому что въ нихъ обыкновенно оказывается много неумышленно ложнаго. Такова автобіографія Гете, таковы автобіографическія показанія Виктора Гюго.

У насъ очень часто происходитъ смѣшеніе образовъ памяти съ образами воображенія. Продукты творчества, особенно художественнаго, бываютъ иногда очень ярки, такъ что, съ этой стороны, они почти не отличаются отъ представленій о дѣйствительныхъ лицахъ и событіяхъ; съ другой стороны, въ нихъ можетъ не быть никакого противорѣчія дѣйствительности, никакого несогласія съ несомнѣнно реальными фактами; наконецъ, ихъ элементы, все равно что и элементы памяти, въ сущности почерпнуты изъ одного и того же источника — дѣйствительныхъ впечатлѣній. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ сходствъ образы воображенія перемѣшиваются съ образами памяти. Мы читаемъ массу романовъ и повѣстей, видимъ много трагедій и комедій на сценѣ. Въ нихъ нерѣдко вполнѣ правдиво, вполнѣ жизненно изображается та или другая сторона быта, тотъ или другой кружокъ, извѣстное сословіе и т. д. Намъ, вѣроятно, не одинъ разъ приходилось видѣть и купца и крестьянина, говорить съ ними, наблюдать ихъ жизнь, складъ воззрѣній, рѣчь; но мы едва-ли теперь въ состояніи распутать, что въ нашихъ представленіяхъ купца и крестьянина почерпнуто изъ дѣйствительныхъ наблюденій и что изъ чтенія романовъ, разсказовъ, театральныхъ пьесъ и т. д. Зна-

нія, почерпнутыя изъ этихъ двухъ источниковъ, какъ равно яркія и согласныя между собою, слились въ одно цѣлое, такъ что мы съ полной вѣрой можемъ выдавать вычитанное за дѣйствительное наблюденіе, а самостоятельное наблюденіе за свѣдѣніе, почерпнутое изъ книги. Тэнъ, со словъ Мори, передаетъ такой фактъ: одинъ старикъ много путешествовалъ, но еще больше читалъ путешествій. Воспоминанія его странствій и его чтенія, наконецъ, совершенно смѣшались и все вмѣстѣ представлялось его уму, когда онъ лежалъ на своемъ длинномъ креслѣ. Онъ преважно разсказывалъ вамъ все, что читалъ. Онъ говорилъ вамъ, напримѣръ, что онъ былъ въ Индіи съ Тавернье, на Сандвичевыхъ островахъ съ Кукомъ и что оттуда онъ возвратился въ Филадельфію, гдѣ служилъ подъ начальствомъ Лафайета. Послѣдній фактъ былъ справедливъ [1]).

Понятно, что люди съ особенно живымъ воображеніемъ наиболѣе склонны подвергаться такой ошибкѣ. О нѣкоторыхъ романистахъ извѣстно, что они жили среди созданныхъ ими личностей, какъ среди живыхъ, что образы этихъ выдуманныхъ личностей и дѣйствительныхъ нѣкоторое время были одинаково ясны для ихъ сознанія. Подобный фактъ нерѣдко наблюдается надъ дѣтьми: они создаютъ себѣ фантастическія существа, къ которымъ и относятся, какъ къ дѣйствительнымъ; если недавно они прочитали интересный разсказъ про охоту, то могутъ съ искренней вѣрой поразсказать, какъ они сами охотились въ лѣсу, убили волка и т. п. Селли разсказываетъ о себѣ, что онъ часто ловилъ себя на иллюзіи, продолжавшейся правда очень короткое время, что онъ былъ на выставкѣ 1851 г. Причина иллюзіи заключалась въ томъ, что онъ хорошо могъ припоминать описаніе выставки, сдѣланное ему его друзьями, и въ возбужденіи, испытанномъ во время путешествія ихъ въ Лондонъ по этому случаю [2]).

У многихъ людей смѣшеніе припоминанія и творчества выражается еще сліяніемъ въ одно цѣлое факта и его объясненія, наблюденія въ какой либо личности извѣстныхъ свойствъ и своего мнѣнія о ней. Встрѣчаясь съ какимъ либо фактомъ, мы невольно создаемъ объясненіе его, встрѣчаясь съ новою личностью, создаемъ мнѣніе о ней. На первыхъ порахъ мы еще можемъ съ нѣкоторою долею отчетливости различать эти два совершенно особые элемента мысли: фактъ и выводъ изъ факта. Но по мѣрѣ увеличенія промежутка времени между наблюденіемъ факта или

[1]) Объ умѣ и познаніи 1. 68.

[2]) Sully, Illusions, p. 279 (London. 1881 г).

личности и составленія мнѣнія или объясненія и воспроизведеніемъ этихъ психическихъ процессовъ, указанные два элемента мысли все больше и больше сливаются между собою, такъ что, наконецъ, образуютъ одно нераздѣльное цѣлое. То, что мы первоначально только предполагали существующимъ въ личности или фактѣ, то позднѣе въ воспроизведеніи мы начинаемъ считать дѣйствительно замѣченнымъ нами въ фактѣ или личности. Такому смѣшенію факта и творчества особенно благопріятствуютъ различныя сердечныя волненія: чувствованія авторитета, страха, сильный интересъ и т. п. Объясненіе, данное знаменитымъ ученымъ факту, догадка, имъ высказанная, его учениками и послѣдователями нерѣдко считаются частью самого факта, непререкаемою дѣйствительностью; подъ вліяніемъ страха или ненависти или любви мы нерѣдко упорно видимъ въ предметѣ такія свойства, которыхъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ и которыя мы только вообразили.

Наконецъ, у насъ иногда совершается смѣшеніе сновидѣній съ дѣйствительностью. Эта ошибка возможна потому, что сновидѣнія бываютъ часто очень живы и даже ярки и притомъ иногда не заключаютъ въ себѣ ничего нелѣпаго. Такія сновидѣнія могутъ смѣшаться съ припоминаніями дѣйствительности. Смѣшеніе сновидѣній съ дѣйствительностью особенно часто происходитъ у дѣтей, которыя выдаютъ въ такихъ случаяхъ воображаемыя ими лица и событія за дѣйствительныя и по этому поводу упорно спорятъ съ своими родителями и воспитателями. Дѣтей нерѣдко наказываютъ за ложь, когда они съ вѣрой и убѣжденіемъ выдаютъ свои грезы за дѣйствительность. Подобное же явленіе замѣчается за старыми людьми, вслѣдствіе пониженія у нихъ яркости ощущеній и образовъ памяти, такъ что сновидѣнія и дѣйствительность у нихъ, по степени живости, приближаются къ одному уровню. У взрослыхъ людей среднихъ лѣтъ смѣшеніе сновидѣній съ дѣйствительностью бываетъ рѣже, но все же бываетъ. Философъ и врачъ Эргардъ сообщаетъ о себѣ, что въ дѣтствѣ онъ нерѣдко спорилъ съ своими родителями, выдавая приснившіеся ему предметы, лица и событія за дѣйствительные. Подобные случаи бывали съ нимъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Такъ ему одинъ разъ приснилось, что одному механику въ Нюрнбергѣ онъ заказалъ телескопъ и микроскопъ, но, когда они ему были доставлены, онъ не могъ уплатить денегъ, чѣмъ и поставилъ механика въ весьма затруднительное положеніе. По пробужденіи Эргарду показалось, что это былъ не сонъ, а дѣйствительность, и онъ долженъ былъ отчетливо припоминать все, случившееся съ нимъ въ Нюрнбергѣ, чтобы убѣдиться въ

недѣйствительности воображаемаго событія. Мало того: спустя около полугода ему часто снова приходила мысль, что событіе было на самомъ дѣлѣ и онъ долженъ былъ вновь убѣждать себя въ его недѣйствительности [1]).

Впечатлѣнія, въ извѣстномъ смыслѣ новыя, постоянно вновь притекаютъ къ намъ въ большемъ числѣ. Удерживать всю массу пережитыхъ впечатлѣній мы рѣшительно не въ состояніи, никакая, самая обширная, память ихъ вмѣстить не можетъ, поэтому забывать для насъ такъ же необходимо и естественно, какъ необходимо и естественно помнить. Если мы хотимъ сохранить въ себѣ способность дальнѣйшаго развитія, то мы должны значительно сокращать количество припоминаемаго, новому мы можемъ дать мѣсто, только выбросивъ часть стараго. Причины забвенія представляютъ обратную сторону условій хорошаго припоминанія съ прибавкой только нѣкоторыхъ новыхъ обстоятельствъ. Поэтому можно сказать, что слабость впечатлѣнія, физическая и психическая, неподкрѣпляемая ни повтореніемъ, ни другими условіями, есть главная причина забвенія отдѣльныхъ фактовъ, а отсутствіе или слабость вѣхъ въ сознаніи, слабость связи даннаго факта съ другими, дѣлаетъ невозможнымъ правильное воспроизведеніе обстановки идеи или факта. Но есть еще нѣкоторыя обстоятельства, помогающія забвенію. На забвеніе отдѣльныхъ образовъ большое вліяніе имѣетъ тотъ процессъ, который можно назвать затираніемъ прежняго образа новыми подобными. Если мы, напр., знаемъ всего нѣсколько различныхъ словъ на иностранномъ языкѣ, то эти слова, хотя и не въ состояніи оказать поддержку другъ другу при воспоминаніи, какъ различныя, однако и не мѣшаютъ другъ другу, не покрываютъ, не затираютъ другъ друга и опять потому, что они различны. Но предположимъ, что мы знаемъ нѣсколько тысячъ словъ на иностранномъ языкѣ. Между этими словами будетъ много такихъ, которыя вполнѣ не могутъ слиться между собою, потому что они имѣютъ нѣкоторыя различія, и не могутъ стоять совершенно отдѣльно другъ отъ друга, до нѣкоторой степени покрываютъ другъ друга, потому что они отчасти сходны. Такія слова будутъ мѣшать другъ другу при воспроизведеніи будутъ путаться. Начиная припоминать такое слово, мы увлекаемся сходствомъ и сливаемъ его съ какимъ либо другимъ словомъ— выходитъ ошибка; обращая вниманіе на отличія этого слова, мы боимся допустить въ немъ что либо сходное съ другими и потому опять воспроизводимъ слово ошибочно. Но не только слова—

[1]) Beneke, Pragmatische Psychologie. Erster Band, s. 242.

цѣлая масса предметовъ, лицъ, явленій, дѣйствій имѣетъ ту же особенность, всѣ они въ одно и то же время и сходны и различны между собою, различны на столько, что не допускаютъ сліянія, сходны на столько, что отчасти покрываютъ другъ друга. Такіе факты производятъ путаницу, затираютъ, заслоняютъ другъ друга и потому плохо воспроизводятся, забываются.

На забвеніе обстановки факта, на неправильную его психическую локолизацію большое вліяніе имѣютъ постоянная перестройка и передѣлка представленій, вѣчно новые планы, фантазерство, частая перемѣна убѣжденій и взглядовъ и особенно образованіе контръ-ассоціацій. Всѣ перечисленныя обстоятельства неблагопріятны для хорошаго припоминанія въ томъ отношеніи, что они предполагаютъ постоянно новое и новое образованіе ассоціацій на мѣсто старыхъ. Въ подобныхъ случаяхъ новыя ассоціаціи строятся не изъ новаго матеріала, не изъ новыхъ наблюденій и узнанныхъ фактовъ, а изъ прежнихъ ассоціацій, которыя для этого разрываются и изъ нихъ образуются новыя комбинаціи. А такъ какъ такое выстраиванье новыхъ сочетаній представленій происходитъ непрерывно, то, естественно, никакихъ прочныхъ связей между представленіями у такого человѣка нѣтъ. Онъ только то и дѣлаетъ, что разрываетъ прежнія связи и образуетъ новыя для того, чтобы завтра замѣнить ихъ еще болѣе новыми. Новыя ассоціаціи должны идти параллельно съ новыми наблюденіями, съ пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній; если нѣтъ новаго матеріала, то, конечно, слѣдуетъ пересматривать и старый, въ видахъ исправленія ложныхъ ассоціацій. Но какъ скоро ложныя ассоціаціи устранены и всѣ вообще ассоціаціи приведены въ надлежащую связь и порядокъ, то снова переставлять и передѣлывать ихъ, безъ серьезныхъ на то причинъ, вредно, ведетъ къ забвенію первоначальной обстановки факта, той естественной среды, въ которой фактъ возникъ, хотя самый фактъ и можетъ помниться. Особенно же забвенію ассоціацій способствуетъ постоянное образованіе не только новыхъ, но противоположныхъ прежнимъ ассоціацій, контръ-ассоціацій. Простая ассоціація и контръ-ассоціація суть антагонисты, взаимно ослабляютъ и разрушаютъ другъ друга, вмѣстѣ ужиться не могутъ. Существованіе одной предполагаетъ гибель другой.

Причины забвенія, равно какъ и отчетливаго припоминанія, часто бываютъ физіологическаго характера. Такъ какъ память есть фактъ біологическій, то естественно, что состояніе организма — здоровое, сильное, свѣжее или истощенное, болѣзненное, слабое — значительно вліяетъ на память.

Бэнъ полагаетъ [1]), что „психическая способность запоминанія есть высшая энергія мозга, вѣнецъ нервной дѣятельности. Чтобы сдѣлать впечатлѣніе постояннымъ и возобновляемымъ, требуется болѣе мозговой силы, чѣмъ всякимъ другимъ усиліемъ духа". Такое мнѣніе нельзя признать правильнымъ. Построительныя, творческія дѣятельности требуютъ не меньшей, а большей затраты мозговой энергіи, чѣмъ простое припоминаніе. Въ каждый актъ творчества составнымъ элементомъ всегда входитъ припоминаніе, безъ удерживанія и воспроизведенія извѣстныхъ фактовъ творчество немыслимо. Но для творчества недостаточно одного удерживанія фактовъ, нужна еще новая комбинація ихъ, а эта новая дѣятельность требуетъ и новаго расхода силы, такъ какъ даромъ намъ ничто не дается. Но и простое припоминаніе требуетъ значительныхъ затратъ мозговой энергіи, что каждый можетъ замѣтить на самомъ себѣ. Лучше всего запоминается тогда, когда нашъ организмъ свѣжъ и силенъ, когда происходитъ быстрый обмѣнъ веществъ, быстрое возобновленіе потраченнаго, когда кровь съ силой стремится по сосудамъ. Истощенное же состояніе организма влечетъ за собой тупое усвоеніе и не отчетливое припоминаніе. Каждый знаетъ, что вечеромъ, когда уже организмъ утомленъ дневной работой, и заучивается и припоминается гораздо труднѣе, чѣмъ утромъ. Во время путешествія первый величественный, горный, морской или иной видъ запоминается тверже и вспоминается отчетливѣе, чѣмъ послѣдующіе, не менѣе величественные, а можетъ быть даже и болѣе. Это хорошо знаетъ каждый туристъ, какъ каждый школьникъ хорошо знаетъ тотъ фактъ, что, если съ вечера онъ можетъ кое какъ наизусть прочитать урокъ, то утромъ онъ будетъ знать его отлично: блѣдная и слабая вечерняя ассоціація, при утомленной нервной системѣ, сдѣлается свѣжѣе и крѣпче при запасшейся силой обновленной нервной системѣ. Сэръ Генри Голэндъ разсказываетъ о себѣ, что ему въ одинъ день случилось спуститься въ двѣ глубокія мины Гарца и оставаться въ каждой по нѣсколько часовъ. Во второй минѣ онъ такъ ослабѣлъ отъ усталости и недостатка пищи, что былъ рѣшительно не въ состояніи разговаривать съ нѣмецкимъ инспекторомъ, сопровождавшимъ его. Всѣ слова, всѣ фразы нѣмецкія исчезли изъ его памяти и онъ снова припомнилъ ихъ только послѣ того, какъ, вышедши на свѣжій воздухъ, подкрѣпилъ себя пищей и виномъ и нѣсколько отдохнулъ. Однородные факты съ

[1]) Воспитаніе, какъ предметъ науки. Пер. съ англійскаго, Петербургъ. 1879 г. стр. 19.

изложенными сейчасъ представляютъ тѣ больные, которые теряютъ или вообще память (общая амнезія) или только отчасти (частная амнезія) подъ вліяніемъ нервныхъ потрясеній, ударовъ, ушибовъ, тяжелыхъ болей и т. п., забываютъ или всецѣло прошлое или часть его, извѣстный языкъ, періодъ жизни, разрядъ словъ и т. д. Такъ какъ подобные факты общеизвѣстны, то нѣтъ нужды приводить ихъ здѣсь. [1])

Но болѣзни и вообще всѣ чрезвычайныя возбужденія могутъ и оживлять память и доводить ее даже до экзальтаціи (гипермнезія). Тогда припомнятся факты, давнымъ давно забытые, въ сознаніи снова пройдутъ казавшіяся совсѣмъ утерянными отдаленныя приключенія дѣтства, вспомянутся различныя мелочныя обстоятельства и т. д. Такія необычайныя возбужденія памяти бываютъ общія и частныя; горячечный бредъ одинъ изъ извѣстныхъ тому примѣровъ. Особенныя возбужденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просвѣтлѣнія памяти могутъ встрѣчаться и въ нормальномъ состояніи, именно когда обстановка утерянаго факта намъ живо припоминается самими дѣйствительными предметами, когда мы вступаемъ въ ихъ среду и они напоминаютъ забытый фактъ, совершившійся среди ихъ. Такъ бываетъ съ нами на нашей родинѣ, гдѣ мы провели свое дѣтство, куда мы возвращаемся послѣ долгаго отсутствія. Тогда припоминаются намъ такіе факты изъ дѣтской жизни, которыхъ ранѣе мы припомнить никакъ не догли. Карпентеръ сообщаетъ такой случай: [2]) сильно больная лэди изъ Лондона была перевезена въ деревню. Ея дочь, — ребенокъ, посѣтила ее здѣсь и, послѣ короткаго свиданія, была увезена обратно въ городъ. Лэди черезъ нѣсколько дней умерла и дочь выросла, не помня матери. Въ зрѣломъ возрастѣ ей пришлось однажды войти въ ту комнату, въ которой умерла ея мать, хотя она сама и не знала, что когда нибудь была здѣсь. Вошедъ въ комнату, она вздрогнула и, на вопросъ сопровождавшаго ее друга, отвѣтила, что она отчетливо припоминаетъ, какъ была въ этой комнатѣ раньше, и какъ лэди, которая лежала въ томъ углу и казалась больной, склонилась надъ ней и плакала. Карпентеръ сообщаетъ и другой фактъ въ томъ же родѣ, именно, что подробности мѣста, видѣнныя ребенкомъ 18 мѣсяцевъ, припомнились очень живо, когда этотъ ребенокъ сдѣлался взрослымъ и снова попалъ въ ту же мѣстность.

---

[1]) См. собраніе ихъ у Тэна (Объ умѣ и познаніи) т. 1 и у Ribot, Maladies de la memoire гл. IV. Les Exaltations de la memoire ou hypermnesies.

[2]) Principles of menral Physiology, p. 430, 431.

Забвеніе пережитаго происходитъ не какъ пришлось, не случайно, а слѣдуетъ опредѣленному правилу. Память сознательная, психологическая возникаетъ на почвѣ памяти біологической, безсознательной; память органическая накоплялась рядами поколѣній, столѣтіями, это память твердая, независимая отъ воли индивидуума; память же сознательная есть память сравнительно слабая и непрочная, возникшая за короткій срокъ жизни отдѣльнаго лица и потому не успѣвшая сдѣлаться безраздѣльной съ организмомъ. Отсюда уже понятно, что, когда память начнетъ разрушаться, когда наступитъ амнезія общая или частная, то она коснется прежде всего продуктовъ сознательной памяти, которые могутъ всѣ позабыться, между тѣмъ какъ органическая память останется неповрежденною. Подтвержденіе этому мы можемъ видѣть на каждомъ шагу: старикъ, впадающій постепенно въ общую амнезію, можетъ, наконецъ, потерять всѣ высшія пріобрѣтенія памяти—знанія наукъ, языковъ, искусствъ, родной рѣчи,—но низшія у него обыкновенно остаются, каковы умѣнье ходить, ѣсть, пить, одѣваться, механическія упражненія въ ремеслѣ, ежедневныя привычки и т. д. То же подтверждаютъ и психически больные: они забываютъ не привычки и дѣйствія, касающіяся потребностей органической жизни, а болѣе сложный и высокій родъ знаній, теряютъ память не родовую, полученную съ организмомъ по наслѣдству, а память благопріобрѣтенную, личную. Словомъ, прежде всего забывается, какъ это и должно быть по естественному порядку, сложное, какъ менѣе твердое, а потомъ уже простое, какъ болѣе твердое, сначала произвольное и сознательное, а потомъ уже автоматическое и безсознательное; потеря памяти, забвеніе, говоря словами Рибо, слѣдуетъ „линіи наименьшаго сопротивленія“.

При общемъ и прогрессивномъ забвеніи замѣчается еще такое любопытное явленіе: сначала забывается новое, недавно пережитое, а потомъ давно минувшее—обычный фактъ въ забвеніи стариковъ,—сначала забываются идеи, а потомъ уже чувствованія, сначала чувствованія, а потомъ дѣйствія. Первый фактъ—забвеніе новыхъ событій, а потомъ уже старыхъ—на первый разъ представляется страннымъ, казалось бы, что недавнее должно лучше помниться, чѣмъ давнее. Но въ случаяхъ общей и прогрессивной потери памяти мы должны принять въ разсчетъ начавшееся уже перерожденіе и омертвеніе клѣтокъ, ихъ атрофированье. При такомъ состояніи нервныхъ элементовъ новыя впечатлѣнія не могутъ уже образовать прочныхъ ассоціацій и быстро забываются, тогда какъ прежнія, возникшія при болѣе благопріят-

ныхъ условіяхъ нервной системы, еще держатся, и чѣмъ древнѣе ассоціаціи, тѣмъ онѣ прочнѣе и тѣмъ тверже держатся. Если новыя впечатлѣнія повторяютъ старыя, то больные часто относятъ ихъ въ это давно прошедшее время, современную же обстановку впечатлѣнія быстро забываютъ. Чувствованія угасаютъ послѣ идей, потому что чувствованія вполнѣ субъективныя явленія, выражаютъ наше интимное я, безраздѣльно связаны съ нами самими, тогда какъ идеи суть нѣчто объективное и болѣе общечеловѣческое. Движенія забываются послѣ всего, потому что они наразрывно связаны съ существенными, необходимыми потребностями нашей жизни.

Изложенный порядокъ забвенія пережитаго подтверждается тѣми случаями, когда память постепенно возвращается къ больному. Возвращеніе памяти начинается съ фактовъ давно пережитыхъ и кончается событіями текущаго дня, т. е. совершается въ порядкѣ, прямо обратномъ забвенію, что и естественно: факты, крѣпче засѣвшіе въ нашей памяти и потому забытые позднѣе, должны припомниться ранѣе, быстрѣе новыхъ и потому болѣе слабыхъ. Тэнъ передаетъ, что въ Россіи одинъ знаменитый астрономъ постепенно забывалъ сначала событія вчерашняго дня, потомъ событія прошлаго года, потомъ событія послѣднихъ годовъ и т. д., пробѣлъ все увеличивался, пока наконецъ не дошелъ до воспоминаній дѣтства. Больного считали уже погибшимъ. Но, вслѣдствіе внезапнаго перерыва и непредвидѣннаго поворота, пробѣлъ сталъ наполняться въ обратномъ порядкѣ, сначала появились воспоминанія молодости, затѣмъ зрѣлаго возраста, затѣмъ недавно прошедшія воспоминанія и, наконецъ, воспоминанія прошлаго дня. Онъ умеръ, но передъ смертью память возвратилась къ нему вполнѣ.

При частныхъ потеряхъ памяти, и именно при забвеніи частей рѣчи, мы встрѣчаемъ тотъ же законъ, что и при общей амнезіи, забвеніе идетъ отъ именъ собственныхъ къ именамъ общимъ, отъ нихъ къ прилагательнымъ и глаголамъ, потомъ къ языку чувствъ и наконецъ къ жестамъ, т. е. отъ болѣе сложнаго къ болѣе простому, отъ менѣе автоматическаго къ болѣе автоматическому. Чѣмъ большее количество вещей обозначаетъ терминъ, тѣмъ чаще онъ повторяется, тѣмъ тверже удерживается памятью и обратно. Естественно поэтому, что собственныя имена, какъ чисто индивидуальныя, забываются прежде всего, за ними слѣдуютъ названія вещей, какъ наиболѣе конкретныя, далѣе прилагательныя и глаголы, выражающіе качества и дѣйствія. Познаніе качества и дѣйствія составляетъ основу нашихъ наиболѣе

сложныхъ знаній, и потому держится тверже въ памяти, какъ самое понятіе, такъ и слово, его обозначающее. Языкъ чувства забывается послѣ языка разума и больные, не владѣющіе членораздѣльной рѣчью, пользуются междометіями, чтобы выражать свои волненія. Самыя чувствованія, какъ было замѣчено выше, забываются позже идей. Наконецъ языкъ жестовъ сохраняется долѣе всего и рѣдко бываютъ такіе случаи, когда онъ теряется [1]).

Очертивъ въ общемъ ходъ забвенія, мы укажемъ теперь частности. Такъ какъ припоминаніе есть воспроизведеніе образа и его психическая локолизація, то и забвеніе можетъ коснуться обстановки образа, предыдущихъ, сосуществующихъ и послѣдующихъ фактовъ, и самого образа, его содержанія и энергіи, его отожествляемости. Забвеніе той связи идей и фактовъ, въ которой образъ долженъ бы находиться, совершается очень часто и образъ остается не пріуроченнымъ ни къ какой вѣхѣ. Такіе не локолизированные образы суть образы—бродяги, не имѣющіе опредѣленнаго мѣста и времени, переходящіе отъ одной вѣхи къ другой, сегодня примыкающіе къ этой ассоціаціи, а завтра къ другой; это образы, потерявшіе свой паспортъ, т. е. помѣтку, откуда они взялись, гдѣ прежде были, съ кѣмъ въ связи стояли. Положеніе такихъ образовъ—бродягъ опасное, потому что имъ угрожаетъ забвеніе, они, какъ безпріютные скитальцы, совсѣмъ бездомные, легко забудутся нами, если не соединены съ какимъ либо сильнымъ интересомъ.

Вырвавшись изъ своей ассоціаціи, образы—одиночки начинаютъ позабываться и сами. Если въ ихъ содержаніи находится нѣсколько чертъ, то начинаютъ выпадать отдѣльныя черты, образъ суживается, становится все скуднѣе и скуднѣе, пока не превратится въ какую-то пустую раму, такъ какъ вслѣдъ за мелкими чертами забвеніе постигаетъ и главныя черты. Если же образъ не сложный, состоитъ изъ одной, двухъ чертъ—представленія цвѣта, звука, вкуса и т. д.,—то убываютъ его живость и энергія, онъ блекнетъ, пока не ослабѣетъ до неприпоминаемости.

Забвеніе образа не ограничивается его неприпоминаемостію, забвеніе можетъ сдѣлать еще одинъ шагъ далѣе, именно потерять способность отожествляемости. Когда кто либо намъ напомнитъ образъ, бывшій нѣкогда намъ знакомымъ, мы его иногда не признаемъ, считаемъ образомъ совершенно новымъ. Въ нормальномъ состояніи подобные факты случаются тогда, когда

[1]) Подробности объ этомъ предметѣ см. у Ribot, Maladies de la memoire, chap. III. Les Amnesies partielles.

образъ, отъ самаго начала своего существованія, былъ блѣденъ, слабъ, не произвелъ на насъ впечатлѣнія, мы не отнеслись къ нему внимательно. Иногда подобныя явленія имѣютъ своей причиной старость или болѣзнь. Въ концѣ своей жизни Линней находилъ удовольствіе въ перечитываніи своихъ собственныхъ сочиненій и, погруженный въ чтеніе, онъ забывалъ, что былъ авторомъ этихъ сочиненій, и восклицалъ: „какъ прекрасно! Если бы я написалъ это"!—Подобный фактъ разсказываютъ о Ньютонѣ, объ открытіи дифференціальнаго счисленія.—Вальтеръ Скоттъ въ старости былъ подверженъ забвенію такого же рода. Однажды ему пришлось присутствовать при чтеніи поэмы, ему понравившейся; онъ спросилъ имя автора; оказалось, что авторъ былъ онъ, читали пѣсню изъ его „Пирата". Подобный же фактъ извѣстенъ объ одномъ англійскомъ ученомъ (Wycherley), но фактъ съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ. Если вечеромъ ему что нибудь читали, то на слѣдующее утро онъ вставалъ, полный мыслей и выраженій, слышанныхъ наканунѣ. Онъ ихъ записывалъ и при этомъ сохранялъ самую искреннюю вѣру, что онъ ихъ выдумалъ самъ [1]). Подобные факты составляютъ границу памяти.

Мы забываемъ очень много изъ того, что запоминаемъ. Но спрашивается: какъ забываемъ? Абсолютно, такъ что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не можемъ припомнить извѣстнаго представленія, или же только относительно, на извѣстное время, въ извѣстный моментъ, но при особыхъ благопріятныхъ условіяхъ можемъ припомнить забытое? Рѣшить этотъ вопросъ съ полною несомнѣнностью едва ли возможно, такъ какъ мы не можемъ произвести вполнѣ удовлетворительныхъ опытовъ въ этомъ направленіи; но тѣ факты, которые у насъ есть по этому вопросу, показываютъ, что мы, при благопріятныхъ условіяхъ, можемъ припомнить такія вещи, которыя считали окончательно, навсегда, забытыми. Многіе медики цитировали исторію одной дѣвушки 25 лѣтъ, очень необразованной и не умѣвшей даже читать, которая во время болѣзни повторяла довольно длинные отрывки на латинскомъ, греческомъ и еврейско-раввинскомъ языкахъ, но которая, по выздоровленіи, могла говорить только на своемъ родномъ языкѣ. Во время ея бреда, подъ ея диктовку записали нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ. По наведеніи справокъ оказалось, что девяти лѣтъ она была взята своимъ дядей, очень ученымъ пасторомъ, который имѣлъ обычай прогуливаться послѣ обѣда по коридору, примыкавшему къ кухнѣ, и повторять

[1]) Ribot, Les Maladies de la memoire, p. 41, 42.

мѣста изъ любимыхъ писателей на еврейско-раввинскомъ и греческомъ языкахъ. Справились съ его книгами и оказалось, что многіе отрывки слово въ слово были повторены больной.[1]) Неумѣвшая даже читать дѣвушка, разумѣется, не могла понимать еврейскаго и греческаго языка и поэтому не могла съ большимъ интересомъ прислушиваться къ рѣчи пастора, когда онъ повторялъ отрывки на этихъ языкахъ. Но, несмотря на промежутокъ въ цѣлые пятнадцать лѣтъ, она во время болѣзни снова воспроизвела эти мимолетныя для нея звуковыя впечатлѣнія, да еще слово въ слово. Объ одномъ крестьянинѣ разсказываютъ, что онъ въ горячечномъ бреду декламировалъ греческіе стихи. По выздоровленіи его оказалось, что онъ вмѣстѣ съ сыномъ пастора учился по гречески; но въ здоровомъ состояніи не помнилъ ни одной буквы этого языка, и т. д. Подобныхъ фактовъ можно было бы привести очень много, но они всѣ въ томъ же родѣ. Эти факты, если не могутъ убѣдить насъ въ вѣчной возможности воспроизведенія каждаго, самого мимолетнаго, впечатлѣнія, показываютъ однако, что ни про одно впечатлѣніе, даже самое слабое, мы не можемъ сказать, что оно никогда, ни при какихъ условіяхъ, не можетъ быть воспроизведено.

VI.

О воспитаніи памяти.

Изслѣдованіе запоминанія и воспроизведенія пережитаго ставитъ нѣсколько важныхъ педагогическихъ вопросовъ.

1. Есть болѣе или менѣе односторонніе типы памяти, есть болѣе или менѣе разносторонніе—смѣшанные. Конечно, разносторонность цѣннѣе односторонности, поэтому педагогу приходится заботиться о развитіи разносторонняго запоминанія и воспроизведенія. Средства для этого—практика слабыхъ недостаточныхъ свойствъ въ соотвѣтствующихъ упражненіяхъ и привлеченіе вниманія къ такимъ упражненіямъ. Что усовершенствованіе слабыхъ способностей возможно—объ этомъ свидѣтельствуютъ непререкаемые факты, находящіеся постоянно на глазахъ у педагоговъ въ семьяхъ и школахъ и у экспериментаторовъ въ психологическихъ лабораторіяхъ: лица, сначала заучивавшія малое количество слоговъ или словъ при большомъ числѣ повтореній, съ теченіемъ времени заучиваютъ гораздо большее число ихъ при меньшемъ

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи, т. I, 80.

количествѣ повтореній. Лица, сначала почти не умѣвшія запоминать слуховымъ способомъ, потому что по природѣ у нихъ были сильныя зрительныя воспріятія, которыми они обыкновенно и пользовались для запоминанія, съ теченіемъ времени пріучались къ новому для нихъ способу усвоенія, и обратно.

По мнѣнію Меймана, долголѣтнее постоянное упражненіе „можетъ сгладить почти всякое различіе въ прирожденной одаренности въ области памяти". Поэтому и въ виду односторонности преобладающхъ типовъ памяти онъ полагаетъ, „что совершенная память основывается на всестороннемъ развитіи представленія, и школа должна стремиться выяснить особенности запоминанія, основанныя на различныхъ типахъ представленія, и уравнять ихъ" [1]). Мы полагаемъ, что въ этихъ сужденіяхъ сказано слишкомъ много: сгладить и уравнять естественныя различія въ запоминаніи и воспроизведеніи едва ли по силамъ школѣ. Да и задача эта довольно опасная, потому что какъ ее достигнуть? Есть только одинъ къ тому способъ—нѣсколько задерживать развитіе сильныхъ свойствъ. Если не задерживать, если давать одинаковыя упражненія и въ равномъ количествѣ и сильнымъ и слабымъ свойствамъ, то прибавленіемъ равныхъ величинъ къ различнымъ мы никогда не уравняемъ слабаго съ сильнымъ, никогда не сгладимъ первоначальныхъ природныхъ различій. Если же задерживать сильныя свойства, то ослабить ихъ этимъ можно, но усилить слабыя нельзя. Въ развитіи типовъ нужно исходить не отъ слабѣйшихъ, пристегивая къ нимъ сильнѣйшія, а, наоборотъ, отъ упражненія сильнѣйшихъ, втягивая въ ихъ упражненія слабѣйшія. Развитіе сильныхъ свойствъ можетъ помочь развитію слабыхъ, но настаиваніе на преимущественномъ развитіи слабыхъ, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ сильнымъ, послѣднимъ повредитъ, а первымъ мало поможетъ. Такъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и экспериментальныя изслѣдованія, въ которыхъ прямо заявляется, что направленіе возбуждающаго дѣйствія въ отношеніяхъ видовъ памяти проявляется отъ сильнаго къ болѣе слабому. Обратнаго же направленія возбуждающаго дѣйствія, т. е. отъ слабаго къ болѣе сильному, не замѣчается, напротивъ здѣсь проявляется угнетающее дѣйствіе [2]).

Путемъ правильно веденныхъ упражненій память можно усовершенствовать весьма значительно. Размѣръ ея усовершен-

---

[1]) Экономія и техника памяти. Стр. 113, 122—123.

[2]) Ежегодникъ экспериментальной педагогики 1908 г. (подъ редакціей А. П. Нечаева). СПБ. 1909 г. Статья А. Зачиняева Типы памяти (особенно стр. 126, 132).

ствованія приблизительно виденъ изъ слѣдующихъ данныхъ: на заучиваніе безсмысленныхъ складовъ — 10-ти — испытуемыя лица затратили слѣдующее число повтореній:

1-е	въ началѣ	опытовъ	28,	въ	концѣ	3	повторенія.
2-е	„	„	23	„	„	2	„
3-е	„	„	25	„	„	5	„
4-е	„	„	31	„	„	4	„

На заучиваніе 16-ти слоговъ затратили:

1-е	въ началѣ	опытовъ	31,	въ	концѣ	5	повтореній.
2-е	„	„	19	„	„	5	„
3-е	„	„	23	„	„	8	„
4-е	„	„	34	„	„	3	„

При осмысленномъ запоминаніи развитіе памяти не такъ бросается въ глаза. На заучиваніе прозаическаго отрывка затратили:

1-е	въ началѣ	опытовъ	36,	въ	концѣ	14	повтореній.
2-е	„	„	26	„	„	11	„
3-е	„	„	17	„	„	5	„
4-е	„	„	38	„	„	10	„

При упражненіяхъ памяти усовершенствуется не только тотъ или другой частный видъ запоминанія, но и запоминаніе вообще, т. е. развитіе, пріобрѣтенное запоминаніемъ какого либо матеріала, переносится на запоминаніе другихъ матеріаловъ, совершенно отличныхъ отъ перваго. Напримѣръ, совершенствуется память въ заучиваніи безсмысленныхъ складовъ, а вмѣстѣ съ нею возрастаетъ зрительная память, способность заучивать отвлеченную прозу, стихотворенія. Другими словами, отъ частныхъ упражненій памяти получается общее, формальное, развитіе памяти. Такъ какъ то же явленіе повторяется и при развитіи ума, то обсужденіе этого факта мы оставляемъ до слѣдующихъ главъ, въ настоящее время лишь отмѣчая самое явленіе [1]).

2. Вторая важная педагогическая задача, это — развитіе разумно-волевого запоминанія. Оно, какъ выше упомянуто, можетъ считаться идеаломъ при воспитаніи памяти. Что нужно дѣлать педагогу при воспитаніи памяти въ указанномъ направленіи, объ этомъ было сдѣлано достаточно указаній при самомъ анализѣ разумно-волевого типа запоминанія.

3. Анализъ воспроизведенія и забвенія даетъ основаніе къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ о воспитаніи памяти.

---

[1]) Экспериментальныя данныя о немъ см. Мейманъ, Экономія и техника памяти, стр. 224—229 и пятую книжку „Педагогической психологіи“ подъ ред. А. П. Нечаева, СПБ. 1906 г. ст. Эбертъ и Мейманъ. О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ процессовъ упражненія памяти.

Такъ какъ память основывается на сохраненіи нервными клѣтками полученныхъ возбужденій неопредѣленно долгое время и поддержаніи этого возбужденія разнообразною дѣятельностью сосѣднихъ клѣтокъ и всего организма, такъ какъ клѣтки, получивъ возбужденія, суть своего рода неугасимыя лампады, требующія, однако, чтобы время отъ времени въ нихъ, для яркаго горѣнія, подливалось масло, то для правильной работы памяти чрезвычайно важно физическое здоровье и энергическій обмѣнъ веществъ. Клѣтки, чтобы сохранять полученное возбужденіе, должны хорошо питаться, а питаніе клѣтокъ совершается кровью, кровь же въ свою очередь получаетъ всѣ нужные ей элементы изъ воздуха, пищи и т. д. Слабый больной организмъ плохая опора для дѣятельной работы памяти. Про память вообще нужно сказать, что это такой душевный процессъ, который наиболѣе тѣсно связанъ со всей жизнью тѣлеснаго организма. Разныя болѣзни и физическія потрясенія глубоко отражаются на памяти, иногда опустошаютъ ее. Каждая ступень въ развитіи организма—дѣтство, юность, зрѣлый возрастъ, старость—измѣняетъ въ большей или меньшей степени нашу память. Поэтому одно изъ первыхъ и существенныхъ условій хорошей памяти—правильный и энергичный обмѣнъ веществъ въ организмѣ. Удовлетворительное питаніе, надлежащее кровообращеніе, достаточный сонъ, движенія на свѣжемъ воздухѣ, общая гигіеническая постановка всей жизни весьма важны для отчетливаго и твердаго запоминанія, правильнаго и точнаго воспроизведенія.

Далѣе, необходимо достаточное время для усвоенія, потому что прочное усвоеніе можетъ совершаться только въ извѣстномъ объемѣ въ извѣстное время. Память основывается на физіологическихъ процессахъ, запомнить извѣстный фактъ значитъ затратить на него извѣстное количество физической и психической силы. Если запоминаніе идетъ очень поспѣшно, торопливо, обгоняетъ движеніе физіологическихъ процессовъ, то оно неизбѣжно становится очень поверхностнымъ, непрочнымъ, не успѣвая зарегистроваться физіологически. Такія знанія, нахватанныя на скорую руку, собственно не усвоенныя, а взятыя только на прокатъ, забываются чрезвычайно легко, быстро улетучиваются, какъ не имѣющія подъ собой твердой органической почвы. Въ школахъ бываетъ нерѣдко, что учитель, медленно двигавшійся въ обученіи въ теченіи года и потому запоздавшій, начинаетъ наверстывать потерянное въ концѣ года и потому спѣшитъ, быстро идетъ все впередъ и впередъ. Онъ прямо осуждаетъ свое обученіе на быстрое забвеніе. Было бы лучше, если бы онъ часть программы

оставилъ не выполненной, чѣмъ торопливо прошелъ всю. Студентъ, начинающій изучать науку только предъ экзаменомъ и въ небольшое количество дней проглатывающій значительное количество умственной пищи, ее нисколько не переваривaетъ и сохраняетъ свои знанія почти только на время экзамена; послѣ лѣтнихъ каникулъ отъ нихъ остается одно неопредѣленное припоминаніе. Это легко подтверждается класснымъ экспериментомъ.

Прочитайте дѣтямъ, говоритъ извѣстный американскій экспериментаторъ-психологъ, Гуго Мюнстербергъ [1]), десять отдѣльныхъ, не связанныхъ между собою, существительныхъ, затѣмъ дайте имъ минуту покоя и предложите имъ послѣ этой минуты сказать или написать, что они запомнили. Старшіе мальчики и дѣвочки безъ труда припомнятъ 6, 8 или 10 словъ. Повторите этотъ экспериментъ, но не давайте дѣтямъ минуты покоя, а займите ихъ въ продолженіе этой минуты какимъ нибудь маленькимъ ариѳметическимъ дѣйствіемъ, умноженіемъ или дѣленіемъ, чтобы ихъ умъ не имѣлъ возможности усвоить предложенный памяти матеріалъ. Когда пройдетъ минута въ такихъ ариѳметическихъ занятіяхъ, предложите дѣтямъ воспроизвести тѣ слова, которыя удержались въ ихъ умѣ. Вы увидите, что при такой постановкѣ будутъ припоминаться два, три или четыре слова, а не малое число дѣтей окажется не въ состояніи припомнить хотя бы одно слово. Мы усваиваемъ тогда, прибавляетъ Мюнстербергъ, когда не думаемъ объ этомъ. Бѣгать на конькахъ мы учимся лѣтомъ, а плавать учимся зимой; мы усваиваемъ, когда спимъ; мы учимся, когда ничего не дѣлаемъ. Въ этихъ словахъ правильная по существу мысль выражена крайне рѣзко и преувеличенно, но несомнѣнно, что мы мѣшаемъ усвоенію, если не даемъ своему уму достаточно времени для того, чтобы онъ вполнѣ вобралъ въ себя предлагаемый матеріалъ, а вмѣсто этого быстро переходимъ все къ новому и новому матеріалу. Даже порядокъ уроковъ въ школѣ долженъ бы примѣняться къ этимъ условіямъ мозговой жизни.

Можно ли предохранить знанія отъ ошибочныхъ воспроизведеній и отъ забвенія? Въ нѣкоторой степени можно.

Наши припоминанія неизбѣжно блекнутъ отъ времени. Съ этимъ недостаткомъ памяти можно бороться двумя средствами: подновленіемъ извѣстнаго образа новымъ впечатлѣніемъ и, по возможности, отчетливымъ первоначальнымъ отпечатлѣніемъ образа въ нашемъ сознаніи. Если мы замѣчаемъ, что извѣстное припоминаніе сдѣлалось блѣднымъ, туманнымъ, то мы можемъ подно-

---

1) Психологія и учитель. Москва, стр. 144—145.

вить его соотвѣтствующимъ впечатлѣніемъ. Образъ получитъ тогда снова свѣжесть и яркость, почерпнетъ въ новомъ впечатлѣніи новыя силы, какъ древній Антей, касавшійся земли. Чтобы не пришлось очень скоро прибѣгать къ подновленію образа и очень часто, нужно позаботиться о первомъ, по возможности отчетливомъ, отпечатлѣніи образа въ сознаніи. Большая разница въ отчетливости впечатлѣнія произойдетъ отъ того, сами ли мы наблюдаемъ извѣстное явленіе или читаемъ описаніе его, составленное точнымъ, совѣстливымъ наблюдателемъ или же слушаемъ разсказъ о немъ обыкновеннаго человѣка, за точностію никогда не гоняющагося. А разницей въ отчетливости первоначальнаго впечатлѣнія обусловится различная сила потребности въ подновленіи образа новымъ соотвѣтствующимъ наблюденіемъ.

Передѣлка образовъ памяти новыми впечатлѣніями въ значительной степени можетъ быть задерживаема повѣркой, время отъ времени, всего умственнаго запаса, особенно послѣ какого либо умственнаго или нравственнаго переворота. Рѣшительныя, поворотныя событія въ жизни непремѣнно должны вызывать пересмотръ запаса памяти, иначе мы рискуемъ, незамѣтно для самихъ себя, перекрасить въ новый цвѣтъ весь предшествующій опытъ. Въ жизни мы нерѣдко можемъ наблюдать, что даже значительное повышеніе въ чинѣ, въ должности, значительное увеличеніе матеріальныхъ средствъ влекутъ уже искаженіе образовъ памяти. И вообще въ виду неизбѣжности и безсознательности переработки образовъ, хранимыхъ памятью, новыми взглядами и впечатлѣніями, мы не можемъ особенно много довѣрять нашей памяти въ указанномъ отношеніи.

Смѣшеніе плодовъ творчества съ образами памяти можетъ быть ослаблено только въ нѣкоторой степени, именно смѣшеніе наблюденія и объясненія его, вывода, культурой способности наблюденія, о чемъ мы уже говорили.

Смѣшеніе сновидѣній съ дѣйствительностью бываетъ сравнительно рѣдко, и человѣкъ, болѣе или менѣе внимательно относящійся къ своей психической жизни, можетъ предостеречься отъ этой ошибки.

Имѣя въ виду указанныя ошибки памяти и трудность ихъ устраненія, педагогъ долженъ еще замѣтить, что всѣмъ ошибкамъ памяти дѣти подлежатъ въ гораздо значительнѣйшей степени, чѣмъ взрослые. Невѣрность воспроизведенія, будучи актомъ невольнымъ, несознательнымъ, можетъ нерѣдко самаго честнаго и осторожнаго взрослаго человѣка поставить въ весьма неловкое положеніе; тѣмъ легче невѣрныя воспроизведенія возможны у дѣтей,

у которыхъ психическія явленія еще не такъ опредѣленны, какъ у взрослаго, и самая рѣчь еще не тверда.

Когда запасъ свѣдѣній на столько увеличился, что новыя могутъ быть пріобрѣтаемы только на счетъ старыхъ, то процессъ забвенія долженъ совершаться въ порядкѣ, именно забвеніе никогда не должно постигать вѣхъ, основныхъ представленій, а должно касаться только частностей. Если мы допустимъ погибель вѣхъ, то мы уничтожимъ всю предшествующую работу памяти въ извѣстной сферѣ, безъ вѣхъ все разъединится и разсыплется. Если же мы сохранимъ вѣхи, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ сохранимъ возможность новаго быстраго пріобрѣтенія забытыхъ познаній. Понятно, что чрезвычайно важно, кромѣ основныхъ вѣхъ, удерживать въ памяти, если возможно, нѣсколько второстепенныхъ пунктовъ, которые, въ видѣ станцій въ степи, поддерживали бы связь между вѣхами—городами. Оживленіе частностей тогда производилось бы легче и наше мышленіе при этомъ условіи было бы цѣлостнѣе, содержательнѣе, богаче результатами. Нечего говорить, что повтореніе одно изъ могучихъ средствъ противъ забвенія.

Неизбѣжность для насъ забвенія, въ связи съ возможностью неопредѣленно долгаго храненія воспринятыхъ впечатлѣній, должна навести педагога на мысль о необходимости строгаго выбора матеріала, поручаемаго памяти питомца. Если наша память не можетъ вмѣщать въ себя безконечное количество свѣдѣній, если есть предѣлъ ея емкости, за которымъ начинается забвеніе, то безбожно было бы загромождать ее различнымъ старьемъ и хламомъ, засаривать различными мелкими ничтожными свѣдѣніями, которыя составятъ только лишнюю безполезную тяжесть въ умѣ, отвлекутъ мысль отъ главнаго и существеннаго, и которыя, для серьезныхъ дальнѣйшихъ успѣховъ, нужно будетъ постараться забыть. А у ретивыхъ учителей есть наклонность пичкать дѣтей знаніями безъ достаточнаго выбора, стараться сообщать имъ какъ можно больше свѣдѣній, въ той надеждѣ, что всякое свѣдѣніе полезно. Съ другой стороны, если даже мелкія впечатлѣнія сохраняютъ способность неопредѣленно долгаго воспроизведенія, то педагогу, при какомъ нибудь воспитательномъ промахѣ, не слѣдуетъ утѣшать себя тѣмъ, что ребенокъ еще малъ, что онъ все это забудетъ, что отъ какихъ либо неблагопріятныхъ вліяній у него не останется и слѣда. Конечно, можетъ быть, забудетъ, а можетъ быть, при благопріятномъ случаѣ, припомнитъ все весьма отчетливо, но во всякомъ случаѣ ни одно впечатлѣніе не пройдетъ въ немъ безслѣдно, не останется безъ

вліянія. Если бы какое либо впечатлѣніе проходило совершенно безслѣдно, то оно ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть воспроизведено. А что сказать про тѣ впечатлѣнія, которыя повторяются не одинъ или два раза, а много разъ? Тѣ, очевидно, навсегда останутся въ душѣ ребенка, хотя бы во всю послѣдующую его жизнь они ни разу не были воспроизведены. Отсюда понятно, на сколько важна для психическаго развитія ребенка та ежедневная будничная обстановка, которая его окружаетъ—дѣтская комната, мебель, нянька, родители, образъ жизни ребенка и всѣхъ окружающихъ его лицъ, ихъ разговоры, манеры, дѣйствія. Все это, въ отдѣльности взятое, не важно, ничтожно, перезабудется; но взятое вмѣстѣ, дѣйствуя постоянно, это громадная воспитательная сила ко благу или злу питомца. Извѣстно, что даже капля долбитъ камень, если падаетъ постоянно на одно и то же мѣсто.

VII.

Образное творчество и его воспитаніе.

Миѳологическое творчество.

Наблюдать и запоминать наблюденное—двѣ основныя дѣятельности нашего ума. Къ нимъ нужно прибавить третью, не менѣе основную и важную—пониманіе наблюденій и того, что заучено и повторено. Конечно, и наблюденіямъ и запоминанію не чужда разумность, она ихъ составной элементъ; но ихъ ближайшая цѣль все же другая: въ наблюденіи мы ставимъ задачей схватить всѣ характерныя черты и свойства наблюдаемаго явленія; въ запоминаніи мы стремимся настолько усвоить предметъ, чтобы быть въ состояніи позднѣе его отчетливо воспроизводить. Обсужденіе же со всевозможныхъ точекъ зрѣнія цѣнности наблюденій и запоминаній, постройка изъ нихъ міровоззрѣнія, есть дѣло особое, другой актъ, тѣсно связанный съ первыми двумя, но не тождественный съ ними. Это есть уже творчество, созданіе того, чего въ процессѣ наблюденія и запоминанія не было, что создаетъ нашъ духъ на основаніи наблюденій и запоминаній.

Наше осмысливаніе окружающихъ насъ явленій, наше міровоззрѣніе строится двумя путями: образнымъ мышленіемъ и отвлеченнымъ. Первый путь доступнѣе, первоначальнѣе, второй труднѣе и сложнѣе. Поэтому и все человѣчество и каждый отдѣльный человѣкъ сначала идетъ первымъ путемъ, а потомъ сворачиваетъ на второй. Образное мышленіе создаетъ два пониманія

явленій: миѳологическое и художественное. Они родственны между собою, но и различны.

Миѳологическое пониманіе явленій есть необходимая ступень въ развитіи человѣческаго духа, поэтому оно есть принадлежность всѣхъ народовъ и всѣхъ отдѣльныхъ людей. Сущность его заключается въ представленіи одушевленнымъ всего міра, въ уподобленіи жизни міра жизни человѣка, въ антропоморѳизаціи вселенной.

Можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ не могъ отличить на первыхъ же порахъ одушевленное отъ неодушевленнаго—отличій такъ много, они такъ замѣтны. Но въ этомъ случаѣ мы обманываемся легкостью и доступностью такого различенія нашему уму; на самомъ же дѣлѣ понятіе о неодушевленномъ предполагаетъ позади себя долгую предварительную работу. Нужно было сдѣлать много всякаго рода наблюденій и сопоставленій, чтобы догадаться, что въ окружающемъ мірѣ есть одушевленныя существа и бездушные предметы и что между одушевленными существами первенствующее положеніе занимаетъ человѣкъ. Если есть много различій между неодушевленнымъ и одушевленнымъ, то-есть много и сходствъ, особенно для неопытнаго наблюдателя и начинающаго мыслителя: всюду разлита жизнь, всюду совершаются измѣненія, происходитъ ростъ, то замѣчается періодъ расцвѣта, то періодъ упадка, совершаются разнообразныя движенія. Во всемъ этомъ много сходнаго съ человѣческою жизнью, напоминающаго свойства и дѣйствія человѣка. Въ сходныхъ чертахъ мертвой и живой природы нашъ современный умъ видитъ много оттѣнковъ, особенностей, своеобразныхъ качествъ; ничего подобнаго не замѣчалъ первобытный умъ, неспособный къ такимъ тонкимъ различеніямъ. Съ другой стороны, однимъ изъ первыхъ и весьма сильныхъ аперцепирующихъ центровъ была группа представленій о личной человѣческой жизни. Когда прошло состояніе неразличенія и человѣкъ бросилъ болѣе или менѣе сознательный и различающій взглядъ на окружающій міръ и на себя, его вниманіе было привлечено его собственными состояніями удовольствія и страданія, голода и жажды, перемѣщенія имъ различныхъ предметовъ и т. п. Всѣ эти состоянія, какъ сознательныя, доходили до его свѣдѣнія и по уподобленію, одновременности и послѣдовательности соединялись между собою, сливались и образовали одну большую группу. Въ окружающей природѣ человѣкъ видѣлъ много различнаго отъ чисто человѣческаго образа жизни, но замѣчалъ многое и сходное. При наличности могучаго апперцепирующаго центра, образовавшагося изъ свойствъ и явле-

ній личной жизни, и при относительной слабости другихъ центровъ, первобытный человѣкъ отнесъ и явленія внѣшней природы къ группѣ личной жизни, т. е. смѣшалъ неодушевленное съ одушевленнымъ, представлялъ себѣ внѣшнюю природу человѣкообразной. Справедливо сказалъ Лейбницъ: externa non cognoscit (mens), nisi per ea quae sunt in semetipsa.

Къ указанной психологической необходимости смѣшенія неодушевленнаго съ одушевленнымъ нужно прибавить еще вліяніе языка. Корни языковъ служили прямымъ обозначеніемъ дѣйствій человѣка, языкъ первоначально образовался, имѣя матеріаломъ личное, человѣческое, и только косвенно обозначалъ предметы и явленія внѣшней природы. Естественно, что, когда факты внѣшняго міра стали различаться лучше и заняли болѣе видное мѣсто въ сознаніи, внѣшній міръ былъ заключенъ въ термины человѣческой дѣятельности и явленія природы получили названія, обозначавшія работу личныхъ существъ.

Стремленіе понимать природу устроенной и живущей по образу и подобію человѣка есть одно изъ основныхъ стремленій нашего ума, это стремленіе легко прослѣдить въ такихъ ученіяхъ, которыя, повидимому, не только совершенно чужды, но и противоположны первобытнымъ воззрѣніямъ человѣческаго ума. Не будемъ говорить о народныхъ массахъ, въ которыхъ и теперь еще, по отношенію ко многимъ явленіямъ, живетъ первоначальный грубый антропоморѳизмъ природы; возьмемъ науку, научные взгляды, въ нихъ, въ измѣненной формѣ, мы найдемъ то же стремленіе—понимать природу, ея жизнь, ея законы, какъ отраженіе жизни человѣка, законовъ его ума.

Извѣстны ученія, которыми признается, что настоящая дѣйствительность, истинное бытіе заключается въ *идеяхъ*, земной же міръ есть простое отраженіе, копія самостоятельно и реально, внѣ ума, существующаго идеальнаго міра. Простой грубый антропоморѳистъ думалъ такъ: весь міръ таковъ же, какъ и я, владѣетъ тѣми же самыми свойствами, желаніями, чувствованіями, отвращеніями и т. д., какъ и я; идеологъ думалъ, что весь міръ таковъ, каковы идеи, и что самыя идеи составляютъ особый, болѣе существенный и реальный, міръ, чѣмъ обыкновенный. Потомъ было признано неудобнымъ приписывать идеямъ реальное существованіе внѣ насъ, онѣ были перенесены въ душу, получили субъективное значеніе и сдѣлались врожденными идеями, апріорными формами, врожденными способностями. Но міръ продолжалъ строиться согласно съ ними: самъ по себѣ міръ можетъ имѣть какія ему угодно качества, но намъ онъ долженъ необходимо

представляться въ одеждѣ нашихъ, нашему уму принадлежащихъ, апріорныхъ формъ, подводиться подъ врожденныя идеи, разсматриваться согласно нашимъ способностямъ. Разсужденіе о мірѣ оставалось антропоморѳическимъ, вселенная строилась по законамъ ума. Наконецъ, устраняются врожденныя идеи, апріорныя формы и способности; но въ то же самое время признается—и необходимо должна признаваться—своеобразность всего психическаго міра, начиная съ элементарнаго ощущенія. Внѣшній міръ не входитъ, не вламывается въ нашу душу такъ, какъ онъ есть, со всѣми своими свойствами, онъ только стучится въ нашъ умъ, возбуждаетъ его къ дѣятельности, къ отвѣту, но самый отвѣтъ дается умомъ сообразно его собственной природѣ и строенію. Наше представленіе міра, наше міровоззрѣніе есть продуктъ дѣятельности нашего ума, нашего творчества, а не самый міръ со своими свойствами. Въ нашемъ умѣ и душѣ нѣтъ оконъ и дверей и внѣшнему міру невозможно пройти въ нашъ умъ. И не только нашъ умъ или человѣческій организмъ усвояетъ все по своему, сообразно съ законами своихъ стремленій и дѣятельности, но и животный организмъ и растительный будутъ усвоять все также по своему. Одно и то же впечатлѣніе, дѣйствующее на человѣка, животное и растеніе, на различные виды людей и животныхъ не дастъ одного результата, не вызоветъ во всѣхъ одинаковой дѣятельности; дѣятельность у каждаго существа будетъ особая, своеобразная, примѣнительная къ его природѣ. Такимъ образомъ, грубый первобытный антропоморѳизмъ можетъ утончаться, принимать повидимому совершенно новыя формы, можетъ превратиться въ философскій субъективизмъ и относительность знанія; но въ концѣ концовъ весь этотъ субъективизмъ есть тотъ же по сущности антропоморѳизмъ: мы все мыслимъ и представляемъ согласно съ законами нашей природы, вселенная для насъ—какова она сама по себѣ, намъ неизвѣстно—устроена по законамъ нашей мысли, нашего ума. Иное міровоззрѣніе невозможно. Антропоморѳизмъ въ самыхъ выработанныхъ философскихъ системахъ становится только частичнымъ и отвлеченнымъ, тогда какъ прежде онъ былъ цѣлостнымъ и конкретнымъ, но онъ не уничтожается и не можетъ уничтожиться: прежде всѣ свойства человѣка приписывали міру—и тѣлесную человѣческую форму и страсти и соображенія и чувствованія съ дѣйствіями, а теперь міру приписываютъ только существованіе по законамъ мысли; прежде признавали, что міръ есть или одно живое человѣкоподобное существо или множество такихъ существъ, а теперь признаютъ, что міръ есть выраженіе абсолютной *идеи*, міровой *воли*, какого нибудь *безсознательнаго* верховнаго начала.

Можетъ быть, замѣтятъ, что подобные ясные слѣды первобытнаго антропоморѳизма встрѣчаются только въ метафизикѣ, которая есть своеобразная поэзія, и потому естественно, что она хранитъ остатки старыхъ олицетвореній природы; но въ чисто научномъ, механическомъ пониманіи міра, гдѣ допускаются только силы да матерія, атомы и законы, антропоморѳизмъ исчезъ совсѣмъ, его нѣтъ и слѣда и созданъ новый взглядъ на природу, даже прямо противоположный антропоморѳическому. Но и въ любомъ механическомъ міровоззрѣніи есть весьма существенные слѣды антропоморѳизма.

Основныя понятія каждаго механическаго міровоззрѣнія суть простыя видоизмѣненія антропоморѳическихъ представленій. Механическія міровоззрѣнія говорятъ намъ о силахъ, причинахъ, законахъ, мертвой инертной матеріи; но откуда и какъ получаются эти понятія, какимъ путемъ они образуются? Они возникаютъ первоначально изъ наблюденія надъ человѣкомъ и въ концѣ концовъ суть не что иное, какъ антропоморѳическія представленія и понятія. Силу человѣкъ прежде всего знаетъ въ себѣ самомъ силу личную, живую, сознательную и изъ представленія о такой силѣ исходитъ въ построеніи понятія о силѣ вообще. Силы физическія, химическія, жизненныя понимаются аналогично силѣ личной и первоначально просто считаются личными силами, а съ развитіемъ различенія мало по малу получаютъ свои особенныя свойства, выдѣляются изъ личной силы и образуютъ нѣчто самостоятельное. Но основной стержень въ представленіи силы заимствуется изъ понятія силы личной и безъ сопоставленія, хотя бы скрытаго и непрямого, съ силой личной мы не можемъ и понять силы физическія, химическія и т. п.—Съ закономъ мы первоначально знакомимся изъ отношеній человѣческаго общества. Прежде чѣмъ былъ признанъ какой либо законъ природы, былъ признанъ законъ гражданскій, законъ общественной жизни. Не съ природы на общество было перенесено понятіе закона, а, наоборотъ, съ общества на природу. Въ общественной же жизни законъ былъ прежде и есть часто и въ настоящее время приказъ, исходящій или отъ одной личной воли или отъ многихъ. Такимъ образомъ, самое ядро въ понятіи закона, подобно понятію силы, есть чисто антропоморѳическое.—Причинность, разсматриваемая объективно, есть постоянныя сходства, одновременность и смѣна явленій. Но въ понятіе причины мы обыкновенно вкладываемъ гораздо большее содержаніе, подъ причинностью мы разумѣемъ не простую одновременность, сходство и послѣдовательность явленій, но еще внутреннюю связь, внутреннее сцѣпленіе явленій, въ силу котораго причина

непремѣнно влечетъ вслѣдъ за собою дѣйствіе. Такое представленіе о внутреннемъ сцѣпленіи причинъ и дѣйствій мы составляемъ, наблюдая поступки человѣка, мы замѣчаемъ, что желаніе и дѣйствія, намѣренія и исполненія, планы и ихъ осуществленія не только слѣдуютъ другъ за другомъ, имѣютъ хронологическую связь, но и внутреннюю, живую, которая бываетъ невидна постороннему зрителю. Отсюда, по аналогіи, мы заключаемъ, что и въ причинной связи явленій внѣшней природы есть нѣчто большее, чѣмъ простыя смѣна, одновременность и сходство.—Наконецъ, возьмемъ самое противоположное антроморѳическому міровоззрѣнію представленіе о мертвой, бездушной, инертной матеріи, какихъ либо атомахъ, частичкахъ и т. п. Какъ и изъ чего образуется такое представленіе? Изъ представленія о живомъ, одушевленномъ существѣ путемъ отрицанія и измѣненія его свойствъ. Подобно тому, какъ понятіе о богѣ составляется изъ понятія о человѣкѣ путемъ отрицанія конечности человѣческихъ психическихъ свойствъ и нѣкотораго измѣненія самыхъ свойствъ, а понятіе о смерти изъ понятія о жизни, такъ точно понятіе объ инертной бездушной матеріи возникаетъ изъ понятія о живомъ существѣ. Подъ вліяніемъ развивающейся различающей дѣятельности, свойства живаго существа, при распространеніи этого понятія на внѣшнюю природу, постепенно сокращаются, уничтожаются: сначала исчезаютъ чисто человѣческая разумность и цѣлесообразность, потомъ чувствованія и элементарная умственная дѣятельность, далѣе способность самопроизвольнаго движенія и мало по малу обѣднѣвшее содержаніемъ понятіе живаго существа приводится къ видимой своей противоположности — инертной бездушной матеріи. Но вполнѣ понимать и представлять бездушную матерію мы можемъ только, сопоставляя ее съ живымъ существомъ, возвращая свой умъ къ первоисточнику понятія о бездушной матеріи.

Такимъ образомъ каждое механическое міровоззрѣніе покоится на совершенно антропоморѳическихъ понятіяхъ. Оно можетъ представлять видимую противоположность антропоморѳизма, кажущееся отрицаніе всякаго слѣда его; но всмотритесь ближе въ его основныя понятія, поскоблите немножко ихъ отвлеченную поверхность, загляните, что подъ ней находится, и вы увидите, можетъ быть, вывѣтрившіяся, полинялыя, измѣненныя, но тѣмъ не менѣе въ существѣ антропоморѳическія представленія. И такъ мы можемъ сказать, что вся наука, философія и логика суть не что иное, какъ утонченный, сдержанный и умѣренный различеніями первоначальный антропоморѳизмъ нашего ума.

Несмотря на общеизвѣстность и многочисленность фактовъ,

указывающихъ, что оживленіе и очеловѣченіе природы издавна присущи нашему уму, есть писатели, несогласные съ этою мыслію, напр. Спенсеръ и Ванъ-Енде. Общеизвѣстные факты смѣшенія дикарями и дѣтьми неодушевленнаго съ одушевленнымъ Спенсеръ и за нимъ Ванъ-Енде толкуютъ на свой собственный ладъ, стараясь доказать, что первобытному человѣку и вообще неразвитому напр., дѣтскому, уму совершенно несвойственно смѣшивать одушевленное и неодушевленное, и что въ исторіи развитія человѣческаго ума такое смѣшеніе появляется довольно поздно. Что состояніе смѣшенія не есть первоначальное состояніе ума—справедливо; но тѣмъ не менѣе оно вполнѣ свойственно первобытному человѣку и всякому неразвитому уму, въ томъ числѣ и дѣтскому. Спенсеръ и Ванъ-Енде разсуждаютъ совершенно неправильно, относя смѣшеніе неодушевленнаго съ одушевленнымъ, согласно другимъ своимъ взглядамъ, къ позднему сравнительно времени въ исторіи ума, приводимыя ими доказательства совершенно несостоятельны. Они заключаются въ слѣдующемъ [1]).

Животныя, даже простѣйшія, умѣютъ очень хорошо различать одушевленное и неодушевленное, а „можемъ ли мы сказать, что первобытный человѣкъ менѣе уменъ, чѣмъ низшія млекопитающія, чѣмъ птицы, чѣмъ даже насѣкомыя?“ (Спенсеръ). Правда, дикари принимаютъ иногда неодушевленныя вещи за одушевленныя существа, но это случается только тогда, когда онѣ по своему устройству и обнаруживаемымъ ими свойствамъ похожи на живыя существа. Таковы напр. всѣ автоматическіе инструменты, издающіе звуки. Классификація же естественныхъ предметовъ на одушевленные и неодушевленные у дикарей существенно правильна.— „Ребенокъ столь же мало склоненъ приписывать жизнь неодушевленнымъ вещамъ, какъ и щенокъ или котенокъ“. (Спенсеръ). Несомнѣнные же факты смѣшенія дѣтьми неодушевленнаго съ одушевленнымъ Спенсеръ объясняетъ отчасти вліяніемъ внушеній взрослыхъ, а отчасти прямымъ и преднамѣреннымъ притворствомъ дѣтей. Припомнимъ только, говоритъ онъ, какъ часто случается видѣть, что, когда ребенокъ ушибается о какой либо неодушевленный предметъ, мать или нянька, желая утѣшить дитя, притворяется, будто она принимаетъ сторону ребенка противъ этого предмета и говоритъ: ахъ ты дрянной стулъ! ушибъ бѣднаго мальчика! побей его, душенька! „Послѣ такихъ случаевъ мы имѣемъ право подозрѣвать, прибавляетъ Спенсеръ, что ребенокъ не со-

[1]) Спенсеръ, Основанія соціологіи, т. I, стр. 141—145; Van—Ende, Histoire naturelle de la croyance. Premiere partie. Paris, 1887 p. 10—22, 34, 65, 151, 320.

чинилъ самъ данное понятіе, но выучился ему отъ взрослыхъ". Дѣти надѣляютъ свои игрушки личною жизнью, говорятъ съ ними ласкаютъ ихъ, какъ будто бы онѣ были живыя существа. По мнѣнію Спенсера, все это только преднамѣренная фикція со стороны дѣтей. „Ребенокъ хотя и утверждаетъ притворно, будто бы его игрушки живыя, но не думаетъ этого дѣйствительно. Еслибы кукла укусила его, онъ былъ бы изумленъ этимъ не менѣе, чѣмъ и взрослый". Только въ двухъ случаяхъ, по Спенсеру, дитя дѣйствительно смѣшиваетъ неодушевленное съ одушевленнымъ: а) когда неодушевленный предметъ имѣетъ большое сходство съ какимъ либо одушевленнымъ существомъ и б) когда неодушевленный предметъ обнаруживаетъ способность самопроизвольнаго движенія, свойственную живымъ существамъ. Очевидно, что эти два ряда случаевъ смѣшенія удобно приводятся къ одному: дитя смѣшиваетъ неодушевленное съ одушевленнымъ, когда оно въ неодушевленномъ замѣчаетъ болѣе или менѣе значительное сходство съ одушевленнымъ.

Доказательствамъ, что животныя хорошо различаютъ между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, Ванъ-Енде посвятилъ значительную часть своего сочиненія. По его мнѣнію, „положительныя данныя зоологіи всецѣло согласны съ тѣми, которыя мы могли извлечь изъ общихъ законовъ развитія воспріятія, чтобы побудить насъ считать различеніе одущевленнаго и неодушевленнаго столь же древнимъ въ животномъ сознаніи, какъ само сознаніе". Человѣческому сознанію различеніе между одушевленнымъ и неодушевленнымъ также присуще изначала, безраздѣльно съ нимъ; это различеніе перешло къ человѣку отъ животныхъ и человѣку врождено.

Психологія животныхъ—довольно шаткая почва для умозаключеній о человѣкѣ, такъ какъ очень трудно высказывать положительныя сужденія о томъ или другомъ фактѣ душевной жизни животныхъ. Въ частности относительно нераздѣльности съ животнымъ сознаніемъ различенія одушевленнаго и неодушевленнаго мы имѣемъ совершенно противоположное утвержденію Ванъ-Енде свидѣтельство итальянскаго изслѣдователя Тито Виньоли, который, на основаніи большого числа собственныхъ наблюденій и опытовъ, пришелъ къ тому заключенію, что животное, при воспріятіи всѣхъ, доступныхъ ему, вещей имѣетъ неопредѣленное представленіе о живомъ существѣ, что каждый предметъ, каждое явленіе есть для животнаго живое и желающее существо, подобное ему самому, а весь міръ—собраніе такихъ живыхъ и желающихъ существъ. Объективная простая ре-

альность, какъ она представляется человѣческому изслѣдованію, для животнаго не существуетъ [1]). На основаніи показаній Тито Виньоли, у животныхъ нужно допустить апперцепирующій центръ живого существа, подобный тому, какой имѣется у человѣка. Но онъ не исключаетъ умѣнья хорошо различать между живымъ и неживымъ. По мѣрѣ опыта и наблюденія, по мѣрѣ столкновеній съ другими существами и предметами, животное научается отличать, болѣе или менѣе опредѣленно, живое и неживое. Не замѣчая долго проявленій жизни у какого-либо предмета, животное выдѣляетъ его изъ первоначальнаго апперцепирующаго центра живыхъ существъ; но лишь только снова замѣтится что либо, напоминающее жизнь у бездушной вещи, она опять возвращается на старое мѣсто въ классификаціи, относится къ прежнему апперцепирующему центру. Этимъ и объясняются факты смѣшенія животными неодушевленнаго съ одушевленнымъ, на которые указываетъ Виньоли, которые сообщалъ Ромэнсъ и которые долженъ былъ признать и Ванъ-Енде (р. 190—192), не смотря на свое утвержденіе, что различеніе между одушевленнымъ и неодушевленнымъ неотдѣлимо отъ животнаго сознанія.

Впрочемъ Ванъ-Енде не только допускаетъ смѣшеніе животными одушевленнаго и неодушевленнаго, но онъ признаетъ еще существеннымъ принципомъ космологіи животныхъ слѣдующій: „живое существо есть единственная дѣятельная сила въ природѣ; всякое дѣйствіе имѣетъ начало въ живомъ существѣ или прямо или посредствомъ инертной матеріи, которая съ своей стороны есть только рама или инструментъ дѣятельности одушевленныхъ существъ“ (р. 74). Ванъ-Енде говоритъ, что то, „что мы можемъ уловить въ дѣйствіяхъ животнаго о его объективномъ пониманіи, кажется, указываетъ намъ, что для него природа есть, прежде всего, область живого существа“ (р. 65). Этими мыслями Ванъ-Енде много приблизился къ тому ученію о важномъ апперцепціонномъ значеніи представленій о живомъ существѣ, которое изложено выше, такъ что различіе хотя и остается, но очень сглаженнымъ. Оказывается, что за животными согласно признается способность различенія живого и бездушнаго и ихъ коренное стремленіе понимать живое существо, какъ единственную дѣятельную силу въ природѣ; различіе между взглядомъ Ванъ-Енде и выше изложеннымъ состоитъ въ томъ, что Ванъ-Енде допускаетъ сначала различеніе, а потомъ смѣшеніе животными неодушевлен-

[1]) Tito Vignoli. Mythus und Wissenschaft. Autorisirte Ausgabe, 1880 г. S. 50, 58 и вся вторая глава.

наго съ одушевленнымъ, мы же настаиваемъ на противоположной послѣдовательности поименованныхъ явленій, по нашему мнѣнію, болѣе естественной и логичной: сначала животныя смѣшиваютъ, а потомъ различаютъ одушевленное и неодушевленное. Въ основѣ этого различія взглядовъ лежитъ признаніе преобладанія въ животномъ сознаніи или процесса апперцепціи помощью представленій о живомъ существѣ или неизвѣстно откуда взявшагося, отъ начала присущаго ему, различенія одушевленнаго и неодушевленнаго.

Недостатокъ разграниченія у дикарей между одушевленнымъ и неодушевленнымъ не ограничивается искусственными предметами, нѣкоторые дикари и въ естественныхъ предметахъ видятъ жизнь и самопроизвольное движеніе тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Во многихъ сѣверо-американскихъ языкахъ различаются имена живыхъ и безжизненныхъ предметовъ, подобно тому, какъ мы различаемъ родъ существительныхъ. Но въ указаніи, что живо и что мертво, языки несогласны. Живыми у нѣкоторыхъ индѣйцевъ признаются деревья, звѣзды, золото и серебро, рожь и хлѣбъ и многіе механизмы, введенные европейцами, напр. часы, ружья, экипажи. У другихъ же племенъ, съ другой стороны, не всѣ животныя считаются живыми, напр. не считаются живыми маленькія рыбки. Члены животнаго тѣла у однихъ племенъ считаются мертвыми, у другихъ живыми, если живо тѣло. Вообще о жизни и смерти существъ господствуетъ значительное разнообразіе мнѣній. Такъ земляника жива, а малина мертва; бобъ живъ, а горохъ мертвъ. При этомъ противоположеніе одушевленнаго и неодушевленнаго нерѣдко не сопровождается никакимъ дальнѣйшимъ дѣленіемъ, напр. одушевленныя существа не подраздѣляются по полу на мужскія и женскія (въ языкахъ черокезскомъ, тотонака, чиму, тараскишскомъ и др.). Въ единственномъ числѣ названій вещей нѣтъ никакихъ указаній на различіе одушевленнаго и неодушевленнаго, а различіе выражается только во множественномъ числѣ, именно тѣмъ, что неодушевленныя вещи или совсѣмъ не имѣютъ особаго множественнаго числа, или же другое, по сравненію съ одушевленными, напр. множественность неодушевленнаго выражается просто прибавкой слова много.—Жители острова Фиджи празднуютъ воскресеніе не только умершихъ людей, но и животныхъ, растеній, домашней утвари и камней. Вѣрованіе въ происхожденіе человѣка отъ растенія, отъ дерева было широко распространено и глубоко вкоренено въ народномъ сознаніи [1]).

[1]) Steinthal, Charakteristik, 230—231; Winkler, Zur Sprachgeschichte. 1887 г. 226—7; 1889 г. 7—10, 16, 20; Мандельштаммъ, Опытъ объясненія обычаевъ. Спб. 1882 г. 24—32, 80—118.

Мысль о томъ, что человѣкъ, неразличающій неодушевленнаго отъ одушевленнаго, будетъ ниже элементарнаго животнаго, владѣющаго способностью такого различенія, должна быть оставлена, такъ какъ и животныя начинаютъ съ того же, съ чего и человѣкъ, т. е. апперцепированіемъ всего неодушевленнаго, какъ одушевленнаго; человѣкъ, подобно животному, долгимъ путемъ опыта и наблюденій постепенно приходитъ къ различенію неживого отъ живого, конечно, путаясь и сбиваясь на этомъ долгомъ пути. Въ концѣ концовъ онъ достигаетъ значительнаго разграниченія одушевленнаго и неодушевленнаго, хотя нѣтъ ничего удивительнаго въ той мысли, что то или другое дикое племя въ отдѣльныхъ случаяхъ хуже различаетъ неодушевленное отъ одушевленнаго, чѣмъ животное. Извѣстно, что нѣкоторыя животныя въ нѣкоторыхъ различеніяхъ превосходятъ не только дикаря, но и образованнаго человѣка; они могутъ видѣть, обонять, слышать на такихъ далекихъ разстояніяхъ, на какихъ образованный человѣкъ не можетъ; верблюды въ пустыняхъ и степныя лошади въ степяхъ не поддаются миражу морей и рѣкъ, которому поддаются люди; собаки въ Константинополѣ ночью распознаютъ христіанъ и турокъ, чего люди не могутъ сдѣлать. Притомъ, какъ возможно считать унизительнымъ предположеніе, что человѣкъ на первыхъ порахъ своей умственной жизни смѣшивалъ неодушевленное съ одушевленнымъ, а предположеніе о позднѣйшемъ смѣшеніи при большемъ умственномъ развитіи, считать неунизительнымъ и естественнымъ?

Переходимъ къ разсмотрѣнію довода, заимствованнаго изъ дѣтской жизни.

Что неразумныя внушенія нѣкоторыхъ матерей и нянь объ одушевленности бездушныхъ предметовъ могутъ путать мысль дѣтей, давать имъ ложныя представленія, это безспорно; точно также справедливо, что дѣти извѣстнаго возраста уже знаютъ, что игрушки не суть живыя существа и, играя ими, въ нѣкоторомъ родѣ представляютъ комедію, являются маленькими артистами на домашней сценѣ, хотя, нужно прибавить, часто увлекаются игрой и принимаютъ игру за дѣйствительность. Но относительно приведенныхъ Спенсеромъ и Вандъ-Енде фактовъ слѣдуетъ замѣтить, что не во всѣхъ семьяхъ матери и няни внушаютъ дѣтямъ ложныя представленія объ одушевленности предметовъ, а дѣти одушевляютъ бездушное вездѣ. Прейеръ сообщаетъ [1]), что его мальчикъ, при видѣ разламываемаго сухаря, восклицалъ:

[1]) Die Seele des Kindes. S. 321.

„бѣдный сухарь“!, а при видѣ полѣна, бросаемаго въ печку: „бѣдное дерево!“, хотя никто мальчика не училъ ничему подобному. Извѣстный Каспаръ Гаузеръ, также безъ ложныхъ съ чьей либо стороны внушеній, признавалъ одушевленными многія бездушныя вещи и долгое время не могъ напр. убѣдиться, что откатившіеся и неподвижно лежавшіе на землѣ яблоки безжизненны, онъ говорилъ: „они устали, они не могутъ бѣжать дальше“.— Одно дитя, 24 мѣсяцевъ, нашло камешекъ въ своемъ ящикѣ съ кирпичиками. Мать спросила дитя, что тамъ дѣлаетъ камешекъ и дитя отвѣтило: „хочетъ играть съ кирпичиками“. Впрочемъ, поглядѣвъ на камешекъ, дитя мудро замѣтило: „нѣтъ рукъ“ [1])— Плутархъ, утѣшая свою жену въ потерѣ двухлѣтней дочери, между прочимъ говоритъ о ней: „она хотѣла, чтобы ея кормилица давала грудь не только дѣтямъ, которыхъ она любила, но еще и игрушкамъ, которыми она забавлялась, приглашая также, по человѣколюбію, къ своему частному столу всѣ вещи, которыя доставляли ей удовольствіе, и желая удѣлить имъ часть того, что она считала лучшимъ“ [2]). Дѣвочка, которую наблюдалъ Тэнъ [3]), будучи $2^1/_2$ лѣтъ, говорила про свою коляску: „моя коляска не хочетъ идти, она злая“. Про каждый знакомый предметъ первый ея вопросъ былъ: „что онъ говоритъ?—Что говоритъ кроликъ?— Что говоритъ птичка?—Что говоритъ лошадь?— Что говоритъ большое дерево“? Дѣвочка относилась къ каждому предмету какъ къ лицу и хотѣла знать его мысли и слова.

Для убѣдительности своего объясненія, что единственно неразумныя внушенія матерей и нянь вызываютъ въ умѣ дѣтей ложную мысль объ одушевленности бездушнаго, Спенсеру слѣдовало бы доказать, что въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ нѣтъ ложныхъ внушеній матерей и нянь, тамъ дѣти не смѣшиваютъ бездушное съ одушевленнымъ; но Спенсеръ этого не сдѣлалъ, потому что это и невозможно сдѣлать. То обстоятельство, что матери и няни прибѣгаютъ для утѣшенія дѣтей къ представленію бездушныхъ вещей живыми, а дѣти очень легко усвояютъ такіе взгляды и поступаютъ согласно съ ними, не указываетъ ли, что дѣтской натурѣ свойственно антропоморфическое пониманіе предметовъ и явленій, вслѣдствіе чего дѣти и соглашаются съ нимъ такъ легко и охотно?

Спенсеръ признаетъ, что дѣти и дикари смѣшиваютъ неодушевленное съ одушевленнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда находятъ

---

[1]) Селли, Основныя начала психологіи. Стр. 238.

[2]) Perez, L'enfant de trois à sept ans. Paris, 1886. p. 249—250.

[3]) Revue philosophique, 1876, № 1.

какое-либо сходство неодушевленной вещи съ одушевленнымъ существомъ. Этой оговоркой, которую не сдѣлать было нельзя, Спенсеръ уничтожилъ, собственно говоря, все свое предшествующее разсужденіе, потому что указать границы сходнаго рѣшительно невозможно, а начинающему уму все казалось сходнымъ. И нашъ умъ подчасъ признаетъ сходнымъ то, что существенно различно, и мы нерѣдко дѣлаемъ въ этомъ отношеніи большія ошибки. Но нашъ умъ—умъ взрослыхъ, культурный, развитой, можетъ быть, наукой; что же сказать про отожествленія и аналогіи дѣтей и дикарей, которые не чувствуютъ никакой сдержки, никакой узды при сближеніяхъ предметовъ? И извѣстно, что дѣти и дикари легко видятъ близкое сходство тамъ, гдѣ умъ, сдерживаемый различеніями, рѣшительно отказывается замѣтить что-либо сходное. Дѣвочка пяти лѣтъ однажды сказала своей матери: „мама, я думаю, что этотъ обручъ долженъ быть живой, онъ такъ чувствителенъ, что катится, куда я захочу“ [1]). Слѣдующій разговоръ о затменіяхъ солнца и луны происходилъ между алгонкинскими индѣйцами и отцемъ Ле-Женомъ, однимъ изъ первыхъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Канадѣ, въ XVII вѣкѣ: „я спросилъ у нихъ, отчего происходитъ затменіе солнца и луны; они отвѣчали мнѣ, что луна затмевалась или казалась черной отъ того, что она держала на рукахъ своего сына, который не давалъ видѣть ея свѣтъ.—Если у луны есть сынъ, стало быть она замужемъ или была замужемъ, сказалъ я имъ.—Да, сказали они, ея мужъ—солнце, который ходитъ весь день, а она всю ночь; и если онъ затмевается или темнѣетъ, это значитъ, что онъ также беретъ на руки сына отъ луны.—Да, но ни луна, ни солнце не имѣютъ рукъ, говорилъ я имъ.—Ты ничего не понимаешь: они постоянно держатъ передъ собой натянутые луки—вотъ почему не видать ихъ рукъ.—Въ кого же они хотятъ стрѣлять?—А мы почему знаемъ“? [2]) Какъ же при такихъ условіяхъ можно указать какія-либо границы сходствамъ, которыя представлялись первобытному уму или могутъ представляться нашимъ дѣтямъ?

Наконецъ, для правильнаго пониманія вопроса о смѣшеніи неодушевленнаго съ одушевленнымъ, нужно постоянно помнить, что смѣшеніе есть процессъ апперцепціи и вмѣстѣ классификаціи, что онъ предполагаетъ дѣятельность различенія. Многіе, подобно Спенсеру и Ванъ-Енде, стараются какъ либо иначе, помимо смѣшенія, объяснить отсутствіе правильнаго разграниченія между не-

[1]) Sully, Outlines of Psychology, London, 1885. p. 378. прим. 2.
[2]) Тэйлоръ, Первоб. культ. 1, 266, прим. 1.

одушевленнымъ и одушевленнымъ у дѣтей и дикарей, потому что, говорятъ они, неужели дикарь не видитъ, что дерево не человѣкъ, что стрѣла бездушна, а дитя, напр. двухъ лѣтъ, неужели не замѣчаетъ, что игрушки не ѣдятъ, не пьютъ, не двигаются сами и т. п.? У дѣтей и дикарей есть органы внѣшнихъ чувствъ, способные къ воспріятію, слѣдовательно они должны видѣть различія между предметами, составляющія ихъ свойства. Но дѣти и дикари различаютъ отдѣльные предметы: поставьте предъ дикаремъ дерево и человѣка, предъ дитятей фарфоровую собачку и живую собаку, они ихъ различатъ, состояніе неразличенія они уже пережили, оно уже позади; дѣти и дикари смѣшиваютъ въ данномъ случаѣ не отдѣльные предметы, а смѣшиваютъ отдѣльный предметъ съ неподобающимъ ему классомъ. На ихъ взглядъ, для ихъ ума между неодушевленными вещами и живыми существами есть много сходствъ и они, различая въ отдѣльности живое и неживое, смѣшиваютъ ихъ при классификаціи, увлекаясь сходствомъ. Мальчикъ Прейера на 27 мѣсяцѣ горько плакалъ при вырѣзываніи человѣческихъ фигурокъ изъ бумаги, боясь, какъ бы не отрѣзали фигуркѣ голову [1]). Конечно, мальчикъ по третьему году уже замѣтилъ разницу между собой и бумажной фигуркой; но такъ какъ фигурка имѣла видъ человѣка, то мальчикъ невольно относилъ ее къ разряду живыхъ существъ, и, при угрожавшей ей опасности, плакалъ, очевидно упуская изъ вида различія и приписывая фигуркѣ свойства класса, т. е. жизнь и чувство. И дитя разсуждало, строго говоря, совершенно здраво, потому что въ фигуркѣ для его наблюденія были два ряда свойствъ: отличавшія фигурку отъ человѣка—она изъ бумаги, мала и пр.—и сближавшія ее съ человѣкомъ—форма фигурки, сходство ея частей съ органами человѣческаго тѣла. На основаніи этихъ двухъ рядовъ свойствъ мальчикъ и понималъ фигурку. Для нашего ума первый рядъ свойствъ дѣлаетъ второй одною видимостію; но мальчикъ не умѣлъ еще оцѣнивать значеніе свойствъ и соподчинять одни другимъ; онъ усвоялъ ихъ безъ всякой критики и переработки и сообразно съ ними разсуждалъ, въ своемъ положеніи, совершенно здраво. Жители Отаити, ознакомившись въ первый разъ съ лошадью, окрестили ее именемъ „свиньи, носящей человѣка“, между тѣмъ какъ индійцы сіуссы назвали ее „магическою собакою“; въ тибетскомъ языкѣ слонъ называется „большой волъ“ или просто „волъ“; аккадское левъ значитъ собственно „большая собака“, манданцы свинью называютъ „медвѣдемъ бѣлаго человѣка“; эфикійцы въ

[1]) Die Seele des Kindes, S. 321.

Африкѣ называютъ лошадь „коровой великаго мужа“, фулахи свинью называютъ „французскій оселъ“. Гидатсы съ Миссури, ознакомившись съ желѣзомъ и мѣдью, назвали первое „черный камень“, а вторую—„красный камень“ [1]).—Различеніе отдѣльныхъ явленій и неправильная апперцепція, т. е. отнесеніе явленія не къ той группѣ, къ которой слѣдуетъ, въ приведенныхъ фактахъ очевидны. Что въ отдѣльности лошадь отличается отъ свиньи или собаки, свинья отъ медвѣдя, лошадь отъ коровы и т. д., это несомнѣнно и выразилось въ самыхъ названіяхъ: лошадь называется не просто собакой или свиньей, но магическою собакою и свиньею, носящею человѣка; левъ не просто собака и слонъ не просто волъ, а большая собака, большой волъ. Но при различеніи отдѣльныхъ явленій классификація все же оказывается неправильной и въ концѣ концовъ лошадь признается коровой, левъ собакой, желѣзо камнемъ и т. д., различенія касаются только внѣшности и довольно случайны (напр. свинья—французскій оселъ). Болѣе глубокихъ и внутреннихъ различій еще не замѣчается и потому для новыхъ явленій не образуется новыхъ апперцепирующихъ центровъ, а они спокойно пріурочиваются къ существующимъ прежнимъ.

Въ представленіи природы живущею совершенно по образу и подобію человѣка не слѣдуетъ видѣть, какъ то обыкновенно дѣлаютъ, доказательства силы воображенія, творчества, поэтическаго воспаренія мысли первобытнаго человѣчества. Источникъ такого міровоззрѣнія заключается не въ силѣ творчества—эта сила пока еще совершенно отсутствуетъ, не народилась,—а, какъ мы говорили, въ неправильной апперцепціи явленій. Подобное міровоззрѣніе, отожествляющее различное, руководящееся поверхностными аналогіями, есть достояніе низкой ступени умственнаго развитія и не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшаго элемента творчества. Что для дитяти сказка, то для древнѣйшаго человѣчества человѣкообразное пониманіе природы: это дѣйствительный міръ, живая реальность; тутъ нѣтъ никакой поэзіи, ничего придуманнаго, а одна только голая правда. Міръ выдумокъ, фантазій еще не насталъ, его царствіе еще не началось. Единственно, что возбуждало умъ человѣка при такомъ пониманіи природы, были величіе и громадные размѣры силъ природы; самъ человѣкъ могъ сдѣлать только что нибудь ничтожное, маленькое, природа же стояла предъ человѣкомъ могучая и страшная. Самое приравниваніе природы къ человѣку было актомъ совершенно необходимымъ, потому что человѣкъ получаетъ нѣкоторыя отчетливыя

[1]) Тэйлоръ, Антропологія, 133.

свѣдѣнія прежде всего о себѣ самомъ и въ познаніи всего прочаго міра вынужденъ исходить изъ сравненія его съ самимъ собою, изъ аналогій.

Какъ скоро человѣкообразная форма пониманія внѣшней природы опредѣлилась, какъ скоро были созданы первоначальныя и грубѣйшія миѳическія воззрѣнія, они стали усвояться дальнѣйшимъ человѣчествомъ точно такъ же, какъ усвояются дѣтьми сказки. Вѣра въ ихъ дѣйствительность была полная и непоколебимая, и нужно было только, для ихъ усвоенія, расширять свои обычныя представленія о явленіяхъ ежедневнаго опыта и свойства одного предмета переносить на другой. Живая и твердая увѣренность въ дѣйствительности миѳическихъ и сказочныхъ событій, ихъ героевъ и героинь и сильное дѣйствіе грандіозныхъ миѳическихъ и сказочныхъ образовъ встрѣчаются у всѣхъ необразованныхъ слушателей. Чѣмъ ниже умственное развитіе, чѣмъ менѣе отвлеченно мышленіе и менѣе разграничено въ сознаніи возможное и невозможное, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе сказки и подобнаго ей произведенія. Полудикіе жители равнинъ Сиріи, пустынь Іемена, поселенцы долинъ Тигра и Нила еще болѣе, чѣмъ дѣти, увлекаются сказкой, вполнѣ вѣря ея дѣйствительности и поражаясь грандіозностію изображаемыхъ событій. Тутъ сказки производятъ настоящій фуроръ. Одинъ путешественникъ такъ описываетъ дѣйствіе сказокъ на этихъ полудикарей: „нужно видѣть этихъ дѣтей пустыни, когда они слушаютъ свои любимыя сказки,— какъ они возбуждаются, успокаиваются, какъ ихъ глаза искрятся на ихъ смуглыхъ лицахъ; какъ гнѣвъ смѣняетъ нѣжныя чувства и шумная радость печаль; какъ они задерживаютъ дыханіе и потомъ дышатъ полною грудью; какъ они раздѣляютъ всѣ волненія героя и участвуютъ въ его радостяхъ и страданіяхъ. Это — истинная драма, зрители которой суть въ то же время и актеры... Если герою разсказа угрожаетъ какая-либо опасность, слушатели содрогаются и восклицаютъ: „нѣтъ, нѣтъ! Богъ сохранитъ его“! Если въ сраженіи герой своимъ мечомъ побиваетъ толпы враговъ, слушатели выхватываютъ свое оружіе, какъ будто желаютъ летѣть къ нему на помощь. Если герой попалъ въ сѣти измѣны, слушатели наморщиваютъ свои лбы и восклицаютъ: „проклятіе измѣнникамъ“! Если герой падаетъ, подавленный числомъ противниковъ, глубокій вздохъ вылетаетъ изъ ихъ груди, послѣдуемый обычными благопожеланіями мертвому: „Господь помилуетъ его и да упокоится онъ въ мирѣ“. Если же герой, напротивъ, возвращается побѣдителемъ, съ тріумфомъ, воздухъ оглашается шумными криками: „хвала Богу брани“! Описанія красотъ

природы, особенно весны, принимаются повторенными криками: „хорошо, хорошо“ [1]).

Грандіозность образовъ дѣйствуетъ сильно не только на умъ необразованныхъ народовъ, но и образованныхъ. Припомнимъ, что памятники такихъ образованныхъ народовъ, каковы индійцы и египтяне, отличались своею колоссальностію.

Опредѣленныя начала творческой дѣятельности у цѣлаго человѣчества, равно какъ и у отдѣльной личности, слѣдуетъ считать собственно со времени появленія выдуманныхъ разсказовъ и разграниченія ихъ отъ дѣйствительныхъ происшествій. Но что же могло побудить первобытнаго человѣка къ выдумкамъ? Какимъ образомъ онъ, жившій исключительно дѣйствительными фактами, превратился въ сочинителя небывалыхъ исторій? Невозможно предполагать у первобытнаго человѣка какія либо теоретическія стремленія къ творчеству, къ выдумкѣ, такъ какъ весь его складъ и вся его обстановка не давали мѣста теоретическимъ измышленіямъ; только практическимъ путемъ онъ могъ быть приведенъ къ выдумкамъ, только сама жизнь могла натолкнуть его на измышленіе того, чего не было. Такимъ побудительнымъ мотивомъ легче всего и скорѣе всего могла быть личная выгода, полученіе какого либо удовольствія. Охотникъ утаилъ часть своей добычи и вмѣсто того, чтобы раздѣлить ее съ товарищами, воспользовался ею одинъ; когда нашего отдаленнаго прародителя спрашивали, не совершилъ ли онъ такого то, не особенно достохвальнаго, дѣянія, онъ отрекался отъ собственнаго дѣйствія и тѣмъ спасалъ себя отъ позора и наказанія. Такого рода незатѣйливыя выдумки были ощутительно полезны и пріятны, онѣ открывали первобытному человѣку новый обширный и своеобразный міръ—выдуманныхъ небывалыхъ происшествій, но которыя очень близки къ дѣйствительности. Такимъ образомъ можно сказать, что ложь была первымъ опытомъ человѣческаго творчества и первые лжецы—піонерами въ великомъ процессѣ измышленія небывальщины. Припомнимъ, что одна изъ самыхъ частыхъ и обыкновенныхъ причинъ дѣтской лжи есть желаніе избѣжать наказанія и получить какое либо удовольствіе.

Практическая выгода лжи естественно повела къ широкому развитію этого первоначальнаго вида творчества; а практика въ измышленіи, хотя бы направленномъ къ весьма ограниченной цѣли, укрѣпляла творчество и пролагала путь къ выдумкамъ теоретическаго характера, цѣль которыхъ была не обманъ другихъ

[1]) Mischaut, De l'imagination. Paris, 1876, p. 74, 75.

и пріобрѣтеніе какой либо выгоды, а простое наслажденіе этими выдуманными исторіями. Поверхъ дѣйствительности мало по малу возникалъ новый идеальный міръ, который былъ похожъ на дѣйствительный, отчасти перемѣшивался съ нимъ, но въ то же время и отличался отъ дѣйствительнаго. Этотъ міръ все больше и больше манилъ къ себѣ людей, доставляя имъ новыя и совершенно своеобразныя наслажденія. Такое наслажденіе небылицами, выдумками мы встрѣчаемъ у многихъ дикихъ племенъ и притомъ въ формѣ простой до наивности, такъ что можемъ видѣть постепенное развитіе вкуса къ измышленіямъ. Есть въ Африкѣ негритянское племя гереро. Подобно другимъ негрскимъ племенамъ, гереро общительны и веселы, любятъ музыку, танцы, пѣніе, болтовню и разсказы, причемъ послѣдніе сочиняются довольно свободно. Когда приходитъ гость къ гереро, то онъ останавливается у засѣки, окружающей каждую деревеньку, и здѣсь ждетъ. Начальникъ деревеньки или, за его отсутствіемъ, одинъ изъ жителей выходитъ къ гостю и между ними начинается слѣдующее собесѣдованіе: „разсказывай“, говоритъ начальникъ гостю. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ гость и такъ повторяется три раза. „Разсказывай исторіи“, говоритъ снова начальникъ. „Я не знаю никакихъ исторій“, отвѣчаетъ гость. Если гость неумолимъ, то начальникъ говоритъ ему въ заключеніе: „разсказывай ложь“, т. е: выдумывай, передавай слухи, анекдоты и т. п. Наконецъ, гость приступаетъ къ разсказамъ и сообщаетъ все, что случилось въ томъ мѣстѣ, откуда онъ пришелъ, или въ другомъ какомъ-либо, все, что ему удалось узнать, и въ разсказѣ не обращаетъ особеннаго вниманія на истинность передаваемаго, но свободно перемѣшиваетъ быль съ небылицею. По окончаніи разсказовъ, гость и начальникъ мѣняются ролями и вышеописанная процедура спрашиванія повторяется. За вечерними собраніями обычное времяпровожденіе у гереро—разсказы, которые тутъ же и выдумываются. Ихъ особенность заключается въ необычайно длинныхъ вступленіяхъ и частыхъ отклоненіяхъ въ сторону, такъ что разсказчикъ разсказываетъ какую-либо сказку или басню часъ или два и, достигнувъ конца, нерѣдко забываетъ первоначальную цѣль разсказа. Онъ разсказывалъ долго, а между тѣмъ все, что онъ хотѣлъ сказать, заключается, можетъ быть, въ объясненіи, почему шакалъ воетъ такъ, какъ онъ воетъ, и больше ничего [1]).

Вообще первоначальныя выдуманныя исторіи дикарей незамысловаты по своему содержанію и несложны по постройкѣ. Въ

[1]) Allgemeine Naturkunde. Völkerkunde von Retzel. 6 Lieferung, S. 344—346.

нихъ разсказывается о жизни звѣрей, ихъ хитростяхъ и силѣ, коварныхъ, жестокихъ людяхъ, великанахъ, людоѣдахъ, о приключеніяхъ какой либо невинно преслѣдуемой дѣвочки и т. п. [1]). Сколько нибудь запутанная и тонкая интрига отсутствуетъ въ этихъ исторіяхъ, мотивы дѣйствій крайне грубы и первобытны, стиль донельзя простой. Повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, фразъ и даже цѣлыхъ рядовъ предложеній встрѣчаются весьма нерѣдко, періодическая рѣчь почти отсутствуетъ, соединительныхъ частицъ, кромѣ союза и, мало. Особенной красотой, силой и драматизмомъ эти выдуманныя исторіи дикихъ не блестятъ и, въ виду крайней простоты строенія и реальной грубости мотивовъ, вѣроятно на половину признавались истинными происшествіями.

Новый періодъ въ исторіи воображенія у отдѣльной личности приходится на юность. Съ постепеннымъ развитіемъ ума и пріобрѣтеніемъ свѣдѣній о природѣ, вѣра въ дѣйствительность сказочныхъ событій становится невозможной; необычайные размѣры явленій, такъ привлекавшіе прежде, теперь признаются прямо противорѣчащими законамъ природы, нѣсколько отталкиваютъ отъ себя, какъ явно невѣроятные; начинаютъ нравиться образы другого склада, воображеніе измѣняетъ характеръ своихъ созданій. Весьма значительное развитіе воображенія и характеръ его дѣятельности въ юности опредѣляются слѣдующими причинами: быстро увеличивающимися разнообразными теоретическими знаніями, такъ какъ юность есть время серьезнаго систематическаго ученья; критическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, возникающимъ вслѣдствіе пріобрѣтаемыхъ разнородныхъ знаній и пробудившейся мыслительности; вѣрой въ свои силы; желаніемъ всѣмъ всему міру, блага и счастья; недостаточно широкимъ жизненнымъ опытомъ. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ причинъ является идеализмъ юношества; юноша видитъ недостатки окружающаго и, неудовлетворенный дѣйствительностію, создаетъ другой міръ поверхъ дѣйствительнаго, міръ лучшій, болѣе свѣтлый и разумный, и горячо стремится къ измѣненію дѣйствительности сообразно созданному идеалу. Онъ отчетливо видитъ, что идеалъ не есть дѣйствительность, но, по его убѣжденію, при стараніяхъ и усиліяхъ, при дружной работѣ, идеалъ можетъ сдѣлаться дѣйствительностію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Въ идеальныхъ построеніяхъ юношества идеальные элементы обыкновенно преобладаютъ

[1]) См. Басни и сказки дикихъ народовъ. I. Животный эпосъ и легенды готтентотовъ II. Дѣтскія сказки и преданія зулусовъ. Переводъ съ англійскаго Спб., 1874 г.

надъ опытомъ жизни и научными данными, и юношество, увлекаясь любовію къ общему благу и прекрасному, недостаточно взвѣшиваетъ средства осуществленія идеала, препятствія, встрѣчающіяся на пути къ достиженію цѣли. Вслѣдствіе этого идеальныя построенія юношества бываютъ грандіозны, радикальны, но нерѣдко слишкомъ фантастичны и неисполнимы, отъ нихъ вѣетъ мечтательностію, малымъ знаніемъ жизни, въ нихъ замѣчается неуравновѣшенность между положительными данными науки и жизни съ одной стороны и стремленіемъ къ широкой построительности и общечеловѣческому счастію съ другой. Юноша живетъ въ двухъ мірахъ, дѣйствительномъ и идеальномъ, и часто гораздо больше принадлежитъ второму, чѣмъ первому. Онъ даже нерѣдко боится подступить къ своимъ построеніямъ съ надлежащими критикой и анализомъ, чувствуя въ глубинѣ души, что его построенія не выдержатъ испытанія критики и рухнутъ.

Идеалистическія построенія совершаются довольно сложнымъ путемъ: пріемъ увеличенія, свойственный сказкѣ, остается, но онъ уже не имѣетъ господствующаго значенія, онъ умѣряется и дополняется новымъ сочетаніемъ свойствъ, ихъ перестановкой, мѣной и своеобразнымъ освѣщеніемъ, согласно одной основной, руководящей, идеѣ. Вслѣдствіе такого болѣе сложнаго и тонкаго пріема размѣры идеала не поражаютъ своею необычайностію, но представляемая картина тѣмъ не менѣе бываетъ много привлекательнѣе и ярче дѣйствительности; свойства сочетаются опредѣленнымъ образомъ и располагаются въ надлежащей перспективѣ; нужныя выдвигаются на первый планъ и извѣстнымъ образомъ освѣщаются, тогда какъ ненужныя отодвигаются на задній планъ, затушевываются; одно свойство увеличивается въ своей силѣ и яркости, другое уменьшается и ослабляется, а то и совсѣмъ опускается. Такимъ путемъ получаются новыя сложныя и стройныя картины, стоящія выше дѣйствительности, но не противорѣчащія ей.

Преобладаніе идеализаціи можно отмѣтить какъ особый періодъ въ развитіи воображенія и въ цѣломъ человѣчествѣ. Это есть время наиболѣе широкаго расцвѣта миѳологій, установки и выясненія миѳическихъ образовъ, приведенія ихъ въ законченную систему. Миѳическіе образы, въ развитыхъ миѳологіяхъ, боговъ и богинь, ихъ жизни и дѣятельности суть по преимуществу плоды идеализаціи. Міръ греческихъ боговъ, напр. изображенный Гомеромъ, блаженная жизнь боговъ на Олимпѣ есть не что иное, какъ идеализація людей и людской жизни. Первоначальныя миѳическія представленія были крайне грубы: они были простымъ олицетвореніемъ явленій природы безъ всякой дальнѣйшей обработки, такъ

что самый предметъ въ своей чувственной наглядности считался живымъ существомъ. Небо—это богъ Уранъ, земля—богиня Гея, дождь—актъ оплодотворенія Геи Ураномъ, всѣ земныя существа—дѣти Урана и Геи. Однажды Кастренъ, гуляя съ самоѣдомъ-морякомъ по берегу Ледовитаго моря, спросилъ: кто таковъ Num (т. е. Юмала, богъ)? Не колеблясь ни минуты, старый морякъ указалъ на море, чернѣющееся вдали, и сказалъ: „вотъ онъ!". На первыхъ порахъ природѣ приписывались главнымъ образомъ тѣлесныя человѣческія свойства, нравственныя же отсутствовали, потому что въ жизни самихъ людей эти послѣднія свойства имѣли еще мало значенія. Поэтому древнѣйшія сказанія о богахъ прославляютъ только ихъ силу, могущество, что они свѣтятъ, побѣждаютъ, гремятъ, о нравственномъ же міроправленіи по началамъ справедливости и любви умалчивается. А такъ какъ естественныя явленія возникаютъ въ опредѣленное время и при опредѣленныхъ условіяхъ, совершаются съ извѣстною правильностью, то пониманіе и изображеніе такихъ явленій, хотя бы и въ человѣкообразной формѣ, будутъ простыми наблюденіями и воспроизведеніями, съ весьма малой дозой творчества.

Въ той мѣрѣ, какъ расширялись и становились болѣе точными наблюденія людей надъ явленіями природы, по мѣрѣ развитія ихъ общественной жизни, проникновенія ея нравственными началами, измѣнялись и ихъ миѳическія представленія. Наблюденія надъ явленіями природы и вообще большее умственное развитіе привели людей къ мысли, что матеріальные предметы въ своей чувственной наглядности не суть живыя существа, что живыя существа только управляютъ ими и обитаютъ въ нихъ; развитіе нравственныхъ началъ въ общественной жизни побудило приписать нравственныя воззрѣнія и міроправителямъ. Миѳическія существа были поняты, какъ люди, не только матеріально, тѣлесно, но и душевно, сдѣлались людьми вполнѣ и слѣдовательно доступными игрѣ человѣческихъ страстей, пристрастій, преобладающихъ склонностей, разныхъ индивидуальныхъ особенностей и способностей. А все это открывало широкую дверь творчеству, жизнь природы и людей представляла обширный разнообразный и весьма богатый во всѣхъ отношеніяхъ матеріалъ для миѳическихъ построеній. Къ обширному матеріалу присоединилось, съ теченіемъ времени, какъ и у отдѣльнаго человѣка, критическое отношеніе къ дѣйствительности, потребность идеала, и богатый матеріалъ былъ обработанъ новымъ пріемомъ, что и дало въ результатѣ творческія произведенія значительной красоты и силы.

Такимъ образомъ, развитыя миѳологіи заключаютъ весьма сложные и разнообразные элементы: явленія внѣшней природы въ основѣ, на заднемъ фонѣ,—впереди же игру чисто человѣческихъ чувствъ и страстей и все это покрыто блескомъ идеала, лучшими стремленіями и отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народностей. Конечно, полное и гармоничное сліяніе указанныхъ элементовъ въ миѳологическихъ разсказахъ совершалось медленно и постепенно: во многихъ греческихъ миѳахъ съ трудомъ можно узнать натуральный первоначальный смыслъ миѳа, такая видная роль принадлежитъ въ нихъ нравственно-общественному элементу — чувствованіямъ, страстямъ, разнообразнымъ столкновеніямъ героевъ и героинь и такъ все это прекрасно слажено и развито; но во многихъ миѳическихъ разсказахъ другихъ народовъ сліяніе натуральнаго элемента съ психическимъ общественнымъ еще слабо, идеализированіе также не далеко ушло, и мы можемъ отчетливо различать оба эти элемента въ миѳѣ и ясно видѣть, какъ, насколько искусно обработало ихъ творчество человѣка, гдѣ и въ чемъ примѣсь идеализаціи.

Съ этой точки зрѣнія представляетъ интересъ миѳъ маорисовъ (въ Новой Зеландіи) о „дѣтяхъ неба и земли“,

Отъ Ранги — неба и Папы — земли произошли всѣ люди и вещи, но земля и небо прильнули другъ къ другу и тьма покрывала ихъ и порожденныя ими существа, пока наконецъ дѣти не учинили совѣтъ: должны-ли они разъединить своихъ родителей или убить ихъ. Рѣшено было пятью великими братьями, по предложенію ихъ могучаго шестого брата, Тане-Магута, разлучить родителей, чтобы небо стало высоко надъ ними, а „земля пусть ляжетъ, говорилъ Тане, подъ нашими ногами. Пусть небо сдѣлается намъ чуждымъ, а земля останется близкой намъ, какъ наша мать и кормилица“. Но долго тщетны были усилія дѣтей разъединить родителей. Наконецъ, поднимается Тане-Магута, богъ и отецъ лѣсовъ, и борется съ своими родителями, стараясь разъединить ихъ своими руками. „Вотъ онъ пріостановился; его голова теперь крѣпко уперлась въ его матерь—землю, свои ноги онъ поднялъ вверхъ и упираетъ въ отца—небо и напрягаетъ онъ свою спину и члены въ могучемъ усиліи. Теперь разорваны Ранги и Папа и съ плачемъ и съ проклятіями они громко застонали... Но Тане-Магута не останавливается: далеко, далеко подъ себя вдавливаетъ онъ землю, далеко, далеко надъ собою отбрасываетъ онъ небо“. Но Таугири-Ма-Теа, отецъ вѣтровъ и бурь, не соглашался никогда на то, чтобы мать его оторвали отъ ея господина, и въ груди его возникло лютое желаніе напасть на

своихъ братьевъ. Онъ поднялся за своимъ отцомъ въ поднебесную область и оттуда выпустилъ на братьевъ своихъ дѣтей—могучіе вѣтры и буйные шквалы, темныя, дико мчавшіяся, тучи, посреди которыхъ ринулся и его отецъ—небо. Прежде всего, они напали на отца лѣсовъ и бѣшенымъ ураганомъ поломали деревья, вырвали и растерзали стволы и сучья; затѣмъ, спустились внизъ и начали бичевать воды, въ ужасѣ гоняя бога океана и отца всего живущаго въ немъ по его морямъ. Дѣти его—отецъ рыбъ и отецъ пресмыкающихся—бросились искать себѣ безопаснаго мѣста и съ этого времени раздѣлились: рыбы ушли въ море, а пресмыкающіяся искали спасенія въ лѣсахъ. Морской богъ жестоко разгнѣвался на своего брата Тане, что тотъ скрылъ его дѣтей въ своихъ лѣсахъ. Тане, съ своей стороны, отплачиваетъ ему тѣмъ же, позволяя дѣтямъ брата своего — отца свирѣпыхъ людей—посредствомъ лодокъ, копій и удочекъ, сдѣланныхъ изъ его деревъ, и сѣтей, сплетенныхъ изъ его волокнистыхъ растеній, уничтожать всю рыбу, дѣтей бога морей; а богъ морей въ гнѣвѣ набрасывается на бога лѣсовъ, заливаетъ его лодки волнами моря, сноситъ наводненіями его деревья и дома въ безпредѣльный океанъ. Затѣмъ, богъ бури напалъ на братьевъ своихъ, отцовъ и родителей воздѣланной и дикой пищи, но земля спрятала ихъ въ безопасномъ мѣстѣ. Тогда богъ бури напалъ на послѣдняго изъ братьевъ, отца свирѣпыхъ людей, но не могъ даже и пошатнуть его, хотя и напрягалъ всю свою мощь. Человѣкъ стоялъ непоколебимо на груди своей матери земли, пока сердца неба и бури не смягчились и ихъ вражда не утихла. Но тогда отецъ свирѣпыхъ людей сталъ думать, какъ бы ему отмстить своимъ братьямъ за то, что они оставили его безъ помощи во время борьбы съ богомъ бурь. Вотъ онъ свилъ силки изъ листьевъ дерева ванаки и предъ нимъ пали птицы и звѣри—дѣти бога лѣсовъ; онъ сплелъ сѣти изъ растенія льна и ловилъ рыбъ—дѣтей бога морей; онъ отыскалъ подземное убѣжище боговъ пищи, выкопалъ ихъ оттуда и заставилъ увядать на солнцѣ. Но бога бури онъ побѣдить не могъ, тотъ и доселѣ старается сгубить его, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Между тѣмъ безпредѣльное небо и до настоящаго времени въ разлукѣ съ своею супругою—землею. Но обоюдная любовь ихъ, впрочемъ, не прекращается: теплые мягкіе вздохи любящаго сердца земли и понынѣ возносятся къ небу, поднимаются отъ лѣсистыхъ горъ и долинъ, и люди называютъ ихъ туманами; а безпредѣльное небо, тоскуя въ долгія ночи въ разлукѣ съ своею возлюбленною, часто проливаетъ слезы на ея грудь, и люди, видя ихъ, называютъ ихъ каплями росы (Тэйлоръ, Первобытная культура, 1, 296—299).

Для изслѣдователя творческихъ процессовъ въ миѳологіяхъ приведенное сказаніе маорисовъ имѣетъ большой интересъ. Натуральный смыслъ этого миѳа совершенно ясенъ и понятенъ, въ немъ опредѣляются соотношеніе и связь главнѣйшихъ круговъ явленій природы и верховенство человѣка; соотношеніе физическихъ силъ представлено въ видѣ борьбы личностей — боговъ, при чемъ личностямъ приписаны соотвѣтствующія ихъ положенію чувствованія и страсти. Но психическо-общественный элементъ, перенесенный съ людского общества на природу, не заслоняетъ эту послѣднюю, не дѣлаетъ ее неузнаваемой въ миѳѣ, ея значеніе очевидно. Впрочемъ, творчество въ сліяніи упомянутыхъ двухъ различныхъ элементовъ въ одно цѣлое во всякомъ случаѣ оказывается довольно значительнымъ: картина набросана широкая, захватывающая громадные круги явленій, между разнородными явленіями создана связь и все представлено живо, построено достаточно хорошо. Первобытные миѳы характеризуются преобладаніемъ натуральнаго содержанія, слабостію нравственнаго и общественнаго элементовъ и недостатками самаго построенія—развитія миѳическаго представленія и дѣйствія; высоко развитые миѳы отличаются, напротивъ, преобладаніемъ чертъ нравственныхъ и общественныхъ, прекрасной обработкой содержанія, при чемъ идеализація занимаетъ первенствующее мѣсто, и почти полною скрытостію натуральныхъ элементовъ. Приведенный миѳъ маорисовъ занимаетъ среднее мѣсто.

Идеализація составляетъ существенный пріемъ не только въ миѳологіяхъ, но занимала видное мѣсто и въ художественномъ творчествѣ вообще. Когда такіе поэты, какъ Дантъ и Мильтонъ, пытаются изобразить намъ небо и адъ, борьбу небожителей, словомъ міръ сверхъ-человѣческій и сверхъ-земной, то сколько они ни напрягаютъ свою фантазію, какъ ни усиливаются создать поразительно новыя картины, мы повсюду, сплошь, встрѣчаемъ въ нихъ земныя и человѣческія черты, людскія горе и радость, страсти, мученія и наслажденія. Только эти земныя свойства и человѣческія черты значительно увеличены и идеализированы. Вообще долгое время персонажи поэтовъ являются немножко титаническими, простой заурядный человѣкъ не могъ быть героемъ художественнаго произведенія, онъ считался недостойнымъ этого; только люди необычайныхъ свойствъ, геніи, таланты, высокодобродѣтельные, неизмѣнно преданные и любящіе до гроба, неподдающіеся никакимъ искушеніямъ и соблазнамъ или же, напротивъ, отъявленные, закоренѣлые злодѣи, въ которыхъ не осталось почти ни одной истинно человѣческой черты, измѣнники, преступ-

ники составляли идеальный міръ художника. Художественное творчество долгое время носило печать романтизма, т. е. нѣкоторой оторванности отъ земли, ея обыкновенныхъ обывателей и ихъ простыхъ, ежедневныхъ интересовъ, герои обыкновенно были недовольны окружающей дѣйствительностью, стояли выше ея, постоянно стремились въ какой то особенный міръ, куда то вверхъ, прочь отъ земли, dahin...

VII.

Художественное творчество.

Миѳологическое творчество, будучи по существу образнымъ мышленіемъ, нерѣдко принимаетъ вполнѣ художественный видъ, потому что оно, все представляя въ лицахъ и дѣйствіяхъ, по природѣ своей поэтично. Художественное творчество есть продолженіе миѳологическаго, не только потому, что оно вобрало въ себя много миѳическаго матеріала, но и потому, что его природа такая же—все изображать въ лицахъ и дѣйствіяхъ. Какъ миѳологія нѣкогда была и религіей и наукой и ученіемъ о нравственности и исторіей міра и человѣка и поэзіей, такъ и позднѣйшее художественное творчество заключаетъ весь міръ, въ художественныхъ произведеніяхъ мы встрѣчаемся съ вопросами психологическими, философскими, религіозными, политическими, экономическими, бытовыми, историческими. Нѣтъ той области, которой не касалось бы поэтическое творчество. Художественная дѣятельность точно также имѣетъ своей задачей понять и осмыслить весь окружающій міръ и особенно всю человѣческую жизнь и всѣ ея проявленія, какъ и миѳологическое міровоззрѣніе. Если нѣкогда было миѳологическое мышленіе, то нынѣ есть художественное. А то и другое—образное. Миѳологическое міропониманіе, не стремясь къ красотѣ, тѣмъ не менѣе было поэтично, красиво, художественное міропониманіе намѣренно, сознательно стремится къ красотѣ.

Что художественное творчество есть именно художественное міропониманіе, есть своеобразное осмысливаніе міровыхъ явленій и особенно человѣческой жизни, это ясно открывается изъ внесенія въ художественныхъ произведеніяхъ идеальной стороны въ изображеніе дѣйствительности.

Нерѣдки такія художественныя произведенія, которыя основной своей задачей ставятъ, по возможности, безпристрастное и объективное изображеніе дѣйствительности; но есть много и такихъ художественныхъ произведеній, которыя въ изящной, эстетической формѣ даютъ критическій анализъ дѣйствитель-

ности, изображаютъ ея недостатки, мрачныя стороны и рисуютъ желательныя, болѣе свѣтлыя, картины. Внесеніе же въ произведеніе идеальнаго элемента, изображеніе желаемаго, возможнаго, но тѣмъ не менѣе недѣйствительнаго, очевидно, представляетъ новый взглядъ на дѣйствительность, освѣщаетъ человѣческую жизнь съ новой точки зрѣнія, и слѣдовательно даетъ новое міропониманіе.

Но и та категорія художественныхъ произведеній, которая стремится въ эстетической формѣ отобразить объективную правду безъ всякой субъективной окраски и оцѣнки, также есть новое осмысленіе дѣйствительности. Дѣйствительность подлежитъ разсудочному анализу, научному мышленію, въ формулахъ и законахъ науки эта дѣйствительность находитъ свое объясненіе. Зачѣмъ же иное изображеніе дѣйствительности, кромѣ научнаго? Если бы научный анализъ дѣйствительности представлялъ всѣ возможныя удобства для всѣхъ, тогда художественное изображеніе дѣйствительности существовать бы не могло, въ немъ никто не имѣлъ бы никакой нужды. Фактомъ своего существованія художественное изображеніе дѣйствительности свидѣтельствуетъ о присутствіи пробѣловъ и неудобствъ въ научномъ изображеніи жизни и необходимости ея иного пониманія.

Наука изображаетъ намъ факты дѣйствительности въ формулахъ и законахъ. Но такое схематическое изображеніе жизни весьма односторонне. Жизнь не есть рядъ общихъ схемъ, а есть рядъ разнообразныхъ конкретныхъ явленій. Зная схему явленія, мы вслѣдствіе этого еще не знаемъ явленіе вполнѣ, цѣликомъ, для этого намъ надобно посмотрѣть, какъ общая схема осуществляется въ отдѣльномъ явленіи, намъ надо посмотрѣть на явленіе живьемъ, въ его конкретности и случайности. Конечно, можно удовлетворить этой потребности путемъ чисто опытнымъ—дѣлая разнообразныя и многочисленныя наблюденія и слѣдя въ нихъ осуществленіе и выраженіе извѣстнаго начала Но личный опытъ обыкновенно бываетъ очень скуденъ и одностороненъ, многія стороны жизни остаются совсѣмъ неизвѣстными, лежащими внѣ сферы дѣятельности извѣстнаго лица; а если подходящіе факты и встрѣчаются, то часто не осмысливаются. Потребности нагляднаго осмысленнаго знакомства съ отдѣльными явленіями и стремится удовлетворить художественное творчество, давая намъ не формулы явленій, а описывая самыя явленія, изображая опредѣленныя личности, опредѣленныя мѣста, опредѣленныя событія. Составивъ себѣ понятіе о чемъ либо, мы желаемъ представить это нѣчто, видѣть его умственно живьемъ, а не въ формѣ схемы. Составивъ себѣ понятіе о формѣ земли, расположеніи океановъ и матери-

ковъ, мы создаемъ глобусъ, чтобы посмотрѣть землю въ цѣломъ, т. е. переводимъ понятіе въ представленіе; составивъ себѣ понятіе о животномъ, узнавъ, къ какому классу оно принадлежитъ, какіе имѣетъ отличительные видовые признаки, мы стараемся вообразить фигуру этого животнаго. И до тѣхъ поръ, пока мы не переведемъ понятіе въ представленіе, отвлеченное въ конкретное, дѣло остается для насъ не совсѣмъ яснымъ.

Требуя отъ художественныхъ произведеній, чтобы они знакомили насъ съ отдѣльными явленіями во всей ихъ жизненной свѣжести и подробности, мы, конечно, очень хорошо сознаемъ, что всѣхъ явленій жизни изобразить нельзя, такъ какъ ихъ существуетъ безчисленное множество. Поэтому мы отъ художника требуемъ типичности изображеній. Мы мало цѣнимъ такія художественныя произведенія, въ которыхъ, можетъ быть, съ большимъ талантомъ, изображены исключительныя явленія, встрѣчающіяся очень рѣдко, слишкомъ своеобразныя; мы желаемъ, чтобы описанное лицо или событіе было образцомъ, типомъ, представителемъ многихъ подобныхъ лицъ и событій, чтобы оно, будучи индивидуальнымъ, въ то же самое время было и общимъ. Въ одномъ охарактеризовать многое—вотъ задача художественнаго творчества. При отсутствіи типичности въ художественныхъ произведеніяхъ, послѣднія не могутъ много помогать намъ въ осмысливаніи окружающихъ явленій; отдѣльныхъ явленій существуетъ безчисленное множество, всѣхъ ихъ не узнать. Поэтому типичность есть существенное свойство художественныхъ изображеній.

Присутствіе этого осмысливающаго характера въ художественномъ творчествѣ объясняетъ намъ большую разницу между такими произведеніями, которыя по своимъ художественнымъ качествамъ, можетъ быть, и равны, но очень различны по значительности содержанія. Художникъ можетъ типично изображать намъ такіе конкретные факты, которые могутъ встрѣчаться вездѣ и во всѣ времена, притомъ факты важные, характерные; или такіе, которые встрѣчаются только у извѣстнаго народа, въ извѣстное время; или такіе, которые встрѣчаются только въ какомъ либо кружкѣ, въ данный моментъ времени, и, наконецъ, факты, свойственные только извѣстному индивидууму. Сообразно съ такимъ измѣненіемъ въ широтѣ и содержательности содержанія, измѣняется и значеніе художественнаго произведенія: произведенія съ общечеловѣческимъ и притомъ характернымъ, значительнымъ содержаніемъ, конечно, въ случаѣ ихъ талантливости, интересны и важны, потому что даютъ картину, имѣющую цѣнность для каждаго; произведенія на кружковые мотивы, а тѣмъ болѣе на индивидуаль-

ные, если въ послѣднихъ нѣтъ элементовъ типичности, общественности, мало интересуютъ, несмотря на талантливость, потому что кому какое дѣло до подобныхъ рѣдкостей? Имъ мѣсто въ кунсткамерѣ, а не въ искусствѣ.

Но иногда сюжеты, повидимому, самые мелкіе и ничтожные, въ художественныхъ произведеніяхъ получаютъ большое значеніе и возбуждаютъ значительный интересъ. Что можетъ быть ничтожнѣе такого мотива: мелкій чиновникъ. представляется большому начальству. Съ одной стороны, отъ страха и трепета предъ начальствомъ, а съ другой—отъ ветхости вицмундира, во время представленія одна пуговица отрывается отъ вицмундира чиновника и катится по полу. А, между тѣмъ, какую прекрасную, сильную картину создалъ изъ этой ничтожной исторіи художникъ (Достоевскій), картину, хватающую за сердце каждаго! Дѣло объясняется другимъ элементомъ художественныхъ произведеній — чувствованіями.

Въ научномъ пониманіи и изображеніи міра чувствованія остаются совершенно безъ вниманія, какъ будто бы ихъ и нѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ они постоянно присутствуютъ: каждый фактъ дѣйствительности вызываетъ въ насъ разнообразныя волненія, онъ обусловливаетъ возникновеніе не только другихъ объективныхъ фактовъ, но и субъективныхъ—чувствованій. Полное изображеніе фактовъ непремѣнно включаетъ такимъ образомъ двѣ стороны: объективную—собственно фактъ, и субъективную—чувствованія. Изображеніемъ чувствованій, соединенныхъ съ различными фактами, художественное творчество существенно и дополняетъ реальное міровоззрѣніе. Въ этомъ отношеніи художественное міросозерцаніе должно быть названо болѣе реальнымъ, чѣмъ самое наиреальнѣйшее научное, потому что оно полнѣе, обращаетъ вниманіе на пропущенный, весьма важный, элементъ жизни.

При изображеніи чувствованій, соединенныхъ съ различными фактами, художникъ встрѣчается съ тою же самою задачею, какъ и при изображеніи самыхъ фактовъ, т. е. съ требованіемъ типичности. Изображаемое чувство должно быть болѣе или менѣе общечеловѣческимъ, а не какимъ-либо одностороннимъ или болѣзненнымъ выраженіемъ индивидуальной чувствительности. Послѣднее есть предметъ патологіи, а не искусства. Всякая спеціализація и односторонность въ изображеніи чувства вредитъ художественному произведенію, нанося ущербъ типичности его образовъ. Этимъ требованіемъ общечеловѣчности въ изображеніи чувствованій можно объяснить, почему художественныя произведенія такъ часто и много говорятъ о любви, о гнѣвѣ, о мести, о страстяхъ.

Всѣ эти волненія постоянно всѣми переживаются, они такъ тѣсно соединены со многими и разнообразными фактами, что невозможно не касаться этихъ волненій при изображеніи фактовъ. На тему о любви написано безчисленное количество произведеній, и они читаются и будутъ читаться, потому что каждый читатель найдетъ въ такихъ произведеніяхъ отзвукъ, художественное выраженіе своихъ собственныхъ волненій. Какъ же скоро чувство изображается въ какомъ-либо одностороннемъ, спеціальномъ и, тѣмъ болѣе, патологическомъ обнаруженіи, оно становится мало понятнымъ читателю, неизвѣстно ему, не пережито имъ, не типично, а вслѣдствіе этого и не производитъ впечатлѣнія. Именно отъ указаннаго свойства очень много теряютъ, не говоря о недостаткахъ формы, произведенія Достоевскаго, хотя они тѣмъ цѣннѣе дѣлаются для психолога и патолога, раскрывая имъ сравнительно рѣдкія, затаенныя и оригинальныя движенія души человѣческой.

Какъ скоро волненія изображены въ художественномъ произведеніи правдиво, типично, общечеловѣчно и притомъ достаточно выпукло, то они своею тяжестью, своимъ интересомъ придаютъ интересъ и значеніе объективнымъ фактамъ, повидимому самымъ ничтожнымъ, въ родѣ пуговицы, оторвавшейся отъ вицмундира чиновника. Нужно помнить, что психологически эти два элемента художественныхъ произведеній: объективный или теоретическій и субъективный или чувствованія равно факты и, какъ таковые, имѣютъ равное значеніе, могутъ, своей собственной силой и тяжестью, придавать интересъ и значеніе произведенію. Но художественное произведеніе достигаетъ наибольшей высоты тогда, когда оно типично и выпукло изображаетъ общечеловѣческіе, характерные, болѣе или менѣе значительные факты, и объективные и субъективные, когда въ немъ замѣчается полная гармонія между теоретическимъ элементомъ и чувствованіями.

Изложенный взглядъ на художественное творчество вполнѣ исключаетъ, такъ называемое, „фотографированье“ и „протоколизмъ“ при художественномъ творчествѣ. Фотографировать дѣйствительность, т. е. изображать ее со всѣми мелочами, подробностями и повтореніями, и безполезно, да и невозможно. И менѣе всего подобная задача можетъ быть задачей художественной дѣятельности, имѣющей дѣло по самой своей сущности съ типичнымъ, съ характернымъ, съ осмысливаніемъ жизни, а не съ тѣмъ, что первое попалось подъ протоколъ, съ ежедневною будничною мелочью и обыденностью. Художникъ долженъ не машинообразно фотографировать, но выбирать, взвѣшивать, что годится и что

не годится для его произведенія, долженъ умѣть изображать факты.

Пріемы, которыми пользуется художникъ при созданіи своихъ произведеній, можно свести къ слѣдующимъ тремъ: а) сочетаніе представленій, взятыхъ въ цѣломъ или по частямъ; б) сочетаніе признаковъ представленій; в) соединеніе первыхъ двухъ пріемовъ, дающее спеціальный пріемъ—увеличеніе или уменьшеніе свойствъ какого-либо представленія.

Сочетаніе представленій цѣликомъ или по частямъ наиболѣе простой пріемъ художественнаго творчества. Нужно описать художнику мѣсто дѣйствія, обстановку и самихъ дѣйствующихъ лицъ, и вотъ художникъ пользуется запасомъ представленій, сохраняемыхъ памятью, и черпаетъ оттуда, не подвергая матеріалъ значительной переработкѣ. Не только части представленій или отдѣльныя представленія, цѣлыя вереницы и сочетанія ихъ—лица, костюмы, дѣйствія, мѣстности, условія жизни,—изъ памяти непосредственно переходятъ въ художественное произведеніе. Особенно натуралистическая школа романистовъ, преслѣдующая „фотографированье“ въ искусствѣ, широко пользуется указываемымъ пріемомъ: послѣдователи этой школы тщательно изучаютъ рынки, магазины, продажныхъ женщинъ, людей всѣхъ классовъ общества, предпринимаютъ путешествія для ознакомленія съ мѣстностями, посѣщаютъ архивы, читаютъ по извѣстному вопросу ученыя сочиненія, словомъ серьезно подготовляются къ созданію художественнаго творенія, заботливо собираютъ „человѣческіе документы“; изъ своей записной книжки они многое прямо и непосредственно переносятъ въ свои романы. Конечно, этотъ пріемъ всегда практиковался, онъ часто употребляется и въ будничной жизни для различныхъ построеній: ощущенія одного органа мы сочетаемъ съ ощущеніями другаго, одно чувство съ другимъ чувствомъ, беремъ часть одного ландшафта и сочетаемъ съ частью другого, вслѣдствіе чего и получаемъ какой-либо новый видъ. Беремъ, напримѣръ, часть организма человѣка и часть организма лошади и создаемъ фантастическое существо—центавра; беремъ часть организма женщины и часть организма рыбы, сочетаемъ ихъ и получаемъ представленія о сиренѣ, никсѣ, морянѣ, которыя до пояса юныя дѣвы чудной красоты, а ниже пояса имѣютъ рыбій хвостъ. Въ сновидѣніяхъ, въ мечтахъ, въ импровизаціяхъ разсматриваемый пріемъ творчества является преобладающимъ. Въ указанныхъ частныхъ формахъ творчества мы не имѣемъ возможности пересматривать отдѣльныя представленія, перемѣнять въ нихъ признаки и вообще производить подробную работу; мы быстро

сцѣпляемъ цѣлыя представленія или ихъ части и такимъ образомъ создаемъ новые сложные образы.

Второй пріемъ работы при художественномъ творчествѣ гораздо труднѣе перваго. Онъ заключается въ сочетаніи признаковъ представленій для образованія новыхъ построеній. Такъ какъ наши представленія предметовъ имѣютъ обыкновенно нѣсколько признаковъ въ своемъ содержаніи, то сочетаніе признаковъ можетъ быть очень разнообразнымъ. Частныхъ пріемовъ можно указать четыре: 1) пріемъ сокращенія представленія—нѣсколько признаковъ изъ содержанія представленія опускается, представленіе сжимается и получаетъ новый видъ; 2) пріемъ расширенія представленія—къ признакамъ даннаго представленія мы прибавляемъ признаки другого представленія и такимъ образомъ первое представленіе расширяемъ, пополняемъ; 3) пріемъ отвлеченія и сочетанія отдѣльныхъ признаковъ многихъ представленій для выстроиванья изъ нихъ новаго конкретнаго цѣлаго; 4) пріемъ мѣны—два или нѣсколько представленій обмѣниваются признаками, или частью или всѣми.

Пріемъ сокращенія употребляется очень часто. Между наблюденіями и представленіями памяти мы встрѣчаемъ нерѣдко такія, которыя вполнѣ подходили бы для выраженія занимающей насъ идеи, если бы исключить изъ нихъ нѣкоторые признаки. Живая личность, которую встрѣчаетъ художникъ, иногда цѣликомъ могла бы быть перенесена на страницы романа или на полотно, если бы въ ней отсутствовали вотъ такіе-то и такіе-то признаки, въ данномъ случаѣ не нужные. И художникъ обыкновенно пользуется встрѣтившеюся счастливою личностью, опуская въ своемъ изображеніи ея все то, что ему не нужно, и такимъ образомъ сокращая дѣйствительное представленіе о личности (Базаровъ Тургенева).

Но такъ бываетъ сравнительно рѣдко, чтобы одна личность типически выражала свойства цѣлаго класса. Чаще приходится дополнять свойства одной личности свойствами другой или другихъ. Если данная личность владѣетъ многими чертами, нужными художнику для созданія образа, такъ что остается дополнить ее только нѣсколькими свойствами, которыя нужно позаимствовать изъ представленія о другой личности, то работа приметъ форму второго изъ указанныхъ нами пріемовъ—дополненія. Если же, для созданія образа, приходится собирать разсѣянныя черты со многихъ представленій, отвлекать ихъ и, затѣмъ, отвлеченныя снова сочетать въ одно цѣлое, то получится третій, указанный нами, пріемъ. Простѣйшій видъ этого пріема творчества встрѣчается

тогда, когда признаки уже отвлечены и намъ остается только построить изъ нихъ образъ.

Такой видъ творчества часто встрѣчается при изученіи минералогіи, ботаники, зоологіи, исторіи, географіи. Когда намъ говорятъ, или мы читаемъ въ книгѣ, что такой-то минералъ или растеніе имѣетъ такую-то форму, цвѣтъ, строеніе, величину и пр., то всѣ перечисляемыя черты суть черты отвлеченныя. Наша же задача будетъ состоять въ томъ, чтобы изъ этихъ отвлеченныхъ чертъ составить себѣ живой образъ растенія, минерала или животнаго, превратить отвлеченное въ конкретное. Тотъ же процессъ совершается и при изученіи исторіи и географіи. Намъ описываютъ человѣка, описываютъ страну, но какъ бы описаніе ни было живо и картинно, оно все же не можетъ намъ показать живого человѣка, или дѣйствительную страну; оно можетъ только, и то въ постепенномъ порядкѣ, другъ за другомъ, по возможности ясно и раздѣльно, перечислить характерныя, отличительныя черты человѣка и страны, предоставляя творческой дѣятельности слушателя или читателя собрать эти, послѣдовательныя и разрозненныя, черты въ одно цѣлое, сочетать ихъ и такимъ образомъ создать живой образъ историческаго дѣятеля или страны, въ которой жилъ этотъ дѣятель. Въ болѣе сложномъ видѣ этотъ же пріемъ предстаетъ передъ нами, когда процессъ отвлеченія еще не выполненъ и его нужно совершить, а потомъ уже отвлеченное сочетать.

Пріемъ мѣны признаковъ двухъ или нѣсколькихъ представленій встрѣчается гораздо рѣже и имѣетъ значеніе меньшее, чѣмъ указанные первые три пріема. Помощью этого пріема мы создаемъ представленія о самыхъ фантастическихъ и противорѣчивыхъ существахъ, каковы оборотни, боги, превратившіеся въ людей, люди, превратившіеся въ животныхъ и т. п. Пріемъ мѣны есть господствующій пріемъ сказокъ, миѳовъ и басенъ. Въ сновидѣніяхъ и мечтахъ онъ также занимаетъ видное мѣсто. Въ сновидѣніяхъ одно представленіе безъ особеннаго труда превращается въ другое; въ мечтахъ мы также любимъ представлять самихъ себя въ другихъ образахъ и видахъ, чѣмъ въ какихъ существуемъ на самомъ дѣлѣ, и любуемся своими собственными превращеніями на манеръ гоголевскаго титулярнаго совѣтника Поприщина: „вдругъ, напримѣръ, я вхожу въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета, и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента“...

Увеличеніе или уменьшеніе свойствъ одного представленія предполагаетъ не одно, а нѣсколько представленій. Я только тогда могу увеличить размѣры, напр. обыкновеннаго человѣческаго роста, сдѣлать изъ простаго смертнаго гиганта, великана, когда я видѣлъ или

очень большихъ людей или вообще что либо значительно большее человѣка, напр. гору. Тогда признакъ величины я возьму съ другого представленія и перенесу на данное. Точно то же нужно сказать относительно уменьшенія представленія: мы никогда не создали бы представленія о пигмеяхъ и лиллипутахъ, если бы не знали маленькихъ людей или вещей гораздо меньшихъ человѣка. Вообще только опытъ служитъ основой нашей дѣятельности при той творческой формѣ, которую мы разсматриваемъ. Наблюдая дѣтей, мы легко замѣтимъ, что они, увеличивая или уменьшая какой либо предметъ, сейчасъ же сопоставляютъ его съ другимъ, имъ извѣстнымъ, большимъ или меньшимъ. Если же при увеличеніи или уменьшеніи свойствъ какого либо представленія въ нашемъ сознаніи не присутствуютъ ясно и отчетливо тѣ другія представленія, съ которыхъ берутся нужныя свойства, то это потому, что они сдѣлались слишкомъ обычными намъ, подразумѣваются нами не ясно, не сознательно. Мы легко, напр., можемъ увеличить представленія о промежуткѣ времени въ одинъ годъ и изъ одного года сдѣлать сотню лѣтъ или уменьшить годъ до одной минуты, и въ этомъ случаѣ у насъ повидимому никакихъ другихъ опредѣленныхъ представленій въ сознаніи нѣтъ. Но на самомъ дѣлѣ они, несомнѣнно, есть, именно представленія о весьма большихъ количествахъ времени и о весьма малыхъ; представленія о сотнѣ лѣтъ и объ одной минутѣ мы создаемъ не сейчасъ, они были у насъ раньше, мы пользуемся ими готовыми. Слѣдовательно, при увеличеніи или уменьшеніи свойствъ одного представленія въ нашемъ умственномъ процессѣ участвуетъ не одно представленіе, а нѣсколько.

Эта форма творчества—увеличеніе, уменьшеніе и вообще измѣненіе свойствъ одного даннаго представленія—употребляется нами во многихъ случаяхъ. Имѣя ясное представленіе о томъ или другомъ цвѣтѣ, мы можемъ мысленно или увеличивать или уменьшать степень его яркости, сообразно съ своими цѣлями; имѣя раздѣльное впечатлѣніе тяжести въ одинъ фунтъ вѣсомъ, мы можемъ создать представленіе о тяжести втрое большей, утроя умственно извѣстное намъ впечатлѣніе; глядя на отдаленныя вершины горъ, на луну, на звѣзды, мы оцѣниваемъ ихъ разстояніе отъ насъ, прибѣгая къ творчеству въ сферѣ мускульнаго чувства, увеличивая во много разъ пройденныя нами разстоянія и получая такимъ образомъ, безъ сомнѣнія слабое и не вполнѣ соотвѣтственное, представленіе объ этихъ громадныхъ разстояніяхъ; при чувствѣ симпатіи намъ часто приходится пользоваться этой формой творчества, чтобы понять состояніе дру-

гого. Мы нерѣдко бываемъ вынуждены въ подобныхъ обстоятельствахъ увеличивать во много разъ какое либо пережитое нами чувство или ощущеніе, чтобы войти въ положеніе другого, хотя приблизительно чувствовать то, что чувствуетъ эта личность; подъ вліяніемъ чувствъ гнѣва, любви, самолюбія мы также увеличиваемъ и уменьшаемъ признаки предметовъ. Любимую особу и себя самихъ мы представляемъ нерѣдко съ увеличенными хорошими качествами и уменьшенными дурными, врага же, наоборотъ, представляемъ съ увеличенными дурными качествами и уменьшенными хорошими. Въ художественныхъ произведеніяхъ, въ сатирахъ, въ драмахъ, комедіяхъ мы часто встрѣчаемъ также преувеличенія свойствъ дѣйствительныхъ личностей, для большаго эффекта и назидательности, встрѣчаемъ изображенія и физическихъ и духовныхъ, т. е. умственныхъ и нравственныхъ, пигмеевъ и великановъ.

Особенно легко доступны увеличенію и уменьшенію пространственныя и временныя представленія, такъ какъ величина есть одно изъ самыхъ обычныхъ и постоянно присущихъ намъ представленій. Увеличить или уменьшить объемъ предмета въ 20 разъ противъ его дѣйствительныхъ размѣровъ, превратить годъ въ 1000 лѣтъ,—для этого не требуется какихъ либо особенныхъ знаній и особыхъ напряженій со стороны человѣка, даже самаго посредственнаго, одареннаго психически наиболѣе скудно. Поэтому народы на первыхъ ступеняхъ своего развитія, дѣти, даже психически больные обнаруживаютъ эту форму творчества. По мнѣнію индусовъ, въ древнія времена средняя продолжительность жизни людей была 80,000 лѣтъ, святые же жили болѣе 100,000 лѣтъ. Одинъ святой мужъ, жившій во времена чистоты нравовъ и добродѣтели, былъ особенно долголѣтенъ. При воцареніи ему было 2,000,000 лѣтъ; царствовалъ онъ 6,300,000 лѣтъ, по прошествіи которыхъ отказался отъ престола и жилъ еще 100,000 лѣтъ. Индусы изобрѣли громаднѣйшія единицы, служащія основой и матеріаломъ для фантастической игры съ числами. Такими единицами служатъ у нихъ коти, равняющійся десяти милліонамъ, и кальпа, или продолжительность существованія міра между двумя свѣтопреставленіями, равняющаяся 4,328 милліонамъ лѣтъ. Каждая кальпа представляетъ собою одинъ изъ 365 дней божественной жизни.—Буддѣ, прежде чѣмъ достигнуть блаженства, приходилось испытывать всяческія превратности судьбы въ теченіе 10,100 милліоновъ кальпъ. Подобную же игру представленіями величины можно часто встрѣчать у психически больныхъ. Такой больной не довольствуется со-

стояніемъ въ 2, 3, 10 милліоновъ, или названіемъ себя императоромъ какой нибудь опредѣленной страны, но переступаетъ всѣ предѣлы возможнаго и мыслимаго. У него 100,000 арабскихъ лошадей, 7,000 заводовъ или фабрикъ, 600,000 брилліантовъ, 20,000 милліоновъ ежегоднаго дохода. Онъ величаетъ себя царемъ всѣхъ странъ, всей Европы и Америки, всего земного шара, всей вселенной. Онъ признаетъ своею собственностью все существующее и не существующее и даже невозможное. Съ добродушной щедростью подаривъ вамъ все, онъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что кромѣ того, т. е. кромѣ всего, у него еще осталось гораздо болѣе того, что онъ сейчасъ только отдалъ вамъ. Въ то же время онъ приписываетъ себѣ всѣ способности, познанія, ученыя степени, въ совершеннѣйшемъ видѣ онъ знаетъ всѣ языки, онъ докторъ всѣхъ наукъ, путешествовалъ по всѣмъ краямъ свѣта, пользуется не только наилучшимъ здоровьемъ, но избыткомъ своего здоровья и своихъ силъ исцѣляетъ больныхъ и т. п. [1]).

Поэты всѣхъ временъ пользовались этимъ пріемомъ и поэзія отъ своихъ древнѣйшихъ эпохъ и до нынѣшнихъ дней представляетъ рядъ боговъ, полубоговъ и героевъ. Сообразно съ идеалами человѣчества въ каждую эпоху, эти герои представлялись или силачами, въ родѣ титановъ и Геркулеса, или мудрецами, рыцарями и т. д. Особенно эти преувеличенія любили авторы старинныхъ романовъ и поэмъ: героями ихъ произведеній были принцессы, рыцари, феи, одѣтые въ красивыя, яркія одежды, живущіе въ великолѣпныхъ, роскошно убранныхъ, чертогахъ, проводящіе свое время въ пирахъ, при самой богатой обстановкѣ, при массѣ золотыхъ и серебряныхъ вещей, при свѣтѣ, „прекраснаго дня или тысячи огней“. Когда же и этого казалось мало, тогда поэтъ, безъ дальнихъ околичностей, переносилъ дѣйствіе на востокъ, и тамъ его герои утопали въ блаженствѣ среди красивыхъ женщинъ, яркихъ тканей, массы драгоцѣнныхъ камней и золота, араматовъ дорогихъ благовонныхъ веществъ и т. д. Природу древніе поэты любили также величественную, любили изображать дѣвственные лѣса, широкія и быстрыя рѣки, страшныхъ звѣрей и т. п. Собственно въ наукѣ этотъ пріемъ также имѣетъ большое значеніе. Астрономія и геологія, исчисляющія время совершенія различныхъ переворотовъ въ мірѣ милліонами лѣтъ, даже археологія, исторія и географія, предполагающія постоянно расширеніе обычныхъ, среднихъ пространственныхъ и

[1]) Фрезе, Очеркъ судебной психологіи. Казань. 1871 г. стр. 121.

временныхъ представленій, вынуждены постоянно прибѣгать къ этому построительному пріему. Общепринятыя въ нынѣшней физикѣ и химіи гипотезы объ атомахъ и частицахъ тѣлъ не уступаютъ своею смѣлостью самымъ фантастическимъ измышленіямъ индусскаго воображенія. Спеціалисты по теоретической физикѣ опредѣлили объемъ частицы. На основаніи найденныхъ ими числовыхъ данныхъ, оказывается, что кубъ, каждое ребро котораго равняется одному миллиметру, (что приблизительно соотвѣтствуетъ объему одного яичка шелковичнаго червя), содержитъ въ себѣ число частичекъ, по меньшей мѣрѣ равное третьей степени десяти милліоновъ, т. е. 1.000.000.000.000.000.000.000. Одинъ изъ такихъ ученыхъ вычислилъ, что, если бы потребовалось сосчитать эти частицы и можно было бы отсчитывать изъ нихъ въ каждую секунду по милліону, то пришлось бы употребить на такой счетъ 250 милліоновъ лѣтъ. Мыслящее существо, которое занялось бы подобной работой въ ту эпоху, когда наша солнечная система представляла собою лишь безформенное туманное пятно, не успѣло бы ее до сихъ поръ закончить [1]). Каждое отдѣльное лицо знаетъ по собственному опыту пространство и время въ весьма ограниченной сферѣ: пространство въ объемѣ данной мѣстности, въ которой живетъ, время въ объемѣ тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, которые оно прожило. Слѣдовательно, всѣ географическія и историческія представленія основываются на томъ пріемѣ, на который мы указываемъ.

Что касается собственно антропоморѳическаго мышленія, то оно основывается на аналогіи, на уподобленіи всего окружающаго міра себѣ, на сопоставленіи жизни природы съ жизнью человѣческой. Это коренной и необходимый способъ человѣческаго мышленія, которымъ образуется столь важный въ исторіи человѣческаго ума апперцепирующій центръ живого существа. Въ развитіи дѣтскаго мышленія аналогія имѣетъ также громадное значеніе, это тотъ основной стержень, на которомъ держится вся дѣтская мысль. Если наблюдать надъ дѣтьми, то на каждомъ шагу можно встрѣчать примѣненіе начала аналогіи, безъ нея вся дѣтская жизнь потёмки. Во многихъ поэтическихъ произведеніяхъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ изображаются загробная жизнь, адскія муки, райскія наслажденія, чистилище, аналогія является господствующимъ пріемомъ. Данте и другіе авторы того же направленія, изображая съ великими подробностями загробную жизнь, рисуютъ ее постоянно по образу и подобію земной и,

---

[1]) Рибо, Творческое воображеніе. Перев. съ франц. СПБ., 1901 г. стр. 172—173.

понятно, иначе поступить не могутъ, такъ какъ для ея изображенія нѣтъ никакихъ другихъ элементовъ, кромѣ земныхъ. Сколько они ни напрягаютъ свою фантазію, чтобы дать новую поразительную картину мученій грѣшниковъ или наслажденій праведниковъ, всѣ ихъ усилія не уносятъ ихъ выше земли, дальше земныхъ наслажденій и земныхъ страданій. Представленія дикихъ о мѣстопребываніи отшедшихъ душъ, ихъ жизни, занятіяхъ и пр., изображеніе у Гомера блаженства безсмертныхъ боговъ на Олимпѣ и тому подобныя картины составляются главнымъ образомъ по аналогіи съ землей, человѣкомъ и его жизнью. Шопенгауэръ насмѣшливо, но справедливо замѣтилъ въ своемъ сочиненіи «Міръ какъ представленіе и воля» о Данте: „откуда же иначе Данте взялъ матеріалъ для своего Ада, какъ не изъ нашего дѣйствительнаго міра? И тѣмъ не менѣе вышелъ очень изрядный адъ. Напротивъ, когда онъ дошелъ до задачи—изобразить небо и его блаженства, предъ нимъ оказалось непреоборимое затрудненіе, потому именно, что міръ нашъ не представляетъ матеріаловъ къ чему либо подобному".

Вообще образное творчество, и миѳологическое и художественное, есть дѣятельность синтетическая, заключающаяся главнымъ образомъ въ сочетаніяхъ образовъ, ихъ частей и признаковъ. Даже и тогда, когда задача образнаго творчества заключается въ томъ, чтобы выразить только одно какое либо свойство, и тогда оно пользуется постоянно цѣлыми образами и фигурами. Скупость есть отдѣльное свойство нѣкотораго количества людей, мыслимое какъ самостоятельный предметъ; Плюшкинъ или Скупой рыцарь—это образы, изображающіе цѣльныя фигуры, всего человѣка со всѣмъ многообразіемъ его свойствъ, но сущность которыхъ состоитъ въ воплощеніи отдѣльнаго свойства—скупости. О Праксителѣ разсказываютъ, что онъ, удовлетворяя желаніе жителей острова Коса имѣть статую богини Венеры, собралъ красивѣйшихъ женщинъ и для созданія статуи богини взялъ у каждой изъ своихъ моделей наиболѣе красивые органы и части, соединилъ ихъ въ одно гармоническое цѣлое и такимъ образамъ исполнилъ данное ему порученіе. Этотъ пріемъ—типическій для образнаго творчества.

Такъ какъ сущность воображенія заключается въ построеніяхъ, въ синтетической дѣятельности, то при воспитаніи образнаго мышленія педагогу и нужно сосредоточить свои заботы на упражненіяхъ въ построеніяхъ. Построительныя работы могутъ быть двухъ родовъ: теоретическія и практическія. Теоретическія упражненія состоятъ въ сочетаніяхъ данныхъ теоретическихъ въ

новое цѣлое, практическія—практическихъ, наглядныхъ. Послѣдній видъ упражненій суть игры. Онѣ представляютъ самое простое и естественное упражненіе въ синтетическихъ построеніяхъ и въ то же время самое любимое занятіе дѣтей. По сложности построенія, игры могутъ быть безконечно разнообразны. Если мы дадимъ ребенку двѣ карты и онъ построитъ изъ нихъ шалашъ, это будетъ уже элементарное синтетическое упражненіе воображенія: ребенокъ два куска матеріала сложилъ извѣстнымъ образомъ и получилъ новый результатъ. Если мы дадимъ ему побольше картъ и онъ построитъ изъ нихъ домъ, это будетъ упражненіе болѣе сложное и вмѣстѣ болѣе высокаго порядка. Если же изъ картъ ребенокъ сдѣлаетъ такую постройку, которой онъ вокругъ себя не видалъ, которую онъ себѣ только вообразилъ, то это упражненіе будетъ еще болѣе высокаго ранга, потому что въ первыхъ двухъ случаяхъ форма постройки ему была дана окружающею дѣйствительностью и его творчество имѣло своей задачей данную форму создать изъ того матеріала, который находился въ распоряженіи, творческимъ былъ только процессъ; въ послѣднемъ же случаѣ создается и самая форма постройки, которая осуществляется, работа является творческой и по замыслу и по процессу. Усложнять эти работы мы можемъ безконечно, а разнообразя матеріалъ, мы можемъ придавать упражненіямъ безконечно различные виды. Для того, чтобы подобныя упражненія были вполнѣ цѣлесообразны, нужно выполнить слѣдующія условія: а) матеріалъ упражненій не долженъ имѣть опредѣленную форму, которая предопредѣляла бы собой характеръ игры, онъ долженъ быть не готовой законченной игрушкой, а *просто матеріаломъ*; б) матеріалъ упражненій долженъ быть *разнообразенъ*, въ видахъ большаго интереса упражненій и удовлетворенія личнымъ вкусамъ дѣтей: в) усложненіе упражненій должно происходить *постепенно*; г) дѣти должны имѣть достаточный *запасъ* однородныхъ и разнородныхъ представленій, которыя могли бы сочетать по новому въ игрѣ. Чѣмъ богаче будетъ ребенокъ представленіями, чѣмъ представленія его будутъ разнообразнѣе и живѣе, тѣмъ охотнѣе и съ большимъ интересомъ онъ будетъ играть.

Что касается теоретическихъ упражненій въ построеніяхъ, то они гораздо труднѣе практическихъ. О практическихъ построеніяхъ вообще можно сказать, что они соотвѣтствуютъ сочетанію цѣлыхъ представленій или ихъ частей въ новое образованіе, о теоретическихъ же—что они соотвѣтствуютъ сочетанію признаковъ представленій. Теоретическія упражненія въ построеніяхъ

подобно практическимъ, могутъ быть весьма разнообразны и многочисленны, и по матеріалу и по степени сложности. Дѣти 3—4 лѣтъ охотно отдаются упражненіямъ въ теоретическомъ творчествѣ, побуждаемыя къ этому значительнымъ удовольствіемъ, испытываемымъ при опытахъ сочиненія дѣтскихъ исторій. Нѣкоторыя интеллектуальныя дѣтскія натуры, въ родѣ маленькой Жоржъ-Зандъ, поражаютъ обиліемъ творчества въ ранніе годы. Особенную важность имѣютъ такія построенія и упражненія, которыя допускаютъ возможность тщательной фактической провѣрки. Сообщаются дитяти, напримѣръ, признаки какого либо животнаго или растенія или минерала и потомъ требуется, чтобы оно перечисленные признаки сочетало и построило изъ нихъ цѣлый образъ, фигуру животнаго, растенія, минерала. Для пособія построенію можно показать картинку построеваемаго предмета, а потомъ сличить построеніе съ дѣйствительнымъ предметомъ. При сличеніи построенія съ дѣйствительностію, обнаружатся недостатки дѣтскаго синтеза, которые и исправятся наблюденіемъ. Подобныя упражненія весьма важны, такъ какъ они пріучаютъ умъ къ построеніямъ реальнымъ, а не фантастическимъ. Такія же упражненія могутъ имѣть своимъ предметомъ различныя географическія данныя—рѣки, озера, острова, низменности и возвышенности, разныя мастерства, орудія производства и т. д. Нечего, конечно, прибавлять, что элементарныя представленія при такихъ построеніяхъ у дитяти должны существовать обильныя и яркія.

Историческія построенія представляютъ дальнѣйшую ступень трудности. Въ нихъ наглядная провѣрка невозможна въ большинствѣ случаевъ, ибо памятниковъ, особенно отъ древнихъ народовъ, осталось немного и видѣть ихъ можетъ далеко не каждый. Приходится довольствоваться картинами и чертежами и сличать теоретическое построеніе учащагося съ теоретическимъ построеніемъ, имѣющимся у самого учителя. Само собой разумѣется, что всякая неясность въ историческомъ построеніи какого либо факта у учителя, всякая неясность или недостаточность построительныхъ элементовъ въ сознаніи учащагося гибельно отражаются на достоинствахъ построенія. Положимъ, ученику сообщаются свѣдѣнія о государственномъ строѣ и управленіи аѳинскаго народа, и требуется соотвѣтствующее построеніе, а онъ толкомъ не знаетъ, какъ управляется русскій народъ, что такое государственная дума, государственный совѣтъ, сенатъ, синодъ, какое значеніе имѣютъ министры и какое отношеніе всѣхъ этихъ органовъ государственнаго управленія другъ къ другу и къ царской власти. Понятно, за недостаткомъ и неясностью соотвѣтствующихъ элементовъ, по-

строеніе ученика о государственномъ строѣ и управленіи аѳинянъ будетъ очень неудовлетворительно; слова-то, конечно, онъ запомнитъ, но смыслъ ихъ понимать будетъ очень плохо.

Геологическія, астрономическія и подобныя построенія удадутся учащемуся еще хуже историческихъ, потому что построительные элементы ему менѣе знакомы, болѣе далеки и чужды, чѣмъ историческіе. Притомъ въ нихъ требуется спеціальная построительная способность по части временныхъ и пространственныхъ представленій, которой учащіеся обыкновенно владѣютъ весьма недостаточно; для нихъ обозначенія пространства и времени по большей части суть пустые знаки, слова, а не реальныя представленія, переставить событіе изъ одного вѣка въ другой, мѣстность передвинуть на нѣсколько градусовъ имъ ничего не значитъ. Преподавателямъ исторіи, географіи и соотвѣтствующихъ предметовъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на развитіе способности синтетическаго творчества въ сферѣ пространства и времени. Главнѣйшими средствами для достиженія цѣли могутъ быть: отчетливое напечатлѣніе въ умѣ сначала небольшихъ промежутковъ времени и пространства; постепенное сочетаніе ихъ въ большія единицы; приведеніе большихъ количествъ времени и пространства къ какимъ либо наглядымъ величинамъ, выражающимъ нужную идею, если не вполнѣ точно, за то достаточно рельефно.

Изъ теоретическихъ упражненій развитія творчества обыкновенно хорошимъ средствомъ считаются сказки, басни, повѣсти, вообще доступная дѣтямъ художественная литература, такъ какъ она сама обязана своимъ существованіемъ воображенію. При оцѣнкѣ этого воспитательнаго средства, прежде всего, нужно обратить вниманіе на то, что способствовать развитію построительной способности можно наиболѣе всего такими упражненіями, которыя представляютъ практику въ построеніяхъ. Но слушаніе и усвоеніе сказокъ и прочихъ произведеній художественнаго творчества не есть собственная построительная работа, а простое усвоеніе чужихъ построеній, готовыхъ синтезовъ. Если же мы будемъ безконечно много усвоять чужихъ построеній, а сами синтетически работать не будемъ, то у насъ построительная способность не разовьется. Слѣдовательно, мы можемъ признавать сказки и прочую художественную литературу воспитательнымъ средствомъ воображенія не потому, чтобы сами онѣ заключали въ себѣ упражненія въ построеніяхъ, а потому, что онѣ, будучи продуктами воображенія, могутъ затрогивать, будить эту сторону дѣятельности нашего ума и служить образцами, что для пониманія сказокъ и ба-

сенъ требуется извѣстная доля построительности, такъ какъ образы ихъ своими размѣрами превышаютъ дѣйствительные. Въ частности сказки даютъ нѣкоторые, весьма рѣзко очерченные, типы, глубоко западающіе въ душу ребенка, напр. злой мачихи, дѣтокъ, невинно ею преслѣдуемыхъ, Иванушки—дурачка, мѣтко охарактеризованные образы звѣрей, напр. лисицы, волка, въ простой, вполнѣ доступной, дѣтямъ формѣ знакомятъ съ людскими отношеніями, ихъ правдой и неправдой. Сказка вообще по плечу дѣтямъ по отсутствію сложнаго и тонкаго психологическаго анализа, по рѣзкой обрисовкѣ образовъ, по своему антропоморѳическому изображенію вселенной. Поэтому сказки такъ нравятся дѣтямъ и производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

IX. **Отвлеченное мышленіе.**

Отвлеченное мышленіе есть дѣятельность по преимуществу аналитическая и критическая. Но какъ скоро аналитическимъ путемъ достигаются извѣстные результаты, они сочетаются между собою въ связныя построенія, въ систему знанія. Въ отвлеченномъ мышленіи можно различать два направленія: ступень познаванія отдѣльныхъ предметовъ и явленій и ступень познаванія отвлеченныхъ и обобщенныхъ свойствъ предметовъ и явленій.

Образное мышленіе болѣе первоначальное, отъ него перейти сразу къ отвлеченному мышленію невозможно, скачекъ былъ бы слишкомъ великъ. Переходная ступень есть обособленіе группъ предметовъ, а въ группахъ отдѣльныхъ вещей, причемъ обособленныя явленія, въ практическихъ интересахъ, познаются, по возможности, полно и обстоятельно. Для громаднаго большинства людей и понынѣ важно знать не природу человѣка вообще, а свойства тѣхъ отдѣльныхъ людей, съ которыми приходится сталкиваться—женѣ нужно знать качества мужа, дѣтямъ родителей, сосѣдямъ другъ друга; большинство людей интересуется не скотомъ вообще, а собственною лошадью, достоинствами и недостатками своей коровы; свое платье большинство знаетъ до малѣйшихъ дыръ, интересуется платьемъ сосѣдей и сосѣдокъ, но до проникновенія въ глубину вопроса объ одеждѣ, ея исторію, въ вопросъ о сущности моды ему дѣла весьма мало. Что ему за дѣло, что совершается на солнцѣ, на лунѣ, на землѣ? Ему важно знать, что происходитъ на его полѣ, въ его саду и домѣ, у ближайшихъ сосѣдей. Общія знанія долгое время кажутся малоцѣнными, знаніе самое подробное всѣхъ свойствъ отдѣльныхъ окружающихъ явленій представляется единственно полезнымъ и значительнымъ: пропорціонально количеству такихъ знаній воз-

растаетъ умѣнье извлекать пользу изъ окружающихъ предметовъ, искусство обращаться съ людьми, чтобы обезпечить свое благосостояніе, а отъ общихъ знаній какая прибыль?

Поэтому первая классификація предметовъ и явленій есть классификація практическая, жизненная, съ точки зрѣнія пользы и вреда вещей. Въ практической жизни весьма важно знать, служитъ ли извѣстная вещь источникомъ удовольствія для насъ или страданія, удовольствія и страданія непосредственнаго, ближайшаго, или отдаленнаго, нельзя ли предотвратить вредное дѣйствіе извѣстной вещи, нельзя ли усилить удовольствіе, получаемое отъ извѣстнаго круга явленій и т. д. Словомъ, весь міръ распадается для насъ съ этой точки зрѣнія на вещи пріятныя и вещи непріятныя, на источники наслажденія и на источники страданія, причемъ частнѣйшее опредѣленіе порядка вещей опредѣляется тѣмъ же началомъ: впереди стоятъ вещи наиболѣе пріятныя и наиболѣе непріятныя, потомъ менѣе пріятныя и непріятныя и такъ далѣе, пока не начнутся вещи безразличныя, недоставляющія ни наслажденія, ни страданія, на которыя, какъ на безразличныя, и не обращается вниманія. Безразличными вещами, въ число которыхъ входятъ и общія знанія, какъ не приносящія непосредственно ни вреда, ни пользы, и заканчивается практическая классификація. Очень многіе ограничиваются ею во всю свою жизнь, признавая ее совершенно достаточной и удовлетворительной; дѣти, дикари, необразованные люди не знаютъ иной группировки предметовъ. Созданіе этой классификаціи начинается очень рано, съ первыхъ проблесковъ сознательной жизни человѣка, и потомъ усовершенствуется и усложняется во всю послѣдующую жизнь, сообразно съ развитіемъ потребности наслажденія и способности оцѣнивать вещи, какъ средства для удовлетворенія этой потребности и устраненія страданій.

Дѣтское мышленіе характеризуется указанными чертами. Наблюденія съ этой точки зрѣнія надъ дѣтьми показываютъ у нихъ почти полное отсутствіе объективности въ пониманіи вещей и явленій, чисто личную и грубо корыстную точку зрѣнія. Вещи не представляются дѣтямъ такими, каковы онѣ есть, со стороны своей формы, величины, матеріала, цвѣта и т. д., но служебными человѣку, приносящими ему пользу, удобства, или причиняющими вредъ. Дитя всюду видитъ интересы человѣка, къ міру самому по себѣ оно слѣпо и глухо. На предложенные вопросы о самыхъ простыхъ явленіяхъ: что это такое? дѣти отвѣчаютъ такъ: вода—это такая вещь, которую пьютъ, въ которой купаются, которой моютъ руки; цвѣтокъ—такая вещь, ко-

торую накалываютъ на шляпу, ставятъ въ комнату, срываютъ со стебля, нюхаютъ; хлѣбъ--его ѣдятъ просто, съ холоднымъ мясомъ, кормятъ имъ птицъ; столъ—на столъ ставятъ лампы, кладутъ книги, за столомъ обѣдаютъ; садъ—это чтобы прогуливаться и т. д. Но какую форму имѣетъ столъ, изъ какого матеріала и какъ онъ дѣлается, каковы лепестки цвѣтка, какого цвѣта, гдѣ и въ какихъ видахъ встрѣчается вода, какія деревья растутъ въ саду и какъ онъ устрояется и т. п.—обо всемъ этомъ дитя не думаетъ. Конечно, было бы странно предполагать, что дитя совсѣмъ и не знаетъ, сколько ножекъ у стола, изъ твердаго или мягкаго матеріала онъ дѣлается, какія главныя части лампы и т. д.; оно все это видѣло и съ большею или меньшею отчетливостью представляетъ, но оно о всѣхъ объективныхъ свойствахъ предметовъ не думаетъ, считаетъ ихъ неважными, и самое первое, что возникаетъ въ его умѣ при названіи вещи, это для чего вещь назначается, какую пользу приноситъ человѣку, что съ ней можно дѣлать. Незаинтересованнаго знанія вещей еще нѣтъ, стремленіе познать истину отсутствуетъ, все проходитъ чрезъ призму маленькаго грубо себялюбиваго интереса. Объ улиткѣ опрашивавшіяся двѣ дѣвочки даже отвѣтили, что улитка—это нѣчто такое, что нужно раздавить, за то, что она поѣдаетъ салатъ, а слово палецъ одна изъ дѣвочекъ пояснила такъ: это для того, чтобы держать салфетку.

Другая черта, обращающая на себя вниманіе въ отвѣтахъ дѣтей, состоитъ въ томъ, что ихъ представленія о вещахъ не суть единичныя представленія, а цѣлые клубки представленій, заключающіе въ себѣ и образъ даннаго предмета и всѣ сопутствовавшія, а иногда и случайныя, обстоятельства, воспринятыя дитятей вмѣстѣ съ предметомъ. Дитя не только еще не въ состояніи разобраться между важными, существенными и неважными, нехарактерными свойствами предметовъ, но еще не можетъ достаточно обособлять предметъ отъ другихъ, съ нимъ соединенныхъ, случайно существовавшихъ рядомъ, въ одно время или въ непосредственной преемственности. Что воспринималось вмѣстѣ съ предметомъ, то пока еще безъ разбору относится къ самому существу предмета. Поэтому неудивительно, что одна дѣвочка на вопросъ о томъ, что такое лошадь, отвѣчаетъ: это кучеръ, который говоритъ но своей лошади; на вопросъ: что такое карета? получается отвѣтъ: люди входятъ внутрь, потомъ стегаютъ лошадь, и тогда лошадь бѣжитъ, или что карета—это лошадь, которая везетъ карету и потомъ внутри кареты есть дамы; что такое домъ—это для того, чтобы нанимать его. Такой отвѣтъ о домѣ данъ въ то время,

когда родители жили въ наемномъ домѣ, и представляетъ сочетаніе съ представленіемъ дома случайной черты [1]).

Знаніе отдѣльныхъ предметовъ есть, несомнѣнно, знаніе наглядное, пріобрѣтаемое чисто опытнымъ путемъ, но оно чуждо эстетичности, лишено миѳологическаго характера, есть знаніе трезвое, практическое, болѣе или менѣе полное и обстоятельное. Здѣсь дѣло не въ построеніи образовъ, а, напротивъ, въ ихъ разложеніи и въ положительномъ изученіи свойствъ образовъ. Эта степень развитія мышленія легко можетъ сочетаться съ миѳологическимъ міровоззрѣніемъ, при нѣкоторомъ его ограниченіи, именно знаніе ближайшихъ, окружающихъ человѣка, предметовъ становится, отъ частаго обращенія съ ними и настоятельной нужды ознакомиться съ ихъ дѣйствительной природой, положительнымъ и аналитическимъ. Нельзя же постоянно все одушевлять, неизмѣнно каждый день повторяющійся опытъ убѣждаетъ, что нѣкоторыя вещи бездушны. Появляется раздѣленіе вещей на одушевленныя и неодушевленныя. Послѣдній отдѣлъ вещей составляется изъ ближайшихъ къ человѣку, находящихся въ его рукахъ, въ его семейномъ обиходѣ и претерпѣвающихъ отъ него вліяніе; болѣе же далекія вещи и явленія, болѣе обширныя и величественныя, находящіяся совершенно внѣ воли и вліянія человѣка, по прежнему мыслятся миѳологически. Прогрессъ знанія заключается въ расширеніи перваго отдѣла явленій и сокращеніи второго. Современное крестьянство даже культурныхъ странъ состоитъ изъ реалистовъ мыслителей по отношенію къ ближайшимъ предметамъ своего обихода и изъ миѳологовъ по отношенію къ отдаленнымъ и непонятнымъ имъ.

Съ развитіемъ знанія въ нѣкоторыхъ умахъ стремленіе къ полному пониманію отдѣльныхъ явленій получаетъ теоретическій характеръ, возникаетъ желаніе научно изучать отдѣльныя явленія. Можно ли признавать научнымъ знаніемъ только знаніе общаго? Что чему служитъ средствомъ—отдѣльное общему или общее отдѣльному? Нужно помнить, что въ предметной дѣйствительности, внѣ насъ, существуютъ лишь отдѣльныя явленія, а все общее есть принадлежность нашего сознанія, нашего ума. Поэтому понятно, что человѣкъ, живущій въ мірѣ вещей и событій, а не книгъ, глубоко переживающій всѣ явленія вокругъ себя, интересуется, по преимуществу, отдѣльными явленіями, ихъ желаетъ

---

[1]) Подробное изложеніе фактовъ, касающихся указанной черты дѣтскаго пониманія, сдѣлано нами въ статьѣ—„Первыя понятія дѣтей объ окружающихъ предметахъ и явленіяхъ". Женское Образованіе. 1896 г.

изучать и серьезно и научно. Къ тому же источникомъ нашихъ радостей и печалей обыкновенно служатъ отдѣльныя лица, отдѣльныя явленія, а не общія начала. Общее—это есть поставленіе на первый планъ сходнаго, однороднаго, и отодвиганіе далеко назадъ всего разнороднаго и различнаго. Міръ страшно бѣднѣетъ, разсматриваемый постоянно съ точки зрѣнія сходствъ, потому что тогда все индивидуальное, особенное, своеобразное, не укладывающееся въ общія рамки и схемы, отбрасывается или, по крайней мѣрѣ, обезцѣнивается. А безъ различій, безъ индивидуальностей, міръ однообразная пустыня, есть громадная схема, красочность, жизнь міру даетъ лишь отдѣльное, своеобразное. Чтобы надлежащимъ образомъ понимать явленія, нужно знать не только ихъ сходства, но и различія, нужно видѣть, какъ общія начала воплощаются въ той или другой своеобразной индивидуальности. Идеалъ ума, всезнающій умъ долженъ соединять знаніе общаго съ знаніемъ отдѣльнаго, міровыхъ законовъ съ отдѣльными міровыми явленіями. Всевѣдущій Богъ знаетъ не только законъ тяготѣнія и другіе міровые законы, но и каждый волосокъ у каждаго человѣка. Заслуживаетъ вниманія не только то, что мы видимъ въ телескопъ, но и то, что можемъ усмотрѣть въ микроскопъ. Каждая капля, каждая инфузорія въ каплѣ не менѣе интересна, чѣмъ солнце.

Когда изучаются свойства отдѣльныхъ представленій, тогда изучаемыя свойства не выдѣляются изъ ихъ совокупности и не поставляются въ видѣ самостоятельныхъ предметовъ мысли: такъ какъ преобладаетъ интересъ къ отдѣльнымъ явленіямъ, то этотъ интересъ есть интересъ къ цѣлому. Анализъ цѣлаго на свойства происходитъ, но не въ такомъ размѣрѣ, чтобы единое цѣлое превратить во множество самостоятельныхъ предметовъ мышленія, столько, сколько есть въ немъ отдѣльныхъ свойствъ. Отдѣльное явленіе, какъ цѣлое, никогда не исчезаетъ изъ вида, какъ бы ни интересовало изслѣдователя то или другое свойство въ немъ, потому что всѣ свойства связаны между собою, а ихъ объединенность и даетъ то цѣлое, которое интересуетъ гораздо болѣе, чѣмъ самыя выдающіяся отдѣльныя свойства этого цѣлаго.

Дальнѣйшій шагъ въ развитіи мышленія будетъ состоять въ постепенномъ ослабленіи интереса къ цѣлому и увеличеніи интереса къ составляющимъ цѣлое свойствамъ, въ обособленіи свойствъ и поставленіи ихъ въ видѣ самостоятельныхъ предметовъ мысли. Указываемое направленіе мыслительности развертывается постепенно, къ его характеристикѣ мы и обратимся.

Отдѣльныхъ представленій у насъ существуетъ безчисленное

множество, причемъ каждый элементъ ихъ можетъ являться во множествѣ видоизмѣненій, частныхъ формъ, въ различной обстановкѣ и новыхъ сочетаніяхъ. Напримѣръ, одинъ и тотъ же цвѣтъ можетъ предстать предъ нами въ весьма большомъ количествѣ оттѣнковъ. Но несмотря на разнообразіе отдѣльныхъ представленій по содержанію, въ нихъ много сходнаго, такъ какъ природа, при разнообразіи, во многомъ повторяется. Эти то сходные элементы отдѣльныхъ представленій, своимъ тяготѣніемъ другъ къ другу, и вызываютъ появленіе новыхъ психическихъ процессовъ, приводящихъ постепенно къ отвлеченному мышленію.

Подъ вліяніемъ сходства отдѣльныхъ представленій въ нашемъ сознаніи отлагаются два ряда образованій: болѣе твердыя образованія—сходства отдѣльныхъ представленій и слабѣйшія образованія — различія отдѣльныхъ представленій. Возьмемъ такой частный случай: мы ходимъ по лѣсу и видимъ множество деревьевъ—березы, осины, ели, сосны. Мы разсматриваемъ ихъ, беремъ въ руки куски различныхъ деревъ, отдираемъ кору, срываемъ листья или иглы, однимъ словомъ получаемъ отъ нихъ много разнородныхъ ощущеній. Разнородныя ощущенія даютъ намъ конкретныя представленія. Но, выходя изъ лѣсу, мы уносимъ съ собою не массу отдѣльныхъ представленій объ отдѣльныхъ, видѣнныхъ и изслѣдованныхъ нами, экземплярахъ деревъ, но выносимъ общія представленія: береза, сосна, ель, осина, которыя нерѣдко опять сливаются вмѣстѣ и образуютъ болѣе общее и въ то же время болѣе твердое продставленіе—дерево, т. е. представленіе о корняхъ, стволѣ, вѣтвяхъ, листьяхъ или иглахъ. Что же касается различій видѣнныхъ деревъ, то мы выносимъ общее представленіе и о нихъ, припоминаемъ, что то бываютъ деревья сосны, то березы, то ели, то осины. Но эти представленія различій между деревьями бываютъ слабѣе и темнѣе общаго представленія о деревѣ и даже представленій объ отдѣльныхъ видахъ деревъ. Чѣмъ собственно отличается береза отъ осины, мы на первыхъ порахъ представляемъ неясно, опредѣлить точно не можемъ, хотя въ дѣйствительности и не перемѣшаемъ березу съ осиной. Какъ же объяснить возникновеніе такихъ различныхъ отложеній въ нашемъ сознаніи?

Дѣло выясняется тяготѣніемъ сходныхъ образованій другъ къ другу. Въ конкретныхъ представленіяхъ отдѣльныхъ деревьевъ есть много сходнаго, это сходное сливается и такимъ образомъ усиливается; различія же, сталкиваясь другъ съ другомъ, до нѣкоторой степени ослабляютъ, нейтрализуютъ другъ друга, вслѣдствіе чего даютъ болѣе тусклые образы. Словомъ, въ нашей душѣ

въ это время, т. е. во время образованія изъ конкретныхъ общихъ представленій, происходитъ нѣчто подобное одному физическому явленію, о которомъ сообщаетъ извѣстный англійскій психологъ Гальтонъ [1]). Именно онъ говоритъ, что портреты различныхъ лицъ, изготовленные для волшебнаго фонаря, онъ накладывалъ одинъ на другой и на экранѣ получалъ одно общее изображеніе, непохожое ни на одинъ изъ взятыхъ портретовъ въ отдѣльности, но заключавшее черты всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Черты, общія всѣмъ этимъ портретамъ, усиливались, благодаря сліянію; особенности же каждаго изъ нихъ казались относительно мелкими и почти исчезали. Онъ производилъ такіе опыты въ самыхъ различныхъ формахъ и всегда находилъ возможность изъ коллекціи отдѣльныхъ портретовъ сдѣлать обобщенное изображеніе, имѣющее видъ снятаго съ живого лица, если только между портретами было хотя отдаленное сходство и они были сняты съ одинаковаго пункта и имѣли одинаковые размѣры. Подобное же наложеніе и съ подобными же результатами происходитъ и въ нашей душѣ съ конкретными представленіями: сходныя черты конкретныхъ представленій усиливаются, а различныя ослабѣваютъ, причемъ тѣ и другія болѣе или менѣе раздѣляются и составляютъ особыя образованія.

Общія представленія, возникнувъ, не имѣютъ свойства неизмѣнности, не являются разъ навсегда строго опредѣленными и замкнутыми. Они живутъ, они измѣняются, они находятся въ непрерывномъ общеніи съ отдѣльными конкретными представленіями и то сливаются съ ними, то отдѣляются отъ нихъ. Новыя конкретныя представленія образуются въ насъ непрерывно вслѣдствіе постояннаго притока новыхъ ощущеній; образовавшись, они сейчасъ же вступаютъ въ связь съ прежде образованными общими представленіями, съ которыми имѣютъ наиболѣе сходства. Вслѣдствіе такого сочетанія общихъ представленій съ конкретными, первыя т. е. общія, постоянно освѣжаются, дополняются частными чертами, спеціализуются, представляютъ постоянное колебаніе въ своемъ содержаніи, впитывая новый матеріалъ; вновь же образуемыя отдѣльныя представленія, сочетаясь съ общими, дѣлаются общѣе, классифицируются и вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени теряютъ свою индивидуальность и обособленность. Этотъ непрерывный процессъ — спеціализація и обобщеніе отдѣльныхъ представленій, освѣженіе общихъ свѣжими соками отдѣльнаго

---

[1]) „Умственныя картины". Переводъ этой статьи изъ англійскаго журнала сдѣланъ въ Новомъ Обозрѣніи 1881, № 1.

представленія и классифицированіе послѣдняго въ ряду общихъ— составляетъ одинъ изъ главныхъ видовъ жизни представленій.

Процессъ обобщенія (образованія общихъ представленій) полагаетъ начало классификаціи. Смежность есть слишкомъ не логичная группировка представленій; сходство вноситъ новое интеллектуальное начало. Но, по своей сущности, сліяніе и отожествленіе сходнаго есть также дѣятельность чисто органическая и механическая, она можетъ совершаться весьма неудачно, неправильно. Тѣмъ не менѣе въ силу сходства однородное начинаетъ выдѣляться отъ разнороднаго въ общихъ представленіяхъ. Такое обособленіе представленій въ двѣ большія и довольно неопредѣленныя группы: однородное и разнородное привлекаетъ наше вниманіе къ представленіямъ, вызываетъ сознательный процессъ сопоставленія, сравненія, вслѣдствіе чего сходства и различія представленій открываются яснѣе, лучше, и представленія распадаются на болѣе мелкія группы. Такимъ путемъ мало по малу возникаетъ классификація, сначала чисто практическая, а потомъ теоретическая или научная. Послѣдняя возникаетъ подъ давленіемъ пробудившагося умственнаго интереса, желанія знать, умѣнья найти удовольствіе въ знаніи вещей, въ объясненіи ихъ свойствъ и природы. Вторая классификація бываетъ гораздо шире первой. Громадный разрядъ вещей, названныхъ въ первой классификаціи вещами безразличными, въ которой были свалены въ кучу самые разнородные предметы, отъ отдаленной звѣзды на небѣ до ничтожной вещи домашняго обихода, она тщательно разбираетъ и сортируетъ; всю первую классификацію она также передѣлываетъ, группируя вещи съ своей точки зрѣнія. Эта новая точка зрѣнія— желаніе расположить предметы по степени ихъ сходства, указать причинную связь между ними. Личные интересы и удобства въ такой классификаціи не имѣютъ никакого значенія, совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ. Поэтому вся вселенная составляетъ объектъ этой классификаціи. Конечно, такая классификація должна создаваться медленно, цѣлыми вѣками, такъ какъ хорошая научная классификація находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ науки и до нѣкоторой степени служитъ выразительницей ея блестящаго или плачевнаго состоянія. Подобная классификація сначала обыкновенно опирается на внѣшнія сходства предметовъ, а потомъ переходитъ къ внутреннимъ, сначала поражается внѣшнею, болѣе или менѣе случайною, зависимостью фактовъ и ихъ совпаденіемъ, а потомъ переходитъ къ открытію дѣйствительной причинной связи между ними.

Процессъ классификаціи имѣетъ своей причиной необходи-

мыя движенія нашей мысли подъ вліяніемъ сходства, а не какія либо внѣшнія обстоятельства. По Джемсу Миллю, люди были приведены къ классификаціи единственно потребностями экономіи въ употребленіи словъ. Человѣкъ знакомится прежде всего съ индивидуумами и ихъ называетъ. Но индивидуумовъ существуетъ безчисленное количество, такъ что словъ для ихъ названія не хватаетъ. Необходимостью человѣкъ вынуждался пользоваться однимъ именемъ для обозначенія многихъ индивидуумовъ. Такимъ образомъ и возникаетъ классификація. Если бы процессъ называнія и разсужденія могъ удобно совершаться съ именами для каждаго индивидуума, тогда имена классовъ и идея классификаціи не существовали бы [1]). Подобный взглядъ на происхожденіе классификаціи едва ли можно признать особенно глубокимъ и правильнымъ. Подъ классомъ Джемсъ Милль разумѣетъ собраніе предметовъ, съ которыми ассоціировалось одно и то же имя. Слово человѣкъ, напримѣръ, сначала было приложено къ одному индивидууму, оно ассоціировалось съ идеей этого индивидуума и пріобрѣло способность возбуждать идею этого индивидуума. Потомъ оно было приложено къ другому индивидууму и пріобрѣло способность вызывать идею о немъ, затѣмъ къ третьему, четвертому, пока не ассоціировалось съ неопредѣленнымъ количествомъ индивидуумовъ и не пріобрѣло способности возбуждать неопредѣленное число такихъ представленій. Поэтому идея класса есть сложная идея, составленная изъ множества отдѣльныхъ идей, идея неясная, неотчетливая [2]).

Но подобный взглядъ на классификацію представляетъ то существенное неудобство, что второстепенному онъ даетъ значеніе первостепеннаго. Подъ классомъ мы, между прочимъ, мыслимъ и непредѣленное количество извѣстныхъ идивидуумовъ. Но почему же мы этихъ индивидуумовъ мыслимъ подъ этимъ классомъ? Потому что всѣмъ имъ принадлежитъ извѣстная черта, потому, что всѣ они въ извѣстномъ отношеніи сходны между собою. Поэтому съ названіемъ класса у насъ соединяется, прежде всего, не представленіе неопредѣленнаго количества идивидуумовъ, а представленіе извѣстныхъ свойствъ, принадлежащихъ какому-то неопредѣленному числу индивидуумовъ, какой-то неясной фигурѣ. Слово черный вызываетъ въ насъ прежде всего не представленіе черныхъ индивидуумовъ — людей, животныхъ, одежды, а именно свойство черноты, принадлежащее различнымъ предметамъ. Слѣ-

[1]) Analysis, vol. I, гл. Classification and Abstraction, p. 260.
[2]) Analysis, 1, 264, 265.

довательно, главное, существенное идеи класса—это сходство въ чемъ-либо, оно составляетъ неизмѣнную основу класса, а затѣмъ самые индивидуумы — вещь второстепенная, больше ихъ или меньше, измѣняются они или нѣтъ—все это особеннаго значенія не имѣетъ. Такимъ образомъ, идея класса слагается изъ двухъ элементовъ: а) извѣстнаго сходства, твердаго постояннаго сочетанія нѣкоторыхъ признаковъ, б) неопредѣленнаго количества индивидуумовъ, владѣющихъ сходствомъ. Первый элементъ главный, у Джемса же Милля онъ менѣе, чѣмъ второстепенный.

Распредѣленіе представленій по группамъ даетъ возможность болѣе точнаго указанія ихъ свойствъ, такъ что одновременно съ работой классификаціи у насъ совершается другая умственная работа—теоретическое познаніе свойствъ вещей и объясненіе ихъ природы. Самая классификація, сколько-нибудь удовлетворительная, уже предполагаетъ нѣкоторое знаніе вещей. Познаніе и объясненіе вещей совершается въ двухъ направленіяхъ: мы изучаемъ качественную и количественную стороны вещей, вслѣдствіе чего и разсужденіе наше бываетъ качественное и количественное, а равно и законы, устанавливаемые нашимъ умомъ, касаются качества и количества вещей. Качественное разсужденіе есть болѣе элементарное и первоначальное, чѣмъ количественное. Первые вопросы, которые мы себѣ даемъ, знакомясь съ вещью, это вопросы о томъ, что такое вещь, какія свойства она имѣетъ, чѣмъ отличается отъ другихъ вещей, какія свойства въ ней существенныя и какія несущественныя. Безъ отвѣтовъ на поставленные вопросы мы не можемъ составить опредѣленнаго представленія о вещи, безъ нихъ вещь явится для насъ неяснымъ, темнымъ пятномъ. Узнаваніе свойствъ вещей, повидимому, процессъ совершенно простой, но на самомъ дѣлѣ онъ очень труденъ и качественное разсужденіе встрѣчаетъ много препятствій на своемъ пути. Качества въ вещахъ то бываютъ очевидны, то скрыты; качество то присутствуетъ въ извѣстной вещи, то отсутствуетъ; является то въ большей мѣрѣ, то въ меньшей; наконецъ, вещи имѣютъ всегда не одно качество, а много, и распознать, какое изъ нихъ въ вещи необходимо, а какое случайно, не всегда легко, тѣмъ болѣе, что различныя качества, соединяясь въ одной вещи, вліяютъ другъ на друга, видоизмѣняются, смѣшиваются. Чистыя, несмѣшанныя качества мы встрѣчаемъ очень рѣдко.

Ознакомившись съ качествами вещей, мы ставимъ дальнѣйшій вопросъ — о томъ количествѣ, въ которомъ является качество. Въ своемъ знаніи мы не ограничиваемся качественной стороной, ея одной недостаточно. Пусть мы знаемъ, что одно тѣло

теплое, а другое холодное; намъ нужны дальнѣйшія свѣдѣнія— на сколько тепло одно тѣло, и сколько градусовъ холода имѣетъ другое. Простое различеніе качества есть различеніе сравнительно грубое; опредѣленіе же мѣры и вѣса, въ которыхъ присутствуетъ качество въ извѣстной вещи, есть вѣнецъ знанія, знаніе вполнѣ точное и опредѣленное. Если бы предположить, что мы своимъ умомъ когда-либо будемъ въ состояніи постигнуть всѣ качества всѣхъ вещей вселенной, ихъ связи, смѣшенія и видоизмѣненія, и будемъ въ состояніи взвѣсить и измѣрить всѣ эти качества, опредѣлить всѣ существующія пропорціи ихъ и отношенія, тогда наше знаніе вселенной было бы полно, закончено и мы, по умственной сторонѣ, превратились бы въ боговъ. Узнать качества и соотношенія качествъ въ вещахъ и измѣрить эти качества и соотношенія—вотъ высшій идеалъ нашаго знанія.

Итакъ разсужденіе качественное и количественное суть два послѣдовательные момента одного цѣлаго процесса — познанія вещей, моменты, которые не рѣдко развиваются параллельно, идутъ рука объ руку, взаимно поддерживая другъ друга.

Какъ скоро мы пытаемся ближе и точнѣе, съ качественной или количественной стороны, опредѣлить представленія, мы пользуемся пріемомъ разложенія цѣлаго явленія на элементы, выдѣленія одного свойства изъ ряда другихъ и поставленія его въ видѣ самостоятельнаго предмета мысли. Все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ процессъ отвлеченія. Онъ совершается въ насъ съ такою же неизбѣжностью, какъ и всѣ предъидущія мыслительныя работы. Много причинъ можетъ побуждать насъ остановить наше вниманіе на какомъ либо одномъ элементѣ сложнаго цѣлаго и на немъ сосредоточиться, устраняя всѣ прочіе: удовольствіе или страданіе, истекающее изъ даннаго свойства цѣлаго, умственный интересъ, противорѣчіе, вносимое имъ въ наше мышленіе и т. д. Разглядывая лицо человѣка, съ которымъ меня только что сейчасъ познакомили, я обращаю особенное вниманіе на его глаза, потому что глаза меня поражаютъ своей живостью, блескомъ, огнемъ; припоминая Волгу, я особенно останавливаюсь на длинѣ этой рѣки, далеко превосходящей множество рѣкъ въ данномъ отношеніи. И въ первомъ и во второмъ случаѣ происходитъ процессъ отвлеченія.

Процессъ отвлеченія есть дальнѣйшее развитіе предшествующихъ процессовъ — обобщенія и классификаціи. Сначала, подъ вліяніемъ сходства, въ нашемъ сознаніи происходитъ раздѣленіе однороднаго и разнороднаго; потомъ, подъ давленіемъ различныхъ практическихъ и теоретическихъ потребностей, выдѣлив-

шіяся однородное и разнородное располагаются въ болѣе частныя и мелкія группы. Здѣсь, такимъ образомъ, мы уже встрѣчаемъ анализъ, разложеніе цѣлыхъ группъ представленій. Остается только съ группъ перенести анализъ на отдѣльныя представленія, начать изученіе ихъ свойствъ въ отдѣльности, и появится настоящее отвлеченіе. Это случается подъ давленіемъ тѣхъ же практическихъ и теоретическихъ интересовъ.

Находясь во внутренней связи съ обобщеніемъ и классификаціей, отвлеченіе не можетъ рѣзко отдѣляться отъ нихъ и невидимо въ нихъ присутствуетъ. Отвлеченіе и обобщеніе собственно два различные процесса. Отвлеченіе въ тѣсномъ смыслѣ слова есть выдѣленіе одного свойства изъ цѣлой совокупности и поставленіе его въ видѣ самостоятельнаго предмета мысли; напр. изъ всѣхъ признаковъ дома я выдѣляю одинъ—величину и о немъ мыслю. Отвлекать мы можемъ, не обобщая, мы можемъ размышлять объ извѣстной величинѣ дома, не сопровождая свое мышленіе добавочнымъ представленіемъ, что такая величина есть принадлежность не одного дома, а многихъ. Отвлеченія могутъ быть частныя, индивидуальныя, отвлеченіе совершается и существуетъ само по себѣ, обобщеніе же можетъ присоединиться къ нему и тогда получатся обобщенія отвлеченій, а можетъ и не присоединяться. Трудность отвлеченія заключается именно въ процессѣ выдѣленія и удерживанія въ сознаніи одного признака изъ цѣлой совокупности ихъ: обыкновенно въ умѣ, вслѣдъ за однимъ признакомъ, по законамъ ассоціаціи, возникаетъ и вся совокупность, все цѣлое, къ которому принадлежитъ данный признакъ. Обобщеніе расширяетъ объемъ идеи, количество представленій, владѣющихъ извѣстной чертой. Обобщеніе можетъ существовать безъ отвлеченія: воспроизводя образы предметовъ и припоминая ихъ отдѣльныя свойства, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя свойства повторяются и что, слѣдовательно, по этимъ повторяющимся свойствамъ образы сходны, причемъ мы не отвлекаемъ сходныхъ свойствъ отъ всей совокупности признаковъ. Но обыкновенно эти два процесса—отвлеченіе и обобщеніе—соединяются между собою и отвлеченія бываютъ обобщенныя.

Классификація есть нечто иное, какъ обобщеніе, подробное и систематическое. Поэтому замѣчанія, представленныя объ отношеніи отвлеченія къ обобщенію, имѣютъ приложеніе и объ отношеніи отвлеченія къ классификаціи. Можно прибавить, что созданіе отвлеченій есть очень хорошее вспомогательное средство при классификаціи. Въ предметахъ, разсматриваемыхъ или какъ источники наслажденія или теоретически, какъ сходные и несходные,

неизбѣжно замѣчается нами повтореніе свойствъ, широкая распространенность того или другого качества. Такія черты или качества мы называемъ общими. Общность чертъ, распространенность или частая повторяемость качества и есть весьма важное средство классификаціи. Помощью его мы можемъ расположить всѣ представленія въ одинъ почти безконечный рядъ по степени общности, такъ что каждый новый членъ ряда будетъ включать въ себя всѣхъ, ниже его стоящихъ, членовъ; а ниже стоящій членъ будетъ непремѣнно имѣть тоже свойство, что и выше стоящій, да кромѣ того нѣкоторыя новыя свойства. На одномъ концѣ этого длиннаго ряда будутъ стоять отдѣльныя свойства и черты, встрѣчающіяся во всѣхъ существующихъ предметахъ, а на другомъ, противоположномъ, концѣ отдѣльные предметы съ такими свойствами, которыя встрѣчаются только въ нихъ однихъ и нигдѣ болѣе. Такимъ образомъ и возникаютъ отвлеченія первой степени, второй, третьей и т. д. Самая суть процесса образованія отвлеченій различныхъ степеней заключается въ извлеченіи части содержанія, общей многимъ идеямъ, и поставленіи ея въ формѣ цѣлаго, самостоятельнаго предмета мышленія; потомъ извлеченіи и изъ этой выдѣленной части новой общей части и поставленіи ея отдѣльно и т. Представимъ отдѣльный примѣръ образованія отвлеченій различныхъ степеней: „Критика чистаго разума“ Канта, нѣмецкая книга, книга философскаго содержанія, книга, произведеніе научнаго творчества, произведеніе ума человѣческаго, созданіе человѣка, произведеніе и т. д. Каждый послѣдующій членъ этого ряда отвлеченій бѣднѣе содержаніемъ каждаго предъидущаго члена, но за то заключаетъ въ себѣ, въ своемъ объемѣ, всѣ предъидущіе, онъ общѣе; словомъ произведеніе мы можемъ назвать и „Критику“, написанную Кантомъ, и просто книгу, и созданіе человѣка и т. д.; каждый предъидущій членъ богаче содержаніемъ каждаго послѣдующаго, но объемомъ менѣе; терминомъ нѣмецкая книга не можетъ быть названа каждая книга философскаго содержанія, а тѣмъ болѣе произведеніе ума человѣческаго, произведенія вообще и т. д. Поэтому самый богатый содержаніемъ членъ есть „Критика чистаго разума“, а самый бѣдный—произведеніе, но за то „Критика чистаго разума“ обнимаетъ только одно произведеніе, произведеніе—неисчислимое множество.

Отвлеченія развиваются у насъ двумя параллельными рядами: отвлеченія отъ внѣшнихъ предметовъ и отвлеченія отъ внутреннихъ психическихъ процессовъ. Чтобы получить полный, систематическій, рядъ отвлеченій отъ внѣшнихъ предметовъ, для этого необходимо обозрѣть все содержаніе наукъ, изучающихъ

природу и человѣческое общество, составить обстоятельный послѣдовательный списокъ понятій, входящихъ въ сферу каждой, опредѣлить отношенія понятій одной науки къ понятіямъ другой, и тогда получится первая таблица отвлеченій. Задача, очевидно, не изъ легкихъ. Также надобно поступить и съ науками, изучающими психическія явленія въ человѣкѣ—логикой, психологіей, этикой и т. д., надобно составить списокъ отвлеченій, возникающихъ чисто на почвѣ психическихъ дѣятельностей. Затѣмъ, нужно будетъ опредѣлить отношенія отвлеченій одного ряда къ отвлеченіямъ другого ряда и попытаться составить одинъ списокъ отвлеченій, но полный и послѣдовательный, обнимающій все существующее въ послѣдовательномъ порядкѣ. Это и есть задача философіи. Очевидно, разрѣшить такую задачу значитъ систематизировать всѣ научныя понятія, объединить все знаніе—трудъ, требующій необычайно обширныхъ свѣдѣній и необычайно крѣпкаго и смѣлаго ума. Понятно, что даже такіе энциклопедисты и геніи, какъ Аристотель въ древности, Лейбницъ въ новое время, встрѣчали затрудненія при рѣшеніи такой громадной задачи.

Между отвлеченіями наиболѣе общими нужно считать тѣ, которые основываются исключительно на формахъ нашей умственной дѣятельности, съ полнымъ устраненіемъ содержанія представленій или понятій. Когда мы совершаемъ послѣдовательный процессъ отвлеченія, тогда мы все больше и больше ограничиваемъ содержаніе мыслимыхъ предметовъ. Сначала наше отвлеченіе—положимъ первой степени—заключало въ своемъ содержаніи пять признаковъ, потомъ мы одинъ исключимъ и получимъ абстрактъ второй степени, затѣмъ исключимъ еще одинъ и, наконецъ, путемъ постепеннаго исключенія признаковъ, дойдемъ до полнаго уничтоженія содержанія мыслимаго предмета. Но при такомъ условіи, т. е. при уничтоженіи содержанія мыслимыхъ предметовъ, не прекращается возможность образованія отвлеченій. Мышленіе безъ предмета мысли, конечно, быть не можетъ, но мы можемъ брать любые предметы мысли и, не обращая вниманіе на ихъ содержаніе, относясь къ содержанію вполнѣ безразлично, наблюдать за движеніями своей мысли и изъ видовъ, способовъ формъ этихъ движеній образовать новыя отвлеченія. Таковы именно и суть логическія отвлеченія, наиболѣе общія изъ всѣхъ, потому что всѣ прочія отвлеченія имѣютъ въ виду содержаніе представленій и идей, а не тѣ движенія нашей мысли, которыя при этомъ можно наблюдать.

Какъ же мы должны понимать отвлеченія? Суть-ли они особыя самостоятельныя состоянія, подобно ощущеніямъ и элемен-

тарнымъ представленіямъ, или нѣтъ? Этотъ вопросъ очень спорный и онъ издавна дѣлилъ психологовъ на два враждебные лагеря. Одни говорили, что все, что есть въ умѣ, все это частное, отдѣльное, что общее и отвлеченное само по себѣ не существуетъ, общее есть только индивидуальный образъ, сдѣлавшійся представителемъ класса, общее имя. Противники ихъ утверждали, что отвлеченія суть реальныя психическія явленія, а не имена или индивидуумы, только исполняющіе обязанность представителей классовъ. Доводы первыхъ таковы: „можемъ-ли мы имѣть опытъ, воспріятіе или чувственное представленіе этого отдѣльнаго и абсолютнаго отрывка (отвлеченія)? Конечно нѣтъ, ибо это противорѣчило бы самому себѣ". „Представлять напр. многоугольникъ, значитъ представлять опредѣленное число сторонъ, а между тѣмъ нашъ многоугольникъ есть фигура со многими сторонами, при чемъ количество сторонъ не опредѣлено, вслѣдствіе чего невозможно себѣ его и представить. Велѣть кому-либо видѣть или вообразить многія стороны и въ то же время не видѣть и не воображать ни трехъ, ни четырехъ, ни вообще какого-нибудь числа—значитъ въ одно и то же время предписать и запретить одно и то же. Подобнымъ образомъ, когда, увидавъ за городомъ тридцать разныхъ деревьевъ, дубы, липы, березы, тополи, я произношу слово дерево, то я не нахожу въ себѣ цвѣтной фигуры, которая была бы дерево вообще; невозможно себѣ представить величину и форму такъ, чтобы эта величина и форма не были такія-то и такія-то, т. е. опредѣленныя". Такимъ образомъ „мы не имѣемъ, собственно говоря, общихъ идей; мы имѣемъ стремленія къ называнію и имена". „То, что мы называемъ общею идеею, общимъ взглядомъ, есть лишь нѣкоторое имя". „Общее и отвлеченное понятіе есть имя, не болѣе какъ имя, имя, обозначающее рядъ подобныхъ фактовъ, подобныхъ индивидуумовъ, обыкновенно сопровождаемое чувственнымъ, но неопредѣленнымъ представленіемъ какого-нибудь изъ этихъ фактовъ или индивидуумовъ... Но это представленіе не есть общее и отвлеченное понятіе, оно только его аккомпаниментъ. Если я остановлю его и буду настаивать на немъ, то оно повторяетъ нѣкоторое частное зрительное ощущеніе... Что же во мнѣ есть столь чистое и опредѣленное, соотвѣтствующее отвлеченному признаку и только ему? Имя класса" [1]).

При анализѣ изложеннаго мнѣнія нужно различать собственно двѣ мысли: представляемость частныхъ отвлеченій и представляе-

[1]) Тэнъ, Объ умѣ и познаніи т. I, стр. 11-16; т. II, стр. 137-139.

мость обобщенныхъ отвлеченій. Представляемость частныхъ отвлеченій не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если цѣлое можно представлять, то почему же нельзя представлять одинъ элементъ цѣлаго? Обыкновенно цѣлое не есть неразрывная ассоціація, поэтому препятствій къ представленію элементовъ не имѣется. Представляя всю совокупность психическихъ свойствъ извѣстнаго человѣка, я могу долгое время сосредоточивать свое вниманіе на одномъ умѣ его, устраняя всѣ прочія свойства; представляя домъ въ цѣломъ, я могу потомъ остановиться на его окраскѣ. Такимъ образомъ вопросъ можетъ возникать только относительно представляемости обобщенныхъ отвлеченій, т. е. не цвѣта отдѣльнаго предмета, формы извѣстной вещи, а цвѣта и формы вообще, ума вообще и т. д.

Мысля отвлеченно, мы часто болѣе или менѣе опредѣленно представляемъ. Отвлеченіе — человѣкъ обыкновенно сопровождается у насъ представленіемъ и представленіемъ не отдѣльнаго индивидуума изъ класса людей, а представленіемъ именно отвлеченнаго человѣка. Мысля о человѣкѣ, я имѣю въ своемъ сознаніи фигуру человѣка, мысля о деревѣ или домѣ—фигуру дерева или дома. Въ этомъ представленіи отвлеченія существенная, основная черта — соотношеніе свойствъ, органовъ и частей фигуры и ихъ форма безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Представляя человѣка вообще, я совсѣмъ не представляю извѣстную опредѣленную личность—бѣлой расы, европейца, жителя Россіи, петербуржца, своего знакомаго,—а только соотношеніе, расположеніе органовъ человѣческаго тѣла и ихъ форму, т. е. я представляю себѣ связь головы, туловища, рукъ и ногъ, причемъ, конечно, я представляю и форму исчисленныхъ органовъ, руки не представляю имѣющими форму головы, голову—форму рукъ и т. д. Что же касается до величины фигуры и отдѣльныхъ органовъ, цвѣта кожи, различій мужского и женскаго пола, возраста и т. п., все это совсѣмъ не входитъ въ мое представленіе обобщеннаго отвлеченія человѣка, до всего этого мнѣ рѣшительно нѣтъ въ данномъ случаѣ никакого дѣла. Представляя себѣ домъ вообще, я не представляю его непремѣнно каменнымъ, въ два этажа, крытымъ желѣзомъ, съ зеркальными окнами, я представляю только общее соотношеніе частей дома—стѣнъ, пола, крыши, оконъ, дверей, а до частностей, характеризующихъ тотъ или другой отдѣльный домъ, мнѣ опять нѣтъ никакого дѣла, онѣ мнѣ и нужны. Такія обобщенныя отвлеченія у насъ несомнѣнно существуютъ и отвергать ихъ невозможно. Сейчасъ на бумагѣ, на маленькомъ клочкѣ, я начерчу фигуру дома или человѣка, мой чертежъ бу-

детъ имѣть опредѣленную величину, но это не то значитъ, чтобы я именно и представлялъ себѣ домъ или человѣка въ вершокъ или полтора, а это значитъ, что то, что я называю домомъ или человѣкомъ, необходимо имѣетъ вотъ такое именно сооотношеніе частей и органовъ, какъ это есть на чертежѣ. Чѣмъ общѣе отвлеченіе, тѣмъ неопредѣленнѣе, неуловимѣе становится его представленіе и когда мы доходимъ до самыхъ общихъ отвлеченій, которыя заключаютъ всего на всего одинъ признакъ, принадлежащій всей вселенной и потому растекающійся по необозримому количеству разнородныхъ предметовъ, тогда у насъ не возникаетъ уже никакого опредѣленнаго представленія и мы, желая мыслить такое отвлеченіе, неизбѣжно должны пользоваться пособіемъ рѣчи. Таковы отвлеченія: бытіе, отношеніе, нѣчто. Но и при такихъ, чрезвычайно обобщенныхъ, отвлеченіяхъ у насъ бываютъ весьма темныя и неясныя представленія.

Наблюдая состояніе своей мысли при обобщенныхъ отвлеченіяхъ, мы должны имѣть въ виду, что слѣдить за состояніемъ мысли надобно въ самомъ началѣ, лишь только задача поставлена, обобщенное отвлеченіе вызвано, потому что отвлеченіе очень легко и быстро переходитъ въ частное представленіе. Если бы мнѣ сейчасъ сказали слово „окно“, то у меня на первыхъ порахъ возникло бы въ сознаніи отвлеченное окно, т. е. представленіе какого-нибудь отверстія въ стѣнѣ, но затѣмъ это отвлеченіе легко и быстро можетъ превратиться въ представленіе какого-либо опредѣленнаго окна. Если бы у меня даже сразу вслѣдъ за словомъ окно явилось представленіе опредѣленнаго окна, того, которое я разсматривалъ недавно и припоминаю живо или того, которое меня особенно поразило и съ которымъ я поэтому наиболѣе твердо соединилъ слово окно, то и это не доказывало бы моей неспособности представлять отвлеченія. Подобное обстоятельство просто указывало бы на то, что извѣстное слово гораздо прочнѣе соединилось съ объемомъ понятія и именно съ опредѣленною частью этого объема, чѣмъ съ его содержаніемъ. Увеличеніе количества подобныхъ опытовъ несомнѣнно укажетъ намъ такіе случаи, когда наша мысль нѣкоторое время остается при представленіи собственно отвлеченія, общаго, а потомъ уже переходитъ въ частное представленіе.

Любопытное явленіе въ данномъ случаѣ представляютъ глухонѣмые. Несмотря на отсутствіе членораздѣльной рѣчи, мы не можемъ отказать имъ въ отвлеченіяхъ. Нѣкоторые глухонѣмые достигаютъ высокой степени развитія, а высокое развитіе безъ образованія обобщенныхъ отвлеченій невозможно. Какимъ обра-

зомъ они возбуждаютъ другъ въ другѣ или сообщаютъ другъ другу отвлеченія и какъ ихъ мыслятъ? У нихъ отвлеченія обозначаются по выдающемуся, наиболѣе характерному для нихъ, признаку и мыслятся подъ этимъ признакомъ. Такъ похлопываніе руками на подобіе крыльевъ означаетъ всякую птицу или птицъ вообще; движеніе, которымъ какъ бы становятся на четвереньки, означаетъ звѣрей или четвероногихъ вообще; движеніе, изображающее наливаніе чего нибудь изъ кружки, выражаетъ понятіе жидкости вообще, и воду и чай и ртуть; прикосновеніе къ губамъ обозначаетъ не только красноту губъ, но и красноту неба, картины, платья, цвѣтка, т. е. красноту вообще и т. д. Обозначая подобными знаками не одинъ предметъ, а много и притомъ съ опредѣленной стороны, по извѣстному свойству, глухонѣмые обозначаютъ отвлеченное, общее, которое они мыслятъ подъ формой этихъ знаковъ. Слѣдовательно, существующія у нихъ отвлеченія сопровождаются опредѣленными представленіями наиболѣе характерныхъ чертъ этихъ отвлеченій. Мы утверждаемъ, что нѣчто подобное совершается и въ сознаніи нормальныхъ людей, какъ скоро они мыслятъ обобщенныя отвлеченія.

Обращаясь собственно къ математическимъ отвлеченіямъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ. Отвлеченіе многоугольникъ не есть необходимо опредѣленный многоугольникъ. Мы можемъ вообразить такой многоугольникъ, который имѣетъ для нашего сознанія неопредѣленное количество сторонъ. Разсматриваемый объективно, онъ, конечно, имѣетъ извѣстное число сторонъ и, слѣдовательно, есть опредѣленный многоугольникъ; но для нашего сознанія онъ неопредѣленная фигура, потому что въ данномъ случаѣ для насъ рѣшительно не имѣетъ никакой важности то обстоятельство, сколько въ этомъ многоугольникѣ сторонъ—13, 14 или 12, для насъ важно, чтобы это былъ именно многоугольникъ. Существованіе такихъ представленій неопредѣленныхъ фигуръ не можетъ подлежать сомнѣнію. Положимъ, я сейчасъ сижу противъ стѣны и разсматриваю рисунокъ обоевъ. Онъ мнѣ не нравится—это какіе-то цвѣтки—и я представляю, что было бы лучше вмѣсто цвѣтковъ нарисовать на обояхъ правильныя геометрическія фигуры, напримѣръ, многоугольники. Я бы желалъ, чтобы одинъ многоугольникъ тянулся отъ потолка до пола, чтобы отъ правой руки къ лѣвой онъ занималъ столько же пространства, сколько есть отъ полу до потолка и чтобы каждая сторона его по величинѣ равнялась аршину. Я воображаю этотъ многоугольникъ и мысленно черчу его на стѣнѣ. Утверждать, что въ это время у меня нѣтъ представленія многоугольника, невозможно, я его воображаю;

утверждать, что это есть представленіе не многоугольника вообще, а опредѣленнаго многоугольника, также нельзя, такъ какъ я не знаю числа сторонъ своего воображаемаго многоугольника, не могу высчитать числа его угловъ, да я даже не могу точно сказать, какъ именно велико разстояніе отъ пола до потолка. Да и самъ Тэнъ хотя и утверждаетъ, что общія идеи суть только имена и стремленія называть, вынужденъ однако допустить существованіе образовъ, сопровождающихъ называніе отвлеченій. „Передъ словомъ дерево, особенно если я читаю его медленно и со вниманіемъ, во мнѣ пробуждается смутный образъ, столь смутный, что въ первое мгновеніе я не могу сказать: есть ли это образъ яблони или образъ сосны. Точно также, слыша слово многоугольникъ, я черчу въ себѣ самомъ весьма неясныя линіи, которыя пересѣкаются и стремятся заключить пространство, при чемъ я еще не знаю, будетъ ли рождающаяся фигура четыреугольная или пятиугольная“ [1]).

Каждое психическое пріобрѣтеніе имѣетъ свою основу, свое воплощеніе въ нервной системѣ. Припоминаніе образа означаетъ, что соотвѣтствующій ему нервный элементъ не потерялъ еще полученнаго имъ возбужденія, что оно еще въ немъ сохраняется въ количествѣ или равномъ или превышающемъ необходимый минимумъ, чтобы возникало психическое явленіе. Что же будетъ значить теперь сліяніе образовъ, возникновеніе обобщенныхъ отвлеченій? Оно будетъ значить, что сходныя черты многихъ отдѣльныхъ образовъ возбуждаются въ весьма быстрой послѣдовательности, что возбужденіе съ одного нервнаго элемента весьма быстро переходитъ къ другому, третьему, десятому, сотому и въ нихъ вызываетъ сходную дѣятельность, такой же процессъ возбужденія. Немыслимо образованіе отвлеченій безъ соотвѣтствующей нервной дѣятельности; самое существованіе образа обусловливается сохраненіемъ нервнаго возбужденія и никакая перемѣна въ состояніи и положеніи образа не можетъ совершиться безъ соотвѣтствующей перемѣны въ состояніи и положеніи нервныхъ элементовъ. Слѣдовательно, образованіе отвлеченій неизбѣжно предполагаетъ такое же реальное возбужденіе нервныхъ элементовъ, какъ и ощущеніе и представленіе. Разница въ томъ, что при ощущеніи и представленіи возбуждается небольшое количество нервныхъ элементовъ, а въ процессѣ образованія отвлеченій очень значительное, и это количество бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ общѣе отвлеченіе. Представленія движенія суть несомнѣнно обобщенныя отвлеченія. А между тѣмъ, по изслѣдованіямъ проф. Штрикера,

---

[1]) Объ умѣ и познаніи, т. I, стр. 11.

представленіе движенія неразрывно связывается съ соотвѣтствующими мускульными ощущеніями. Представляя лошадь, тянущую тяжелую повозку, онъ испытываетъ ощущеніе въ области груди и плечъ; представляя поднятіе лѣвой ноги, онъ испытываетъ соотвѣтствующее ощущеніе въ лѣвомъ бедрѣ; представленія движеній неодушевленныхъ предметовъ у него связываются съ ощущеніями глазныхъ мышцъ [1]) и т. д. Такимъ образомъ при отвлеченіи мы имѣемъ не только возбужденіе соотвѣтствующихъ частей нервной системы, но и возбужденіе соотвѣтствующихъ органовъ тѣла. Отвлеченіе является очень реальнымъ.

Относительно обобщенныхъ отвлеченій нужно указать еще слѣдующія черты: отвлеченія легко переходятъ въ частныя представленія—это неизбѣжный процессъ для отвлеченія. Отвлеченіе имѣетъ своимъ основаніемъ одинаковое возбужденіе многихъ нервныхъ элементовъ. Но каждый данный нервный элементъ заключаетъ въ себѣ не только ту частицу возбужденія, которой онъ похожъ на другіе элементы; но онъ заключаетъ цѣлое особенное возбужденіе. Понятно, что какъ скоро въ немъ возникаетъ часть возбужденія, имъ сохраняемаго, то бываетъ готово возникнуть и все то возбужденіе цѣликомъ, часть котораго данное возбужденіе составляетъ. Въ психологіи это будетъ соотвѣтствовать такому явленію: сходныя черты различныхъ представленій, пробуждаясь непосредственно одна за другой въ силу своего сходства, по смежности вызываютъ цѣлые образы, часть которыхъ онѣ составляютъ. Книга философскаго содержанія есть отвлеченіе, образованное изъ многихъ представленій о философскихъ книгахъ. Мысля это отвлеченіе, я испытываю переходъ нервнаго возбужденія отъ одной нервной клѣтки къ другой, съ дѣятельностью которыхъ у меня сочетались представленія объ отдѣльныхъ книгахъ философскаго содержанія. Но какъ скоро возбужденіе касается какой либо клѣтки, то въ сознаніи у меня легко можетъ пробудиться не только представленіе о философичности книги, но и о всей книгѣ цѣликомъ. Поэтому, думая о книгѣ философскаго содержанія, я легко могу перейти своею мыслію къ „Критикѣ чистаго разума“ Канта, „Этикѣ“, Спинозы, „Политикѣ“—Платона.

Изъ самой природы обобщеннаго отвлеченія точно также слѣдуетъ, что отвлеченіе легко можетъ перейти не въ одно частное представленіе, а во многія. То возбужденіе, которое возникаетъ при отвлеченіи, затрогиваетъ многія нервныя клѣтки, дѣятельность которыхъ влечетъ припоминаніе многихъ частныхъ пред-

[1]) Stricker, Studien uber die Bewegungsvorstellungen. Wien, 1882, s. 41—17.

ставленій. Поэтому мы всегда имѣемъ богатый выборъ при замѣнѣ отвлеченія частнымъ представленіемъ. Но, конечно, не каждое изъ частныхъ представленій имѣетъ равную возможность замѣнять отвлеченіе, отвлеченія легче переходятъ въ одни частныя представленія, чѣмъ въ другія. Образы, наиболѣе удобные для замѣны отвлеченія, суть наиболѣе типичные, наиболѣе характерные, въ которыхъ отчетливо отображаются свойства цѣлаго класса вещей, вообще наиболѣе выдающіеся экземпляры класса, долѣе задерживающіе на себѣ наше вниманіе. Поэтому отвлеченіе: философская книга легче перейдетъ въ частное представленіе „Критика чистаго разума“ Канта, или „Логика“ Гегеля, или „Разсужденіе о методѣ“ Декарта, чѣмъ въ какое либо второстепенное философское сочиненіе.

Способность людей удерживать болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ своемъ ссзнаніи отвлеченія и не переводить ихъ въ образы бываетъ очень различна. У нѣкоторыхъ отвлеченіе почти мгновенно переводится въ частное представленіе, у другихъ отвлеченіе долгое время не допускаетъ образы въ сознаніе. Гальтонъ хотѣлъ знать, какія представленія вызоветъ слово лодка. Онъ говорилъ различнымъ лицамъ: „я хочу поговорить съ вами о лодкѣ“. Подобный опытъ привелъ къ слѣдующему результату: одна молодая дѣвушка сказала, что ей тотчасъ же представилась большая, отплывающая отъ берега, лодка, наполненная мужчинами и дамами, причемъ дамы были въ бѣломъ и голубомъ. Другое лицо, имѣющее привычку къ философскимъ сужденіямъ, отвѣтило, что слово лодка не вызываетъ въ немъ никакого опредѣленнаго образа, потому что оно старалось намѣренно воздерживать свой умъ отъ этого, не допуская возникнуть въ немъ конкретному представленію ялика, шлюпки, барки, катера и другихъ мелкихъ судовъ; болѣе того, оно отказывалось думать въ частности о какомъ либо изъ этихъ видовъ и разсматривать его съ какой либо спеціальной точки зрѣнія. У нѣкоторыхъ лицъ отвлеченія связываются, вслѣдствіе дѣтскихъ ассоціацій, съ оригинальными образами, напр., буквы съ различными цвѣтами, такъ что каждое слово въ ихъ воображеніи будетъ разноцвѣтнымъ. Одинъ господинъ объяснилъ Гальтону, что онъ видитъ умственно систему нумераціи въ формѣ волнообразной и разноцвѣтной ленты. Подобныя же ассоціаціи наблюдаются по отношенію къ днямъ, мѣсяцамъ, числамъ [1]).

[1]) Умственныя картины.

X.

Борьба и объединеніе образнаго и отвлеченнаго творчества.

Первоначальное міровоззрѣніе, миѳологическое, фантастическое, разъ возникнувъ, не уступаетъ своего мѣста безъ борьбы міровоззрѣнію реальному, оно желаетъ вытѣснить его изъ сознанія людей, недопустить даже его до возникновенія и развитія. Борьбу между миѳологическимъ и реальнымъ міросозерцаніями можно наблюдать во многихъ странахъ, съ значительною же точностью и послѣдовательностью ее можно наблюдать въ древней Греціи. Борьба шла и развивалась постепенно. Сначала самая сущность миѳологическаго міросозерцанія сомнѣнію не подвергалась, существованіе миѳическихъ героевъ и героинь, ихъ происхожденіе, взаимныя отношенія, подвиги, миѳологическая хронологія, считались совершенно истинными и дѣйствительными; подвергались сомнѣнію и отрицанію только нѣкоторыя частныя сказанія, или глубоко возмущавшія нравственное чувство, или уже слишкомъ странныя и противорѣчивыя. На такой точкѣ зрѣнія стояли греческіе логографы, историки и нѣкоторые поэты временъ блеска Эллады. Историки, напримѣръ, образовавъ въ себѣ навыкъ обращаться съ историческими фактами, будучи постоянно внимательными къ различію между вѣроятнымъ и невѣроятнымъ, между достовѣрнымъ и недостовѣрнымъ, подвергая разсказываемыя событія исторической критикѣ, естественно не могли уже съ дѣтской вѣрой толпы относиться къ миѳамъ. Геродоту и Ѳукидиду многіе миѳическіе разсказы кажутся недостовѣрными, невѣроятными, они ихъ или прямо отрицаютъ, или толкуютъ въ аллегорическомъ смыслѣ. Ѳукидидъ даетъ имъ политическую окраску, напримѣръ, событіямъ изъ троянской войны. Протолковавъ по своему, раціоналистически, миѳъ, Геродотъ иногда прибавляетъ: „но сказанное нами доселѣ да примутъ боги и герои въ добрую сторону“. Въ такой прибавкѣ очевидно выражается борьба двухъ міровоззрѣній: фантастическаго и реальнаго.

Болѣе рѣшительно, чѣмъ логографы, историки и поэты, выступили противъ миѳологіи философы. Они напали уже на самую сущность миѳологическаго міросозерцанія и прямо противопоставили ему иное, отвлеченное. Отецъ философіи, Ѳалесъ, началъ походъ. По гезіодовской теогоніи, Океанъ и Ѳетида суть божественная чета, родители боговъ и другихъ существъ. По Ѳалесу же, вода источникъ всего сущаго и даже самихъ боговъ. Итакъ ми-

ѳологическія божественныя личности начали замѣняться простыми стихіями, считавшимися въ то время элементами. Особенно энергичны и рѣзки нападки на миѳологію были со стороны Ксенофана и элейцевъ. „То, что о богахъ разсказываютъ Гомеръ и Гезіодъ, говорилъ Ксенофанъ, было бы стыдомъ и вѣчнымъ позоромъ для всякаго изъ людей: нарушенные обѣты, кражи и взаимные обманы". О немъ говорили, что онъ разсказывалъ не похоже на то, какъ вѣщали древніе боги. Началась открытая борьба между защитниками миѳологическаго міровоззрѣнія и научнаго. Защитники старины упрекали философовъ въ безбожіи, философы обвиняли своихъ противниковъ въ легковѣріи, въ оскорбленіи божества недостойными представленіями его. Сила была на сторонѣ защитниковъ старины, философы сидѣли въ тюрьмѣ и изгонялись изъ отечества, какъ Анаксагоръ, или прямо предавались смерти, какъ Сократъ.

Конечно, и у философовъ разрывъ между старымъ и новымъ міровоззрѣніемъ совершился не вдругъ, не разомъ. Такъ тотъ же Сократъ раздѣлялъ феномены на два класса: въ одномъ связь предъидущаго съ послѣдующимъ была неизмѣнна и будущее могло быть доступно предвѣдѣнію чрезъ изученіе; другой же классъ явленій, болѣе важный и обширный, оставался во власти боговъ. Ничего неизмѣннаго въ немъ нѣтъ. Узнать будущія событія этого класса было возможно только чрезъ пророчество или другое подобное спеціальное сообщеніе. Чѣмъ далѣе шло развитіе философскихъ идей, тѣмъ первый классъ явленій, по дѣленію Сократа, все увеличивался, да увеличивался, а второй все уменьшался, да суживался, и этотъ процессъ продолжался до тѣхъ поръ, пока второй классъ явленій не сталъ равенъ нулю, а первый не получилъ исключительнаго господства. Уже Гиппократъ, современникъ Сократа, соединилъ оба сократовскіе класса явленій, управляемыхъ и божественными и естественными причинами. Именно онъ полагалъ, что боги суть дѣйствующія причины при происхожденіи каждаго явленія, маленькаго и большаго, важнаго и неважнаго. Они стоятъ въ связи со всѣми явленіями вообще, но спеціально ни съ однимъ, и задача изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы открыть тѣ условія и правила, которыми постоянно опредѣляется дѣйствованіе боговъ и по которымъ ихъ можно предсказывать. Полный разрывъ между старымъ и новымъ міровоззрѣніемъ совершился въ ученіи Эпикура, который утверждалъ, что хотя боги и дѣйствительно существуютъ, но не такъ, какъ представляетъ ихъ толпа. Въ теченіе явленій природы и событій человѣческаго общества они вовсе не вмѣ-

шиваются, они праздные зрители этихъ событій. Не тотъ невѣрующій, говорилъ Эпикуръ, кто отрицаетъ боговъ толпы, но тотъ, кто представляетъ ихъ по народному [1]).

Воззрѣнія, подобныя миѳологическому, существовали не только въ отдаленную отъ насъ древнюю эпоху, но и въ средніе вѣка, а отчасти существуютъ и въ настоящее время. Средніе вѣка имѣли свою полную христіанскую миѳологію и борьба съ нею положительной наукѣ была не легче, чѣмъ борьба съ настоящей миѳологіей древней философіи. Средневѣковая положительная наука такъ же имѣла своихъ мучениковъ, какъ и древняя. Вѣра въ чудесное была въ высшей степени тверда въ средніе вѣка. Мыслители, считавшіеся весьма либеральными, которыхъ обвиняли въ безбожіи, въ подрываніи христіанской религіи, питали убѣжденія въ высокой степени суевѣрныя. Іоганнъ Вейеръ, ученый и талантливый врачъ, былъ обвиняемъ въ томъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ „вооружился противъ Бога“. Между тѣмъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возставать противъ какого либо изъ основныхъ положеній народной вѣры, или даже самому освободиться отъ господствующихъ взглядовъ. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что міръ населенъ толпами демоновъ, постоянно дѣлавшихъ чудесныя вещи между людьми. Онъ далъ даже каталогъ адскихъ начальниковъ и описалъ внутреннее устройство ада. Въ этомъ каталогѣ приводятся имена 72 князей демоновъ, а количество ихъ подданныхъ вычисляется въ 7, 405, 926 дьяволовъ. Все безбожіе Вейера заключалось въ томъ, что онъ, какъ врачъ, былъ убѣжденъ, что многіе, считавшіеся колдунами, были просто сумасшедшіе, и будучи весьма человѣколюбивъ, онъ былъ пораженъ страданіями, которымъ подвергали этихъ несчастныхъ. Онъ хотѣлъ помирить понятіе о повсюдномъ присутствіи демоновъ и объ одержаніи бѣсами съ своимъ убѣжденіемъ, что многія изъ явленій, считавшихся сверхъестественными, происходили отъ болѣзни, что нужно остановить пролитіе невинной крови. На Вейера вооружился одинъ изъ самыхъ передовыхъ умовъ 16 в., Бодэнъ, признаваемый однимъ изъ замѣчательныхъ философовъ въ Европѣ, однимъ изъ талантливѣйшихъ писателей Франціи. Бодэнъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей политической философіи и политической исторіи и относительно этихъ предметовъ онъ предвосхитилъ многіе взгляды настоящаго времени. Онъ обвинялъ Вейера въ нечестіи и безбожіи за то, что тотъ осмѣлился думать, будто, такъ называемые, одержимые суть су-

[1]) Приведенные факты заимствованы изъ Исторіи Греціи Грота.

масшедшіе. Самъ же онъ глубоко вѣрилъ въ колдуновъ, вѣдьмъ, одержаніе бѣсами и т. д. Онъ съ самыми точными и обстоятельными подробностями и съ самой твердой увѣренностью разсказываетъ весь ходъ шабашей вѣдьмъ, способы, употребляемые вѣдьмами для летанія по воздуху, ихъ превращенія, ихъ тѣлесныя сообщенія съ дьяволомъ, различныя средства, какія употребляютъ онѣ для причиненія зла своимъ врагамъ, признаки, ведущіе къ ихъ открытію, ихъ признаки при осужденіи и ихъ поведеніе на кострѣ. Говоря о трактатѣ Вейера, Бодэнъ едва можетъ найти слова, чтобы выразить удивленіе и негодованіе, съ которыми онъ читалъ эту книгу. Она есть „сплетеніе ужасающихъ богохульствъ", „ни одинъ человѣкъ, сколько нибудь дорожащій почтеніемъ къ Богу, не можетъ читать такихъ богохульствъ безъ справедливаго гнѣва" [1]). Словомъ воображеніе, разъ занявъ главенствующее положеніе, позднѣе не уступаетъ своего мѣста и разсудку приходится брать принадлежащее ему съ бою. Во многихъ умахъ реальные положительные процессы далеки и теперь отъ торжества надъ процессами воображенія, но во многихъ образное и отвлеченное мышленіе работаетъ дружно, совмѣстно. Только ихъ соединеніе можетъ довести творческіе процессы человѣка до высшей, возможной для нихъ, ступени развитія. Средства образнаго творчества, взятаго отдѣльно, самого по себѣ, исчерпываются увеличеніемъ даннаго въ опытѣ, мѣной признаковъ и идеализаціей, воображеніе дальше итти само не можетъ; но, соединяясь съ отвлеченнымъ научнымъ мышленіемъ, оно дѣлаетъ новый и весьма важный шагъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Научное отвлеченное мышленіе, само по себѣ, также ограничено, помощью однихъ своихъ средствъ оно видитъ тускло и гадательно то, что, при содѣйствіи воображенія, можетъ быть представлено отчетливо и даже ярко. Разсмотримъ ближе, что воображеніе даетъ уму и что умъ воображенію.

По своему личному опыту и наблюденію, мы знаемъ ничтожную часть земли и міра: то мѣстечко, городъ, село, въ которомъ живемъ, съ его рѣчками, холмами, озерами; тѣ растенія и животныхъ, которыя тутъ водятся; тѣхъ людей, тотъ бытъ, который видимъ вокругъ; тѣ звѣзды, какія есть на нашемъ небѣ. Поэтому и міровоззрѣніе, строго реальное, должно бы имѣть своимъ предметомъ только этотъ маленькій мірокъ, ограничиваться его тѣсными предѣлами, процессъ представленій и идей долженъ былъ бы всецѣло покоиться на этомъ узенькомъ фун-

[1]) Лекки, Исторія раціонализма въ Европѣ. Пер. Пыпина, т. I, стр. 74—77.

даментѣ. Но этого не бываетъ: мы, никогда далеко не выѣзжавшіе, можетъ быть, изъ родной деревни или города, говоримъ и о тропикахъ и о сѣверномъ полюсѣ, разсказываемъ о никогда не виданныхъ животныхъ и растеніяхъ, о буряхъ на морѣ, о горахъ, уходящихъ въ облака, о томъ, какъ жили въ старину различные народы, какія учрежденія имѣли; знакомые реально съ ничтожнымъ клочкомъ земли, съ ничтожнымъ количествомъ времени, мы объемлемъ мыслью вселенную, говоримъ о безконечныхъ міровыхъ пространствахъ, о милліонахъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ совершались космическіе процессы. Откуда все это? Въ строго реальномъ міровоззрѣніи подобныхъ элементовъ нѣтъ. Это все построенія воображенія на основаніи данныхъ реальнаго міровоззрѣнія. Тѣ маленькія реальныя данныя, которыя получены нами путемъ личнаго опыта, мы воображеніемъ безконечно увеличиваемъ и такимъ образомъ построеваемъ вселенную, и настоящую и прошлую. Чтобы представить себѣ громадные размѣры вселенной, я отправляюсь отъ того реальнаго пространства, которое мнѣ лично и непосредственно извѣстно, и увеличиваю его во много разъ; чтобы представить себѣ продолжительность геологическихъ переворотовъ, я исхожу изъ понятія о тѣхъ немногихъ десяткахъ лѣтъ, которые я прожилъ и ихъ увеличиваю; чтобы представить себѣ бытъ и жизнь древнихъ исчезнувшихъ народовъ, я отправляюсь отъ современнаго быта и обстановки. Другого пути представить себѣ вселенную прошлую или настоящую нѣтъ. Правда, можно сказать, что факты о землѣ, о народахъ, ее населявшихъ и населяющихъ, ея флорѣ и фаунѣ и т. п. мы получаемъ отъ различныхъ наблюдателей и ихъ намъ нужно просто усвоить, а не создавать. Но подобное усвоеніе есть уже построеніе. Какъ я могу представить себѣ то, чего никогда не наблюдалъ? Единственно процессомъ построенія.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на практическое творчество. Мы не довольствуемся тѣмъ, что дано намъ природой и общественностью, мы стараемся улучшить и природу и жизнь общественную, вступаемъ въ борьбу съ различными естественными и соціальными препятствіями. Мы создаемъ различныя удобства жизни—строимъ дома, проводимъ дороги, осушаемъ почву, создаемъ ремесла и различныя орудія производства, различные общественные и государственные институты, воспитательныя системы; мы пишемъ проэкты о прекращеніи войнъ, объ уничтоженіи бѣдности, мечтаемъ о лучшемъ матеріальномъ и умственномъ положеніи человѣчества, словомъ выдумываемъ различныя „утопіи“. Во всѣхъ подобныхъ дѣятельностяхъ мы выходимъ за

предѣлы строго реальнаго міровоззрѣнія, мы возвышаемся надъ дѣйствительностію, мы улучшаемъ дѣйствительнесть или пытаемся улучшить, согласно съ своими идеальными, теоретическими построеніями. Въ подобныхъ построеніяхъ главное мѣсто принадлежитъ воображенію, конечно, подъ контролемъ и на почвѣ реальныхъ данныхъ.

Итакъ наши реальныя знанія постоянно пополняются творческой работой воображенія. Разсмотримъ теперь частнѣе элементы и отдѣльныя направленія этой пополнительной работы воображенія.

Въ нашемъ знаніи, въ нашемъ реальномъ міровоззрѣніи есть много пробѣловъ, полосы знанія чередуются въ немъ съ полосами незнанія. По мѣрѣ развитія наукъ, пробѣлы пополняются, знанія становятся цѣльнѣе и связнѣе; но до надлежащей полноты и цѣльности знаній въ настоящее время еще далеко. А, между тѣмъ, нашему уму пробѣлы въ знаніи тягостны, мы стремимся къ знанію полному, законченному, цѣлостному и на мѣсто недостающаго знанія ставимъ догадки, предположенія, фантазіи.— Кромѣ обыкновенныхъ реальныхъ умственныхъ запросовъ и потребностей, разрѣшаемыхъ и удовлетворяемыхъ положительной наукой, у насъ есть еще вопросы и потребности болѣе сложнаго и высокаго порядка, разрѣшенія и удовлетворенія которыхъ мы не находимъ въ положительной наукѣ. Это потребности философско-религіознаго характера, метафизическіе вопросы. Многими указанная категорія вопросовъ считается не подлежащей научному изслѣдованію и рѣшенію и пробѣлъ не пополнимымъ. А, между тѣмъ, метафизическіе вопросы живо и глубоко интересовали и интересуютъ все человѣчество—въ философской или религіозной формѣ ихъ постановки и рѣшенія,— неодолимо влекутъ его къ себѣ. Человѣкъ не въ состояніи противиться искушенію — попытаться проникнуть въ эти запретныя, заповѣдныя для позитивнаго ума, сферы, можетъ быть онѣ и познаваемы. Результатомъ этого стремленія являются идеальныя, фантастическія построенія.—Постройка реальнаго міровоззрѣнія имѣетъ цѣлью дать намъ пониманіе дѣйствительныхъ явленій: законы, формулы, обобщенія и отвлеченія въ немъ играютъ весьма видную роль; чувствованія, которыя возбуждаются въ насъ различными фактами дѣйствительности, игнорируются реальнымъ міровоззрѣніемъ. А такое общее и сухое построеніе міра не удовлетворяетъ насъ, мы желаемъ видѣть міръ во всемъ богатствѣ и разнообразіи его конкретныхъ явленій, со всѣми волненіями, возникающими въ душѣ человѣка при видѣ конкретныхъ явленій міра. Эта потребность удовлетворяется художественнымъ изображеніемъ міра.

Такимъ образомъ чисто реальное міровоззрѣніе не можетъ удовлетворить всѣмъ запросамъ мыслительности человѣка. Кромѣ строго реальныхъ умственныхъ интересовъ есть еще другіе, близко родственные научнымъ и соприкасающіеся постоянно съ ними, интересы, не менѣе настоятельные и важные, чѣмъ и научные. Какъ же мы удовлетворяемъ этимъ, болѣе сложнымъ и высокимъ, психическимъ интересамъ, какими процессами? Помощію тѣхъ процессовъ, которые называются воображеніемъ, построеніемъ идеальнаго міровоззрѣнія.

Изъ указанія трехъ направленій дѣятельности воображенія —пополненія пробѣловъ реальнаго знанія, разрѣшенія метафизическихъ вопросовъ и художественнаго воспроизведенія дѣйствительности—легко можно видѣть, что воображеніе (идеальное міровоззрѣніе) множествомъ нитей переплетается съ разсудкомъ (реальное міровоззрѣніе), можетъ оказывать ему существенныя услуги, будучи въ союзѣ съ нимъ, и можетъ значительно затруднять его, вступая съ нимъ въ борьбу, ставя свои образы на мѣсто разсудочныхъ продуктовъ. Нашъ умъ стремится къ цѣлостному, связному знанію, но фактически такая цѣлостность въ настоящее время невозможна, вслѣдствіе обширныхъ пробѣловъ въ нашемъ знаніи, и долгое время будетъ еще невозможна. Пробѣлы временно мы пополняемъ воображеніемъ, на мѣсто недостающаго знанія ставимъ предположенія, догадки, просто фантазіи. Очевидно, въ данномъ случаѣ фантазія и разсудокъ должны идти рука объ рука, воображеніе помогать разсудку. Но эта помощь можетъ быть важна и дѣйствительна только тогда, когда картины, создаваемыя воображеніемъ, опираются на данныя положительнаго знанія, а не сочиняются самопроизвольно. Въ послѣднемъ случаѣ между характеромъ положительнаго знанія и характеромъ пополненія пробѣловъ его не будетъ гармоніи и пробѣлы не только не пополнятся такимъ путемъ, но, напротивъ, будутъ зіять еще рѣзче. Затѣмъ, по мѣрѣ расширенія области положительнаго знанія, сфера дѣятельности воображенія должна сокращаться, воображеніе должно отступать безъ сопротивленія предъ нашествіемъ разсудка. Если же воображеніе будетъ видѣть въ своихъ созданіяхъ нѣчто твердое и постоянное, что должно существовать вѣчно, оно вмѣсто пользы принесетъ вредъ научному мышленію. Поэтому весьма важно всегда точно опредѣлять границу, до которой простирается положительное точное знаніе, и начало, и предѣлы того пробѣла, который восполняется воображеніемъ, тѣмъ болѣе, что образы воображенія по своему типу и характеру могутъ иногда быть очень похожими на продукты разсудочной дѣятельности.

Картины, создаваемыя воображеніемъ относительно бытія, положительной наукой не познаваемаго, собственно не затрогиваютъ интересовъ разсудка, лишь бы только всегда ясной держалась въ сознаніи грань между научно познаваемымъ и научно не познаваемымъ, лишь бы продукты фантазіи не выдавались за продукты разсудка. Послѣдній случай бываетъ нерѣдко, тогда происходитъ смѣшеніе фантастическаго и научнаго, что очень вредитъ строго научному мышленію, задерживаетъ успѣхи положительнаго знанія, сбивая умъ съ надлежащаго пути, обольщая его мнимо точными знаніями непознаваемаго.

Созданіе идеаловъ и отображеніе дѣйствительности въ художественной формѣ — дѣятельность высоко важная, имѣющая вліяніе на весь складъ и теченіе психическаго развитія. Было бы, очевидно, прискорбно, если бы воображеніе отрѣшилось въ данномъ случаѣ отъ союза съ разсудкомъ, отказалось отъ его помощи и критическихъ указаній. Тогда пострадала бы не только эта спеціальная функція—идеально-художественная, но и все вообще психическое развитіе.—Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о воображеніи, войдемъ въ обсужденіе частныхъ вопросовъ.

Потребность въ пополненіи точнаго знанія воображеніемъ бываетъ особенно чувствительна въ то время, когда настоящее знаніе только начинается, когда оно представляетъ почти одинъ большой пробѣлъ. Тогда волей-неволей приходится прибѣгать къ помощи воображенія, въ противномъ же случаѣ нужно отказаться отъ всякаго пониманія и объясненія явленій. Отсюда мы уже прямо можемъ заключить, что воображеніе будетъ занимать первое мѣсто въ ряду умственныхъ дѣятельностей въ отдаленныя доисторическія времена, когда наука и искусство едва-едва начинались, на первыхъ порахъ жизни отдѣльныхъ личностей, когда положительныя знанія еще не могли быть пріобрѣтены, и при умственномъ убожествѣ и невѣжествѣ, ограничивающемся самымъ скуднымъ запасомъ положительнаго знанія. Въ дѣйствительности это такъ было и бываетъ. Первоначальное міровоззрѣніе человѣчества было не научное, а миѳологическое, т. е. фантастическое. Во времена созданія миѳовъ точныхъ знаній не было, положительное мышленіе почти не существовало, а такъ или иначе понять и объяснить явленія было необходимо. Наша потребность знанія и пониманія не ждетъ терпѣливо того времени, когда явится возможность научнаго объясненія фактовъ, она, какъ и всякая другая настоятельная потребность, требуетъ удовлетворенія сейчасъ же, немедля. И вотъ, подъ давленіемъ этой

умственной потребности, пробѣлъ въ нашемъ знаніи наполняется и на мѣсто положительнаго міровоззрѣнія создается миѳологическое.

Подобное же явленіе бываетъ и въ дѣтствѣ. Ребенокъ стоитъ лицомъ къ лицу съ явленіями, которыхъ не понимаетъ и по существу понять не можетъ, а между тѣмъ уйти отъ нихъ некуда, нельзя преградить доступъ впечатлѣніямъ къ органу мышленія. Любознательность пробуждается, ребенокъ постоянно обращается къ окружающимъ съ вопросами, нерѣдко спрашиваетъ о вещахъ очень трудныхъ и сложныхъ. Нужно во чтобы то ни стало и такъ или иначе удовлетворить любознательности и вотъ снова создается міровоззрѣніе, до нѣкоторой степени напоминающее миѳологическое и такимъ образомъ потребность удовлетворяется и пробѣлъ пополняется.

Люди необразованные, не имѣющіе значительнаго запаса положительныхъ знаній и немогущіе, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, пополнить его, также по необходимости должны постоянно прибѣгать къ услугамъ своего воображенія, потому что другого пути, хотя къ какому либо пониманію явленій, для нихъ нѣтъ. И извѣстно, что въ необразованной средѣ всевозможные нелѣпые слухи и противорѣчащія всѣмъ законамъ событія пользуются чрезвычайно твердой вѣрой, какъ самые обыденные факты.

Считаемъ не лишнимъ здѣсь же замѣтить, что указанный фактъ преобладающей роли воображенія въ первое время жизни человѣчества и человѣка не свидѣтельствуетъ о какой либо необычайной силѣ воображенія и о позднѣйшемъ ослабленіи его. Въ указанныхъ условіяхъ мы видимъ полную невозможность еще строго реальнаго мышленія, каковая невозможность обусловливаетъ широту дѣятельности воображенія; въ подобныхъ фактахъ обнаруживается, прежде всего, слабость разсудка, а не сила воображенія. Воображеніе же въ то время является, разсматриваемое само по себѣ, также слабымъ и несовершеннымъ, оно сильно развѣ только потому, что въ данное время въ наличности не имѣется превосходящаго его по энергіи мыслительнаго процесса, словомъ потому, почему „на безрыбьи и ракъ рыба“.

Съ развитіемъ науки, съ сокращеніемъ пробѣловъ въ системѣ положительнаго знанія, дѣятельность воображенія въ указанномъ направленіи становится менѣе объемистой и менѣе значительной. Но такъ какъ въ наукахъ, и особенно касающихся человѣка и человѣческаго общества, пробѣловъ еще много и въ настоящее время, то естественно, что воображеніе и понынѣ важный факторъ въ научномъ мышленіи. Безъ пополненія пробѣловъ въ системѣ

положительнаго знанія воображеніемъ, знаніе является недостаточно связнымъ и цѣлостнымъ; воображеніе, связывая кольца разорванной цѣпи, нерѣдко дѣлаетъ чрезвычайно удачныя сближенія и предположенія, наводитъ на богатыя мысли и открытія. Поэтому великій ученый нашихъ дней немыслимъ безъ могучаго воображенія; воображеніе, сдерживаемое въ границахъ и старающееся ближе держаться почвы разсудка, не врагъ ученаго, а незамѣнимый другъ и пособникъ, безъ помощи котораго невозможно сдѣлать ничего важнаго въ наукѣ. Всѣ открытія и изобрѣтенія суть первоначально фантазіи, провѣренныя же разсудкомъ они становятся научными истинами и законами. Существованіе свѣтоваго эѳира и атомовъ въ настоящее время принимается всѣми, а между тѣмъ ихъ, конечно, никто и никогда не наблюдалъ, они просто суть фантазіи, вполнѣ сообразныя съ научными формулами и выводами разсудка.

Если съ расширеніемъ области положительнаго знанія дѣятельность воображенія, какъ пополнителя пробѣловъ научной системы, сокращается, то есть такая область, въ которой власть его велика и въ настоящее время—это область метафизики. Можно ли въ настоящее время строго научнымъ путемъ рѣшить вопросъ о сущности бытія? Что такое, такъ называемая, матерія и, такъ называемый, духъ сами по себѣ и каково въ концѣ концовъ ихъ отношеніе другъ къ другу? Какъ мы должны представлять себѣ первоисточникъ жизни вселенной и постепенное развитіе жизни? Это такого рода вопросы, которые въ настоящее время далеко превышаютъ всякое строго научное изслѣдованіе. Извѣстно, что указанные вопросы издавна привлекали къ себѣ любознательность человѣка и попытокъ ихъ рѣшенія сдѣлано очень много, попытокъ весьма разнообразныхъ. Между тѣмъ эти вопросы въ настоящее время по существу такъ же далеки отъ своего рѣшенія, какъ тысячу или двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

Само собой разумѣется, что при разрѣшеніи метафизическихъ вопросовъ собственно разсудочная дѣятельность имѣетъ большое значеніе. Она фундаментъ метафизическихъ построеній и критерій ихъ провѣрки. Цѣнность метафизическихъ построеній въ исторіи умственнаго развитія человѣчества обусловливается главнымъ образомъ двумя обстоятельствами: а) широтою научнаго фундамента и стремленіемъ философа держаться или ближе или дальше отъ положительнаго знанія; б) широтою и смѣлостью творческаго синтеза. Если метафизикъ приступаетъ къ созданію своего построенія, будучи мало знакомъ съ состояніемъ современной науки, то какое же значеніе будетъ имѣть продуктъ его творчества? Общіе

вопросы, каковы всѣ метафизическіе, могутъ быть рѣшены сколько нибудь основательно только послѣ рѣшенія частныхъ; а если частные вопросы далеко не во всемъ своемъ объемѣ знакомы данному лицу, то очевидно, что рѣшеніе общихъ вопросовъ, включающихъ частные, будетъ не устойчивымъ, малообоснованельнымъ, какъ покоющееся на весьма не широкомъ фундаментѣ.

Кромѣ обширнаго и основательнаго знакомства съ современной наукой, при постройкѣ философской системы весьма важно стремленіе держаться или какъ можно ближе данныхъ наукъ, желать гармоніи съ ними, или же не особенно объ этомъ заботиться. Если пренебрегать провѣркой положительной науки, освободиться совсѣмъ отъ ея требованій и обязательствъ, то можетъ получиться система въ высшей степени странная, причудливая, совсѣмъ не могущая помириться съ несомнѣнными данными современной науки. Нужно помнить, что метафизическіе вопросы суть наиболѣе высокіе и общіе объединительные вопросы нашего знанія и рѣшеніе ихъ должно подчиняться, въ концѣ концовъ, обыкновеннымъ логическимъ, психологическимъ и вообще научнымъ правиламъ.

Творческій синтезъ въ широкомъ размѣрѣ необходимъ для построенія метафизическихъ системъ. Сущность метафизики въ томъ и состоитъ, чтобы отдѣльныя положительныя науки объединить между собою, изъ всѣхъ наукъ создать одно стройное гармоническое цѣлое. Для этого должны быть взяты основныя данныя отдѣльныхъ наукъ и синтезированы; синтезъ же долженъ быть не механическій, онъ долженъ проникаться и оживляться руководящей идеей, принципомъ. Выполненіе подобной работы безъ могучей способности широкаго творческаго синтеза невозможно.

Въ отдѣльныхъ метафизическихъ системахъ одинъ изъ указанныхъ двухъ элементовъ—или научно-философскій или построительно-синтетическій—можетъ преобладать, вслѣдствіе чего система получитъ особенную окраску: будетъ являться или по преимуществу систематизаціей отрывочныхъ данныхъ положительнаго знанія и приближаться къ строгому позивитизму, при преобладаніи перваго процесса, или же собственно будетъ построеніемъ, смѣлой игрой нашего ума въ синтетическомъ направленіи и будетъ приближаться къ мистицизму, при преобладаніи второго изъ указанныхъ процессовъ. Позитивизмъ и мистицизмъ—двѣ крайнія точки въ развитіи метафизическихъ построеній.

Что касается третьяго вида помощи воображенія нашему уму при пониманіи явленій—художественнаго воспроизведенія дѣйствительности, то объ этомъ уже была рѣчь.

Умъ, получая много отъ воображенія, много и даетъ ему въ

свою очередь. Воображеніе есть мышленіе образами, есть теоретическая живопись, а источникомъ этой живописи служатъ образы, получаемые изъ опыта. Въ своихъ построеніяхъ воображеніе постоянно остается на почвѣ опыта, связано имъ. Если воображеніе будетъ особенно стремиться къ тому, чтобы въ своихъ построеніяхъ уйти, какъ можно дальше, отъ данной дѣйствительности, оно легко можетъ изнемочь подъ тяжестью задачи и потерять свой характеръ образнаго мышленія. Стараясь нарисовать намъ безмѣрность пространства вселенной или изобразить свойства существа безконечнаго, представить чисто духовное бытіе, воображеніе должно прибѣгнуть или къ простымъ опытнымъ даннымъ, далеко не полно выражающимъ желаемое, или же къ какимъ либо символамъ, чуждымъ настоящей образности. Представить величественные размѣры вселенной мы не въ состояніи, не въ состояніи вообразить себѣ жизнь и свойства верховнаго существа иначе, какъ въ формѣ человѣческой жизни, не въ состояніи представлять и чисто духовное бытіе, такъ какъ не знаемъ ничего подобнаго въ нашемъ опытѣ. Оковы опыта—это такія оковы, отъ которыхъ воображеніе, по самой своей природѣ, всецѣло освободиться никогда не можетъ. Поэтому картины, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ различныхъ мистиковъ и имѣющія своимъ предметомъ безконечное существо и духовное бытіе, поражаютъ часто чувственнымъ характеромъ, полнымъ несоотвѣтствіемъ выраженія и образовъ съ трактуемой задачей (напр. миѳы въ философіи Платона), а съ другой стороны—неудержимо стремятся перейти въ простой символизмъ и аллегорію.

Мышленіе у насъ можетъ совершаться не только помощью образовъ, но и посредствомъ знаковъ, замѣняющихъ образы, звуковъ, жестовъ и т. п.; знаковое мышленіе, по самому своему существу, есть мышленіе отвлеченное и непосредственно съ опытными образами не связанное. Такому мышленію наше сознаніе обязано многими новыми явленіями. Только знаковое мышленіе вноситъ въ нашъ умъ отрицаніе. При мышленіи образами, одинъ образъ становится на мѣсто другаго, одно свойство замѣняется другимъ, но простого отрицанія безъ замѣны никогда не бываетъ. Поэтому дѣти довольно долгое время не понимаютъ логическаго отрицанія и знакомъ отрицанія—качаніемъ головой—скорѣе выражаютъ нежеланіе или нерасположеніе, чѣмъ логическое отрицаніе. Одно дитя только въ концу 3-го года начало составлять отчетливыя отрицательныя продолженія [1]). Отрицательнымъ зна-

[1]) Селли, Основанія психологіи, стр. 236.

комъ мы создаемъ небытіе, нетѣлесность, безконечныя свойства высшаго существа, хотя ничего подобнаго представить и не можемъ, не смотря на всѣ усилія воображенія. Въ природѣ вообще, и соотвѣтственно ей въ образномъ мышленіи, нѣтъ противорѣчія, а есть только противоположность.—Посредствомъ знаковаго мышленія, мы можемъ гадать о такихъ формахъ жизни и дѣятельности, которыя совершенно несвойственны нашей настоящей организаціи, напр. о мышленіи внѣ пространства и времени, о мышленіи по другимъ логическимъ законамъ, чѣмъ наши, о новой вселенной съ другими свойствами и т. д. Но всѣ эти гаданія, не имѣя возможности облечься въ сколько нибудь осязательные образы, всегда будутъ чрезвычайно темны и неопредѣленны; если же они облекутся въ формы данной дѣйствительности, то исчезнетъ новизна и предъ нами явится нашъ прежній старый міръ. Не стѣсненнное такъ опытными ассоціаціями, какъ воображеніе, знаковое мышленіе вообще гораздо свободнѣе, смѣлѣе. Если оно не согласуется и даже противорѣчитъ опыту, то противорѣчіе не такъ насъ поражаетъ, какъ нескладица въ построеніяхъ воображенія. Съ разнообразными и грубѣйшими логическими противорѣчіями мы уживаемся легко и спокойно, даже не замѣчаемъ ихъ, а представленіе розовой лошади всѣ найдемъ совершенно нелѣпымъ и почти столь же невыносимымъ, какъ и представленіе сапогъ всмятку. Вслѣдствіе этого знаковое мышленіе можетъ впадать въ гораздо большія несообразности и противорѣчія, чѣмъ образное, но за то оно же скорѣе можетъ напасть и на какую нибудь оригинальную идею. Первые зародыши новыхъ мыслей обыкновенно возникаютъ въ мышленіи знаковомъ, а потомъ уже облекаются въ образы, оттого первые проблески открытій и изобрѣтеній и бываютъ такъ темны даже для ихъ творцовъ. По мѣрѣ облеченія въ образы, идея разъясняется все больше и больше. Даже первыя основы художественныхъ произведеній нерѣдко даются знаковымъ мышленіемъ.

Чѣмъ ближе знаковыя сочетанія къ дѣйствительнымъ ассоціаціямъ, тѣмъ скорѣе они облекаются въ образы; чѣмъ различнѣе отъ нихъ, дальше, тѣмъ труднѣе. Если требуется, согласно знаковой комбинаціи, измѣнить какое либо основное представленіе, прибавить, напр., новое измѣреніе въ пространствѣ, то воображеніе прямо отказывается слѣдовать за знаковымъ мышленіемъ, потому что въ настоящемъ опытѣ нѣтъ никакихъ элементовъ для построенія четырехмѣрнаго пространства; если же знаковое мышленіе требуетъ только измѣненія, хотя бы и значительнаго, даннаго въ опытѣ, напр., представленія пространства

не плоскимъ, а сферическимъ или псевдо-сферическимъ, то такое построеніе возможно. Съ постепенными усиліями и упражненіями, совершаемыми въ теченіе цѣлыхъ рядовъ поколѣній, съ отысканіемъ и указаніемъ нѣкоторыхъ опытныхъ данныхъ, нужныхъ для желаемаго построенія, первоначальныя трудности, поставляемыя знаковымъ мышленіемъ воображенію, мало по малу устраняются и воображеніе пробиваетъ новое русло для своего творчества, постоянно сохраняя хотя бы непрямую связь съ окружающимъ міромъ явленій.

Не нужно представлять знаковое и образное мышленія совершенно различными и раздѣльными. Знаки суть знаки представленій, образовъ, послѣдній корень и знаковаго мышленія есть опытъ. Если знаковое мышленіе совсѣмъ оторвется отъ опытной почвы и займется исключительно изученіемъ знаковыхъ сочетаній, не заботясь о томъ, могутъ ли быть примѣнены знаковыя сочетанія къ объясненію дѣйствительнаго міра, тогда оно станетъ безплодной умозрительной игрой. Знаковыя сочетанія, подъ которыя невозможно подставить дѣйствительныхъ ассоціацій, суть тоже, что бумажныя деньги, которыхъ нельзя промѣнять на золото и серебро. Такія бумажныя деньги—простая печатная бумага, не имѣющая большой цѣны; знаковыя сочетанія безъ соотвѣтствующихъ ассоціацій — малоцѣнная умозрительная игра. Впрочемъ въ дѣйствительности знаковое и образное мышленія идутъ обыкновенно рука объ руку, перемѣшиваются, то одно беретъ верхъ, то другое. Въ полной чистотѣ и исключительности они никогда не встрѣчаются. Дитя, образуя понятіе объ окружающемъ его мірѣ, одновременно запоминаетъ и представленія и знаки представленій — слова, такъ что у него параллельно образуется двойная ассоціація, образная и знаковая; философъ, мысля знаки, воспроизводитъ въ тоже время въ большей или меньшей мѣрѣ и самыя представленія, разумѣемыя подъ знаками.

Такимъ образомъ воображеніе по самой своей природѣ ограничено элементами дѣйствительности и, въ строгомъ смыслѣ слова, идти далѣе ихъ, перешагнуть эту границу, не можетъ; знаковое же мышленіе не связывается необходимо дѣйствительностью, потому оно идетъ дальше опыта и старается увлечь за собой воображеніе, которое слѣдуетъ за нимъ, насколько можетъ, пробивая новыя русла своему творчеству и все же сохраняя связь съ дѣйствительностію.

Развиваясь, знаковое мышленіе внѣдряетъ въ умъ новыя логическія начала и правила мышленія, создаетъ и утверждаетъ

новые пріемы, вслѣдствіе чего прежній образный способъ мышленія въ нѣкоторыхъ частяхъ становится непонятнымъ, страннымъ; то, что прежде легко представлялось, съ теченіемъ времени оказывается непредставимымъ. Мышленіе дикаря, образное и чувственное, намъ кажется крайне нелѣпымъ, противорѣчивымъ, невозможнымъ: уничтоженіе матеріи и силы, отсутствіе постояннаго и опредѣленнаго порядка въ смѣнѣ явленій, превращеніе существъ одного въ другое, крайне тупая чувствительность ума къ самымъ рѣзкимъ противорѣчіямъ—все это насъ поражаетъ; часто намъ весьма плохо понятно мышленіе ребенка, переходы его мыслей и основанія сужденій. Оно кажется намъ какимъ то страннымъ, какъ будто и не есть мышленіе. Наше пониманіе мыслительности животныхъ, покоющейся несомнѣнно на образахъ, еще менѣе правильно и болѣе затруднительно, чѣмъ пониманіе мышленія дѣтей. Мы можемъ такъ освоиться съ какой либо научной истиной, даже недавно открытой, что несоотвѣтствующій ей способъ представленія считать совершенно невозможнымъ. Англійскій ученый Уэвель говоритъ: „дѣйствительно, можемъ ли мы себѣ представить соединенія иначе, какъ опредѣленными въ родѣ и качествѣ?.. Мы не можемъ представить себѣ міръ, въ которомъ бы этого не было". Д. С. Милль справедливо замѣтилъ по поводу этого мнѣнія: „и такъ философъ, столь замѣчательный, какъ Уэвель, важно утверждаетъ, что мы не можемъ представить себѣ міра, въ которомъ простыя тѣла соединялись бы иначе, какъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ. Размышленіемъ о научной истинѣ, открытіемъ которой мы обязаны человѣку еще живому, этотъ философъ сдѣлалъ ассоціацію между идеей соединенія и идеей о постоянныхъ пропорціяхъ до такой степени обычною и близкою своему уму, что сталъ неспособенъ представлять одно безъ другаго" [1]).

Если знаковое мышленіе дѣйствовало разлагающимъ образомъ на прежнее образное міровоззрѣніе и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сократило сферу воображенія, то, съ другой стороны, оно, принявъ на себя руководство воображеніемъ, значительно расширило предѣлы его творчества, оно научило воображеніе по нѣсколькимъ остаткамъ возсоздавать картину цѣлаго, постоянно провѣряя каждый шагъ его творчества своими соображеніями и выводами. Отъ давнымъ давно вымершихъ націй, старыхъ цивилизацій, построекъ, отъ перемѣнъ въ развитіи органической жизни на землѣ, отъ переворотовъ въ исторіи образованія земной

[1]) Логика, 8, 274—275.

коры, планетъ, всей вселенной мы имѣемъ только остатки, обломки, разрозненныя части, но, не смотря на это, владѣемъ въ настоящее время наглядными изображеніями всѣхъ этихъ никогда невиданныхъ процессовъ и переворотовъ, націй и цивилизацій. Въ настоящее время мы не ограничиваемся, въ пониманіи какого либо давно минувшаго событія, отвлеченной идеей, но желаемъ имѣть эту идею выраженною въ рядѣ соотвѣтствующихъ образовъ и получаемъ желаемое. Прежде люди хотя и могли представить себѣ, что земля кругла и что есть антиподы, но никакъ не могли осмыслить этого представленія, имъ казалось, что трава и деревья на другой сторонѣ земли должны висѣть внизъ, что у тамошнихъ людей ноги выше головъ и что всѣ вещи съ той стороны земли непремѣнно должны попадать. Вслѣдствіе этого представленіе о шарообразности земли извѣстный въ свое время писатель Лактанцій называлъ „нелѣпымъ мнѣніемъ". Но пришла наука, устранила кажущуюся нелѣпость и дала возможность представленію о шарообразности земли и антиподахъ сдѣлаться стройнымъ, разумнымъ и доступнымъ для ума.

Опираясь на данныя науки и постоянно провѣряемое ея выводами, образное творчество можетъ идти очень далеко, можетъ давать намъ совершенно новыя картины природы и жизни людей, картины не пустыя, представляющія результатъ игры празднаго воображенія, а картины разумныя, построенныя строго по извѣстному принципу. Усилія воображенія, направленныя въ эту сторону, могутъ дѣлать для насъ представимыми такія вещи, которыхъ прежде мы вообразить не могли, самая способность воображенія будетъ совершенствоваться и возрастать. Такъ, напр., принимая исходнымъ пунктомъ построенія измѣненіе какого либо существеннаго условія въ міровой или человѣческой жизни, мы, строго логически и законосообразно, при извѣстномъ количествѣ усилій воображенія, можемъ создать новую вселенную. Скорость воспріятій и обусловленная ею скорость умственной жизни у животныхъ пропорціональна скорости ихъ пульсаціи. Такъ какъ у кролика, напр. пульсація совершается вчетверо скорѣе, чѣмъ у быка, то кроликъ въ одно и тоже время вчетверо скорѣе воспринимаетъ впечатлѣнія, вчетверо скорѣе въ состояніи проявить свою дѣятельность и вообще вчетверо болѣе переживаетъ, чѣмъ быкъ. Внутренняя жизнь различныхъ видовъ животныхъ и человѣка протекаетъ въ одни и тѣже астрономическіе промежутки времени со специфически-различною скоростію и, сообразно съ тѣмъ, соразмѣряется субъективная мѣра времени у каждаго изъ этихъ существъ. Только потому, что наша мѣра сравнительно невелика,

намъ представляется постояннымъ въ своей величинѣ и формѣ растеніе или животное; мы можемъ въ теченіе одной минуты видѣть его сто и болѣе разъ, не замѣчая никакого внѣшняго измѣненія. Если же мы допустимъ, что наша пульсація и съ нею способность воспріятія значительно ускорились или замедлились, то необходимо будетъ допустить и соотвѣтственное измѣненіе нашихъ представленій. Положимъ. что вся наша жизнь—дѣтство, зрѣлость и старость—была бы сведена на тысячную часть теперешней ея продолжительности и длилась бы всего одинъ мѣсяцъ и что біеніе пульса ускорилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ въ тысячу разъ, то явилась бы возможность весьма удобно прослѣдить взглядомъ за полетомъ ружейной пули. Если бы затѣмъ жизнь была сокращена еще въ тысячу разъ и ограничена только сорокаминутнымъ срокомъ,. то трава и цвѣты показались бы намъ столь же неподвижными, какъ и горныя цѣпи, и о развитіи древесной почки мы, въ теченіе нашей жизни, могли бы замѣчать въ такой же мѣрѣ, въ какой намъ доступно воспріятіе геологическихъ измѣненій земнаго шара: всѣ эти явленія были бы слишкомъ медленны, мы могли бы только заключать о нихъ, какъ заключаемъ теперь о движеніи небесныхъ тѣлъ. При дальнѣйшемъ же сокращеніи продолжительности жизни, свѣтъ видимый нами теперь, не могъ бы ощущаться, звуки, слышимые теперь, замолкли бы. Если же жизнь человѣческая будетъ не сокращаться, а, напротивъ, удлиняться, то какъ различны будутъ образы! Положимъ, что пульсація и способность воспріятія замедлятся въ тысячу разъ и жизнь наша достигнетъ 80,000 лѣтъ. Въ теченіе одного года мы будемъ переживать столько же, сколько теперь переживаемъ въ восемь девять часовъ; въ теченіе четырехъ часовъ мы увидимъ, какъ исчезнутъ зимніе снѣга, зазеленѣетъ земля, выростетъ трава и зацвѣтутъ цвѣты, деревья покроются листвой и плодами и затѣмъ вся растительность снова увянетъ. Многія явленія при этомъ, по своей скорости, вовсе не будутъ воспринимаемы; развитіе гриба представится подобно моментальному взлету воды, бьющей изъ фонтана. Ночи и дни станутъ смѣняться какъ темныя и свѣтлыя минуты и солнце съ большею скоростію пойдетъ по небесному своду. Если же такимъ образомъ въ тысячу разъ замедленная человѣческая жизнь замедлится еще на тысячу разъ, такъ что человѣкъ въ теченіе одного года не получитъ возможности пережить болѣе 189 воспріятій, то различіе дня и ночи исчезнетъ вовсе, движеніе солнца представится какъ свѣтящаяся радуга на небѣ, подобно тому, какъ быстро вращаемый раскаленный уголь представляется огненнымъ кругомъ; растительность

же станетъ съ неистовой поспѣшностью то возникать, то вновь исчезать. Всѣ кажущіеся намъ постоянными образы растворятся въ стремительности происхожденія и поглотятся въ дикомъ напорѣ возникновенія [1]).

Таковъ результатъ соединенной работы научнаго мышленія и воображенія. Подобныя новыя систематическія и законосообразныя построенія могутъ быть производимы въ самыхъ различныхъ сферахъ науки и жизни.

Въ основу построенія мы можемъ положить слѣдующій тезисъ: главенство женщинъ въ общественно-государственной жизни и соотвѣтственное приниженіе мужчинъ. Мы строго логически можемъ выводить измѣненія во всей жизни человѣчества, вытекающія изъ главенства женщинъ, измѣненія, необходимо обусловливаемыя особенностями ихъ физической организаціи, умственнаго склада, чувствованій и способовъ дѣятельности. На эту тему одинъ англійскій публицистъ написалъ цѣлую книгу.

Въ области собственно художественнаго творчества точно также вполнѣ возможно соединеніе научнаго мышленія и воображенія. Такъ называемый реальный романъ есть нечто иное, какъ плодъ, съ одной стороны, серьезнаго, тщательнаго и разнообразнаго наблюденія и изученія жизни, а съ другой—плодъ чисто художественной обработки собраннаго и изученнаго матеріала. И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что великія художественныя произведенія, имѣющія пройти въ своей первоначальной свѣжести „вѣковъ завистливую даль“, могутъ быть созданы только путемъ такой двойной научно-художественной работы, равно какъ и чисто научныя произведенія, никогда не обходящіяся безъ широкой помощи воображенія.

XI. Главнѣйшіе типы умовъ.

Для психолога, имѣющаго въ виду интересъ чисто научный, установку законовъ и созданіе формулъ, наиболѣе важности имѣютъ общіе психологическіе анализы, раскрывающіе схематическое строеніе душевной жизни. Но и ему интересно видѣть, какимъ главнѣйшимъ видоизмѣненіямъ подвергаются общія схемы душевной жизни, воплощаясь въ мышленіи и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Особенную же важность эта сторона психологическаго изслѣдованія имѣетъ въ глазахъ педагога, обязаннаго постоянно воздѣйствовать на отдѣльные умы и характеры, постоянно имѣющаго дѣло съ конкретными психическими фактами, для дѣятель-

[1]) Взято изъ сочиненій академика фонъ—Бэра.

ности котораго общія схемы развитія душевной жизни составляютъ только болѣе или менѣе отдаленный фонъ. Въ этихъ видахъ мы и хотимъ попытаться очертить главнѣйшіе типы умовъ, охарактеризовать главнѣйшія видоизмѣненія, которыя претерпѣваютъ познавательные процессы въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ.

Опыты классификаціи и характеристики главнѣйшихъ умственныхъ типовъ мы находимъ у различныхъ психологовъ. Въ этомъ анализѣ они исходятъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія: можно характеризовать главнѣйшіе типы умовъ, обращая вниманіе собственно на разсудочную дѣятельность, ея свойства, результаты и т. д.; можно ставить разсудочную дѣятельность въ связи съ другими ближайшими умственными процессами, каковы воображеніе и память, и на такой основѣ характеризовать главнѣйшія видоизмѣненія умственныхъ процессовъ у отдѣльныхъ лицъ; можно, наконецъ, еще больше расширить основу классификаціи—разсматривать умы въ связи съ разнообразными чувствованіями и практической дѣятельностью и, имѣя въ виду такую широкую точку зрѣнія, попытаться указать главнѣйшія особенности умственныхъ типовъ. Мы и разсмотримъ эти пріемы классификаціи и характеристики типическихъ разновидностей ума, приводя ихъ къ двумъ, такъ какъ первая и вторая точки зрѣнія часто соединяются. Представителемъ перваго способа разсмотрѣнія мы возьмемъ Владиславлева, второго—Бэна и Малапера.

Проф. Владиславлевъ классифицируетъ умы такимъ образомъ[1]): по объему, по степенямъ напряженія и по результатамъ дѣятельности. Подъ объемомъ ума разумѣется способность его справляться съ обширнымъ мыслительнымъ содержаніемъ. По объему умы бываютъ широкіе, обширные и узкіе. Умы широкіе и обширные обладаютъ способностью широкаго умственнаго кругозора и умѣютъ найтись среди разнообразнаго логическаго матеріала; имъ противополагаются умы узкіе; вмѣстимость такихъ умовъ очень ограничена, многія точки зрѣнія, многія понятія, болѣе высокія и обширныя, чѣмъ ихъ собственныя, имъ недоступны. По степенямъ напряженія умы бываютъ гибкіе, острые, проницательные и быстрые. Гибкіе умы чрезвычайно подвижные, готовые дѣятельно работать во всякое время, способные примѣняться къ разнымъ потребностямъ и нуждамъ познаванія, способные найти выходъ изъ всякаго умственнаго затрудненія. Примѣняясь ко всему, эти умы остаются вѣрнымя самимъ себя, во всѣхъ случаяхъ обнаруживаютъ силу и энергію въ болѣе или менѣе рав-

[1]) Психологія, т. I, стр. 347—366

ной степени. Острый умъ подобенъ рѣжущему орудію: чрезъ видимую форму предмета онъ легко доходитъ до его внутренней сущности, тонко анализируетъ его, въ различныхъ предметахъ открываетъ сходство, въ сходныхъ различіе и такимъ образомъ возвышается до остроумія. Проницательный умъ видитъ все существенное въ предметѣ и легко входитъ во всѣ частности его. Умамъ острымъ противоположны тупые, неспособные къ аналитической дѣятельности, апатичные ко всякимъ впечатлѣніямъ, не замѣчающіе сходствъ и различій между предметами. Быстрые умы скоро и съ успѣхомъ совершаютъ логическіе акты, легко соображаютъ, ловятъ мысли на лету, на всякій вопросъ у нихъ находится скорый отвѣтъ.

По результатамъ дѣятельности умы бываютъ оригинальные, глубокіе, логичные, основательные и зрѣлые. Оригинальные умы отличаются способностью къ самостоятельному размышленію: они приходятъ къ новымъ результатамъ, которые ниоткуда ими не были заимствованы. Неоригинальные умы носятъ названія пошлыхъ, рутинныхъ, несамостоятельныхъ. Въ мышленіи они идутъ по стезямъ, проложеннымъ другими, живутъ чужимъ умомъ, а не своимъ, податливы на всякія умственныя вліянія. Глубокій умъ досягаетъ до самыхъ глубокихъ внутреннихъ сторонъ предметовъ, вникаетъ въ суть дѣла; прослѣживаетъ мысль въ самыхъ отдаленныхъ ея основаніяхъ. Умамъ глубокимъ противополагаются легкіе, поверхностные, скользящіе только по поверхности предмета, серіозно не относящіеся ни къ какому дѣлу. Логичные умы владѣютъ способностью оставаться всегда вѣрными правиламъ логики,—это умы методичные, постоянно себя контролирующіе, не допускающіе вліянія страстей на мышленіе. Нелогичные умы характеризуются безпорядочностью и безсвязицею размышленія, преобладаніемъ ассоціацій надъ логическими связями и соотношеніями мыслей. Умъ основателенъ, когда онъ свои соображенія основываетъ на твердыхъ и общепризнанныхъ истинахъ. Это качество присвояется уму какъ за результаты, къ которымъ онъ приходитъ въ своей дѣятельности, такъ и за способъ его дѣйствій. Когда умъ принимаетъ на себя лишь внѣшній видъ основательности, будучи безсиленъ стать таковымъ въ сущности, то онъ бываетъ резонернымъ, довольствующимся фразами вмѣсто дѣла, безъ толку ставящимъ вопросы, больше для препровожденія времени, чѣмъ по мотивамъ истинной любознательности. Зрѣлость ума есть результатъ долгаго развитія и долгихъ трудовъ надъ собственнымъ образованіемъ. Во всѣхъ работахъ такого ума сказываются основательность, обдуманность, опытность. Зрѣлому уму

противоположенъ незрѣлый, недоразвившійся, который не переварилъ различныхъ принциповъ, а только усвоилъ ихъ себѣ внѣшнимъ образомъ. Хуже незрѣлаго ума преждевременная зрѣлость, когда человѣкъ судитъ и рядитъ о вопросахъ, смыслъ и важность которыхъ ему невѣдомы. Фраза заѣдаетъ такіе умы.

Не всѣ перечисленныя свойства ума равно первоначальны и невыводимы. Къ первоначальнымъ качествамъ ума, невыводимымъ изъ другихъ какихъ-либо свойствъ, нужно отнести широту, глубину, остроту, оригинальность и энергичность. Можно ли эти пять качествъ ума назвать первоначальными въ томъ смыслѣ, что они не пріобрѣтаются, а составляютъ основные дары природы, съ которыми умъ является на свѣтъ? Относительно самобытности и энергичности ума можно сказать утвердительно безъ всякаго колебанія; относительнно другихъ качествъ можно утверждать, что, хотя самодѣятельность и образованіе много могутъ укрѣпить и развить широту, глубину и остроту ума, но они безсильны дать ихъ тому, у кого нѣтъ зачатковъ этихъ достоинствъ. Эти пять первоначальныхъ свойствъ ума наиболѣе часто комбинируются такимъ образомъ: широта ума съ оригинальностью, глубина ума съ энергичностью, острота ума съ энергичностью, энергичность со всѣми другими свойствами. Оригинальность ума не состоитъ ни въ какой прямой зависимости отъ прочихъ четырехъ качествъ, не предполагается ими непремѣнно. Но обратно отъ оригинальности въ огромномъ большинствѣ случаевъ можно дѣлать заключеніе къ присутствію котораго либо изъ упомянутыхъ достоинствъ: оригинальный умъ непремѣнно или широкъ, или глубокъ, или остръ. Наиболѣе плодотворно сочетаніе оригинальности ума съ глубиною или широтою: великія идеи въ наукѣ и вообще всѣ первоклассныя произведенія въ различныхъ сферахъ умственнаго труда суть плоды умовъ оригинальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ широкихъ или глубокихъ. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оригинальность ума сочетается со всѣми другими достоинствами его. Это будетъ геніальный умъ, образъ и подобіе божественнаго разума. Таковы умы Платона, Аристотеля, Бэкона, Ньютона, Лейбница, Канта, Ломоносова.

Достоинства и недостатки этой классификаціи и характеристики умовъ довольно ясны. Классификація отличается подробностью. Авторъ хотѣлъ намѣтить всѣ главнѣйшія особенности, которыя представляетъ умственная дѣятельность; характеристики сдѣланы на основаніи наблюденій и могутъ быть названы строго эмпирическими. Но представленная группировка умовъ отличается чисто описательнымъ характеромъ, изъ нея невидно, отчего же

умъ бываетъ такой, а не иной, преобладаніе какихъ умственныхъ процессовъ создаетъ тотъ или другой типъ ума. Далѣе, однѣ и тѣ же типическія особенности и направленія ума описываются нѣсколько разъ подъ особыми названіями, потому что авторъ много вниманія обращаетъ на различныя слова, встрѣчающіяся въ языкѣ относительно различныхъ качествъ ума, а различныя слова нерѣдко обозначаютъ оттѣнки одной и той же умственной разновидности. Наконецъ, едва ли возможно составить правильную классификацію и характеристику умовъ, принимая во вниманіе спеціально качества разсудочной работы, внѣ связи ея со всѣмъ строемъ и ходомъ всей душевной жизни.

У Бэна [1]) основа классификаціи умовъ наиболѣе широкая. Онъ не только ставитъ въ связь мыслительность и запоминаніе, но и разсматриваетъ умъ въ связи съ практическою дѣятельностью и чувствованіями, такъ какъ у него прежде всего являются три типа умовъ: интеллектъ практическаго склада—благоразуміе, интеллектъ чувства, названный имъ „интеллектуальный элементъ альтрюизма—симпатія“ и собственно теоретическій складъ ума.

Практическій интеллектъ Бэнъ объясняетъ такимъ образомъ: мы точно такъ же одарены памятью огорченій, какъ и памятью мѣстъ, годовъ и фактовъ естественной исторіи. Но у однихъ людей память огорченій оказывается значительно сильной, у другихъ—очень слабой. Такая разница сказывается сильнымъ предчувствіемъ предстоящаго огорченія и предприниманіемъ мѣръ къ его предупрежденію. Эта разница отчетливо замѣтна уже у дѣтей. Одинъ ребенокъ забываетъ непріятность паденія тотчасъ, какъ прошла боль, и при первомъ же случаѣ упадетъ опять; другой запомнитъ боль на столько, что поостережется на будущее время. Подобная память оказываетъ широкое вліяніе на область воли и активной энергіи. Точно такимъ же образомъ и съ такими же послѣдствіями запоминается и удовольствіе. Указанное свойство памяти и лежитъ въ основаніи силы или слабости воли, которой обыкновенно объясняются примѣры благоразумія и неблагоразумія. Мозгъ, вообще плохо удерживающій впечатлѣнія и въ частности впечатлѣнія огорченія и удовольствія, такой мозгъ очень плохое орудіе для развитія благоразумія. Природная способность удерживать впечатлѣнія удовольствія и страданія и вызывать ихъ, когда нужно, въ связи со всѣми условіями такого запоминанія—вотъ истинная основа, conditio sine qua non дѣятель-

---

[1]) Объ изученіи характера. Пер. Цитовича. С.-Петербургъ, 1866, Гл. X—XV, Стр. 381—521.

ной рѣшимости, постоянства воли, направленной къ самосохраненію и счастью. Здѣсь лежитъ причина, что одни дѣти бываютъ хорошія, другія — дурныя, что однихъ легче подчинить дисциплицѣ и контролю, другихъ трудно. Одни отлично запоминаютъ страданія и огорченія, другія весьма слабо, вслѣдствіе чего вечеромъ и совершаютъ ту же самую шалость, за которую были наказаны утромъ.

Настойчивость или постоянство цѣли также есть результатъ памяти. Мы бываемъ постоянными и настойчивыми по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, которыя крѣпко засѣли въ нашихъ мысляхъ. Мотивъ для насъ нуженъ всегда и если нѣтъ для возбужденія дѣйствія реальнаго факта, то нужна способность удерживать его въ идеѣ, а это нечто другое, какъ природная способность запоминанія, которая составляетъ сущность интеллекта, хотя ей и помогаютъ обстоятельства каждаго отдѣльнаго случая. Глава семьи, начальникъ школы, арміи неумолимы, потому что хорошо помнятъ дурныя послѣдствія слабой власти и одна способность настойчивости сама по себѣ ничего не могла бы тутъ сдѣлать для людей, которые забываютъ такія послѣдствія.

Спокойствіе и хладнокровіе при всѣхъ колебаніяхъ фортуны есть также результатъ памяти. Твердо помня всѣ факты счастья и несчастія въ нашей жизни, мы получаемъ какъ бы среднюю норму и съ этой нормой соразмѣряемъ нашъ психическій строй, не предаваясь ни большой радости отъ успѣха, ни отчаянію отъ печальной и незаманчивой обстановки. Такъ мы можемъ относиться и ко всей обстановкѣ жизни и къ отдѣльнымъ ея событіямъ. Наши ожиданія и разсчеты на людей или обстоятельства уравновѣшиваются прошлымъ опытомъ относительно тѣхъ же людей и обстоятельствъ, и насколько вѣрна память нашей прошлой жизни, мы всегда судимъ по средней нормѣ, даромъ что бываютъ случаи, далеко уклоняющіеся отъ такого вывода. Съ другой стороны, при слабой памяти человѣкъ переходитъ отъ крайности къ крайности и постоянно колеблется въ оцѣнкѣ одного и того же факта. Такой порокъ можетъ быть названъ моральнымъ, потому что при немъ человѣкъ будетъ вести себя дурно, или по отношенію къ себѣ или къ другимъ, хотя причина тутъ въ слабости, въ недостаткѣ интеллекта. Вообще при сильномъ интеллектѣ больше шансовъ для морали, вслѣдствіе чего интеллектуальныя натуры по преимуществу отличаются постоянствомъ добродѣтели и ясностію характера. Когда же сильный интеллектъ будетъ почти исключительно занятъ запоминаніемъ добра и зла, человѣкъ окажется высоко благоразумнымъ въ своихъ поступкахъ, устойчи-

вымъ въ своемъ характерѣ, словомъ будетъ такимъ же геніемъ благоразумія, какимъ Ньютонъ былъ въ области математики или Демосѳенъ въ области краснорѣчія. Такимъ геніемъ благоразумія былъ Франклинъ. А въ Сократѣ мы имѣемъ интеллектъ самаго высокаго порядка, одинаково замѣчательный по отношенію къ мысли и благоразумію, словомъ имѣемъ идеалъ философа въ полномъ смыслѣ слова. У Бэкона и Ньютона интеллектъ знанія былъ развитъ насчетъ интеллекта благоразумія.

Интеллектъ чувства такой интеллектъ, который въ своей дѣятельности руководится не только принципомъ личной пользы, но и сочувствіемъ къ другимъ, побужденіями болѣе или менѣе безкорыстнаго свойства, симпатіей. Актъ симпатіи по своему началу выходитъ изъ интеллекта, чтобы тамъ не примѣшивалось къ нему другое въ концѣ. Нельзя симпатизировать чужой бѣдѣ, которой не понимаешь, а для пониманія нуженъ личный опытъ, отчетливое запоминаніе его. Хорошо усвоенный опытъ разныхъ состояній сознанія, испытанныхъ нами въ теченіи нашей жизни— вотъ реальная основа и способности симпатіи, и она же, конечно, основа благоразумія, постоянства и хладнокровія въ нашемъ собственномъ поведеніи. Правда, совершенная симпатія предполагаетъ нѣчто другое, кромѣ нашего собственнаго воспоминанія— нужно понимать еще разницу характера; но это показываетъ только, что высшія формы симпатіи нуждаются еще въ большей силѣ и развитіи интеллекта. Для дѣятельной же симпатіи нужно и еще кое-что, кромѣ чисто интеллектуальнаго элемента.

Чисто интеллектуальный типъ ума или умъ вообще слагается изъ трехъ главныхъ способностей: различенія, запоминанія и отожествленія. Если токъ жизни приметъ исключительно интеллектуальное направленіе, тогда жизнь будетъ занята наблюденіемъ, изученіемъ, размышленіемъ о томъ, что было предметомъ наблюденія и изученія; отсюда открытіе новыхъ сходствъ, новыя интеллектуальныя сочетанія; активная энергія, сколько ея есть, помогаетъ такимъ операціямъ, и эмоція горитъ слабымъ пламенемъ. Въ характерѣ будутъ видны спокойствіе и ясность, весь психическій строй недоступенъ потрясеніямъ. Идеалъ философа, завѣщанный древностью и нерѣдко осуществлявшійся въ тѣ времена, какъ разъ представляетъ сейчасъ отмѣченныя черты. Уклоненіе отъ активной жизни въ формѣ промышленности, политическихъ стремленій, физическихъ упражненій, слабая способность къ обыкновеннымъ человѣческимъ эмоціямъ, признаніе за собой превосходства надъ уровнемъ обыкновенныхъ людей,—все это въ различной степени бросается въ глаза въ личностяхъ Сократа,

Платона, Аристотеля и другихъ, менѣе замѣчательныхъ, философахъ древности.

Разнообразныя спеціальныя проявленія интеллекта сводятся къ мѣстнымъ чувствительностямъ, каковы: чувство осязанія, музыкальность уха, чувствительность глаза къ формѣ и пр., или же къ этимъ чувствительностямъ въ связи съ главными свойствами интеллекта, по преимуществу въ связи съ запоминаніемъ и сходствомъ. Высшія спеціальныя обнаруженія интеллекта суть талантъ и геній.

Талантъ—это есть способность дѣлать хорошо то, что дѣлали уже другіе, способность, для которой нужно только изученіе образцовъ и ихъ усвоеніе. Главнѣйшіе элементы таланта суть слѣдующіе: тонкое чувство степеней дѣятельности активныхъ органовъ; чувствительность къ результатамъ дѣятельности; интересъ или любовь къ этимъ результатамъ, какъ мотивъ производящей дѣятельности; общая сила запоминанія удавшихся попытокъ, изъ чего слагается фондъ пріобрѣтенныхъ способностей. Этими четырьмя элементами удовлетворительно объяснятся и ремесленное искусство и артистическое выполненіе во всѣхъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ; эти же элементы въ существѣ дѣла заключаютъ таланты практическій и научный. Геній характеризуется своею оригинальностью, изобрѣтательностью, творчествомъ, своимъ стремленіемъ открывать сходства предметовъ. Вездѣ, гдѣ только идетъ рѣчь о мысли, какъ фактѣ, отличномъ отъ простой памяти, главнымъ элементомъ интеллекта является способность отожествлять подобныя вещи, при всемъ ихъ различіи и окружающихъ разнообразіяхъ. Безъ этой способности не можетъ быть великихъ дарованій; извѣстная сумма ея нужна и для таланта. Отъ Платона и Аристотеля до Конта и Гамильтона, въ области логики, метафизики, теологіи, морали, политики, въ области математики и физической науки, всѣ великіе умы были одарены способностью отожествленія, какъ однимъ изъ элементовъ ихъ интеллектуальной силы. Но у кого больше такой способности, у поэта или ученаго, политика или теолога, это зависитъ отъ другихъ способностей, отъ внѣшнихъ чувствъ, отъ наклонностей къ благоразумію, къ симпатіи. Геній можетъ быть трехъ родовъ: геній художественный, геній практическій и геній научный.

Относительно классификаціи умовъ Бэна мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе о самой основѣ, объ исходной точкѣ его классификаціи. Эту основу классификаціи самъ Бэнъ хорошо очерчиваетъ въ слѣдующихъ словахъ: „я указалъ на три главныя

свойства интеллекта—различеніе, запоминаніе, сходство, и затѣмъ останавливался на двухъ важныхъ сторонахъ нашей моральной натуры, которыя, очевидно, связаны съ нашимъ интеллектомъ не менѣе, чѣмъ и всѣмъ извѣстныя операціи памяти и умозаключенія, именно указывалъ на благоразуміе и постоянство въ соображеніи своихъ собственныхъ интересовъ и на безкорыстное поведеніе относительно другихъ“ [1]). Мы не можемъ допустить, чтобы эгоистическое или безкорыстное отношеніе къ ближнимъ было столь же характерно для различенія типическихъ разновидностей ума, какъ сочетаніе различенія, запоминанія и сходства. Интеллектъ, конечно, находится въ самой тѣсной связи съ системой нашихъ дѣйствій, значительно вліяетъ на самый выборъ системы, но эгоизмъ и безкорыстіе суть во всякомъ случаѣ характерныя свойства, прежде всего, нашего нравственнаго міровоззрѣнія, а не ума. Основные процессы ума останутся тѣже самые, будемъ ли мы эгоистичны или безкорыстны и преобладаніе въ нашихъ дѣйствіяхъ эгоизма или безкорыстія будетъ для нашего ума второстепенной характерной чертой, будетъ указывать, напримѣръ, на спеціальное свойство нашей памяти, направленной на отчетливое запоминаніе личныхъ удовольствій и огорченій или же на наблюденіе и запоминаніе страданій и наслажденій другихъ существъ и сопоставленіе ихъ положенія съ подобнымъ нашимъ положеніемъ. Механизмъ же и сила памяти могутъ быть совершенно одинаковыми и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Такимъ образомъ центромъ классификаціи умовъ у Бэна должно бы служить изслѣдованіе разнообразныхъ комбинацій основныхъ элементовъ ума: различенія, запоминанія и отожествленія, тогда какъ этому изслѣдованію у него отведено сравнительно мало мѣста. Отъ такого недостатка существенно страдаетъ вся классификація: въ ней первостепенные признаки умовъ поставлены на второй планъ, а второстепенные на первый, не говоря уже про то, что первый и второй типы ума опредѣленно не разграничиваются, такъ какъ въ составъ и перваго и второго видными элементами входятъ чувствованія и ихъ запоминаніе.

Малаперъ [2]) въ своей классификаціи умовъ исходитъ изъ того начала, что индивидуальныя различія интеллекта опредѣляются предпочтительно употребляемымъ матеріаломъ и спеціальнымъ способомъ, какимъ организуется и распредѣляется матеріалъ. Первая точка зрѣнія, т. е. господство того или другого

[1]) Объ изученіи характера, 445.

[2]) Элементы характера и законы ихъ сочетаній. Перев. съ 2-го французск. изд. Л. Бесселя. Москва, 1913 г. Часть I, гл. IV, стр. 46—69.

матеріала, даетъ два типа умовъ: интеллектуальный типъ, обладающій способностью мыслить идеями, запоминать отвлеченныя соотношенія, согласно законамъ логики, и типъ воображенія, воспроизведенія или ощущенія, т. е. конкретный, мыслящій чувственными формами—звуками, красками. Вторая точка зрѣнія, т. е. способъ обработки матеріала, даетъ очень многіе типы умовъ. Здѣсь различаются, прежде всего, два основныя направленія: автоматизмъ и активность. Автоматизмъ характеризуется, съ одной стороны, диссоціаціей душевныхъ элементовъ, когда элементы отдѣляются одинъ отъ другого, чтобы жить, развиваться и проявляться самостоятельно, безъ достаточной системы и соподчиненія, а съ другой—это есть механическая ассоціація, механическое сцѣпленіе элементовъ, когда цѣлые ряды образовъ, представленій, идей, прежде сложившихся, воспроизводятся въ томъ же самомъ порядкѣ, безъ прибавленій, безъ урѣзыванія и безъ оригинальнаго приспособленія къ новымъ условіямъ. Коротко сказать, автоматизмъ бываетъ подъ вліяніемъ диссоціаціи и ассоціаціи, въ первомъ случаѣ получаются умы безсвязные и разсѣянные, ребячливые и легкомысленные, путанные, множественные; во второмъ—идіотическіе, глупые, ограниченные, узкіе. Кромѣ того, умственный автоматизмъ, съ преобладаніемъ воображенія, даетъ еще новые виды: представляющихъ сочетаніе аффективнаго типа и типа съ преобладаніемъ воображенія—это сантиментальные и романическіе мечтатели, останавливающіеся преимущественно на чувствахъ и эмоціяхъ, люди съ воображеніемъ пылкимъ, но систематизированнымъ, далѣе крупныя натуры съ преобладаніемъ воображенія—артисты, поэты и т. п.

Активные умы—это умы, мыслящіе самостоятельно. Умственное равновѣсіе въ такихъ умахъ бываетъ въ большой или меньшей степени качествомъ естественнымъ, врожденнымъ или пріобрѣтеннымъ. Всѣ люди съ такимъ складомъ ума—умные въ полномъ смыслѣ этого слова, съ хорошею памятью и воображеніемъ, логичные, владѣющіе своимъ вниманіемъ. Активные умы бываютъ аналитическіе, критическіе (спорщики), уравновѣшенные, дедуктивные и индуктивные и т. п.

Изложенная классификація типовъ умственной дѣятельности мало удовлетворитъ читателя. Самая основа классификаціи нетверда. Умы различаются по преобладающему матеріалу и способамъ его обработки. Но такое раздѣленіе искусственно, извѣстный матеріалъ можетъ быть обработываемъ только извѣстнымъ образомъ, такъ что господство въ умѣ извѣстнаго матеріала есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и господство извѣстнаго способа мышленія.

Основъ для классификаціи умовъ такимъ образомъ не двѣ, а одна. — Далѣе, въ особую самостоятельную группу выдѣлены умы съ перевѣсомъ автоматизма, т. е. механичности, неизмѣненнаго воспроизведенія, другими словами, люди собственно съ отсутствіемъ ума. Получился длинный рядъ умственныхъ типовъ: идіоты, глупые, ограниченные, узкіе, безсвязные, ребячливые, путанные, множественные. Всѣ эти названія обозначаютъ умственные недочеты, нередко очень сходные, такъ что записывать всѣхъ ихъ въ особые типы не стоитъ, слишкомъ дробно, мелочно. Въ автоматическіе умы попали и люди съ сильнымъ воображеніемъ, составляющіе, повидимому, полную противоположность умственному автоматизму, „таковы многіе артисты, поэты, извѣстная категорія ученыхъ, а также философовъ: но это скорѣе изобрѣтатели и строители, чѣмъ экспериментаторы и логическіе мыслители“ (стр. 62). Такимъ образомъ перечисленные типы людей являются представителями автоматической диссаціаціи умственныхъ элементовъ!-- Что же касается активныхъ умовъ, то они охарактеризованы слабо, дана не классификаціи ихъ, а такъ какой-то легкій и поверхностный набросокъ.

Представленными критическими замѣчаніями о различныхъ способахъ классификаціи умовъ, намъ кажется, достаточно выясняется тотъ принципъ, который долженъ лечь въ основу подобной работы. Нельзя классифицировать умы, обращая вниманіе исключительно на разсудочные процессы, вырывая ихъ изъ ихъ естественной связи съ другими умственными процессами; нельзя также обнять всѣхъ разновидностей ума, комбинируя умъ только съ воображеніемъ или съ памятью. Для достаточно широкой и правильной классификаціи и характеристики главнѣйшихъ умственныхъ типовъ нужно взять во вниманіе всю совокупность умственныхъ процессовъ—и ощущенія, и представленія, и память, и воображеніе, и разсудокъ, и указать главнѣйшія видоизмѣненія въ сочетаніи этихъ процессовъ другъ съ другомъ, энергію однихъ и слабость другихъ и т. д., причемъ отношеніе ума къ той или другой системѣ дѣйствій, къ преобладанію той или другой группы чувствованій должны занять второстепенное мѣсто. Такимъ путемъ мы и постараемся представить классификацію и характеристику главнѣйшихъ умственныхъ типовъ.

Изъ представленнаго очерка развитія образнаго и отвлеченнаго мышленія слѣдуетъ, что есть три главные типа умовъ: одни умы работаютъ преимущественно образами; другіе—отвлеченіями, или ихъ замѣстителями—словами и другими какими либо знаками и символами; третьи—сочетаютъ свойства обоихъ указанныхъ спо-

собовъ мышленія въ высшую болѣе полную и разностороннюю мыслительность.

Мы всѣ начинаемъ тѣмъ, что мыслимъ образами. Это необходимая ступень въ развитіи ума. Но тогда какъ многіе переживаютъ эту ступень умственнаго развитія и переходятъ на высшую—ступень отвлеченнаго мышленія, многіе остаются на первой ступени всю жизнь, или по недостатку развитія, или по особенностямъ своего умственнаго склада, или по профессіональнымъ занятіямъ. Умы разсматриваемаго склада отличаются обиліемъ переживаемыхъ ощущеній, постоянными, болѣе или менѣе, тщательными наблюденіями, слабой переработкой полученныхъ ощущеній и произведенныхъ наблюденій, малой склонностью къ теоріи и философствованію. Это люди, гораздо болѣе живущіе органами внѣшнихъ чувствъ, чѣмъ центрами нервней системы, болѣе внѣшнею, чѣмъ внутреннею, дѣятельностью. Такой складъ ума очень ясно выраженъ у многихъ дикихъ племенъ. Отдѣльныхъ наблюденій у нихъ очень много, но идей, выработанныхъ изъ этихъ наблюденій, предполагающихъ развитую дѣятельность нервныхъ центровъ, очень мало. То, что Спикъ и Марціусъ разсказываютъ о бразильскихъ индѣйцахъ, повидимому, примѣнимо ко многимъ, если не ко всѣмъ, дикимъ народамъ. Лексиконъ ихъ богатъ и они имѣютъ особыя названія для каждой части тѣла, для каждаго извѣстнаго имъ животнаго и растенія, для каждаго предмета, который они могутъ видѣть и осязать. Но, съ другой стороны, у нихъ вовсе нѣтъ словъ для выраженія абстрактныхъ идей, какъ напр., для понятій: цвѣтъ, звукъ, полъ, видъ, умъ и т. д. У абипоновъ нѣтъ такихъ словъ, какъ напр. человѣкъ, тѣло, мѣсто, время, никогда, когда либо, вездѣ и т. д., нѣтъ также такого глагола, какъ напр. быть. Малайскій языкъ также очень бѣденъ отвлеченными выраженіями. Въ немъ есть отдѣльныя слова для различныхъ цвѣтовъ, но нѣтъ слова для выраженія общаго понятія о цвѣтѣ. У тасманійцевъ не было слова для общаго понятія о деревѣ, хотя для каждаго отдѣльнаго вида деревьевъ они имѣли особое названіе. Точно также они не могли выразить качества вещей, въ родѣ твердый, мягкій, теплый, холодный, длинный, короткій, круглый и т. д Вмѣсто „твердый“ они говорили: „какъ камень“, вмѣсто „высокій“: „длинныя ноги“, вмѣсто „круглый“: „какъ шаръ, какъ мѣсяцъ“ и т. д. По словамъ миссіонеровъ, у пешересовъ нѣтъ вовсе отвлеченныхъ выраженій для передачи истинъ нашей религіи, а въ сѣверо-американскихъ языкахъ „выраженіе, достаточно общее для передачи напр. понятія дубъ, дубовое дерево, принадлежитъ уже къ исключеніямъ“. Даже у

сравнительно цивилизованныхъ обитателей Таити, по словамъ Форстера, не было особыхъ словъ для выраженія отвлеченныхъ идей [1]). Относительно дамаровъ Гальтонъ свидѣтельствуетъ, что у нихъ человѣкъ „никогда не обобщаетъ“ и кажется необыкновенно тупымъ. О горныхъ племенахъ Индіи Годжсонъ свидѣтельствуетъ: „свѣтъ есть отвлеченіе столь высокое, что ни одинъ изъ допрошенныхъ мной туземцевъ не могъ схватить его, хотя они легко представляли эквиваленты для словъ: солнечный блескъ, пламя свѣчи, огонь костра“ [2]). Одинъ зулусъ чистосердечно замѣтилъ Коллэуею: „наше знаніе не побуждаетъ насъ отыскивать корни его; мы и не пытаемся увидѣть ихъ; если кто нибудь немного и подумаетъ объ этомъ, онъ скоро отъ этого отказывается и обращается къ тѣмъ предметамъ, которые видитъ своими глазами; да и о томъ, что онъ видитъ предъ собою, онъ не имѣетъ настоящаго понятія“ [3]).

Слабость дикарей въ счетѣ извѣстна, а недостатокъ развитія этой способности явно указываетъ на весьма недостаточную дѣятельность способности отвлеченія. Многія племена дикихъ не умѣютъ считать дальше трехъ, четырехъ, пяти. Докторъ Рэ, извѣстный своимъ расположеніемъ къ эскимосамъ, увѣряетъ, что если спросить отца семейства, сколько у него дѣтей, то можно часто привести его въ большое затрудненіе. Посчитавъ нѣсколько времени по пальцамъ, онъ, по всей вѣроятности, долженъ будетъ еще посовѣтоваться съ женой, причемъ оба супруга могутъ придти къ различному результату даже въ томъ случаѣ, если дѣтей всего только четверо или пятеро [4]). О дамарахъ Гальтонъ говоритъ: „послѣ пяти они начинаютъ сильно путаться въ счетѣ, потому что у нихъ больше недостаетъ свободной руки, чтобы брать и удерживать пальцы, изображающіе единицы. Однако, они рѣдко теряютъ своихъ быковъ. Но при повѣркѣ стада они узнаютъ о потерѣ, не вслѣдствіе уменьшенія составляющаго его числа головъ, а вслѣдствіе отсутствія извѣстной знакомой фигуры. При мѣновомъ торгѣ имъ приходится платить за кажду овцу отдѣльно. Предположимъ, что овца промѣнивается на двѣ папуши табаку: въ такомъ случаѣ дамарецъ былъ бы сильно спутанъ въ мысляхъ, если бы взяли у него прямо двѣ овцы и вручили бы ему четыре папуши табаку“ [5]).

---

[1]) Леббокъ, Доисторическія времена. Стр. 456—457.
[2]) Спенсеръ, Основанія соціологіи. Т. I, стр. 92—96.
[3]) Леббокъ, Начало цивилизаціи, стр, 155.
[4]) Леббокъ, id· 410.
[5]) Спенсеръ, ibid. 96.

О массѣ людей нужно, впрочемъ, сказать, что она и теперь живетъ больше дѣятельностью периферической нервной системы, чѣмъ центральной, больше ощущеніями и наблюденіями, чѣмъ творчествомъ и отвлеченіями. Углубляться въ размышленіе, сосредоточиваться на развитіи какой либо идеи, отстранивъ отъ себя всѣ внѣшнія впечатлѣнія, не въ привычкахъ людскихъ массъ. Онѣ мыслятъ, пока ощущаютъ, и ихъ мышленіе есть небольшая прибавка размышленій къ ощущеніямъ и наблюденіямъ. Въ этомъ отношеніи массы людей удерживаютъ характеръ дѣтскаго мышленія: дѣти сосредоточиваться почти неспособны,—для нихъ мыслить значитъ ощущать. Дѣти никогда не поступаютъ такъ, какъ поступаютъ взрослые при мышленіи: они никогда не стараются преградить доступъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, какъ скоро начинаютъ мыслить, напротивъ, они ищутъ впечатлѣній и прекращеніе впечатлѣній причиняемъ имъ скуку. Въ примѣненіи къ дѣтямъ совершенно справедливо выраженіе Кондильяк „penser c'est sentir".

Разсматриваемый типъ ума встрѣчается и въ ученомъ мірѣ. Здѣсь этотъ типъ нѣсколько видоизмѣняется, являясь не только по своему мышленію образнымъ, но и вообще строго фактическимъ, цѣнящимъ фактъ выше всего, каковъ бы онъ ни былъ, образный или необразный, и подозрительно относящимся ко всякимъ умозрѣніямъ и идеямъ. Процессъ наблюденія, усвоенія и воспроизведенія у такихъ умовъ преобладаетъ надъ творчествомъ.

Много-много если человѣкъ къ этимъ преимущественнымъ работамъ наблюденія и памяти прибавитъ болѣе самостоятельные труды по части установки и подробнаго изслѣдованія фактовъ, болѣе или менѣе своеобразной группировки усвоеннаго матеріала. Во всѣ времена между интеллектуальными людьми существовало много такихъ, которые главную прелесть умственнаго труда видѣли въ собираніи, систематизаціи и популяризаціи фактическаго знанія. Самостоятельное творчество имъ кажется слишкомъ изнурительнымъ и тягостнымъ, слишкомъ хлопотливымъ дѣломъ, между тѣмъ собираніе фактовъ, ихъ связываніе и популяризація имъ по душѣ. Они интеллектуально чувствительны и каждый новый фактъ и каждый новый взглядъ для нихъ цѣненъ, только сами они не желаютъ работать самостоятельно, имъ все должно быть представлено въ болѣе или менѣе готовомъ видѣ. Какъ на представителя такихъ умовъ можно указать на нѣмецкаго ученаго Землера. По словамъ его біографа, вся культура его ума исходила отъ критики и исторіи—путь, который облегчала ему его счастливая память и естественная живость. Сочиненія Землера

богаты историческими и критическими изслѣдованіями, цѣннымъ собраніемъ того, что было сдѣлано другими по данному вопросу и нѣкоторыми — собственными превосходными замѣчаніями и намеками. Но между многими его произведеніями нѣтъ ни одного, въ которомъ основы науки были бы изложены съ точностью или изъ матеріаловъ научныхъ было построено цѣлое зданіе. Принимаясь за изслѣдованіе, онъ невольно, въ силу своей счастливой памяти, воспроизводилъ читанныя имъ мнѣнія другихъ по этому вопросу, излагалъ ихъ, критиковалъ, дѣлалъ нѣкоторыя свои, очень цѣнныя, замѣчанія по вопросу и тѣмъ дѣло и ограничивалось, до оригинальнаго творчества его мысль не доходила [1]).

Широкихъ взглядовъ и обобщеній такіе умы не любятъ и не только не гонятся за ними, но даже относятся къ нимъ нѣсколько подозрительно, какъ къ пустой философіи, къ метафизикѣ. Они рабы факта, реалисты въ грубѣйшемъ смыслѣ этого слова; для нихъ фактъ важенъ не столько какъ доказательство идеи, сколько самъ по себѣ, въ своемъ чистомъ натуральномъ видѣ. Открыть какой либо ученый или литературный памятникъ, доказать его подлинность, возстановить по спискамъ темныя, искаженныя мѣста, объяснить трудные отрывки — для нихъ высочайшее наслажденіе, больше котораго умственная работа представить не можетъ. Такіе умы многіе годы могутъ заниматься изученіемъ одного растенія, вида животныхъ, эпохи въ исторіи народа и т. д. По замѣчанію Тэна [2]), Ліонне было недостаточно 20 лѣтъ для описанія ивовой гусеницы. Собирать факты, сортировать и оцѣнивать ихъ и наконецъ зарегистровывать ихъ — вотъ формула дѣятельности умовъ упомянутой категоріи. Это ученые пчелки и муравьи, таскающіе кирпичи для будущаго зданія науки. Также не любятъ отвлеченностей, фантазій и широкихъ теоретическихъ предположеній, такъ называемые, дѣловые люди, поглощенные практическими заботами и интересами окружающей ихъ дѣйствительности. Въ исторіи науки бываютъ такіе періоды, когда все вниманіе изслѣдователей обращается на частности, на мелочи и всѣ широкія обобщенія игнорируются и даже презираются. Таково было положеніе науки во время Бэкона. „До сихъ поръ, говоритъ Бэконъ, человѣческое прилежаніе предпочтительно обращалось къ разновидностямъ вещей, къ изложенію различій въ царствѣ животныхъ, растеній и минераловъ. Но эти разновидности нисколько не содѣйствуютъ дѣйствительному познанію при-

[1]) Beneke, Pragmatische Psychologie, 1, 385.
[2]) Объ умѣ и познаніи, т. 11, стр. 145.

роды. Поэтому мы должны обратить наши труды на то, чтобы какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, изслѣдовать и замѣчать сходства и аналогіи вещей. Ибо именно аналогіи соединяютъ природу и составляютъ начало истинной науки". Въ частности Бэконъ дѣлаетъ замѣчаніе о преобладаніи изученія мелочныхъ фактовъ надъ стремленіемъ къ обобщеніямъ въ тогдашней естественной исторіи. „По истинѣ мало значенія въ томъ, что мы имѣемъ въ памяти и можемъ назвать всѣ виды цвѣтовъ, всѣ виды лилій или тюльпановъ, или всѣ раковины, или всѣ безконечныя разновидности собакъ и соколовъ; это скорѣе игра природы и случайныя особенности. Такимъ образомъ, можно пріобрѣсть массу свѣдѣній, не имѣя и чаянія о наукѣ, и однако же именно этимъ гордится обыкновенная естественная исторія, которая со всѣми различеніями и собраніями никогда не достигаетъ цѣли, которую я разумѣю" [1]).

Всѣ эти умы суть умы низшаго порядка, съ значительной долею автоматизма и механичности, то умы безсвязные, разсѣянные, путанные, то—на высшихъ ступеняхъ—систематическіе, но очень узкіе и ограниченные.

Складъ ума, представляющій полную противоположность описанному выше, отличается преобладаніемъ процесса отвлеченія и творчества надъ ощущеніемъ и наблюденіемъ, дѣятельности центровъ надъ дѣятельностью периферій. Этотъ умственный типъ стоитъ гораздо выше перваго и предполагаетъ своимъ существованіемъ болѣе или менѣе значительное умственное развитіе. Въ жизни каждаго человѣка бываютъ такіе моменты, когда идея съ неодолимою силою приковываетъ къ себѣ все вниманіе, такъ что на долю ощущеній и наблюденій ничего не остается, человѣкъ кажется глухимъ и слѣпымъ ко всѣмъ впечатлѣніямъ. О Джонѣ Стюартѣ Миллѣ Карпентеръ передаетъ, что онъ обдумывалъ свою „Логику", прогуливаясь по шумнымъ и люднымъ лондонскимъ улицамъ; о нѣкоторыхъ ученыхъ извѣстно, что они могли отвлечь свое вниманіе отъ физическихъ страданій на какой либо научный вопросъ, напримѣръ, на предметъ лекціи, и тѣмъ на нѣкоторое время избавлялись отъ страданій. Извѣстныя преданія объ Архимедѣ и его знаменитомъ „эврика" также свидѣтельствуютъ о случаяхъ полнаго сосредоточенія вниманія на работѣ центровъ и сравнительной недѣятельности периферій. Въ подобныхъ фактахъ мы несомнѣнно встрѣчаемся съ преобладаніемъ дѣятельности центровъ надъ периферіями. Если мы представимъ себѣ, что подобное состояніе есть не краткое, но постоянное направленіе

[1]) Куно Фишеръ, Бэконъ Веруламскій, стр. 92.

индивидуума, характерная черта его ума, то мы и получимъ указываемый второй типъ умовъ—съ преобладаніемъ творчества и отвлеченія надъ ощущеніемъ и наблюденіемъ.

Обо всѣхъ людяхъ, преданныхъ отвлеченной мыслительной работѣ и глубоко погружающихся въ нее, можно сказать, что они принадлежатъ ко второму типу умовъ. Разнаго рода мистики, мечтатели, ученые разныхъ видовъ, отвлеченные мыслители и философы, отличаются указываемою складкою ума. Мыслитель, книжникъ, мечтатель тѣмъ и характеризуются, что міръ ощущаемый у нихъ заслоняется и покрывается міромъ мысли и мечты, міромъ субъективнымъ, что наединѣ съ своими мыслями, мечтами, книгами они чувствуютъ себя счастливыми. Они избѣгаютъ шумныхъ сборищъ, толпы, движенія, они любятъ покой, тишину и уединеніе. Для нихъ ощущенія не важны и единственно цѣнны идеи. Многіе отвлеченные мыслители не любятъ наблюденій, не любятъ естествознанія, по ихъ мнѣнію, сущность природы и ея законы можно постигнуть не кропотливыми изслѣдованіями отдѣльныхъ областей природы, но глубокимъ размышленіемъ объ общихъ началахъ всего сущаго. Не философская теорія должна подчиняться фактамъ, а факты философской теоріи. Многіе философы явно или тайно исповѣдывали догматъ Шеллинга: „мыслить о природѣ значитъ творить природу". Многіе признавали природу идеей въ инобытіи, бытіемъ параллельнымъ бытію духа и законы ея по существу тожественными законамъ духа. Мистики уходятъ всѣхъ дальше въ этомъ отношеніи: они прямо стараются прекратить приливъ ощущеній, задерживаютъ дыханіе, ничего не слышатъ и не видятъ, чтобы полнѣе отдаться религіозному или философскому экстазу. Изъ отдѣльныхъ лицъ, какъ на типъ подобныхъ умовъ, мы укажемъ на Руссо, сочетавшаго въ своемъ психическомъ характерѣ высокую возбудимость чувства, мечтательность и смѣлую отвлеченную мыслительность.

Въ своихъ сочиненіяхъ, изображая намъ первобытнаго человѣка и картину постепеннаго развитія человѣчества, Руссо не стремился къ тому, чтобы сдѣлать свою картину исторически вѣрной, раскрасить ее сообразно съ дѣйствительными фактами; онъ изображаетъ первобытнаго человѣка и постепенное развитіе человѣчества такъ, какъ ему думалось, мечталось объ этомъ, изъ идеи, а не на основаніи фактическаго изученія. Впрочемъ, въ указанномъ спеціальномъ случаѣ упомянутый недостатокъ въ нѣкоторой степени свойствененъ и другимъ ученымъ того же времени. У Руссо только та же умственная черта выражается и во

многихъ другихъ фактахъ, и выражается очень своеобразно и сильно.

Руссо былъ мечтатель, фантазеръ, жившій умственно не столько внѣшними фактами и наблюденіями, сколько мечтами и иллюзіями. Внѣшній міръ, человѣческое общество имѣли для него небольшую цѣну, онъ любилъ уединеніе, любилъ удаляться отъ людей. На счетъ счастья онъ имѣлъ свою собственную теорію. На землѣ, по его взгляду, все постоянно измѣняется, ничто не сохраняетъ опредѣленной формы. Наши радости, имѣющія своимъ объектомъ земные предметы, преходящи, прочнаго счастья не даютъ. Источникъ прочнаго счастья въ самомъ человѣкѣ, когда человѣкъ наслаждается не тѣмъ, что внѣ его, „ничѣмъ инымъ, какъ самимъ собою и своимъ собственнымъ существованіемъ". „Этого рода мечтаніями можно наслаждаться повсюду, гдѣ можно быть спокойнымъ, и я часто думалъ, что я могъ бы пріятно мечтать въ Бастиліи и даже въ темницѣ, гдѣ никакой предметъ не поражаетъ моего зрѣнія".

И подобная теорія счастья проповѣдывалась Руссо не только на словахъ, но и подкрѣплялась самымъ дѣломъ. Когда власти Бернскаго кантона стали гнать его съ маленькаго островка на Біэнскомъ озерѣ, на которомъ Руссо было поселился, тогда онъ обратился къ нимъ съ неслыханной просьбой: „я прошу дозволить мнѣ, писалъ Руссо, провести остатокъ моихъ дней въ тюрьмѣ, въ которомъ нибудь изъ вашихъ замковъ или въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, по вашему усмотрѣнію. Я буду жить тамъ на свой счетъ и дамъ вамъ обезпеченіе въ томъ, что никогда не буду ничего вамъ стоить. Я соглашаюсь не держать ни перьевъ, ни бумаги и не имѣть никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ,— развѣ только въ случаяхъ крайней необходимости и то чрезъ посредство тѣхъ, чьему надзору я буду подчиненъ. Пусть только дозволятъ мнѣ пользоваться моими книгами и иногда гулять по саду, и я буду этимъ доволенъ". За время своего пребыванія на островкѣ онъ часто „не былъ въ состояніи обозначить пунктъ раздѣленія вымысловъ отъ дѣйствительности" [1]).

У многихъ мыслителей и фантазеровъ образы и отвлеченія еще сильнѣе закрывали и подавляли дѣйствительность съ ея ощущеніями и наблюденіями, чѣмъ у Руссо, нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что одинъ внутренній міръ мысли и мечты и есть дѣйствительность. Жераръ-де-Нерваль питалъ убѣжденіе, что толпа обманывается, вѣря въ вещественный міръ на томъ осно-

[1]) Джонъ Морлей, Руссо. Рус. пер. Москва, 1881, стр. 300, 301, 302, 303.

ваніи, что видитъ его глазами и осязаетъ руками. На самомъ дѣлѣ вещественный міръ состоитъ изъ фантомовъ и обманчивыхъ масокъ, за которыми скрывается невѣдомое. Одинъ только невидимый міръ представлялся ему истиннымъ, а не химерическимъ. Эдгаръ Поэ говорилъ про себя: „факты дѣйствительной жизни производили на меня лишь впечатлѣніе фантомовъ, между тѣмъ какъ сумасбродныя идеи изъ царства грезъ становились для моего ума не только повседневной пищей, но даже единственнымъ полнымъ существованіемъ, внѣ котораго я не признавалъ никакой дѣйствительности". Другіе описывали свою жизнь, какъ „непрестанную грезу".

Очень характерно и поучительно въ разсматриваемомъ отношеніи наблюденіе, произведенное Фере надъ одною личностью. Г-нъ М. съ дѣтства отличался любовью къ одиночеству и мечтательностью. Сидя дома, или внѣ его, въ какомъ нибудь укромномъ уголкѣ, мальчикъ занимался построеніемъ воздушныхъ замковъ, которые мало-по-малу стали пріобрѣтать въ его жизни большое значеніе. Сперва они имѣли скоро преходящій характеръ и ежедневно смѣнялись новыми фантастическими сооруженіями, но постепенно становились все болѣе яркими и стойкими. Мальчикъ до такой степени уходилъ въ воображаемую свою роль, что ему зачастую случалось не пробуждаться отъ грезы даже и въ присутствіи постороннихъ лицъ. Въ гимназіи онъ проводилъ такимъ образомъ цѣлые часы, причемъ часто не видѣлъ и не слышалъ ничего происходившаго вокругъ него. Впослѣдствіи, женившись и ставъ во главѣ торговаго дома, дѣла котораго находились въ цвѣтущемъ положеніи, онъ на нѣкоторое время освободился отъ своихъ грезъ, но, спустя нѣсколько времени, принялся опять строить воздушные замки. Сначала они были, какъ и въ предшествовавшій періодъ, скоропреходящими и не слишкомъ яркими, но, постепенно пріобрѣтая все большую стойкость и яркость, они приняли, наконецъ, совершенно опредѣленную, отчетливую форму. Такая жизнь, длившаяся почти четыре года, заключалась въ сущности въ слѣдующемъ: г-нъ М. воображалъ, будто онъ выстроилъ въ Шавиллѣ, на опушкѣ лѣса, павильонъ, окруженный садомъ. Благодаря послѣдовательной работѣ воображенія, павильонъ этотъ превратился въ роскошный замокъ, а садъ разросся въ обширный паркъ. Конечно, лошади, пруды и т. п. украсили это помѣстье. Вмѣстѣ съ тѣмъ также измѣнилось и внутреннее убранство замка. Картина эта оживлялась присутствіемъ прелестной женщины, отъ которой родилось уже двое дѣтей. Этотъ воображаемый бракъ ничѣмъ почти не отличался

отъ законнаго. Однажды г-нъ М. находился въ залѣ своего воздушнаго шавилльскаго замка, наблюдая за обойщикомъ, перевѣшивавшимъ тамъ занавѣси, и до такой степени углубился въ свою мечту, что не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему какой-то господинъ, явившійся въ контору по дѣламъ и не знавшій его въ лицо. „Позвольте спросить, здѣсь ли г. М.?, освѣдомился незнакомецъ". „Нѣтъ, онъ теперь въ Шавиллѣ", отвѣтилъ совершенно машинально г. М. [1]).

Третья группа умовъ—это умы уравновѣшенные, умы наиболѣе счастливо одаренные, въ которыхъ гармонически сочетаются процессы наблюденія съ процессами отвлеченія и обобщенія, дѣятельность центровъ съ дѣятельностью периферій. Апперцепція—вотъ основной, преобладающій процессъ такихъ умовъ, которыхъ поэтому и можно назвать умами апперцепирующими. Умъ, владѣющій такой счастливой конструкціей, будетъ тѣмъ выше, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше будутъ развиты у него и периферическая и центральная нервныя дѣятельности. При надлежащей энергіи обѣихъ дѣятельностей такой умъ можетъ одновременно поражать и глубиною отвлеченнаго философскаго мышленія, широтою своихъ теорій, взглядовъ, и тонкимъ наблюденіемъ, большою способностью къ самымъ точнымъ экспериментамъ. Изъ такихъ счастливыхъ умовъ укажемъ два: Дарвина и Гете. Дарвинъ поражаетъ смѣлостью и широтою своихъ теорій, охватывающихъ безчисленное количество явленій, цѣлыя царства природы, и въ то же время тщательностью и многочисленностью наблюденій, на которыхъ онъ основываетъ свои предположенія. Каждый согласится, что основы дарвиновскихъ теорій широки и прочны, что Дарвинъ былъ тонкій и неутомимый экспериментаторъ и наблюдатель, постоянно пускавшій въ ходъ свой глазъ, свое ухо, свой осязательно-мускульный аппаратъ. Въ тоже самое время его теоріи необычайно смѣлы, многообъемлющи и оригинальны. Гете также гармонически сочеталъ два великіе дара: громадную силу художественнаго творчества самаго широкаго размаха и тонкую наблюдательность какъ жизни человѣческаго общества, такъ равно и внѣшней природы. Гете одновременно былъ и поэтъ и ученый, еще въ дѣтствѣ онъ заслушивался сказокъ своей матери, любилъ посѣщать мастерскія художниковъ и въ тоже время пытался построить электрическую машину.

Гете такъ характеризуетъ высшій типъ умовъ: „величайшій геній никогда не сдѣлаетъ чего либо замѣчательнаго, если захо-

[1]) Рибо, Творческое воображеніе. Стр. 286, 287, 288, 289.

четъ ограничиться только своими собственными средствами. Что такое геній, какъ не способность все, что приходитъ съ нами въ соприкосновеніе, схватить и всѣмъ воспользоваться; всякій представляющійся матеріалъ привести въ порядокъ и оживить; здѣсь взять мраморъ, тамъ мѣдь и изъ этого построить прочный монументъ? Чѣмъ былъ бы я, что осталось бы отъ меня, если бы такой родъ усвоенія вредилъ геніальности? Что я сдѣлалъ? Я все, что я видѣлъ, слышалъ наблюдалъ, собралъ и пустилъ въ дѣло, я воспользовался произведеніями природы и людей. Каждое изъ моихъ сочиненій навѣяно мнѣ тысячью различныхъ лицъ, тысячью различныхъ вещей; ученый и невѣжда, мудрецъ и глупецъ, дѣтство и старость—всѣ внесли сюда свою долю. По большей части не предчувствуя этого, они принесли мнѣ даръ своихъ мыслей, своихъ способностей, своей опытности; они часто сѣяли зерно, которое я пожалъ... Вы поступаете такъ, какъ нѣкоторые воображаютъ, что если бы они лѣтъ на тридцать заперлись въ своемъ кабинетѣ и занимались бы единственно тѣмъ, чтобы идеи, которыя они вытягиваютъ изъ своего бѣднаго мозга, процѣживать и просѣвать, то они достигли бы неисчерпаемаго источника оригинальности! Знаете ли вы, что изъ этого выходитъ? Дымъ, одинъ дымъ (Wolken, nichts als Wolken)“ [1]).

Кромѣ указанныхъ основныхъ особенностей умственнаго склада, обусловливаемыхъ преобладаніемъ одной изъ трехъ главныхъ группъ умственныхъ дѣятельностей, можно указывать еще нѣкоторыя болѣе частныя особенности склада отдѣльныхъ умовъ, опредѣляемыя преобладаніемъ и энергіею какого либо частнаго умственнаго процесса въ какой либо изъ трехъ основныхъ группъ, при сравнительной слабости другихъ, или разнообразными сочетаніями частныхъ свойствъ, входящихъ въ основные типы. Такъ могутъ быть умы односторонніе и многосторонніе, преимущественно аналитическіе или синтетическіе, могутъ быть геніи памяти съ слабымъ творчествомъ или люди съ необузданнымъ стремленіемъ къ творчеству, вѣчно носящіеся съ новыми планами и предпріятіями и т. д. Высокое развитіе и чувствительность зрѣнія, слуха, мускульнаго аппарата, при соотвѣтствующей памяти и сообразительности, даетъ разнообразный артистическій талантъ. Шѣвецъ, музыкантъ, живописецъ, скульпторъ, владѣя превосходнымъ голосомъ, тонкимъ впечатлительнымъ слухомъ, чувствительнымъ къ цвѣту и формѣ глазомъ, вѣрной, чуткой и смѣлой рукой, развивъ въ себѣ соотвѣтствующую художественную память,

[1]) Beneke, Pragmatische Psychologie, 1, 300—301.

такъ что и способность воспріятія извѣстной группы впечатлѣній и способность отображенія ихъ доведены до возможной степени совершенства, при этомъ часто не только отличается весьма слабою мыслительностью, вялою дѣятельностью нервныхъ центровъ, но и вообще чрезвычайною ограниченностью своихъ интересовъ. Внѣ своей спеціальной сферы онъ часто ничего не знаетъ и знать не хочетъ, а нерѣдко не владѣетъ порядочнымъ элементарнымъ образованіемъ, не умѣетъ даже прилично держать себя. Онъ весь ушелъ, съ головой, въ спеціальную дѣятельность извѣстнаго органа. Можно сказать, что это иногда не настоящіе люди, а просто живые футляры для какого либо, спеціально-развитого, органа. Но объ этихъ спеціальныхъ типахъ говорить здѣсь нѣтъ нужды, достаточно будетъ привести схему такихъ частныхъ типовъ.

Моменты умственной дѣятельности.

Наблюденія и ощущенія.	Творчество образное и отвлеченное.	Сочетаніе въ высшей гармоніи первыхъ двухъ процессовъ.
Умы съ преобладаніемъ. I. наблюденій и ощущеній. Дикія племена, необразованный людъ, дѣти.	II. творчества. Художники, беллетристы, отвлеченные мыслители, мистики, мечтатели, ученые книжники. Умъ Руссо.	III. гармоніи наблюденія и творчества. Уравновѣшенные умы, съ тонкою наблюдательностію, способностію къ эксперименту и сильнымъ творчествомъ. Умы Дарвина и Гете.
Умы, въ дѣятельности которыхъ самое видное мѣсто принадлежитъ какому либо органу и соотвѣтствующей спеціальной памяти, умы строго фактическіе и дѣловые.	а) Умы съ преобладаніемъ памяти и творчества. б) Умы всесторонніе и односторонніе. в) Умы конкретные и абстрактные. г) Умы аналитическіе и синтетическіе. д) Умы теоретическіе и практическіе.	Таланты и геніи въ полномъ смыслѣ этого слова. Таланты и геніи односторонніе: художественные, научные, практическіе.

XII. О воспитаніи отвлеченнаго творчества.

Подобно тому, какъ при обсужденіи вопроса о воспитаніи памяти, встрѣтившись съ различными типами памяти, мы пришли къ заключенію, что для развитія и правильнаго воспитанія человѣка гораздо удобнѣе и важнѣе разносторонній видъ памяти,

чѣмъ односторонній, но съ нѣкоторыми оговорками, такъ и при обсужденіи вопроса о воспитаніи ума мы встрѣчаемся съ различными типами умовъ и, конечно, опять должны повторить ту же мысль о предпочтительности разносторонности ума его односторонности. Чѣмъ полнѣе, энергичнѣе совершается какой-либо процессъ, тѣмъ лучше. Но если по отношенію къ такому, сравнительно элементарному, процессу, какъ память, мы должны были присоединить нѣкоторыя оговорки относительно большой цѣнности преобладающихъ свойствъ при запоминаніи, то ту же оговорку съ большею настоятельностію мы должны сдѣлать по отношенію къ характернымъ свойствамъ того или другого умственнаго типа. Разносторонность въ развитіи ума весьма заманчива, но практически, при ея воспитаніи, можетъ представлять значительныя опасности.

Умъ всестороннній есть умъ чрезвычайно привлекательный. Онъ способенъ найтись во всевозможныхъ положеніяхъ и случаяхъ, онъ быстро усвояетъ; человѣкъ съ такимъ умомъ пріятный собесѣдникъ и товарищъ. Въ свѣтской жизни, въ салонѣ такой умъ—драгоцѣнная вещь; ничто человѣческое такому уму не чуждо, начиная съ высшихъ сферъ науки, искусства и государственной жизни и кончая будничными мелочами и, пожалуй, сплетнями. По сравненію съ такимъ пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ умомъ умъ односторонній кажется очень бѣднымъ, неподвижнымъ, скучнымъ, даже тупымъ, несмотря, можетъ быть, на всю его глубину. Въ свѣтской веселой жизни сильный односторонній умъ легко можетъ присвоить владѣльцу его кличку нѣмецкаго гелертера.

Если идеаломъ ума педагогъ ставитъ умъ всесторонній, задачей воспитанія—воспитаніе человѣка, способнаго на всѣ руки, то, понятно, онъ долженъ принять для достиженія этой цѣли особенныя мѣры. Именно ему нужно обратить вниманіе, прежде всего, на составъ образовательнаго курса: онъ долженъ быть разнообразенъ, захватывать возможно больше предметовъ, наукъ и искусствъ, но не долженъ быть очень серьезенъ и основателенъ. Такой курсъ постоянно долженъ идти вширь, а не вглубь,—онъ обязательно до нѣкоторой степени долженъ быть поверхностенъ. Затѣмъ, педагогъ долженъ тщательно слѣдить и за занятіями своего питомца, именно онъ не долженъ позволять ему увлекаться какимъ-либо однимъ предметомъ въ ущербъ другимъ, не долженъ позволять нарушать равновѣсіе и гармонію занятій и предметовъ. Воспитывая всесторонній умъ, педагогъ долженъ сдѣлать его одинаково склоннымъ ко всѣмъ предметамъ и занятіямъ, ко всѣмъ имъ внушать одинаковую любовь или, что тоже, научить ко всѣмъ имъ

относиться одинаково равнодушно. Какъ скоро между предметами появится любимый, и однимъ упражненіямъ будетъ отдано предпочтеніе предъ другими, сейчасъ же гармонія рухнетъ, и всѣ прочіе предметы и занятія въ большей или меньшей степени пострадаютъ, они будутъ принесены на алтарь любимаго предмета и занятія. Такой умъ будетъ уже не строго всесторонній,—въ немъ будетъ заложена основа спеціальной дѣятельности, профессіи, односторонности.

Умъ всесторонній, съ педагогической точки зрѣнія, нежелателенъ, а съ психологической, въ строгомъ смыслѣ слова, невозможенъ. Настоящая всесторонность неизбѣжно включаетъ поверхность и элементарность. Невозможно изучить глубоко, основательно всѣ науки и искусства; чѣмъ больше и больше ширится образованіе, тѣмъ больше и больше оно мельчаетъ, подобно рѣкѣ. Правда, есть рѣки и широкія, и глубокія, но такихъ сравнительно мало, какъ мало людей съ умомъ всестороннимъ и въ то же время глубокимъ. Леонардо да-Винчи получилъ самое разностороннее образованіе и въ одномъ письмѣ сказалъ про себя, что въ немъ сидѣло десять человѣкъ: скульпторъ, живописепъ, математикъ, музыкантъ, управляющій общественными работами и т. д. Про Микель Анджело говорили, что онъ былъ „человѣкъ о четырехъ душахъ"—скульпторъ, живописецъ, архитекторъ и поэтъ. Но такіе разносторонніе геніи и таланты—исключенія, а педагогъ долженъ имѣть въ виду и разсчитывать не на исключенія, а на норму. Люди, отличавшіеся всестороннимъ умомъ, по большей части были относительно всесторонни, а не абсолютно. Ихъ знанія по различнымъ отраслямъ вѣдѣнія были неравны—глубокія знанія у нихъ были въ двухъ, трехъ сферахъ, а не во всѣхъ. Вообще педагогическій идеалъ—созданіе разносторонняго интереса, сообразно возрасту, но при главенствѣ одного, болѣе сильнаго и плодотворнаго стремленія, преобладающей способности.

Буквально полная всесторонность ума невозможна психологически, потому что у каждаго человѣка есть врожденныя умственныя предрасположенія и склонности, которыя неизбѣжно увлекаютъ его на опредѣленный путь, заставляютъ предпочитать одни занятія другимъ, обусловливаютъ успѣхъ въ одной сферѣ дѣятельности и неуспѣхъ въ другой. Побѣдить природу искусствомъ невозможно, да и опасно вступать въ бой: стараясь все вытянуть въ одну линію, всѣ дѣятельности привести къ одной мѣркѣ, рискуешь ослабить сильныя способности и ничего не сдѣлать изъ слабыхъ.

Итакъ, если имѣется въ виду воспитаніе человѣка не для

салона, а для дѣловой жизни, для серьезной дѣятельности, то придется поставить цѣлью воспитаніе не этого блестящаго метеора—всесторонняго ума, а ума болѣе тусклаго, но за то болѣе солиднаго—разносторонняго, даже съ нѣкоторымъ элементомъ односторонности. Какъ нужно вести развитіе умственнаго типа указанной категоріи?

Односторонность ума—нашъ природный недостатокъ и недостатокъ весьма чувствительный; онъ ограничиваетъ, суживаетъ сферу психической жизни человѣка. Но этотъ недостатокъ умственной организаціи не предполагаетъ абсолютную неспособность или невозможность усвоенія разнообразнаго умственнаго матеріала, онъ служитъ только основаніемъ предпочтительной склонности къ извѣстному роду занятій, условіемъ легкаго и быстраго успѣха въ одномъ видѣ умственнаго труда и малаго сравнительно успѣха въ другихъ. На этомъ свойствѣ человѣческаго ума педагогъ и долженъ строить свою воспитательную систему. Онъ долженъ озаботиться прежде всего, чтобы учебный курсъ былъ составленъ изъ разнородныхъ предметовъ, чтобы извѣстный отдѣлъ знаній не имѣлъ въ курсѣ подавляющаго значенія. Если къ природной односторонности человѣческаго ума педагогъ присоединитъ еще односторонне составленный курсъ, то особенно благихъ плодовъ отъ образованія ждать нельзя, умственный горизонтъ учащихся будетъ тогда слишкомъ тѣсенъ, они съ первыхъ же шаговъ умственнаго развитія пойдутъ по спеціальности, общечеловѣческаго будетъ слишкомъ мало въ такой образовательной системѣ. Разносторонній курсъ важенъ въ томъ отношеніи, что разносторонніе элементарныя знанія необходимы для полной и энергичной умственной дѣятельности во всякой спеціальности, а разносторонніе элементарныя свѣдѣнія могутъ усвояться всѣми, не смотря на одностороннюю природную складку нашего ума. Такое образованіе, которое дѣлаетъ человѣка чуждымъ большей части умственныхъ интересовъ человѣчества, замыкаетъ его въ какой либо узкой и спеціальной области изученія, нельзя назвать правильнымъ воспитаніемъ. Прежде, чѣмъ быть спеціалистомъ, нужно быть образованнымъ человѣкомъ. Но настаивая на необходимости разносторонняго курса, мы не то хотимъ сказать, что чѣмъ больше включить въ курсъ различныхъ предметовъ, тѣмъ дѣло будетъ лучше. Многопредметность курса сама по себѣ вовсе не есть благо или достоинство, она должна простираться только до тѣхъ поръ, пока совмѣстима съ возможностью основательнаго изученія курса. Ввести въ курсъ такое количество различныхъ предметовъ, которое изучить основательно невозможно—значитъ явно поступить неблагоразумно.

При занятіяхъ различными предметами, у учащихся обнаружатся различныя склонности, предпочтительная любовь и особенные успѣхи по одному какому-либо предмету. Мѣшать этимъ склонностямъ не слѣдуетъ, потому что въ нихъ сказывается умственная индивидуальность человѣка; ихъ слѣдуетъ даже поощрять, чтобы сильная отъ природы способность развилась въ полную мѣру. Педагогу нужно будетъ позаботиться только о томъ, чтобы учащійся, изъ—за любви къ извѣстному предмету, не забросилъ совсѣмъ другихъ, чтобы онъ и по этимъ другимъ продолжалъ свои занятія, чтобы, однимъ словомъ, онъ возрасталъ въ извѣстной мѣрѣ умомъ разностороннимъ, а не одностороннимъ. Но само собой разумѣется, что добиться одинаковыхъ успѣховъ по всѣмъ предметамъ ему будетъ невозможно, природная склонность выразится непремѣнно большими успѣхами въ любимомъ предметѣ. Съ этой точки зрѣнія можно даже утверждать, что ученикъ или ученица, идущіе равно прекрасно по всѣмъ предметамъ, тѣмъ самымъ до нѣкоторой степени свидѣтельствуютъ о своемъ равнодушномъ отношеніи къ умственнымъ интересамъ. Имъ, значитъ, все равно, какимъ бы предметомъ ни заниматься, всѣ предметы они изучаютъ (справедливѣе выучиваютъ) съ равной охотой и прилежаніемъ—исторію, грамматику, математику. Будь у нихъ сильная природная склонность, она дала бы себя знать преобладаніемъ какого-либо предмета. Изъ равнодушныхъ же въ умственномъ отношеніи людей обыкновенно не выходитъ серьезныхъ дѣятелей науки, въ нихъ нѣтъ одушевленія, увлеченія, нѣтъ той искры Божьей, того огонька, который могуче двигаетъ умъ въ извѣстномъ направленіи. Изъ равнодушныхъ въ умственномъ отношеніи людей могутъ выдти прекрасные чиновники на различныхъ поприщахъ чиновнаго служенія, но не выйдетъ мыслителей, такихъ людей, „чья лампа ночная весь шаръ земной освѣщаетъ“. Не только талантъ, но и геній, въ громадномъ большинствѣ с чаевъ, есть высоко развитая односторонность.

Если разносторонность умственнаго развитія весьма цѣнна, если педагогъ долженъ стремиться къ ея достиженію всѣми, имѣющимися въ его рукахъ, средствами, то ему нужно для этого обратить вниманіе на одно весьма важное явленіе. Уже при вопросѣ о развитіи памяти мы съ нимъ встрѣтились. Тамъ оно заключалось въ заявленіи нѣкоторыхъ психологовъ экспериментаторовъ, что заучиваніе безсмысленныхъ складовъ благотворно вліяетъ на заучиваніе другого, совершенно различнаго, матеріала, осмысленной прозы, стиховъ и т. п., такъ что какъ будто есть

общая способность памяти, которую Мейманъ, кажется, и склоненъ допустить, и которую можно развивать чисто формальными упражненіями, въ родѣ заучиванія безсмысленныхъ складовъ. На этомъ основаніи и въ виду слабаго развитія памяти у учащихся въ школахъ Мейманъ и настаиваетъ на введеніи въ школы формальныхъ упражненій памяти. Въ области ума мы встрѣчаемся съ такимъ же фактомъ— съ вѣрой въ способность формально развивать умъ нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ, математики и древнихъ языковъ. Говорятъ, заставьте учащихся хорошенько изучить математику и древніе языки, и учащіеся тогда разовьются для всего, будутъ умными и сообразительными во всѣхъ областяхъ знанія, будутъ въ состояніи съ толкомъ приняться за любую науку. Такимъ образомъ, благотворные плоды заучиванія безсмысленныхъ складовъ въ одномъ случаѣ и математики и древнихъ языковъ въ другомъ распространяются если не на всю, то на многія стороны душевной жизни. Какъ понимать такія заявленія и факты? Неужели заучиваніе безсмысленныхъ складовъ можетъ дѣйствительно помогать заучиванію стихотвореній, а знаніе математики разовьетъ умъ и для пониманія соціологіи и педагогики? Кажется, это совершенно различныя области явленій, не соприкасающіяся между собою.

Между тѣмъ въ указанныхъ фактахъ и заявленіяхъ есть справедливая мысль, не о томъ, что существуютъ общая способность памяти и общая способность разсудка—теорія душевныхъ способностей отпѣта и похоронена—а о томъ, что спеціальныя упражненія имѣютъ нѣкоторое общеобразовательное значеніе. Разъяснимъ эту мысль.

Что же именно пріобрѣтаетъ человѣкъ съ практикой душевной дѣятельности, съ упражненіемъ въ душевной работѣ? Другими словами, въ чемъ заключается формальное развитіе ума, памяти и душевныхъ способностей вообще? Чтобы яснѣе отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ физическому труду и посмотримъ, не даетъ-ли онъ какого-либо своеобразнаго формальнаго развитія. Таковое, несомнѣнно, существуетъ.

Человѣкъ, изучающій какое либо мастерство, изучаетъ его съ двухъ сторонъ: со стороны матеріала и со стороны пріемовъ. Каждое мастерство имѣетъ свой особенный матеріалъ, и первое дѣло при знакомствѣ съ мастерствомъ знать, съ какимъ матеріаломъ будешь работать. Свойства матеріала опредѣляютъ и способы его обработки. За ознакомленіемъ съ матеріаломъ идетъ изученіе орудій и пріемовъ мастерства и пріобрѣтеніе въ нихъ надлежащей ловкости, усвоеніе различныхъ техническихъ навы-

ковъ. Ничего болѣе въ мастерствѣ съ умственной стороны нѣтъ: знакомство съ матеріаломъ и знаніе пріемовъ мастерства, точнѣе, ловкость въ нихъ—вотъ и все.

Предположимъ теперь, что человѣкъ, изучившій одно мастерство, переходитъ къ изученію другого. Въ чемъ можетъ оказать ему помощь знакомство съ первымъ мастерствомъ? Помощь можетъ быть двоякая: въ ознакомленіи съ матеріаломъ и пріемами мастерства, если мастерства имѣютъ нѣкоторое сходство между собою. Чѣмъ больше будетъ сходство между матеріалами ремеслъ, тѣмъ больше знаній матеріала перваго мастерства пригодится при знакомствѣ съ матеріаломъ второго мастерства, тѣмъ легче и быстрѣе произойдетъ ознакомленіе съ послѣднимъ; если же сходства по матеріалу между ремеслами будетъ очень мало, или его даже совсѣмъ не окажется, то знаніе перваго мастерства нисколько не поможетъ при ознакомленіи съ матеріаломъ второго, и его придется вести совершенно заново. То же самое повторится по отношенію къ пріемамъ мастерства. При сходствѣ пріемовъ, пріемы перваго мастерства можно прямо перенести на второе; если же сходство незначительно, то прежнія знанія по мастерству будутъ мало полезны при изученіи новаго ремесла. Ни въ чемъ другомъ знаніе одного ремесла не можетъ помочь усвоенію другого.

Слѣдовательно, формальное развитіе въ физическомъ трудѣ будетъ состоять въ умѣньи пользоваться прежними знаніями матеріала и пріемовъ мастерства при усвоеніи техники новаго. Чѣмъ чаще будетъ переходъ отъ одного мастерства къ другому (предполагая хорошее усвоеніе каждаго), тѣмъ искусство въ пользованіи прежними знаніями и навыками при знакомствѣ съ новымъ ремесломъ будетъ возрастать, становиться больше и больше, тѣмъ опытнѣе, умнѣе и свѣдущѣе будетъ ремесленникъ. Отъ изученія многихъ ремеслъ у него получится общее ремесленное развитіе и искусство, рука и глазъ его привыкнутъ обращаться съ самымъ разнороднымъ матеріаломъ, приспособляться къ нему: рука сдѣлается ловчѣе, а глазъ острѣе, работа будетъ итти быстро и складно. Такой ремесленникъ не потеряется ни въ одномъ затруднительномъ случаѣ, такъ какъ въ его обширномъ опытѣ найдется нѣчто сходное съ настоящимъ положеніемъ, окажется возможнымъ воспользоваться какимъ либо старымъ знаніемъ, съ видоизмѣненіемъ его по современнымъ обстоятельствамъ, для примѣненія въ новомъ сочетаніи. Тѣ-же самыя явленія происходятъ и въ духовномъ мірѣ при формальномъ развитіи душевныхъ способностей.

Каждая наука, каждое искусство, каждый языкъ представляютъ собою сочетаніе двухъ элементовъ: извѣстнаго матеріала и извѣстной логики. Наука, искусство и языки не суть груды матеріала, набросаннаго въ хаотическомъ безпорядкѣ, какъ пришлось; это есть знаніе и дѣятельности организованныя, систематическія, воздѣйствующія на каждый умъ непремѣнно и своей логикой. У каждой науки, у каждаго языка и искусства есть не только свой матеріалъ, но и своя логика. И матеріалъ и логика, конечно, различны: есть науки (также и языки) чрезвычайно богатыя и обильныя по матеріалу съ сравнительно несложной и подчасъ даже мало разработанной логикой; есть предметы съ болѣе сложной и хорошо разработанной логикой, но съ весьма небольшимъ матеріаломъ; есть предметы, значительно дѣйствующіе на чувство, и есть предметы, мало дѣйствующіе на чувство; есть предметы, требующіе преимущественно отвлеченнаго мышленія, и есть предметы, требующіе нагляднаго мышленія; есть предметы съ весьма сходнымъ матеріаломъ и логикой, и есть предметы съ весьма различнымъ матеріаломъ и логикой.

Очевидно, надлежащее развитіе ума можетъ получиться лишь при тщательномъ вниманіи къ процессу работы, къ пріемамъ при обработкѣ матеріала, къ ихъ анализу, къ выясненію ихъ значенія въ отдѣльности и въ общей связи одного съ другимъ. Иначе сказать, для хорошаго формальнаго развитія нужно тщательное изученіе логики отдѣльныхъ наукъ, а потомъ и логики вообще, а не только научнаго матеріала. Эта логическая, формальная сторона образованія въ настоящее время очень слаба.

Если признать указанную двойственность каждой умственной работы, то получится полная аналогія между физической и духовной работой: и въ духовной работѣ дѣло состоитъ въ ознакомленіи съ матеріаломъ работы и съ пріемами при обработкѣ матеріала, а формальное развитіе душевныхъ способностей будетъ заключаться въ умѣньи пользоваться прежними знаніями матеріала и пріемовъ его обработки при новыхъ работахъ.

Въ духовной работѣ знаніе свойствъ матеріала прежнихъ работъ можетъ большею или меньшею частью входить въ знакомство съ новымъ матеріаломъ. Напримѣръ, переходя отъ математики къ физикѣ, отъ физики къ химіи, отъ географіи къ исторіи мы значительную часть своихъ прежнихъ знаній о матеріалѣ науки переносимъ на новый, такъ какъ новый матеріалъ есть дальнѣйшее усложненіе предыдущаго или новый матеріалъ развивается на почвѣ прежняго. Чѣмъ больше стараго матеріала повторяется въ новомъ, тѣмъ легче и быстрѣе совершается ус-

военіе новаго. Усвоеніе латинскаго языка представитъ извѣстныя трудности; но изученіе французскаго и итальянскаго значительно облегчится тѣмъ, что не малая часть матеріала въ этихъ языкахъ заимствована изъ латинскаго. То-же повторяется при переходѣ отъ французскаго и нѣмецкаго языковъ къ англійскому.

Пріемы умственной работы также переносятся съ одного предмета на другой. Если человѣкъ хорошо усвоилъ себѣ способъ математическаго разсужденія, то онъ будетъ пользоваться имъ въ весьма многихъ случаяхъ, такъ какъ астрономія и механика заключаютъ въ себѣ весьма много математическихъ элементовъ; въ физикѣ и химіи нерѣдко встрѣчается надобность въ математическомъ разсужденіи; въ нѣкоторыхъ другихъ также. Мы не говоримъ уже о томъ, что на математическое разсужденіе представляетъ не рѣдкій запросъ жизнь. Точно также усвоеніе метода тщательнаго наблюденія фактовъ, положимъ, въ ботаникѣ окажетъ услуги при наблюденіяхъ надъ минералами, животными и даже дюдьми; умѣнье обращаться съ историческими документами будетъ полезно и въ этнографіи, и въ соціологіи, и въ исторіи литературы и во многихъ частныхъ вѣтвяхъ знанія. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ даже необходимымъ, при классификаціи наукъ, представлять ихъ въ видѣ послѣдовательнаго усложняющагося ряда, въ которомъ каждая послѣдующая наука непремѣнно заключаетъ съ себѣ существенные элементы всѣхъ предшествующихъ и по содержанію, и по методу (Контовская классификація).

Итакъ, изученіе каждой науки, языка, искусства можетъ влечь и дѣйствительно влечетъ въ большей или меньшей степени (эта степень зависитъ отъ постановки образованія) двоякое развитіе ума: матеріальное—пріобрѣтеніе знаній, усвоеніе новаго матеріала—и формальное, заключающееся въ усвоеніи метода работы, въ пріобрѣтеніи навыка, искусства въ работѣ въ сферѣ данной науки и вообще какой-бы то ни было душевной дѣятельности. Искусство пользоваться старымъ матеріаломъ и прежними знакомыми пріемами работы при изученіи и обработкѣ новаго матеріала и составляетъ то, что называется общимъ или формальнымъ развитіемъ. Очевидно, такое развитіе совершается постепенно, требуетъ времени, хлопотъ и трудовъ, имѣетъ разные виды и степени, подобно тому, какъ есть степени въ количественномъ пріобрѣтеніи знаній, одинъ знаетъ больше по извѣстной наукѣ, а другой меньше. Обстоятельное изученіе одного предмета даетъ частное формальное развитіе въ области этого предмета: проникнувшись своеобразнымъ характеромъ матеріала

и логики данной области знанія, человѣкъ пріобрѣтаетъ искусство въ разрѣшеніи вопросовъ этой науки, умѣнье съ успѣхомъ мыслить въ ея области. Изучивъ другую, третью, четвертую науки, изучающій расширяетъ матеріалъ своихъ научныхъ владѣній, свои знанія, а вмѣстѣ укрѣпляетъ новыми изслѣдованіями прежнее искусство въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ, расширяетъ и усовершенствуетъ свои научные пріемы, пріобрѣтаетъ новые навыки, усваиваетъ новые способы умственнаго труда. Сочетаніе прежнихъ пріемовъ съ новыми въ умственной работѣ даетъ въ результатѣ общее формальное развитіе, заключающееся въ выработкѣ общихъ руководящихъ началъ при всякомъ умственномъ трудѣ. Мало-по-малу возникаютъ и укрѣпляются такія свойства, какъ глубина и основательность проработки вопросовъ, всесторонность ихъ разсмотрѣнія, осторожность въ сужденіяхъ, воздержаніе отъ личныхъ пристрастій, неторопливость въ выводахъ, стремленіе къ ихъ точной формулировкѣ и т. п. Такія свойства умственной дѣятельности неизбѣжно предполагаютъ позади себя довольно обширную и разнообразную работу, веденную правильно, методично, а не кое-какъ, притомъ съ тщательнымъ вниманіемъ къ процессу работы, къ ея методологіи.

Говоря о формальномъ развитіи душевныхъ способностей, мы ссылались постоянно на практику ума; но то-же справедливо и по отношенію къ другимъ способностямъ. Напримѣръ, развитіе воли совершается тѣмъ же порядкомъ. Въ волѣ есть и матеріальная и формальная стороны, а формальное развитіе также бываетъ частнымъ и общимъ. Когда воля упражняется въ мужествѣ, предпріимчивости, бережливости, когда дитя пріучается къ порядливости, точному выполненію своихъ семейныхъ или школьныхъ обязанностей, тогда отдѣльные движенія, дѣйствія и поступки, совершаемые въ той или другой частной области пріученія и укрѣпленія воли, составляютъ матеріалъ волевой дѣятельности; постепенность же и вообще порядокъ въ ихъ совершеніи, связываніе и сравненіе одного дѣйствія съ другимъ, словомъ, методологія этихъ дѣйствій составляетъ формальную сторону дѣла. Въ результатѣ получится не только овладѣніе отдѣльными движеніями, но и формальное развитіе въ этой частной сферѣ, искусство и легкость въ совершеніи изучаемыхъ движеній и поступковъ.

Когда изъ одной сферы дѣятельности человѣкъ перейдетъ въ другую сферу, тогда на новую сферу онъ перенесетъ, въ случаѣ нѣкотораго сходства ея съ прежней, свое знаніе отдѣль-

ныхъ движеній и порядка и способа ихъ совершенія, вслѣдствіе чего вторая волевая область упражненій усвоится скорѣе и легче. А въ концѣ концовъ, отъ изученія многихъ такихъ областей, получится общее формальное развитіе воли, т. е. ея стойкость, выдержанность, обдуманность дѣйствій, необходимая для успѣха дѣла предпріимчивость, умѣнье во-время уступить, словомъ, возникаетъ въ области воли явленіе, совершенно аналогичное общему формальному развитію ума.

Подвижничество заключается, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи и развитіи воли. Какъ достигается такая воля, какъ вырабатывается? Путемъ постепеннаго усвоенія отдѣльныхъ способовъ подвижничества, т. е. овладѣнія волей частными областями поступковъ. Сначала подвижникъ упражняетъ себя въ неуклонномъ посѣщеніи церковныхъ службъ и совершеніи келейныхъ молитвъ, потомъ въ строгомъ соблюденіи постничества, въ безпрекословномъ повиновеніи монастырскимъ властямъ, потомъ берется съ чувствомъ зависти, властолюбія и т. д. Каждая отдѣльная область упражненій такъ-же обогащаетъ волю, какъ отдѣльная наука умъ, принося ей новый видъ движеній и поступковъ и создавая разнообразные навыки въ дѣйствованіи, расширяя пріемы и методы властвованія воли надъ всѣми грѣховными влеченіями. Въ концѣ концовъ создается твердая могучая подвижническая воля, не боящаяся никого и ничего, легко справляющаяся со всякимъ искушеніемъ, т. е. достигается общее формальное развитіе воли.

Сомнѣваться въ наличности очерченнаго формальнаго развитія, а равно въ томъ, что оно можетъ совершаться лишь постепенно, требуетъ времени и большихъ трудовъ, что дѣтямъ оно не присуще, какъ не присуще и многимъ взрослымъ,—невозможно. Съ указанной точки зрѣнія и вообще для методическаго развитія мышленія особенно важно занять умъ серьезнымъ изученіемъ наукъ съ преобладающимъ индуктивнымъ и дедуктивнымъ характеромъ. Индуктивный методъ преобладаетъ въ естественныхъ наукахъ, гдѣ онъ встрѣчается въ различныхъ формахъ и примѣненіяхъ, сообразно съ тѣмъ или другимъ характеромъ и матеріаломъ науки. Поэтому лучшая практика для изощренія ума въ индуктивныхъ заключеніяхъ—это основательное изученіе нѣсколькихъ естественныхъ наукъ. Индуктивныя заключенія въ естественныхъ наукахъ выводятся очень осмотрительно и осторожно. Природа выдаетъ свои тайны и чудеса только осторожному, строгому изслѣдователю, который не навязываетъ ей произвольно составленныхъ, сфантазированныхъ, те-

орій и гипотезъ, но подслушиваетъ объясненіе натуральныхъ явленій у самой природы. Естественныя науки имѣютъ за собой еще то преимущество, что преподаваніе ихъ можетъ быть поставлено совершенно наглядно, такъ что питомецъ самъ будетъ видѣть, какъ изъ наблюденія и сравненія отдѣльныхъ фактовъ возникаютъ общія положенія, какъ, сочетая эти положенія, мы получаемъ болѣе широкія и отвлеченныя формулы и т. д. Въ то же время и провѣрка добытыхъ общихъ правилъ и законовъ можетъ быть производима вполнѣ наглядно—опытами и наблюденіями. Не каждая наука, съ преобладаніемъ индукціи, имѣетъ за собой это преимущество наглядности.

Если естественныя науки прекрасно выражаютъ характеръ индуктивнаго изслѣдованія, то математика, и въ частности геометрія, равно прекрасно выражаетъ сущность дедуктивнаго метода. Изъ немногихъ аксіомъ путемъ вывода геометръ построяетъ все зданіе своей науки; теорема за теоремой являются изъ самыхъ простыхъ началъ. Поэтому для развитія способности къ дедуктивному мышленію занятія геометріей особенно полезно. Философія также можетъ принести въ этомъ отношеніи существенную пользу, такъ какъ ея методъ дедуктивный.

Но какъ ни полезно для развитія методической мыслительности изучать тѣ науки, въ которыхъ съ особенною силою выразились главнѣйшія формы человѣческой мысли, т. е. изучать эти формы въ примѣненіи къ той или другой частной области знанія, было бы очень хорошо это практическое ознакомленіе съ формами нашей мысли пополнить теоретическимъ изученіемъ чистыхъ формъ мысли, т. е. логики. Кто хочетъ дать себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ тѣхъ путяхъ, которыми идетъ наша мысль, въ заблужденіяхъ, которыя возможны при этомъ, и способахъ предотвращать ихъ, тотъ долженъ обратиться къ логикѣ. Благотворное вліяніе знакомства съ логикой на осмотрительность и основательность сужденій несомнѣнно. Милль въ своей „Автобіографіи“ говоритъ, что „нѣтъ ни одного предмета во всемъ обширномъ курсѣ моего воспитанія, которому я былъ бы столькимъ обязанъ за развитіе способности правильно мыслить, какъ логика... Я убѣжденъ, что ничто въ современномъ воспитаніи не можетъ служить къ лучшему образованію положительныхъ мыслителей, придающихъ опредѣленный смыслъ словамъ и предложеніямъ и не поддающихся вліянію смутныхъ, неточныхъ, двусмысленныхъ выраженій. Хваленое вліяніе математическихъ занятій въ сравненіи съ логикой ничто, такъ какъ въ математическомъ процессѣ не встрѣчаются настоящія трудности правильнаго мышленія“ (20—24).

Особенно полезно ознакомиться съ логикой послѣ практическаго занятія размышленіемъ, т. е. послѣ изученія нѣсколькихъ естественныхъ наукъ и геометріи. Практика мысли тогда пояснится и расширится теоріей, а теорія будетъ имѣть прочную основу въ практикѣ. Милль же полагаетъ, что занятіе логикой возможно даже „въ первоначальную эпоху научнаго образованія", прежде самостоятельнаго развитія мысли путемъ опыта и размышленія. „Человѣкъ можетъ обладать способностью распутывать сложныя, противорѣчащія нити запутанныхъ мыслей, прежде чѣмъ его собственное мышленіе достигнетъ значительнаго развитія. Этой способности недостаетъ однако у многихъ, въ другихъ отношеніяхъ одаренныхъ, людей".

Вообще все воспитаніе ума должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы оно способствовало проявленію всѣхъ природныхъ характерныхъ чертъ умственнаго типа, его самобытному самостоятельному развитію. Безъ самодѣятельности знанія—мертвый капиталъ, который не принесетъ никакой существенной пользы обладателю. „Собственно человѣческое въ человѣкѣ есть его самодѣятельность. Все человѣческое, свободное, оригинальное рождается изъ самодѣятельности; поэзія, мышленіе, наблюденіе, чувство, господство надъ самимъ собою, рѣчь, дѣятельность и всѣ свободные движенія и жесты имѣютъ въ ней свое средоточіе. Воспитаніе простирается только настолько, насколько простирается самостоятельность; только такъ далеко, какъ она простирается, человѣкъ способенъ къ образованію чрезъ другихъ, или къ самообразованію. Главная цѣль воспитателя должна такимъ образомъ заключаться въ томъ, чтобы развивать самодѣятельность, чрезъ которую человѣкъ позднѣе можетъ сдѣлаться собственнымъ господиномъ, устроителемъ своей жизни, дать этой самостоятельности величайшую силу, жизненность и широкое распространеніе, подчинить ей прочія духовныя и тѣлесныя силы. Высочайшая цѣль воспитанія, его субъективная основа, есть такимъ образомъ развитіе самодѣятельности". [1]) Какъ бы ни были обширны знанія человѣка, но безъ самодѣятельности въ нихъ не будетъ твердости и опредѣленности, „что ему книга послѣдняя скажетъ, то на душѣ его сверху и ляжетъ; вѣрить, не вѣрить — ему все равно, лишь бы доказано было умно".

Развитіе самостоятельнаго мышленія, равно какъ и всякаго другого свойства, предполагаетъ существованіе нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій. Самое первое условіе—наличность досуга,

[1]) Diesterweg, Wegweiser, t. 1, s. 45 (изд. 5).

времени для свободнаго самостоятельнаго размышленія. Нерѣдко при составленіи порядка дня, школьныхъ занятій, время воспитываемаго росписывается не только по часамъ, но даже по получасамъ, чуть ли не минутамъ. Воспитываемый втискивается въ такую тугую и дробную рамку, что ему свободно и пошевельнуться некогда, а не то что подумать. Какая же тутъ можетъ быть самостоятельность мышленія и дѣйствованія? Но одинъ досугъ есть только одна голая возможность, которой учащійся либо воспользуется, либо нѣтъ. Нужны еще мотивы, которые побуждали бы воспитываемаго тратить досугъ въ опредѣленныхъ видахъ.

Мотивами, побуждающими къ самостоятельному размышленію, могутъ быть: самостоятельное чтеніе и обмѣнъ мыслей и споры о прочитанномъ и продуманномъ. Что самостоятельное внѣклассное или внѣшкольное чтеніе будитъ мысль, ставитъ ей новые вопросы, возбуждаетъ различныя сомнѣнія—это несомнѣнный фактъ. Школьное преподаваніе есть по преимуществу догматическое преподаваніе, все оно приспособлено не столько къ возбужденію самостоятельнаго мышленія, сколько къ усвоенію знанія, по возможности, основательному и точному. Оно недостаточно будитъ мысль, а мысль, имъ возбужденная, далеко невсегда находитъ удовлетвореніе въ преподаваемыхъ предметахъ, характерѣ преподаванія и объемѣ. На подмогу является самостоятельное внѣклассное чтеніе.

Но внѣклассное чтеніе только первый дѣйствительный шагъ къ развитію самостоятельнаго мышленія. Весьма важно, по поводу прочитаннаго, обмѣняться мыслями съ другими, выслушать иные взгляды, поспорить, защитить свое мнѣніе. Товарищескіе кружки, въ которыхъ возбужденъ умственный интересъ, гдѣ обсуждаются различные взгляды, статьи и книги, весьма солидное подспорье къ тому, чтобы вырабатывалось и формировалось самостоятельное сужденіе. Если къ этимъ словеснымъ спорамъ присоединить еще письменное систематическое обсужденіе различныхъ научныхъ вопросовъ, то самостоятельная мысль неизбѣжно должна окрѣпнуть въ большей или меньшей степени. Письменная работа, сочиненіе—драгоцѣнная вещь, ничто не можетъ такъ серьезно и основательно ввести учащагося въ науку, въ пониманіе ея существенныхъ задачъ и методовъ, какъ письменныя работы на вопросы изъ данной науки. Составляя сочиненіе, учащійся волей-неволей превращается до нѣкоторой степени въ самостоятельно мыслящее существо, особенно, если вопросъ такого рода, что по нему можно говорить и pro и contra, приходится взвѣшивать доводы противоположные

Итакъ главнѣйшія условія, благопріятствующія развитію самостоятельнаго мышленія, слѣдующія: а) досугъ отъ обязательныхъ занятій по усвоенію матеріала знанія; б) самостоятельное внѣклассное чтеніе; в) обмѣнъ мыслей и споры въ товарищескихъ кружкахъ; г) письменныя работы по различнымъ научнымъ вопросамъ. Обыкновенно въ школахъ рѣдко встрѣчается сочетаніе указанныхъ благопріятныхъ условій для развитія самостоятельнаго мышленія.

Пожалуй, кому либо можетъ притти въ голову такая мысль: задачей средней школы нельзя ставить пробужденіе и развитіе самостоятельнаго мышленія. Это дѣло высшей школы. Для средней школы за глаза достаточно, если она обогатитъ умъ учащихся разностороннимъ и обильнымъ учебнымъ матеріаломъ, который пригодится при позднѣйшихъ умственныхъ работахъ. Съ такимъ взглядомъ невозможно согласиться.

Умственная самодѣятельность наиболѣе цѣнное качество. Отнимите его, и знанія сами по себѣ явятся мертвыми, малозначительными. Притомъ, откуда же въ высшей школѣ явится желаемая самодѣятельность, если въ теченіе 7—8 лѣтъ средняго образованія ея не было? Не нужно забывать и того, что многіе средней школой кончаютъ свое образованіе и, по выходѣ изъ нея, вступаютъ прямо въ жизнь. Куда же будутъ годиться подобные люди? Они не будутъ въ состояніи жить своимъ умомъ, имъ нуженъ будетъ постоянный руководитель. Лессингъ справедливо внушалъ всѣмъ: непремѣнно сами разсуждайте, хотя бы и плохо. Само собой разумѣется, что степень требуемой самостоятельности мышленія должна отвѣчать силамъ извѣстнаго возраста, но ее нужно развивать непремѣнно не позже первыхъ началъ воспитанія. Самыя простыя, но весьма настойчивыя, попытки самодѣятельности уже обнаруживаютъ весьма маленькія дѣти.

Еще одно частное замѣчаніе о воспитаніи процессовъ собственно обобщенія и отвлеченія.

Процессъ обобщенія можетъ совершаться съ различною долею основательности и правильности, сообразно съ количествомъ и качествомъ обобщаемаго матеріала. Имѣя подъ рукой очень маленькое количество фактовъ, и притомъ нехарактерныхъ, извѣстнаго класса, мы можемъ сдѣлать обобщеніе, простирающееся на весь классъ. Видѣвъ случайно одинъ десятокъ китайцевъ, мы можемъ составить представленіе о всемъ китайскомъ народѣ. Для основательности и правильности обобщенія педагогу нужно имѣть въ виду слѣдующіе два пункта: а) количество обобщаемаго матеріала должно быть всегда достаточно обильно. Въ противномъ

случаѣ мы рискуемъ впасть въ серьезныя ошибки при обобщеніи: замѣтить не всѣ отличительныя черты класса, такъ какъ нѣкоторыя характерныя черты могутъ быть выражены въ отдѣльныхъ экземплярахъ недостаточно ясно и опредѣленно; важнымъ чертамъ не придать значенія вслѣдствіе случайнаго несильнаго ихъ выраженія въ подлежавшихъ наблюдемію экземплярахъ; черты индивидуальныя принять за родовыя и такимъ образомъ въ корнѣ подорвать правильность обобщенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣлается таже ошибка, которую въ очень рѣзкомъ и грубомъ видѣ сдѣлала одинъ разъ извѣстная Лаура Бриджманъ: она узнала отъ кого то слово холостой и просила объяснить смыслъ его. Ей было указано, что мужчины, у которыхъ есть жены, называются женатыми, а у которыхъ женъ нѣтъ— холостыми и въ примѣръ послѣднихъ привели ея стараго друга, который много курилъ. Затѣмъ ей предложили самой объяснить слово холостой и она написала: „холостые не имѣютъ женъ и курятъ"; б) обобщаемый матеріалъ долженъ быть достаточно разнообразенъ и типиченъ. При обобщеніи нужно имѣть въ виду не только всѣ характерныя черты класса, но и различныя степени, въ которыхъ присутствуетъ то или другое свойство въ разныхъ представителяхъ класса, чтобы составить себѣ о немъ полное понятіе. Поэтому и важно, чтобы обобщаемый матеріалъ, принадлежа одному и тому же классу, былъ разнообразенъ. А чтобы не обременять себя изслѣдованіемъ обширнаго и разнообразнаго матеріала, далеко притомъ не всегда доступнаго, надо стараться отыскать типичныхъ представителей класса, въ которыхъ всѣ характерныя черты не только присутствовали бы, но и были бы выражены рельефно и въ различныхъ степеняхъ развитія. Такіе типичные представители значительно ускоряютъ и облегчаютъ процессъ обобщенія, нисколько не ослабляя его правильности и основательности.

Развитіе отвлеченнаго мышленія есть одна изъ очень важныхъ и въ то же время трудныхъ воспитательныхъ задачъ. Вслѣдъ за однимъ свойствомъ мы, въ силу ассоціаціи, стремимся сейчасъ же вызвать въ своемъ умѣ цѣлый образъ, которому принадлежитъ свойство. Требовать рано способности отвлеченнаго мышленія отъ учащихся значитъ требовать отъ нихъ совершенія работы, превосходящей ихъ силы. Одинъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ старинной схоластической школы и заключался въ указанномъ требованіи, все обученіе въ ней было насквозь проникнуто обобщенными отвлеченіями и въ самомъ началѣ курсовъ ариѳметикъ, грамматикъ, катехизисовъ обыкновенно и стояли, въ

видѣ опредѣленій предмета науки, самыя общія отвлеченія. Учащимся ничего болѣе не оставалось, какъ усвоять всю предлагаемую мудрость силой одной послѣдовательности и опытомъ убѣждаться, что корень ученія дѣйствительно горекъ.

Способность отвлеченнаго мышленія нужно подготовлять тщательно. Первый рядъ упражненій, годный для достиженія поставленной цѣли, есть сосредоточеніе вниманія на элементарныхъ, хорошо извѣстныхъ, представленіяхъ, на опредѣленномъ цвѣтѣ, звукѣ, вкусѣ, гладкости и т. п. Вызывая въ умѣ такое хорошо извѣстное, элементарное представленіе, мы создаемъ нѣкоторый навыкъ мыслить только объ этомъ предметѣ, не вызывая, по возможности, сложныхъ представленій. Затѣмъ, изъ цѣлой ассоціаціи нужно учить выдѣлять одно свойство и на немъ останавливаться, не обобщая этого отвлеченнаго свойства, мысля о немъ, какъ объ индивиндуальномъ, только какъ о свойствѣ этого отдѣльнаго предмета. Самое отвлеченіе всегда нужно достаточно мотивировать, напр. вредомъ или пользой этого свойства, если дѣло идетъ о растеніи, животномъ, минералѣ, теоретическою важностью этого свойства въ ряду другихъ, его внѣшнею эффектностью и т. п. Предметъ, изъ цѣлостности котораго отвлекается данное свойство, долженъ быть подъ рукой, чтобы не было препятствій къ отчетливому представленію отвлеченнаго свойства. Наконецъ, за этими упражненіями должно слѣдовать собственно идейное мышленіе, т. е. сосредоточеніе вниманія на обобщенныхъ отвлеченіяхъ. Но никогда не нужно забывать осторожности въ требованіи строго идейнаго мышленія, подобное требованіе умѣстно только на довольно высокой ступени умственнаго развитія, на которой большинство учащихся, особенно въ среднихъ школахъ, не находится. Наиболѣе же легкій, и естественный переходъ отъ отдѣльныхъ отвлеченій къ обобщеннымъ состоитъ въ отвлеченіи даннаго свойства отъ множества разнородныхъ предметовъ. Нужно создать идею круга, какъ чистой формы. И вотъ мы даемъ множество круглыхъ предметовъ — монеты и деревянные кружки разной величины, вырѣзываемъ кружки изъ бумаги, чертимъ круги на бумагѣ и на доскѣ различными красками и различныхъ величинъ. Отъ множества видѣнныхъ начерченныхъ разноцвѣтныхъ круговъ и круглыхъ предметовъ разной величины и матеріала, круглая форма мало по малу отвлечется и предстанетъ предъ нашимъ умомъ въ видѣ чистой формы, безъ опредѣленной величины и матеріала, если только у насъ не будетъ никакихъ особенныхъ побужденій слить идею круга съ какимъ либо отдѣльнымъ предметомъ.

Эгоистическія чувствованія силы.

Психологія умственныхъ процессовъ нужна главнымъ образомъ для правильной постановки обученія, психологія чувствованій и воли для правильнаго воспитанія. Чувствованія глубже лежатъ въ насъ, чѣмъ мыслительность, чувствованія—это наши собственные отзвуки на ощущенія и мысли, поэтому чувствованія больше и лучше характеризуютъ человѣка, чѣмъ мысль. Мысли, знанія довольно легко и пріобрѣтаются и теряются; чувствованія и пріобрѣтаются и теряются труднѣе, они безраздѣльнѣе съ личностью. Еще Кантъ справедливо замѣтилъ, что одинъ человѣкъ можетъ легко согласиться съ другимъ въ томъ, что сахаръ сладокъ, а щавель киселъ, но не согласится въ томъ, что кислое непремѣнно непріятно, а сладкое пріятно. Міръ чувствованій весьма обширенъ и разнообразенъ. Педагогу для успѣха его дѣятельности необходимо быть знакомымъ съ главнѣйшими направленіями въ жизни чувствованій.

Между чувствованіями элементарнаго характера самыя важныя двѣ группы: чувствованія, выражающія силу человѣка и вліятельность его общественнаго положенія, и чувствованія, выражающія безсиліе человѣка и скромность его общественнаго положенія. Къ первой группѣ относятся чувствованія удовольствія и радости, физической и духовной силы, чести, гордость, честолюбіе, властолюбіе, гнѣвъ съ его частными видами; ко второй—скромность, застѣнчивость, страхъ съ его видами и зависть. Къ извѣстной органической основѣ въ указанныхъ чувствованіяхъ присоединяется и вліяніе общественнаго положенія личности.

Всѣ поименованныя чувствованія могутъ быть обозначены однимъ словомъ — эгоистическія, принимая это слово въ смыслѣ психологическомъ, а не нравственномъ, т. е. какъ чувствованія, имѣющія предметомъ насъ самихъ, нашу личность, ея благосостояніе и неблагосостояніе, а не положеніе другихъ, причемъ не обращается вниманія на то, похвальны эти чувства или не похвальны съ нравственной точки зрѣнія. Между ними встрѣчаются и заслуживающія развитія, укрѣпленія и незаслуживающія.

Одно изъ основныхъ эгоистическихъ стремленій нашей природы есть стремленіе къ наслажденію, желаніе взять его всюду, гдѣ можно его достать, не стѣсняясь много средствами. Такое откровенное эгоистическое стремленіе къ наслажденію особенно ясно выражается у дѣтей. Дѣти — величайшіе эгоисты, хотя въ началѣ несознательные. Все, что только ни возбуждаетъ пріятно

органы ребенка, зрѣніе, слухъ, вкусъ, осязаніе, обоняніе, ко всему онъ протягиваетъ руки, все хочетъ взять и всѣмъ играть. Весь міръ, всѣ люди суть для него средства наслажденія. Ничѣмъ не ограничиваемое удовлетвореніе всѣхъ желаній, ничѣмъ не обуздываемое стремленіе къ удовольствію—вотъ основной мотивъ дѣятельности ребенка. Какъ скоро онъ встрѣчаетъ преграду своимъ желаніямъ, какъ скоро что-либо не по немъ, онъ кричитъ и плачетъ.

Но это эгоизмъ несознательный, ребенокъ еще не знаетъ, что ни онъ, ни его родители не могутъ сдѣлать всего того, чего онъ захочетъ. Скоро дѣти проявляютъ болѣе сознательный эгоизмъ, ихъ стремленіе къ наслажденію начинаетъ соединяться съ нарушеніемъ удовольствія другихъ. „Одновременно съ представленіемъ о личности, говоритъ Сигизмундъ, но часто раньше возникновенія нравственнаго чувства, проявляется также и эгоистическая зависть, продуктъ самолюбія. Мой ребенокъ былъ въ состояніи выговаривать ровно три слова, когда я впервые замѣтилъ въ немъ зависть. Когда на его глазахъ мать взяла на руки другое дитя,—что она, по моему желанію, и прежде дѣлала часто, не возбуждая однако въ собственномъ ребенкѣ гнѣва,—онъ пришелъ въ негодованіе, приблизился къ ней, сталъ дергать ее за платье и протестовать, или по крайней мѣрѣ добиваться, чтобъ и его взяли. Въ другой разъ, вскорѣ послѣ того, онъ пришелъ въ негодованіе отъ того, что его мать дала молока другому ребенку раньше, чѣмъ ему. Онъ ударилъ по чашкѣ, предназначенной гостю, не хотѣлъ принять отъ меня своего стакана, который я сейчасъ же подалъ ему, и въ упорствѣ отбросилъ кусокъ сахара, предложенный ему матерью. Отсюда можно видѣть, какъ усилилась при повтореніи гнусная страсть“. (Дитя и міръ, 293—295).

Мало по малу, вслѣдствіе родительскихъ наставленій и жизненныхъ опытовъ, ребенокъ получаетъ точное представленіе о законномъ размѣрѣ своихъ потребностей и надлежащемъ согласованіи ихъ съ потребностями другихъ лицъ, братьевъ и сестеръ, обуздываетъ свое неограниченное стремленіе къ наслажденію. Но несмотря на это знаніе, эгоизмъ блистательно заявляетъ себя въ дѣйствіяхъ дѣтей, такъ что родителямъ и воспитателямъ, имѣющимъ подъ своимъ надзоромъ нѣсколько дѣтей, постоянно приходится разбирать и рѣшать ссоры между дѣтьми, указывать надлежащія границы ихъ взаимныхъ правъ, учить, какъ можно пользоваться удовольствіями, не причиняя этимъ неудовольствія другимъ.

Итакъ, самая первоначальная форма эгоистическихъ чувствованій — безграничное стремленіе къ наслажденію, вполнѣ безцеремонное захватываніе удовольствій и благъ жизни безъ всякихъ особенныхъ на то правъ, безъ всякихъ заслугъ и достоинствъ. Эта первоначальная форма эгоизма удерживается и въ жизни взрослыхъ. Воровство, грабежъ, разбой, надувательство во всѣхъ ихъ многочисленныхъ формахъ суть то же самое, что выхватываніе ребенкомъ конфектъ изъ рукъ своего брата или сверстника. Ничѣмъ необуздываемое стремленіе къ наслажденію, при этомъ весьма неразборчивое на средства, одно изъ характерныхъ явленій общественной жизни. Оно-то и порождаетъ сухой эгоизмъ и бездушіе, которые встрѣчаются такъ часто.

Вторая форма эгоизма — сознаніе своей силы и наслажденіе ею. Этотъ видъ эгоизма болѣе сложный и высокій, чѣмъ первый. Въ первомъ случаѣ человѣкъ заявлялъ претензію на блага міра сего, не представляя на то никакихъ правъ, онъ просто бралъ, если могъ, на томъ единственномъ основаніи, что блага міра сего пріятны. Во второмъ же видѣ эгоизма человѣкъ представляетъ права на обладаніе благами міра, онъ говоритъ, что онъ сила, физическая или нравственная—это все равно, и какъ сила, долженъ наслаждаться, такъ какъ блага міра сего суть награда силы въ ея различныхъ формахъ и проявленіяхъ. Эта форма эгоизма развивается постепенно; появляется же она, такъ же какъ и первая, очень рано. Возможность совершать свободно движенія, изливать свою мускульную энергію въ сокращеніяхъ мускуловъ — доставляетъ удовольствіе самому маленькому ребенку. Ребенокъ чувствуетъ въ своемъ тѣлѣ силу и эту силу выражаетъ движеніемъ. Разумѣется, эти движенія совершенно невинны. Но мало по малу невинный характеръ сознанія своей силы и выраженій этого сознанія движеніями теряется и чувство силы получаетъ другой оттѣнокъ. Ребенку скоро начинаетъ нравиться не только совершать какія-либо движенія, но и рвать бумагу, бросать попадающіеся подъ руку предметы, разламывать, разбивать ихъ. Вообще ему пріятно, когда что-либо уступаетъ его силѣ. Сдѣлавшись мальчикомъ, онъ наслаждается тѣмъ, что бросаетъ вдаль и вверхъ камни и стрѣляетъ изъ лука. Ему нравится, что онъ небольшой тратой силы можетъ простирать свое вліяніе такъ далеко. Въ это время онъ бываетъ не прочь бороться и драться съ сверстниками, устроить своему сотоварищу „фонарь подъ глазомъ“, чтобы вполнѣ наглядно и осязательно убѣдиться въ превосходствѣ своей силы. Достигнувъ юношескаго возраста, мальчикъ переноситъ свой центръ тяжести въ другую сторону: онъ начинаетъ презирать

грубую, физическую, силу и мечтать о силѣ нравственной. Онъ хочетъ побѣждать другихъ своимъ умомъ и знаніями, глубоко проникаясь изрѣченіемъ, что „знаніе есть сила", своимъ краснорѣчіемъ, твердостью и неподкупностью своихъ убѣжденій, силой характера, эстетическими достоинствами. Эти взгляды руководятъ имъ и въ дальнѣйшей жизни и дѣятельности.

Отсюда видно, что эгоистическое чувство силы можетъ выражаться въ двухъ формахъ: въ сознаніи о себѣ, какъ физической силѣ, и въ сознаніи о себѣ, какъ нравственной силѣ. Первая форма—низшая и свойственна дѣтямъ, дикарямъ и вообще людямъ малообразованнымъ, живущимъ физическимъ трудомъ, для которыхъ значительная физическая сила—великое дѣло, источникъ большого заработка и благосостоянія. Поэтому простой народъ съ большимъ уваженіемъ относится къ великанамъ, силачамъ, людямъ, владѣющимъ чрезвычайно громкимъ и сильнымъ голосомъ (московскіе протодьяконы) и т. п. Самсонъ, Геркулесъ, или Бова въ ихъ глазахъ почетное прозвище. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ физическая сила настолько цѣнится, что самый сильный человѣкъ племени выбирается въ начальники и ему безпрекословно повинуются всѣ. Изъ образованныхъ народовъ физическая сила особенно цѣнилась въ древности—греками и въ новое время—англичанами. На олимпійскихъ играхъ первыя награды доставались побѣдителямъ въ физическихъ состязаніяхъ; ихъ именемъ назывались олимпіады; родной городъ встрѣчалъ побѣдителя съ почтеніемъ и нерѣдко дѣлалъ своимъ правителемъ. Англичане и доселѣ очень высоко цѣнятъ физическую силу и ловкость. Въ ихъ школахъ игры, требующія значительной физической силы и ловкости, занимаютъ очень видное мѣсто и лучшими учениками нерѣдко считаются первые въ играхъ, на игровой площадкѣ, а не въ классѣ. И по выходѣ изъ школы англичанинъ не теряетъ любви къ физическимъ упражненіямъ. Онъ не только любитъ смотрѣть на нихъ, но и участвовать въ нихъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что и въ настоящее время высшая правительница и рѣшительница судебъ міра есть физическая сила. Самымъ кореннымъ способомъ рѣшенія международныхъ распрей и несогласій и въ настоящее время считается война. Къ этому средству прибѣгаютъ народы, чтобы разсѣчь, если не развязать, какой-либо современный гордіевъ узелъ. Болѣе раціональнаго и цивилизованнаго средства рѣшать международныя замѣшательства еще не найдено. А война, сколько бы въ нее ни привходило умственныхъ и нравственныхъ элементовъ, какъ бы тѣсно она ни была соединена съ общимъ состояніемъ цивилизаціи человѣчества и сколько бы ни

отражала на себѣ это состояніе, есть по самому существу своему выраженіе физической силы, попросту человѣческая бойня.

Изъ сказаннаго о чувствѣ физической силы видно, что это чувство нерѣдко соединяется съ причиненіемъ страданій другимъ и въ немъ выражается. Сила, между прочимъ, выражается тѣмъ, что мы заставляемъ страдать другихъ, сами будучи свободны отъ страданія. Нерѣдко дѣти подвергаютъ мученіямъ животныхъ, единственно по тому мотиву, что эти животныя служатъ для нихъ удобнымъ средствомъ обнаруженія силы. Они мучатъ не затѣмъ, чтобы причинить имъ страданія, а затѣмъ, чтобы упражнять свои силы, и удовольствіе, которое они при этомъ испытываютъ, происходитъ не отъ созерцанія страданій животнаго, а отъ чувствованія своей силы. Въ различныхъ кулачныхъ бояхъ, единоборствахъ, рыцарскихъ поединкахъ страданія соперника служатъ почтеннымъ свидѣтельствомъ силы борца. Очевидно, силы борца, выражающееся причиненіемъ страданія другому лицу, или вообще существу, есть самая грубая форма этого чувства.

Сознаніе о себѣ, какъ нравственной силѣ, выражается въ формахъ болѣе разнообразныхъ, и тонкихъ чѣмъ сознаніе о себѣ, какъ силѣ физической. Человѣкъ можетъ считать себя источникомъ самыхъ различныхъ нравственныхъ силъ, умственныхъ, эстетическихъ, нравственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Одинъ признаетъ себя великой умственной силой, знатокомъ въ какой-либо отрасли знаній и свои мнѣнія поэтому считаетъ непогрѣшимыми отожествляетъ личность съ наукой и несогласіе съ своими мнѣніями признаетъ за отрицаніе науки; другой высоко думаетъ о своемъ характерѣ, о твердости своихъ убѣжденій, неизмѣнныхъ, какъ гранитная скала; третій щеголяетъ своей добротой и способностью сочувствовать горю другихъ; четвертый величается своимъ благочестіемъ, или тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Словомъ, каждый изъ насъ чувствуетъ въ себѣ какую-либо силу и это сознаніе вызываетъ въ насъ пріятное волненіе самолюбія. Первоначально волненіе силы возникаетъ вслѣдствіе оцѣнки человѣкомъ своей плодотворной, полезной дѣятельности, сознанія въ себѣ порядочныхъ способностей и качествъ. Когда же человѣкъ не ограничивается созерцаніемъ только своихъ способностей и дѣятельности, но сравниваетъ ихъ со способностями и дѣятельностью другихъ лицъ и находитъ, что его способности выше и дѣятельность плодотворнѣе, то онъ чувствуетъ гордость. Выставлять постояннно на видъ свои способности и дѣятельность, кричать о нихъ, рекламировать ихъ, даже преувеличивать и приписывать себѣ такіе таланты, какихъ на самомъ дѣлѣ не имѣется, значитъ

быть тщеславнымъ, хвастуномъ. Стремленіе получить соотвѣтствующую нашимъ талантамъ власть и даже большую, чѣмъ какую позволяютъ наши способности, называется властолюбіемъ, а стремленіе получать знаки отличія—честолюбіемъ и т. д. Самонадѣянность, вѣра въ себя, постоянно составляетъ почву всѣхъ этихъ волненій силы. По мѣрѣ того, какъ высокое мнѣніе о насъ распространяется въ окружающемъ насъ обществѣ, эгоистическое волненіе силы въ насъ увеличивается. Высшій пунктъ его развитія наступаетъ въ то время, когда общество какими-либо внѣшними знаками заявляетъ намъ свою преданность и почтеніе, облекаетъ властью, даетъ руководящую роль въ направленіи событій и т. п. Эгоистическое чувство силы прекрасно выразилъ Людовикъ XIV въ своемъ знаменитомъ изреченіи: „государство—это я.“ Въ этомъ случаѣ силы всей Франціи онъ слилъ и отожествилъ со своею личностью. Подобное же чрезмѣрно развитое волненіе силы обнаруживаютъ нерѣдко восточные деспоты-богдыханы, султаны, шахи, которые полагаютъ, что они повелители вселенной, что государство есть ихъ вотчина, въ которой они могутъ распоряжаться совершенно безконтрольно, какъ имъ заблагоразсудится, и что высшее счастье всѣхъ людей заключается въ благоугожденіи ихъ богдыхано-султано-шахскому величеству.

Сознаніе о себѣ, какъ нравственной силѣ, можетъ выражаться, такъ же какъ и сознаніе о себѣ, какъ силѣ физической, въ причиненіи страданія другимъ, въ униженіи ихъ, въ доказываніи, что они не владѣютъ достаточной силой ума, большимъ запасомъ знаній, твердостью принциповъ, тонкимъ вкусомъ, и т. д. Полемическій задоръ и пылъ, газетная и журнальная перебранка, ученыя опроверженія, нетерпимость мнѣній, религіозный фанатизмъ, односторонность и исключительность различныхъ школъ и сектъ, ставящихъ своимъ девизомъ: внѣ меня нѣтъ истины, нѣтъ спасенія—все это выраженія эгоистическаго чувства силы, соединенныя съ причиненіемъ страданія—физическаго или нравственнаго—другимъ, несогласнымъ, отщепенцамъ, нежелающимъ поклоняться нашей силѣ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что чувство силы, выражаясь нерѣдко такъ грубо и жестоко—причиненіемъ страданія другимъ,—иногда выражается въ противоположной, совершенно мягкой формѣ—защитѣ и покровительствѣ угнетенныхъ и слабыхъ. Средневѣковые рыцари защищали женщинъ и слабыхъ, нравственныя силы также нерѣдко защищаютъ и руководятъ слабѣйшими умами и характерами. Сильные мальчики въ школахъ нерѣдко, по своему собственному почину, защищаютъ слабыхъ и робкихъ отъ своихъ шаловливыхъ и дерзкихъ товарищей.

Чувство силы находится въ неразрывной связи съ чувствомъ смѣлости, мужества, свободы; смѣлость есть нечто иное, какъ чувство увѣренности въ своихъ силахъ. Безъ увѣренности въ своихъ силахъ нѣтъ смѣлости. Спиноза говоритъ, „что человѣкъ, воображающій что онъ не можетъ сдѣлать извѣстнаго дѣла, не можетъ рѣшиться дѣйствовать, а потому и дѣйствительно неспособенъ сдѣлать даннаго дѣла". Войско, думающее, что будетъ побито, наполовину уже дѣйствительно побито. Поэтому смѣлость необходимо постоянно поддерживать въ себѣ, она есть одно изъ лучшихъ качествъ человѣческой души, безъ которой невозможны ни благородная дѣятельность, ни порядочный образъ мыслей, ни самостоятельность характера. Кто припомнитъ, сколько нужно смѣлости, чтобы въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни говорить правду, не отступать отъ своихъ воззрѣній, тотъ согласится, что смѣлость необходимое свойство каждой высокой и благородной дѣятельности. И чѣмъ оригинальнѣе взглядъ человѣка, свободнѣе его поступки, чѣмъ вообще своеобразнѣе вся его личность, тѣмъ больше нужно ему смѣлости. Чѣмъ больше удачныхъ дѣлъ совершитъ человѣкъ, тѣмъ быстрѣе ростетъ въ немъ смѣлость, и наоборотъ. Ребенокъ, не запуганный воспитателями и родителями, обыкновенно бываетъ очень смѣлъ, смѣлость выражается въ каждой чертѣ его лица, въ каждомъ движеніи. Но, потерпѣвъ нѣсколько разъ неудачу, онъ начинаетъ бояться препятствій, сомнѣвается въ своихъ силахъ, теряетъ самоувѣренность.

Если недостатокъ смѣлости отзывается вредными послѣдствіями на всей дѣятельности человѣка, то, съ другой стороны, и безумная смѣлость, ничѣмъ не оправдываемая самонадѣянность, также вредна. Чрезмѣрная смѣлость и чрезмѣрная трусость равно гибельны. Люди, въ характерѣ которыхъ преобладаетъ очень значительно смѣлость, обыкновенно бываютъ безпечны и непредусмотрительны. Самое существованіе ихъ нерѣдко подвергается опасностямъ. „Не тотъ мужественъ, говоритъ Ушинскій, кто лѣзетъ на опасность, не чувствуя страха, а тотъ, кто можетъ подавить самый сильный страхъ и думать объ опасности, не подчиняясь страху. Природная смѣлость есть та глыба драгоцѣннаго мрамора, изъ которой страхъ вырабатываетъ величественную статую мужества" (Педагогическая антропологія, 2 т. 146).

Чувство смѣлости находится въ тѣсной связи съ нѣкоторыми органическими явленіями. Сильные физически, крѣпкіе люди обыкновенно владѣютъ большею смѣлостью, чѣмъ слабые, болѣзненные, истощенные; по наблюденіямъ военачальниковъ, сытый человѣкъ смѣлѣе голоднаго; спиртные напитки также возбуждаютъ

смѣлость, вслѣдствіе чего у насъ и существуютъ выраженія: „выпить для смѣлости“, „пьяному море по колѣно“.

Съ чувствомъ силы находится, кромѣ чувства смѣлости, въ тѣсной связи еще третье чувство—гнѣвъ. „Гнѣвъ и сила—близкіе сосѣди“, говоритъ Бэнъ. Когда мы въ своей дѣятельности встрѣчаемъ препятствіе, которое требуетъ отъ насъ большаго или меньшаго напряженія для его устраненія; когда унижаются наши способности, подрывается наше вліяніе, причиняется намъ вредъ, или наносится оскорбленіе; когда вообще какъ бы сокращаютъ, сдавливаютъ нашу личность, то мы гнѣваемся. Итакъ, вообще говоря, для возникновенія чувства гнѣва необходимы: сознаніе своей силы, достоинства, и сознаніе препятствія или оскорбленія. Человѣкъ приниженный, придавленный, имѣющій о своихъ силахъ не особенно высокое и лестное мнѣніе, гнѣвается мало. Онъ признаетъ себя малоспособнымъ, встрѣчающіяся препятствія—превосходящими его силы; поэтому онъ признаетъ себя побѣжденнымъ безъ борьбы, онъ жалуется на судьбу, что она его обидѣла, но не гнѣвается на препятствія и оскорбленія, не борется съ ними. Еслибы мы могли найти такого человѣка, который бы считалъ себя неспособнымъ рѣшительно ни на что, у котораго совсѣмъ не было бы чувства силы, то такой человѣкъ не могъ бы гнѣваться. Но такихъ людей нѣтъ. Самые смирные и приниженные люди, люди въ обыкновенномъ состояніи „тише воды, ниже травы“, и тѣ, когда чаша обидъ и оскорбленій переполнится, вдругъ, ко всеобщему удивленію, заявляютъ, что они не совсѣмъ тряпки, что ими нельзя помыкать, что они хоть и небольшая, но все же сила, способная нѣчто совершить и которую немного нужно уважать.

Чувство гнѣва проходитъ различныя ступени въ своемъ развитіи и такимъ образомъ является въ различныхъ формахъ, значительно отличающихся другъ отъ друга сложностью и степенью силы. Эти формы таковы: раздраженіе, гнѣвъ въ собственномъ смыслѣ, ярость, ненависть, месть, злоба.

Раздраженіе—наиболѣе элементарная форма гнѣва. Когда наша сила сталкивается съ препятствіемъ, то отъ этого столкновенія могутъ возникнуть различныя чувства: если препятствіе, по нашему сознанію, далеко превосходитъ наши силы, такъ что намъ безполезно даже вступать съ нимъ въ борьбу, тогда возникаетъ у насъ непріятное чувство безсилія, является грустное, угнетающее настроеніе духа; если же, наоборотъ, препятствіе слишкомъ ничтожно по сравненію съ нашими силами, такъ что мы считаемъ совершенно безполезнымъ и даже унизительнымъ

для себя вступать съ нимъ въ борьбу, тогда является чувство презрѣнія; если же препятствіе не слишкомъ велико и не слишкомъ мало, такъ что мы можемъ и должны вести съ нимъ борьбу, считаться съ нимъ, тогда возникаетъ чувство раздраженія. Препятствіе не уступаетъ намъ безъ борьбы, не покоряется нашей силѣ смиренно, требуетъ отъ насъ усилій и напряженій—и вотъ мы раздражаемся. Особенно когда наша дѣятельность– умственная и физическая—встрѣчаетъ неожиданное препятствіе и особенно при концѣ работы, когда мы уже предвкушали сладость отдыха, сознаніе хорошо оконченнаго дѣла, въ это время, по преимуществу, съ значительною силою развивается въ насъ раздраженіе. Мы говоримъ раздраженіе, а не гнѣвъ, потому что мы различаемъ между раздраженіемъ и гнѣвомъ. Гнѣвъ есть спеціализованное раздраженіе. Раздраженіе мы чувствуемъ при всякомъ препятствіи, которое мы должны преодолѣвать. На безличныя же препятствія мы гнѣваться не можемъ. Положимъ, мы шли и споткнулись о камень. Сердиться на камень мы не въ состояніи, камень не виноватъ, но тѣмъ не менѣе раздраженіе у насъ есть, этого никто отрицать не будетъ. Мы гнѣваемся только на личности. Только когда личность ставитъ намъ препятствія, мы гнѣваемся. Впрочемъ и въ этихъ случаяхъ не всегда у насъ бываетъ чувство гнѣва, иногда простое раздраженіе, это именно когда личность безъ намѣренія, безъ умысла поставила намъ препятствіе, причинила намъ вредъ, нанесла оскорбленіе, когда мы вполнѣ увѣрены и понимаемъ, что она не виновата въ совершенномъ дѣяніи. Въ такомъ случаѣ мы, несмотря на своемъ раздраженіе, можемъ подать руку этой личности; но это дружелюбное отношеніе не возможно при гнѣвѣ, когда мы знаемъ, что извѣстная личность намѣренно противодѣйствовала намъ. Вслѣдствіе этого чувство гнѣва всегда бываетъ несравненно страстнѣе, чѣмъ простое раздраженіе. Раздраженіе есть результатаъ простого сопротивленія нашей силѣ, гнѣвъ же—результатъ сопротивленія, соединеннаго со стремленіемъ оскорбить, унизить насъ, причинить намъ страданіе.

Относительно такого разграниченія, раздраженія и гнѣва можно замѣтить, что нерѣдко, въ состояніи сильнаго возбужденія, взрослые относятся очень страстно, т. е. гнѣвно, къ различнымъ безличнымъ препятствіямъ, какъ будто бы они ихъ лично оскорбляютъ, а дѣти постоянно. Это, разумѣется, правда. Но дѣло въ томъ, что у взрослыхъ гнѣвъ на безличныя препятствія бываетъ только мгновенный; какъ же скоро взрослый замѣчаетъ, что предъ нимъ не лицо, а безличный предметъ, гнѣвъ его прекращается,

человѣкъ даже совѣстится своей вспышки, но раздраженіе остается. Этотъ фактъ извѣстенъ каждому по личному опыту. Справедливо замѣчаютъ, что сила минутнаго увлеченія можетъ часто преодолѣть вкоренившуюся привычку, и даже развитой человѣкъ въ минуту жестокой боли способенъ ударить или укусить безжизненный предметъ, причинившій ему эту боль. Что же касается дѣтей, то извѣстно, что они одушевляютъ и очеловѣчиваютъ всѣ предметы. Поэтому вполнѣ естественно, что и на безличныя препятствія они гнѣваются.

Какъ раздраженіе, такъ и гнѣвъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ достигать значительной степени силы. Въ такомъ случаѣ они становятся аффектомъ, яростью, и производятъ потрясающее дѣйствіе на человѣка. И психическое и физическое состояніе бываетъ въ это время крайне напряженное. Человѣкъ въ ярости готовъ бываетъ разрушить весь міръ, клянетъ всѣхъ и все, желаетъ всевозможныхъ бѣдствій не только всѣмъ врагамъ и оскорбителямъ, но даже и себѣ самому, словомъ, желалъ бы сокрушить и погубить все. Съ чувствомъ гнѣва въ тѣсной связи находятся ненависть, месть и злоба. Корень всѣхъ этихъ чувствованій—чувстованіе силы, затронутой съ разныхъ сторонъ. Это же чувствованіе силы лежитъ въ основѣ и чувства чести, но осложняется весьма много общественными вліяніями, взглядами и предразсудками.

Для пониманія природы чувствованій силы необходимо обратить вниманіе на выраженіе этихъ чувствованій. Мы опишемъ воплощеніе гордости и умѣреннаго гнѣва. Гордый человѣкъ выражаетъ свое чувство превосходства надъ другими, держа свое тѣло и голову высоко и прямо. Онъ высокъ и старается казаться, по возможности, больше, такъ что въ видѣ метафоры говорится, что онъ вздутъ или надутъ, напыщенъ гордостью. Павлинъ или индюкъ, расхаживающій съ распущенными перьями, приводится часто, какъ живая эмблема гордости и чванства. Чванливый смотритъ на другихъ свысока и, опустивъ вѣки, едва удостоиваетъ замѣчать присутствующихъ; или же онъ выражаетъ свое презрѣніе къ нимъ движеніями носа или губъ (носъ слегка вздернутъ, или наморщивается, губы вытягиваются и поднимаются обѣ, или только одна верхняя, чтобы запереть ноздри, какъ клапаномъ, причемъ носъ тоже слегка поднимается кверху). На нѣкоторыхъ фотографіяхъ больныхъ, одержимыхъ мономаніей величія, голова и тѣло больного выпрямлены, а ротъ плотно сжатъ. Это послѣднее движеніе, выражающее рѣшимость, является отъ полной увѣренности гордаго человѣка въ самомъ себѣ. Все

выраженіе гордости представляетъ самую непосредственную противоположность съ выраженіемъ смиренія.

Подъ вліяніемъ умѣреннаго гнѣва, дѣятельность сердца и краска въ лицѣ слегка усиливаются, а глаза становятся болѣе блестящими. Дыханіе тоже нѣсколько ускорено; и такъ какъ всѣ мышцы, служащія этому отправленію, дѣйствуютъ совокупно, то ноздри бываютъ нѣсколько расширены, чтобы дать болѣе свободный доступъ вдыхаемому воздуху; это составляетъ весьма характеристическій признакъ негодованія. Ротъ обыкновенно бываетъ плотно сомкнутъ и лобъ почти всегда нахмуренъ. Вмѣсто неистовыхъ движеній ярости, негодующій человѣкъ безсознательно принимаетъ позу, выражающую готовность напасть нн противника, или ударить его, между тѣмъ какъ онъ презрительно мѣряетъ его глазами съ головы до ногъ. Онъ держитъ голову прямо, грудь его расширена и ноги твердо опираются о землю. Верхнія конечности принимаютъ различное положеніе: то одинъ изъ локтей или даже оба бываютъ согнуты, то плечи и предплечія, съ крѣпко сокращенными мышцами, висятъ по бокамъ тѣла. Европейцы обыкновенно сжимаютъ кулаки. Каждый, кто, стоя передъ зеркаломъ, вообразитъ себѣ живо, что онъ оскорбленъ и требуетъ объясненія сердитымъ голосомъ, увидитъ, что онъ невольно приметъ одну изъ этихъ позъ [1]).

XIV.

Эгоистическія чувствованія безсилія.

До сихъ поръ мы занимались такими эгоистическими чувствованіями, въ которыхъ выражается сила, могущество нашего я, наша личность какъ бы расширяется, возвышается. Есть другая группа эгоистическихъ чувствованій, совершенно противоположнаго характера. Въ нихъ выражается стѣсненіе, угнетеніе нашего я, его ограниченіе другими я, пониженіе. Къ такимъ чувствамъ относятся скромность, застѣнчивость, страхъ въ его различныхъ формахъ, каковы: боязнь, собственно страхъ, испугъ ужасъ, потомъ еще зависть.

Чувство скромности представляетъ настроеніе духа, противоположное гордости, самонадѣянности. Вмѣсто высокаго мнѣнія о своихъ дѣйствительныхъ (гордость) или мнимыхъ (тщеславіе, чванство, похвальба тѣмъ, чего нѣтъ) достоинствахъ, выставленія ихъ наружу и требованія за нихъ отъ общества власти (власто-

[1]) Дарвинъ. О выраженіи ощущеній. Стр. 205—6, 214—5, 221—2.

любіе), или другихъ знаковъ почтенія (честолюбіе), скромный человѣкъ думаетъ о себѣ не особенно высоко, не считаетъ себя геніемъ, героемъ, способнымъ стать во главѣ общества, руководить его судьбами. Поэтому онъ не выставляется впередъ, не лѣзетъ на глаза другимъ, не кричитъ о себѣ, о своихъ достоинствахъ и заслугахъ всѣмъ и каждому; онъ держится просто и спокойно, но безъ униженія себя и заискиваній. Неумѣренныя похвалы, далеко превышающія его собственное мнѣніе о своихъ достоинствахъ, заставляютъ его краснѣть.

Застѣнчивость есть та же скромность, но съ элементомъ страха. Она вызывается боязнью критики, насмѣшки, порицанія со стороны общества. Въ скромности нѣтъ элемента страха, въ застѣнчивости есть. Застѣнчивость мы испытываемъ, когда являемся въ общество; мы боимся за свой костюмъ, наружность, ловкость, за свою способность красно говорить и умъ, боимся какъ бы по какой-либо изъ этихъ сторонъ не были замѣчены какіе-либо недостатки и мы не подверглись насмѣшкѣ и порицанію. Мы боимся даже и критики вообще. Застѣнчивость есть такимъ образомъ результатъ не нашего собственнаго мнѣнія о насъ, а нашего предполагаемаго мнѣнія о насъ другихъ. Въ уединеніи человѣкъ не бываетъ застѣнчивъ, хотя и бываетъ скроменъ. Если же случается, что человѣкъ краснѣетъ и приходитъ въ смущеніе даже и наединѣ, то это въ силу образовавшихся ассоціацій, т. е. онъ при этомъ представляетъ, чтобы о немъ подумали и сказали другіе. Слѣдствіемъ застѣнчивости обыкновенно бываетъ замѣшательство—такое состояніе, когда человѣкъ путается, теряется, не знаетъ, куда дѣть шляпу, руки, ноги, говоритъ Богъ знаетъ что, ужасно краснѣетъ и т. д. Состояніе замѣшательства хорошо описалъ Некрасовъ въ стихотвореніи „Застѣнчивость“: „странно руки торчатъ безполезныя: на устахъ замираютъ слова; пошутить захочу—шутка плоская! покраснѣю мучительно я“ и т. д. Одна молодая дѣвушка, которая страшно краснѣетъ, признавалась Дарвину, что въ это время она положительно не знаетъ, что говоритъ. Когда онъ замѣтилъ ей, что это, быть можетъ, происходитъ отъ тягостнаго сознанія, что люди видятъ ея смущеніе, она отвѣчала, что это не составляетъ главной причины, потому что она иногда точно также теряется, краснѣя при какой нибудь мысли наединѣ сама съ собой.

До какой степени замѣшательства можетъ доводить иногда застѣнчивость, это показываетъ слѣдующій фактъ, сообщенный Дарвину однимъ молодымъ человѣкомъ, которому Дарвинъ „вполнѣ вѣритъ“ и который увѣрялъ его, что былъ очевидцемъ

слѣдующей сцены: „въ честь одного очень застѣнчиваго господина давался небольшой обѣдъ, и онъ, вставъ, чтобы поблагодарить своихъ пріятелей, сказалъ рѣчь, выученную, очевидно, наизусть, совершенно про себя, не произнеся ни единаго слова вслухъ; но при этомъ дѣлалъ различные жесты, показывавшіе, что онъ говорилъ съ большимъ увлеченіемъ. Его пріятели, замѣтивъ въ чемъ дѣло, аплодировали его воображаемому спичу и такимъ образомъ не дали ему замѣтить, что онъ произнесъ его втихомолку. Впослѣдствіи этотъ господинъ сообщилъ моему пріятелю съ большою радостью, что на этотъ разъ онъ, кажется, говорилъ недурно“ [1]).

Наиболѣе обыкновенной причиной застѣнчивости и замѣшательства служить опасеніе за свою наружность и вообще внѣшность, а потомъ уже за нравственныя свойства. Ничто такъ не заставляетъ краснѣть застѣнчивую особу, какъ замѣчанія, даже самыя легкія, относительно ея наружности. Нельзя даже пристально посмотрѣть на платье женщины, склонной краснѣть, безъ того, чтобы не вызвать яркаго румянца на ея щекахъ. Женщины гораздо чувствительнѣе мужчинъ относительно своей наружности, въ особенности немолодыя женщины въ сравненіи съ немолодыми мужчинами, а потому онѣ краснѣютъ гораздо чаще. Молодые люди обоихъ половъ гораздо чувствительнѣе въ этомъ отношеніи стариковъ, и они тоже краснѣютъ гораздо легче послѣднихъ. Дѣти въ очень раннемъ возрастѣ не краснѣютъ. Молодые мужчины и молодыя женщины крайне чувствительны къ мнѣнію особъ другого пола объ ихъ наружности; поэтому они и краснѣютъ несравненно болѣе въ присутствіи особъ другого пола. Молодой человѣкъ, вообще мало склонный конфузиться, покраснѣетъ до ушей при самой легкой насмѣшкѣ надъ его наружностью со стороны дѣвушки, къ мнѣнію которой въ серьезныхъ вещахъ онъ отнесся бы презрительно. Даже варвары Огненной Земли, по описаніямъ м-ра Бриджсъ, „краснѣютъ преимущественно въ обществѣ женщинъ, и главнымъ образомъ по поводу вещей, касающихся ихъ наружности“. (Дарвинъ, О выраженіи ощущеній, 276).

Застѣнчивость уже заключаетъ въ себѣ элементъ страха. Несравненно въ большей степени страхъ проявляется въ боязни. Когда мы пускаемся въ какое-либо рискованное предпріятіе, результатъ котораго достовѣрно неизвѣстенъ, которое можетъ окончиться счастливо и несчастливо для насъ; когда мы предвидимъ бѣду, съ которой мы не знаемъ, справимся ли; когда мы вообще

[1]) Тамъ же, стр. 272—273.

начинаемъ новое дѣло, котораго прежде никогда не дѣлали; во всѣхъ этихъ случаяхъ въ нашу душу закрадывается страхъ, боязнь за благополучный исходъ дѣла, и этотъ страхъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ предпріятіе сомнительнѣе, бѣда грознѣе, а наши силы слабѣе. Во времена политическихъ безпорядковъ и гражданскихъ войнъ, напр. въ Римѣ, или во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, когда ни имущество, ни честь, ни даже самая жизнь гражданъ не бываютъ обезпечены отъ насилій и посягательствъ, безпокойство общества особенно увеличивается. Всѣ становятся тревожными, пугливыми, и ждутъ—не дождутся окончанія такого напряженнаго состоянія, каково бы оно ни было, республика или монархія. Боязнь становится просто страхомъ, когда мы убѣждены, что бѣда близка и отвратить ее мы не въ состояніи, что съ препятствіемъ намъ не справиться и придется вытерпѣть муку, страданіе нравственное или физическое. Слѣдовательно, страхъ есть нечто иное, какъ увѣренность въ имѣющемъ совершиться несчастьи. Настоящее несчастье производитъ страданіе, будущее—боязнь и страхъ.

Страхъ есть предвкушеніе будущаго страданія. Это опредѣленіе страха обнимаетъ всѣ его виды, кромѣ наслѣдственнаго, врожденнаго страха и испуга. Испугъ—страхъ совершенно неожиданный, такъ что мы и подумать не успѣемъ, какая бѣда грозитъ намъ, да и бѣда ли, не просто ли мы встрѣчаемся съ новымъ впечатлѣніемъ; врожденный страхъ это страхъ ранѣе соотвѣтствующаго опыта, когда, напримѣръ, цыпленокъ, никогда не видавшій коршуна и по опыту не знающій, что онъ можетъ сдѣлать, спѣшитъ запрятаться, лишь только замѣтитъ приближеніе хищной птицы. Но и эти два вида страха, по своей сущности, представляютъ то же самое явленіе, какъ и всѣ прочіе виды, т.-е. предвкушеніе будущаго страданія.

Страхъ издавна составляетъ такое широкое и важное явленіе въ жизни живыхъ существъ, что онъ сдѣлался какъ бы раздѣльнымъ съ человѣческой природой, пустилъ въ ней глубокіе корни. Въ жизни животныхъ и людей царитъ суровый законъ борьбы за существованіе, происходитъ непрерывная война, сопровождающаяся множествомъ смертей, ранъ, искалѣченій, массой всяческаго страданія. И животное, и человѣкъ находятся въ непрерывной опасности, а потому склонны ко всему новому относиться подозрительно, не будетъ ли какой бѣды отъ этого новаго. Не бояться можно только того, безвредность чего дознана несомнѣнно, продолжительнымъ опытомъ; а о новомъ ничего сначала неизвѣстно, каково оно: мирное или враждебное, полезное

или вредное. Вслѣдствіе присущаго животнымъ и человѣку внутренняго неискоренимаго трепета, всякое неизвѣстное впечатлѣніе чрезвычайно легко и скоро относится къ страшнымъ вещамъ. Прежде всего, оно относится къ категоріи страшнаго, а потомъ уже, подъ вліяніемъ опытнаго знанія, переносится въ другую категорію.

Отсюда возникаетъ испугъ и наслѣдственный врожденный страхъ. Испугъ есть трепетъ и при неожиданномъ новомъ впечатлѣніи, относительно источника котораго еще совершенно неизвѣстно, что онъ страшный или не страшный. Человѣкъ уже напередъ пугается всего новаго и неожиданнаго, въ силу пословицы, что пуганая ворона и куста боится. Человѣкъ и животное слишкомъ давно и слишкомъ много напуганы. Врожденный страхъ таковъ же. Животное видитъ въ первый разъ другое большое животное—и пугается, бѣжитъ, стремится спрятаться. Это тотъ же испугъ, новаго въ немъ ничего нѣтъ.

Глубокое укорененіе пугливости въ человѣкѣ явленіе чрезвычайно важное, такъ какъ страхъ оказываетъ весьма сильное вліяніе на всю жизнь человѣка, на всю его дѣятельность, какъ тѣлесную, такъ и душевную.

Одно изъ главныхъ дѣйствій страха на тѣлесную жизнь составляютъ задержки и разстройства движеній, которыя бываютъ весьма разнообразны: движенія то усиливаются и мышцы сокращаются легче и сильнѣе, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ, то движенія ослабѣваютъ, обнаруживаются усталость и вялость кровеносныхъ сосудовъ и другихъ мышечныхъ органовъ, то движенія, не усиливаясь и не ослабѣвая, совершаются неправильно, съ неодинаковой силой, въ ненадлежащей соразмѣрности, вслѣдствіе чего оказывается недостаточная отчетливость во взаимодѣйствіи мышцъ. Обычными спутниками страха, испытываемаго въ значительной степени, служатъ параличъ произвольныхъ мышцъ, судорожное состояніе сосудистыхъ и всѣхъ вообще органическихъ мышцъ. Отъ сильнаго страха человѣкъ становится неподвижнымъ, окаменѣваетъ, какъ будто бы приковывается къ землѣ. Вслѣдствіе паралича мышцъ голосовыхъ органовъ, трудно или невозможно становится произносить слова, голосъ хрипнетъ и обрывается, языкъ дѣлается неподвижнымъ, человѣкъ нѣмѣетъ со страха. Въ то же время лицо дѣлается обвисшимъ, глаза отъ паралича замыкательныхъ мышцъ большими, неподвижными, выпученными, оцѣпенѣлыми. Пораженный внезапнымъ страхомъ можетъ упасть, какъ парализованный, или же дѣятельность мышцъ становится невѣрною, прерывистою, вслѣдствіе чего онъ

начинаетъ запинаться, дрожать, заикаться. Если страхъ не доходитъ до степени ужаса, когда парализуются мускулы, онъ вызываетъ быстрыя движенія, походящія на метаніе; извѣстныя части тѣла въ одно и то же время то сокращаются, то становятся неподвижными, какъ будто инстинктивно прячутся, вслѣдствіе чего ростъ какъ бы уменьшается. Человѣкъ, бѣгущій отъ преслѣдованій, опускаетъ голову между плечами; его вѣрно сравниваютъ съ собакой, которая при тѣхъ же обстоятельствахъ держитъ хвостъ между ногами. Дѣйствуя главнымъ образомъ на сгибающія мышцы, страхъ заставляетъ все тѣло сгибаться. При чувствѣ ужаса одинаково бываетъ сокращеніе (напряженіе) мускуловъ и раслабленіе.

Судорожное сокращеніе сосудовъ суживающихъ мыщцъ при страхѣ и зависящее отъ того малокровіе кожи вызываетъ блѣдность, холодъ: „холодъ пробѣгаетъ по спинѣ“, „кровь стынетъ въ жилахъ“, „морозъ подираетъ по кожѣ“. Кромѣ того, испугавшійся покрывается иногда потомъ, но этотъ потъ холодный, онъ держится каплями на лбу. На сердце страхъ дѣйствуетъ такимъ образомъ, что сначала усиливаетъ его дѣятельность, сильный же испугъ парализуетъ сердце и можетъ, вслѣдствіе этого, вести иногда къ внезапной смерти. Отъ сильнаго обѣднѣнія кожи кровью при сильномъ страхѣ происходитъ быстрое сѣдѣніе волосъ, выпаденіе ихъ. Итальянскій физіологъ Мантегацца сообщаетъ, что обращавшій на себя вниманіе укротитель звѣрей Файмоли потерялъ въ одну ночь волосы послѣ борьбы на жизнь и смерть съ напавшимъ на него въ клѣткѣ львомъ. Въ одномъ городѣ Франціи въ семидесятыхъ годахъ обрушился домъ, при чемъ одна дѣвушка спаслась тѣмъ, что крѣпко зацѣпилась о балку и снята была при помощи лѣстницы. Нѣсколько дней спустя послѣ этого приключенія у дѣвушки выпали волосы на головѣ, брови, рѣсницы, и всѣ до единаго волосы на тѣлѣ.

Слѣдуетъ отмѣтить вліяніе страха на кишечникъ. Молодые солдаты при приближеніи битвы чувствуютъ частую потребность выходить изъ строя; оставаясь же на мѣстѣ, не всегда оказываются пріятными сосѣдями. При страхѣ человѣкъ довольно скоро чувствуетъ, что каждое сильное и судорожное движеніе кишекъ легко сопровождается коликоподобными болями и желудочнымъ спазмомъ.

Рибо, слѣдуя Ланге, такъ характеризуетъ страхъ съ физической стороны [1]).

[1]) Психологія чувствъ. Перев. Гольдсмита Спб. 1898, стр. 223—4.

1. По отношенію къ иннервацiи мыщцъ произвольнаго движенія: ослабленіе (болѣе сильное, чѣмъ въ горѣ), конвульсивная дрожь; въ крайнихъ случаяхъ полное прекращеніе движенія: человѣкъ остается прикованнымъ къ мѣсту; голосъ дѣлается хриплымъ и надтреснутымъ, или же совершенно пропадаетъ; въ общемъ наблюдается болѣе или менѣе рѣзко выраженный параличъ произвольныхъ мыщцъ.

2. Въ мыщцахъ органической жизни: пріостановка отдѣленія молока, менструаціи, слюноотдѣленія; во рту ощущается сухость и языкъ прилипаетъ къ небу; выступаетъ холодный потъ, появляются мурашки; волосы становятся дыбомъ, дыханіе спирается, чувствуется стѣсненіе въ груди, сжатіе въ горлѣ. Извѣстно также дѣйствіе страха на кишечныя отдѣленія.

3. Въ сосудо-двигательномъ аппаратѣ наблюдается спазмодическое суженіе сосудовъ, ознобъ, сильный ударъ въ сердце; а при очень сильномъ впечатлѣніи—параличъ его, могущій повлечь за собою смерть, наконецъ—блѣдность и периферическая анемія [1]).

На духовную дѣятельность страхъ оказываетъ не менѣе неблагопріятное вліяніе, чѣмъ на физическую. Прежде всего и непосредственнѣе всего вліяніе страха сказывается помѣхой нравственному развитію, укрѣпленію благородства, возвышеннаго настроенія и чувствованій. Испытывать часто страхъ значитъ часто трепетать за благополучіе собственной личности, жить, выражаясь грубо, „шкурнымъ“ интересомъ. Человѣкъ боящійся есть человѣкъ, погруженный въ собственную личность, видящій враговъ со всѣхъ сторонъ, не успѣвающій оборониться и укрѣпиться въ одномъ мѣстѣ и уже ждущій нападеній въ другомъ. Ему некогда поднять голову кверху, взглянуть на міръ и людей, пожить міровою жизнью, войти въ положеніе другихъ; онъ слишкомъ занятъ собой, слишкомъ запутался въ своихъ личныхъ дѣлишкахъ, лишь о нихъ думаетъ и мечтаетъ, о нихъ снится ему и ночью. И нельзя боящемуся не думать о себѣ—не подумаешь, не оборонишься отъ бѣды, такъ она и прихлопнетъ.

При такомъ положеніи личности нравственное развитіе ея, благородные порывы и высокія настроенія не имѣютъ достаточно постоянной и твердой почвы для расцвѣта, эгоизмъ пускаетъ слиш-

[1]) Къ подобнымъ же результатамъ относительно вліянія страха на различныя стороны тѣлесной жизни человѣка пришли и другіе изслѣдователи, какъ, напримѣръ, Дарвинъ (О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Перев. подъ редакціей А. Ковалевскаго. СПБ. 1872 г., гл. XII, Mosso (La peur. Etuge psycho-physiologique. Trad. de l'italien par Z. Hement Paris, 1886), Джемсъ. (Психологія. Пер. съ англ. Лапшина. СПБ. 1896 г., стр. 316), Мантегацца и др.

комъ глубокіе корни и заглушаетъ и изсушаетъ все, что не касается личной безопасности, личнаго интереса. Насколько пагубно страхъ дѣйствуетъ на нравственность, это мы знаемъ изъ исторіи, изъ свидѣтельствъ о нравственномъ положеніи общества въ эпохи террора: тогда, изъ страха, родители выдаютъ дѣтей, дѣти родителей, мужья женъ, жены мужей, какъ во время проскрипцій Суллы въ Римѣ; самыя твердыя нравственныя связи порываются, вѣковые устои общества рушатся, люди разъединяются, и каждый начинаетъ жить только для себя. Лишь бы меня не тронули, а тамъ будь, что будетъ. Можно прямо утверждать, что сильнымъ страхомъ человѣкъ развращается, подъ его вліяніемъ отказывается отъ своихъ завѣтныхъ взглядовъ и убѣжденій, отъ всего святого, „шкурный“ интересъ перевѣшиваетъ всѣ прочіе. Конечно, находятся люди, не поддающіеся давленію страха; но мы говоримъ о большинствѣ, а не о незначительномъ меньшинствѣ, о толпѣ, а не о ея герояхъ.

Вліяніе страха на мышленіе представляется, повидимому, менѣе вреднымъ, чѣмъ вліяніе на нравственное развитіе, но это только повидимому. Страхъ не мѣшаетъ мышленію лишь тогда, когда страшный предметъ далекъ, а силъ у насъ достаточно, когда, слѣдовательно, мы не безъ основанія можемъ питать увѣренность, что грозящая намъ бѣда пройдетъ мимо насъ. Другими словами, страхъ не мѣшаетъ нашему мышленію тогда, когда страха почти совсѣмъ нѣтъ, когда есть только нѣкоторое опасеніе, даже побуждающее насъ сосредоточить силы на извѣстномъ предметѣ, на достиженіи опредѣленной цѣли.

Совсѣмъ иначе вліяетъ на мышленіе страхъ настоящій, близкій, значительный. Онъ путаетъ мысль, постоянно отвлекаетъ ее отъ предмета размышленія къ предмету страха, т.-е. къ тѣмъ непріятнымъ послѣдствіямъ, которыя будутъ необходимымъ результатомъ неудачи въ данномъ случаѣ, мысль двоится, разсѣивается, скачетъ съ предмета на предметъ, и дѣло не спорится. Въ головѣ становится мутно, сообразительность пропадаетъ, память теряется, и умный человѣкъ начинаетъ говорить и дѣлать глупости. Для успѣшнаго, серьезнаго и глубокаго размышленія рѣшительно необходимо душевное спокойствіе и полнота присущихъ человѣку тѣлесныхъ и духовныхъ силъ; страхъ же уничтожаетъ спокойствіе, вызываетъ безпокойство, смущеніе, тревогу, безпорядочные скачки мысли въ разныя стороны и въ то же время, ослабляя тѣлесный организмъ, парализуя движенія, дѣйствуя неблагопріятно на кровообращеніе, подрываетъ всѣ тѣлесныя и духовныя силы человѣка. Подъ вліяніемъ сильнаго страха человѣкъ забываетъ

то, что зналъ очень хорошо; не можетъ сообразить самыхъ простыхъ вещей; не можетъ даже совершать движеній; съ сильно боящимся совершается физическій и духовный параличъ, труса оставляютъ силы душевныя и тѣлесныя. Взгляните въ школѣ на мальчика, боящагося получить неудовлетворительную отмѣтку: онъ украдкой крестится, въ ожиданіи вызова; шепчетъ молитву, подавая письменный отвѣтъ учителю; вызванный къ доскѣ или на средину класса, онъ теряется и не можетъ отвѣтить урока, который онъ предъ тѣмъ отлично выучилъ; лицо его выражаетъ муку и страданіе.

Слѣдовательно, страхъ необходимо признать чувствомъ съ преобладающимъ подавляющимъ характеромъ. Если страхъ въ своемъ развитіи и возбуждаетъ, то эти моменты коротки и сопровождаются весьма значительнымъ истощеніемъ и упадкомъ силъ. Существенной характерной чертой страха остается подавленіе дѣятельности. За одной поднимающей волной въ страхѣ слѣдуютъ десятки волнъ, понижающихъ дѣятельность до нуля и, наконецъ, прямо прерывающихъ жизненной процессъ. Между тѣмъ, къ страху при воспитаніи постоянно обращаются, какъ къ возбудителю дѣятельности, какъ къ шпорѣ, понукающей лѣниваго коня; разсматриваютъ страхъ съ совершенно противоположной точки зрѣнія, чѣмъ съ какой его слѣдуетъ разсматривать. Какимъ образомъ возможно такое извращенное пониманіе страха, соединенное съ широкимъ примѣненіемъ его въ жизни и воспитаніи?

Всякое устрашеніе кого бы то ни было, дитяти или взрослаго, можетъ имѣть лишь двѣ цѣли: задерживаніе, подавленіе, устраненіе нѣкоторыхъ дѣйствій, почему-либо нежелательныхъ, возбужденіе, поддержаніе и усиленіе другихъ дѣйствій, почему либо желательныхъ. Первое вліяніе устрашенія отрицательнаго характера, второе—положительнаго. Разсмотримъ ближе то и другое предполагаемое дѣйствіе страха на дѣятельность.

Что значитъ задерживать дѣйствіе страхомъ? Это значитъ стараться предупредить появленіе извѣстнаго дѣйствія пониженіемъ общей жизнеспособности и энергіи человѣка. Страхъ, какъ мы видимъ, парализуетъ движенія произвольныхъ и непроизвольныхъ мышцъ, задерживаетъ кровообращеніе, путаетъ умъ, ослабляетъ память, выдвигаетъ на первый планъ узкіе шкурные интересы. Все это, вмѣстѣ взятое, и есть пониженіе общей жизнеспособности и энергіи человѣка. Общее вліяніе страха на организмъ соотвѣтствуетъ характеру спеціальной цѣли, преслѣдуемой при задержкѣ дѣйствія: нужно задержать извѣстное дѣйствіе и вотъ принимаются мѣры, несомнѣнно задерживающія всѣ вообще

дѣятельности, понижающія общую жизнеспособность организма. Соотвѣтствіе между цѣлью и средствомъ есть, но только весьма общаго и неопредѣленнаго характера: нужно задержать отдѣльное *извѣстное дѣйствіе*, а задерживается *вся дѣятельность организма*. Вслѣдствіе этого возникаетъ частая неудача при дѣйствіи страхомъ: желаемое отдѣльное дѣйствіе не задерживается, а повторяется. Никакой логической связи между общимъ пониженіемъ жизнеспособности человѣка и задержаніемъ отдѣльнаго дѣйствія нѣтъ, приходится установлять ее искусственно, а такая искусственная связь весьма неубѣдительна и потому легко разрывается. Иногда шалуна наказываютъ—наказываютъ за его шалости и все никакъ не могутъ подавить шаловливости, шалунъ все продолжаетъ шалить. Приходится все усиливать да усиливать наказаніе, т. е. все больше и больше понижать общую жизненную дѣятельность шалуна, пока, наконецъ, общее пониженіе органической энергіи отразится и спеціальнымъ пониженіемъ шаловливости. Это называлось въ прежнее время „сломить“ шаловливаго школьника, „вышколить“ его, справиться съ нимъ строгими дисциплинарными мѣрами и т. п. Также поступаютъ и со взрослыми: какого-нибудь вора, бродягу, разбойника бьютъ и держатъ въ гнуснѣйшей тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не только не перестанетъ бродяжить, воровать и разбойничать, но и вообще сдѣлается негоднымъ ни къ какой дѣятельности, за крайнимъ подавленіемъ и истощеніемъ энергіи и жизнедѣятельности. Его сдаютъ тогда въ какую-нибудь богадѣльню и восхищаются, что бывшій разбойникъ такъ тихо ведетъ себя. Передѣлали-таки страхомъ наказанія и самымъ наказаніемъ, говорятъ про него, страхъ—дѣло преполезное и спасительное, кого угодно, самаго закоренѣлаго грѣшника исправитъ. Отсюда вѣра въ воспитаніе страхомъ, какъ началомъ дѣятельнымъ, возбуждающимъ и возраждающимъ грѣшную натуру человѣка.

Что можетъ быть вздорнѣе, нелѣпѣе такой вѣры! Такъ думать значитъ совсѣмъ не понимать, что такое страхъ, какъ онъ дѣйствуетъ на человѣка. Страхъ парализуетъ энергію человѣка, тѣлесную и духовную, понижаетъ его жизнеспособность. А что можетъ быть выше и дороже жизненной энергіи? Если она не дорога, то и говорить не о чемъ. И вотъ для задержанія какого-либо дѣйствія, безъ всякихъ колебаній, понижаютъ всю жизнеспособность человѣка, дѣйствуя на него страхомъ. Это, по пословицѣ, „разсердившись на вши да и шубу въ печь“; это значитъ, для излѣченія маленькой болѣзни, одного какого-либо органа, давать сильный ядъ, губящій весь организмъ; прическа мнѣ

твоя не нравится и никакъ она у тебя не выходитъ. Поэтому самое лучшее—снять съ тебя голову. Не нужно считать наши слова преувеличеніемъ, бывали случаи, что мальчишку-шалуна для острастки запирали въ темный чуланъ, а заключенный такъ пугался, что дѣлался идіотомъ, эпилептикомъ или умиралъ. Развѣ мы не знаемъ, что въ неособенно далекія времена шалуновъ и разныхъ школьныхъ преступниковъ въ самыхъ разнообразныхъ учебныхъ заведеніяхъ задирали до полусмерти и съ мѣста экзекуціи переносили прямо въ лазаретъ? А теперь, вмѣсто дерокъ, стараются запугать разными разностями, до ада включительно. Крайне дико, нелѣпо и безчеловѣчно, ради задержанія какого-либо дѣйствія, разрушать общую жизненную энергію человѣка страхомъ. Поступать такъ и съ животными совершенно невыгодно. Поэтому арабы, напримѣръ, воспитываютъ своихъ прекрасныхъ лошадей безъ побой, лаской; а поступать такъ съ людьми—это прямо уже человѣчеству обойдется слишкомъ дорого. Мѣра исцѣленія во сто разъ вреднѣе самой болѣзни.

Что касается подавленія разныхъ нежелательныхъ дѣйствій, то, прежде принятія мѣръ противъ нихъ, необходимо ближе разсмотрѣть эти нежелательныя дѣйствія или, точнѣе, свойства. Они обыкновенно бываютъ двухъ категорій, какъ возникающія изъ двухъ различныхъ источниковъ: отъ обилія силы и ея неправильнаго направленія и отъ неблагопріятныхъ вліяній окружающей среды на дитя. Недостатки первой категоріи таковы: жестокость и драчливость (у мальчиковъ), сентиментальность и слезливость (у дѣвочекъ), торопливость въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ, слишкомъ страстное отношеніе къ мелочнымъ фактамъ и т. п.; недостатки второй категоріи: лицемѣріе, лживость, хвастовство, воровство и т. п. Очевидно, что способы подавленія указанныхъ недостатковъ будутъ вполнѣ опредѣляться самыми свойствами и причинами, вызывающими перечисленныя нежелательныя явленія въ дѣтской жизни.

Что же касается признававшагося прежде и нѣкоторыми нынѣ допускаемаго положительнаго дѣйствія страха на возбужденіе и укрѣпленіе какихъ-либо похвальныхъ качествъ, то утверждать это не представляется уже ровно никакихъ основаній. Нѣтъ рѣшительно никакой связи между страхомъ тѣлеснаго и душевнаго страданія и внимательностью, хорошимъ запоминаніемъ, прилежаніемъ и т. п. Страхъ, какой бы онъ ни былъ, врагъ всѣхъ подобныхъ добродѣтелей, потому что онъ представляетъ состояніе прямо противоположное тому, какое нужно для успѣшнаго совершенія умственныхъ процессовъ запоминанія, соображенія,

вниманія, прилежанія. Для нихъ нужно полное спокойствіе и привлекательность самого предмета занятій, нужна ровная дѣятельность душевной энергіи, а страхъ подавляетъ, разсѣиваетъ, смущаетъ, выдвигаетъ на первое мѣсто въ сознаніи шкурный интересъ. Какъ же можно при такихъ условіяхъ развивать въ себѣ какія-либо положительныя качества? Составители русскихъ древнихъ букварей твердо вѣрили, что „розга умъ востритъ, память возбуждаетъ, волю злую въ благу прелагаетъ“ и производитъ разныя другія чудеса; наши давніе предки создали даже поговорку, что „розга хоть нѣма, да придаетъ ума“, но доказать этого не могли, хотя и много драли мальчишекъ. Да и мальчишки отъ битья теряли послѣднюю сообразительность и безнадежно тупѣли, а не „вострили“ свой умъ. Единственное хорошее свойство, которое можетъ прививать страхъ,—это осмотрительность, осторожность въ дѣйствіяхъ. Но и это единственное положительное свойство часто переходитъ надлежащій размѣръ и превращается въ нерѣшительность, безконечное откладываніе дѣла, въ недовѣріе къ своимъ силамъ; а, съ другой стороны, осторожность возможна и безъ страха, при простомъ, но ясномъ сознаніи громадности силъ, дѣйствующихъ въ природѣ и человѣческихъ обществахъ и могущихъ, при случаѣ, раздавить маленькія силы отдѣльной личности и причинить ей большія страданія.

Положительныя добрыя свойства развиваются не отъ устрашенія, а отъ упражненій, приспособленныхъ къ природѣ каждаго свойства и его частнаго вида и формы у данной личности. У каждаго дитяти есть свои особенности въ сочетаніи различныхъ свойствъ, а вмѣстѣ свои особенные запросы на дѣятельность. Нельзя одному дитяти рекомендовать тѣ же самыя упражненія, которыя были найдены удобными и цѣлесообразными для другого. Нужно приспособляться къ особенностямъ натуры дитяти и давать каждому, соотвѣтствующее его силамъ, своеобразное упражненіе. Очевидно, для такого примѣненія къ свойствамъ дитяти недостаточно бѣглаго, поверхностнаго знакомства съ дитятей, а нужно широкое и глубокое его изученіе. Особенно такое изученіе необходимо при укрѣпленіи и развитіи слабыхъ, но хорошихъ, свойствъ дитяти.

Нельзя найти человѣка, который представлялъ бы лишь совокупность однихъ хорошихъ свойствъ; обыкновенно на-ряду съ сильными свойствами бываютъ и слабыя, составляющія предметъ особыхъ заботъ и попеченій воспитателя. На-ряду съ хорошею сообразительностью можетъ быть довольно слабая память, особенно

въ какомъ-либо спеціальномъ направленіи; съ могучимъ теоретическимъ творчествомъ можетъ прекрасно уживаться нерѣшительность характера; недостатокъ кротости и жалости можетъ совмѣщаться съ твердою волею. Всѣ эти и подобные недочеты въ складѣ личности должны составить предметъ особеннаго попеченія педагога. Что дѣлать для укрѣпленія слабыхъ свойствъ? Очевидно, каждому слабому свойству должно быть назначено спеціальное упражненіе. Эти слабыя, но весьма цѣнныя и даже необходимыя, свойства нужно лелѣять и холить, какъ нѣжныя растеньица, иначе они, безъ тщательнаго ухода, завянутъ; каждому такому растеньицу нужно приготовить особенную, ему благопріятную, почву, каждое во время поливать и содержать каждое въ надлежащей теплотѣ. Прямо можно сказать, что слабыя свойства (слабая память, слабый характеръ и др.) для своего укрѣпленія и развитія требуютъ настолько внимательнаго и тщательнаго ухода, такой точно приспособленной къ силамъ системы упражненій, что воспитаніе ихъ по сложности и тщательности можно назвать тепличнымъ. А тепличное воспитаніе требуетъ и многихъ знаній, и многихъ хлопотъ, и много любви къ дѣлу.

Такимъ образомъ устрашеніе оказывается рѣшительно никуда негоднымъ воспитательнымъ средствомъ. Оно совершенно безсильно повліять на дитя въ положительномъ смыслѣ, въ дѣлѣ укрѣпленія и поддержанія какого-либо хорошаго свойства, потому что совершенно разнородно съ нимъ, не имѣетъ къ нему никакого логическаго отношенія, а внести въ душу и тѣло смуту легко можетъ; оно вполнѣ вредно въ дѣлѣ подавленія дѣйствій, такъ какъ достигаетъ такого подавленія слишкомъ дорогой цѣной—значительнымъ пониженіемъ энергіи и жизнеспособности цѣлаго организма, подрывомъ всѣхъ его силъ. Слѣдовательно, устрашенію въ разумномъ воспитаніи нѣтъ мѣста.

Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ: но вѣдь есть страхъ благородный, доброкачественный, который совсѣмъ не укладывается въ обыкновенную рамку страха. Таковъ страхъ укоровъ совѣсти, боязнь общественнаго неодобренія и осужденія, страхъ Божій, страхъ неудовольствія родителей и вообще любимыхъ лицъ. Неужели и эти страхи также никуда не годятся, какъ воспитательныя средства?

При обсужденіи поименованныхъ явленій, нужно тщательно различать ихъ. Если кто-либо въ такихъ случаяхъ дѣйствительно испытываетъ настоящій страхъ, о которомъ у насъ была рѣчь, то, конечно, послѣдній можетъ дѣйствовать только пагубно. При обсужденіи дѣйствія страха нужно имѣть въ виду самое существо

явленія, а не тѣ измѣнчивыя обстоятельства, которыми онъ возбуждается. Страхъ будетъ оставаться тѣмъ же явленіемъ, чѣмъ бы онъ ни возбуждался: совѣстью, общественнымъ мнѣніемъ, родителями, Богомъ. Такъ что, если испытывается страхъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, переживается его подавляющее вліяніе на душу и тѣло.

Но мы полагаемъ, что въ указанныхъ случаяхъ благороднаго страха о послѣднемъ говорится лишь по неточности рѣчи. Обыкновенный страхъ, о которомъ мы говорили, есть боязнь страданія, причиняемаго кѣмъ-либо постороннимъ намъ, напр. внѣшней природой, другими людьми, животными. Благородный страхъ совсѣмъ не таковъ. Здѣсь никто посторонній не причиняетъ намъ страданія, а, напротивъ, мы сами причиняемъ страданія или другимъ, или самимъ себѣ. Страданія другихъ, нами причиненныя, намъ непріятны, мы желали бы избѣжать этой непріятности. Такое стремленіе и называется благороднымъ страхомъ. Между нимъ и обыкновеннымъ страхомъ большая, существенная разница. Если кто либо своимъ дѣйствіемъ причиняетъ страданіе другому или самому себѣ, если онъ знаетъ наперед, что слѣдствіемъ его дѣйствія будетъ собственное страданіе или страданіе другого, если, наконецъ, онъ знаетъ, что въ его волѣ совершить такое дѣйствіе или воздержаться отъ него, то о страхѣ въ собственномъ, настоящемъ, смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи. Тутъ я источникъ и господинъ всего, я по своему желанію совершаю дѣйствіе, я причиняю страданіе. Внѣшней силы, вынуждающей меня страдать, нѣтъ, бороться мнѣ не съ кѣмъ, кромѣ меня же самого. А въ обыкновенномъ страхѣ мы боремся съ независящей отъ насъ внѣшней бѣдой, отъ которой страдаемъ мы, а не кто другой. Бога можно бояться лишь при крайне грубомъ антропоморфическомъ представленіи Божества— что Богъ есть грозный властелинъ, гнѣвливый, суровый каратель беззаконій, которому даже пріятно наказать человѣка за проступокъ. Если же Богъ представляется существомъ безконечно любящимъ и справедливымъ, которое все устроило, обо всемъ заботится, безъ воли котораго не упадетъ даже волосъ съ головы, то такого Бога бояться невозможно, къ нему можно питать лишь благоговѣніе, благодарность, любовь. Такимъ образомъ въ собственномъ смыслѣ *страхъ* отсутствуетъ въ сознаніи развитого въ религіозномъ отношеніи человѣка.

То же самое нужно сказать и про всѣ другіе виды благороднаго страха. Если кто совѣсть представляетъ, по образному выраженію поэта, „когтистымъ звѣремъ“, который будетъ терзать и разрывать человѣка за его грѣхи, то возможенъ страхъ предъ мученіями совѣсти; но если совѣсть представлять своимъ же су-

жденіемъ и оцѣнкой своихъ собственныхъ дѣйствій, то дѣло будетъ не въ страхѣ, а въ личной раздвоенности и нескладицѣ, которыя возникнутъ вслѣдъ за совершеніемъ дѣйствія, не отвѣчающаго установленнымъ правиламъ и требованіямъ.—Хорошее дитя боится дурнымъ поступкомъ огорчить своихъ родителей, возбудить ихъ неудовольствіе. Здѣсь страха собственно нѣтъ, такъ какъ родители никакого страданія не причинятъ своему погрѣшившему дитяти, а они сами будутъ страдать, сами будутъ мучиться, что ихъ любимое дитя совершило такое непохвальное дѣяніе. Представленіе страдающихъ родителей, страдающихъ именно вслѣдствіе дурного поведенія дитяти, и воздерживаетъ отъ совершенія проступка. Здѣсь имѣетъ значеніе не страхъ, а сознаніе будущей дисгармоніи между родителями и дитятей. Эта дисгармонія непріятна, но не всякая непріятность есть страхъ.

Высшая степень страха есть ужасъ. По мѣрѣ того, какъ страхъ увеличивается, онъ оказываетъ болѣе и болѣе угнетающее дѣйствіе на человѣка, и на его тѣло и на его душу. Сначала человѣкъ силится совладать съ страхомъ, побѣдить его, вступаетъ съ нимъ въ борьбу; но мало по малу, страхъ завладѣваетъ имъ и, наконецъ, въ ужасѣ повергаетъ его въ оцѣпенѣніе. Воплощеніе страха ясно показываетъ этотъ постепенный ростъ аффекта. При страхѣ сердце бьется быстро и сильно, почти ударяясь въ ребра; кожа становится блѣдною, точно при началѣ обморока, и покрывается потомъ. Это выдѣленіе пота тѣмъ замѣчательнѣе, что поверхность кожи холодѣетъ. Вотъ почему часто мы говоримъ, „выступилъ холодный потъ“, тогда какъ въ нормальномъ состояніи дѣятельность потовыхъ железъ возбуждается теплотою. Волосы на кожѣ становятся дыбомъ и поверхностныя мышцы дрожатъ. Отъ разстроенной дѣятельности сердца дыханіе учащается. Слюнныя железы дѣйствуютъ несовершенно, ротъ высыхаетъ, и человѣкъ безпрестанно то открываетъ, то закрываетъ его. Одинъ изъ яснѣйшихъ симптомовъ страха есть дрожаніе всѣхъ мышцъ тѣла, что часто прежде всего можно замѣтить на губахъ. Какъ отъ этой причины, такъ и отъ высыханія рта, голосъ становится часто хриплымъ и неяснымъ, или пропадаетъ совершенно.

По мѣрѣ того, какъ страхъ доходитъ до крайняго ужаса, онъ производитъ на насъ, подобно всѣмъ сильнымъ чувствамъ, весьма различное вліяніе. Сердце бьется дико; или дѣятельность его можетъ быть такъ ослаблена, что наступаетъ обморокъ; лицо покрыто смертною блѣдностью, дыханіе затруднено, ноздри широко раздуваются; „губы какъ будто схватываютъ воздухъ и су-

дорожно двигаются, впалыя щеки дрожатъ, въ горлѣ появляются глотающія и удушливыя движенія", раскрытые и выступившіе изъ орбитъ глаза направлены неподвижно на предметъ, или вращаются безпокойно изъ стороны въ сторону. Зрачки страшно расширяются, всѣ мышцы тѣла окоченѣваютъ, или приходятъ въ судорожное сокращеніе. Пальцы рукъ то сжимаются, то раскрываются, человѣкъ часто ломаетъ ихъ. Руки вытянуты впередъ, какъ будто за тѣмъ, чтобы отвратить какую-то страшную опасность, или закидываются дико надъ головою. Въ другихъ случаяхъ наступаетъ внезапное и непреодолимое стремленіе къ бѣгству, сломя голову, и оно можетъ быть такъ неудержимо, что самые храбрые солдаты иногда не могутъ устоять противъ внезапной паники.

Когда страхъ доходитъ до степени крайняго ужаса — раздается крикъ. На кожѣ появляются большія капли пота, всѣ мышцы тѣла опускаются, вскорѣ наступаетъ полный упадокъ силъ и умственныя способности перестаютъ дѣйствовать. Вліяніе распространяется и на кишечный каналъ, запирательныя мышцы ослабляются и не могутъ задерживать непроизвольныхъ испраженій (Дарвинъ 245—7).

Къ чувствамъ, выражающимъ наше безсиліе, принадлежитъ и зависитъ, сущность которой заключается въ сознаніи въ себѣ какого либо недочета, слабости, несмотря на усилія устранить ихъ, и въ созерцаніи соотвѣтствующей силы, таланта, качества въ другомъ, владѣющемъ ими безъ всякаго труда и заслуги.

XV. Эгоистическія интеллектуальныя чувствованія.

Особый видъ эгоистическихъ чувствованій составляютъ чувствованія, неразрывно связанныя съ познавательнымъ процессомъ. Они изображаютъ различныя ступени познавательнаго процесса, его трудность или легкость, удачу или неудачу, остановку или безпрепятственное теченіе, новыя неожиданныя сочетанія и т. п., словомъ, выражаютъ успѣшный или неуспѣшный ходъ нашего мышленія, а потому, по большей части, доставляютъ намъ удовольствіе или неудовольствіе. Особенность этихъ чувствованій состоитъ въ томъ, что они возникаютъ по поводу только одной спеціальной дѣятельности — познанія. Этотъ классъ чувствованій можно подраздѣлить на болѣе общія и элементарныя чувствованія, каковы чувства умственнаго напряженія и легкости, усталости и отдыха, успѣха и неуспѣха, разнообразія и монотонности, и болѣе частныя и спеціальныя, каковы чувства скуки и ожиданія въ его разнообразныхъ формахъ и степеняхъ.

Одно изъ наиболѣе простыхъ и часто испытываемыхъ чувствованій, связанныхъ съ познавательнымъ процессомъ, есть чувство умственнаго напряженія, или легкости. Чувство напряженія мы испытываемъ въ томъ случаѣ, когда работа, которой мы занимаемся, довольно велика и сложна по сравненію съ нашими силами, такъ что мы должны дѣлать большія или меньшія усилія, чтобы совладать съ ней, окончить ее. Чувство напряженія одинаково сильно и у ребенка, старающагося понять первое ариѳметическое правило, и у великаго математика, разрѣшающаго новую сложную проблему. Чувство напряженія вызывается, впрочемъ, не только трудностью работы, но и значительнымъ продолженіемъ ея. Работа сама по себѣ довольно легкая, но долговременная, насъ утомляетъ, ослабляетъ наши силы, и если мы, несмотря на утомленіе, должны окончить ее, то бываемъ вынуждены въ такомъ случаѣ напрягать свои силы, хотя, если бы намъ дали отдохнуть, мы выполнили бы эту работу безъ всякаго напряженія.

Чувство легкости противоположно чувству напряженія. Оно возникаетъ въ томъ случаѣ, когда наша умственная дѣятельность не встрѣчаетъ препятствій и затрудненій, идетъ легко и быстро впередъ, „какъ по маслу“. Такое состояніе нашего мышленія очень пріятно, но, къ сожалѣнію, оно встрѣчается не особенно часто. Затрудненія и препятствія—гдѣ ихъ нѣтъ?

Чувство напряженія, продолжающееся болѣе или менѣе значительное время, вызываетъ чувство усталости. Усталость есть несомнѣнный знакъ ослабленія, истощенія нашихъ силъ. Ея результатъ—сильное желаніе отдыха, отсутствія умственной дѣятельности и работы. Чувства усталости и отдыха массивнаго характера, а не остраго; они очень похожи на физическія чувства усталости и отдыха.

Когда цѣль, которую мы себѣ поставили при началѣ размышленія, достигнута, мы испытываемъ пріятное чувство успѣха, въ противномъ же случаѣ непріятное чувство неудачи.

Чувство скуки происходитъ отъ двухъ, повидимому, совершенно противоположныхъ причинъ: когда предлагаемый нашему уму матеріалъ бываетъ или значительно выше нашихъ способностей, или значительно ниже; когда смѣна явленій бываетъ настолько быстра, что наша мысль не успѣваетъ слѣдить за ней, отстаетъ отъ нея, или же когда смѣна явленій происходитъ слишкомъ медленно, такъ что мы далеко опережаемъ ее своею мыслью и должны останавливаться и ждать. Когда намъ приходится читать какую-либо ученую книгу, къ чтенію которой

мы не подготовлены, то мы нерѣдко далеко не все понимаемъ въ ней, вслѣдствіе чего насъ скоро одолѣваетъ скука. Въ головѣ появляется какой-то туманъ и хаосъ, какая-то путаница, и мы становимся точь въ точь въ то же положеніе, въ какое поставилъ лукавый Мефистофель ученика, явившагося засвидѣтельствовать свое почтеніе знаменитому доктору Фаусту. Хитрый чертъ, бывшій въ одеждѣ Фауста, жестоко подшутилъ надъ малымъ: онъ понесъ ему такую ученую околесину, такъ ошеломилъ его своею рѣчью, что ученикъ очень скоро сталъ въ совершенный тупикъ и заявилъ „не все понятно мнѣ, признаться", „все въ головѣ пошло кругомъ, все повернулось колесомъ".

Тотъ же самый результатъ получается и въ томъ случаѣ, когда явленія смѣняются слишкомъ быстро, такъ что мы неуспѣваемъ надлежащимъ образомъ усвоить ихъ, совладать съ ними, и у насъ отъ такой быстрой смѣны кружится голова. Кто изъ вагона желѣзной дороги пытался любоваться видами, или очень быстро проходилъ картинную галлерею, состоящую изъ большого числа залъ, или разомъ видѣлъ громадную массу лицъ и дѣйствій, за которыми не успѣвалъ слѣдить надлежащимъ образомъ, тотъ испыталъ ту скуку, о которой мы говоримъ. Мучительность этого рода скуки происходитъ отъ того, что у насъ въ это время бываютъ только обрывки мыслей, но не цѣлыя мысли. Только что начнетъ возникать и формироваться одна мысль, относящаяся къ опредѣленному предмету, какъ мы уже должны переходить ко второму предмету, а потомъ сейчасъ же къ третьему, четвертому и т. д., отъ насъ требуется болѣе быстрая смѣна представленій, чѣмъ къ какой мы способны, и мы скучаемъ.

Другая причина скуки, повидимому, совершенно противоположна первой, это — незначительность матеріала, стоящаго гораздо ниже нашихъ способностей, или большая медленность въ смѣнѣ явленій. Когда мы читаемъ пустую книгу, не представляющую ничего новаго, слушаемъ какой нибудь пустой разсказъ или анекдотъ, который мы уже слыхали не одинъ разъ, попадаемъ въ такое общество, бесѣды котораго ограничиваются разсужденіями о погодѣ и о подобныхъ важныхъ матеріяхъ, мы неизбѣжно поддаемся скукѣ. Фаустъ часто испытывалъ такую скуку отъ бесѣдъ съ Вагнеромъ.

Когда событія идутъ слишкомъ медленно, едва ползутъ, такъ что мы постоянно должны ожидать ихъ, тогда также возникаетъ чувство скуки. Впрочемъ, нужно замѣтить, что ожиданіе событій не есть еще скука, ожиданіе и есть ожиданіе. Въ случаѣ ожиданія скука происходитъ отъ ожиданія, соединеннаго съ отсут-

ствіемъ всякаго другого предмета для мысли и дѣятельности, съ праздностью, ничего недѣланіемъ. Когда мы только то и дѣлаемъ, что ждемъ, т. е. обращаемъ свое вниманіе исключительно на теченіе времени, считаемъ минуты и секунды, тогда мы непремѣнно скучаемъ. Занявъ же себя во время ожиданія какой-либо работой, мы не скучаемъ.

Чувство скуки представляется блѣднымъ и слабымъ по сравненію съ другими эгоистическими чувствованіями страха, гнѣва, зависти. На самомъ же дѣлѣ это чувство очень могущественное, очень сильно вліяющее на дѣятельность человѣка. Всѣ, такъ называемыя, развлеченія направлены къ тому, чтобы ослабить, убить это чувство. И они, дѣйствительно, много ослабляютъ его. Поэтому оно намъ кажется блѣднымъ и слабымъ. Но какъ скоро мы остаемся глазъ на глазъ съ скукой, мы не знаемъ, что дѣлать, куда дѣваться, мы положительно несчастны, мы бываемъ готовы тогда ухватиться за все, за самое глупое и смѣшное, лишь бы не скучать. Высшія формы скуки—апатія и тоска,—когда бываетъ „и скучно, и грустно, и некому руку подать... и жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка“,—ужасны, убійственны. Такое состояніе возникаетъ вслѣдствіе сознанія полной ничтожности всего того, что доселѣ человѣкъ дѣлалъ и осужденъ дѣлать и въ будущемъ, и полнѣйшей невозможности дѣлать дѣло достойное, важное, стоящее занятія имъ. Вслѣдствіе такого сознанія и появляется убійственное убѣжденіе, что наши силы никогда не были и никогда не будутъ заняты настоящимъ образомъ, что работа никогда не удовлетворяла и не удовлетворитъ насъ, что то, что въ нашихъ рукахъ, то мелко и ничтожно, ниже насъ, а что важно, то выше насъ, не посиламъ намъ, недостижимо. Такимъ образомъ мы и остаемся съ пустыми незанятыми силами—корнемъ скуки, тоски, источникомъ апатіи.

XVI. **Воспитаніе эгоистическихъ чувствованій.**

Знакомство съ основными направленіями въ области чувства даетъ весьма важныя указанія педагогу въ его дѣятельности. Одинъ рядъ чувствъ служитъ выраженіемъ безсилія человѣка и ведетъ его еще къ большему безсилію; другой выражаетъ силу и способствуетъ ея наростанію. На сторону какихъ чувствъ стать? Рѣшеніе ясно. Идеаломъ воспитанія не можетъ быть существо запуганное, заѣденное страхомъ, вѣчно трепещущее, а потому завидующее всѣмъ во всемъ; идеалъ воспитанія каждому рисуется въ видѣ существа жизнедѣятельнаго, жизнерадостнаго, бодраго,

существа, чувствующаго въ себѣ силу и полагающагося, прежде всего, на самого себя въ борьбѣ съ разными препятствіями и опасностями. А потому воспитаніе чувства силы, мужества, увѣренности въ себѣ, съ одной стороны, и борьба со страхомъ, завистью и застѣнчивостью, съ другой, должны составлять прямую обязанность педагога. Конечно, чувство силы можетъ перейти надлежащія границы и обнаруживаться стремленіемъ командовать, властолюбіемъ, гнѣвливостью, но такое вырожденіе естественнаго и вполнѣ законнаго чувства самоуваженія и довѣрія къ своимъ силамъ должно быть предупреждаемо соотвѣтственными мѣрами. Неправильныя формы чувства силы суть результатъ неблагопріятныхъ вліяній общественности, товарищей, внушенія родителей и т. п. Нужно слѣдить за этой стороной обстановки воспитанія и не допускать, чтобы одно лицо своей силой, можетъ быть и большей, чѣмъ силы товарищей, угнетало и подавляло слабѣйшихъ. Вѣдь эти слабѣйшіе слабѣе сильнаго лишь тогда, когда они берутся каждый отдѣльно; но соединенные, они окажутся гораздо сильнѣе, хотя бы и значительной, силы отдѣльнаго человѣка. Каждая сила имѣетъ право на почетъ и уваженіе сообразно своимъ размѣрамъ, а слабѣйшая личность должна привлекать особенное вниманіе педагога, потому что непремѣнно нужно и въ ней выростить довѣріе къ себѣ, самодѣятельность, умѣнье самому бороться и съ препятствіями и съ опасностями, и жизнерадостное настроеніе. Чувствованія силы, мужества, жизнерадостность и увѣренность въ себѣ даютъ довольство и счастье; чувствованія безсилія, страха, зависти имѣютъ непремѣнными спутниками меланхолическое подавленное настроеніе, недовольство, недовѣрчивое и неблагосклонное отношеніе къ людямъ.

Безсиліе и сила, мужество и страхъ явленія неразрывно связанныя одно съ другимъ, собственно это даже не два явленія, а одно, на различныхъ, точнѣе противоположныхъ, концахъ развитія: насаждая мужество, подавляешь страхъ, борясь со страхомъ, воспитываешь мужество. Поэтому о развитіи чувства силы, мужества, жизнерадостности и о борьбѣ со страхомъ мы представимъ нѣсколько совмѣстныхъ частныхъ замѣчаній.

Главнѣйшее средство возбужденія и укрѣпленія чувства силы—цѣлесообразныя упражненія. Когда дитя видитъ, что оно удачно выполняетъ свои работы, справляется съ встрѣчающимися затрудненіями, подвигается впередъ въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, у него невольно возникаетъ довѣріе къ своимъ силамъ, смѣлый взглядъ на предстоящія работы, свободное отношеніе къ окружающимъ лицамъ. Какже скоро дитя замѣчаетъ,

что его силы ниже препятствій, что не оно преодолѣваетъ затрудненія, а затрудненія его, тогда является крайне вредное для успѣха воспитанія чувство безсилія. Тогда и легкія дѣла будутъ казаться воспитываемому трудными. Слѣдовательно, главное дѣло при развитіи чувства силы въ послѣдовательномъ порядкѣ работы, въ постепенномъ увеличеніи трудностей. Но заботясь о развитіи чувства силы, нужно наблюдать, чтобы это чувство не перешло въ пустую похвальбу собой, въ презрѣніе къ другимъ, въ высокомѣрное отношеніе къ нимъ. Это очень возможно и часто случается. Чтобы избѣжать такого явленія, необходимо дать почувствовать воспитываемому, что есть трудности, превышающія его силы, съ которыми ему не справиться, что есть люди, способности которыхъ несравненно лучше, сильнѣе, чѣмъ у него.

Страхъ есть выраженіе человѣческаго безсилія. Существо очень сильное не можетъ испытывать страха. Чѣмъ сильнѣе существо, тѣмъ меньше въ немъ страха. Слѣдовательно, для того, чтобы ограничить область дѣтскаго страха и уменьшить его дѣйствіе на дѣтей, нужно воспитывать ихъ сильными, увѣренными въ себѣ, мужественными. Если мы можемъ достигнуть того, что нашъ воспитанникъ или воспитанница, наперекоръ пословицѣ, можетъ сказать съ увѣренностію про себя: „чужую бѣду руками разведу, а къ своей умъ приложу“, тогда мы много сдѣлали для ограниченія и ослабленія страха.

Пусть же дитя будетъ широко дѣятельнымъ, какъ требуетъ того его природа. Не поощряйте въ дѣтяхъ сидѣнья, задумчивости, физическаго покоя, многочтенія; дитя должно учиться всему, ходя, бѣгая, прыгая, все схватывая въ руки и всячески обслѣдуя. Дитя не тепличное растеніе: ему нужна не оранжерея, не заключеніе въ дѣтской, а свѣжій свободный воздухъ, ежедневныя прогулки, побольше всякихъ упражненій въ саду, на дворѣ, на улицѣ. Дитя, слишкомъ много сидящее дома, да еще за книгами, мало играющее на свѣжемъ воздухѣ, всегда будетъ значительно трусливѣе того, которое привыкло много быть на улицѣ и въ саду.

Особенно слѣдуетъ указать здѣсь на громадное значеніе экскурсій, большихъ и маленькихъ, лѣтнихъ и зимнихъ. Едва-ли какія-либо другія упражненія могутъ такъ благотворно дѣйствовать на развитіе самостоятельности и мужества дитяти, какъ экскурсіи. Въ нихъ дитя выходитъ изъ привычной колеи, изъ рутиннаго порядка, оно встрѣчаетъ массу новыхъ предметовъ, получаетъ множество неизвѣстныхъ доселѣ впечатлѣній и должно поступать по новому, а не по указкѣ. Тутъ и чрезъ канаву нужно перебраться, и чрезъ ручеекъ, самому заботиться о томъ, чтобы

не отстать, не прозѣвать сборнаго времени, мѣста, поѣзда. Въ экскурсіяхъ, какъ на охотѣ, всегда бываютъ разныя приключенія, встрѣчаются маленькія опасности, которыхъ надо избѣгнуть, попадаются совершенно неожиданно новыя личности, съ которыми необходимо вступить въ отношенія. Все это подбодряетъ человѣка, вызываетъ въ немъ энергію, находчивость, пробуждаетъ самостоятельность. Поэтому побольше экскурсій, товарищескихъ далекихъ прогулокъ, пусть дѣти почаще бродятъ по лѣсамъ и лугамъ, и партіями и въ одиночку. Разнообразный спортъ,—катанье въ лодкѣ, на конькахъ, на лыжахъ, на велосипедѣ, купанье, общественныя состязательныя игры—также весьма полезенъ и желателенъ.

Кто желаетъ развивать въ дѣтяхъ какія-либо свойства, тотъ долженъ не стращать дѣтей, а создавать ряды соотвѣтственныхъ упражненій, при чемъ долженъ разсматривать дѣтей, какъ существа дѣятельныя по самой ихъ природѣ. Это воззрѣніе необычайно простое по существу и чрезвычайно важное по своимъ практическимъ слѣдствіямъ.

Дѣти суть существа въ высшей степени дѣятельныя; нѣтъ ни одного возраста, который, по склонности къ дѣятельности, могъ бы быть поставленъ наравнѣ съ дѣтствомъ. Быстрый ростъ дѣтей и ихъ необычайная подвижность несомнѣнно убѣждаютъ каждаго, что у дѣтей жизненные процессы совершаются энергично, быстро, что жизнь въ нихъ бьетъ ключемъ. Это нужно разумѣть столько же о тѣлесной, сколько и о духовной сторонѣ дѣтей. Страстная дѣтская любознательность, необычайная воспріимчивость, глубокое, поглощающее всѣ силы вниманіе при встрѣчѣ съ новыми фактами, жадная наблюдательность—всѣ эти выдающіяся свойства дѣтей несомнѣнно указываютъ на весьма быстрый ростъ ихъ ума, не отстающаго отъ роста ихъ тѣла. Словомъ, и тѣлесная и духовная жизнь дѣтей идетъ весьма быстрымъ ходомъ, что выражается вовнѣ неподлежащими никакому сомнѣнію признаками, бросающимися въ глаза даже и невнимательному наблюдателю.

На этой основной чертѣ дѣтства—неудержимой страсти къ всесторонней дѣятельности—и должно основываться воспитаніе дѣтей. Трудно даже и представить себѣ, сколько прекрасныхъ свойствъ было бы укрѣплено въ дѣтяхъ и отъ сколькихъ недостатковъ они были бы предохранены, еслибы ихъ воспитаніе основывалось на указанномъ началѣ. Какъ часто дѣти изнываютъ отъ скуки, не зная, чѣмъ заняться, а взрослые не въ состояніи указать интересные для нихъ предметы занятій! Какъ много самыхъ

нелѣпыхъ шалостей затѣвается дѣтьми, потому что ихъ силы требуютъ дѣятельности, а между тѣмъ онѣ ничѣмъ не заняты!.. Какъ много пороковъ и дурныхъ привычекъ дѣтей ведетъ свое начало отъ состоянія бездѣлья и скуки!

Взрослые плохо понимаютъ эту жажду дѣтской дѣятельности и мало удовлетворяютъ ей. Они равнодушно проходятъ мимо богатѣйшаго педагогическаго сокровища, заложеннаго въ дѣтскую натуру природой, и ищутъ замѣнить это прекраснѣйшее и богатѣйшее естественное воспитательное средство искусственными и вредными, въ родѣ устрашенія, въ его различныхъ видахъ.

Недостаточно понять правильное значеніе въ общемъ ходѣ развитія дитяти потребности дѣятельности; нужно еще умѣть удовлетворять этой потребности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи взрослые оказываются также мало состоятельными. Что они предлагаютъ дѣтямъ для занятій? По большой части, такіе предметы, которые мало отвѣчаютъ ихъ потребностямъ и вкусамъ. Первоначальное умственное воспитаніе дѣтей обыкновенно принимаетъ характеръ обученія—чтенію, письму, иностраннымъ языкамъ, счету, элементамъ географіи и разныхъ другихъ наукъ. Всѣ перечисленные предметы весьма отвлеченны и имѣютъ мало интереса для дѣтей. А между тѣмъ за ними дѣти корпятъ цѣлые годы, наживая непреодолимое, затѣмъ, никакими средствами отвращеніе къ умственнымъ занятіямъ. Дѣти просятъ хлѣба, а взрослые даютъ камень. При такомъ непониманія естественныхъ запросовъ дѣтей и неумѣньи удовлетворить имъ и приходится всячески стращать дѣтей, лишь бы волей-не-волей засадить ихъ за долбню ненавистныхъ имъ учебниковъ.

Зато можно смѣло утверждать, что тотъ, кто въ достаточной мѣрѣ широко и глубоко понялъ указываемое нами основное свойство дѣтства—неутомимую непрерывную, постоянно возобновляющуюся у дѣтей жажду разнообразной дѣятельности и кто сумѣлъ найти средства для ея удовлетворенія, постепенно усложняющіяся, становящіяся все болѣе и болѣе серьезными, по мѣрѣ возрастанія силъ, тотъ исполнилъ самую важную и самую большую часть задачи и первоначальнаго и всего дальнѣйшаго воспитанія дѣтей, и сдѣлалъ совершенно излишнимъ и ненужнымъ устрашеніе. Онъ обезпечилъ постепенное укрѣпленіе и развитіе всѣхъ положительнѣхъ свойствъ дитяти; онъ навсегда изгналъ скуку, пугливость и трепетъ изъ жизни дитяти, а вмѣстѣ съ ними тоскливыя и капризныя состоянія чувства, создавъ прочную основу для постоянно ровнаго и веселаго настроенія; онъ поддержалъ здоровье и мужество дитяти, охранивъ его отъ множества дурныхъ привычекъ,

физическихъ и нравственныхъ, разъѣдающихъ обыкновенно весь организмъ праздныхъ дѣтей. Укрѣпившись на этомъ, единственно твердомъ, основаніи, воспитатель смѣло можетъ смотрѣть впередъ и не бояться будущаго. Дитя, просыпающееся съ живою потребностію дѣятельности, весь день занятое непрерывно, то тѣмъ, то другимъ, но непремѣнно живымъ, интереснымъ и посильнымъ трудомъ, дитя, засыпающее среди ослабленной, угасающей дѣятельности, пресыщенное ею,—такое дитя на вполнѣ хорошей дорогѣ, поставлено правильно.

Параллельно съ развитіемъ мужества указаннымъ способомъ, слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы дитя поскорѣе научилось обходиться въ ежедневномъ домашнемъ обиходѣ собственными средствами, не прибѣгая къ помощи взрослыхъ. Часто бываетъ, что дѣти слишкомъ долго пользуются услугами нянь, боннъ, гувернантокъ, горничныхъ, когда уже сами могли бы многое дѣлать для себя. Дѣти возможно рано должны учиться сами одѣваться, умываться, убирать свои кровати, игрушки, книги, пюпитры, бѣлье и платье; возможно рано ихъ нужно выпускать въ садъ около дома однихъ, дозволять совершать маленькую прогулку однимъ, когда на мѣстѣ прогулки все тихо и спокойно; постепенно такія прогулки будутъ продолжительнѣе, дитя одно будетъ ходить по улицѣ, оберегая себя само; дитяти нужно давать маленькія порученія, соотвѣтствующія его силамъ, принимать товарищемъ въ свое дѣло; пусть дитя хорошо сознаетъ, что есть много дѣлъ, которыхъ оно не можетъ сдѣлать одно, безъ помощи и руководства страшихъ, но что есть много и такихъ, которыя оно можетъ сдѣлать само. А оно такъ любитъ дѣлать все само, такъ рано и страстно стремится поступать независимо и свободно. Ему и нужно предоставить эту свободу, насколько позволяетъ его возрастъ. Если бы дитя стало затрудняться, колебаться, какъ ему поступить, и не могло бы выйти изъ такого положенія, не могло бы ни на что рѣшиться, то нужно предъ нимъ настаивать на необходимости принять опредѣленное рѣшеніе и нерѣшительность нужно порицать. Пусть дитя и не найдетъ самой лучшей дороги для выхода изъ настоящаго своего затруднительнаго положенія; но если оно нѣсколько подумаетъ и взвѣситъ обстоятельства дѣла, то его рѣшеніе не можетъ быть очень плохимъ. Во всякомъ случаѣ ошибочное рѣшеніе нисколько не зазорно: въ затруднительномъ случаѣ гораздо лучше идти куда нибудь—направо, налѣво, впередъ, назадъ,—чѣмъ топтаться на одномъ мѣстѣ, вздыхать и, не двигаясь ни въ какомъ направленіи, мучиться вопросомъ: куда идти—направо или налѣво? Что дѣлать?

Когда такими упражненіями тѣлесная сила и мужество развьются въ дитяти, тогда нужно учить дитя, въ подходящихъ случаяхъ, прямо бороться со страхомъ, не терять присутствія духа. Дитя должно проникнуться убѣжденіемъ, что бѣда, которая можетъ угрожать, не есть что-либо неотвратимое, неизбѣжное, что если принять мѣры предосторожности, напрячь свои силы, сосредоточиться, то бѣду можно и устранить, она пронесется мимо. Нужно довѣрять своимъ силамъ, не падать духомъ при приближеніи какого либо несчастія. Дитяти нужно показать самымъ дѣломъ, какъ усилія къ устраненію бѣды уменьшаютъ ея размѣръ, замедляютъ ея наступленіе, даютъ ей нѣсколько иное направленіе, какъ напряженіе силъ быстро залечиваетъ испытанное страданіе и на будущее время предохраняетъ отъ его повторенія. Поэтому въ высшей степени поучительно было бы пережить съ дѣтьми нѣсколько такихъ пугающихъ случаевъ, показать, какъ можно выпутываться и избавляться отъ нихъ, тогда дѣтямъ будетъ открыта цѣлая наука о борьбѣ съ неизбѣжнымъ въ жизни страхомъ. Приведемъ, для поясненія, нѣсколько примѣровъ.

Дитя боится собакъ и знаетъ, что было нѣсколько случаевъ нападенія собакъ на проходящихъ. Пусть взрослый выучитъ дитя, какъ поступать въ этомъ случаѣ, не минуя, не обходя опасное мѣсто, т.-е. прежде всего, никогда не дразнить собаку; далѣе, если собака лаетъ издали или даже и близко, но не нападаетъ, то идти спокойно, не обращать на нее вниманія, какъ будто ея и не было,—полаетъ и отстанетъ; если же начнетъ нападать, то не трусить, не бѣжать, а обороняться. Для этого нужно заранѣе запастись орудіемъ обороны—палкой, камнями и т. п. Собаки тоже пугливы и видя, что на нихъ замахиваются, отбѣгаютъ. Это даетъ возможность помаленьку совершить отступленіе. Если бы нападеніе было очень сильно, то стараться найти поблизости какую-либо защиту—дерево, стѣну и пр., чтобы прислониться и обезпечить отъ нападенія одну сторону. Въ крайнемъ случаѣ звать на помощь. Нужно быть увѣреннымъ, что большинство собакъ не нападетъ на спокойно идущаго прохожаго, а если нападетъ, то, встрѣтивъ сопротивленіе, не причинитъ никакого вреда.

Дитя боится воды, а рѣка близко. Прежде всего, нужно дать понять дитяти прелесть рѣки прогулками по ея берегамъ, видомъ дѣятельности, кипящей и на самой рѣкѣ и на ея берегахъ, прекраснымъ видомъ волнующейся и совершенно спокойной рѣки, отраженіемъ солнца на волнахъ, деревьевъ и домовъ въ водѣ, луны и т. п. Можно разсказать про рѣку много интереснаго и поучительнаго: откуда и куда течетъ рѣка, какая рыба въ неѣ

водится, какіе товары везутъ по ней, какими промыслами занимаются прибрежные жители и т. п. Можно попытаться втянуть дитя въ прелесть уженія рыбы, ознакомить съ ловлей рыбы неводомъ и разными другими существующими способами. Далѣе, видное мѣсто должно занять катанье на лодкѣ. Это весьма пріятное и полезное упражненіе, притомъ почти совершенно безапасное. Слѣдуетъ поучить дитя грести, по теченію и противъ теченія, совершить водой нѣсколько веселыхъ экскурсій, посѣтить лежащія на берегу рѣки какія-либо достопримѣчательности и интересныя мѣста. Такія прогулки, соединенныя съ массой физическихъ упражненій, дадутъ дѣтямъ много пріятныхъ впечатлѣній. Наконецъ, слѣдуетъ пріучать дитя купаться и плавать, указать ему мелкія и глубокія мѣста, гдѣ опасно и гдѣ нѣтъ, и опредѣленно выяснить, что нужно дѣлать, если бы какъ-нибудь случайно пришлось попасть на глубокое мѣсто или въ быстрое теченіе.

Само собой разумѣется, что указываемая наука борьбы со страхомъ принесетъ сполна свои благіе плоды лишь тогда, когда пугающій случай дѣйствительно можетъ быть устраненъ напряженіемъ силъ и развитіемъ соотвѣтствующей энергіи; въ противномъ случаѣ страхъ окажетъ свое удручающее впечатлѣніе.

Другое условіе, важное для успѣшной борьбы со страхомъ, то, чтобы страхъ не былъ частымъ явленіемъ. Страшныя, угрожающія событія и явленія во всякомъ случаѣ будутъ нѣсколько смущать и тревожить дитя. Поэтому частое повтореніе устрашающихъ событій будетъ вызывать нежелательное настроеніе чувства, да и достаточное напряженіе силъ не можетъ производиться часто. Воспитаніе страхомъ, между прочимъ, тѣмъ и дурно, что оно постоянно грозитъ воспитываемому, постоянно его смущаетъ, не даетъ отдыха и покоя. При воспитаніи страхомъ дитя никогда не можетъ быть увѣрено, что грозящая бѣда можетъ быть устранена, потому что за одной бѣдой ихъ тянется безконечный рядъ.

Вообще нужно обстоятельно разъяснить дитяти, что такія страданія, которыя не могутъ быть отклонены или уменьшены никакими человѣческими усиліями, весьма рѣдки, большинство же можетъ быть ослаблено, а нѣкоторая, немалая, часть и совсѣмъ устранена; нужно только не падать духомъ, копить силу и энергію и никогда не отказываться отъ борьбы. Пусть на мальчика напалъ гораздо сильнѣйшій мальчикъ-забіяка и драчунъ,—не нужно падать духомъ, не нужно поддаваться забіякѣ, надо оказать ему самый энергическій отпоръ—руками, ногами, зубами; можетъ быть, онъ въ ожесточеніи поколотитъ въ нынѣшній разъ

и сильнѣе, чѣмъ намѣревался, но зато на будущее время онъ, несомнѣнно, поостережется нападать на такъ отчаянно защищающагося. Напряженіе силъ уменьшитъ даже страданіе отъ внѣшнихъ силъ природы. Нужно совершитъ дальнее путешествіе въ большой морозъ и стужу въ незащищенномъ отъ холода экипажѣ; придется мерзнуть. Страданіе устранить совсѣмъ нельзя, но уменьшить можно: не унывая ни отъ холода, ни отъ дурной дороги, нужно больше двигаться, итти, бѣжать за экипажемъ, вступить въ борьбу съ товарищемъ, задать себѣ задачу пройти непремѣнно столько-то верстъ пѣшкомъ, въ самомъ экипажѣ не сидѣть неподвижно, а двигать членами и раздумывать не объ испытываемыхъ неудобствахъ, а о чемъ-либо другомъ, напримѣръ, о тѣхъ новыхъ впечатлѣніяхъ, которыя даетъ дорога.

Весьма важно при борьбѣ со страхомъ найти въ пугающемъ предметѣ какую-либо интересную, веселую или поучительную сторону, на которой мысль могла бы сосредоточиться и такимъ образомъ отвлечься отъ страха. Въ такомъ случаѣ страху было бы противопоставлено другое, бодрое, подкрѣпляющее чувство. Въ одномъ семействѣ дѣтямъ подарили маленькій волшебный фонарь, возбудившій большое любопытство. Однако, когда, для представленія съ фонаремъ, въ комнатѣ погасили свѣчи, меньшой мальчикъ по четвертому году испугался и заплакалъ. Мать предложила ему отправиться въ другую комнату, гдѣ было свѣтло, но ребенокъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Его успокоивали разными доводами, но убѣжденія дѣйствовали плохо. Мальчикъ продолжалъ бояться и въ то же время попрежнему отказывался итти въ свѣтлую комнату. Дѣло въ томъ, что, на ряду со страхомъ, въ немъ было очень сильное желаніе видѣть чудеса волшебнаго фонаря и это желаніе, безъ всякихъ увѣщаній со стороны взрослыхъ, а вѣроятно и помимо его собственной сознательной воли, заставило его противиться внушеніямъ страха. Фонарь долго не налаживался, въ темнотѣ пришлось просидѣть съ четверть часа и за все это время мальчикъ боролся самъ съ собой. Любопытство постепенно начало одерживать верхъ и онъ, чтобы ободрить себя, сталъ полувопрошающимъ, полу-утвердительнымъ тономъ толковать о томъ, что страшнаго ничего нѣтъ въ комнатѣ, повторяя тѣ самые доводы, которые предъ этимъ совсѣмъ не оказывали на него дѣйствія. Когда на стѣнѣ показался яркій кружокъ свѣта и въ немъ задвигались тѣни, мальчикъ пришелъ въ восторгъ и совсѣмъ забылъ про страхъ.

Съ тѣмъ же мальчикомъ былъ другой подобный случай. Однажды, поздней и холодной петербургской весной, прогремѣлъ

первый отдаленный раскатъ грома. Мальчикъ совсѣмъ было собрался испугаться, но кто-то изъ взрослыхъ замѣтилъ: „наконецъ то настанетъ лѣто!“ Мальчикъ встрепенулся. Такъ, значитъ, нечего бояться грома! воскликнулъ онъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ, видимо, въ восторгѣ отъ сдѣланнаго имъ открытія. Ему, конечно, отвѣчали утвердительно. Громъ, который до сихъ поръ былъ для него источникомъ страха, связался въ его представленіи съ такимъ пріятнымъ и интереснымъ явленіемъ, какъ наступленіе лѣта, и это такъ перевернуло его настроеніе изъ боязливаго въ испытующее, что онъ съ величайшею охотою послѣдовалъ приглашенію подойти къ окну и полюбоваться грозой.

XVII. Эстетическое чувство и его воспитаніе.

Элементы эстетическаго чувства.

Эстетическое чувство имѣетъ пріятный характеръ, человѣкъ, прилагающій старанія объ удовлетвореніи потребности эстетическихъ впечатлѣній, стремится къ доставленію себѣ удовольствій, а забота о развитіи эстетическаго чувства будетъ обозначать заботу о культировкѣ способности наслажденія. Такимъ образомъ эстетическое чувство, по самой своей природѣ, по своему существу есть эгоистическое чувство, источникъ своеобразныхъ удовольствій и неудовольствій для человѣка. Правда, эти удовольствія имѣютъ особый характеръ, они отличаются отъ обыкновенныхъ чувственныхъ удовольствій, но, тѣмъ не менѣе, эстетическое чувство есть источникъ личнаго удовольствія для человѣка. Изъ того, что я эстетически наслаждаюсь, ни для кого не будетъ ни тепло, ни холодно, эстетическое чувство само по себѣ не имѣетъ никакихъ нравственныхъ элементовъ, оно составляетъ особую отъ нравственнаго чувства сферу волненій, независимо отъ него, можетъ съ нимъ согласоваться, а можетъ и противорѣчить ему.

Конечно, и при удовлетвореніи нравственнаго чувства испытываетется удовольствіе, которое и служитъ однимъ изъ мотивовъ совершенія нравственныхъ дѣйствій; но удовольствіе, испытываемое при нравственныхъ поступкахъ, не составляетъ главнаго элемента чувства, не выражаетъ его сущности и природы, не такъ безраздѣльно съ нимъ, какъ наслажденіе при эстетическомъ волненіи. Эстетическое чувство есть источникъ наслажденія, а нравственное чувство нельзя такъ разсматривать; нравственное чувство предполагаетъ борьбу съ самимъ собой, раздвоеніе личности, нерѣдко тяжкія внутреннія муки; эстетическое-же чувство ничего

подобнаго не предполагаетъ. Словомъ, удовольствіе при нравственномъ чувствѣ есть только добавочный элементъ, главное дѣло не въ немъ; при эстетическомъ-же чувствѣ оно выражаетъ природу и сущность чувства, хотя и не всецѣло.

Во всякомъ случаѣ, эстетическія удовольствія суть своеобразныя удовольствія, отличныя отъ обыкновенныхъ чувственныхъ удовольствій. Различія заключаются въ слѣдующемъ: 1) эстетическія удовольствія сложны, а обыкновенныя чувственныя удовольствія просты. Для полученія эстетическаго впечатлѣнія нужно взять сложный матеріалъ—звуки, краски, движенія, формы, слова, и этотъ сложный матеріалъ привести въ опредѣленное сочетаніе по законамъ, свойственнымъ каждому виду такихъ сочетаній, по законамъ отдѣльныхъ искусствъ. Если мы возьмемъ одинъ звукъ, одну краску, одну форму, то можемъ испытать чувственное удовольствіе, но не эстетическое наслажденіе; если мы возьмемъ много матеріала, но не приведемъ его къ единству въ какомъ-либо порядкѣ, если оставимъ его въ хаотическомъ состояніи, то эстетическаго впечатлѣнія также не получится; 2) эстетическія удовольствія не связаны съ самосохраненіемъ организма, безъ нихъ организмъ можетъ жить и развиваться. Главными посредниками эстетическихъ впечатлѣній служатъ зрѣніе и слухъ, органы, наиболѣе служащіе къ пріобрѣтенію знаній объ окружающемъ мірѣ и наименѣе къ непосредственному сохраненію организма; изъ впечатлѣній другихъ органовъ для эстетическихъ построеній наиболѣе пригодны такія, которыя наименѣе тѣсно связаны съ сохраненіемъ цѣлости и здоровья организма. Поэтому, эстетическіе предметы въ состояніи доставлять наслажденіе одновременно многимъ; для того, чтобы испытать удовольствіе отъ прекрасныхъ предметовъ, нѣтъ необходимости человѣку такъ-же потреблять ихъ, какъ хлѣбъ, питье, или такъ-же овладѣвать ими, какъ жилищемъ или помѣщеніемъ. Эстетическія удовольствія могутъ сближать людей, установлять между ними нѣкоторую общность и единство, содѣйствовать развитію общественности. Но это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда человѣкъ въ своихъ мысляхъ и чувствахъ возвышается надъ кругомъ своихъ органическихъ потребностей, когда, при видѣ эстетическихъ предметовъ, онъ не проникается личными интересами, эгоистическими возбужденіями, но воспаряетъ въ міръ общечеловѣческихъ идей и чувствъ. Если при великолѣпномъ закатѣ солнца человѣкъ только и можетъ думать о томъ, что предвѣщаетъ назавтра этотъ закатъ: дождь или вёдро, на слѣдующій день его сѣно вымочитъ или высушитъ; если при видѣ прекрасной статуи женщины или картины, изображающей обнаженное человѣческое

тѣло у человѣка только и въ головѣ, что желаніе чувственной любви, то для него нѣтъ закатывающагося солнца, какъ эстетическаго предмета, а есть солнце, лишь какъ предметъ хозяйственныхъ соображеній; нѣтъ статуи или картины, какъ произведеній искусства, а есть лишь предметы, пробуждающіе его половые инстинкты.

Наконецъ, есть еще одна характерная черта эстетическихъ впечатлѣній, именно нѣкоторое внутреннее содержаніе, придающее имъ единство и цѣльность. Въ произведеніяхъ искусства эта черта особенно ясна: въ постройкѣ, въ музыкальной пьесѣ, въ картинѣ всегда есть нѣчто идейное. Оно можетъ увеличиваться и уменьшаться, проникать произведеніе больше или меньше, но оно не можетъ отсутствовать, такъ какъ художникъ не такъ творитъ, какъ поетъ птица, онъ творитъ, неизбѣжно вкладывая что-либо въ свое произведеніе изъ своей души. Безъ этого внутренняго содержанія произведеніе искусства было-бы безсмыслицей. Въ природѣ нѣтъ внутренняго содержанія, прекрасная сторона природы прекрасна просто сочетаніями и формой. Но за-то въ природу мы сами вкладываемъ душу, свои мысли и чувства, и потомъ обратно какъ-бы вычитываемъ и воспринимаемъ ихъ въ себя изъ природы. Чѣмъ сильнѣе природа волнуетъ наше сердце или заставляетъ насъ задумываться, тѣмъ прекраснѣе и величественнѣе она намъ кажется. Видъ природы, ничего въ насъ не пробуждающій, не считается нами прекраснымъ, мы проходимъ мимо него съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ будто его и нѣтъ.

Указанныя существенныя черты эстетическихъ волненій свидѣтельствуютъ, что эстетичность не можетъ быть раннимъ достояніемъ дитяти, такъ какъ для возникновенія ея требуется наличность многихъ условій. Прежде всего необходимо, чтобы различающая дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ достигла значительной степени развитія. Проводниками эстетическихъ впечатлѣній служатъ органы внѣшнихъ чувствъ, красоты внѣчувственной, не воспринимаемой никакимъ органомъ, въ опытѣ не встрѣчается. Поэтому, для того, чтобы испытывать эстетическія впечатлѣнія, необходимо имѣть глазъ, хорошо различающій цвѣта, формы, движенія; ухо, отчетливо воспринимающее различные звуки, тоны, шумы; осязаніе, способное схватывать различныя степени гладкости, шероховатости, твердости, мягкости, всякія направленія линій; обоняніе и вкусъ не притупленные, развитые достаточной практикой въ полученіи соотвѣтственныхъ возбужденій. Какъ скоро болѣе или менѣе значительно страдаетъ одинъ изъ главныхъ внѣшнихъ органовъ, воспріятіе эстетиче-

скихъ впечатлѣній затрудняется, а вмѣстѣ замедляется и задерживается развитіе эстетическаго чувства.

Дитя не родится съ органами внѣшнихъ чувствъ, сразу способными къ обнаруженію свойственной имъ дѣятельности; оно, напротивъ, учится смотрѣть, слышать, осязать, обонять, вкушать точно такъ-же, какъ оно учится ходить. Одна изъ главнѣйшихъ, существеннѣйшихъ сторонъ первоначальнаго развитія дитяти заключается именно въ развитіи органовъ внѣшнихъ чувствъ. Тщательный уходъ за органами или небрежное отношеніе къ нимъ, окружающая среда, дающая каждому органу достаточное количество соотвѣтственныхъ возбужденій или скудное, примѣры взрослыхъ—все это будетъ содѣйствовать или препятствовать правильному развитію органовъ внѣшнихъ чувствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливать болѣе раннее или позднее, сильное или слабое развитіе эстетическихъ волненій. Развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ идетъ довольно медленно, въ связи съ общимъ ходомъ душевной и тѣлесной дѣятельности дитяти, со множествомъ внѣшнихъ условій, и заканчивается не скоро. Едва-ли можно утверждать, чтобы ранѣе пяти-шести лѣтъ органы внѣшнихъ чувствъ достигали такой ступени развитія, на которой съ ихъ стороны не встрѣчалось-бы препятствій къ возникновенію эстетическихъ впечатлѣній.

Когда говорится о развитіи органовъ внѣшнихъ чувствъ, какъ посредниковъ эстетическихъ впечатлѣній, тогда имѣется въ виду не простое только развитіе этихъ органовъ со стороны силы и остроты, но болѣе сложное еще—со стороны способности воспринимать гармонію впечатлѣній. Можно быть очень дальнозоркимъ, хорошо различать самые мелкіе предметы и въ то-же время совсѣмъ не замѣчать дисгармоніи въ сочетаніи цвѣтовъ и формъ; можно очень хорошо различать отдѣльные тоны и звуки, ихъ измѣненія, высоту и въ то-же время весьма слабо понимать гармонію тоновъ, допускать такія сочетанія звуковъ, которыя не могутъ быть признаны благозвучными. То же самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ другихъ органахъ. Поэтому, при развитіи органовъ внѣшнихъ чувствъ нужно постоянно вносить въ ихъ упражненія гармонію и порядокъ, чтобы матеріалъ, подлежащій ихъ усвоенію, являлся въ опредѣленной правильной формѣ, а не какъ пришлось, въ хаотическомъ безпорядкѣ. Правильность, порядокъ, законосообразность—душа искусства, безъ стройности и гармоніи сфера прекраснаго существовать не можетъ, а потому и органы, воспринимающіе прекрасное, должны быть подготовляемы и практикуемы въ этомъ

же направленіи. Иначе человѣкъ будетъ имѣть глаза и ничего прекраснаго не видѣть, будетъ имѣть уши и ничего гармоничнаго не слышать.

Дальнѣйшее условіе для возникновенія эстетическихъ впечатлѣній есть способность отрѣшаться отъ эгоистическихъ чувствованій и соображеній. Если, при видѣ произведеній искусства и прекрасныхъ картинъ природы, дитя будетъ волноваться только личными потребностями, себялюбивыми чувствованіями, то прекрасное будетъ исчезать изъ его глазъ. Одинъ пятилѣтній мальчикъ, приведенный матерью на одну изъ передвижныхъ выставокъ въ С.-Петербургѣ, дѣлалъ такія замѣчанія о картинахъ: при видѣ какого-то дачнаго пейзажа, съ лѣтней природой, съ обществомъ дачниковъ, съ столомъ, на которомъ стоялъ чайный приборъ, мальчикъ замѣтилъ, что онъ хотѣлъ-бы попить чаю; при видѣ сцены проводовъ на вокзалѣ онъ сказалъ, что тоже хотѣлъ бы ѣхать и т. п. Личныя потребности, личныя удовольствія, желанія, разныя эгоистическія волненія и поползновенія— вотъ что чувствуетъ и переживаетъ дитя при видѣ прекраснаго въ природѣ и искусствѣ. Оно такъ глубоко погружено въ личную жизнь, его мірокъ настолько тѣсенъ, малъ, что оно всюду видитъ себя, свои потребности и удовольствія и, кромѣ своей личной сферы, еще ничѣмъ не интересуется. Сфера общаго и прекраснаго ему еще не по плечу, оно до нихъ не доросло, оно чуждо ихъ. Чтобы выйти изъ замкнутой узенькой сферы личныхъ интересовъ, дитяти нужно умственно развиваться, постигать общество и міръ внѣшній, признавать ихъ самостоятельность и свою зависимость отъ нихъ. Безъ помощи ума и знаній эстетическое наслажденіе невозможно. Пока дитя остается при своемъ дѣтскомъ міровоззрѣніи, въ основѣ котораго лежитъ дѣтская личность съ ея маленькими потребностями, пока первоначальный дѣтскій эгоизмъ въ немъ еще силенъ, оно не можетъ наслаждаться эстетическими впечатлѣніями въ собственномъ смыслѣ этого слова, желанія захвата, пріобрѣтенія, удовлетворенія ближайшихъ потребностей будутъ брать верхъ надъ всѣми другими чувствованіями.

Особенно-же умственное развитіе нужно для того, чтобы обнять прекрасное произведеніе природы или искусства въ цѣломъ, усвоить не только его внѣшность и форму, но и его содержаніе, его идею, чтобы постигнуть его смыслъ, каждую сторону въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ. Чтобы вполнѣ прочувствовать прекрасное, чтобы вполнѣ пережить всѣ тѣ волненія, мысли, движенія души, которыя оно способно возбуждать въ зрителѣ,

для этого нужно быть человѣкомъ, въ достаточной мѣрѣ развитымъ и образованнымъ, иначе половина прекраснаго исчезнетъ, не воспримется.

Существенныя черты эстетическихъ волненій и условія ихъ возникновенія указываютъ на весьма тѣсную связь развитія эстетическаго чувства съ общимъ ходомъ душевной жизни и вмѣстѣ на главнѣйшія требованія при правильной постановкѣ воспитанія эстетической стороны въ дѣтяхъ.

Было-бы ошибкой стремиться поставить воспитаніе эстетическаго чувства обособленно отъ другихъ сторонъ развитія человѣка, ввести занятія какимъ-либо искусствомъ или двумя и затѣмъ думать, что для воспитанія эстетическаго чувства сдѣлано все. Эстетическое чувство можетъ правильно развиваться только въ связи съ общимъ ходомъ душевной жизни, именно съ органами внѣшнихъ чувствъ, нравственнымъ и умственнымъ образованіемъ.

Самое первое и весьма важное дѣло въ воспитаніи эстетическаго чувства есть развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ. Эта забота преимущественно должна падать на первые годы жизни человѣка. Если въ данномъ отношеніи былъ допущенъ пробѣлъ родителями, если они не приложили никакихъ заботъ къ надлежащему развитію органовъ внѣшнихъ чувствъ дитяти, то позднѣе будетъ довольно трудно восполнять пропущенное, недостаточная практика зрѣнія, слуха, осязанія будетъ сказываться на каждомъ шагу и значительно затруднять развитіе эстетическаго чувства. Достаточно развитые соотвѣтственными упражненіями органы внѣшнихъ чувствъ составляютъ необходимую почву для настоящаго эстетическаго образованія.

Эстетическое чувство развивается въ связи съ нравственнымъ. Обыкновенно полагаютъ, что эстетическое развитіе способствуетъ нравственному и даже прямо заключаетъ нравственные элементы. Послѣднее несправедливо, такъ какъ эстетическое чувство есть источникъ личнаго наслажденія, а не нравственнаго усовершенствованія. Соприкосновеніе его съ нравственнымъ чувствомъ заключается въ принадлежности обоихъ къ группѣ общественныхъ чувствъ. Нравственное чувство есть не что иное, какъ освященіе и регулированіе формъ общежитія и общественности; внѣ общественности нравственное чувство невозможно. Вся суть нравственнаго чувства заключается въ обязательности нѣкоторыхъ требованій по отношенію къ сообщественникамъ. Эстетическое чувство никакой обязательности не заключаетъ, оно никого ни къ чему не обязываетъ и не принуждаетъ. Тѣмъ не

менѣе, оно есть чувство общественное, взываетъ къ единенію людей, къ мирной совмѣстной жизни, оно способствуетъ развитію общественности. Къ прекраснымъ видамъ природы и произведеніямъ искусства сбираются толпы и совмѣстно и мирно наслаждаются, а расходясь, уносятъ мысль о совмѣстномъ наслажденіи. Наслажденіе прекраснымъ естественнымъ путемъ побуждаетъ къ эстетическому творчеству, зарождаетъ мысль самому создать подобныя произведенія и такимъ путемъ сдѣлаться предметомъ общаго вниманія и почтенія. Такъ какъ совмѣстныя эстетическія наслажденія могутъ быть весьма разнообразны, вызываться массой физическихъ и умственныхъ произведеній и упражненій, и продолжительны, занимать недѣли и даже мѣсяцы, то естественно, что эстетическая сторона можетъ оказывать весьма чувствительное вліяніе на всю жизнь человѣка, побуждая къ соотвѣтственнымъ физическимъ и умственнымъ упражненіямъ, направляя вниманіе на заботы о личномъ развитіи и усовершенствованіи и прекращая на извѣстное время всякіе споры, вражду, непріязненныя отношенія. Такое явленіе въ исторіи и представляютъ общественныя игры у древнихъ грековъ, олимпійскія и другія. Едва-ли кто будетъ утверждать, что онѣ содѣйствовали подъему нравственности грековъ; но что онѣ весьма сильно поддерживали чувство общественности, національной солидарности и единства, возбуждали энергію физическихъ и умственныхъ упражненій и на нѣкоторое время прекращали вражду греческихъ племенъ и городовъ—это несомнѣнно. Въ маломъ видѣ подобное-же дѣйствіе производитъ каждое эстетическое наслажденіе.

Такимъ образомъ эстетическое чувство содѣйствуетъ развитію общественности, возбужденію физическихъ и умственныхъ силъ, зарождая влеченіе къ эстетическому творчеству различныхъ видовъ, но не касается прямо нравственности, будучи по своей природѣ лишь источникомъ *совмѣстнаго наслажденія*. Развитію нравственнаго чувства оно можетъ содѣйствовать лишь косвенно, помогая укрѣпленію общественности.

Конечно, эстетическое чувство можетъ войти въ прямую связь съ нравственнымъ, если предметомъ произведенія искусства послужитъ какая либо нравственная идея, нравственный сюжетъ. Тогда театральная сцена сдѣлается мѣстомъ нравственнаго возвышенія и облагороженія зрителей, картины будутъ внѣдрять въ посѣтителей выставокъ нравственныя правила и т. д. Но такая связь эстетическаго чувства съ нравственнымъ будетъ случайной, не будетъ зависѣть отъ самаго существа чувствованій, потому что

сюжетами произведеній искусства равно могутъ быть какъ нравственные мотивы, такъ и безнравственные и безразличные въ нравственномъ отношеніи. Въ этомъ случаѣ отношеніе эстетическаго чувства къ нравственному можно сравнить съ отношеніемъ эстетическаго чувства къ религіозному: искусство можетъ служить религіи, распространять ея историческія и догматическія данныя, а можетъ быть и антирелигіознымъ, занимаясь сюжетами, совершенно несогласными съ идеями религіи. Прекрасное есть самостоятельная сфера явленій, оно можетъ входить въ связь съ нравственностью и религіей, но можетъ становиться и на сторону ихъ враговъ; сдѣлать искусство слугой нравственности и религіи невозможно, не вредя существенно искусству, его жизненности, вліянію на людей и, въ концѣ концовъ, его процвѣтанію. Искусство свободно, оно не должно склонять своей головы ни предъ чѣмъ-кромѣ правды, оно можетъ быть только свободнымъ или-же не быть.

Если эстетическое чувство, содѣйствуя развитію общественности, тѣмъ самымъ косвенно можетъ благотворно вліять на развитіе нравственности, то и нравственное чувство, обратно, можетъ содѣйствовать развитію эстетическаго. Для полнаго и надлежащаго эстетическаго наслажденія требуется извѣстная доля безкорыстія, возвышенія надъ грубыми чувственными возбужденіями, свобода отъ эгоистическихъ вожделѣній и поползновеній. Своекорыстныя чувствованія и соображенія отравляютъ и ослабляютъ эстетическое наслажденіе, предполагающее значительную долю объективизма, безстрастія, спокойствія, воздержанія отъ эгоистическихъ возбужденій, параллелей, аналогій. Недостатокъ этого условія и дѣлаетъ малоплоднымъ для большинства современниковъ посѣщеніе театровъ, выставокъ, концертовъ, музеевъ, галлерей. Обыкновенный современный посѣтитель часто уходитъ съ выставки или изъ театра съ массой пробудившихся дурныхъ иистинктовъ и страстей, съ завистью, съ ненавистью, звѣрь звѣремъ, а не умиротворенный, не умиленный, не горящій огнемъ мирнаго соревнованія, одушевленія и возвышенной общественности. Онъ не можетъ подойти ни къ одному прекрасному произведенію, не мучаясь разными своекорыстными вожделеніями, не пробуждая въ себѣ всякихъ низменныхъ инстинктовъ, словомъ, не затрогивая въ себѣ звѣря Вотъ въ этомъ-то отношеніи нравственное чувство и можетъ помочь эстетическому.

Нравственное чувство обуздываетъ человѣка, беретъ его въ руки, укрощаетъ въ немъ звѣря. Оно воюетъ противъ безусловнаго эгоизма человѣка, дѣлая обязательными доброжелательныя

отношенія къ другимъ. Нравственное чувство требуетъ расширенія кругозора человѣка, требуетъ, чтобы человѣкъ думалъ не только о своемъ я, но и о другихъ, не возвышалъ-бы своихъ интересовъ надъ интересами другихъ. Человѣкъ нравственнаго настроенія, конечно, объективнѣе, безстрастнѣе эгоиста, его взглядъ шире. А потому и художественнымъ произведеніемъ и прекраснымъ видомъ природы, требущими душевнаго спокойствія, умиротворенности, нравственный человѣкъ можетъ наслаждаться гораздо глубже, цѣльнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ эгоистъ, такъ что мы можемъ прямо утверждать, что разумное нравственное развитіе содѣйствуетъ чистотѣ и цѣльности эстетическаго наслажденія.

О тѣсной связи между эстетическимъ и умственнымъ развитіемъ едва-ли нужно много распространяться, оно понятно. Душу красоты и искусства составляютъ гармонія, стройность, разсчетъ въ сочетаніи частей въ органическое, живое, цѣлое. Кому эта сторона мало дается въ явленіяхъ вообще, для того искусство и красота будутъ темны, тотъ будетъ проходить мимо красоты, не подозрѣвая ея существова ія. Очень часто красивое явленіе не поражаетъ размѣрами, массивностью, оно съ виду скромно и какъ будто не замѣтн но для понимающаго полно неизъяснимой прелести, оно въ соотвѣтственио настроенной душѣ возбуждаетъ эстестическій восторгъ.

Что усвоеніе идеи художественныхъ произведеній предполагаетъ умственное развитіе—дѣло ясное. Чѣмъ значительнѣе, крупнѣе произведеніе, чѣмъ оно оригинальнѣе тѣмъ больше ума и развитія требуется для полнаго его усвоенія. Очень многія художественныя произведенія остаются не вполнѣ доступными очень многимъ вслѣдствіе того. что умственное развитіе большинства слишкомъ ничтожно, что для воспріятія сложнаго и тонкаго эстетическаго впечатлѣнія у него нѣтъ достаточно подготовленной почвы. Не только такія произведенія какъ „Фаустъ“ Гете, трагедіи Шекспира, сочиненія Байрона требуотъ значительнаго умственнаго развитія для наслажденія ими, но и „Мертвыя души“ Гоголя для многихъ непонятны, они не находятъ никакой прелести въ описаніи самыхъ обыкновенныхъ людей, въ разсказѣ о такихъ событіяхъ, которыя не поражаютъ ничѣмъ, которыя могутъ случиться со всякимъ.

Эстетическое чувство очень сложно, оно имѣетъ множество различныхъ элементовъ. Прежде всего, матеріалъ эстетическихъ впечатлѣній крайне разнообразенъ, можетъ доставляться всѣми органами внѣшнихъ чувствъ, преимущестсвенно-же онъ остоитъ изъ зрительныхъ и слуховыхъ представленій и ощущеній. Сочета-

нія матеріала бываютъ также весьма разнообразны, такъ что существуетъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ и обширныхъ искусствъ. Наконецъ, психическое содержаніе произведеній искусства можетъ быть большимъ и меньшимъ и, сообразно съ этимъ, требовать различной подготовки для усвоенія. Отсюда понятно, что эстетическое чувство въ своемъ развитіи имѣетъ очень многія степени, у одного человѣка оно едва-едва начинается и выражается въ крайне элементарныхъ формахъ, у другого-же оно достигаетъ значительной высоты развитія.

Начатки эстетическаго чувства встрѣчаются довольно рано у дѣтей и у дикарей. Когда дитя надѣваетъ на себя разноцвѣтное платье или украшаетъ куклу лоскутками разныхъ цвѣтовъ, когда дикарь монотонно завываетъ, какъ будто поетъ, и на своей палкѣ вырѣзываетъ грубое изображеніе оленя или другого звѣря, тогда можно уже считать эстетическое чувство возникающимъ. Но оно пока еще такъ элементарно, что его трудно отличить отъ простого физически-пріятнаго чувства, возникающаго вмѣстѣ съ ощущеніями различныхъ органовъ. Вообще эстетическое чувство для своего возникновенія требуетъ нѣкоторой подготовки, обезпеченія главнѣйшихъ матеріальныхъ потребностей; человѣку, борящемуся за кусокъ хлѣба, не до эстетики, она для него чужда, непонятна и излишня. Поэтому утвержденіе, что трудно указать такую эпоху въ жизни человѣчества, такое состояніе человѣческой природы, когда человѣкъ былъ-бы совершенно лишенъ всякаго чувства красоты въ предметахъ окружающаго его міра, что „это чувство существуетъ задолго до появленія изящныхъ искусствъ, на самой низкой ступени первобытной культуры“ и т. д. [1]), неправильно. Что дѣти нѣкоторое время бываютъ лишены способности наслаждаться прекраснымъ, что красота въ мірѣ для нихъ въ извѣстный періодъ не существуетъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кто будетъ наблюдать маленькихъ дѣтей, тотъ въ этомъ убѣдится очень скоро. Что въ жизни цѣлаго человѣчества была эпоха полнаго отсутствія эстетическаго чувства, и эпоха не короткая, въ этомъ также едва-ли можно сомнѣваться въ виду тѣхъ данныхъ, которыя имѣются о первобытномъ человѣкѣ. Человѣкъ явился на свѣтъ не такимъ, какимъ явилась Минерва изъ головы Юпитера— сформировавшимся, разумнымъ, вооруженнымъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Первобытный человѣкъ, несомнѣнно, былъ слабымъ созданіемъ, безсловеснымъ, неразумнымъ, которое трепетало предъ каждымъ сильнымъ, страшнымъ звѣремъ, которое пряталось отъ

[1]) Смирновъ, Эстетика, стр. 3—4.

него въ дуплахъ и пещерахъ, за неимѣніемъ другой защиты, другого жилища. Пропитаніе первыхъ людей было совершенно не обезпечено, по цѣлымъ днямъ первобытный человѣкъ долженъ былъ поджидать добычу, и то голодалъ, то объѣдался. Ходилъ онъ голый или въ звѣриной шкурѣ. Такое существо было-ли способно къ эстетическимъ наслажденіямъ? Очевидно, нѣтъ. До эстетики-ли, когда нечего было ѣсть, когда дикій звѣрь каждую минуту могъ пожрать неосторожнаго эстета?

Проф. Смирновъ, въ подтвержденіе исконнаго существованія эстетическаго чувства въ родѣ человѣческомъ, ссылается на то, что дикари украшаютъ свои орудія, предметы повседневнаго употребленія, разрисовываютъ свое тѣло, разчесываютъ волоса, что нѣкоторые зачатки чувства красоты есть у животныхъ. Но дикарь и первобытный человѣкъ совсѣмъ не одно и то-же, дикарь есть уже слабо культурный человѣкъ. Чтобы украшать свои орудія и предметы повседневнаго употребленія, для этого ихъ надобно предварительно создать, выдумать. А созданіе самыхъ простѣйшихъ орудій дѣло весьма нелегкое и несомнѣнно заняло у человѣчества порядочный періодъ времени. Чтобы заниматься расписываніемъ своего тѣла или разчесываніемъ своихъ волосъ, для этого опять нужны нѣкоторыя орудія, да, вдобавокъ еще, нѣкоторая увѣренность, что во время этого пріятнаго занятія хищный звѣрь не нападетъ и не съѣстъ, иначе сказать, нужно уже владѣть средствами обороны, нужно вѣрить въ свою безопасность. А орудія обороны и безопасность не разомъ создаются.

Да не только дикарь, но и крестьянинъ, занятый постоянно мыслью объ обезпеченіи себя необходимымъ, мало понимаетъ красоту, мало восторгается ею. Онъ подобенъ тому французу, который, видя, что его господинъ вызвалъ удивленіе Генриха IV рѣдкими растеніями своего сада, осмѣлился сказать королю: „Если Вашему Величеству будетъ угодно за мной послѣдовать, я покажу вамъ цвѣты болѣе красивые и въ большемъ количествѣ“. Король, смѣясь, послѣдовалъ за крестьяниномъ. Тотъ привелъ его на великолѣпное, засѣянное пшеницей, поле и, указывая на густые разцвѣтавшіе ростки, сказалъ: „Вотъ, Ваше Величество, самые прекрасные цвѣты, которые создалъ Господь“.

Животныя владѣютъ нѣкоторыми зачатками чувства красоты. Да, владѣютъ. Но не все, что находится во владѣніи животныхъ, передается человѣку. У нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ, у бобровъ и у пчелъ, есть врожденная способность строить весьма искусныя помѣщенія чрезвычайно сложнаго характера, даже какъ будто съ помощью математическихъ выкладокъ и соображеній;

такой врожденной способности нѣтъ и слѣда у человѣка, что не помѣшало ему въ искусствѣ построекъ далеко превзойти и бобровъ, и пчелъ. Зачатки эстетическаго чувства есть у животныхъ, но они не унаслѣдованы человѣкомъ и свое эстетическое развитіе человѣкъ начинаетъ съ самыхъ первыхъ шаговъ, не пользуясь предварительнымъ опытомъ животныхъ.

Итакъ, сложность эстетическаго чувства вызываетъ два слѣдствія: эстетическое чувство не можетъ возникнуть ни у отдѣльнаго человѣка, ни у цѣлаго человѣчества на самыхъ первыхъ порахъ ихъ жизни, оно предполагаетъ нѣкоторую подготовку, нѣкоторую благопріятную почву, на которой только и можетъ произрастать. Эстетическое чувство имѣетъ много степеней и въ своемъ развитіи проходитъ длинную лѣстницу. Начинаясь грубыми и несовершенными формами, оно постепенно достигаетъ высшихъ и сложныхъ формъ.

Теперь мы обратимся къ спеціальному изслѣдованію развитія эстетическаго чувства у дѣтей.

Развитіе эстетическаго чувства у дѣтей.

Одно изъ первыхъ волненій, въ которомъ можно видѣть нѣкоторые начатки эстетическаго чувства у дѣтей, есть любовь къ украшеніямъ, къ новымъ платьямъ, обуви, шляпамъ и т. п. Дѣти очень рано обнаруживаютъ удовольствіе при новомъ платьѣ, новыхъ башмакахъ, съ радостью смотрятъ на нихъ, показываютъ другимъ. Цвѣтная новая шапка, цвѣтной бантъ, гость или гостья въ какомъ-либо новомъ, особенномъ костюмѣ возбуждаютъ въ дѣтяхъ живой интересъ. Многія дѣти очень рано пріобрѣтаютъ знанія относительно платьевъ, башмаковъ, вообще костюма и начинаютъ дѣлать разцѣнку людей по костюму, отказываясь играть съ дурно одѣтыми товарищами. По свидѣтельству Жоржъ Зандъ, одно изъ самыхъ раннихъ ея воспоминаній — второе, по счету, опредѣленное воспоминаніе имѣетъ предметомъ платье сосѣдки-дѣвочки, чрезвычайно ей нравившееся, такъ что она считала его самою прекрасною вещью въ мірѣ [1]).

Если судить строго, то въ удовольствіи, испытываемомъ дитятей отъ новыхъ платьевъ и обуви, едва-ли можно видѣть начала эстетическаго чувства. Испытываемое удовольствіе сложнаго характера и, прежде всего, обусловливается чувствомъ новизны. На дитя надѣваютъ такое платье, въ которомъ оно раньше не ходило,

[1]) George Sand, Histoire de ma vie. Edition 1893, t. II, p. 160.

котораго даже не видало, и оно радуется, прежде всего, новинкѣ, не подвергая послѣднюю строгой критикѣ ни съ эстетической, ни съ какой-либо другой точки зрѣнія. Если новые башмаки при ходьбѣ стучатъ, да имѣютъ опредѣленный рѣзкій цвѣтъ, то они и прекрасны. Всякое новое платье, не возбуждающее въ ребенкѣ отвращенія своимъ цвѣтомъ, навѣрно также будетъ прекраснымъ.

Кромѣ чувства новизны, въ удовольствіи дѣтей отъ новаго костюма видный элементъ составляетъ чувство органическаго самодовольства. Дѣти долгое время платье считаютъ чѣмъ-то безраздѣльнымъ съ своею личностью. Ихъ я есть почти исключительно физическое я, соединеніе зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ признаковъ, полученныхъ отъ наблюденія своей физической личности. Все, что часто и болѣе или менѣе долго приходитъ въ соприкосновеніе съ ихъ тѣломъ, входитъ въ составъ я. Если наблюдать, какъ твердо дитя не дозволяетъ садиться на свой стулъ другому, положить кому-либо голову на подушку своей постели, какъ рѣшительно не дозволяетъ, напримѣръ, матери пользоваться стуломъ отца, надѣвать его платье и обратно, то нельзя не придти къ заключенію, что дитя въ платьяхъ и обычныхъ вещахъ какъ своихъ, такъ и другихъ, видитъ не просто собственность свою и другихъ, а личность свою и другихъ. Личность, ея платья, ея вещи составляютъ въ глазахъ дитяти одно неразлѣльное цѣлое. Поэтому новое платье доставляетъ дитяти удовольствіе не эстетическое, а органическое, особенно если оно, при новизнѣ, еще мягко облегаетъ тѣло, гладко на ощупь, тепло и т. п.

Кромѣ указанныхъ двухъ элементовъ, въ удовольствіи дѣтей отъ новыхъ платьевъ есть и другіе, болѣе сложнаго порядка. Такъ, сюда скоро замѣшиваются тщеславіе, хвастовство, удо[illegible] быть хвалимымъ, вообще обращать на себя вниманіе. Дѣло въ томъ, что какъ ни глупо хвалить дитя за то, что мать красиво его одѣла, тѣмъ не менѣе дитя хвалятъ за это, говорятъ ему въ глаза, какъ оно въ новомъ платьѣ мило, красиво, какъ новое платье идетъ къ нему, повертываютъ дитя въ разныя стороны, тщательно разсматриваютъ платье, показываютъ гостямъ и т. д. Мало-по-малу такимъ путемъ и вливается въ дѣтскую душу ядъ глупаго хвастовства платьемъ, желанія показываться, быть на выставкѣ, и скоро всѣ эти волненія осложняютъ первоначальное простое удовольствіе отъ новаго платья.

Собственно-же эстетическій элементъ въ удовольствіи дѣтей отъ новаго платья почти совсѣмъ отсутствуетъ, потому что и самый предметъ особенною эстетичностью обыкновенно не отличается, да и органы внѣшнихъ чувствъ дѣтей въ первые годы

жизни еще неспособны къ надлежащему отчетливому воспріятію впечатлѣній и особенно ихъ гармоническихъ и дисгармоническихъ сочетаній. Любопытенъ въ этомъ отношеніи разсказъ Жоржъ Зандъ о новомъ платьѣ дѣвочки-сосѣдки, приводившемъ ее въ восторгъ.

„Второе воспоминаніе, которое представляется мнѣ само собой и которое навѣрно, въ виду его незначительности, никто мнѣ не думалъ напоминать, касается бѣлыхъ платья и вуали, которыя надѣвала старшая дочь стекольщика въ день своего перваго причастія. Мнѣ было тогда около трехъ съ половиной лѣтъ... Бѣлое платье дѣвочки мнѣ казалось самой прекрасной вещью во всемъ мірѣ. Я не могла ему достаточно надивиться, какъ вдругъ моя мать сказала, что ея бѣлое платье было совсѣмъ желтое и дурно сшито. Это причинило мнѣ страшное огорченіе. Мнѣ казалось, что мнѣ причинили глубокую печаль, возбуждая отвращеніе къ предмету моего удивленія“.

Подобное-же явленіе замѣчается и въ сферѣ другихъ чувствъ. Такъ, извѣстно, что музыкальные звуки очень рано нравятся дѣтямъ, къ игрѣ на роялѣ и на другихъ музыкальныхъ инструментахъ они прислушиваются съ удовольствіемъ, которое и выражаютъ улыбками, радостными криками, быстрымъ движеніемъ органовъ тѣла. Но всѣ эти признаки живого и сильнаго наслажденія не свидѣтельствуютъ за эстетическую воспріемливость, потому что тѣ-же знаки восторга получаются и при громыханіи ключами, при ударахъ металлическими ложечками по стаканамъ и при другихъ подобныхъ шумахъ, подчасъ совершенно невыносимыхъ для эстетически развитого уха.

Вообще чувство новизны есть одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ первоначальныхъ дѣтскихъ восторговъ и удовольствія; собственно-же эстетическое чувство задерживается въ своемъ возникновеніи и развитіи недостаточною способностью различенія органами внѣшнихъ чувствъ. Когда-же этотъ недостатокъ минуетъ, тогда являются новыя препятствія для чисто эстетическаго наслажденія: личныя аналогіи, эгоистическія чувства и малое умственное развитіе; дитя все разсматриваетъ съ точки зрѣнія личной пользы, при видѣ самыхъ прекрасныхъ предметовъ припоминаетъ цѣлую массу пережитыхъ пустыхъ обстоятельствъ, дѣлаетъ сопоставленія съ извѣстными ему вещами домашняго обихода, сопоставленія, лишенныя всякаго эстетическаго значенія.

Дитя въ возрастѣ трехъ лѣтъ цѣлые дни восторгалось одной горой, мѣнявшей свое освѣщеніе въ теченіе дня. Оно слышало, какъ взрослые восторгались этой горой и, по подражанію имъ, повторяло: „она очень большая, эта гора! Нынѣшнее утро она

была совсѣмъ бѣлой, вчера — совершенно черной, а позавчера — чисто розовой. О, прекрасная гора! Она гораздо больше, чѣмъ нашъ домъ, можетъ быть, раза въ четыре больше!" О прекрасномъ животномъ это дитя замѣчало, что оно такого-то цвѣта, очень большое или очень проворное, не злое, не гадкое; о прекрасномъ тополѣ—что онъ очень большой и очень красивый, но не такой большой, какъ фиговое дерево,—большое фиговое дерево въ саду бабушки. То-же самое дитя, будучи трехъ съ половиною лѣтъ, проходя мимо сосенъ, замѣтило: „Красивыя сосны! Какъ въ Аркашонѣ, на берегу моря. Послѣдній годъ я провелъ въ Аркашонѣ съ папой и мамой. Я объ этомъ вспоминаю съ удовольствіемъ. Я тамъ очень забавлялся и меня тамъ много не бранили!"—Вниманіе пятилѣтняго дитяти сопровождавшій его взрослый обратилъ на волнующуюся листву густого и высокаго лѣса. Дитя сказало: „это производитъ вѣтеръ. Ты этого не сдѣлаешь, бьюсь объ закладъ, дуя изо всѣхъ силъ!"—Отецъ извѣстнаго Бернардена Сенъ-Пьера привелъ однажды своего шестилѣтняго сына въ Руанъ и, любуясь соборными башнями, воскликнулъ: „какъ высоко онѣ поднимаются вверхъ!" А сынъ прибавилъ: „Да, онѣ летаютъ очень высоко". Сынъ разумѣлъ ласточекъ, вившихся вокругъ собора. Отецъ видѣлъ величественный памятникъ искусства, а сынъ, смотрѣвшій тоже на соборъ, видѣлъ лишь птичекъ, летавшихъ около него.

Условія развитія эстетическаго чувства у дѣтей и препятствія къ этому развитію мы прекрасно можемъ видѣть изъ свидѣтельствъ самихъ дѣтей, изъ ихъ писемъ, содержащихъ описаніе прекрасныхъ предметовъ, изъ ихъ воспоминаній о томъ, что казалось имъ въ раннемъ дѣтствѣ красивымъ и почему. Такой матеріалъ мы находимъ въ книгѣ Пере [1]), которымъ и воспользуемся.

Вотъ что разсказывала одна женщина о своемъ эстетическомъ развитіи:

„Въ первыя пять лѣтъ я жила слѣпой среди прекрасныхъ предметовъ, которые вселенная представляетъ нашимъ глазамъ. Я ничего не знала о цвѣтахъ, кромѣ того, что они имѣютъ различный цвѣтъ и хорошо пахнутъ. Они составляли для меня предметъ забавы, обычной дѣвочкамъ нашей мѣствости. Цвѣты были удобны для того, чтобы растирать ихъ между пальцами, чтобы ощипывать ихъ лепестки и пускать на воздухъ. „Хотите вы летѣть на небо? Ангелы ищутъ васъ". И мягкій дождь разноцвѣтныхъ

[1]) L'Art et la poesie chez l'enfant. Paris. 1888. P. 47—58, 100—113.

лепестковъ падалъ на наши плечи. Я знала также, что существовали цвѣты, удобные для прикрѣпленія, что нужно было остерегаться колючаго чертополоха, лицемѣрной крапивы... Далѣе я знала, что есть обманчивыя вѣроломныя рѣки и мрачные лѣса, населенные волками и злыми животными...

„Пяти лѣтъ я начала ходить въ школу, и мои глаза и уши открылись. Я полюбила слушать пѣніе за звуки и за размѣръ, пріятные сами по себѣ, за слова, объясненія которыхъ я не спрашивала, но которыя понимала на свой ладъ. Я познакомилась съ репутаціей соловья, имя котораго было примѣшано къ нѣкоторымъ деревенскимъ романсамъ, которыми потѣшала насъ моя мать. Въ школѣ очень скоро обнаружилась у меня склонность къ стихамъ, которые мы твердили каждый день, и къ такимъ произведеніямъ, въ которыхъ шла рѣчь о соловьѣ, этомъ пѣвцѣ ночи, о веселыхъ коноплянкахъ, о деревьяхъ, о полевыхъ удовольствіяхъ и работахъ. Мое перевозбужденное воображеніе олицетворяло все. Облака мнѣ казались душами умершихъ, интересовавшимися нами съ высоты небесъ; я слѣдила за ними взоромъ, я видѣла въ нихъ формы животныхъ и людей; они растягивались, сбивались, а когда разсѣевались, оставляли меня въ мечтательномъ настроеніи“...

Дальнѣйшія условія развитія эстетическаго чувства были слѣдующія три: 1) частыя прогулки по одному прекрасному парку, въ которомъ дѣвочка, вмѣстѣ съ своими братьми, занималась коллекціонированіемъ растеній, бабочекъ. Дѣвочка особенно полюбила цвѣты, постоянно желала имѣть ихъ цѣлыя охапки и прижимать ихъ къ своему сердцу. „Всюда я видѣла цвѣты. Я была безутѣшна, что кошки и собаки не были голубыми и розывыми“; 2) отецъ имѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ и сообщалъ многое изъ нихъ дѣтямъ, а мать, очень чувствительная, очень сострадательная ко всѣмъ страждущимъ, слабымъ, обездоленнымъ, учила своимъ примѣромъ сочувствію природѣ, сердечному къ ней отношенію. Дѣти приручали несчастныхъ заброшенныхъ собакъ, которыя хорошо знали ихъ дверь; зимой на подоконникахъ мать оставляла крошки хлѣба птицамъ; самые скромные цвѣты находили у нихъ защиту и покровительство, они не могли хладнокровно видѣть, когда другія дѣти мучили муху или жука. Словомъ у нихъ была любовь къ природѣ, сердечное расположеніе къ цвѣтамъ, насѣкомымъ, птицамъ; 3) „когда чтеніе и уроки понемногу увеличили кругъ моихъ знаній, явленія природы сдѣлались болѣе прекрасными въ моихъ глазахъ. Я наивно примѣшивала къ нимъ воспоминанія изъ священной исторіи. Въ

камышахъ бывшаго пруда мнѣ представлялся маленькій Моисей, котораго такъ счастливо спасаетъ дочь египетскаго фараона. Видъ крестьянъ въ полѣ напоминалъ мнѣ трогательную исторію Іосифа и доброту кроткой Руфи. Мало-по-малу я стала понимать то дивное волненіе, которое возбуждаютъ во мнѣ нынѣ обширное пространство, далекіе горизонты".

Это свидѣтельство, приведенное нами очень коротко, имѣетъ значительный психологическій интересъ. Оно очень опредѣленно указываетъ путь развитія эстетическаго чувства почти въ цѣломъ видѣ. Первый періодъ, обнимающій первыя пять лѣтъ жизни, представляетъ полное отсутствіе эстетическихъ впечатлѣній, это періодъ эстетической слѣпоты и глухоты. Дитя играло цвѣтами, не понимая ихъ эстетической прелести. Такъ какъ эстетическое чувство имѣетъ множество степеней и развивается мало-по-малу, то слѣдуетъ думать, что дитя, различая окраску цвѣтовъ, любуясь ею, уже испытывало нѣкоторое эстетическое волненіе, но, очевидно, весьма слабое и несовершенное, совсѣмъ исчезнувшее изъ памяти. Прямое пробужденіе и развитіе эстетическаго чувства дама приписываетъ начавшемуся умственному развитію со времени посѣщенія школы, расширенію своего кругозора чтеніемъ и школьными занятіями. Эта черта весьма важная и отмѣчена совершенно справедливо. Для того, чтобы вложить душу въ бездушныя, хотя и красивыя, явленія природы, необходимо было пробудить свою душу, свою мысль, свое сердце, заставить ихъ жить и волноваться. Иначе и вкладывать въ природу было нечего. Связь развитія эстетическаго чувства съ нравственнымъ также отмѣчена. Мать пробудила въ дѣтяхъ симпатію къ природѣ, вызвала гуманное отношеніе и къ растеніямъ, и къ животнымъ. А такое отношеніе, несомнѣнно, имѣетъ нравственный характеръ. Человѣкъ, безцеремонно попирающій и уничтожающій растенія, суровый и безпощадный къ животнымъ, человѣкъ, которому ничего не стоитъ убить живое существо,—такой человѣкъ будетъ жестокъ и къ людямъ, онъ будетъ не въ состояніи уважать ихъ личность и права. Наконецъ, совершенно справедливо отмѣчено вліяніе непосредственнаго отношенія къ природѣ въ богатомъ паркѣ и бесѣдъ и указаній знающаго и разумнаго отца.

Такимъ образомъ, самое главное въ дѣлѣ эстетическаго развитія дѣтей — не ставить эстетическое образованіе обособленно отъ другихъ сторонъ развитія человѣка, но вести дѣло совмѣстно, постоянно опирая эстетическое развитіе на развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ, умственное и нравственное, а съ другой стороны, въ эстетическомъ образованіи находя помощь для развитія

другихъ сторонъ человѣческаго духа. Далѣе, нельзя отъ дѣтей требовать сразу значительнаго эстетическаго совершенства и тонкости въ воспріятіи впечатлѣній, какъ нельзя отъ нихъ требовать сразу нравственнаго совершенства и умственной зрѣлости. Подобно послѣднимъ, этетическая впечатлительность достигается мало-помалу, и эстетическое развитіе начинается крайне несовершенными формами. Такъ, нельзя не отмѣтить, что одно изъ первоначальныхъ эстетическихъ впечатлѣній есть впечатлѣніе большаго, грандіознаго. Въ тѣхъ фактахъ, которые приведены выше, эта черта выступаетъ довольно ясно почти во всѣхъ. Лишь только дитя находится лицомъ къ лицу предъ такимъ предметомъ, который взрослые признаютъ прекраснымъ, какъ оно не замедлитъ обратить вниманіе на его величину, попытаться опредѣлить послѣднюю сравненіемъ съ извѣстными ему предметами. Это большая гора, говоритъ дитя, раза въ четыре больше нашего дома; этотъ тополь прекрасенъ, большой, но меньше, чѣмъ фиговое дерево въ саду бабушки; это животное красиво, большое или маленькое. Одинъ мальчикъ любуясь горой, особенно подчеркнулъ величину горы. Онъ прямо называетъ бѣдными, по сравненію съ горой, тріумфальную арку Звѣзды, башню св. Якова и башни парижскаго собора Богоматери. „Какъ они малы сравнительно съ остроконечной горой!.. Я удивляюсь, какъ она не раздавитъ землю подъ собою. Она поистиннѣ прекрасна (C'est vraiment bien beau)".

Мы не будемъ удивляться этому свойству дѣтскихъ эстетическихъ впечатлѣній, если припомнимъ, что старое восточное искусство вдохновлялось подобнымъ-же впечатлѣніемъ. Памятники древняго искусства—египетскія пиримиды, сфинксы, обелиски, храмы, индійскіе храмы и статуи боговъ, вавилоно-ассирійскіе памятники—все это, прежде всего, поражаетъ своимъ громаднымъ размѣромъ. Видно, что грандіозность особенно вызывала въ душѣ древнихъ глубокія эстетическія волненія, маленькіе предметы какъ будто не считались прекрасными. И въ поэзіи было тоже: героями сначала были лишь боги, богоподобныя существа, геркулесы, великаны и только позднѣе обыкновенные простые люди.

Въ развитіи эстетической впечатлительности слѣдуетъ имѣть въ виду постепенность, которая возникаетъ отъ преобладанія въ эстетическомъ чувствѣ различныхъ элементовъ. Прежде всего эстетическое чувство связано съ дѣятельностью органовъ внѣшнихъ чувствъ и находится въ зависимости отъ нихъ. Поэтому первоначальныя волненія прекраснаго имѣютъ преимущественно чувственный характеръ и заключаются въ чувствительности къ большому, грандіозному, или-же къ непосредственно пріятному

въ несложномъ сочетаніи цвѣта съ формой, напримѣръ, въ цвѣтахъ, цвѣтовъ другъ съ другомъ, формъ, звуковъ и т. п. На первыхъ порахъ этими эстетическими впечатлѣніями дѣтей и нужно ограничиваться, не огорчаясь ихъ неспособностью къ воспріятію болѣе сложныхъ и тонкихъ возбужденій.

Дальнѣйшая ступень развитія эстетическаго чувства будетъ заключаться въ расширеніи эстетическаго кругозора вліяніемъ умственнаго развитія, въ пониманіи болѣе сложныхъ и тонкихъ прекрасныхъ предметовъ, въ ихъ сравненіи и оцѣнкѣ. Умственное развитіе особенно нужно для усвоенія красотъ природы. Для человѣка теоретически совсѣмъ неразвитаго, природа бездушна и мертва, она—громадная мастерская для производства разныхъ полезныхъ продуктовъ,совершенно лишенныхъ эстетическаго характера. Красоту природы видитъ умъ, а не глаза.

Высшей ступени эстетическаго развитія человѣкъ достигаетъ только лишь при помощи нравственнаго развитія, когда его личное я не примѣшивается постоянно къ прекраснымъ предметамъ, когда оно не стремится упрямо къ господству и подчиненію себѣ всего, когда умъ и сердце человѣка очистятся отъ наплыва себя—любивыхъ мыслей и вожделѣній. Тогда человѣкъ будетъ способенъ къ вполнѣ объективному созерцанію прекраснаго и тогда доброе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ слова, а не въ видѣ условной и прописной морали, сольется въ одинъ источникъ съ прекраснымъ. Тогда только будетъ возможно осуществленіе идеала совершенства древности, формулированнаго выраженіемъ: καλὸν καγαθὸν. Очевидно, такой идеалъ не дѣтскій, онъ—достояніе зрѣлаго ума и зрѣлаго, широко гуманнаго, чувства.

Изъ условій развитія эстетическаго чувства у дѣтей слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно—на возбужденіе въ дѣтяхъ любви и симпатіи къ природѣ. Прекрасное въ искусствѣ, конечно, весьма цѣнно, но оно не всегда подъ рукой и обыкновенно пріобрѣтеніе предметовъ искусства требуетъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ. Притомъ прекрасное въ искусствѣ имѣетъ своимъ источникомъ прекрасное въ природѣ и есть подражаніе ему и идеализація; прекрасное въ природѣ первоначальнѣе прекраснаго въ искусствѣ. Поэтому чрезвычайно важно пробудить въ дѣтяхъ эстетическую впечатлительность по отношенію къ природѣ, способность наслаждаться, повидимому, самыми простыми и незатѣйливыми предметами. Если внимательно присматриваться къ природѣ, то можно замѣтить красоту, разсѣянную повсюду, и развитая эстетическая впечатлительность по отношенію къ природѣ создастъ источникъ непрерывнаго и высокаго наслажденія.

Возбужденіе и развитіе симпатіи къ природѣ должно идти двумя путями: практическимъ и теоретическимъ. Чрезвычайно важно поставить дѣтей лицомъ къ лицусъ природой. Жизнь въ городѣ крайне неблагопріятствуетъ непосредственному отношенію къ природѣ, въ городѣ большинство дѣтей видитъ лишь камни — каменные дома, стѣны, каменную мостовую. Крайне несовершенное еще развитіе культуры оставляетъ большинство городскихъ дѣтей безъ садовъ, безъ площадокъ, безъ прогулокъ за городъ, на темныхъ и вонючихъ заднихъ дворахъ и пыльныхъ мостовыхъ. Лучшее мѣсто для развитія дѣтей какъ въ эстетическомъ, такъ въ физическомъ и другихъ отношеніяхъ, есть деревня, гдѣ дитя имѣетъ полную возможноеть приглядѣться къ природѣ, проникнуться ея вѣяніями, впитать въ себя любовь и интересъ къ естественнымъ явленіямъ. Затѣмъ, для всѣхъ дѣтей, какъ деревенскихъ, такъ и городскихъ, чрезвычайно важенъ непосредственный уходъ за растеніями и животными. Заботясь о животныхъ и растеніяхъ, дитя невольно втягивается въ жизнь природы, наблюдаетъ и понимаетъ ее, у него зарождаются желанія, интересы, склонности, объектомъ которыхъ служитъ внѣшній міръ. Примѣръ взрослыхъ, ухаживающихъ за растеніями и животными, весьма важенъ; длинныя прогулки, маленькія путешествія, соединенныя съ толковымъ ознакомленіемъ съ представителями растительнаго и животнаго міра, очень много содѣйствуютъ укрѣпленію любви къ природѣ.

Изъ теоретическихъ средствъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить сказки съ героями изъ животнаго міра. Нечего распространяться о томъ, какъ дѣти любятъ такія сказки, какое сильное впечатлѣніе онѣ производятъ на подвижной дѣтскій умъ, какъ прекрасно онѣ вводятъ дѣтей въ пониманіе жизни животныхъ, ихъ нравовъ и обычаевъ. За сказками нужно поставить всякаго рода разсказы, которыхъ дѣти такъ настойчиво просятъ почти во всякое время. Предметомъ этихъ, сочиняемыхъ каждою матерью, разсказовъ въ высшей степени желательно брать или прямо явленія природы, или-же, во всякомъ случаѣ, вводить ее въ видѣ обстановки, мѣста дѣйствія разсказа и другихъ сопутствующихъ обстоятельствъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить болѣе или менѣе систематическое теоретическое ознакомленіе съ разнообразными явленіями природы и ихъ объясненіе, конечно, постоянно сопровождаемое соотвѣтственными демонстраціями.

XVIII. Общественныя чувствованія—Симпатія.

Эгоистическія чувствованія обособляютъ людей, хотя для возникновенія многихъ изъ нихъ и наслажденія ими (гордость, тщеславіе, месть и др.) необходимо общество. Эстетическія чувствованія примыкаютъ къ эгоистическимъ, потому что чувствованія эти доставляютъ утонченное наслажденіе. Но они имѣютъ и такія свойства, которыми объединяютъ и сближаютъ людей. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи сближенія и объединенія людей дѣлаютъ чувствованія, которыя могутъ быть названы прямо общественными—симпатическія, нравственныя и религіозныя. Они все крѣпче и крѣпче стягиваютъ людей, выплетаютъ новыя и новыя нити для ихъ объединенія, все больше и больше вводятъ въ сознаніе каждой отдѣльной личности интересъ къ жизни и положенію другихъ личностей, въ религіозныхъ волненіяхъ ставятъ личность лицомъ къ лицу предъ міровымъ, вселенскимъ бытіемъ и его источникомъ и погружаютъ ее въ это міровое вселенское бытіе. Эгоистическія чувствованія тѣмъ самымъ ограничиваются, ослабляются и, долго сохраняясь въ видѣ утонченнаго элемента нравственнаго наслажденія и страданія, окончательно гибнутъ при стремленіи къ сліянію личнаго бытія съ всемірнымъ, въ видѣ его божественнаго, безконечнаго первоисточника.

Мы будемъ разсматривать общественныя чувствованія преимущественно съ точки зрѣнія развитія въ нихъ вселенскаго и міроваго начала, отмѣчая, какъ мало по малу человѣкъ отрѣшается въ нихъ отъ чисто личной формы существованія.

Человѣкъ весьма давно живетъ въ обществѣ. Чтобы сдѣлаться человѣкомъ, ему необходимо было общество, такъ что собственно человѣкъ и общество нераздѣльны. Дообщественное состояніе человѣка есть періодъ его животнаго существованія, когда онъ не зналъ за собой никакихъ обязанностей, ни за что не несъ отвѣтственности, жилъ на всей своей свободной вольной волюшкѣ, но въ тоже время былъ гораздо больше скотомъ, чѣмъ человѣкомъ. Общественная жизнь есть, несомнѣнно, по самому своему существу, значительное ограниченіе личной свободы, введеніе въ личную жизнь разныхъ обязательныхъ началъ. Какъ общественность прививала человѣку новыя—общественныя—потребности, новые — общественные — инстинкты, какъ она перерождала человѣкоподобнаго звѣря—эгоиста въ настоящаго человѣка? Сначала она привила человѣческому существу кое-какіе симпатическіе позывы.

Въ своемъ полномъ развитіи симпатія есть такое состояніе

чувствующаго субъекта, когда онъ живетъ жизнью другого лица, его чувства, горе, равно какъ и радость, дѣлаетъ какъ бы своими и дѣйствуетъ на пользу другаго лица такъ, какъ бы онъ дѣйствовалъ ради самого себя. Само собой разумѣется, что симпатія не есть отожествленіе своего я съ другимъ я, различіе между сочувствующимъ и тѣмъ, кому сочуствуютъ, остается, вся сущность симпатіи состоитъ въ живомъ воображаемомъ постановленіи себя на мѣсто другого. Этой благородной способности въ большей или меньшей степени теперь не лишены всѣ люди; симпатія не есть дѣло разсчета—получить въ будущемъ отъ другихъ то, что имъ даемъ въ настоящее время,—а результатъ впечатлительности нашего организма, невольно увлекающей насъ къ сочувствію другимъ. Мы нерѣдко теперь чувствуемъ жалость къ такимъ существамъ, отъ которыхъ мы не можемъ разсчитывать получить что либо, каковы, напримѣръ, наши враги, преступники, вредныя животныя; нерѣдко размѣръ нашихъ собственныхъ потерь и затратъ при сочувствіи другимъ бываетъ настолько значителенъ, что мы не можемъ разсчитывать на покрытіе ихъ въ будущемъ услугами другихъ; наконецъ, люди жертвуютъ для другихъ своею ничѣмъ невознаградимою драгоцѣнностью—жизнью.

Не рѣдко можно бываетъ наблюдать, что ребенокъ, подъ вліяніемъ этихъ общественныхъ инстинктовъ, въ порывѣ жалости и великодушія, отдаетъ все, что имѣетъ, а послѣ, когда порывъ прошелъ, жалѣетъ, подъ вліяніемъ эгоизма, о своей щедрости и готовъ бываетъ выпросить что либо назадъ. Да и не съ одними дѣтьми это случается, бываетъ и съ взрослыми. Увлекшись гуманностью, жалостью, человѣкъ готовъ принесть всевозможныя жертвы, но, одумавшись, не прочь иногда бываетъ передѣлать сдѣланное въ болѣе эгоистичную форму. Впрочемъ иногда мы совершенно обдуманно и сознательно рѣшаемся принесть какія либо весьма значительная жертвы, единственно по тому побужденію, что несовершеніе этого дѣйствія доставило бы намъ нравственныя мученія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы дѣйствуемъ, очевидно, не вполнѣ безкорыстно.

Симпатія обнаруживается въ настоящее время очень рано въ жизни человѣка, такъ рано, что о разсчетѣ, объ эгоистическихъ выкладкахъ и соображеніяхъ не можетъ быть еще и рѣчи. Поэтому симпатію и пониманіе необходимыхъ для того знаковъ слѣдуетъ признать наслѣдственнымъ свойствомъ человѣческой природы. „Я наблюдалъ въ этомъ отношеніи моего перваго ребенка, говоритъ Дарвинъ, который не могъ ничего перенять отъ общества съ другими дѣтьми, и я убѣдился, что онъ понималъ улыбку,

отвѣчалъ на нее тѣмъ же, выражая такимъ образомъ свое удовольствіе, въ такомъ раннемъ возрастѣ, когда еще онъ ничему не могъ выучиться путемъ опыта... На пятомъ мѣсяцѣ этотъ ребенокъ началъ распознавать сострадательный тонъ голоса. Когда ему было полгода съ нѣсколькими днями, его нянька притворилась плачущей, и его лицо приняло немедленно печальное выраженіе, съ сильно опущенными углами рта. Ребенокъ этотъ едва ли видѣлъ другихъ дѣтей въ слезахъ и никогда не видѣлъ плачущихъ взрослыхъ, и я сомнѣваюсь, чтобы въ столь раннемъ возрастѣ онъ былъ способенъ разсуждать объ этомъ предметѣ. Мнѣ кажется поэтому, что врожденное чувство должно было сказать ему, что притворный плачъ няньки выражалъ горе, и этотъ плачъ, въ силу инстинкта сочувствія, возбудилъ и въ немъ печаль“ [1]). Подобныя же наблюденія были сдѣланы и другими лицами. Слѣдовательно симпатическія чувствованія теперь почти такъ же твердо коренятся въ нашей природѣ, какъ эгоистическія. Но утверждая, что симпатія теперь имѣетъ уже своимъ первоначальнымъ источникомъ впечатлительность нашего организма, мы въ тоже время признаемъ, что въ своемъ развитіи она до нѣкоторой степени обусловливается разсчетомъ, выгодою взаимныхъ услугъ и одолженій.

Каковы условія возникновенія симпатическихъ чувствъ? Первымъ изъ этихъ условій слѣдуетъ признать нашу собственную опытность въ различныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ, среди которыхъ можетъ быть поставленъ человѣкъ. Чтобы имѣть возможность сочувствовать горю и радости, счастью и несчастью, удобствамъ и неудобствамъ другихъ, мы должны знать, что такое счастье и несчастье, горе и радость, должны испытать ихъ сами. Въ противномъ случаѣ мы, очевидно, сочувствовать не можемъ. Правда, посредствомъ воображенія мы можемъ создавать такія волненія, которыхъ не испытывали; но для этого во 1) нужны элементы, во 2) это творчество новыхъ состояній изъ имѣющихся элементовъ бываетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ наша опытность меньше, и наоборотъ. Поэтому чѣмъ больше мы сами пережили различныхъ треволненій, тѣмъ лучше мы можемъ сочувствовать другимъ. Люди сухіе и черствые отъ природы, у которыхъ жизнь чувства слабо развита, подавлена другими сторонами психической дѣятельности, бываютъ мало склонны къ сочувствію; трусъ не можетъ сочувствовать храброму; холодная натура не пойметъ мукъ страстной любви; пылкій стремительный сангвиникъ не ясно представляетъ ходъ душевной жизни медленнаго флегматика.

---

[1]) О выраженіи ощущеній, Пер. Стр. 304-305.

Отсюда понятно, что наша способность симпатизировать ограничивается и задерживается по самому существу своему многими обстоятельствами. Въ наибольшей степени мы сочувствуемъ лицамъ одинаковаго съ нами образованія, образа мыслей, интересовъ, положенія и т. д., психическая жизнь которыхъ намъ хорошо извѣстна, такъ что между ими и нами много точекъ соприкосновенія, много сходнаго. Воспроизвести жизнь такихъ лицъ и сочувствовать имъ намъ легко. Когда же этихъ благопріятныхъ условій для развитія симпатіи нѣтъ, тогда приходится прибѣгать къ помощи творческаго воображенія. Въ этомъ случаѣ сила сочувствія будетъ прямо зависѣть отъ силы воображенія и умственнаго развитія вообще. Поэтому націи образованныя отличаются большимъ развитіемъ симпатіи, чѣмъ націи варварскія. Симпатическія чувства у дикарей развиты скудно. Жалости не знаютъ многіе дикари, какъ и дѣти. Послѣднія по незнанію и непониманію, а первые по свирѣпости натуры, дѣлающей возможнымъ наслажденіе жесточайшими страданіями враговъ.

Но недостаточно для возбужденія симпатіи только того обстоятельства, чтобы мы сами пережили тѣ состоянія, которыя владѣютъ лицами, возбуждающими нашу жалость; нужно еще, чтобы мы пережили ихъ въ достаточно напряженной степени. Предположимъ, что мы видимъ кого либо страдающаго сильнымъ разстройствомъ одного изъ внутреннихъ органовъ; мы сами перенесли туже болѣзнь, но только въ слабой ея формѣ. Видя страдальца, мы припоминаемъ собственныя страданія, но такъ какъ они были слабы, то у насъ и не возникаетъ сильнаго волненія чувства. Поэтому человѣкъ, наиболѣе способный къ сочувствію, тотъ, кто много выстрадалъ и много наслаждался. Анахоретское подвижничество, отрицающее достоинства наслажденія и возможность земного счастья, и царственныя пышность и великолѣпіе, незнающія обыкновеннаго житейскаго горя и нужды, раззолоченныя отъ колыбели до могилы, равно убиваютъ способность симпатіи.

Мы не можемъ непосредственно проникнуть въ душу человѣка и наблюдать, что въ ней происходитъ; психическую жизнь другихъ мы можемъ знать только по ея обнаруженіямъ. Поэтому для возбужденія симпатіи необходимо, чтобы чувствованія, владѣющія извѣстною личностью, выражались съ достаточною силою, и чтобы наблюдатель умѣлъ хорошо толковать эти выраженія. Чѣмъ сильнѣе выражается извѣстное чувство, тѣмъ сильнѣйшую симпатію оно возбуждаетъ, и наоборотъ, такъ какъ каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ, что энергическое выраженіе чувства есть несомнѣнный знакъ силы этого чувства. Различные

нищіе, убогіе, калѣки и т. п., просящіе милостыню, хорошо знаютъ это психологическое правило, а потому свои язвы и раны выставляютъ на показъ для вящшаго возбужденія симпатіи и щедрости проходяшихъ.

Для возникновенія сочувствія нужно еще умѣть хорошо понимать тѣ знаки, которыми выражаются чувствованія, нужно хорошо усвоить, съ какимъ чувствомъ ассоціируется обыкновенно какой знакъ. А знаки бываютъ очень различны—звуки, измѣненія физіономіи, движенія—и случается, что очень различныя чувствованія выражаются одинаково. Вообще хорошо изучить воплощенія чувствъ—вещь очень не легкая. Отсюда понятно, что и въ этомъ случаѣ наша способность сочувствовать стоитъ въ зависимости отъ нашего ума, и частнѣе отъ нашей способности вѣрно толковать воплощенія чувствъ. Если мы не знаемъ, что выражаетъ извѣстное движеніе, то мы не можетъ и сочувствовать. Поэтому у низшихъ стадныхъ животныхъ симпатія обнаруживается въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ, только въ случаяхъ очень большой радости или горя. Овца, потерявшая своего ягненка, по замѣчанію Спенсера (Психолг. 2,595), не возбуждаетъ сочувствія въ другихъ овцахъ, какъ потому, что выраженіе этой потери—измѣненіемъ блеянія—немного отличается отъ выраженія обыкновеннаго неудобства, такъ и потому, что другія овцы не ассоціировали этихъ легкихъ обнаруженій чувства съ потерей потомка.

Третьимъ существеннымъ условіемъ развитія симпатическихъ чувствованій слѣдуетъ признать живую фантазію и общую значительную впечатлительность организма. Въ симпатіи мы поставляемъ себя на мѣсто другаго человѣка, его чувства хотимъ сдѣлать своими, жить его жизнью. Чѣмъ лучше мы войдемъ въ положеніе этого человѣка, тѣмъ глубже будетъ наша симпатія. А для того, чтобы совершить эту метаморфозу, нужно имѣть живую фантазію, способность изъ внѣшнихъ знаковъ горя или радости отчетливо построить владѣющее человѣкомъ чувство и вообразить его положеніе. Поэтому мы видимъ, что чѣмъ менѣе у насъ есть средствъ отчетливо представить себѣ положеніе другого лица, тѣмъ слабѣе наше сочувствіе къ нему. Извѣстно, что физическія страданія, равно какъ и наслажденія, забываются очень легко; даже значительныя физическія боли мы припоминаемъ крайне туго. Вслѣдствіе этого мы не можемъ себѣ отчетливо представить положеніе человѣка, страдающаго физически; а потому и наше сочувствіе къ физическимъ страданіямъ бываетъ сравнительно слабо. Нравственныя же обиды и страданія мы воспроизводимъ легче, поэтому и сочувствуемъ имъ больше. Отсюда въ трагедіяхъ

постоянно изображаются нравственныя, а не физическія страданія людей. Адамъ Смитъ совершенно справедливо замѣчаетъ (Теорія нравственныхъ чувствъ, 45): „можетъ ли быть предметомъ трагедіи человѣкъ, страдающій рѣзью въ животѣ? А между тѣмъ страданія эти сопровождаются невыносимыми муками". Когда путешественники описываютъ намъ тѣ страшныя мученія, которыя заставилъ ихъ терпѣть голодъ, то мы при подобныхъ разсказахъ и описаніяхъ интересуемся не столько самыми ощущеніями голода, сколько тѣми дѣйствіями, которыя онъ вызвалъ.

Поэтому же наша симпатія къ горю или радости бываетъ слаба и въ томъ случаѣ, когда намъ неизвѣстно, чѣмъ они вызваны. Въ такомъ случаѣ мы не можемъ отчетливо нарисовать себѣ положеніе человѣка, у насъ есть только неопредѣленныя представленія о тѣхъ чувствахъ, которыя волнуютъ этого человѣка. „Неопредѣленныя жалобы, выражающія одну только грусть страдающаго человѣка, скорѣе возбуждаютъ наше любопытство къ его положенію и смутное расположеніе къ нему, чѣмъ дѣйствительную симпатію. Первый вопросъ, съ которымъ мы обращаемся къ нему, бываетъ обыкновенно: что съ вами? И хотя до полученія отвѣта мы и испытываемъ нѣкоторое тягостное ощущеніе, вслѣдствіе неопредѣленнаго представленія о его несчастіи, а еще болѣе вслѣдствіе безпокойнаго желанія угадать его причину, но собственно наша симпатія почти не замѣтна". (А Смитъ, Теорія нравственныхъ чувствъ, 20).

Общая впечатлительность организма также вещь очень важная для развитія симпатическихъ чувствованій. Есть люди, про которыхъ можно сказать, что они—все глазъ, ухо, чувство вообще, необычайно чутки и воспріимчивы ко всякимъ впечатлѣніямъ; органы воспріятія у нихъ очень развиты и дѣятельны. У другихъ же людей надъ воспріимчивостью преобладаетъ дѣятельность; эти люди какъ будто сами въ себѣ заключаютъ неисчерпаемые источники всевозможныхъ плановъ и предпріятій, такъ что отнестись со вниманіемъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ у нихъ нѣтъ ни времени, ни охоты. Первая особенность организаціи—благопріятная почва для развитія симпатическихъ чувствъ, вторая—неблагопріятная; первая принадлежитъ, вообще говоря, по преимуществу женщинамъ, вторая—мужчинамъ. Недостатокъ общей чувствительности и воспріимчивости, вызываемый годами, или другими причинами, убиваетъ симпатію и увеличиваетъ эгоизмъ; глухіе мало-по-малу становятся большими эгоистами. Съ другой стороны, ослабленіе дѣятельной стороны человѣка, болѣзнью или другими причинами, увеличиваетъ впечатлительность и вмѣстѣ съ

тѣми способность симпатіи. „Люди слабаго сложенія и съ впечатлительными нервами при взглядѣ на раны, выставляемыя нѣкоторыми нищими на улицѣ, жалуются, что испытываютъ болѣзненное ощущеніе въ части своего тѣла, соотвѣтствующей поражонной части этихъ несчастныхъ. Сочувствіе обнаруживается у нихъ такою мѣстною отзывчивостью, и это сочувствіе возбуждается въ нихъ вслѣдствіе того, что они мгновенно представляютъ себѣ, что они сами испытали бы на мѣстѣ этихъ страдальцевъ, если бы у нихъ поражена была такимъ же точно образомъ та же часть тѣла. (А. Смитъ, 16).

Наконецъ, послѣднимъ условіемъ, благопріятствующимъ развитію симпатіи, слѣдуетъ признать отсутствіе сильныхъ, прямыхъ препятствій или задержекъ развитія этого чувства. Такими препятствіями служатъ: слишкомъ энергическій, дѣятельный темпераментъ, не оставляющій достаточно мѣста и свободы чувствамъ, преданность чувственнымъ наслажденіямъ, съуживающая умственный кругозоръ человѣка и развивающая эгоизмъ, скупость, гнѣвъ, стремленіе къ славѣ и могуществу и другія эгоистическія чувствованія. Относительно эгоистическихъ чувствованій нужно, впрочемъ, замѣтить, что не всѣ они прямые и рѣшительные враги симпатіи, нѣкоторыя изъ нихъ не заключаютъ въ себѣ ничего противорѣчащаго симпатіи, какъ, напримѣръ, чувство мужества, чувство силы; другія же, будучи эгоистическими въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, заключаютъ, однако же, отчасти и симпатическій элементъ и отчасти примиримы съ симпатіей, какъ, напримѣръ, чувство гордости, славы; третьи же, наконецъ, образуютъ полнѣйшій контрастъ съ симпатіей, каковы гнѣвъ въ его различныхъ формахъ, зависть и пр.

Въ своемъ чистомъ видѣ симпатическія чувствованія являются болѣе или менѣе рѣдко, по большей части они бываютъ смѣшаны съ эгоистическими чувствованіями. Симпатизируя другимъ въ ихъ несчастіяхъ, мы обыкновенно въ тоже время благодаримъ судьбу, что она относится къ намъ благосклоннѣе; симпатизируя другимъ въ ихъ счастьи, мы рѣдко воздерживаемся отъ зависти, хотя и не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, что участіе въ чужомъ удовольствіи всегда своекорыстно [1]). Замѣчаютъ, что особенно трудно намъ бываетъ симпатизировать счастью другихъ, не возбуждая въ себѣ эгоистическихъ волненій. Жанъ-Поль Рихтеръ говоритъ: „для сочувствія достаточно человѣка; для сорадованія

[1]) Это мнѣніе защищаетъ В. Соловьевъ, см. Оправданіе добра Москва, 1899 стр. 94—96.

же нуженъ ангелъ". Впрочемъ и мы сами требуемъ, чтобы болѣе симпатизировали нашимъ печалямъ, чѣмъ нашимъ радостямъ. Любовь и радость удовлетворяютъ насъ и наполняютъ наше сердце, не требуя настоятельно посторонней поддержки, хотя намъ бываетъ и очень пріятно сообщить о своей радости другимъ. Раздѣленная другими наша радость какъ бы усиливается. Но горестныя и раздирающія сердце чувства нуждаются и ищутъ утѣшеній въ нѣжномъ сочувствіи.

XIX.

Развитіе нравственныхъ чувствованій и ихъ воспитаніе.

Нравственная чувствованія служатъ выразителями общественныхъ правильныхъ отношеній. Мы испытываемъ нравственныя волненія лишь въ томъ случаѣ, если есть согласіе или несогласіе между нашею личною дѣятельность и счастіемъ и благополучіемъ другихъ лицъ. Нравственность возникаетъ и развивается вмѣстѣ съ обществомъ; если бы люди жили въ одиночку, то и нравственности не было бы. Личная нравственность есть только выраженіе сознанія правильности или неправильности отношеній личности къ обществу. Нравственность освящаетъ правильныя общественныя отношенія, т. е. не только существующія въ дѣйствительности, но и такія, какія, по сознанію даннаго общества, должны существовать. Поэтому исторія нравственныхъ чувствованій есть исторія тѣхъ началъ, которыя въ разное время опредѣляли общественныя отношенія, возбуждая въ сознаніи людей соотвѣтствующія преобладающія волненія. Въ развитіи же общественныхъ началъ, преобладавшихъ въ сознаніи людей и управлявшихъ ихъ дѣйствіями, можно различать два главные періода: господство личныхъ интересовъ и началъ и подавленіе ими общественныхъ и, наоборотъ, господство общественныхъ интересовъ и началъ и подавленіе ими личныхъ.

Нужно замѣтить, что въ исторіи нравственныхъ чувствованій, по самой своей сущности общественныхъ, и не можетъ быть никакихъ другихъ періодовъ. Вся нравственность, всѣ укоры совѣсти, всѣ волненія справедливости и самопожертвованія суть не что иное, какъ игра личныхъ и общественныхъ элементовъ, ихъ разнообразное сочетаніе, потому что вся нравственность исчерпывается этими двумя классами интересовъ. Помимо ихъ въ нравственности ничего нѣтъ.

I.

Періодъ преобладанія личныхъ интересовъ.

Когда люди сходятся въ общество, тогда они всего больше ищутъ другъ отъ друга непосредственныхъ удовольствій. Я тебѣ доставляю удовольствіе, а ты мнѣ—вотъ самая простая основа общественности. Взаимный обмѣнъ удовольствіями издавна былъ и теперь есть одно изъ самыхъ распространенныхъ общественныхъ явленій. Это начало, составляя исходный пунктъ общественности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ ея вѣнецъ, ея высшая цѣль. Не было ничего проще для людей сходиться для полученія взаимныхъ удовольствій, но въ то же время нѣтъ задачи болѣе трудной, какъ такое устройство общественнаго строя, такой укладъ совмѣстной дѣятельности людей, чтобы не было между ними никакихъ столкновеній, никакой борьбы, никакой обиды и насилія, а лишь одинъ обмѣнъ взаимными удовольствіями.

Между дикими племенами, по разсказамъ путешественниковъ, встрѣчаются такія, общественность которыхъ построена на разсматриваемомъ началѣ. Это племена, живущія въ счастливомъ климатѣ, не нуждающіяся въ большихъ заботахъ ни о пищѣ, ни объ одеждѣ, племена свободолюбивыя, почти съ полнымъ отсутствіемъ политической, общественной и религіозной власти, мирныя. Жизнь такихъ племенъ въ значительной степени похожа на идиллію, всякаго рода удовольствія составляютъ весьма видное явленіе въ ихъ дѣятельности, они живутъ удовольствіями, о нихъ мечтаютъ, къ нимъ стремятся. Если враги имъ не грозятъ, если они защищены, напримѣръ, своимъ островнымъ положеніемъ, то такая идиллія можетъ осуществиться довольно полно и продолжаться значительное время.

Племена такого общественнаго склада встрѣчены Уоллэсомъ на Малайскомъ архипелагѣ и очаровали его. Среди подобныхъ племенъ ссоры рѣдки, потому что мужчины рѣдко проникаются достаточно сильными чувствами, чтобы начать ссору. Если кто нибудь солжетъ своему сосѣду, то послѣдній отнесется ко лжи совершенно такъ же, какъ и къ правдѣ, и только отвѣтитъ на нее еще болѣе крупною ложью; если кто-либо украдетъ у него часть имущества, онъ позволяетъ пользоваться ею, а когда подвернется случай, украдетъ самъ что либо равноцѣнное; если какой либо юноша заводитъ открыто интригу съ его дочерью, онъ только усмѣхается и думаетъ про себя, какимъ успѣхомъ онъ

самъ пользовался у дѣвушекъ въ болѣе ранніе годы. Существенными условіями возникновенія и развитія такого склада обществъ служатъ: островное положеніе, хорошій климатъ и отсутствіе твердой политической и религіозной власти.

Обитатели Маркизскихъ острововъ очень напоминаютъ дѣтей; они также мало способны къ благодарности, капризны, часто сердятся; они нервны, безпокойны, нетерпѣливы, сильно подвержены суевѣрію. Дѣтская рѣзвость полинезійцевъ нисколько не уменьшалась съ возрастомъ, и можно было видѣть, какъ совсѣмъ слабые старики, почти неспособные двигаться, съ дѣтскою живостью принимали участіе во всѣхъ развлеченіяхъ. Игры, танцы, веселые разговоры, празднества наполняли жизнь островитянъ и начинались съ утра; почти никогда не занятые, они безпрестанно были въ движеніи. „Все ихъ поражаетъ, говоритъ Бугенвиль, но ничто ихъ не занимаетъ. Намъ ни разу не удалось сосредоточить вниманіе ни одного изъ нихъ въ продолженіе двухъ минутъ сряду на одномъ предметѣ. Кажется, что малѣйшее умственное напряженіе для нихъ невыносимо".

Такихъ счастливыхъ племенъ не много, требуется очень много условій, чтобы осуществить въ общественномъ строѣ чистое начало взаимнаго удовольствія. Большинство племенъ не въ состояніи устранить суровое треніе между своими сочленами, распри, вражду, а между тѣмъ стремленіе къ удовольствію остается въ силѣ, и это стремленіе можетъ быть удовлетворено лишь при помощи другихъ, а не въ одиночку. Какъ же быть въ такомъ случаѣ? При несовершенной общественной организаціи выходъ былъ одинъ — право физической силы, физическое насиліе. Получать равное количество удовольствій всѣмъ оказывается невозможнымъ, нѣкоторымъ приходится приносить себя въ жертву, другимъ уменьшать число своихъ удовольствій, чтобы на это же число увеличить сумму наслажденій другихъ; являются счастливцы и несчастливцы на жизненномъ пиру. Чтобы быть избраннымъ, чтобы получать наслажденіе въ достаточной мѣрѣ и даже въ изобиліи, нужно брать ихъ съ бою, нужно топить другихъ, чтобы самому не утонуть. Предстояло на выборъ: быть или молотомъ или наковальней, наслаждающимся или страдающимъ. Кто могъ, дѣлался молотомъ; кто не могъ, по неволѣ превращался въ наковальню. Этотъ принципъ и выразился въ угнетеніи слабыхъ сильными. Кто былъ сильнѣе, тотъ и заставлялъ слабѣйшихъ доставлять себѣ удовольствія: взрослые дѣтей, мужчины женщинъ, молодые стариковъ, силачи слабосильныхъ.

У комачей не было дѣйствій, считавшихся преступленіями. Каждый поступалъ по собственному желанію и соображенію, пока не наталкивался на болѣе сильнаго. Они увѣряли, что великій духъ, при ихъ созданіи, далъ имъ преимущество безпрепятственнаго упражненія всѣхъ ихъ силъ. У многихъ племенъ воровство, измѣна, разбой, убійство не только не относились къ разряду преступленій, а, наоборотъ, къ разряду достохвальныхъ дѣяній, прекрасныхъ мужественныхъ дѣлъ. Арабскій разбойникъ считаетъ свой промыселъ весьма почтеннымъ занятіемъ, самое имя разбойникъ есть своего рода привлекательный титулъ, лестное прозвище, которымъ можно наградить юнаго героя. Древніе ѳракійцы признавали разбой не только допустимымъ занятіемъ, но и единственно почтеннымъ. У нѣкоторыхъ племенъ сказать про мужчину, что онъ не убилъ ни одного человѣка, значитъ обругать его; тамъ хвалятся тѣмъ, что загубилъ, напримѣръ, 11 душъ.

Древніе датчане держались такого воззрѣнія, что слабые не имѣютъ никакого права на то, чего они не въ состояніи защитить. Также думали и исландцы: если у крестьянина въ Исландіи поле дало худшій урожай, чѣмъ у сосѣда, то онъ могъ вызвать послѣдняго на поединокъ и, если преодолѣвалъ противника, то вступалъ въ законное владѣніе его собственностью.

Нечего поэтому удивляться, что, по вѣрованіямъ нѣкоторыхъ племенъ, только богатые, славные и знатные имѣютъ душу безсмертную и будутъ наслаждаться райскимъ блаженствомъ, простые же, бѣдные и слабые погибнутъ совсѣмъ. Жители Тонга полагали, что всѣ знатные люди имѣютъ души, которыя, по смерти тѣла, и живутъ въ особомъ мѣстѣ, сообразно своему положенію на землѣ, а не нравственнымъ достоинствамъ; что же касается простыхъ людей, то они или совсѣмъ не имѣютъ душъ, или же смертныя. По вѣрованію суматранцевъ, жизнь по смерти есть привиллегія знатныхъ; на Отаити полагали, что души главъ племени и предводителей собираются на солнцѣ и въ изобиліи наслаждаются плодами хлѣбнаго дерева, свинымъ и собачьимъ мясомъ; души же подданныхъ переходятъ въ животныхъ, пожираются птицами или погибаютъ какимъ-либо инымъ образомъ. Даже древніе обитатели Пруссіи полагали, что кто въ этомъ мірѣ знатенъ или простъ, богатъ или бѣденъ, силенъ или слабъ, тотъ и въ томъ мірѣ останется въ своемъ прежнемъ, земномъ, положеніи.

Такимъ образомъ самая первая классификація людей съ нравственной точки зрѣнія есть классификація не на добрыхъ и злыхъ, но на сильныхъ и слабыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, знат-

ныхъ и простыхъ. Древнѣйшее значеніе слова добрый заключаетъ понятія силы, богатства, знатности, а не нравственнаго достоинства; а слова худой—бѣдности, малости, слабости, а не какого-либо нравственнаго недостатка. Вообще слова, выражающіяся нравственныя понятія, сравнительно новаго происхожденія, а ихъ корень, основное значеніе—какія-либо матеріальныя свойства. Напримѣръ, выраженія жестокость и мягкость происходятъ отъ корней, обозначающихъ твердость и мягкость; понятія порока, нравственнаго поврежденія и стыда происходятъ отъ словъ, обозначающихъ тѣлесныя поврежденія, главнымъ образомъ кожи; слово злой очень долгое время не вмѣло нравственнаго значенія, а только соотвѣтствующее физическое. Въ 12 еще вѣкѣ рай описывался, между прочимъ, такимъ стихомъ: „тамъ ни роза, ни лилія не бываютъ злыми“ (т. е. гнилыми) [1]). По замѣчанію Грота выраженіе добрый у грековъ въ древнѣйшемъ смыслѣ обозначало человѣка знатнаго рода, богатаго, уважаемаго, рука котораго имѣла достаточно силы, чтобы защищать или нападать, а противоположный эпитетъ—худой—обозначалъ слабаго, бѣднаго, незначительнаго по положенію человѣка. Никакихъ нравственныхъ, въ нашемъ смыслѣ слова, обязанностей человѣка къ человѣку не существовало, господствовало право физической силы, богатства и знатности. Кто былъ силенъ, тотъ всегда былъ правъ и нравственъ.

Самуилъ Бэкеръ въ своей извѣстной книгѣ о путешествіи и открытіяхъ въ Африкѣ, между прочимъ, отмѣтилъ, что нѣкоторыя племена, съ которыми онъ вступалъ въ сношенія, „не имѣютъ никакого понятія объ обязанности или религіи“. Онъ пытался разъяснить имъ эти идеи и долго бесѣдовалъ объ указанномъ предметѣ съ однимъ предводителемъ племени Латука Комморо. Послѣдній очень мало убѣждался доводами Бэкера. Тогда Бэкеръ представилъ ему такое доказательство: „если вы не вѣрите въ будущую жизнь, то ради чего же человѣкъ будетъ добрымъ? Почему человѣку не быть злымъ, если его злость служитъ причиной его благоденствія“? На это соображеніе Комморо весьма характерно отвѣтилъ: „большинство людей дурны; если они сильны, они грабятъ слабыхъ. Добрые люди всѣ слабы; они добры потому, что не имѣютъ довольно силы, чтобы быть злыми“. И до настоящаго времени у нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ и племенъ существуютъ подобныя воззрѣнія, доброта считается

[1]) L. Geiger, Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft. Zweiter Band. 1872. Cap. VII, VIII и XI.

слабостью, пощада врага, великодушіе по отношенію къ побѣжденному несомнѣннымъ признакомъ безсилія.

Люди и равносильные и просто сильные могли сталкиваться между собою въ своихъ удовольствіяхъ, могли мѣшать другъ другу; чего хотѣлъ одинъ, того хотѣлъ и другой; начиналась борьба. Съ другой стороны, насилія сильныхъ неизбѣжно вызывали протестъ въ сравнительно слабыхъ. Послѣдніе хотя и были слабы, но не были безсильны и могли въ большей или меньшей степени вредить сильному, особенно поддерживаемые другими, соединяясь въ группы. Общественныя связи людей были еще настолько слабы, что притѣсненіе одного члена не оскорбляло общество, не возбуждало его на защиту обиженнаго, обществу не было никакого дѣла до обиды своего члена, оно предоставляло его собственнымъ силамъ. Если онъ могъ, то отнималъ у обидчика тѣмъ или другимъ путемъ похищенное; если не могъ, то страдалъ.

Изъ такого строя общества неизбѣжно возникало чувство мести, какъ нравственно обязательной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же не мстить? Сильные обижаютъ, общество не защищаетъ. Зачѣмъ терпѣть обиды и притѣсненія, если есть силы мстить обидчику? Положимъ, сильный въ правѣ обижать, потому что онъ силенъ, но и менѣе сильный въ правѣ мстить, если въ немъ есть сколько нибудь къ тому силы и возможности. Все основывается на силѣ и ею оправдывается. А месть, къ тому же, такъ сладка. Въ чемъ заключается сладость мести? Она заключается въ сознаніи своей силы. Когда человѣкъ страдаетъ отъ кого либо, онъ, пока страдаетъ, безсиленъ предъ этимъ человѣкомъ. Если-бы онъ былъ силенъ, онъ не сталъ бы страдать. Когда же онъ мститъ, онъ становится сильнымъ, онъ заставляетъ страдать. Чѣмъ сильнѣе страдаетъ врагъ, тѣмъ отчетливѣе, ярче сознаніе силы. Въ этомъ сознаніи силы главная сладость чувства мести. Къ нему прибавляется дополнительный пріятный элементъ — что тѣ удовольствія, которыхъ лишилъ насъ врагъ, въ будущемъ уже не уйдутъ отъ насъ, что мы будемъ ими пользоваться. Этотъ дополнительный элементъ имѣетъ большую важность съ общественной точки зрѣнія, такъ какъ помощью его удовольствія вырываются изъ рукъ насильника, не сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, но распредѣляются между многими членами общества, хотя и весьма не равномѣрно.

Возстановленіе возможности пользоваться удовольствіями путемъ личной мести—неизбѣжная ступень въ развитіи нравственныхъ чувствованій. Безъ личной мести какъ бы жить людямъ? Насильники со-

всѣмъ завладѣли бы человѣческой толпой. А при личной мести счетъ коротокъ: око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь. Что отнялъ, то верни. Поэтому личная месть есть весьма важный элементъ общественнаго развитія людей, и у многихъ племенъ и народовъ и весьма долгое время была самою святою нравственною обязанностью. Не мстилъ только трусъ и негодяй, вполнѣ презрѣнный человѣкъ, хорошій человѣкъ мстилъ сурово и безпощадно; быть добродѣтельнымъ, не отомщая обидчику, было невозможно. Въ то время заповѣдь: прости обидчику, не мсти врагу, послѣ удара по одной щекѣ подставь другую, был совершенно непонятна, несоотвѣтственна условіямъ общественности, а потому вредна для общества; это была въ то время какая то нравственная неразбериха.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться, когда мы встрѣчаемъ такія свидѣтельства о разныхъ дикаряхъ, какъ Скулькрафта о сѣверо-американскихъ индѣйцахъ: „я никогда не встрѣчалъ у нихъ другого наказанія, кромѣ личнаго мщенія"; „каждый человѣкъ дѣйствуетъ за себя и мститъ за нанесенный ему вредъ по своему усмотрѣнію"; Эдварса о карибахъ: „месть была ихъ единственнымъ закономъ"; Уоллэса о бразильскихъ племенахъ: „у нихъ мало какихъ бы то ни было законовъ; все, что у нихъ существуетъ въ этомъ смыслѣ, ограничивается строго соблюдаемымъ обычаемъ мести". Не только у дикарей месть была священнѣйшею обязанностью, но и вообще у всѣхъ народовъ на раннихъ ступеняхъ развитія, или, какъ краснорѣчиво говоритъ Сутерландъ, „далеко позади, въ сумеркахъ первоначальной исторіи, мы встрѣчаемъ эпоху, когда кровавая месть была единственнымъ закономъ". Личное мщеніе и теперь еще признается многими одною изъ главнѣйшихъ, основныхъ человѣческихъ заповѣдей. Два вѣка назадъ старый Нэпиръ восклицалъ: „тамъ все безчестно, гдѣ нѣтъ правила: око за око и зубъ за зубъ".

Въ Коранѣ (гл. 11) мы читаемъ: „о, правовѣрные, за убійство предписывается законъ мести: свободный долженъ умереть за свободнаго, слуга за слугу, женщина за женщину. Но тотъ, кого проститъ его братъ, можетъ быть обязанъ дать удовлетвореніе, согласно тому, что справедливо, и пеня должна быть наложена на него съ человѣколюбіемъ". Здѣсь мы уже видимъ начало смягченія суроваго закона мести — возможность замѣнить, убійство пеней. Новымъ духомъ вѣетъ и въ слѣдующихъ словахъ Корана (гл. XVII): „но пусть мститель не выходитъ изъ границъ умѣренности, подвергая убійцу слишкомъ жестокой смерти или возмѣщая кровь своего друга на комъ либо другомъ, а не на лицѣ, убившемъ его".

Чувство мести имѣло своимъ основаніемъ не какія либо юридическія соображенія, не желаніе возстановить нарушенную справедливость и т. п. отвлеченныя и тонкія соображенія, а истекало непосредственно изъ лишенія удовольствія и причиняемаго имъ состоянія приниженія. Поэтому месть простиралась не только на намѣренныя и сознательныя нарушенія удовольствія, но и на совершенныя безъ всякаго намѣренія, на безсознательныя обиды. За всякимъ причиненіемъ вреда по пятамъ слѣдовала месть. Поэтому месть легко возбуждалась не только человѣкомъ, но и принадлежащимъ ему животнымъ, даже бездушнымъ предметомъ, причинявшимъ вредъ и страданіе. Мстившій мстилъ не только своимъ непосредственнымъ оскорбителямъ, но и лицамъ, близкимъ ему, его родственникамъ, его соплеменникамъ. Чѣмъ жесточе и шире была месть, тѣмъ больше славы было мстителю, тѣмъ больше похвалъ онъ слышалъ. Взять око за око и зубъ за зубъ было хорошо, но еще лучше было взять за око или зубъ жизнь, т. е. убить. Дѣти считались отвѣтственными до прегрѣшенія отцовъ. Въ Библіи, въ книгѣ Исходъ (XX гл.), прямо говорится, что Богъ мститъ за грѣхи отцовъ дѣтямъ до третьяго и четвертаго колѣна. Месть была чувствомъ вполнѣ органическимъ, рефлективнымъ, необдуманнымъ, это былъ порывъ, а не разсужденіе. Что нужно мстить—объ этомъ никто не разсуждалъ и разсуждать было нечего; разсуждали лишь о томъ, какъ осуществить священный долгъ мести [1]).

Личная месть могла считаться священною обязанностью лишь при весьма слабыхъ общественныхъ связяхъ и отношеніяхъ; по существу же она была неудобна для общества, такъ какъ порождала непрерывную вражду и войну. Отмстить въ мѣру, отмстить такъ, чтобы подлежавшій мести признавалъ ее справедливой, что у него взято столько удовольствія, сколько онъ самъ отнялъ, было чрезвычайно трудно, слишкомъ часто месть переходила должные предѣлы, нароставшіе отъ злобы проценты мести были слишкомъ большими, слишкомъ ростовщическими, и подвергавшійся мести считалъ себя обиженнымъ и въ тоже время обязаннымъ за излишекъ мести мстить. Такимъ образомъ возникала непрерывная месть и вражда.

Въ той мѣрѣ, какъ общественныя отношенія и связи становились тверже, непрерывная месть и вражда, широко распространявшіяся, затрагивавшія многихъ, стороннихъ предмету мести,

[1]) О значеніи мести въ развитіи нравственности см. книгу Paul Rée Die Entstehung des Gewissens. Berlin 1885, zweites Buch, Die Entstehung der Strafe.

лицъ оказывались все неудобнѣе и неудобнѣе: къ чему страдать, лишаться удовольствій непричастнымъ къ дѣлу лицамъ? Ихъ интересы требовали смягченія и ограниченія мести. Ограниченіе было создано денежнымъ вознагражденіемъ за обиду. Вмѣсто пролитія крови обидчика мститель договаривался довольствоваться извѣстнымъ числомъ быковъ, овецъ, опредѣленной суммой денегъ и т. п. Кто не имѣлъ возможности заплатить и не желалъ подвергнуться мести, тотъ долженъ былъ бѣжать. Договоръ объ имущественномъ вознагражденіи за обиду, „о цѣнѣ крови", первоначально заключался исключительно лишь заинтересованными сторонами, безъ всякаго постояннаго посредничества какихъ либо другихъ лицъ но затѣмъ постепенно установлялась и крѣпла такса на кровь, на обиду, при участіи и одобреніи сосѣдей, племени, общества. Племени было удобно и выгодно опредѣлить таксу за обиды, и оно явилось въ этомъ дѣлѣ постояннымъ добрымъ посредникомъ, „добрымъ маклёромъ", и за свои труды выговорило себѣ также вознагражденіе. Такимъ образомъ, вмѣсто мести, постепенно возникло и окрѣпло вознагражденіе потерпѣвшему въ опредѣленномъ размѣрѣ при посредничествѣ общества и вознагражденіе самаго общества. Въ личныя дѣла начало вмѣшиваться общество и устроять ихъ, въ своихъ интересахъ и интересахъ враждующихъ сторонъ. Это начало чрезвычайной важности, со временемъ пышно расцвѣтшее и существенно измѣнившее людскія общественныя чувствованія.

Это новое начало развивалась такимъ образомъ, что роль общества въ умиротвореніи враждующихъ постепенно все больше и больше становилась значительной, а роль самихъ враждующихъ умалялась. Первоначально имущественное вознагражденіе за обиду въ большей своей части поступало обиженному, а обществу шла меньшая часть; съ теченіемъ же времени дѣло измѣнилось въ обратномъ смыслѣ, большая часть пени поступала обществу, а меньшая обиженному, а наконецъ общество или, позднѣе, государство вполнѣ взяло въ свои руки возмездіе всякаго рода оскорбителямъ, причемъ сами оскорбленныя лица утратили почти всякое значеніе при наложеніи взысканія. Впрочемъ отзвукъ прежняго порядка дѣлъ сохранялся еще долгое время въ новыхъ правовыхъ отношеніяхъ людей, воля обиженнаго все же имѣла нѣкоторое вліяніе на размѣръ налагаемаго наказанія. Такъ въ Аррагоніи еще въ 1564 году наказаніе обидчику не могло быть смягчено безъ согласія обиженнаго, а въ нѣкоторыхъ странахъ исполненіе наказанія предоставлялось потерпѣвшимъ. Если обидчикъ приговаривался къ повѣшенію, то обиженные имѣли право сами вздернуть

его на висѣлицу. По аттическому закону, жалобщикъ имѣлъ право присутствовать при казни. Такимъ образомъ обиженные изъ самостоятельныхъ мстителей превращались въ простыхъ исполнителей воли государства, сами мстить, напримѣръ, убивать убійцу, они уже не имѣли права.

Въ той мѣрѣ, какъ государство своею дѣятельностью, своимъ вмѣшательствомъ замѣщало дѣятельность отдѣльныхъ лицъ въ дѣлѣ распутыванія обидъ и поврежденій, право и обязанность личной мести замѣнялись правомъ и обязанностью государства наказывать обидчиковъ. Возникало чрезвычайно важное явленіе въ развитіи общественно-нравственныхъ чувствованій—государственное наказаніе. На первыхъ порахъ наказаніе по матеріальному своему содержанію сохраняло прежній характеръ, т. е. оно требовало око за око, а зубъ за зубъ; но по своему внутреннему значенію наказаніе совершенно измѣняло чувствованія человѣка. Прежде всего, личный характеръ чувствованія въ значительной степени терялся, чувствованіе лишалось своей личной окраски и вмѣстѣ яркости, дѣлалось болѣе или менѣе отвлеченнымъ. Личности нельзя было мстить, нельзя было дѣятельно вести себя по отношенію къ обидчику, нужно было только заявить о своей обидѣ. Отысканіе обидчика, его задержаніе, назначеніе наказанія и выполненіе его—все это было на обязанности государства, претерпѣвшій же находился въ пассивномъ положеніи. Онъ долженъ былъ терпѣливо ждать, пока государство за него сдѣлаетъ все, что нужно, съ обидчикомъ. Отъ такого устраненія обиженнаго отъ непосредственной мести чувство послѣдняго неизбѣжно проигрывало въ яркости и свѣжести, оно не находило для себя достаточной пищи. Когда-то, гдѣ-то и какъ-то государство накажетъ обидчика. Для личнаго чувства, при отсутствіи соотвѣтствующихъ возбужденій внѣшнихъ органовъ, этого было очень мало. Чувство блекло, теряло напряженность и яркость, человѣкъ долженъ былъ удовлетворяться отвлеченною справедливостью, т. е. возмездіемъ государства, наказаніемъ, за причиненную ему обиду.

Наказаніе государствомъ обидъ мало по малу сдѣлалось мѣрой твердой и постоянной, всевозможныя обиды были расцѣнены и за каждую опредѣлено надлежащее возмездіе. Такимъ образомъ наказаніе получило характеръ предупредительной мѣры, сдерживающей личные страстные порывы, удерживавшей человѣка въ границахъ правильнаго общежитія. Наказаніе и его степень являлись воплощеніемъ общественной и личной совѣсти, мѣриломъ правильности или неправильности дѣйствій. Если не подвергаешься наказанію, то правъ и святъ; если подлежишь

наказанію, то виноватъ и грѣшенъ и въ той мѣрѣ, въ какой терпишь наказаніе. Конечно, лѣстница государственныхъ наказаній не особенно тонкое мѣрило добродѣтели, но, за недостаткомъ лучшаго, и оно хорошо. Государственное наказаніе надежнѣе мести охраняло отдѣльныхъ лицъ отъ обидъ. Месть могла удаться и не удаться; если обидчикъ былъ силенъ, то какъ ему отмстить? Легко было въ отвѣтъ получить еще большую обиду; государство, располагая могучими средствами, всегда въ состояніи достать всякаго обидчика и подвергнуть его надлежащему взысканію. Отъ государства спастись гораздо труднѣе, чѣмъ отъ отдѣльнаго лица, какъ бы оно сильно ни было; государство самое маленькое всегда сильнѣе самой сильной отдѣльной личности.

Государственное наказаніе, сдѣлавшись постоянной и предупредительной мѣрой, породило постепенно въ сознаніи людей мысль о хорошемъ и дурномъ дѣйствіи, которая позднѣе дала начало понятію о добрѣ и злѣ. Въ сознаніи людей постепенно крѣпло убѣжденіе, что за нѣкоторыми дѣяніями неизбѣжно слѣдуетъ наказаніе. А наказываютъ обидчиковъ, такихъ людей, которые самовольно и неправильно отнимаютъ удовольствія у другихъ, которые неудобны для общества и государства. Другіе, т. е. общество и государство, вся масса людей, смотрятъ не благосклонно на обидчиковъ и нарушителей общественнаго порядка, они порицаютъ и наказываютъ ихъ. Такимъ образомъ наказуемыя дѣянія представлялись непріятными во всѣхъ отношеніяхъ, они влекли за собою страданіе, въ видѣ наказанія, и вызывали всеобщее осужденіе обидчика, нерасположеніе къ нему сосѣдей, сообщественниковъ, которые по неволѣ должны были подозрительно относиться къ нарушителю благополучія другихъ. Подобное настроеніе, продолжавшееся отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, въ концѣ концовъ должно было привести людей къ раздѣленію дѣйствій на наказуемыя и не наказуемыя, порицаемыя и непорицаемыя, хорошія и нехорошія.

Это различеніе дѣйствій на два разряда весьма важно, такъ какъ человѣчество очень долго и очень упорно держалось того начала, что все хорошо, что доставляетъ личное удовольствіе, и все дурно, что лишаетъ этого удовольствія. „Хорошо украсть чужую жену, говорилъ одинъ дикарь въ отвѣтъ на вопросъ: что такое хорошее и что дурное?-но дурно, если у тебя самого украдутъ жену“. Подъ вліяніемъ-же непрерывно дѣйствующаго наказанія, человѣкъ пришелъ, наконецъ, къ сознанію, что дурно украсть и чужую жену. Непріятность послѣдствій дѣйствія самого по себѣ пріятнаго (кражи чужой жены), по ассоціаціи, мало по

малу дѣлала это пріятное дѣйствіе непріятнымъ, а потому нежелательнымъ и непохвальнымъ, нехорошимъ. Расцѣнка человеческихъ поступковъ подъ вліяніемъ наказанія существенно измѣнялась.

Параллелно съ государственнымъ наказаніемъ дѣйствовала и религіозная кара-гнѣвъ боговъ. Извѣстныя дѣйствія не только влекли наказаніе отъ государства, но и наказанія религіозныя, такъ какъ преступленія, оскорбляя людей, оскорбляли вмѣстѣ съ тѣмъ и боговъ. Важность религіознаго наказанія заключалась не въ томъ, чтобы религіозная оцѣнка дѣйствій была тоньше, выше, возвышеннѣе гражданской—боги по своимъ свойствамъ походили всегда на людей, были далеки отъ идеальнаго совершенства и религіозное чувство развивалось постоянно въ соотвѣтствіи съ другими, въ частности съ нравственнымъ; но значеніе религіознаго осужденія извѣстныхъ дѣяній состояло въ томъ, что къ преслѣдователямъ обидчиковъ, каковы самъ обиженный, его община, государство, присоединялся еще одинъ важный союзникъ—богъ. Если уже отъ государственной кары было трудно уйти нарушителю благополучія другихъ, то избѣгнуть божескаго наказанія было еще труднѣе. Государственныя власти могутъ быть обмануты, введены въ заблужденіе, бога-же обмануть хотя тоже можно, но труднѣе, чѣмъ государственную власть. Сила бога больше силы государства, его стрѣла бьетъ дальше и вѣрнѣе стрѣлы государства, хотя боги язычниковъ и не признавались всемогущими. Такимъ образомъ каждый обидчикъ, вслѣдствіе своего дѣянія, попадался въ весьма крѣпкія сѣти: начиналъ его ловить обиженный, онъ такъ сказать, указывалъ добычу и натравливалъ на нее государство, а вслѣдъ за государствомъ мчался грозный богъ съ поднятой карающей десницей, и грѣшнику приходилось плохо: удавалось ему скрыться отъ одного преслѣдователя, онъ попадалъ въ руки другого. По неволѣ онъ приходилъ къ сознанію, что есть дѣйствія наказуемыя, непріятныя, дурныя, а есть дѣйствія не наказуемыя, хорошія; что отъ первыхъ лучше всего воздерживаться, чтобы не нажить себѣ непріятностей и отъ людей и отъ боговъ, и оставаться, по возможности, при вторыхъ. Наказаніе въ обоихъ его видахъ: гражданскомъ и религіознымъ было воспитателемъ нравственно-общественныхъ чувствованій людей, оно заложило фундаментъ для различенія и распознованія добра и зла. Безъ наказанія человѣкъ не сдѣлался бы нравственнымъ существомъ.

Такимъ образомъ въ предѣлахъ чисто эгоистическихъ общественныхъ побужденій совершился весьма значительный процессъ

развитія: человѣкъ началъ тѣмъ, что искалъ у своихъ ближнихъ непосредственнаго личнаго удовольствія, смотрѣлъ на весь міръ, на всѣхъ другихъ людей, какъ на орудія личнаго наслажденія; если кто не хотѣлъ добровольно признать такой взглядъ, тотъ приводился къ нему насиліемъ; если силы были болѣе или менѣе равны, начиналась безконечная месть. Закончился этотъ процессъ развитія признаніемъ законнаго существованія удовольствій другихъ, сознаніемъ необходимости дѣйствовать такъ, чтобы не нарушать, по возможности, удовольствія другихъ, причемъ дѣйствія съ нарушеніемъ чужого благополучія были признаны дурными, нехорошими, а дѣйствія, имъ противоположныя, желательными и хорошими. Это послѣднее сознаніе возникло на строго эгоистической почвѣ, въ немъ собственно благожелательности къ людямъ нѣтъ и слѣда. Не лишай удовольствія другихъ, не отнимай у нихъ ничего, не вреди имъ, потому что иначе у тебя непремѣнно отнимутъ твои удовольствія, неизбѣжно повредятъ тебѣ. Всѣ такого рода заповѣди: не убивай, не кради, не отнимай жены у другого и пр., поддерживаемыя и вводимыя въ жизнь соотвѣтствующими наказаніями, выростаютъ на чисто эгоистической, личной почвѣ, онѣ выражаютъ собою наименьшую сумму требованій отъ человѣка по части самоограниченія, если онъ желаетъ жить въ сообществѣ съ другими.

Само собой разумѣется, что эти заповѣди имѣютъ первоначально весьма ограничнный районъ примѣненія: не убивай своихъ ближайшихъ сосѣдей и соплеменниковъ, не кради у жителей своей страны, не отнимай жены у человѣка того же рода; что же касается другихъ племенъ, родовъ, народовъ, то можно ихъ грабить, убивать, обкрадывать и обманывать, сколько угодно. Въ этомъ не только нѣтъ никакого грѣха, но такія дѣянія даже похвальны и добродѣтельны. Чужестранецъ въ древнія времена казался не только подозрительнымъ, но и прямо опаснымъ, онъ былъ врагомъ. У многихъ народовъ первоначально слово иноземецъ означало и врага. По древнимъ англійскимъ законамъ Ины, „если дальній пришлецъ или чужеземецъ шелъ по лѣсу, въ сторонѣ отъ большой дороги, и не кричалъ и не трубилъ въ свой рогъ, то его слѣдовало считать воромъ и слѣдовало убить или продать“. До такой степени было велико недовѣріе ко всякому чужому человѣку.

Въ этомъ древнѣйшемъ законодательствѣ, развившемся изъ чисто эгоистическихъ источниковъ, идеи о преступленіи, какъ извѣстномъ безнравственномъ дѣяніи, еще не существовало; собственно допускалось, что по совѣсти человѣкъ можетъ дѣлать

все, что ему угодно, ничего грѣшнаго нѣтъ, а есть лишь убыточныя дѣйствія, наносящія ущербъ другимъ и вызывающія съ ихъ стороны отпоръ и месть. Убійство, грабежъ, клевета, воровство и подобныя дѣянія не представляютъ чего-либо непохвальнаго, безнравственнаго сами по себѣ, это не преступленія, а неудобныя дѣйствія, убыточныя, потому что другимъ такими дѣяніями наносится ущербъ. Дикарь не могъ убить чужую женщину, обольстить или оскорбить дѣвушку изъ другой семьи, потому что этимъ онъ наносилъ ущербъ стороннимъ лицамъ; но онъ могъ убить свою жену и свою дочь продать первому встрѣтившемуся чужеземцу. „Уголовный законъ древнихъ обществъ, говоритъ Мэнъ, не представляетъ собою закона о преступленіяхъ; это законъ о нанесенномъ вредѣ". У грековъ первоначальное значеніе слова ποινή, такъ же какъ и слова poena у римлянъ, было выкупъ за пролитіе крови. Понятіе о нравственномъ и безнравственномъ очень туго проникало въ людское сознаніе, даже образованные народы долгое время не могли усвоить мысли, что уплата денегъ родственникамъ убитаго не снимала съ человѣка отвѣтственности предъ обществомъ. Собственно совѣсти долгое время не было въ человѣчествѣ. Напримѣръ, у римлянъ понятіе о преступленіи развивалось чрезвычайно медленно. По мнѣнію Мэна, настоящее уголовное право появилось въ Римѣ только послѣ Lex Calpurnia (149 г. до Р. Х.); Момзенъ же думаетъ, что оно возникло вмѣстѣ съ Leges Corneliae, проведенными Суллою въ 81 г. до Р. Х. Но и послѣ того, какъ въ Римѣ возникло настоящее уголовное право, моральныя понятія, какъ отличныя отъ чисто денежныхъ интересовъ, только очень медленно и постепенно проникали въ него.

Вслѣдствіе отсутствія понятія о преступленіи и замѣны его понятіемъ убытка или вреда, древнѣйшіе памятники законодательства наполнены опредѣленіями вознагражденія за причиненный ущербъ. Всѣ дошедшія до насъ древнія правды—салическая, рипуарская, бургундская, баварская, древніе законы фризовъ, англійскіе, скандинавскіе, славянскіе—основываются на правѣ самозащиты и установляютъ, сколько долженъ заплатить обидчикъ, желавшій избѣжать мщенія. Напримѣръ, въ салической правды на 343 статьи уголовнаго характера приходится только 65, которыя касаются всѣхъ остальныхъ предметовъ не—уголовнаго характера, причемъ изъ уголовныхъ статей 150 относятся къ воровству, 113 къ насиліямъ надъ личностью, 30 къ увѣчьямъ и 24 къ насилію надъ женщинами. Въ случаѣ каждой изъ такихъ обидъ потерпѣвшая сторона имѣла право на личную месть, если

желала этого; если же опасалась ея, то указывалось вознагражденіе, опредѣлявшееся обычаемъ для даннаго случая. А опредѣленія были самыя подробныя: за отнятіе большого пальца ступни слѣдовало уплатить столько-то, за средній столько-то, за мизинецъ столько-то; за ударъ, не вызвавшій крови, одна плата, за ударъ, послѣ котораго капала кровь, другая, за переломъ кости— третья, за проломъ черепа четвертая и т. д. Если причинившій поврежденіе былъ бѣденъ и не могъ заплатить, тогда потерпѣвшій вознаграждалъ себя на счетъ его тѣла. Онъ могъ отрубить у него руку или обѣ, ногу или обѣ ноги, вырвать одинъ глазъ или оба, отрѣзать носъ или губу; даже, согласно одному древнему англійскому постановленію, потерпѣвшій имѣлъ право оскальпировать человѣка, нанесшаго ему тѣлесное поврежденіе, но не имѣвшаго для уплаты вознагражденія ни денегъ, ни скота [1]). Вообще до очень поздняго времени въ англо-саксонскихъ законахъ господствовало правило, въ силу котораго виновный, не уплатившій обычнаго вознагражденія, отдавался въ руки потерпѣвшаго лица, чтобы быть умервщленнымъ, искалѣченнымъ или просто избитымъ. Первоначально, въ такихъ случаяхъ, размѣры и способъ отмщенія предоставлялись всецѣло на усмотрѣніе потерпѣвшаго лица; но по мѣрѣ того, какъ улучшалась организація общества, все болѣе и болѣе признавалось, что наказаніе должно было опредѣляться совѣтомъ тѣхъ лицъ, на которыхъ лежала обязанность давать свое мнѣніе по этому поводу, т. е. на собраніи свободныхъ людей даннаго округа.

Согласно господствовавшему взгляду на преступленіе, какъ на убытокъ, причиняемый другому, въ древнее время намѣренность или не намѣренность преступленія не имѣла значенія, такъ какъ убытокъ причинялся въ обоихъ случаяхъ равный. Поэтому нечаянное убійство влекло за собою такое же наказаніе, какъ и намѣренное. Если убытокъ причинялся животнымъ или неодушевленнымъ предметомъ, взысканіе было такое же, какъ еслибы дѣйствіе было намѣренно совершено человѣкомъ.

Такимъ образомъ оказывается, что вся нить нравственнаго развитія человѣчества, изслѣдованная нами до сихъ поръ, представляетъ полное отсутствіе, въ собственномъ смыслѣ слова, нравственныхъ элементовъ, совѣсти, настоящихъ понятій о добрѣ и злѣ. Откуда же берется истинная нравственность, въ чемъ ея источникъ? Какимъ образомъ люди, не имѣвшіе нравственности,

[1]) А. Сутерландъ. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Перс. англ. Кончевской. Спб. 1900. Стр. 665—666.

внѣ-нравственные, превратились въ нравственныхъ? Какъ появилась совѣсть?

II.

Періодъ преобладанія общественныхъ интересовъ.

Постепенная побѣда въ сознаніи человѣчества общественныхъ элементовъ надъ личными создала и укрѣпила совѣсть и превратила людей въ нравственныя существа.

Дальнѣйшее развитіе нравственнаго самосознанія человѣчества совершалось одновременно двумя путями: до извѣстной степени количественнымъ и качественнымъ. Первая сторона развитія можетъ быть приведена къ разрѣшенію вопроса: кто нашъ ближній, т. е. кто тѣ люди, по отношенію къ которымъ я долженъ выполнять сознаваемыя мною общественныя обязательства? Первый кругъ лицъ, съ которыми наиболѣе часто встрѣчается и соприкасается данное лицо, суть члены его семьи. А въ семьѣ разные люди: мужъ, жена, дѣти, родственники, прислуга, а въ прежніе времена рабы и крѣпостные. Мужъ есть глава семьи, ему принадлежитъ руководительство семьей, у него полнота власти и правъ. Каково его нравственное воззрѣніе на другихъ членовъ семьи? А такое, что ему въ семьѣ равнаго нѣтъ, что онъ есть особенное существо въ семьѣ съ особымъ положеніемъ, что онъ единственный, превознесенный. Его обязанности къ различнымъ членамъ семьи различны, потому что члены ея неравны. Семья представляетъ собою не группу равныхъ, а лѣстницу, на верху которой стоитъ владыка дома, онъ отдѣленъ для другихъ членовъ семьи до него дойти, къ нему взобраться никто не можетъ; потомъ на этой лѣстницѣ стоятъ жена и дѣти, ниже родственники, а еще ниже—слуги; если они рабы, то и не считаются даже за настоящихъ людей. Домовладыка всѣми управляетъ, всѣ ему повинуются. Заповѣди любви еще нѣтъ, это административная община, связанная властью и дисциплиной, а не единствомъ чувства и любовью. Любви и чувства ни отъ кого и ни къ кому еще не требуется. Одинъ управляетъ, остальные повинуются—вотъ на чемъ держится эта семейная община. Власть домовладыки весьма обширна, въ иныхъ случаяхъ простирается на свободу и даже жизнь членовъ семьи. Домовладыка и судья членовъ семьи и жрецъ въ семьѣ, возносящій за нее молитвы богамъ, и домоправитель по всѣмъ дѣламъ. Кто ближній владыкѣ въ семьѣ? Близки болѣе или менѣе всѣ, но равнаго нѣтъ ни одного, а потому нравственное самознаніе владыки не едино, оно дробится, оно раз-

лично, смотря по положенію членовъ семьи на домашней лѣстницѣ. Къ одному нужно относиться такъ, къ другому иначе. Мораль членовъ семьи, ихъ нравственное самосознаніе было также неодинаково, такъ какъ каждый членъ семьи имѣлъ къ домовладыкѣ и другъ къ другу свои особыя обязанности. Семья внутри себя въ нравственномъ смыслѣ была разобщена, въ ней совсѣмъ не было нравственнаго единства. Только сопоставляя одного домовладыку съ другими, членовъ одной семьи съ членами другихъ, мы можемъ получить нравственное міровоззрѣніе, охватывающее многія семейства, многихъ домовладыкъ. Но къ расширенію нравственнаго міровоззрѣнія семьи на другія семьи встрѣчались свои особенныя препятствія.

Семья, хотя и лишенная внутренняго и нравственнаго единства, все же представляла одно цѣлое, одну единицу, потому что была связана одною властью, имѣла своего особаго домовладыку, свои особые матеріальные и иные интересы. Каждая семья жила своею особенно жизнью и интересы семействъ нерѣдко сталкивались, будучи различными. Возникалъ вопросъ объ отношеніи одной семьи ко всѣмъ другимъ, иначе вопросъ о нравственности семейной и нравственности общественной. Это одна и таже нравственность или различныя? На этотъ вопросъ давались различные отвѣты: китайцы говорили, что нравственность собственно одна—семейная, потому что то, что называется обществомъ и государствомъ, есть расширенная семья, и общественно-государственныя отношенія суть тѣ же въ сущности семейныя отношенія, только примѣняемыя къ громадному числу лицъ. Словомъ государство должно строиться и строится по типу семьи. Древніе греки и римляне смотрѣли на вопросъ по другому, они полагали, что семейный и государственный союзы весьма различны, ихъ цѣли, задачи и строй разные, но государственный союзъ гораздо выше семейнаго и, въ случаяхъ столкновенія, интересы семьи должны быть приносимы въ жертву интересамъ государства, Въ настоящее время практически вопросъ разрѣшается то такъ, то иначе: одни довольно легко интересы общественно-государственные ставятъ выше семейныхъ, а другіе, наоборотъ, жертвуютъ общественными интересами въ пользу семейныхъ, говорятъ, что каждый человѣкъ сначала хорошій семьянинъ, а потомъ, насколько возможно и примиримо съ семейными интересами, хорошій общественникъ и государственникъ. Итакъ нравственное семейное міровоззрѣніе и нравственное общественное воззрѣніе не находятся въ гармоніи и допускаются двѣ мѣрки, двѣ нравственности: семейная и обще-

ственная. Настоящій ближній — это членъ своей семьи, а всѣ другіе люди—это уже чужіе, по отношенію къ которымъ я не обязанъ выполнять все то, что я обязанъ выполнять по отношенію къ членамъ моего семейства.

Наряду съ указаннымъ вопросомъ возникалъ другой, дальнѣйшій: какъ относиться къ гражданамъ другихъ государствъ, къ иновѣрцамъ, къ отдаленнымъ дикарямъ и всякаго рода бѣднякамъ? Къ нимъ примѣнять тѣ же нравственныя начала, что къ согражданамъ, или другія? А современныя государства состоятъ обыкновенно изъ людей не одного племени, а изъ нѣсколькихъ различныхъ, причемъ одно является господствующимъ, а другія подчиненными. Какъ относиться господствующему племени къ подчиненнымъ? Многіе признаютъ необходимымъ два мѣрила нравственности: одно для господствующаго племени, а другое для подчиненныхъ, хотя и гражданъ того же государства. Для однихъ заботы, для другихъ—ограниченія.

Что касается какихъ либо дикарей или отдаленныхъ бѣдствующихъ людей, то по отношенію къ нимъ многіе признаютъ себя совершенно свободными отъ какихъ либо нравственныхъ обязательствъ, эти люди не входятъ въ сферу ихъ нравственныхъ заповѣдей, внѣ ея. Средній дикарь чувствуетъ большую привязанность къ членамъ своего племени, но прокалываетъ пикой туземца или проламываетъ ему голову безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти. Сердце шотландца согрѣвается, когда онъ жметъ руку своему соотечественнику или слышитъ его акцентъ; но онъ равнодушенъ къ итальянцу или французу. Сэръ Джонъ Гаукинскъ обладалъ такимъ нѣжнымъ сердцемъ, что потратилъ все свое состояніе на основаніе въ Читамѣ госпиталя для старыхъ матросовъ. И однако это состояніе было пріобрѣтено тѣмъ искусствомъ, которымъ онъ положилъ начало англійской торговлѣ черными невольниками. Его сердце переполнялось состраданіемъ къ соотечественнику-англичанину, особенно если онъ былъ матросомъ, но его альтруистическое чувство не переступало границы бѣлаго цвѣта кожи: торговля, благодаря которой до 300.000 негровъ, въ теченіе его жизни, были оторваны отъ своихъ домовъ и увозились, среди мрачныхъ и звѣрскихъ сценъ, на продажу въ отдаленныя страны, подобно скоту, не представляла въ его глазахъ ничего жестокаго только потому, что эти люди были до такой степени чуждыми ему [1]). О чувствующихъ существахъ не-людяхъ и говорить нечего.

[1]) А. Сутерландъ, Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Пер. съ анг. СПБ. 1900 сср. 384.

Нравственность ихъ не касается. Но наряду съ такими людьми есть, къ счастью, и другіе, правда сравнительно немногіе, которые исповѣдываютъ вѣру въ то, что всѣ люди подлежатъ дѣйствію однихъ и тѣхъ же нравственныхъ правилъ, которые убѣждены, что нельзя для одного племени или класса создавать одну нравственность, а для другого-другую, которые въ сферу своихъ нравственныхъ заповѣдей включаютъ даже и всѣхъ чувствующихъ существъ. Признаваемый церковью святымъ, авва Исаакъ Сиріянинъ былъ спрошенъ: что такое сердце милующее? И отвѣчалъ: „возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всякой твари. При воспоминаніи онихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и отъ великаго страданія сжимается сердце его и не можетъ оно вынести или слышать, или видѣть какого либо вреда или малой печали, претерпѣваемыхъ тварью. А посему и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины и о дѣлающихъ ему вредъ ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились они и были помилованы, также и о естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостью, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его до уподобленія въ семъ Богу“ [1]). Словомъ въ культурномъ обществѣ, отчасти подъ вліяніемъ теоретическаго сознанія общности интересовъ всѣхъ классовъ, племенъ, народовъ, всѣхъ людей, а отчасти—подъ вліяніемъ симпатіи, жалости, „милующаго сердца“, ростетъ и укрѣпляется убѣжденіе въ единствѣ рода человѣческаго, въ братствѣ всѣхъ людей.

Одновременно съ количественнымъ развитіемъ нравственныхъ чувствованій, т. е. съ распространеніемъ ихъ постепенно на большіе и большіе круги чувствующихъ существъ, совершалось и качественное ихъ развитіе. Когда общественность вынуждала признавать обязательными нравственными заповѣдями главнѣйшія основы общественной организаціи, тогда рѣчь могла итти объ извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ поведенія человѣка, а не о его настроеніи, не о его душѣ. Можно было поставить заповѣдями: не убивай, не воруй, и за нарушеніе этихъ заповѣдей опредѣлить наказаніе; но нельзя было поставить въ числѣ такихъ основныхъ заповѣдей болѣе тонкое позднѣйшее наставленіе божественнаго учителя, что если ты пришелъ къ алтарю принесть Богу жертву и въ это время вспомнилъ, что ты въ ссорѣ съ своимъ ближнимъ,

---

[1]) Иже во святыхъ Отца нашего аввы Исаака Сиріянина. Слова Подвижническія. Москва, 1858, г., стр. 299.

то оставь жертву, поди, примирись съ братомъ твоимъ, а потомъ приходи и приноси жертву. Это наставленіе касается внутренняго духовнаго человѣка, его настроенія, а предписывать настроеніе закономъ нельзя. Законъ запрещаетъ лишь извѣстныя дѣйствія, направленныя во вредъ или цѣлому обществу или отдѣльнымъ его членамъ. Такимъ образомъ нравственность, освящавшая главнѣйшія основы человѣческаго общежитія, была нравственность элементарная, грубая, предупреждавшая проявленія звѣрскихъ грабительскихъ склонностей человѣка, но мало касавшаяся болѣе тонкихъ и нѣжныхъ сторонъ души, ея внутренняго склада и настроенія. Въ развитіи благорасположенія къ людямъ и всѣмъ чувствующимъ существамъ, въ развитія милосердія, жалости, любви, въ укрѣпленіи уваженія ко всякой человѣческой личности, будь-то взрослый или дитя, мужчина или женщина, сильный или слабый, и состояло дальнѣйшее развитіе нравственныхъ чувствованій съ внутренней стороны.

Это развитіе совершалось въ значительной степени подъ вліяніемъ симпатіи. Сама по себѣ, отдѣльно взятая, симпатія недостаточна для построенія высшихъ формъ нравственныхъ волненій; но когда нужды общественности вынудили признаніе обязательными нѣкоторыхъ простѣйшихъ основъ общежитія и воздержаніе отъ грубѣйшихъ проявленій вражды и корысти, тогда симпатія получила въ нихъ твердую основу и могла строить дальше въ томъ же направленіи нравственную жизнь человѣка. Люди связались многими нитями и волей-неволей должны были приглядываться другъ къ другу, жить по-сосѣдски, въ мирѣ, а не во враждѣ. А симпатія ближе тянула другъ къ другу, побуждала интересоваться другъ другомъ, переживать состоянія другъ друга. Начало общественной пользы, столь сильное въ первые періоды нравственнаго развитія человѣчества, постепенно стало отодвигаться на второй планъ, уступая свое мѣсто нравственности любви, самопожертвованія, жалости безъ всякихъ разсчетовъ на награду, единственно потому, что его жалко, что послѣ будетъ непріятно, если его, бѣдствующаго, не поддержать, ему не помочь. Появляется безкорыстная высшая нравственность любви и самопожертвованія, изъ которой вытекаетъ все наиболѣе великое и благородное въ человѣчествѣ, появляются геніи сердца, которымъ не чуждо ни одно человѣческое горе, которые помогаютъ всѣмъ опечаленнымъ и обездоленнымъ, сердце которыхъ настолько широко и чутко, что въ немъ находитъ сочувственный отзвукъ каждая страждущая человѣческая душа. Эта новая ступень въ развитіи нравственности прекрасно выражена въ словахъ

евангелія: „придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ".

На такой высотѣ нравственное чувство является ли совершенно безкорыстнымъ, совершенно лишеннымъ личныхъ эгоистическихъ элементовъ? Нѣкоторые полагаютъ, что такихъ безкорыстныхъ состояній нѣтъ и быть не можетъ. Чѣмъ руководятся въ своей дѣятельности люди, дѣйствующіе по началамъ, повидимому, безкорыстной любви, приносящіе себя въ жертву за благо другихъ и доходящіе въ этомъ даже до пожертвованія жизнью? Вѣдь ихъ дѣятельность бываетъ не безъ мотивовъ. Конечно, самопожертвованіе можетъ быть результатомъ временнаго сильнаго увлеченія, аффекта, когда дѣйствіе бываетъ лишено обдуманности; но оно можетъ быть и продуманнымъ. Данному лицу говорятъ: измѣни свою вѣру, соверши какую либо подлость, или умри. Оно по зрѣломъ размышленіи выбираетъ смерть. Это значитъ, что дальнѣйшая жизнь, при измѣнѣ своему религіозному убѣжденію или при совершеніи тяжкаго безнравственнаго поступка, представляется человѣку настолько непріятной и печальной, что она теряетъ при этихъ условіяхъ свою привлекательность, и лишеніе жизни кажется уже меньшимъ зломъ, чѣмъ ея сохраненіе. Слѣдовательно въ подобныхъ случаяхъ мы встрѣчаемся съ простымъ математическимъ разсчетомъ эгоистическаго характера.

Внѣ всякаго сомнѣнія, дѣйствованіе по началамъ нравственности самопожертвованія сопровождается духовнымъ удовлетвореніемъ, а жизнь съ нарушеніемъ основъ этой нравственности представляется тяжкой, печальной, кажется, что тогда дѣйствительно не стоитъ жить. Весь вопросъ въ томъ, это эгоизмъ или не эгоизмъ, можетъ быть, терминъ эгоизмъ понимается въ подобныхъ случаяхъ слишкомъ широко, прилагаясь къ явленіямъ другой природы.

Когда человѣкъ, желая помочь другому, глубоко входя въ его положеніе, отдаетъ на это свои средства, время, силы, занимается постоянно имъ, забывая о себѣ, и, наконецъ, жертвуетъ для другого своею жизнью, то что же это за эгоизмъ? Если это эгоизмъ, то въ чемъ же будетъ заключаться альтруизмъ, чистое безкорыстіе? Вѣдь, кажется, человѣкъ совсѣмъ забылъ себя и всего отдалъ другому. Говорятъ, зачѣмъ онъ испытываетъ при этомъ нравственное удовлетвореніе, это эгоистическій элементъ. Но что же испытывать при актѣ самопожертвованія — печаль, грусть? Но тогда дѣйствіе будетъ болѣе корыстнымъ, оно будетъ совершаться нехотя, съ душевнымъ прискорбіемъ, съ тяжестью. На, возьми мою жизнь, но это меня глубоко огорчаетъ. Едва ли

такое состояніе нравственно выше, чѣмъ самопожертвованіе въ соединеніи съ нравственнымъ самоудовлетвореніемъ. Можетъ быть, было бы болѣе высокимъ состояніе духовнаго безразличія при самопожертвованіи: отдать или не отдавать имущество ближнимъ, пожертвовать имъ свою жизнь или не жертвовать — все равно, безразлично, какъ будто это жертвователя и не касается? Но такое состояніе, очевидно, въ нравственномъ смыслѣ никакъ не будетъ выше состоянія удовлетворенія при самопожертвованіи.

Все дѣло въ томъ, что всѣ психическія явленія совершаются въ личности и на каждое явленіе личность реагируетъ. Каждое свое дѣйствіе личность оцѣниваетъ, признаетъ правильнымъ или неправильнымъ, умнымъ или глупымъ, соотвѣтственнымъ общему строю личности, ея убѣжденіямъ, взглядамъ, или несоотвѣтственнымъ. Сообразно съ такой оцѣнкой, она испытываетъ чувства удовлетворенія или неудовлетворенія. Пока отдѣльная личность существуетъ, она все будетъ расцѣнивать и, по расцѣнкѣ, на каждое явленіе реагировать удовольствіемъ или неудовольствіемъ. Безъ отвѣта чувствомъ личность, какъ личность, быть не можетъ, такова природа личности, таково ея ограниченіе. Чтобы избѣжать кажущагося эгоистическаго чувства нравственнаго удовлетворенія при самопожертвованіи, для этого личность должна перестать быть личностью, человѣкъ долженъ перестать быть человѣкомъ, быть инымъ существомъ, слиться съ кѣмъ либо другимъ. Но такое прямое выступленіе личности изъ предѣловъ личнаго бытія и попытки сліянія ея съ высшимъ бытіемъ происходятъ въ области не нравственныхъ, а религіозныхъ чувствованій.

Представленный очеркъ развитія нравственныхъ чувствованій даетъ педагогу руководящія указанія при ихъ воспитаніи, такъ какъ нравственное развитіе личности въ сущности повторяетъ ходъ развитія нравственнаго самосознанія человѣчества. Нравственныя чувствованія суть чувствованія общественныя, а общественность долгое время остается дѣломъ малопонятнымъ для дитяти. Маленькое дитя требуетъ отъ окружающихъ очень много заботъ и хлопотъ, но само ничего не въ состояніи дать взрослымъ. Оно живетъ долгое время чисто личною жизнью, не помышляя ни о какой общественности и ея требованіяхъ; оно долгое время довольствуется обществомъ матери, брата или сестры. Поэтому первые годы своей жизни дитя бываетъ существомъ внѣ нравственнымъ, до нравственныхъ волненій оно еще не доросло. А потому и разсматривать его, какъ нравственную личность, предлагать ему какія либо нравственныя обязательства, печаловаться и сердиться за ихъ неисполненіе, рѣшительно невоз-

можно. Съ перваго дня жизни младенецъ можетъ и долженъ быть пріучаемъ къ правильному образу жизни, къ порядку, къ чистотѣ, позднѣе къ умѣлому обращенію съ вещами, лицами и т. д., но эти чрезвычайно важные навыки не суть нравственные, хотя и могутъ до нѣкоторой степени подготовлять почву для позднѣйшихъ нравственныхъ воздѣйствій. Порядокъ, дисциплина, къ которымъ пріучаютъ дитя, соотвѣтствуетъ эпохѣ дѣйствія закона и наказанія въ жизни человѣчества. Далѣе, изъ понятія о нравственныхъ чувствованіяхъ, какъ общественныхъ, слѣдуетъ, что и для подготовки нравственныхъ чувствованій и для самаго ихъ развитія рѣшительно необходимо возможно частое и продолжительное пребываніе дитяти въ кругу сверстниковъ—товарищей. Товарищи, первое дѣтское общество, ихъ игровая организація, ихъ взаимныя отношенія вообще суть первыя общественныя отношенія, первая общественная организація, съ которою встрѣчается дитя. Дитя, ростущее безъ товарищей, дитя обособленное, поставлено въ весьма неблагопріятныя условія для развитія чувства общественности и вмѣстѣ нравственныхъ волненій. Наконецъ, нравственныя чувствованія пробуждаются и укрѣпляются, согласно ихъ природѣ, общественными отношеніями, т. е. поступками, дѣлами, а никакъ не словами, не назиданіями, не теоретическими разглагольствованіями. Поэтому читать мораль дѣтямъ, нравственныя назиданія, проповѣди дѣло абсолютно безполезное и притомъ весьма скучное. Дѣтей нужно учить быть хорошими людьми примѣромъ, хорошими поступками. Пусть родители сами ведутъ правильный трудовой образъ жизни, пусть они будутъ снисходительны къ прислугѣ и строги къ себѣ, пусть они охотно помогаютъ находящимся въ нуждѣ, принимаютъ дѣятельное участіе въ общественной жизни, и они преподадутъ такою личною дѣятельностью превосходнѣйшіе уроки нравственныхъ чувствованій, съ которыми никогда не сравнятся самыя краснорѣчивыя проповѣди. Только позднѣе, въ связи съ научными занятіями, теоретическія объясненія и размышленія помогутъ и просвѣтлятъ нравственное сознаніе.

Слѣдуетъ еще при воспитаніи нравственныхъ чувствованій обратить вниманіе на нѣкоторые недостатки существующей въ этомъ отношеніи практики.

Необходимо, разумѣется, чтобы воспитаніе не заглушало альтруистическія чувствованія, не стремилось дать господствующую силу въ нашихъ поступкахъ эгоизму и, совершивъ это отрицательное дѣло, разчистивъ отъ препятствій путь развитію нравственныхъ чувствованій, оно уже воздѣйствовало бы прямо

и положительно на ихъ развитіе. Воспитательная практика представляетъ намъ много пріемовъ воспитанія и отдѣльныхъ случаевъ, когда эгоистическія чувствованія нарочно пробуждаются, вызываются къ жизни, а альтруистическія остаются безъ возбужденія, когда нравственныя чувствованія прямо заглушаются, замѣняются эгоистическими, и это дѣлается въ видахъ развитія именно нравственныхъ чувствованій. Какъ это ни странно, а правда. Объяснимся.

Желая побудить ребенка къ совершенію какого либо хорошаго дѣйствія, воспитатели нерѣдко мотивомъ къ нему выставляютъ эгоистическое чувство. Такъ, напримѣръ, поступала одна дама, сильно заботившаяся о развитіи религіознаго чувства въ своемъ ребенкѣ и не жалѣвшая для этого никакихъ трудовъ. Представьте себѣ здороваго мальчика лѣтъ трехъ; въ обычный часъ няня приходитъ взять его и уложить спать, и тогда начинается слѣдующій разговоръ: „прочти свою молитву", говоритъ мать. „Не хочу", отвѣчаетъ мальчикъ. „Прочти, будь умникъ! покажи вотъ этимъ дамамъ, какъ ты хорошо читаешь молитвы". Затѣмъ слѣдуетъ молчаніе; мальчикъ не открываетъ рта. „Начни же, ты не знаешь, что бабушка тебѣ приготовила?" —„А что?" „Апельсинъ. Да говори же, милый, вѣдь вотъ апельсинъ, ты видишь!" Вы угадываете, конечно, что такое подстреканіе успѣшно дѣйствуетъ на мальчика. Подъ вліяніемъ жадности и суетности, онъ лепечетъ „Отче нашъ", сердито бормоча молитву про себя; онъ получаетъ названіе умнаго мальчика и отсылается спать, не получивъ апельсина. Когда онъ спрашиваетъ про апельсинъ, ему отвѣчаютъ: „апельсинъ завтра". Тутъ былъ совершенно полный урокъ; въ пять минутъ ребенку внушили жадность, ложь и лицемѣріе (Семья и Школа, 1871 г. Ноябрь, Воспитаніе чувствъ по Брею).

Къ сожалѣнію, мы не можемъ думать, чтобы подобные случаи были рѣдки и отрывочны. Возбужденіе эгоистическихъ чувствъ, какъ мотивовъ нравственныхъ дѣйствій, обычный воспитательный пріемъ, въ дѣтяхъ нерѣдко прямо возбуждаются эгоистическія чувства даже безъ всякой нужды. Дѣтей часто хвалятъ за то, что они „мило одѣты", что у нихъ „пріятная наружность", что они проявляютъ особенную способность къ какому либо предмету. Ребенку говорятъ: „покажи вотъ этой дамѣ, какъ ты хорошо рисуешь", „маменька тебя любитъ больше другихъ братьевъ" и т. п. Нерѣдко въ дѣтяхъ поощряется отвращеніе къ какой либо породѣ животныхъ, паукамъ, лягушкамъ, мышамъ и т. п., пробуждается безсмысленная мстительность. Ня-

нюшки нерѣдко говорятъ дѣтямъ: „ахъ, скверная палка, ушибла дѣточку! Побей ее за это!“ Если ребенка обидѣли братъ или сестра, то же самое внушается ему и относительно ихъ.

Возбужденіе эгоистическихъ чувствъ, какъ мотивовъ къ совершенію нравственныхъ дѣйствій, возведено даже въ цѣлую систему въ теоріи наградъ и наказаній. Что мы дѣлаемъ, когда обѣщаемъ ребенку награду за извѣстное хорошее дѣйствіе и грозимъ наказаніемъ за дурное? Мы возбуждаемъ въ немъ эгоистическія чувства, имѣя въ виду развить альтруистическія. Отвѣчаетъ ли средство цѣли? Не достигается ли результатъ прямо противоположный имѣвшемуся въ виду? Награды и наказанія обыкновенно суть нѣчто совершенно постороннее самымъ дѣйствіямъ, представляютъ ассоціацію совершенно искусственную. Не выучилъ ребенокъ урока—его полагается лишить чего-либо; оказывается ребенокъ постоянно послушнымъ—ему даютъ книжку съ картинками, или лакомствъ. Вслѣдствіе этого онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что не учить урокъ невыгодно, а быть послушнымъ выгодно, онъ научается тонко вычислять и соображать свои интересы и удовольствія, но понимать прелесть альтруистическихъ чувствъ нисколько не научается, онъ даже не знаетъ ихъ. Какъ бы хорошо извѣстное дѣйствіе ни было само по себѣ, но если оно не влечетъ за собой какую либо награду, оно не будетъ имѣть ни какой притягательной силы для ребенка, воспитаннаго по теоріи наградъ и наказаній; также и дурное дѣйствіе не будетъ казаться дурнымъ, если за него не полагается никакого наказанія. Когда онъ совершаетъ извѣстное дѣйствіе, онъ думаетъ не о самомъ дѣйствіи, не о его хорошихъ или дурныхъ свойствахъ, а о наградахъ и наказаніяхъ, долженствующихъ воспослѣдовать за этимъ дѣйствіемъ; самое же дѣйствіе для него безразлично.

Воспитатель, имѣющій въ виду правильное развитіе нравственныхъ чувствъ въ ребенкѣ, долженъ обратить вниманіе на эту неудовлетворительную, можно сказать, прямо извращенную постановку развитія альтруистическихъ чувствъ, долженъ устранить ее сначала, а потомъ уже озаботиться и прямымъ воздѣйствіемъ на укрѣпленіе нравственнаго чувства. Конечно, сдѣлать дитя полнымъ и чистымъ альтруистомъ нельзя, но эгоистическія стремленія нужно всегда умѣрять и подчинять альтруистическимъ требованіямъ. Изъ альтруистическихъ чувствованій, кромѣ нравственныхъ, заслуживаютъ еще воспитанія тѣсно связанныя съ послѣдними симпатическія волненія.

Способность симпатіи — великая способность, одно изъ

средствъ облегчать горе и увеличивать радость. По словамъ поэта, „веселъ человѣкъ, или печаленъ, но сердце всегда нуждается въ другомъ сердцѣ; раздѣленная радость есть удвоенная радость и раздѣленная печаль есть только половина печали". Поэтому необходимо воспитателю позаботиться о развитіи въ дѣтяхъ способности сочувствовать. Для развитія симпатіи представляются особенно важными два условія: знакомство съ горемъ и нуждой и отсутствіе зависти. Чтобы сострадать человѣку, для этого нужно понимать его положеніе, знать, что его печалитъ. Поэтому было бы вредно для развитія симпатическихъ чувствъ въ ребенкѣ устранять его отъ знакомства съ темными сторонами жизни, съ нищетой, болѣзнью и другими различными формами горя и печали. Конечно, съ этой стороной жизни нужно ознакомить дѣтей осторожно, по мѣрѣ возраста. А для того, чтобы ребенокъ могъ сочувствовать счастью другихъ, для этого необходимо подавлять въ немъ зависть. Самымъ лучшимъ средствомъ для этого служитъ указаніе на тѣ труды, которыхъ стоило извѣстное благо, на тѣ препятствія, которыя нужно было преодолѣть для его достиженія. Если же извѣстное благо досталось не за заслугу, то ничего болѣе не остается, какъ только указать на невозможность каждому человѣку получить его и на достоинство и сладость счастья, заработаннаго трудомъ. Наиболѣе же общее условіе развитія симпатическихъ чувствованій есть возбужденіе въ ребенкѣ любви ко всему живому, личный уходъ и забота о растеніяхъ, животныхъ. Чѣмъ больше ребенокъ будетъ любить природу и все живое, тѣмъ болѣе онъ будетъ, конечно, сочувствовать горю и радости, гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣтилъ.

XX. О религіозныхъ чувствованіяхъ и ихъ воспитаніи.

Всякихъ религій много и онѣ съ виду кажутся весьма различными. Но собственно корень всѣхъ ихъ одинъ и тотъ же, это—священный трепетъ предъ безмѣрностью и непостижимостью божественнаго бытія. Самое главное свойство божіе—есть безпредѣльность, безконечность божественнаго бытія, жизни, все объемлющей, ни начала, ни конца которой найти невозможно. Человѣкъ прежде всего и больше всего поражается этимъ величіемъ, этою безграничностію божественнаго бытія и трепещетъ предъ нимъ. Этотъ священный трепетъ бываетъ разныхъ видовъ, смотря по культурности человѣка и человѣчества. Первый, самый простой,

видъ его есть страхъ предъ антропоморфическимъ духомъ, скрывающимся въ отдѣльныхъ предметахъ, или богомъ, управляющимъ какою либо частью міровыхъ явленій. Духъ или богъ есть, прежде всего, весьма сильное, по сравненію съ человѣкомъ, существо, которое можетъ натворить много хорошаго и худого. Этотъ духъ или богъ часто есть не кто другой, какъ предокъ, продолжающій существовать и послѣ смерти и превратившійся, съ прибавкой космическихъ элементовъ, въ мѣстнаго бога. Страхъ предъ нимъ бываетъ прямо пропорціоналенъ его силѣ и вліянію: какая нибудь нимфа, владѣтель мѣстной рѣки или лѣса—это одно; другое—Нептунъ, Аполлонъ, Зевсъ; а еще другое — единый творецъ, устроитель и правитель міра. Каждому изъ нихъ особый почетъ, предъ каждымъ особеный страхъ, но страхъ непремѣнно предъ каждымъ, и предъ большимъ богомъ и предъ маленькимъ и предъ единодержавнымъ владыкой міра. Это еще не столько религіозный трепетъ, возбуждаемый величіемъ и безконечностію божественнаго бытія, при многобожіи довольно ограниченнаго, сколько простой страхъ, боязнь большой силы, иногда капризной.

Трепетъ начинается при пониманіи, прежде всего, безмѣрности бытія вселенной, ея подавляющей массы и величія, когда возникаетъ астрономическое представленіе о безконечности міра, о безчисленномъ количествѣ звѣздныхъ міровъ, ихъ громадной величинѣ, безмѣрныхъ разстояніяхъ, быстротѣ ихъ движенія и вмѣстѣ о подавляющихъ всякое воображеніе, неисчислимо продолжительныхъ періодахъ времени, потребовавшихся для образованія небесныхъ тѣлъ; когда, съ другой стороны, микроскопъ открываетъ намъ новые міры въ каждой каплѣ жидкости, въ каждомъ маленькомъ кусочкѣ вещества, міры бытія не менѣе интересные и поразительные, чѣмъ и звѣздные; когда мало по малу выясняется мысль о связи всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ міровъ между собою, о единствѣ вселенной, о строгомъ порядкѣ и неизмѣнной послѣдовательности всѣхъ безчисленныхъ міровыхъ явленій. Нѣтъ во вселенной ни одного обособленнаго или случайнаго явленія, все одно съ другимъ связано и сцѣплено. Наконецъ, когда къ мысли о безмѣрности и непостижимости бытія внѣшняго присоединяется мысль о томъ, что вся эта безконечная постройка существуетъ собственно въ насъ, въ нашемъ сознаніи, какъ наша мысль, наше представленіе, нашъ разумъ, наше я и не—я, а что есть внѣ насъ, то намъ совершенно недоступно и неизвѣстно,— когда все это выясняется, то духовно чувствительный человѣкъ приходитъ въ священный трепетъ предъ безмѣрностію и непостижимостію бытія, и такой трепетъ есть самое высшее волненіе, до-

ступное человѣку, и отличающее человѣка отъ животнаго. Религіозный трепетъ можно до нѣкоторой степени сравнить съ тѣмъ чувствомъ ужаса, которое испытываетъ потерпѣвшій кораблекрушеніе въ океанѣ и ухватившійся за ненадежное бревно. Вокругъ, возлѣ, у самаго рта и глазъ—безмѣрная пучина бытія, готовая поглотить безсильнаго пловца. Такъ и мы постоянно окружены безмѣрностію бытія, мы—песчинки, космическая пыль, носящаяся во вселенной и въ ней постоянно исчезающая. Этотъ трепетъ, въ той или другой формѣ, и есть основа каждой религіи.

Настроеніе, чувство, создаваемое величіемъ и безмѣрностію бытія вселенной и непостижимостью ея первопричины—это суть факты, болѣе или менѣе ясно сознаваемые, а представленія о богахъ—только внѣшнія формы этихъ фактовъ. Теоріи религій (догматики) суть попытки облечь въ раціоналистическія формы священный трепетъ предъ безмѣрностью божественнаго бытія и ничтожество человѣка, сообразно умозрѣніямъ основателя религіи, его ближайшихъ послѣдователей и условіямъ окружающей ихъ среды. По существу, догматики, какъ стремящіяся объять необъятное—безмѣрную величину и непостижимость божественнаго бытія—равноцѣнны, но для отдѣльныхъ народовъ и лицъ онѣ разноцѣнны, такъ какъ заключаютъ національныя черты и представляютъ нѣкоторое теоретическое удовлетвореніе высшихъ потребностей знанія о происхожденіи міра, человѣка, ихъ судьбѣ и т. п.

Въ своемъ полномъ видѣ религія есть очень сложное явленіе, заключающее три главные элемента: 1) теоретическій—представленія о Богѣ, происхожденіи и концѣ міра, о душѣ, загробной жизни, отношеніи Бога къ міру и людямъ, о происхожденіи зла и т. п.; 2) аффективный двухъ родовъ: а) чувствованія, возбуждаемыя непосредственно представленіемъ о Богѣ и относящіяся къ Богу—страха, самоуничиженія, благоговѣнія, благодарности, любви; б) отраженныя чувства человѣка къ людямъ, вслѣдствіе повелѣній Бога питать къ людямъ извѣстныя чувства, напримѣръ, расположеніе къ поклонникамъ того же Бога и вражду къ иновѣрцамъ; 3) практическій, культовой, обрядовый и вмѣстѣ эстетическій, заключающійся въ жертвоприношеніяхъ, молитвахъ, богослуженіяхъ, съ драматическимъ оттѣнкомъ, поэтическимъ, или же безъ него. Эта сторона религіи нерѣдко, въ нѣкоторой своей части, имѣетъ связь съ гигіеной (установленія объ омовеніяхъ, очищеніяхъ, обрѣзаніи, родахъ пищи, постныхъ дняхъ и т. п.).

На первыхъ ступеніяхъ развитія религіознаго сознанія человѣчества, въ его наиболѣе грубыхъ и несовершенныхъ формахъ,

религія была лишена нравственнаго элемента, она исчерпывалась представленіемъ о божествѣ и культомъ. Мнѣніе, что религія испоконъ вѣка связана неразрывно съ нравственностію, фактически неправильно и теоретически не доказано [1]). Въ Богѣ, конечно, благость и другія свойства нераздѣльны, но въ сознаніи человѣчества эта связь выяснялась постепенно и Богъ представлялся въ разное время подъ различными свойствами; богъ язычниковъ и богъ христіанъ далеко не одинъ и тотъ же богъ. На мѣстѣ нравственности первоначально стоитъ культовая исправность, правильность обряда—молиться нужно непремѣнно такими то словами, жертву приносить такъ-то, въ установленной послѣдовательности дѣйствій, такими-то лицами или въ ихъ присутствіи и т. д. Самъ богъ первоначально не имѣетъ никакихъ нравственныхъ свойствъ, онъ обыкновенно изображается грознымъ, прихотливымъ и весьма корыстнымъ существомъ. Богъ даромъ ничего не сдѣлаетъ человѣку хорошаго, ему сначала нужно принести жертву, его умолить, а потомъ ждать, можетъ быть, онъ и смилостивится. И человѣкъ, принеся жертву богу, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ бога исполненія просимаго, а, въ случаѣ неисполненія, оставаться недовольнымъ. Богъ былъ обязанной стороной и подчинялся правилу: do, ut des. Первоначально религіозной теоріей никто не занимался, а потому культовая исправность признавалась самой высшей добродѣтелью. Въ Римѣ жрецы отрѣшались за малѣйшую неправильность въ совершеніи обрядовъ. Въ ламайскомъ буддизмѣ, для удобства молящихся, чтобы они не сбивались въ совершеніи молитвъ, введены особенныя молитвенныя машины—вертящіеся цилиндры, круги и т. п. Съ развитіемъ теоретическаго элемента на мѣсто культа ставится правая вѣра, которая и почитается выше всего. Въ этотъ періодъ развитія религіознаго сознанія ересь считается самымъ тяжкимъ преступленіемъ, хуже убійства и другихъ крупныхъ правонарушеній. Нравственность возникаетъ и развивается независимо отъ религіи—изъ потребностей общественности, религія воспринимаетъ въ себя нравственность и санкціонируетъ ее, нравственныя свойства людей переносятся на боговъ, а боги, становясь нравственными существами, начинаютъ и съ своей стороны требовать нравственности отъ людей.

Собственно между основнымъ фактомъ религій—священнымъ трепетомъ—и нравственностію связи очень мало: безмѣрность

[1]) См., напримѣръ, В. Соловьева, Оправданіе добра. Москва, 1899 г., часть I, гл. IV—Религіозное начало въ нравственности.

божественнаго бытія навѣваетъ на душу отдѣльной личности смиреніе, сознаніе своего ничтожества; возникаетъ мысль о связи съ цѣлымъ, общности и единства міровой жизни, одинаковости людей, этихъ песчинокъ во вселенной. Вотъ и все. Тѣмъ не менѣе религіозная санкція нравственности очень важна, такъ какъ она чрезвычайно усиливаетъ требованія общественности. Нравственныя обязанности являются тогда не только велѣніями человѣческаго закона, но и волею Бога, Богъ оказывается тогда полнымъ и всенаправляющимъ повелителемъ міра, предъ которымъ открыта каждая человѣческая душа со всѣми ея затаенными помыслами и желаніями, и который есть судія всѣхъ, благой и справедливый. Общественная же современная организація крайне несовершенна, большинство человѣчества крайне грубо, невѣжественно и страшно бѣдствуетъ; благоденствуютъ духовно и матеріально немногіе. И ходъ нашей культуры до сихъ поръ былъ таковъ, что ея благами пользуется, прежде всего, меньшинство, а большинство еле-еле двигается, ползетъ за меньшинствомъ. Между тѣмъ это избранное меньшинство живетъ всецѣло на счетъ большинства, большинство должно приносить себя въ жертву, чтобы культура современнаго типа развивалась. Чтобы убѣдить на такое самопожертвованіе большинство чрезвычайно важна религіозная санкція нравственности, требованіе смиренія и самопожертвованія самимъ божествомъ, обѣщаніе награды въ будущей жизни и т. п. Безъ религіозной санкціи современной нравственности современный типъ культуры легко можетъ погибнуть.

Изъ сложности элементовъ религіи становится понятнымъ разнообразіе и множество формъ религій, а вмѣстѣ и разнообразіе содержанія религіознаго сознанія отдѣльныхъ людей, ихъ чувства и настроенія. Есть люди съ преобладающимъ теоретическимъ элементомъ въ своемъ религіозномъ сознаніи — богословы, историки церкви, религіозные философы, вообще вѣрующіе резонеры (эпоха ересей и вселенскихъ соборовъ въ Византіи). Религіозное чувство у этихъ людей часто бываетъ слабымъ. Есть люди съ преобладаніемъ въ религіозномъ сознаніи чувства надъ теоретическимъ элементомъ—простые добрые пастыри, полагающіе душу свою за овецъ своихъ, простые искренніе вѣрующіе. Въ вѣроученіи эти люди слабы и догматику знаютъ плохо. Есть религіозные люди съ преобладаніемъ культа надъ теоретическимъ элементомъ и чувствомъ. Они бываютъ сильны въ праздникахъ, постахъ, святцахъ и умѣютъ превосходно сочетать обрядовую набожность съ человѣконенавистничествомъ вообще, а въ особенности къ иновѣрцамъ. Есть такіе религіозные люди, у которыхъ главное дѣло

въ религіи дѣятельная благотворительность, или борьба съ плотью и дьяволомъ и т. д.

Но каково бы ни было по своему содержанію религіозное сознаніе человѣка, коль скоро оно религіозное, въ немъ всегда остается темная или ясная мысль о томъ, что человѣкъ окруженъ могучимъ, безмѣрнымъ бытіемъ, что онъ прахъ, песчинка въ мірѣ, подлежащая законамъ вселенскаго существованія, и что его судьба, такъ или иначе отрѣшившись отъ личной ограниченной формы сознаванія, слиться со всемірнымъ бытіемъ, съ его первоисточникомъ, утонуть, раствориться въ безпредѣльной пучинѣ вселенскаго бытія.

Изъ отдѣльныхъ религій для педагога всѣхъ цѣннѣе христіанская, потому что это наиболѣе педагогическая религія. Слѣдующія свойства религіи вообще и христіанства въ частности особенно важны для воспитанія:

1. Наиболѣе педагогическая религія должна быть общечеловѣческой, а не національной. Національная религія важна тѣмъ, что она содѣйствуетъ сплоченію націи, но зато она неизбѣжно ведетъ ко враждѣ націй, разъединяетъ людей, вмѣсто того, чтобы ихъ соединять. Особенно вредны въ этомъ отношеніи религіи, требующія распространенія извѣстнаго религіознаго ученія огнемъ и мечемъ и истребленія всѣхъ невѣрныхъ, т. е. послѣдователей всѣхъ другихъ религій, кромѣ данной. А между тѣмъ воспитаніе есть, прежде всего, воспитаніе человѣка, а не гражданина, есть забота о развитіи свойствъ человѣческой природы, а потомъ національныхъ качествъ. Поэтому религія вражды прямо противорѣчитъ задачамъ воспитанія, а строго національная религія извращаетъ воспитаніе, ставя второстепенное на мѣсто главнаго и обратно. Христіанство же лишено національнаго характера, это общечеловѣческая религія. До христіанства религіи были преимущественно національныя, боги—идеалами людей даннаго народа. Боги покровительствовали извѣстному народу и, вмѣстѣ съ нимъ, ненавидѣли его враговъ. Боги были національны и мѣстны. Религіи, какъ и многое другое, раздѣляли, а не соединяли народы, поднимали между ними рознь и вражду, обособляли ихъ. Христіанство явилось объединяющей международной религіей, проповѣдывавшей всеобщее братство людей, единство и родственность всего рода человѣческаго. Всѣ народы и отдѣльные люди—братья между собою, всѣ дѣти одного царя небеснаго, предъ Богомъ всѣ равны: обрѣзанный и необрѣзанный, эллинъ и варваръ. Всѣ народы призывались христіанствомъ къ мирному совмѣстному труду. Для развитія педагогической дѣятельности также закладывалось новое

начало, давалась единая религіозная основа всего воспитанія и обученія, равно примѣнимая къ каждому христіанскому народу, между тѣмъ какъ въ періодъ до христіанства воспитаніе отличалось строго національнымъ характеромъ и было различно, въ соотвѣтствіи съ народными особенностями и исторіей.

Общечеловѣчность христіанства заключалась не только въ его вселенскомъ международномъ характерѣ, но и въ устраненіи съ религіозной точки зрѣнія всякого неравенства между отдѣльными классами въ каждомъ государствѣ, въ провозглашеніи равенства всѣхъ людей по природѣ. Человѣческое существо, несмотря на его полное ничтожество предъ Богомъ, объявлялось христіанствомъ богоподобнымъ, въ каждомъ человѣкѣ признавалась искра божества. Богъ сотворилъ человѣка по своему образу и подобію. Такимъ образомъ личность человѣческая возвышалась, а всѣ люди уравнивались. Правда, Іисусъ заповѣдывалъ воздавать кесарево—кесарю, а его апостолъ Павелъ говорилъ рабамъ, что они должны повиноваться своимъ господамъ, и не только за страхъ, но и за совѣсть; но Основатель христіанства, не нарушая установившихся общественныхъ отношеній, говорилъ въ то же время, что нужно, воздавая кесарево—кесарю, воздавать и Божіе—Богу. А если разсуждать побожески, то всѣ люди — мужчины, женщины, и дѣти, евреи и римляне, греки и варвары — суть существа богоподобныя и по своей природѣ равныя и равноцѣнныя. Христіанство не объединяло себя ни съ какимъ опредѣленнымъ государственнымъ устройствомъ, ни съ какими мѣстными или народными общественными отношеніями и распорядками. Оно ставило себя выше государственнаго строя и правовыхъ отношеній, на землѣ оно указывало путь къ небу и среди временныхъ, измѣнчивыхъ отношеній вѣчныя неизмѣнныя обязанности человѣка, вытекающія изъ самой сущности его природы. Поэтому христіанскія обязанности были выше и важнѣе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ обязанностей, и если между ними возникало столкновеніе, то первыя нужно было предпочесть послѣднимъ, какъ то и въ дѣйствительности было во время гоненій на христіанъ. Этимъ капитальнымъ взглядомъ личность немногихъ, несправедливо превозносившихся надъ другими, принижалась, но личность громаднаго большинства человѣчества высоко поднималась: рабъ, обязанный государствомъ повиновеніемъ господину, съ религіозно-христіанской точки зрѣнія, т.-е. по существу своей природы, сравнивался съ этимъ господиномъ. Предъ Богомъ всѣ равны, и господинъ стоитъ не больше своего раба. Какъ богоподобная, человѣческая личность

священна, каково бы ни было ея общественное положеніе. Отнимать у нея жизнь, лишать ее способовъ человѣческаго существованія, унижать и терзать ее—никто не имѣетъ права. Возвѣщалось начало золотого вѣка для всѣхъ обиженныхъ и гонимыхъ; женщинамъ, дѣтямъ, рабамъ объявлялась высокая божественная охрана отъ насилій и притѣсненій.

2. Въ христіанствѣ религіозное и высокое нравственное чувствованія тѣсно, неразрывно связаны, христіанство не только переполнено нравственными элементами, но и множествомъ гуманныхъ нѣжныхъ чувствованій. Христіанская религія-учитель нравственности, любовь къ ближнимъ она ставитъ выше всего. Даже любовь къ Богу зависитъ отъ любви къ людямъ. „Если ты не любишь брата своего, котораго видишь, то какъ можешь любить Бога, котораго не видишь?“, спрашивалъ одинъ изъ учениковъ Основателя христіанства. Выше нѣтъ добродѣтели, какъ положить жизнь свою за своихъ ближнихъ; люби ближняго, какъ самого себя. Самъ Богъ есть любовь. Вообще всѣ кроткія, мирныя добродѣтели, каковы благожелательность къ людямъ, снисходительность, жалость, прощеніе проступковъ, терпѣливость, кротость, незлобивость, высоко цѣнятся христіанствомъ.

Такой характеръ религіи для педагогіи черезвычайно важенъ. Педагогъ имѣетъ дѣло съ дѣтьми и вообще съ возрастами, въ которые человѣкъ только что складывается. Малыя дѣти прямо беззащитны, обидѣть ихъ легко каждому; болѣе старшіе возрасты также не владѣютъ всѣми средствами взрослыхъ для самообороны. Съ другой стороны, разумное, педагогическое, обращеніе съ дѣтьми и подростками требуетъ большого терпѣнія, широкой доброжелательности, незлобивости, вообще всѣхъ добродѣтелй, которыя Основатель христіанства такъ высоко поставилъ въ нагорной проповѣди и въ другихъ бесѣдахъ. Истиннымъ практическимъ педагогомъ можетъ быть только человѣкъ, глубоко проникнутый гуманной и нѣжной нравственностью евангельскаго ученія. Суровые, жесткіе, злопамятные люди равно не отвѣчаютъ и христіанскому и педагогическому идеалу. А Христосъ далъ педагогамъ еще одинъ высокій примѣръ,-Онъ любилъ дѣтей и педагогамъ заповѣдалъ любить ихъ. „Не мѣшайте дѣтямъ приходить ко мнѣ“, говорилъ Онъ своимъ ученикамъ. „Будьте, какъ дѣти“, поучалъ Онъ взрослыхъ. Онъ хотѣлъ, чтобы милыя привлекательныя черты дѣтства сохранились и въ зрѣломъ возрастѣ. Іисусъ, ласкающій дѣтей и благословляющій ихъ—одна изъ трогательнѣйшихъ картинъ въ исторіи человѣчества.

3. Христіанство проникнуто высокой интеллектуальной иде-

альностію. Это не то значитъ, чтобы теоретическій элементъ религіи былъ уже очень силенъ въ евангеліяхъ, нѣтъ; Іисусъ любилъ говорить притчами, образно, просто, толпамъ народа; Его ближайшіе ученики были простые рыбаки; Его главныя темы—вопросы о нравственной, чистой жизни, проникнутой любовью къ людямъ и Богу. Интеллектуальная идеальность христіанства заключается въ высокой оцѣнкѣ значенія духовнаго начала въ жизни человѣка, въ жизненной цѣнности идеала и истины. Роскошная и сложная культовая сторона религіи совершенно чужда евангеліямъ. Іисусъ поучалъ: „Богу нужно поклоняться духомъ и истиною".—„Истина сдѣлаетъ васъ свободными". Эта великая черта христіанства, враждебная формализму, сухости, господству внѣшней правильности и законности, цѣнная для всякой религіи, важна и для педагогіи. Сущность дѣла воспитанія важна, а не его видимость. Люди циркуляра, люди въ футлярѣ никуда не годятся. Если Богу нужно поклоняться духомъ и истиной, то и людей нужно воспитывать для духа и истины.

4. Христіанство для педагога цѣнно еще тѣмъ, что непрерывно зоветъ человѣка къ самоусовершенствованію, къ борьбѣ съ грѣхомъ, со всѣмъ низменнымъ и недостойнымъ человѣка, къ напряженію всѣхъ силъ, чтобы господствовать надъ своими страстями, служить истинѣ, Богу, а не мамонѣ. Есть два направленія въ человѣческой волѣ: одно-внѣшнее, заключающееся въ осуществленіи общественныхъ задачъ и дѣлъ, служеніе развитію матеріальнаго благосостоянія народа, улучшенію его соціальнаго положенія, прогрессу науки, искусства, быта; другое-внутреннее, заключающееся въ созиданіи внутренней гармоніи души, въ господствѣ надъ страстями, въ полномъ самоуправленіи, проникнутомъ высокой внутренней идеальностью. Христіанство особенно выдвигаетъ вторую задачу, второе направленіе—внутреннее развитіе воли, духовное усовершенствованіе личности. Объ усовершенствованіи общественныхъ учрежденій, среди которыхъ приходится жить и дѣйствовать человѣку и которыя оказываютъ на его дѣятельность такое огромное вліяніе, христіанство говоритъ мало. Оно какъ бы ставитъ себя выше всякихъ общественныхъ учрежденій, довольствуясь отрицаніемъ въ принципѣ несовершенныхъ. Отвергая въ сущности рабство, тиранію, сословное неравенство и всякое общественное насиліе и зло, христіанство не объявило имъ открытой прямой войны, но оставило ихъ въ покоѣ, пока они падутъ сами, сгнивая внутри, потерявъ основу въ сознаніи людей. Рабы, заповѣдало христіанство, повинуйтесь своимъ господамъ, не за страхъ, а за совѣсть, воздавайте кесарево

кесарю. За то христіанство съ необычайной энергіей настаиваетъ на внутреннемъ усовершенствованіи личности, на борьбѣ личности съ ея недостатками, съ ея грѣховностью. Оно признаетъ эту задачу важнѣе, выше, чѣмъ усовершенствованіе общественныхъ учрежденій. Это послѣднее есть естественное слѣдствіе перваго. Усовершенствуйте себя и учрежденія сами собой улучшатся. Маркъ Аврелій философъ, римскій императоръ, бывшій властелиномъ самого себя и властителемъ міра, утверждалъ, что быть великимъ императоромъ, пожалуй, легче, чѣмъ быть великимъ человѣкомъ. Борьба съ своими страстями труднѣе и страшнѣе борьбы съ внѣшними врагами.

Во всякомъ случаѣ указываемая черта христіанства чрезвычайно важна для педагога, потому что воспитаніе въ своей сущности есть не только развитіе, но и усовершенствованіе воспитываемой личности, борьба съ ея недостатками. Та задача, которую ставитъ себѣ христіанство съ религіозной точки зрѣнія, ставитъ себѣ и педагогика съ научной. Только христіанство, какъ религія, могло оставить въ тѣни вопросъ объ усовершенствованіи общественныхъ учрежденій, а педагогъ, готовящій для жизни, долженъ выдвинуть и эту сторону волевой дѣятельности и проповѣдывать прямо необходимость параллельного личнаго и общественнаго усовершенствованія, развитія отдѣльныхъ я воспитываемыхъ и общественныхъ органовъ и учрежденій.

Въ виду указанныхъ свойствъ христіанства, при воспитаніи религіознаго чувства самое важное и для воспитателей и для воспитываемыхъ глубоко проникнуться истиннымъ духомъ евангелій, ихъ нравственно-религіознымъ ученіемъ. Тотъ высокій гуманизмъ, который имѣетъ столь великое значеніе во всемъ воспитательномъ дѣлѣ, течетъ свѣтлой струей въ притчахъ и поученіяхъ исуса. Изъ этого источника нужно пить самому педагогу и изъ него же поить и своихъ питомцевъ. При этомъ нужно остерегаться преслѣдовать какія либо внѣшнія формальныя цѣли, превращать религіозное воспитаніе лишь въ систему школьныхъ уроковъ, а нужно стремиться проникнуться высокими гуманными чувствами христіанства и его идеальностью. А міръ идеальныхъ чувствованій въ евангеліяхъ великъ и многообразенъ, ввести воспитываемаго въ этомъ міръ, дать ему возможность сжиться съ нимъ составляетъ самую сущность задачи педагога. Для такого сердечнаго проникновенія въ глубину христіанства семья, въ своемъ нормальномъ видѣ насыщенная чувствомъ и съ любовью относящаяся къ каждому своему члену, дѣлаетъ много, а школа, при

своемъ современномъ строѣ, очень мало. Приведемъ по послѣднему пункту два компетентныхъ свидѣтельства.

Въ одной изъ своихъ книгъ К. П. Побѣдоносцевъ писалъ слѣдующее: „есть какое-то лицемѣрное обольщеніе въ школьномъ дѣлѣ, когда Законъ Божій и соединенное съ нимъ внушеніе началъ нравственности составляетъ лишь одинъ изъ предметовъ учебной программы. Какъ будто нечего больше желать и требовать для нравственной цѣли, какъ имѣть наличность той или другой цифровой отмѣтки въ предметѣ, называемымъ Закономъ Божіимъ. Есть въ школѣ законоучитель, есть программа, есть баллъ, показатель знанія,— et semper bene (и все хорошо, все обстоитъ благополучно). Результаты такой постановки ученія— поистинѣ чудовищны. Я видалъ учебники, въ которыхъ по пунктамъ означено, что требуется для спасенія души человѣка, и экзаменаторъ сбавлялъ цифру балла тому, кто не можетъ припомнить всѣхъ пунктовъ“ [1]).

Здѣсь правильно указано странное превращеніе знакомства съ глубоко воспитательной христіанской религіей въ рядъ школьныхъ уроковъ, изложенныхъ по пунктамъ, съ отмѣтками и экзаменами, лишающими религіозное обученіе всякой воспитательной силы, ставящими на мѣсто живого дѣятельнаго назиданія пустую и мертвую формалистику. Но какъ же слѣдуетъ положительно поставить преподаваніе религіи? На этотъ вопросъ до нѣкоторой степени даетъ отвѣтъ второе компетентное свидѣтельство.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 15 марта 1903 года министру народнаго просвѣщенія Зенгеру было предложено обратить, между прочимъ, особенное вниманіе на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школы всѣхъ типовъ на учащихся. Вслѣдствіе сего комиссія ученаго комитета министерства обсуждала мѣры къ истинно-религіозному и нравственному воспитанію учащихся въ средней школѣ и высказала слѣдующее заключеніе:

„Школа можетъ и должна сдѣлать по отношенію къ религіи слѣдующее: она дожна создать атмосферу серьезнаго отношенія къ религіи, которая удержала бы вѣрующихъ въ ихъ вѣрѣ и не дала бы возможности развитія религіозному скептицизму. Всякія внѣшнія мѣры принужденія при этомъ могутъ оказать больше вреда, чѣмъ пользы. Само собой разумѣется, что законоучитель долженъ быть поставленъ на необходимую высоту, на

---

[1]) Христіанскія начала семейной жизни. Изд. К. П. Побѣдоносцева. Спб. 1899. Стр. 122—124.

которой онъ могъ бы проявить свой авторитетъ. Гораздо успѣшнѣе школа можетъ идти по пути нравственнаго развитія. Нельзя требовать отъ человѣка , чтобы онъ былъ религіозенъ, если въ немъ нѣтъ вѣры,—можно требовать уваженія и бережнаго отношенія къ тѣмъ, у кого есть вѣра; но можно отъ всякаго требовать нравственнаго поведенія. Школа можетъ требовать отъ воспитанника не только того, чтобы онъ исполнялъ формально всѣ ея предписанія, т. е. требовать отсутствія безнравственности, но можетъ стремиться и къ созданію положительной нравственности въ воспитанникѣ путемъ созданія безусловной правдивости, источника всѣхъ добродѣтелей, въ отношеніяхъ къ себѣ и другимъ. Для этого школа должна преслѣдовать всякую ложь и фальшь во всѣхъ явленіяхъ школьной жизни. Воспитанники должны чувствовать, что наставники ихъ сознаютъ серьезность своего труда, добросовѣстно и правдиво исполняютъ свои обязанности. Вслѣдствіе сказаннаго представляется болѣе цѣлесообразнымъ сдѣлать религіозное воспитаніе частью нравственнаго воспитанія вообще, и не наоборотъ. Законоучитель одинъ, какъ бы высоко онъ ни стоялъ, какъ бы добросовѣстно ни исполнялъ своихъ обязанностей, врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ въ тяжкой борьбѣ съ нравственными неудачами, ежели онъ не будетъ смотрѣть на себя, какъ на звено цѣлаго, и ежели онъ не будетъ въ такой же мѣрѣ помогать дѣятельности всего педагогическаго персонала, въ какой и этотъ послѣдній будетъ помогать ему [1]).

Въ приведенныхъ замѣчаніяхъ есть много справедливаго.

XXI.

О волѣ и ея воспитаніи.

Терминъ воля употребляется въ двухъ различныхъ смыслахъ: 1) какъ обозначеніе новыхъ элементовъ душевной жизни, отличныхъ отъ умственныхъ и чувствованій, но лежащихъ въ основѣ и чувствованій и ума и всей душевной жизни вообще и 2) какъ указаніе на различныя сочетанія умственныхъ явленій, чувствованій и движеній, причемъ оригинальность заключается не столько въ новизнѣ сочетаемыхъ элементовъ, сколько въ способѣ и характерѣ самого сочетанія. Собственно эти два смысла термина

---

[1]) С. А. Степановъ, Обозрѣніе проектовъ реформы средней школы въ Россіи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтіе (1899—1905 г.г.). Спб. 1907 г. Стр. 52—54.

воля суть указанія на двѣ ступени въ развитіи воли, причемъ для педагога особенно важна вторая ступень. Коснемся коротко первой ступени основъ воли.

Элементарная воля.

Очень часто своеобразнымъ элементомъ воли признаютъ движенія, отсутствующія какъ въ умственной дѣятельности, такъ и въ чувствованіяхъ. Но движеніе само по себѣ, по своему механизму, есть актъ анатомо-физіологическій и не заключаетъ въ себѣ ничего психическаго; оно представляетъ психологическій интересъ лишь по тѣмъ душевнымъ явленіямъ, которыя предшествуютъ движенію, сопровождаютъ его и слѣдуютъ за нимъ. Явленія, предшествующія движенію, суть представленія и желанія. Когда мы намѣреваемся совершить движеніе, тогда мы можемъ представлять себѣ самый органъ, который придетъ въ дѣятельность, форму и размѣръ предполагаемаго движенія, цѣль, къ которой мы стремимся, препятствія, встрѣчающіяся на пути движенія, и многое другое. Но какъ-бы богато ни развивалась наша представляющая дѣятельность предъ совершеніемъ движенія, это будетъ мыслительная дѣятельность и больше ничего. Когда мы совершаемъ движенія, тогда мы часто желаемъ совершить ихъ. Что такое желаніе и нежеланіе, какъ ихъ нужно понимать—мы скажемъ объ этомъ нѣсколько ниже. Движенія всегда сопровождаются мускульными ощущеніями, а, сверхъ того, могутъ сопровождаться осязательными и другими; совершеніе движеній можетъ сопровождаться еще различными чувствованіями, пріятными и непріятными. Ощущенія и чувствованія, сопровождающія движенія, какъ-бы разнообразны ни были, не имѣютъ никакихъ своеобразныхъ элементовъ по сравненію со всѣми другими ощущеніями и чувствованіями. Если движеніе сложно, занимаетъ довольно времени, то оно можетъ сопровождаться рядомъ умственныхъ процессовъ—наблюденій надъ измѣненіями движенія, надъ приспособленіями его къ новымъ обстоятельствамъ и т. п. Движеніе оканчивается и тогда испытывается чувство удачи или неудачи, совпаденіе конца движенія и всего его съ предположеніемъ или несовпаденіе, желаніе вновь начать работу или отсутствіе его и т. п.

Такимъ образомъ движеніе на всѣхъ ступеняхъ своего развитія можетъ сопровождаться разнообразною душевною дѣятельностью; предъ совершеніемъ движенія, во время совершенія и по окончаніи движенія могутъ возникать различныя ощущенія, мысли, представленія, пріятныя и непріятныя чувствованія неодинаковой степени сложности и силы но во всѣхъ этихъ разнообразныхъ и

многочисленныхъ душевныхъ фактахъ мы повсюду встрѣчаемъ элементы умственныхъ процессовъ и чувствованій и никакихъ другихъ, новыхъ, неизвѣстныхъ. Сомнительными остаются лишь желанія и нежеланія, которыя часто соединяются съ движеніями. Что это за явленія? Нѣтъ-ли въ нихъ новыхъ оригинальныхъ элементовъ, которыхъ не встрѣчается ни въ умственныхъ процессахъ, ни въ чувствованіяхъ?

Каждое желаніе и нежеланіе заключаетъ въ себѣ элементы пріятности и непріятности. Желаніе есть желаніе продолженія или начала пріятнаго состоянія, или его повторенія, а нежеланіе есть нежеланіе продолженія непріятняго состоянія или повторенія его. Сказать, что я чего-либо желаю, значитъ сказать, что это состояніе пріятно; сказать, что я этого не желаю, значитъ высказать, что это состояніе непріятно. Желаніе и пріятность—это есть выраженіе одного и того-же явленія различными словами, какъ и непріятность и нежеланіе; раздѣлять, хотя-бы самой тонкой стѣнкой, пріятность и желаніе съ одной стороны и непріятность и нежеланіе съ другой—невозможно.

Но если самую основу, внутреннюю сущность желанія и нежеланія составляютъ удовольствіе и неудовольствіе, то, тѣмъ не менѣе, есть разница между этими двумя парами явленій, именно то, что желаніе и нежеланіе суть всегда дѣятельности болѣе сложныя, чѣмъ удовольствіе и неудовольствіе. Само по себѣ чувствованіе есть состояніе строго субъективное, заключающееся въ переживаніи пріятныхъ и непріятныхъ состояній; съ этими состояніями представленія предметовъ, возбуждающихъ соотвѣтственныя чувствованія, могутъ соединяться и не соединяться, часто, во многихъ случаяхъ, соединяются, а иногда и не соединяются. Желаніе-же есть всегда желаніе чего-либо болѣе или менѣе опредѣленнаго и обыкновенно соединяется съ представленіемъ пріятнаго предмета, какъ нежеланіе соединяется съ представленіемъ непріятнаго предмета. Затѣмъ, въ желаніяхъ и нежеланіяхъ есть еще новый, третій элементъ—представленіе времени, настоящаго или будущаго, когда желаніе осуществится, или, обратно, когда нежелаемое исчезнетъ, и наконецъ, можетъ присоединяться еще болѣе или менѣе ясное представленіе личности, съ которой должно произойти пріятное или непріятное событіе.

Такимъ образомъ желанія и нежеланія суть состоянія сложныя сравнительно съ чувствованіями. Степень сложности желаній можетъ быть весьма различной, они могутъ то приближаться къ чувствованіямъ и быть простымъ выраженіемъ пріятности и непріятности, то удаляться отъ чувствованій и закутываться въ

соединенные съ ними умственные и двигательные элементы. Но одно несомнѣнно, что желанія и нежеланія суть собствено не что иное, какъ пріятныя и непріятныя чувствованія съ прибавкой нѣсколькихъ умственныхъ процессовъ, и что въ нихъ нѣтъ никакихъ новыхъ элементовъ, которыхъ не было-бы ни въ умѣ, ни въ сердцѣ человѣка.

Кромѣ движеній и желаній, къ характернымъ особенностямъ воли причисляютъ еще цѣлый рядъ явленій, каковы страсти и инстинкты. Анализировать подробно всѣ эти состоянія было-бы неумѣстно; но коротко мы замѣтимъ, что въ указанныхъ явленіяхъ новыхъ элементовъ, помимо умственныхъ, эмоціальныхъ и движеній, нѣтъ никакихъ. Страсти отличаются отъ чувствованій своею устройчивостью, продолжительностью, тѣмъ строгимъ единствомъ, которое онѣ сообщаютъ дѣятельности человѣка; чувствованія непродолжительны, измѣнчивы и не такъ сильно дѣйствуютъ на человѣка, какъ страсти. Но эти различія не настолько глубоки и вліятельны, чтобы уничтожить существенное родство природы между чувствованіями и страстями. Въ основѣ каждой страсти лежитъ чувствованіе, которое постепенно превращается въ страсть, пополняясь разными новыми элементами. Между чувствованіями, быстро измѣняющимися явленіями, и страстями, фактами болѣе устойчиваго характера, можно помѣстить настроенія, какъ нѣчто среднее. Настроенія причисляются обыкновенно къ чувствованіямъ, а между тѣмъ они, сравнительно съ послѣдними, продолжительны и опредѣляютъ собою характеръ мышленія и дѣйствованія человѣка.

Инстинкты, по мнѣнію однихъ изслѣдователей (Дарвинъ, Вундтъ, Роменсъ) суть явленія очень сложныя, но аналитическое ихъ изслѣдованіе показываетъ въ основѣ рефлективныя движенія, усложняющіяся подъ вліяніемъ опыта, подъ вліяніемъ стремленія примѣниться къ окружающимъ условіямъ. Простая сообразительность и желаніе избѣжать страданій имѣютъ существенное значеніе въ формировкѣ инстинктовъ. Развивающаяся подъ этими вліяніями система привычныхъ дѣйствій закрѣпляется безчисленными повтореніями, происходящими въ длинныхъ рядахъ поколѣній, живущихъ при тѣхъ-же условіяхъ, при какихъ жили и предки, вслѣдствіе чего опытная и разумная по происхожденію и развитію система дѣйствій становится, наконецъ, наслѣдственной и механической. Наслѣдственность налагаетъ на инстинктъ послѣднюю печать, окончательно формируетъ его. Само собой разумѣется, что измѣненіе среды, въ которой живетъ животное, колеблетъ инстинкты. Инстинкты измѣнчивы. Было время когда, инстинктовъ не было; инстинкты развивались постепенно; новыя

условія жизни измѣняютъ инстинкты. Фактъ измѣнчивости инстинктовъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.—По мнѣнію другихъ изслѣдователей (Ламаркъ, Морганъ, В. Вагнеръ), мы не имѣемъ убѣдительныхъ доказательствъ того, что автоматизмъ, привычка передается по наслѣдству и порождаетъ такимъ образомъ автоматизмъ инстинкта; положеніе, по которому всѣ инстинкты, или какая либо группа ихъ, представляютъ не болѣе, какъ пониженіе разумности, что они возникаютъ изъ дѣйствій сознательныхъ, которыя сначала переходятъ въ привычки, передаются по наслѣдству и, наконецъ, даютъ начало новымъ инстинктамъ—расходится съ фактами и потому не можетъ быть признано научно установленнымъ. Сходство между привычками и инстинктами чисто внѣшнее—автоматизмъ дѣйствій, который у привычекъ и инстинктовъ отнюдь не одинаковъ. Инстинкты не привычки и возникаютъ не изъ привычекъ, а являются продуктомъ случайныхъ уклоненій и естественнаго отбора. Привычки суть психологическія способности высшаго порядка, чѣмъ инстинкты, и въ извѣстныхъ предѣлахъ могутъ подавлять инстинктивныя дѣйствія.

Инстинкты неподвижны и въ индивидуальной жизни остаются неизмѣнными; привычки, имѣя въ своей основѣ разумныя способности, эластичны и даютъ возможность индивидуальныхъ приспособленій. Автоматизмъ привычекъ явленіе вторичное, такъ какъ привычки первоначально были разумными дѣйствіями; инстинкты же суть явленія первичныя, разумными дѣйствіями они никогда не были [1]).

Какъ бы кто ни судилъ объ инстинктахъ, къ какой бы группѣ изслѣдователей онъ ни присталъ, но одно несомнѣнно, что въ инстинктахъ нѣтъ какихъ либо особыхъ волевыхъ элементовъ: о „случайныхъ уклоненіяхъ“ и естественномъ отборѣ говорить не приходится, эти явленія лежатъ внѣ области психологіи воли и психологіи вообще; а что касается привычекъ, повтореній дѣйствій, наслѣдственной передачи благопріобрѣтенныхъ качествъ, то все это извѣстные факты и вопросы, не сообщающіе проблеммѣ ничего особеннаго.

Совсѣмъ другой характеръ носятъ другіе элементы, на которые указываютъ, какъ на свойственные только волѣ, именно влеченіе, позывы, стремленія. Это состоянія, возникающія самостоятельно не изъ внѣшнихъ побужденій, а изъ потребностей даннаго организма. Каждый организмъ является устроеннымъ для опредѣленной дѣятельности, для каковой онъ бываетъ снабженъ

[1]) Вл. Вагнеръ, Біологическія основанія сравнительной психологіи (Біопсихологія). Томъ II-й. Инстинктъ и разумъ. Спб., 1913 г. Гл. II и III.

соотвѣтствующими органами. Каждый органъ имѣетъ свои задачи и потребности, пробуждается къ дѣятельности въ опредѣленное время. Пробужденіе органа къ дѣятельности характеризуется своеобразными ощущеніями и чувствованіями, посредствомъ которыхъ мы и узнаемъ о влеченіи. Такъ каждый организмъ имѣетъ потребность въ дѣятельности, въ движеніи, что и выражается у новорожденныхъ дѣтей множествомъ движеній конечностями, какъ только дѣти получаютъ къ тому возможность. Задержка движеній вызываетъ непріятное состояніе, постепенно увеличивающееся; самыя движенія доставляютъ удовольствія. За дѣятельностью слѣдуетъ такая же потребность въ отдыхѣ, въ покоѣ, а спустя нѣкоторое время и въ снѣ. Почему либо не могущее уснуть дитя чувствуетъ общее безпокойство, возрастающее по мѣрѣ продолженія безсонницы. Сонъ успокоиваетъ. Такую смѣняющуюся органическую потребность мы видимъ въ голодѣ и жаждѣ, въ потребности выдѣленій, а позднѣе въ половой потребности. Каждый органъ, развиваясь, назрѣвая, несетъ свои запросы и потребности, которыя доходятъ до сознанія въ видѣ пріятныхъ и непріятныхъ состояній; каждый органъ въ своемъ развитіи идетъ предназначеннымъ ему путемъ.

Разсматривая организмы, мы можемъ видѣть цѣлыя системы заложенныхъ въ нихъ природой опредѣленныхъ движеній. Таковы движенія рефлективныя, столь многочисленныя и у человѣка и у животныхъ и очень часто не сопровождающіяся сознаніемъ; таковы сочетанныя и гармоническія движенія, главнымъ образомъ у животныхъ съ четырьмя конечностями, такъ какъ телята, жеребята, ягнята могутъ уже ходить въ день рожденія; таковы ассоціированныя движенія двухъ глазъ у новорожденныхъ дѣтей и разныя соотвѣтственныя гармоническія движенія другихъ органовъ; такова личная мимика при переживаніи различныхъ чувствованій и т. п. Мы такъ устроены, что состоянія удовольствія у насъ обыкновенно сопровождаются повышеніемъ, а состоянія страданія—пониженіемъ нѣкоторыхъ или всѣхъ жизненныхъ отправленій. Какъ скоро движеніе совпадаетъ съ удовольствіемъ, то удовольствіе, какъ сопровождаемое усиленною энергіей, будетъ поддерживать и усиливать движеніе. Такъ начавшее сосать дитя, испытывая вкусъ и питательное возбужденіе материнскаго молока, усиливаетъ сосательныя движенія; пріятный вкусъ разжевываемый пищи возбуждаетъ дѣятельность пищеварительной системы и взрослаго.

На основаніи такихъ фактовъ можно говорить, какъ и говорятъ Шопенгауэръ и его послѣдователи, что каждое живое су-

щество представляетъ собою конкретную волю, такъ-то и такъ-то опредѣленную, направленную на такую-то жизнь, на такой-то рядъ развитій и дѣятельностей: орелъ, левъ представляютъ собою волю, направленную именно на такую-то опредѣленную жизнь, они хотятъ ея абсолютно, а не на основаніи познанія ея достоинства. Совершенно также и человѣкъ: и онъ хочетъ жить такою-то вотъ опредѣленною жизнью абсолютно, а не на основаніи предварительнаго познанія ея достоинства. У него въ послѣдовательномъ порядкѣ возникаютъ сами собой стремленія ходить, лазать, говорить, играть въ солдатики, въ куклы, видѣть вещи и понимать; затѣмъ появляются склонность къ другому полу, потребность работы, общественнаго положенія и, наконецъ, наступаютъ разрушеніе и смерть. Все это развитіе совершается не при помощи заглядывающаго впередъ разсудка; никто не выдумываетъ себѣ хода своей жизни, своего развитія, чтобы затѣмъ, по признаніи разсудкомъ ихъ достоинства, начать выполнять ихъ.

Такія соображенія мало опредѣленны, очень расплывчаты. Если орелъ летаетъ въ поднебесьи, а левъ рыскаетъ въ пустынѣ — это есть, будто-бы, дѣятельность какой-то конкретной воли; что человѣкъ прежде чувствуетъ потребность ходить, потомъ играть въ куклы и солдатики, а потомъ половую потребность—это тоже воля. Очевидно, понятіе организма, снабженнаго опредѣленными органами и могущаго развивать лишь соотвѣтственную дѣятельность въ извѣстномъ порядкѣ, замѣнено терминомъ воля. Отъ такой замѣны для психологіи пользы никакой нѣтъ. О волѣ въ психологическомъ отношеніи я ничего не узнаю, если мнѣ сообщатъ, что я сначала долженъ родиться, потомъ научиться ходить, говорить и т. д., а въ заключеніе умереть. „Первичная форма воли есть побужденіе, тѣлеснымъ выраженіемъ котораго служитъ система органовъ съ ихъ тенденціей дѣятельности“. Это, очевидно, метафизика, а не психологія. Какъ-же скоро начинается психологія, то дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ.

„Въ сознаніи побужденіе является какъ чувствуемое влеченіе, а на высшей слупени какъ стремленіе къ опредѣленной жизненной дѣятельности. Если стремленіе или влеченіе находятъ себѣ удовлетвореніе, то наступаетъ чувство удовольствія, въ противномъ случаѣ чувство неудовольствія; *въ чувствахъ удовольствія и неудовольствія воля приходитъ къ сознанію самой себя, своего направленія и своего наличнаго состоянія, равно какъ и своего отношенія къ окружающей ее средѣ*“ [1]).

[1]) Паульсенъ, Введеніе въ философію, стр. 122. (Перев. Преображенскаго М. 1894 г.).

Отмѣченныя курсивомъ слова весьма знаменательны. Что побужденіе есть первичная форма воли, выражающаяся въ тѣлесномъ организмѣ—это метафизическое предположеніе; несомнѣнный-же фактъ тотъ, что воля сознаетъ самоё себя лишь въ чувствахъ удовольствія и неудовольствія. Другими словами, о стремленіяхъ и влеченіяхъ мы можемъ узнать только изъ чувствованій, не будь послѣднихъ, не было-бы для сознанія и первыхъ. Воля, какъ фактъ сознанія, а не какъ метафизическое предположеніе, первоначально есть рядъ органическихъ влеченій, выражающихся пріятными и непріятными чувствованіями. Психологія-же должна исходить отъ фактовъ, а не отъ предположеній. Поэтому, желая открыть основные элементы воли путемъ фактическаго анализа явленій воли, а не путемъ метафизическихъ соображеній, мы должны остановиться на двухъ данныхъ: у насъ есть извѣстный организмъ, совершающій опредѣленный кругъ развитія; въ организмѣ, въ силу его устройства, возникаютъ различныя влеченія и стремленія, вызывающія пріятныя и непріятныя чувствованія, которыя и служатъ источникомъ воли. Дальше, въ область метафизики, психологу идти не слѣдуетъ.

Наконецъ, подъ волей нѣкоторые новые волюнтаристы склонны разумѣть особое свойство индивидуальнаго сознанія—активность, какъ способность осуществлять стремленія, и соотвѣтствующее этому основному свойству особое основное состояніе сознанія, чувствованіе активности [1]). Можно различно опредѣлять активную сторону нашего сознанія, можно утверждать, вопреки ассоціонистамъ, что наше сознаніе не есть что либо пассивное и механическое, сплошь до конца исчерпывающееся началами смежности и сходства, что, напротивъ, оно есть творческое начало, самобытно созидающееся. А можно еще указывать, что душевнымъ явленіямъ присущъ двигательный элементъ, что ощущенія, представленія и даже идеи, не говоря про чувствованія и желанія, имѣютъ дѣятельную силу, невольно побуждая насъ къ осуществленію содержанія нашего сознанія. Понимать душевныя состоянія въ этомъ послѣднемъ смыслѣ будетъ справедливо и съ этою мыслью—о дѣятельной силѣ нашихъ душевныхъ состояній—мы еще встрѣтимся. Точно также мы уже видѣли, что творческій элементъ проникаетъ даже въ нашу память и что, несомнѣнно, вся наша душевная жизнь, какъ жизнь, есть дѣятельность, энергія, отличающаяся единствомъ, цѣльностью, объединительнымъ

---

[1]) Н. Лосскій, Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія валюнтаризма. Стр. 75 (изд. 1903 г.).

характеромъ, а не пассивностью и механичностью. И вообще разъ данъ извѣстный организмъ, годный для извѣстной лишь дѣятельности, то этотъ организмъ владѣетъ, конечно, и активностью или способностью къ осуществленію своихъ стремленій, иначе онъ не могъ бы и существовать.

Эта присущая намъ по природѣ активность отчетливо выражается у нѣкоторыхъ особенно дѣятельныхъ и непосѣдливыхъ людей. Для такихъ людей непрерывная и не имѣющая опредѣленныхъ цѣлей дѣятельность есть необходимая потребность. Они всегда носятся съ предпріятіями, съ планами, во всемъ принимаютъ дѣятельное участіе и нисколько не печалятся, если предпріятіе, въ которомъ они принимали участіе, рухнуло,— они сейчасъ же принимаются за новое. Они постоянно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, путешествуютъ, суетятся, что-то мастерятъ, и такая дѣятельность, существующая сама для себя, доставляетъ такимъ лицамъ большое удовольствіе. Она не вызывается внѣшними впечатлѣніями, часто не имѣетъ строго опредѣленныхъ и хорошо продуманныхъ цѣлей, она есть выраженіе внутренняго возбужденія, носимаго человѣкамъ постоянно въ самомъ себѣ, есть непроизвольное изліяніе какой-то самопроизвольной силы. Они ненавидятъ бездѣйствіе, не могутъ не предпринимать, не знаютъ отдыха; рай домашняго покоя и счастья, тихихъ семейныхъ радостей, не для нихъ, не ихъ рай. Активность, вызванная строгою опредѣленною цѣлью, оканчивается по достиженіи поставленной цѣли; активность же этихъ людей непрерывна, ее насытить невозможно. Таковы неутомимые путешественники, искатели приключеній, разные авантюристы, представленные въ исторіи завоевателями новыхъ странъ, въ родѣ Пизарро и т. п.

Такъ какъ активность свойственна всѣмъ людямъ, то можно ихъ распредѣлять на типы по степени напряженности и продолжительности ихъ дѣятельности. Имѣя въ виду извѣстные четыре темперамента, выражающіе способы траты энергіи, и соображенія нѣкоторыхъ новыхъ изслѣдователей (Фуллье и Малапера), можно принять слѣдующіе четыре типа обнаруженія активности, предлагаемые Малаперомъ [1]):

дѣятельность
- напряженная и длительная,
- напряженная и не длительная,
- слабая, но длительная,
- слабая, и не длительная,

[1]) Элементы характера и законы ихъ сочетаній Москва, 1913 г., стр. 80.

Педагогамъ не мѣшаетъ обратить вниманіе на эти четыре типа обнаруженія дѣятельной стороны человѣка, потому что имъ необходимо культивировать болѣе совершенные типы дѣятельности. А изъ четырехъ полный видъ дѣятельности представленъ однимъ типомъ (1 типъ), несовершенный видъ—также однимъ (4 типъ), а средніе два суть смѣшанные, и удобные и неудобные въ одно и то же время. Эти типы дѣятельности встрѣчаются не только у взрослыхъ, но и у дѣтей. Заботясь о развитіи дѣятельности напряженной, а не слабой, дѣятельности длительной, а не скачками, каковой очень не рѣдко бываетъ дѣятельность не только у дѣтей, но и у взрослыхъ, педагогъ долженъ сразу же, на самыхъ первыхъ порахъ развитія воли, обращать вниманіе и на качество дѣятельности, а не только на степень напряженія и длительности, какъ это указано въ вышеприведенной табличкѣ: воля и дѣтей и взрослыхъ легко принимаетъ видъ автоматичный, строго подражательный, рутинный. Дитя повторяетъ то, что на его глазахъ дѣлаютъ другіе, дѣйствуетъ по приказу, становится рабомъ усвоенныхъ привычекъ, чрезвычайно легко и охотно подчиняется вліянію окружающей среды. Способность къ совершенію новыхъ, своихъ, дѣйствій какъ будто пропадаетъ, и дитя въ своей дѣятельности превращается въ эхо. Противъ такого направленія активности нужно принимать мѣры возможно ранѣе, заохочивая дитя на самобытныя проявленія своей личности и поощряя всячески оригинальныя реакціи на впечатлѣнія.

Воля, какъ сочетаніе различныхъ душевныхъ явленій.

Въ своей простѣйшей синтетической дѣятельности воля можетъ быть разсматриваема, какъ двигательная реакція идей и чувствованій. Наше сознаніе наполнено идеями, чувствованіями и движеніями (собственно идеями движеній). Эти душевные факты не обособлены, но находятся въ связи одинъ съ другимъ, идеи и чувствованія, ассоціируясь другъ съ другомъ, ассоціируются и съ движеніями. Можно утверждать, что каждой идеѣ, каждому чувствованію присуща двигательная сила, и каждая идея и каждое чувствованіе ассоціированы съ движеніями, ихъ обнаруживающими. Воля и есть, прежде всего, двигательная реакція идей и чувствованій, сочетаніе умственныхъ и сердечныхъ процессовъ съ дѣятельностью двигательнаго аппарата.

Такъ какъ всякаго рода идей, чувствованій и движеній у насъ очень много и они по своему характеру и содержанію часто

бываютъ совершенно различными, то естественно, что между ними не всегда замѣчается полная гармонія, что они сталкиваются, противорѣчатъ одно другому. Отсюда для нашей воли возникаетъ потребность, при синтезѣ идей, чувствованій и движеній, стремиться къ ихъ единству и гармоніи, извѣстныя движенія, чувствованія, идеи на нѣкоторое время подавлять, изгонять изъ сознанія, а другія выдвигать на первый планъ. Наша воля необходимо должна быть силой, не только производящей движенія, но и задерживающей ихъ, а по связи съ движеніями—и вызывающія ихъ идеи и чувствованія. Безъ способности задержки движеній настоящая воля невозможна. А способность задержки дается человѣку съ большимъ трудомъ, чѣмъ простая, прямая способность разумныхъ движеній, т.-е. ассоціированныхъ съ чувствованіями и идеями.

Дальнѣйшую высшую ступень воли составляетъ сложный синтезъ идей и чувствованій съ движеніями и задержками движеній. Такой сложный синтезъ предполагаетъ уже значительное развитіе отдѣльныхъ движеній и задержекъ. Впрочемъ, вообще нужно замѣтить, что волевой синтезъ совершается непрерывно, по мѣрѣ возникновенія и выясненія элементовъ воли; онъ не ждетъ, чтобы элементы дошли до полнаго развитія и только тогда онъ начнетъ дѣйствовать. Онъ идетъ рука объ руку съ элементами, развиваясь съ ихъ развитіемъ, проходя множество частныхъ формъ, постепенно поднимаясь къ болѣе и болѣе совершеннымъ, пока, наконецъ, не явится въ полномъ блескѣ у геніевъ воли.

Понятно, что, при сложности волевого синтеза, разныхъ несовершенствъ и несимметричностей въ немъ можетъ быть весьма много. У иныхъ преобладаетъ прямая непосредственная дѣятельность при весьма слабой задержкѣ и даже при слабыхъ относительно мыслительности и чувствованіяхъ. Эти люди уподобляются начиненнымъ порохомъ бомбамъ, готовымъ разорваться ежеминутно. Ни мыслить, ни чувствовать имъ некогда, они только дѣйствуютъ; они не могутъ и сдерживаться. Другіе, наоборотъ, чрезвычайно сильно выработали въ себѣ способность задержки, они не позволяютъ себѣ порывовъ и необдуманныхъ дѣйствій, при каждомъ поступкѣ они по семи разъ примѣриваютъ. Съ внѣшней стороны ихъ дѣятельность скудна, вяла, ничтожна, но внутри ихъ можетъ клокотать пламя. У однихъ людей съ движеніями преимущественно могутъ ассоціироваться идеи—у натуръ спокойныхъ, холодныхъ, уравновѣшанныхъ, а у другихъ—чувствованія. Таковы натуры стремительныя, горячія. Совершенная воля должна представлять гармонію различныхъ элементовъ.

Наконецъ, о волѣ вообще слѣдуетъ замѣтить, что она по своей сущности практична. Въ волевомъ синтезѣ совершается объединеніе умственныхъ элементовъ, чувствованій, движеній, задержекъ не ради ихъ самихъ, а ради осуществленія на дѣлѣ какихъ-либо мыслей, намѣреній, предпріятій. Ради самой себя каждая отдѣльная сфера дѣйствуетъ за свой собственный счетъ, волевой-же синтезъ стремится вынести душевныя явленія во внѣшній міръ и тамъ осуществить ихъ. Для воли важенъ и нуженъ не умъ по себѣ, не сердечная способность въ своей субъективной сущности, даже не сила сдержки сама по себѣ; ей важны и нужны всѣ эти дѣятельности въ ихъ практическомъ отношеніи, въ ихъ жизненномъ сочетаніи, помогающемъ осуществленію извѣстнаго намѣренія. Воля есть начало осуществляющее, она есть практическій разумъ, практическое сердце, она постоянно обращена къ реальной сторонѣ явленій. Поэтому, обширное, чрезмѣрное развитіе теоретическаго мышленія или непомѣрная чувствительность не только не содѣйствуютъ, но, напротивъ, препятствуютъ правильному развитію воли. Сильная воля необходимо предполагаетъ извѣстное развитіе мыслительности, болѣе и менѣе богатую жизнь сердца, способность задержки; но все это въ извѣстной гармоніи и практическомъ сочетаніи. Если каждый изъ указанныхъ элементовъ будетъ широко развиваться въ своихъ собственныхъ интересахъ, онъ повредитъ развитію стройной, гармоничной воли. Въ человѣкѣ съ сильной волей все твердо сплочено и спаяно, все служитъ прямо и рѣшительно поставленнымъ цѣлямъ. Разбросанности, расплывчатости въ немъ нѣтъ, все пригнано, все прилажено, онъ цѣльный и смотритъ постоянно предъ собой на землю, а не вдаль и не на небо.

Развитіе воли въ періодъ дѣтства.

Изложенный взглядъ на сущность воли показываетъ, что развитіе воли не можетъ совершаться внѣ самой тѣсной связи съ развитіемъ ума, чувствованій, движеній и способности задержки, такъ какъ сама воля есть не что иное, какъ сочетаніе всѣхъ этихъ дѣятельностей съ опредѣленною практическою цѣлью Разсмотримъ развитіе воли, сначала въ періодъ дѣтства, а потомъ юности.

Въ первые мѣсяцы жизни воля всецѣло отсутствуетъ, такъ какъ всѣ психическія явленія этого времени существуютъ обособленно, отдѣльно, связей между ними бываетъ очень мало. Движеній совершается сравительно мало и они мало систематизиро-

ваны, руки двигаются сами по себѣ, ноги также, глаза дѣйствуютъ самостоятельно, словомъ, каждый органъ есть особое царство, не вступающее въ сношеніе съ сосѣдями. Да и движенія отдѣльныхъ органовъ еще очень несовершенны, неувѣренны, далеко не такъ разнообразны, какими они могутъ быть и какими будутъ впослѣдствіи. Душевныя явленія, которыя у взрослаго ассоціируются съ движеніями, у дитяти въ первые мѣсяцы жизни также весьма скудны, вся душевная жизнь исчерпывеется самыми элементарными явленіями — ощущеніями, запоминаніями, простѣйшими чувствованіями. Чтобы воля, какъ синтезъ разнообразныхъ элементовъ, могла начать свое образованіе, для этого необходимо, чтобы элементы обозначились съ нѣкоторою опредѣленностью, чтобы было чему вступать въ связь и отношенія. Ранѣе же нѣкоторой выработки движеній отдѣльными органами и совмѣстно нѣсколькими, возникновенія первыхъ запоминаній и появленія элементарной сообразительности, до начала болѣе или менѣе опредѣленной чувствительности, воля въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ существовать, она можетъ только подготовляться, можетъ образовываться лишь почва, на которой воля и возникаетъ позднѣе. Поэтому утвержденіе послѣдователей Шопенгауэра, что „каждый человѣкъ вступаетъ въ міръ какъ слѣпая, лишенная ума воля“, что „грудной младенецъ представляетъ собою исключительно волю“, не имѣетъ никакой опоры въ фактическомъ наблюденіи развитія человѣческой личности, а есть сужденіе a priori, простое метафизическое соображеніе. Какую же помощь можно оказать естественному процессу развитія и формировки воли? Помощь можетъ быть оказываема самая разнообразная и съ самаго ранняго возраста. Развитіе воли совершается въ трехъ направленіяхъ: прямого развитія движеній, развитія способности задержки движеній и развитія вниманія. Разсмотримъ воспитаніе воли въ указанныхъ трехъ направленіяхъ.

Прямое развитіе движеній совершается путемъ овладѣнія различными органами движенія. Новорожденное дитя не въ состояніи сидѣть, поддерживать голову, брать и держать предметы, слѣдить глазами за движущимся тѣломъ; въ началѣ второго года оно умѣетъ сидѣть, ходить, брать предметы, нести ихъ въ рукахъ, разсматриваетъ вещи, отыскиваетъ. По отношенію къ движеніямъ — прогрессъ громадный. Этому то прогрессу можно и должно содѣйствовать. Содѣйствіе будетъ заключаться, прежде всего, въ предохраненіи дитяти отъ излишняго страданія и чувства страха при опытахъ движеній. При обученіи движеніямъ дитя легко можетъ причинить себѣ значительное страданіе. Оно мо-

жетъ схватить и уронить на себя тяжелую вещь, оно можетъ упасть и сильно ушибиться, оно, при движеніяхъ, можетъ привести себя въ соприкосновеніе съ острыми и вообще вредоносными предметами. Страданіе, которое испытаетъ дитя въ подобныхъ случаяхъ, страхъ, который возбудится въ немъ, могутъ надолго задержать развитіе движеній. Дитя потеряетъ мужество, довѣріе къ своимъ силамъ, оно будетъ обезкуражено и откажется отъ такихъ опытовъ движеній, которыя ему посильны. Подобное явленіе часто замѣчается при обученіи искусству ходить. Дитя отважно принимается за опыты, но, не разсчитавъ своихъ силъ, претерпѣваетъ крушеніе, т. е. падаетъ и ушибается. Паденіе нерѣдко задерживаетъ дальнѣйшіе опыты хожденія на долгое время, такъ что бываетъ трудно воодушевить дитя на повтореніе неудачнаго опыта. То же самое случается и со всѣми другими движеніями— неудача влечетъ за собой страхъ и страданіе. Поэтому забота о прямомъ развитіи движеній дитяти, прежде всего, требуетъ предохраненія его отъ не необходимыхъ при движеніяхъ страха и страданія. А какъ это сдѣлать?

Нужно обратить вниманіе на постепенность движеній. Конечно, природа подскажетъ дитяти послѣдовательность въ главномъ, дитя не будетъ пытаться ходить, не умѣя сидѣть; но оно легко можетъ рѣшиться сразу пройти такое разстояніе, котораго ему не пройти; можетъ дѣлать попытки схватить такой предметъ, котораго ему не удастся забрать въ руки. Вотъ здѣсь и нужна постепенность въ практикѣ движеній, чтобы безполезно не вызывать въ дитяти раздраженія и сознанія безсилія. При этомъ важно привлечь вниманіе дитяти къ самому процессу движеній, наглядно показать это движеніе, способъ его выполненія, устранить разныя мелкія препятствія, которыя могутъ встрѣтиться на пути. Словомъ, выполненіе движенія должно быть облегчено, дитя должно быть поставлено въ благопріятныя условія для совершенія движеній.

Какъ скоро всѣ стороннія и излишнія препятствія будутъ устранены, нужно предоставить дитяти полную свободу производить всевозможныя движенія, не прекращая за нимъ наблюденія и приходя къ нему на помощь въ критическія минуты. Предоставленіе дитяти возможной, соотвѣтствующей его возрасту, свободы движеній совершенно необходимо для развитія его двигательной способности, запросъ на свободу и самостоятельность дѣйствованія есть и у маленькихъ дѣтей. Извѣстно, какъ дѣти любятъ, напримѣръ, перетаскивать съ мѣста на мѣсто различные предметы, какое наслажденіе доставляетъ имъ это упражненіе, какъ

вообще они стремятся и любятъ все дѣлать сами, и какъ они обижаются, когда имъ препятствуютъ въ этомъ стремленіи. Нечего стѣсняться тѣмъ, что дитя, предоставленное само себѣ, совершаетъ извѣстное дѣйствіе несравненно медленнѣе и хуже, чѣмъ при помощи взрослаго, за то оно совершаетъ его самостоятельно, проходитъ весьма важную науку. Напримѣръ, маленькое дитя само пытается дѣйствовать ложкой, кормить себя, хотя оно еще и плохо совершаетъ всѣ необходимыя при этомъ движенія. Оно держитъ ложку криво, много проливаетъ на столъ и на себя, процедуру ѣды совершаетъ крайне медленно. Скорѣе и удобнѣе нянѣ или матери было бы накормить дитя. Но предоставьте ѣсть самому дитяти, оно учится при этомъ комбинированной дѣятельности руки и глаза. Возрастая, чувствуя въ себѣ силы, дитя постоянно заявляетъ: я самъ, я сама. Бываетъ время, когда это стремленіе къ самодѣятельности становится первенствующимъ, господствующимъ, и такое стремленіе нужно поддерживать и укрѣплять въ дитяти. Нѣкоторыя явленія въ дѣтской жизни прямо объясняются потребностью удовлетворить этому стремленію. Садясь ѣсть, дитя горько плачетъ, если ему не позволяютъ ѣсть самому, а кормятъ; спустя же нѣкоторое время, дитя совершенно спокойно дозволяетъ кормить себя. Въ началѣ ѣды оно было голоднѣе, чѣмъ потомъ, а между тѣмъ само дитя ѣстъ медленно, много проливаетъ и теряетъ; при помощи взрослаго дитя насыщается скорѣе. Въ интересахъ дитяти, казалось бы, сначала позволить кормить себя, а потомъ уже ѣсть самому; дитя же поступаетъ наоборотъ. Это видимое противорѣчіе въ дѣятельности дитяти объясняется тѣмъ, что у дитяти есть весьма важная, насущная потребность въ самодѣятельности, которой оно и удовлетворяетъ прежде другой потребности — въ пищѣ. Проработавъ ложкой нѣкоторое время самостоятельно, насытивъ и успокоивъ зудъ самодѣятельности, даже физически уставъ отъ этихъ движеній, дитя отдается удовлетворенію другой потребности, питанія, и спокойно дозволяетъ кормить себя, на что прежде не соглашалось ни подъ какимъ видомъ.

И такъ, по отношенію къ прямому развитію движеній обязанность воспитателя, имѣющаго въ виду образованіе воли, заключается въ предохраненіи дитяти отъ ненужныхъ страданій, препятствій, страха, въ облегченіи выполненія движенія и въ поощреніи присущаго дитяти стремленія къ самодѣятельности. Поэтому долгое время носить дитя на рукахъ, все дѣлать за него или, по крайней мѣрѣ, все ему указывать и показывать, большой педагогическій грѣхъ.

Второе главное напрявленіе въ развитіи воли—созданіе способности задержки движеній. Оно прямо противоположно первому направленію, но находится съ нимъ въ самой тѣсной и живой связи, развиваясь также естественно и необходимо, какъ и прямая дѣятельность органовъ тѣла. Основанія для возникновенія и развитія задерживающей дѣятельности заключаются, прежде всего, въ анатомо-физіологическихъ данныхъ.

Въ центральной нервной системѣ существуютъ клѣтки и группы клѣтокъ, назначеніе которыхъ заключается въ задержкѣ или ослабленіи энергіи, развиваемой другими клѣтками. Бываютъ клѣтки высшаго порядка, совмѣщающія въ себѣ обѣ дѣятельности—прямую (двигательную) и задерживающую. Задержнвающіе центры гораздо позже развиваются и достигаютъ зрѣлости, чѣмъ периферическіе нервы: когда послѣдніе уже вызываютъ движенія, первые еще не въ состояніи задерживать и умѣрять возникающія движенія. Необходимое условіе правильной дѣятельности нервной системы есть образованіе міэлина. Тѣ части нервной системы, которыя начинаютъ дѣйствовать раньше, раньше другихъ снабжаются и міэлиновыми обкладками. Опытъ показываетъ, что низшія тѣлесныя дѣятельности начинаются раньше высшихъ, духовныхъ. Соотвѣтственно этому, въ волокнахъ столбовъ спинного мозга, въ продолговатомъ мозгу, въ Вароліевомъ мосту и въ четырехолміи, въ частяхъ съ характеромъ тѣлесной дѣятельности, образуется мякотное нервное вещество (міэлинъ) немного раньше появленія его въ высшихъ нервныхъ центрахъ. Не только нервныя волокна, но и главныя побочныя вѣтви нервныхъ клѣтокъ должны быть снабжены міэлиномъ, а ростъ и законченная форма нервной системы достигаются медленно, въ значительный періодъ времени. Нервныя клѣтки изъ года въ годъ раскидываютъ свои вѣтви отдѣльными группами, ростутъ и распространяются и, наконецъ, переплетаются. Когда наступило время образованія вѣтвей, функціи нервныхъ клѣтокъ еще нестойки.

Здѣсь коренится причина массы несдержанныхъ и безцѣльныхъ движеній, свойственныхъ дѣтямъ. Безпорядочная дѣятельность мускуловъ характерна для низшей степени развитія. Въ дѣтствѣ разстройства въ задерживающей дѣятельности встрѣчаются чаще всего, вслѣдствіе чего возникаетъ сильная склонность къ ненормальной нервной дѣятельности. Если среда и общее питаніе ребенка неудовлетворительны, то неустойчивость нервной системы увеличивается и ненормальное дѣйствіе становится очевиднѣе. Педагогъ долженъ принять во вниманіе такое положеніе нервной системы дѣтей и не требовать отъ нихъ такой способ-

ности къ сдержкѣ, которой они неспособны дать. Сдержка придетъ, но только постепенно, съ развитіемъ организма и съ задерживающимъ дѣйствіемъ многихъ физическихъ и психическихъ причинъ. Если дитя чѣмъ либо больно, то болѣзнь укладываетъ его въ постель и препятствуетъ движеніямъ. Органы движенія могутъ быть у больного дитяти здоровы, они стремятся къ дѣятельности, какъ здоровые, а между тѣмъ эта дѣятельность задерживается больнымъ органомъ. Дитя чувствуетъ, какъ тяжело ему оставаться безъ движеній, но ничего подѣлать не можетъ. Сильное утомленіе также на время вызываетъ задержку дженій; напряженная дѣятельность однимъ органомъ часто ослабляетъ дѣятельность другихъ, а иногда и совсѣмъ останавливаетъ и прекращаетъ. Къ психическимъ причинамъ задержки слѣдуетъ отнести преимущественно нѣкоторыя чувствованія. Такія чувствованія, какъ страхъ, удивленіе, грусть, благоговѣніе, сомнѣніе въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по степени своей силы и напряженности, задерживаютъ движенія, а иногда и прямо останавливаютъ ихъ. На человѣка нападаетъ тогда столбнякъ, неподвижность, онъ не можетъ покинуть мѣста, на которомъ находится.

Естественная способность задержки должна быть развиваема, такъ какъ на этой способности основываются тактъ, умѣнье обращаться въ обществѣ, сосредоточенность вниманія и многія другія важныя явленія въ жизни человѣка. Для развитія задержки движеній могутъ быть предложены разныя средства.

Одно изъ самыхъ простыхъ и въ то-же время весьма дѣйствительныхъ средствъ для задержки движеній служитъ отвлеченіе вниманія на какой-либо другой предметъ. Лишь только дитя занялось чѣмъ-либо другимъ, какъ оно перестаетъ плакать, кричать, стучать руками и проч. Всѣ ухаживающія за дѣтьми лица прекрасно знаютъ силу этого средства и очень часто имъ пользуются. Съ маленькими дѣтьми, въ первые годы жизни, указанное средство удается безошибочно, но затѣмъ его сила ослабляется живымъ интересомъ и живымъ припоминаніемъ тѣхъ предметовъ, на которыхъ прежде было сосредоточено вниманіе дѣтей. Чтобы указываемое средство могло быть примѣняемо съ успѣхомъ и въ дальнѣйшіе возрасты, необходимо слѣдующее условіе: тотъ другой предметъ, на который привлекается вниманіе, по степени своей силы, долженъ оказывать не меньшее впечатлѣніе на дитя, чѣмъ первый предметъ, а еще лучше — большее. Иначе вниманіе не можетъ быть отвлечено на другой предметъ, не будетъ достаточной причины для перенесенія вниманія. Вниманіе не можетъ перейти отъ предмета, производящаго большее впечатлѣніе, къ

предмету, производящему незначительное впечатлѣніе, такъ какъ сила впечатлѣнія, призводимаго предметомъ, самое существенное условіе для сосредоточенія на немъ вниманія.

Когда нѣтъ подъ рукой какого-либо, болѣе или менѣе сильнаго, впечатлѣнія, которое мого-бы отвлечь дитя отъ извѣстныхъ предметовъ и задержать нежелаемыя движенія, тогда обращаютъ вниманіе дитяти на неудобства совершаемыхъ имъ движеній, на несправедливость чувствованія, вызывающаго эти движенія, на неблагопріятное вліяніе движеній на окружающихъ и т. п. Словомъ, предъ дитятей анализируются болѣе или менѣе тонко волненія, имъ переживаемыя, и указывается неправильность его поведенія въ данномъ случаѣ. И матери, и няни часто стараются втолковать дитяти, почему не слѣдуетъ дѣлать того и другого, почему нужно поступать совершенно обратно тому, какъ поступаетъ дитя. Результатъ бываетъ различный. Пріемъ заключается въ обращеніи къ разуму дитяти, въ его теоретическомъ убѣжденіи. Очевидно, успѣхъ убѣжденія будетъ существенно зависѣть отъ того, насколько вообще развитъ разумъ дитяти, насколько сложенъ данный случай, насколько просто, наглядно или невразумительно идетъ убѣжденіе дитяти. Если теоретическое разъясненіе не помогло, если дитя не задерживаетъ извѣстныхъ движеній, то ничего болѣе не остается, какъ предоставить дитяти совершить ихъ сполна, дать пережить явленіе, довести его до конца. Но въ этомъ случаѣ чрезвычайно важно, чтобы дитя испытало на себѣ и всѣ неудобства отсутствія сдержки, въ высшей степени цѣлесообразно примѣнить къ нему систему, такъ-называемыхъ, естественныхъ наказаній. Дитя не сдержалось, отдалось бурному порыву; пусть-же оно испытаетъ и неудобныя слѣдствія такого поведенія. Естественныя неудобныя слѣдствія отсутствія сдержки запечатлѣютъ въ памяти дитяти образъ его дѣйствованія, и на будущее время воспоминаніе о непріятностяхъ, послѣдовавшихъ за дѣйствіемъ, будетъ служить силой, задерживающей движенія. Естественное наказаніе—это урокъ, даваемый природой, это разъясненіе правильности или ложности извѣстной системы дѣйствованія, выраженное въ жизненныхъ конкретныхъ фактахъ. Такое разъясненіе будетъ понятно всякому и вразумитъ всякаго. Но система естественныхъ наказаній должна быть примѣняема съ ограниченіями, о которыхъ говорить здѣсь было-бы неумѣстно.

Отъ дитяти нерѣдко требуется, чтобы оно не только задержало извѣстныя движенія, но и совершило-бы противоположныя задержаннымъ. Дитяти внушаютъ, чтобы оно не только не плакало и не кричало при видѣ горькаго и непріятнаго лекарства,

не отворачивало-бы голову, не билось руками и ногами, но набралось-бы мужества взять лекарство и проглотить его. Дѣло трудное. Чтобы достигнуть цѣли, нужно вызвать въ умѣ дитяти рядъ соотвѣтствующихъ представленій и чувствованій, которыя-бы задержали извѣстныя движенія и вызвали другія. Такими мотивами могутъ служить указанія на непріятность нездоровья, лежанія въ постели, отсутствія прогулокъ, на то, что лекарство проглотить не долго, да оно и не очень горько, а между тѣмъ, съ принятіемъ лекарства, дитя скоро выздоровѣетъ, по прежнему начнетъ играть и т. д. Полезно убѣдить дитя только начать движеніе, напримѣръ, только поднесть лекарство ко рту, и тогда дѣло пойдетъ легче, такъ какъ двигательная машина будетъ пущена въ ходъ, инерція мускуловъ преодолѣна, и нужное движеніе такимъ образомъ подготовлено. Чѣмъ живѣе и ярче будутъ рисуемыя нами картины, чѣмъ сильнѣе чувствованія, пробуждаемыя ими въ сознаніи дитяти, тѣмъ скорѣе начнется въ немъ попытка задержать одни движенія и совершить противоположныя. Жизнь часто ставитъ такія задачи, и онѣ разрѣшаются дѣтьми не легко. Нужны послѣдовательныя и систематическія упражненія въ указанномъ направленіи, чтобы дитя научилось не только задерживать движенія, но и совершать какъ разъ противоположныя тѣмъ, къ которымъ его такъ влечетъ.

Для достиженія указанной цѣли существенное значеніе имѣетъ обстановка дитяти, гигіеничность или негигіеничность его образа жизни, всего режима вообще. Если дитя раздражительно, если запасъ его физическихъ силъ и здоровья не великъ, если оно быстро утомляется и истощается, то задержка и тѣмъ болѣе совершеніе дѣйствій, противоположныхъ пріятнымъ, въ данномъ случаѣ будутъ для него крайне затруднительны, почти невозможны, такъ какъ такая дѣятельность требуетъ значительной затраты энергіи и быстраго ея сосредоточенія, что раздражительному слабому дитяти, котораго получаемыя впечатлѣнія увлекаютъ въ разныя стороны, движенія котораго носятъ типъ рефлективныхъ, не подъ силу. Поэтому, въ видахъ не только физическаго здоровья, но и правильнаго развитія воли, слѣдуетъ серьезно заботиться о гигіеничности обстановки дитяти и всего образа жизни. Дитя больное, чахлое, раздражительное, готовое безъ удержу плакать и кричать по всякому малѣйшему поводу, весьма плохой господинъ своихъ дѣйствій и дурной управитель органовъ своего тѣла. Оно—рабъ мимолетныхъ впечатлѣній, оно катится, такъ сказать, постоянно подъ гору и удержаться само не можетъ. Такихъ дѣтей нужно сначала сдѣлать здоровыми

физически, а потомъ уже воспитывать въ нихъ здоровую волю [1]).

Третье направленіе въ развитіе воли представляетъ сочетаніе первыхъ: положительнаго дѣйствія и задержки. Въ этомъ направленіи видное мѣсто занимаетъ вниманіе по своему важному значенію для всего душевнаго развитія.

Сосредоточенное вниманіе заключаетъ въ себѣ задержку. При вниманіи нужно устранять, т.-е. задерживать, движенія, чувствованія и мысли, не соотвѣтствующія предмету вниманія. При сосредоточенномъ вниманіи задерживаются, прежде всего, движенія. Если наблюдать за количествомъ движеній при разсѣянности и при вниманіи, то сразу можно бываетъ замѣтить большое количество движеній при первомъ состояніи и сравнительно малое при второмъ. Сосредоточенное вниманіе поглощаетъ движенія, превращаетъ физическій дѣятельный организмъ въ оцѣпенѣлый, повергаетъ его какъ-бы въ каталепсическое состояніе. Подавленіе движеній при вниманіи сначала совершается непроизвольно, а потомъ мы намѣренно устраняемъ отъ себя, задерживаемъ всякія движенія, чтобы полнѣе сосредоточиться на извѣстномъ предметѣ.

За движеніями задерживаются несоотвѣтствующія предмету вниманія мысли и чувствованія. Послѣдній видъ задержки труднѣе перваго. Мы очень часто видимъ, что движенія задержаны, наружная сосредоточенность полная, но внутренней нѣтъ. Субъектъ осаждается самыми разнообразными мыслями, его волнуютъ разнообразныя чувствованія, и его умъ далекъ отъ того предмета, на которомъ, повидимому, сосредоточено его вниманіе. У дѣтей при задержкѣ движеній часто отсутствуетъ задержка впечатлѣній, каждое мимолетное, самое незначительное впечатлѣніе способно развлечь ихъ вниманіе и направить его совсѣмъ не въ ту сторону, въ которой ему слѣдуетъ быть. Пролетѣла муха, противолежащая стѣна освѣтилась особенно сильно, говорящій съ нимъ совершилъ какое-нибудь, чуть-чуть особенное, движеніе—и вниманіе дитяти умчалось вслѣдъ за этими летучими впечатлѣніями. Для пріученія къ задержкѣ несоотвѣтственныхъ случаю мыслей и чувствованій нужно тщательно слѣдить за вниманіемъ дитяти, поскольку оно выражается во-внѣ, поддерживать его подходящими впечатлѣніями; разъ дитя увлеклось сторонними предметами, указывать ему, что оно безплодно потеряло

[1]) О развитіи движеній у дѣтей и способности задержки нѣкоторыя цѣнныя замѣчанія можно найти въ книгѣ Н. Оппенгейма. Развитіе ребенка, наслѣдственность и среда (Москва, 1913) въ главахъ II, III и IX.

много времени, что, вслѣдствіе разсѣянности, работу придется передѣлывать снова, а при достаточной внимательности она совершилась-бы скоро и хорошо сразу, безъ передѣлокъ.

Положительная дѣятельность при вниманіи также разнообразна. Здѣсь предстоитъ такая работа: воспроизведеніе и удерживаніе въ сознаніи такихъ фактовъ и мыслей, которые имѣютъ родство съ даннымъ предметомъ вниманія, и сопоставленіе предмета съ другими однородными. Вниманіе заключается въ выясненіи одного предмета или свойства путемъ сопоставленія его съ другими предметами и свойствами, въ такой ихъ взаимной группировкѣ, чтобы они освѣщали другъ друга. Вниманіе непремѣнно сопровождается анализомъ предмета вниманія, разложеніемъ его на свойства и оцѣнкой важности и значенія его качествъ. Въ такой работѣ и заключается положительная сторона дѣятельности вниманія.

Если мы возьмемъ вмѣстѣ положительную и отрицательную торону (задержку) вниманія, то согласимся, что вниманіе есть работа весьма сложная и трудная, не могущая быть продолжительной, особенно у дѣтей. Требовать отъ дѣтей продолжительнаго и сосредоточеннаго вниманія значитъ прямо требовать отъ нихъ невозможнаго.

Конечно, вниманіе дѣтей далеко не сразу является въ той формѣ, которая сейчасъ указана, дитя должно достаточно пожить и переиспытать, чтобы его вниманіе заключало въ себѣ все возможное разнообразіе составныхъ частей. На первыхъ порахъ душевной жизни вниманіе дитяти является болѣе элементарнымъ, чуждымъ сложности и разнообразія состава позднѣйшихъ формъ. Сначала вниманіе дитяти носитъ видъ простого переживанія, когда дитя всецѣло погружается въ извѣстное душевное явленіе, ничего не видитъ и не слышитъ, а лишь переиспытываетъ то, о чемъ ему говорятъ, не относясь аналитически къ воспринимаемому. Явленіе предстоитъ предъ нимъ какъ цѣлое и, за отсутствіемъ анализа, усвояется нѣсколько смутно и неясно. Дитя возбуждается, волнуется, но осмыслить своего состоянія не можетъ. Это самая несовершенная форма вниманія, хотя задержка посторонніхъ движеній, чувствованій и мыслей совершается и здѣсь, правда, вполнѣ непроизвольно и даже безсознательно. Дальнѣйшая, болѣе высокая, форма вниманія сопровождается анализомъ предмета вниманія, разложеніемъ его на составные элементы, свойства и части, вслѣдствіе чего самый предметъ уясняется, темнота и неясность исчезаютъ. Анализъ предмета вниманія является самъ собою, такъ какъ различныя части и свойства про-

изводятъ неодинаковое впечатлѣніе, а потому одни свойства выдѣляются въ силу своей эффектности изъ ряда другихъ свойствъ, прочія же сливаются въ плохо различаемую однородную массу. Задержка движеній, постороннихъ мыслей и чувствованій при этой второй формѣ вниманія совершается съ меньшею силою и энергіею, чѣмъ при первой, потому что дитя не погружается въ переживаніе явленія такъ, какъ въ первой формѣ, она анализируетъ, какъ-бы отдѣляется отъ переживаемаго явленія, становится выше его. Умственная дѣятельность во второй формѣ вниманія совершается съ нѣкоторою энергіею, человѣкъ не пребываетъ здѣсь въ такомъ оцѣпенѣломъ состояніи, какъ при первой формѣ вниманія. Третья форма вниманія—вниманіе многопредметное, когда нѣсколько предметовъ ставятся вокругъ одного главнаго, центральнаго, такъ, чтобы взаимно освѣтить и объяснить свои свойства и отношенія. При единствѣ здѣсь есть разнообразіе и потому вниманію легко отклониться въ сторону, сбиться съ надлежащаго пути. При многопредметномъ вниманіи требуются сознательныя и намѣренныя усилія для задерживанія несоотвѣтственныхъ предмету вниманія движеній, мыслей и чувствованій. Безъ развитой способности задержки эта третья форма вниманія существовать не можетъ.

Такимъ образомъ, въ періодъ дѣтства совершенно ясно и опредѣленно намѣчаются всѣ главнѣйшія направленія въ развитіи воли. Въ одномъ изъ направленій, именно въ прямомъ развитіи движеній, воля въ періодъ дѣтства уходитъ очень далеко, такъ что въ дальнѣйшіе возрасты къ пріобрѣтенному остается прибавить немного, если только человѣкъ не изберетъ себѣ профессіи, требующей совершенія крайне сложныхъ и трудныхъ движеній. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ прямое развитіе движеній сдѣлаетъ еще много шаговъ впередъ. Въ остальныхъ двухъ направленіяхъ воля будетъ еще много развиваться и уйдетъ далеко отъ формъ дѣтской воли, оставаясь тою-же по существу, по природѣ. Въ дальнѣйшемъ развитіи воли мы встрѣтимъ тѣ-же самые элементы, тѣ-же самыя свойства, что и въ дѣтской волѣ, но напряженіе, сила элементовъ будутъ различны. То, что являлось слабымъ, лишь намѣчалось въ дѣтской волѣ, то окажется сильнымъ и широко развитымъ въ волѣ взрослаго. Соотвѣтственно возрасту, возникнутъ новыя препятствія для правильной дѣятельности воли, которыя и придется преодолѣвать, встрѣтятся новыя опасности, новыя искушенія. Каждый возрастъ создаетъ новыя потребности, а вмѣстѣ съ ними новые соблазны для воли, но каждый возрастъ даетъ и новыя средства для пра-

вильнаго развитія воли, для преодолѣнія новыхъ препятствій. Въ той мѣрѣ, какъ съ возрастомъ развиваются умъ и сердце, въ новыхъ мысляхъ и чувствованіяхъ открываются неизвѣстныя доселѣ орудія борьбы съ надвигающимися затрудненіями. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ развитіи воли въ возрасты, слѣдующіе за дѣтствомъ, мы встрѣтимся съ одними и тѣми-же явленіями по существу, по основнымъ элементамъ и направленіямъ воля будетъ оставаться тою-же самою во всѣ возрасты, разница будетъ заключаться въ развитіи и силѣ элементовъ и ихъ сочетаніяхъ. Увеличеніе препятствій къ развитію воли будетъ идти параллельно, рука объ руку съ увеличеніемъ средствъ къ болѣе могучему проявленію воли.

Разсмотримъ теперь особенности воли взрослаго человѣка, характерныя по сравненію съ дѣтской волей.

XXIII.

Развитіе воли въ періодъ юности.

Въ развитіи воли взрослаго нужно опредѣленнѣе выяснить значеніе чувствованій и значеніе идей.

Самую тѣсную и ближайшую связь съ волей имѣютъ чувствованія, изъ нихъ непосредственно истекаютъ движенія и поступки. Разсматривая-же чувствованія въ ихъ отношеніи къ поступкамъ, слѣдуетъ различать три категоріи чувствованій: 1) препятствующія развитію дѣятельности, парализующія ее, 2) слабо возбуждающія дѣятельность и 3) возбуждающія энергическую дѣятельность.

Первая группа чувствованій, задерживающихъ движенія, препятствующихъ развитію дѣятельности, довольно многочисленна. Къ ней относятся: страхъ, печаль, отчаяніе, смущеніе, застѣнчивость, изумленіе, сомнѣніе, разочарованіе и др. Особенность всѣхъ перечисленныхъ чувствованій, въ большей или меньшей степени, заключается въ томъ, что они связаны съ пониженіемъ жизненной энергіи, задержкой движеній, что продожительное господство чувствованій этой категоріи неизбѣжно влечетъ за собой дряблость воли, отсутствіе предпріимчивости и рѣшительности, разслабляетъ человѣка физически и душевно. О типическомъ чувствѣ этой группы—страхѣ и его дѣйствіи на душевную жизнь у насъ уже была рѣчь.

Вторая группа чувствованій заключаетъ такія, которыя слабо возбуждаютъ дѣятельность. Къ этой категоріи могутъ быть отнесимы всѣ чувствованія, кромѣ исчисленныхъ въ первой группѣ,

на первыхъ ступеняхъ своего развитія, когда ихъ двигательная сила бываетъ еще недостаточна, когда самыя чувствованія еще не выяснились и не опредѣлились. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ многія чувствованія отойдутъ въ третью группу. Но есть не мало такихъ чувствованій, которыя составляютъ постоянное достояніе второй группы, это, именно, неопредѣленныя, расплывчатыя чувствованія и настроенія, въ которыхъ, подчасъ, совмѣщается масса самыхъ различныхъ элементовъ и которыя, поэтому, влекутъ человѣка одновременно въ разныя стороны. Подобною чувствительностью особенно характеризуются мечтательныя натуры, много занимающіяся фантазированіемъ и чтеніемъ романовъ. Чувствованія такихъ лицъ бываютъ довольно возбуждены, но слишкомъ расплывчаты и мимолетны, то они мечтаютъ объ одномъ, то о другомъ и третьемъ, но всѣ мечты и соединенныя съ ними чувствованія оказываются неустойчивыми, какимъ-то туманомъ, нависшимъ надъ сердцемъ. Подулъ вѣтерокъ—и погналъ туманъ въ другую сторону, а то и совсѣмъ разогналъ. „Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку (съ Чичиковымъ), и когда она уже совершенно стала не видна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ, вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулъ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и, наконецъ, занеслись Богъ знаетъ куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ-бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай на открытомъ воздухѣ и разсуждать о какихъ-либо пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, и что самое высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ что такое, чего уже и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ. Какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что тянулось до самаго ужина“.

Изъ такихъ мыслей и чувствованій ничего, кромѣ куренія трубки и сидѣнія на стулѣ до самаго ужина, выйти не можетъ.

Кромѣ неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ чувствованій, есть

еще чувствованія совершенно опредѣленныя и ясныя, которыя, однако, весьма слабо побуждаютъ къ дѣятельности. Таково, напримѣръ, для большинства людей эстетическое чувство, которое служитъ источникомъ наслажденія, но оставляетъ человѣка при одномъ созерцаніи и удовольствіи, не побуждая его къ напряженной дѣятельности. Таково-же, по общему наблюденію, чувство благодарности, которое очень часто остается при одномъ благочестивомъ желаніи осуществленія, но до самаго осуществленія не доходитъ, ограничиваясь словами и обѣщаніями.

Третью группу чувствованій составляютъ тѣ волненія, которыя значительно возбуждаютъ нашу дѣятельность, каковы: радость, самоувѣренность, мужество, гнѣвъ, чувство соперничества, симпатія и др. Сильное вліяніе перечисленныхъ чувствованій на дѣятельность очевидно. Напримѣръ, радость влечетъ за собой усиленіе отправленій произвольнаго двигательнаго аппарата и расширеніе мелкихъ и тончайшихъ сосудовъ. Радующійся испытываетъ усиленное стремленіе къ движенію, быстро дѣйствуетъ, сильно жестикулируетъ; дѣти при радости прыгаютъ, пляшутъ, хлопаютъ руками. Лицевыя мышцы сокращаются вслѣдствіе повышенія скрытой иннерваціи; лицо становится круглымъ—въ противоположность вялымъ, обвислымъ чертамъ печальнаго человѣка. Громкая рѣчь радующагося, пѣніе, восклицанія суть знаки усиленной дѣятельности гортанныхъ и дыхательныхъ мышцъ. Глаза при радости блестятъ, искрятся, кровь приливаетъ къ кожѣ и человѣкъ рдѣетъ отъ радости. Радость молодитъ. Радующійся говоритъ много и скоро, работа идетъ у него бойко, не только потому, что мышцы его бываютъ особенно сильны, но и потому, что онъ быстро приходитъ къ рѣшеніямъ и быстро-же ихъ выполняетъ. Радостное настроеніе возвышаетъ энергію умственныхъ процессовъ [1]).

Нѣкоторыя изъ другихъ чувствованій, относящихся къ той-же группѣ, еще сильнѣе возбуждаютъ дѣятельность, чѣмъ радость, каковъ, напримѣръ, гнѣвъ. Это чувство прямо боевое и приводитъ въ напряженное состояніе всего человѣка. Другія чувствованія той-же категоріи также въ большей или меньшей степени поднимаютъ энергію человѣка.

Кромѣ отдѣльныхъ чувствованій, на развитіе дѣятельности благотворно вліяютъ еще такія настроенія, которыя можно назвать объединенными, централизованными, отдѣльные элементы

[1]) О вліяніи различныхъ чувствованій на физическую дѣятельность см. брошюру Ланге—„Аффекты“. Пер. Виреніуса. Спб. 1890 г.

которыхъ группируются вокругъ главнаго центральнаго чувствованія. Центромъ, объединяющимъ настроеніе, могутъ быть самыя разнообразныя чувствованія—какъ высокія, такъ и низкія. Религіозное чувство можетъ давать тонъ и окраску всему настроенію, какъ скоро оно достигаетъ значительной степени силы; то-же слѣдуетъ сказать о нравственныхъ волненіяхъ. Страсти, благородныя и неблагородныя, суть сильные возбудители дѣятельности, такъ какъ ими достигается необычайная концентрація силъ на одномъ предметѣ и дается толчекъ всему существу человѣка. Всѣ подобныя объединенныя, централизованныя настроенія въ высшей степени благопріятны для развитія дѣятельности, каковаго-бы достоинства ни были объединяющіе центры. Качество объединяющаго центра вліяетъ на качество дѣятельности, на ея цѣнность въ нравственномъ и другихъ отношеніяхъ, но не на силу и энергію дѣятельности.

Краткое разсмотрѣніе природы чувствованій указанныхъ трехъ категорій приводитъ къ такому заключенію, что въ интересахъ правильнаго развитія воли взрослому человѣку нужно позаботиться о томъ, чтобы не давать силы чувствованіямъ первыхъ двухъ группъ, особенно-же чувствованіямъ, препятствующимъ развитію дѣятельности, и укрѣплять въ себѣ чувствованія послѣдней, третьей, категоріи. Что же для этого нужно сдѣлать? Отвѣтъ на поставленный вопросъ входитъ въ общую теорію воспитанія, но коротко мы укажемъ на средства развитія чувствованій, благопріятствующихъ развитію воли, и на средства подавленія неблагопріятныхъ.

Такъ какъ воля есть синтезъ ума, чувствованій и движеній, требующій постояннаго напряженія и владѣнія собою, то для сильной воли, прежде всего, необходимъ запасъ энергіи, который можно было-бы расходовать во всякій данный моментъ. Такой запасъ бываетъ только ири хорошемъ здоровьи. Слабый физическій организмъ, удрученный разными недугами и болѣзнями, въ себѣ самомъ будетъ заключать много препятствій для энергичной и твердой воли. Поэтому заботы о развитіи воли должны начинаться съ заботъ о здоровьи тѣла. „Здоровье,—совершенно справедливо замѣчаетъ Пэйо [1]),—есть существенное условіе нравственной энергіи. Пусть не входитъ сюда незнающій геометріи, говорилъ Платонъ; пусть не входитъ сюда, охотно скажемъ мы, тотъ, кто не слѣдуетъ достовѣрнымъ законамъ гигіены. Какъ, съ одной стороны, воля основывается на рядѣ повторенныхъ усилій, такъ

[1]) Воспитаніе воли. Пер. съ фр. Спб., 1910. Стр. 110.

съ другой—по самому [своему существу—она опирается на гигіеническія заботы относительно питанія, воздуха, которымъ дышимъ, и кровеобращенія. Она предполагаетъ отдыхъ и хорошо поставленныя физическія упражненія".

Въ приведенныхъ словахъ отмѣчены главнѣйшія стороны гигіены тѣла: заботъ объ удовлетворительномъ, достаточномъ, но никакъ не чрезмѣрномъ, питаніи, о чистомъ, свѣжемъ воздухѣ, для чего нужно чаще выходить изъ комнатъ, а самыя комнаты тщательно провѣтривать, о движеніяхъ и упражненіяхъ тѣла также на свѣжемъ воздухѣ. Важность и значеніе всѣхъ этихъ условій слишкомъ понятны, чтобы требовалось о нихъ распространяться. Приведемъ лишь слѣдующія слова Пэйо: „идея интеллигентнаго работника тотчасъ возбуждаетъ образъ сидящаго человѣка, съ головой, поддерживаемой руками, ради удобства размышленія, или съ грудью, надавливающею на столъ, ради удобства письма. Нѣтъ идеи болѣе ложной. Начало работы нужно совершать за письменнымъ столомъ. Чтобы переводить, нужны грамматика и словарь; чтобы читать, нужно поддерживать вниманіе и удерживать воспоминанія, дѣлая замѣтки, отмѣчая на бумагѣ мысли, внушенныя авторомъ. Но какъ скоро окончена эта работа, то вся дальнѣйшая дѣятельность запоминанія не только можетъ совершаться внѣ комнаты, но и много выиграетъ, если будетъ перенесена въ поле или въ публичный садъ. Кромѣ работы запоминанія, обдумываніе и отыскиваніе плана организаціи матеріала значительно облегчается прогулкой на свѣжемъ воздухѣ".

Второе общее условіе для развитія воли есть достаточный трудъ, сопровождаемый достаточнымъ отдыхомъ. Трудъ есть спасительное средство для всесторонняго развитія человѣка и внѣ труда человѣкъ неизбѣжно осуждается на пониженіе всѣхъ своихъ качествъ, на паденіе всего своего существа. Безъ труда не могутъ развиваться ни физическія, ни духовныя силы человѣка. Но при трудѣ необходимъ и достаточный отдыхъ. Непрерывный трудъ скоро становится тягостнымъ, ненавистнымъ, притомъ онъ не даетъ времени для основательнаго возобновленія силъ, истощенныхъ энергичной работой. Особенно умственная работа требуетъ нѣкотораго времени, чтобы улеглось и успокоилось возбужденіе, ею вызванное, чтобы новая работа совершалась вполнѣ безпрепятственно. Непрерывная смѣна одной работы другою влечетъ помѣху новой работѣ при ея началѣ отъ остающихся слѣдовъ и впечатлѣній старой работы. Поэтому, окончивъ одну работу, особенно серьезную и продолжительную, нельзя непосредственно переходить къ другой, а слѣдуетъ дать себѣ нѣкоторый отдыхъ.

Каждая работа должна преслѣдовать болѣе или менѣе легко достижимыя и опредѣленныя цѣли. Погоня за слишкомъ отдаленными и трудными цѣлями, которыя приходится бросать, за невозможностью исполнить ихъ, лишаетъ человѣка удовольствія пережить моментъ удачи, самоудовлетворенія отъ достигнутой цѣли. А такіе моменты вносятъ бодрящій, мужественный духъ въ сознаніе, поднимаютъ довѣріе къ своимъ силамъ, даютъ самообладаніе и спокойствіе при борьбѣ съ препятствіями. Безъ такихъ элементовъ въ нашемъ сознаніи намъ трудно развивать энергичную дѣятельность. Лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. Вообще, для правильнаго развитія воли весьма важно быстрѣе переводить чувствованія въ соотвѣтствующія дѣйствія, а не оставаться лишь при однихъ волненіяхъ и благожеланіяхъ, какъ-бы прекрасны и благородны они ни были. Человѣкъ узнается по дѣламъ—и о совершеніи дѣлъ и нужно прилагать серьезныя заботы.

Указанныя средства развитія воли—общаго характера. Можно представить нѣсколько частныхъ соображеній объ управленіи отдѣльными чувствованіями въ видахъ лучшаго воздѣйствія ихъ на дѣятельность.

Были указаны цѣлые ряды чувствованій, задерживающихъ дѣятельность или слабо ее возбуждающихъ. Что дѣлать съ такими чувствованіями? Какъ скоро они возникли, такъ сейчасъ-же нужно стараться объ устраненіи ихъ изъ сознанія. Это не легкая задача. Прежде всего, та мысль, что предъ нами врагъ, парализующій дѣятельность, уже имѣетъ значеніе. Она возбуждаетъ къ осторожности, къ принятію мѣръ. А самыя мѣры будутъ состоять въ анализѣ чувствованія, выясненіи его неблагопріятныхъ слѣдствій, недостаточности основаній для него. Ослабляя силу чувствованія обнаруженіемъ его несостоятельности, мы должны въ то-же время больше останавливать свое вниманіе на фактахъ противоположнаго, ободряющаго значенія,—на такихъ обстоятельствахъ, которыя указывали-бы возможный выходъ изъ нашего затруднительнаго положенія, давали-бы просвѣтъ въ темнотѣ, насъ облегающей. Всякая палка о двухъ концахъ, въ каждомъ затрудненіи заложена хотя-бы маленькая возможность его препобѣжденія, за которую и нужно упорно цѣпляться. Эта положительная, свѣтлая сторона и составитъ цѣлительный противовѣсъ темной, отрицательной.

Если, наоборотъ, въ нашемъ сознаніи господствуетъ чувствованіе, сильно возбуждающее дѣятельность, то надобно позаботиться о его поддержкѣ, о томъ, чтобы оно не промелькнуло

метеоромъ, мгновенно, а задержалось-бы и окрѣпло, нужно извлечь изъ него всю ту пользу, какую только можно. Для этого нужно сосредоточиться на данномъ чувствѣ, обратить вниманіе на всѣ обстоятельства, съ нимъ связанныя, на тѣ благотворныя слѣдствія, которыя оно будетъ имѣть для нашей дѣятельности. Если-же чувствованіе, благопріятное для дѣятельности, оказывается слабымъ, то нужно позаботиться о его усиленіи и укрѣпленіи. Каждое чувствованіе связано съ соотвѣтствующими представленіями. На такія представленія и нужно обратить вниманіе. Чѣмъ сильнѣе мы на нихъ сосредоточимся, чѣмъ живѣе и ярче будутъ наши представленія, тѣмъ легче оживетъ и самое чувствованіе, которое скрыто въ нихъ, которое ассоціировано съ ними множествомъ нитей. Мы должны постараться изъ всего запаса памяти выискать все пригодное для усиленія чувствованія, оставляя безъ вниманія и въ сторонѣ обстоятельства и факты, не соотвѣтствующіе преслѣдуемой цѣли.

Какъ далеко простирается наша власть въ направленіи теченія нашихъ чувствованій? Пэйо [1]) склоненъ считать ее совершенно ничтожной. Онъ полагаетъ, что по части своихъ дѣйствій мы поставлены вотъ въ какое затруднительное положеніе: мы имѣемъ полную власть надъ своими мыслями, ихъ теченіемъ, но мысли не имѣютъ никакого вліянія на наши поступки, онѣ безсильны; чувствованія, напротивъ, всемогущи по отношенію къ нашей дѣятельности, отъ нихъ все зависитъ, за-то мы надъ ними нисколько не властны, совершенно безсильны. У насъ много власти надъ тѣмъ, что безсильно, и нѣтъ никакой власти надъ тѣмъ, что всесильно.

Если-бы мы и въ самомъ дѣлѣ находились въ такомъ печальномъ положеніи, то позавидовать намъ по части управленія поступками было-бы невозможно. Но въ дѣйствительности мы не находимся въ такомъ несчастномъ положеніи и самъ Пэйо спѣшитъ смягчить нѣсколько свое сужденіе.

Часто говорятъ о подавленіи чувствованій силою воли, разумѣя подъ волей какую-то особенную способность, которую можно направлять противъ чувствованій, какъ нѣкоторое стѣнобитное орудіе противъ стѣны. Такой волей ничего сдѣлать нельзя, такъ какъ такой воли не существуетъ. Говорятъ еще объ уничтоженіи какого-либо чувствованія усиліями и напряженіями и воли, и всей личности человѣка, не придавая уже волѣ никакаго миѳологическаго значенія. Но и уничтожать въ душевной жизни ничего нельзя. Разъ

[1]) Воспитаніе воли. Отдѣлъ II, гл. 2.

душевное явленіе возникло, оно неуничтожимо. Въ этомъ случаѣ душевное явленіе совершнnно подобно физическому: какъ невозможно уничтожить ни одной частички матеріи, такъ невозможно уничтожить ни одного душевнаго явленія. Оно вѣчно существуетъ въ личности.

Душевныя явленія, въ частности чувствованія, можно ослаблять, усиливать, сдерживать. Средства къ этому указаны выше и заключаются въ перенесеніи вниманія на другой предметъ, анализѣ чувствованія и возбужденіи противоположнаго чувствованія подборомъ соотвѣтствующихъ представленій. Такая власть надъ теченіемъ чувствованій, конечно, необширна, но все-же это нѣкоторая власть. А пользуясь ею систематически, настойчиво примѣняя всѣ указанныя средства къ овладѣнію чувствованіемъ, мы можемъ достигнуть, въ концѣ концовъ, немаловажнаго вліянія на теченіе нашихъ чувствованій, усиливая возбуждающія нашу дѣятельность и задерживая подавляющія ее.

Значеніе идеи и вообще умственныхъ процессовъ для развитія нашей дѣятельности двоякое: прямое, какъ двигательныхъ силъ, и косвенное, какъ средствъ вызывать благопріятныя для дѣятельности чувствованія и задерживать неблагопріятныя.

Пэйо [1]) думаетъ, что наши идеи не имѣютъ никакого вліянія на нашу дѣятельность прямо и непосредственно, что въ этомъ отношеніи онѣ безсильны, а все, что онѣ могутъ сдѣлать для нашихъ поступковъ, заключается въ ихъ ассоціаціи съ чувствованіями, въ ихъ косвенномъ вліяніи. Такое мнѣніе совершенно ошибочно и наноситъ большой ущербъ правильной постановкѣ развитія воли.

Подобно чувствованіямъ, идеи суть двигательныя силы и даютъ начало многимъ нашимъ поступкамъ. Если судить отвлеченно, не призывая на помощь отдѣльные факты и наблюденія, то представится страннымъ признаніе двигательной силы за чувствованіями и отрицаніе ея у идей. Съ общей точки зрѣнія, и умственные процессы, и сердечныя волненія равно суть факты душевной жизни, одинаковой реальности; и тѣ и другія суть дѣятельности, извѣстная работа, предполагающая напряженіе, результатъ напряженія, начальныя ступени развитія явленія, его высшій пунктъ и т. д. Всѣ эти свойства общи умственнымъ процессамъ и чувствованіямъ, все это жизненныя дѣятельности. Но вотъ оказывается между ними существенное различіе: чувствованія прямо и непосредственно вызываютъ движенія, а умственные процессы

[1]) Тамъ-же.

не могутъ этого сдѣлать. Почему? Развѣ они не столь-же реальны, какъ чувствованія? Развѣ они отгорожены отъ двигательнаго аппарата каменною стѣною? Нельзя считать умственные процессы какими-то безкровными призраками, тѣнями, фантомами, совершающимися въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ, отдѣльно отъ двигательной стороны человѣческаго существа; они, въ сущности, таковы-же, какъ и чувствованія, они столь-же реальны, хотя и менѣе сильны, менѣе вліятельны, чѣмъ послѣднія. Чувствованія сильнѣе затрогиваютъ насъ, чѣмъ мысли, они ближе къ намъ, субъективнѣе, задушевнѣе, они такъ насъ волнуютъ, бросаютъ въ такой жаръ и холодъ, что мыслямъ въ этомъ отношеніи далеко до чувствованій. Но изъ того, что чувствованія могучимъ образомъ вліяютъ на наши дѣйствія, не слѣдуетъ, что мысли совсѣмъ не вліяютъ. На наши поступки прямо и непосредственно вліяютъ оба порядка явленій, съ тѣмъ различіемъ, что чувствованія вліяютъ сильнѣе, а умственные процессы слабѣе.

Обращаясь къ фактамъ, мы находимъ цѣлую массу подтвержденій высказаннаго взгляда.

Несомнѣнно, что умственная дѣятельность оказываетъ многоразличное и довольно глубокое вліяніе на жизнь нашего тѣла. Умственная работа, слишкомъ продолжительная и напряженная, однимъ словомъ чрезмѣрная, можетъ серьезно вредить организму, подтачивать его силы; она вредитъ правильному пищеваренію, ослабляя аппетитъ, задерживая дѣятельность желудка. Умственная работа вызываетъ развитіе теплоты въ головѣ, усиливая кровеобращеніе; она-же задерживаетъ движенія. Человѣкъ, сосредоточившійся на умственной работѣ, погрузившійся въ размышленіе, совершаетъ мало движеній. Такимъ образомъ, умственная дѣятельность находится въ самой тѣсной и непосредственной связи съ различными сторонами нашей физической жизни. Она непосредственно связана и съ движеніями, именно съ задержкой ихъ, отрицательно. Посмотримъ, не связана-ли она съ ними положительно, т.-е. не вызываетъ-ли прямо ихъ.

Съ движеніями въ самой тѣсной связи находятся представленія движеній. Представленіе того или другого движенія вызываетъ стремленіе совершить такое движеніе, причемъ возникаетъ и самое движеніе. Если въ вытянутой рукѣ держать нитку съ подвѣшенною къ ней тяжестью и затѣмъ отчетливо, живо представлять какое-либо движеніе, вправо, влѣво, по діагонали комнаты, для чего лучше закрыть глаза, то легко случится, что нитка совершитъ движенія въ представляемомъ направленіи. Этотъ опытъ впервые былъ произведенъ Александромъ Гумбольд-

томъ. Съ представленіями другихъ движеній совершается то-же самое. Если мы живо будемъ представлять лошадь, везущую повозку, человѣка, поднимающаго тяжесть, птицу, парящую въ воздухѣ, то нашъ двигательный аппаратъ не останется безъ работы, онъ испытываетъ нѣкоторое напряженіе, онъ начнетъ совершать слабыя движенія въ направленіяхъ, соотвѣтствующихъ представленіямъ. Наиболѣе ясное представленіе движенія бываетъ въ томъ случаѣ, когда мы наблюдаемъ сейчасъ, на нашихъ глазахъ, производимое движеніе. Если это движеніе сильное, энергичное, требуетъ значительныхъ усилій для своего совершенія, то можно бываетъ наблюдать массу маленькихъ движеній, совершаемыхъ зрителями и соотвѣтствующихъ наблюдаемому движенію. Въ критическіе моменты игры въ футболъ, замѣчаетъ Селли [1]), многіе изъ зрителей дѣлаютъ толчки ночами, причиняя этимъ неудобство сосѣдямъ. Въ себѣ самихъ мы въ то-же время можемъ замѣтить напряженное состояніе органовъ, которыми совершается наблюдаемое движеніе.

Произношеніе словъ требуетъ работы двигательнаго аппарата рѣчи—гортани, языка, губъ и другихъ частей. А между тѣмъ общеизвѣстный фактъ, что мышленіе очень часто сопровождается тихимъ говореніемъ, такъ что многіе считаютъ возможнымъ и справедливымъ самое мышеніе опредѣлять, какъ рѣчь про себя. У нѣкоторыхъ, незамѣтно для нихъ, мышленіе выражается громкою рѣчью, они мыслятъ и въ то-же время говорятъ вслухъ. Здѣсь мы имѣемъ весьма обширный фактъ прямой и непосредственной связи и выраженія умственныхъ процессовъ въ движеніяхъ. Причемъ, какъ только наши мысли предупреждаютъ сколько-нибудь нашу рѣчь или письмо, мы обыкновенно неправильно произносимъ и пишемъ слово, внося въ него букву или слогъ изъ другого слова, стоящаго на очереди; или-же цѣлое слово является раньше, вмѣсто того, которое должно было послѣдовать. Это явленіе есть результатъ автоматическаго выраженія идеи. Опытнымъ путемъ установлено, что „давленіе, производимое усиліемъ сгибанія пальца, у чернорабочихъ, по профессіи занимающихся исключительно ручнымъ трудомъ, слабѣе, чѣмъ у представителей высшихъ ремеслъ, которые затрачиваютъ меньше мускульной силы. Это давленіе еще сильнѣе у лицъ того же возраста, занимающихся либеральными профессіями“. Изъ этихъ фактовъ можно сдѣлать такой выводъ: энергія, потраченная на какое либо усиліе въ какой либо данный моментъ, стоитъ въ нѣкоторой

[1]) Педагогическая Психологія. Стр. 507 (изд. 1912 г.).

зависимости отъ обычнаго упражненія интеллектуальныхъ функцій. Но нужно имѣть въ виду, что факты говорятъ о мимолетномъ, моментальномъ вліяніи ума и вниманія на увеличеніе физической работы и въ этомъ смыслѣ нужно понимать утвержденіе, что подъ вліяніемъ умственной работы динамометръ показываетъ приростъ сильный [1]).

Гипнотическія внушенія представляютъ подобное-же явленіе. Загипнотизированному субъекту дается предписаніе совершить такое-то движеніе въ извѣстное время. О данномъ предписаніи субъектъ ничего не знаетъ, какъ будто его и не было, а между тѣмъ, когда настаетъ время совершить предписанное движеніе, субъектъ начинаетъ чувствовать какое-то безпокойство, позывъ, его тянетъ непонятная сила въ назначенное мѣсто и заставляетъ совершить предписанное движеніе. Въ чемъ эта непонятная сила? Несомнѣнно, въ полученномъ предписаніи, т.-е, въ идеѣ движенія, которая сохраняется въ памяти загипнотизированнаго. Чтеніе мыслей совершается также помощью воспріятія движеній, производимыхъ лицомъ подъ вліяніемъ имѣющихся у него въ сознаніи представленій.

Приведенные факты [2]) свидѣтельствуютъ преимущественно о томъ, что представленія могутъ быть источниками соотвѣтственныхъ движеній и въ нихъ непосредственно выражаться, что у насъ существуетъ, такъ называемыя, идеомоторныя дѣйствія. Но не только отдѣльныя движенія возникаютъ изъ представленій, но и связные ряды движеній, поступки. Загипнотизированнымъ предписываютъ совершеніе не только отдѣльныхъ движеній, но и связныхъ дѣйствій, которыя и выполняются въ назначенное время. То-же самое подтверждается и фактами подражательности. Подражательность простирается отъ элементарныхъ движеній, какова подражательность дѣтей, до весьма сложныхъ дѣйствій, каковою нерѣдко бываетъ подражательность взрослыхъ. Чему-чему не подражаютъ взрослые люди? Бываютъ подражательные привѣтствія, поклоны, походки, манеры, подражательныя самоубійства, разныя душевныя болѣзни, соединенныя съ массой разнообразныхъ движеній, психическія эпидеміи, распространяющіяся путемъ подражательности.

---

[1]) Fere, Sensation et Monvement Paris 1900. P. 4—7.

[2]) Ихъ число можетъ быть увеличено. Въ русской психологической литературѣ въ этомъ отношеніи можно указать на первую часть сочиненія Т. Соловьева „Теорія волевыхъ представленій (Спб., 1892) и на VI главу въ сочиненіи Карпентера „Основанія физіологіи ума“ (Спб., 1877).

Что стройная система мыслей, подобранныхъ въ извѣстномъ направленіи, соединенныхъ съ точки зрѣнія опредѣленнаго начала, можетъ оказывать весьма чувствительное давленіе на поступки человѣка, въ этомъ едва-ли можетъ возникать серьезное сомнѣніе. Вопросъ можетъ быть лишь о предѣлахъ, о границахъ такого вліянія. Во многихъ и древнихъ и новыхъ системахъ морали признается, что знаніе, благоразуміе, идеи составляютъ существенное условіе нравственной дѣятельности человѣка, что неразумный человѣкъ не можетъ быть и нравственнымъ. Маленькое дитя, чтобы оно ни совершало, мы не можетъ признавать нравственнымъ или безнравственнымъ, оно внѣнравственно, потому что неразумно, не понимаетъ еще своихъ отношеній. Точно также невозможно трактовать съ нравственной точки зрѣнія и дѣйствія животныхъ, и по той-же причинѣ, т.-е. по ихъ недостаточной разумности.

Но нѣкоторые могутъ замѣтить, что здѣсь мы вступаемъ на скользкую почву. Что представленія и вообще умственные процессы вызываютъ движенія—въ этомъ нельзя сомнѣваться; но чтобы они вызывали поступки—въ этомъ можно усумниться по слѣдующимъ основаніямъ: не примѣшивается-ли къ умственнымъ продуктамъ чувство и не есть-ли оно послѣдняя причина поступковъ, а не умственные процессы? Другое-же основаніе то,—и оно составляетъ дальнѣйшее развитіе перваго,—что опытъ очень часто даетъ намъ примѣры не гармоніи между умомъ и поступками, а противорѣчія. Умственное развитіе не влечетъ за собою необходимо нравственнаго, знаніе добродѣтели не есть несомнѣнное ручательство за добродѣтельные поступки.

Чувствованія и умственные процессы фактически, конечно, нераздѣльны; но, насколько ихъ можно раздѣлить и заставить дѣйствовать отдѣльно, слѣдуетъ признать, что идеи могутъ вызывать поступки. У загипнотизированныхъ простое внушеніе поступка, не сопровождаемое замѣтнымъ чувствомъ, побуждаетъ къ выполненію внушенія. Если идеи могутъ вызывать отдѣльныя движенія, то почему-же онѣ окажутся не въ состояніи вызвать и поступковъ, которые суть не что иное, какъ сложныя, объединенныя движенія? Рибо въ своей книгѣ «О волѣ въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ» приводитъ факты болѣзненнаго раздѣленія между чувствованіями и идеями, причемъ оказывается, что однѣ идеи безъ чувствованій не могутъ производить движеній и поступковъ, что и составляетъ болѣзнь воли. Но изъ приведенныхъ въ названной книгѣ Рибо фактовъ трудно съ полною рѣшительностью и несомнѣнностью вывести такое за-

ключеніе: случаи недостаточно подробно обслѣдованы со стороны психологической и физіологической, сообщаются въ очень краткомъ видѣ, почти внѣ связи съ общимъ теченіемъ душевной жизни субъекта. А при такихъ условіяхъ полагаться на нихъ трудно, тѣмъ болѣе, что самъ Рибо говоритъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «одни лишь чувства способны двигать человѣкомъ»; а въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ какъ разъ противоположное: «какъ только пріобрѣтенный опытъ станетъ достаточнымъ для того, чтобы интеллектъ могъ зародиться, образуется новая форма дѣятельности, къ которой всего болѣе подходитъ названіе *идео-двигательной*, потому что здѣсь «*идеи являются причинами движеній*». Далѣе онъ говоритъ, что «анатомическая основа всѣхъ нашихъ умственныхъ состояній обладаетъ одновременно и двигательными элементами и чувствительными» [1]). Среди такихъ противорѣчій разобраться трудно, трудно извлечь отсюда какія-либо положительныя заключенія.

Что знанія не всегда влекутъ вслѣдъ за собой соотвѣтственные поступки, что нерѣдко бываютъ противорѣчія между знаніями и дѣлами, между умомъ и сердцемъ—это несомнѣнный фактъ. Но столь-же несомнѣнный фактъ и полное согласіе между идеями и поступками, между умомъ и сердцемъ. Если исторія представляетъ намъ не мало людей, подобныхъ Бэкону, то она-же свидѣтельствуетъ, что существовали Сократъ, стоики, Спиноза, Кантъ, у которыхъ знанія влекли соотвѣтствующіе поступки. Идіоты и вообще люди съ приниженною умственною дѣятельностью, по наблюденіямъ психіатровъ, отличаются крайнимъ эгоизмомъ и отсутствіемъ нравственныхъ началъ въ своихъ поступкахъ; а, такъ называемые, нравственно помѣшанные отличаются слабыми умственными способностями и скуднымъ умственнымъ развитіемъ, хотя подчасъ и владѣютъ хитростью.

Вообще при обсужденіи связи между идеями и поступками нужно имѣть въ виду, что давленіе на поступки оказываютъ не столько разрозненныя идеи, сколько связныя, объединенныя знанія,—то, что называется стройнымъ міровоззрѣніемъ. Пріобрѣтеніе спеціальныхъ знаній въ какой-либо области нисколько не можетъ служить ручательствомъ за какой-либо особенный способъ дѣйствованія, такъ какъ такія знанія сравнительно мало просвѣщаютъ человѣка, дѣлая его ученымъ, но не образованнымъ. Спеціальныя знанія, безъ достаточно широкихъ взглядовъ и обобще-

---

[1]) Рибо, „Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ". Перев. подъ редакц. Оболенскаго. Спб. 1894 г., стр. 17, 10 и 11.

ній, есть своего рода начетчество, имѣющее свою цѣну, но не Богъ знаетъ какую большую. Для поступковъ весьма важно имѣть стройное, законченное міровоззрѣніе, въ которомъ-бы въ порядкѣ уложилось все, касающееся человѣка. Такое просвѣтляющее міровоззрѣніе будетъ служить прямымъ источникомъ дѣйствій; спеціальныя-же знанія въ отдѣльной области, особенно далекой отъ людской жизни и отношеній, каковы математика, астрономія, археологія и др., не могутъ служить руководителями въ дѣятельности человѣка.

При обсужденіи фактовъ противорѣчія между умомъ и поступками никогда не нужно забывать, что поступки зависятъ не отъ однихъ знаній, но и отъ чувствованій, отъ силы дѣйствующихъ сейчасъ впечатлѣній, отъ навыковъ, внушенныхъ воспитаніемъ и самоприобрѣтенныхъ, руководиться въ дѣятельности тѣми или другими мотивами. Въ человѣкѣ отъ природы или подъ вліяніемъ окружающей среды могутъ быть особенно сильны различныя направленія чувствительности и относительно слабо мышленіе. Дѣятельность такого человѣка будетъ по преимуществу управляться чувствованіями, и со стороны будетъ казаться, что мыслительность не оказываетъ на его поступки никакого вліянія. А нужно сказать, что большинство людей гораздо больше живетъ чувствованіями, желаніями, стремленіями, особенно эгоистическими, чѣмъ мыслительностью. Опредѣленіе человѣка, что онъ есть существо мыслящее, разумное, собственно не вѣрно, человѣкъ живетъ совсѣмъ не умомъ. Если мы будемъ наблюдать дѣтей, то, несомнѣнно, замѣтимъ, что умъ у нихъ появляется не съ самого начала: дитя много радуется и печалится, многаго хочетъ, многаго боится, но мыслитъ на первыхъ порахъ очень мало, мышленіе только маленькій придатокъ къ другимъ сторонамъ его жизни и дѣятельности. Громадное большинство человѣчества живетъ инстинктами, органическими стремленіями и страстями, волненіями узко-эгоистическаго характера, а иногда увлекается симпатіей, но мыслительности въ немъ мало, весь умъ у него на службѣ его маленькихъ личныхъ интересовъ. Такое слабое умственное развитіе не можетъ превратить умъ въ самостоятельную силу, способную руководить дѣятельностью, умъ подчиняется другимъ сторонамъ душевной жизни, болѣе сильнымъ и вліятельнымъ. А въ той мѣрѣ, какъ умственные интересы ростутъ, усиливаются, расширяются, созидается царство ума, разумность становится направляющимъ началамъ, и человѣкъ изъ раба своихъ физическихъ страстей и инстинктовъ, изъ служителя узкому эгоизму, помаленьку превращается въ разумное существо, съ идеомотор-

ными поступками, которому, въ силу его расширеннаго пониманія, ничто человѣческое не становится чуждымъ, который въ своей дѣятельности можетъ руководиться продуманными убѣжденіями, своимъ разумомъ. Убѣжденія, внутренній законъ совѣсти, общественныя начала дѣятельности человѣка суть не что иное, какъ практическій разумъ, разумъ воли, дѣйствій, поступковъ, такое состояніе, когда человѣкъ въ своей дѣятельности идетъ непосредственно за своимъ умомъ.

XXIV.

Главнѣйшія теоріи о природѣ воли.

Не мѣшаетъ представить нѣсколько соображеній о главнѣйшихъ теоріяхъ относительно воли и характера нашихъ поступковъ—произвола и детерменизма.

Ученіе о произволѣ очень древняго происхожденія. Его научная несостоятельность въ настоящее время уже достаточно выяснена, и оно имѣетъ теперь послѣдователей болѣе въ силу традиціи и давленія оффиціальныхъ воззрѣній, чѣмъ по твердости и привлекательности своего существа. Сущность ученія о произволѣ состоитъ въ отрицаніи обязательности мотивовъ для человѣка при его дѣятельности, въ отрицаніи опредѣляющаго и рѣшающаго значенія мотивовъ при поступкахъ, въ утвержденіи возможности уничтожить давленіе сильныхъ мотивовъ и усилить дѣйствіе слабыхъ свободной волей, произволомъ, простымъ я такъ хочу или не хочу. Все меня склоняетъ къ добру, и люди, и обстоятельства, и вся раннѣйшая исторія моей личности; но случайно мнѣ вздумалось, взбрело въ голову совершить худое дѣло, и я, несмотря на сильнѣйшія противоположныя вліянія, совершаю дурное дѣло. Откуда берется сила на его совершеніе, когда въ данный моментъ у меня есть сила къ совершенію добраго и нѣтъ силъ къ совершенію дурного? Изъ произвола. Хочу такъ поступить—и поступаю и ничто не можетъ удержать меня. Такова моя природа—существа вполнѣ свободнаго, не подлежащаго обязательному давленію мотивовъ.

Только весьма недостаточное наблюденіе душевныхъ явленій и слабый психологическій анализъ могли внушить и поддерживать мысль, что у человѣка есть какой-то произволъ. Такого факта на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Когда человѣкъ, повидимому

вопреки всякимъ, самымъ убѣдительнымъ, мотивамъ, силою своего «я хочу, нраву моему не препятствуй», можетъ обмануть всѣ разумные разсчеты и ожиданія относительно своихъ дѣйствій, тогда не бываетъ ни малѣйшаго произвола, совсѣмъ не замѣчается отсутствія мотивовъ и возникновенія поступка изъ пустоты. Все обстоитъ благополучно, по обыкновенному, мотивы есть, а произвола нѣтъ. Разница между произвольнымъ дѣйствіемъ и мотивированнымъ поступкомъ состоитъ лишь въ томъ, что при послѣднемъ—мотивированномъ поступкѣ—мотивы совершенно ясны, очевидны, а при первомъ—произвольномъ—скрыты и постороннему наблюдателю далеко не всегда доступны. Въ выраженіи «я хочу» скрытъ цѣлый рядъ мотивовъ, и подчасъ весьма сильныхъ и важныхъ. Онъ заключается въ общей манерѣ и навыкѣ дѣйствовать, въ ублаженіи себя разными дикими выходками, въ желаніи произвести ими эффектъ на окружающихъ, въ стремленіи итти наперекоръ предположеніямъ другихъ и ожиданіямъ. Замоскворѣцкій самодуръ изъ тѣхъ Китъ Китычей, которыхъ изображалъ Островскій въ своихъ драмахъ и комедіяхъ, долженъ-бы быть самымъ лучшимъ выразителемъ свободнаго произвола и типическимъ представителемъ людей, въ которыхъ воплотился разсматриваемый принципъ. Но это будетъ дѣтская психологія, дѣтскій психологическій анализъ, если они не откроютъ въ дѣйствіяхъ подобныхъ личностей совершенно опредѣленныхъ и весьма вліятельныхъ мотивовъ. Какъ не быть мотивамъ? Вѣдь изъ ничего ничего и не возникаетъ, а здѣсь возникаетъ совершенно опредѣленное дѣйствіе. Слѣдовательно, позади дѣйствія всегда есть нѣчто положительное, опредѣленное, а не пустота съ ярлычкомъ: свободный произволъ.

Но какъ-бы ни была несостоятельна теорія произвола съ научной точки зрѣнія, въ практическомъ отношеніи она нанесла и продолжаетъ наносить весьма большой ущербъ правильному развитію воли. Вся сущность заботъ о развитіи воли приводится къ тому, что это дѣло сложное, многотрудное, требующее большого времени и хлопотъ. Воля образуется постепенно, а не дается человѣку какъ нѣчто готовое сразу, она есть длинный рядъ усилій, синтезовъ различныхъ сторонъ душевной жизни, плодъ борьбы съ собой и систематической сдержки. Чтобы владѣть настоящей волей, для этого необходимо рано начать соотвѣтственныя упражненія и вести ихъ послѣдовательно, иначе дѣло не удастся. Пэйо совершенно правъ, когда говоритъ, что „нравственная свобода, равно какъ и политическая, какъ и все, имѣющее цѣнность въ этомъ мірѣ, можетъ быть пріобрѣтена

только путемъ энергичной борьбы и притомъ должна быть постоянно защищаема. Она есть награда сильныхъ, ловкихъ, настойчивыхъ. Никто не сдѣлается свободнымъ, кто не заслуживаетъ быть свободнымъ". Словомъ, человѣкъ, желающій развивать волю, призывается къ непрерывному систематическому труду, къ энергическимъ усиліямъ и борьбѣ.

Теорія произвола идетъ наперекоръ подобнымъ стремленіямъ: она можетъ быть иначе названа теоріей порывовъ, скачковъ, теоріей вдохновенія. Къ чему заботиться о подготовкѣ въ себѣ рядовъ твердыхъ, надежныхъ мотивовъ, упражняться въ выдержкѣ, въ самообладаніи, когда въ концѣ концовъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, когда въ рѣшительный моментъ все будетъ зависѣть не отъ мотивовъ и выдержки, а отъ произвола, ничѣмъ не связаннаго, ничѣмъ не стѣсняющагося, отъ вдохновенія, которое неизвѣстно откуда приходитъ и какъ возникаетъ? Вся подготовительная работа по воспитанію воли при такихъ условіяхъ теряетъ свое значеніе, ея цѣнность чрезвычайно понижается. Нужно больше разсчитывать на вдохновеніе, а не на подготовленную волю.

У насъ, русскихъ, теорія порывовъ и вдохновенія находится въ особенномъ почетѣ; мы ея постоянно придерживаемся на практикѣ, искренно вѣря, что однимъ взмахомъ, однимъ напряженіемъ и порывомъ мы сразу сдѣлаемъ чрезвычайно много и обгонимъ всѣхъ медленныхъ, но систематическихъ, тружениковъ. Дѣйствительно, на короткое время мы одушевляемся, становимся чрезвычайно энергичными, но порывъ скоро проходитъ, выдержки у насъ нѣтъ, и мы, вслѣдъ за моментомъ порыва, опускаемъ руки, находя ежедневный будничный трудъ слишкомъ мелкимъ и ничтожнымъ, несоотвѣтствующимъ нашей широкой и талантливой природѣ. Это крайне зловредная теорія, благодаря которой мы отстали во всѣхъ отношеніяхъ отъ всего образованнаго міра. Нужно создать въ Россіи новое поколѣніе людей,—людей систематическаго труда и борьбы, которые послѣдовательно, шагъ за шагомъ, двигались-бы впередъ, не особенно спѣшно, но неудержимо, настойчиво, и положеніе, разъ занятое, не уступали-бы обратно ни подъ какимъ видомъ. Нужно научиться не пренебрегать мелкимъ, невиднымъ трудомъ, какъ скоро онъ ведетъ къ желанной цѣли—поднятію народа во всѣхъ отношеніяхъ, къ нравственной и всякой другой свободѣ индивидуумовъ и обществъ. Къ этому и должно вести воспитаніе воли. Нужна система нравственнаго закаливанія при воспитаніи воли, нужно сдѣлать изъ нашихъ дѣтей стойкихъ, послѣдовательныхъ, не отступающихъ назадъ дѣятелей и борцовъ. Осуществленію подобныхъ стремленій теорія свободнаго произ-

вола не только не помогаетъ, но прямо вредитъ. Поэтому съ ней нужно разъ и навсегда разстаться, какъ совершенно несостоятельной теоретически и какъ рѣшительно вредной при практическомъ воспитаніи воли.

Людямъ, признающимъ рѣшающее, опредѣляющее значеніе мотивовъ для дѣятельности человѣка, угрожаетъ, повидимому, болѣе серьезная опасность, чѣмъ защитникамъ произвола. Теорія свободнаго произвола, какъ-бы несостоятельна она ни была, все же обращается къ мощи и нравственной энергіи человѣка, она внушаетъ дѣятелю: какъ ни сильны мотивы, склоняющіе тебя къ такому-то рѣшенію, но ты не связанъ ими, ты выше ихъ, ты существо абсолютно свободное, могущее поступать какъ тебѣ вздумается, не стѣсняясь никакими мотивами. Теорія, хотя и весьма неосновательная, вздорная, но благородная, внушающая отвагу, вливающая мужество посягать на все.

Признаніе полнаго господства въ дѣйствіяхъ мотивовъ выдвигаетъ впередъ теорію детерминизма. По этой теоріи свободѣ человѣческаго произвола, повидимому, нѣтъ мѣста, а все сводится на игру мотивовъ, возникающихъ въ сознаніи человѣка предъ совершеніемъ дѣйствія. Мотивы вступаютъ въ борьбу между собою и верхъ беретъ всегда сильнѣйшій мотивъ. Самъ человѣкъ, его личность превращаются въ мѣсто борьбы мотивовъ, дѣятельнаго участія въ этой борьбѣ человѣкъ принять не можетъ, потому что нечѣмъ, господствуетъ не его воля, а воля мотивовъ. Что они порѣшатъ, то и будетъ, самъ-же человѣкъ только помѣщеніе для мотивовъ и сторонній наблюдатель ихъ борьбы, покорно идущій за сильнѣйшимъ мотивомъ, не могущій ни на іоту уклониться отъ него ни вправо, ни влѣво. Такая теорія, повидимому, вполнѣ исключаетъ и подрываетъ всякое воспитаніе воли. Къ чему заботиться объ укрѣпленіи воли, когда мы совершенно безсильны предъ мотивами, ничего съ ними сдѣлать не можемъ, а между тѣмъ мотивы отъ насъ не зависятъ? Мы не можемъ предусмотрѣть тѣхъ впечатлѣній, съ которыми встрѣтимся, ихъ силы, мы не можемъ воспрепятствовать проникнуть имъ въ нашу душу и превратиться въ мотивы. А вмѣстѣ съ мотивами будутъ опредѣлены и рѣшены всѣ наши дѣйствія, и намъ останется только сидѣть сложа руки. Детерминизмъ ведетъ человѣка къ полной пассивности, въ корнѣ подрывая всякую энергію и борьбу. Къ чему бороться, когда, все равно, ничего сдѣлать нельзя и мотивы всегда возьмутъ свое?

Чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ; детерминизмъ не такая уже пагубная для воли теорія, какъ она можетъ казаться

съ перваго взгляда, при ея надлежащемъ выясненіи и ограниченіи. Причинность во внѣшнемъ мірѣ есть фактъ абсолютный, безусловный, съ которымъ ничего подѣлать нельзя; причинность въ душевномъ мірѣ имѣетъ свои особенности; она, конечно, не уничтожается, но, сообразно съ особеннымъ характеромъ душевныхъ фактовъ, принимаетъ нѣсколько другой видъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ сильнѣйшій мотивъ всегда возьметъ верхъ надъ слабѣйшимъ; но самая оцѣнка силы мотивовъ производится нами, а не кѣмъ-либо другимъ. Сообразно же съ нашей оцѣнкой мотива измѣнится и наше дѣйствіе.

Кому не приходилось каяться, что онъ неправильно отнесся къ мотивамъ, неправильно ихъ понялъ, оцѣнилъ ихъ значеніе, а потому и поступилъ не такъ, какъ-бы слѣдовало? Въ другой разъ, при наличности тѣхъ-же мотивовъ, онъ поступаетъ иначе, лучше взвѣшивая мотивы, лучше понимая ихъ относительную силу и значеніе. Одинъ разъ человѣкъ испугался того, чего пугаться не слѣдовало-бы; въ другой разъ, взвѣшивая доводы за и противъ, онъ пропустилъ цѣлый рядъ соображеній и доводовъ, забылъ о нихъ, вслѣдствіе чего у него получился неправильный выводъ о соотносительной важности мотивовъ и онъ поступилъ неблагоразумно. Подобные промахи въ оцѣнкѣ мотивовъ, влекущіе вслѣдъ за собою и промахи въ поступкахъ, совершаются постоянно. Серьезный, сильный мотивъ можетъ показаться намъ иногда мелкимъ и ничтожнымъ и остаться потому безъ замѣтнаго вліянія на нашу дѣятельность; а мотивъ, по существу самый поверхностный и легкій, покажется иной разъ величиной съ гору и опредѣлитъ собою наши поступки. Напримѣръ, наше незнаніе гигіены, законовъ жизни и дѣятельности нашего тѣла очень часто вводитъ насъ въ заблужденіе относительно силы мотивовъ, касающихся нашего здоровья и вообще физическаго благосостоянія. Мы совершаемъ промахъ за промахомъ, на каждомъ шагу вредимъ себѣ, своему здоровью, не потому, чтобы желали этого, а просто потому, что мы слѣдуемъ за мотивами, смысла и значенія которыхъ достаточно не понимаемъ. То-же самое бываетъ по части душевной гигіены, въ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ — дѣтямъ, товарищамъ, знакомымъ. Мы поступаемъ не такъ, какъ-бы слѣдовало, потому что своей неразумной, невѣжественной оцѣнкой силы мотивовъ мы придаемъ ничтожнымъ мотивамъ громадную силу, а значеніе сильныхъ и важныхъ ослабляемъ, приравниваемъ даже къ нулю. Мотивы могутъ дѣйствовать на насъ, только проходя чрезъ наше сознаніе, отражаясь въ немъ. Вотъ это-то сознаваніе мотивовъ

дѣло громадной важности для нашей дѣятельности—и можетъ находиться въ рукахъ человѣка, конечно, до извѣстной степени, въ опредѣленныхъ предѣлахъ.

Отсюда открывается то великое значеніе, которое можетъ имѣть для нашей дѣятельности умственное развитіе. Уже и прежде намъ приходилось отмѣчать разностороннее вліяніе умственныхъ процессовъ на наши поступки; но все значеніе ума для развитія воли открывается только теперь, когда оказалось, что оцѣнка мотивовъ есть дѣло великой важности для нашей дѣятельности, а оцѣнка мотивовъ есть, несомнѣнно, умственный процессъ. То, что называется самоуправленіемъ, сдержкой, искусствомъ владѣть собой и такимъ путемъ выправлять, улучшать свою личность, основывается на сознательной оцѣнкѣ и выборѣ мотивовъ. Какъ скоро мы замѣчаемъ въ себѣ недостатки и признаемъ ихъ неудобными, мы вступаемъ въ борьбу съ самими собой и стремимся улучшить себя въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Мы создаемъ себѣ извѣстный образъ жизни, опредѣленный способъ питанія, занимаемся гимнастикой и спортомъ и съ помощью методичной гигіены и систематической тѣлесной дѣятельности мы укрѣпляемъ здоровье, дѣлаемся выносливѣе, подвижнѣе, сильнѣе. Работая надъ собой годы и не только надъ организмомъ въ его цѣломъ, но и надъ отдѣльными органами,мы можемъ далеко уйти въ усовершенствованіи себя въ физическомъ отношеніи, будемъ до извѣстной степени сами строить свой физическій организмъ. Точно тоже самое слѣдуетъ сказать и про нашъ духовный организмъ: мы можемъ вступить въ борьбу съ своими духовными недостатками, съ своею лѣностью, разсѣянностью, страстностью, съ разными дурными навыками, и мало по малу себя передѣлывать и улучшать, до извѣстой, конечно, степени, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Подвижничество, нравственные подвиги суть не что иное, какъ перевоспитаніе себя въ извѣстномъ направленіи, обузданіе нашихъ страстей и желаній, нашей чувственности и эгоизма. Мы имѣемъ власть не только надъ органами своего тѣла, но и надъ своими чувствами и мыслями. Мы можемъ направлять ихъ теченіе. Прежде всего, нашему контролю подлежатъ тѣ чувства, которыя возбуждаютъ произвольные мускулы. Воплощеніе этихъ чувствованій мы можемъ задержать, возбуждая въ себѣ мотивы, вполнѣ противоположные по своему характеру свойству чувства. Въ то время, когда какая либо страсть бушуетъ въ насъ, мы можемъ съ виду оставаться спокойными, задерживая страстныя выраженія доводами благоразумія. Разумѣется, мы не всегда бываемъ въ состояніи задержать воплощеніе чувства, въ произвольныхъ мускулахъ.

Задержимъ мы, или не задержимъ воплощеніе чувства, это будетъ зависѣть отъ силы чувства и силы противуположнаго мотива, намѣренно нами возбуждаемаго. Здѣсь вступаютъ въ борьбу двѣ силы и результатъ опредѣляется простымъ преобладаніемъ одной надъ другою. Всѣ сильныя чувствованія задерживаются поэтому слабо, аффекты же совсѣмъ не задерживаются.

Надъ чувствами, возбуждающими непроизвольные мускулы, мы имѣемъ власть на столько, на сколько непроизвольные мускулы находятся въ связи съ произвольными. Актеръ можетъ произвесть актъ рыданія безъ всякаго соотвѣтственнаго волненія, хотя нѣкоторыя изъ движеній рыданія принадлежатъ мускуламъ непроизвольнымъ. Отдѣленіе слезъ также находится подъ вліяніемъ воли. Но румянца, напримѣръ, невозможно произвольно вызвать, или задержать, также какъ вліять на дѣйствія сердца, желудочныя выдѣленія и т. п., потому что эти процессы совершаются или исключительно непроизвольными мускулами, или же ихъ связь съ произвольными очень отдаленна. Систематическимъ упражненіемъ мы можемъ, конечно, распространять наше вліяніе на сферу непроизвольныхъ мускуловъ, отыскивая средства привесть ихъ въ связь съ произвольными. Различные фокусники нерѣдко представляютъ замѣчательные образцы такой способности управлять непроизвольными мускулами.

Задерживая воплощеніе чувствованій, мы тѣмъ самымъ препятствуемъ развитію чувствованій, подавляемъ ихъ. На воплощеніе чувства невозможно смотрѣть, какъ на что то постороннее самому чувству. Чувство и воплощеніе чувства неразрывно связаны между собою, составляютъ двѣ стороны одного цѣлаго. Подавляя одну изъ этихъ сторонъ, мы тѣмъ самымъ подавляемъ и другую. Ослабляя выраженія гнѣва и злости мы можемъ ослабить и самыя чувствованія, а подражая въ движеніяхъ гнѣвному человѣку, мы можемъ и въ себѣ возбудить гнѣвъ.

Подбирая представленія сообразно съ опредѣленной цѣлью и устраняя всѣ неподходящія, мы имѣемъ возможность создавать нѣчто новое не только въ сферѣ мысли, но и чувства, можемъ посредствомъ представленій управлять своими чувствами. Наши чувствованія, въ значительной части, возникаютъ изъ представленій, ихъ отношеній; подбирая извѣстныя представленія, извѣстнымъ образомъ сопоставляя ихъ, мы имѣемъ возможность вызвать соотвѣтствующія чувствованія. Мы можемъ, напримѣръ, привесть себя въ настроеніе любви, направляя вниманіе и теченіе идей на дружбу и любовь, испытанныя въ прошломъ; подобнымъ же побужденіемъ воли, изъ потока умственнаго воспроизведенія, оста-

навливая свое вниманіе на перечнѣ своихъ добрыхъ дѣлъ и качествъ, можемъ вызвать чувство самодовольства; давая же мыслямъ противоположный ходъ, можемъ смягчить извѣстное чувство, напримѣръ, порывъ скорби, занимая свой умъ разсматриваніемъ благопріятной стороны собственнаго положенія. Это вліяніе намѣреннаго подбора представленій, въ силу импульса воли, на характеръ нашихъ чувствованій очень хорошо замѣчено Шекспиромъ и прекрасно выражено имъ въ „Ричардѣ III“ (IV дѣйствіе). Королева Елизавета говоритъ королевѣ Маргаритѣ: „не уходи. Сильна въ проклятьяхъ ты; учишь меня, какъ клясть моихъ злодѣевъ!“ (Глостера и его сообщниковъ). Королева Маргарита отвѣчаетъ: „не спи ночей, и голодай по днямъ, припоминай живѣй былое счастье и съ скорбью новой сравнивай его; воображеньемъ прелесть умножай своихъ малютокъ, сгубленныхъ злодѣеемъ, а въ немъ—преувеличивай все это. Украсть твою потерю, и виновникъ потери той проклятью подпадетъ и сами прилетятъ къ тебѣ проклятья!“

Мы имѣемъ примѣры людей, усиліями своей воли построившихъ свою личность. „Рахиль фонъ-Варнгагенъ, докторъ Джонсонъ, Генріета Мартино, говоритъ Фуллье,—всѣ они родились съ меланхолическимъ темпераментомъ. Они принадлежали къ числу тѣхъ печальныхъ людей, которые стремились уйти отъ непрестаннаго біенія жизненнаго шума и сказать своему сердцу: „усни“. Но пользуясь своимъ умомъ и волей, они сдѣлали благородную попытку восторжествовать надъ органической склонностью къ унынію и достигли того, что побѣдили этого скрытаго врага ихъ душевнаго спокойствія. Меланхоліи темперамента они противопоставили спокойствіе характера. „Біографъ Вашингтона (Jared Sparx, Lite ot Washington), говоритъ, что у него былъ пылкій темпераментъ, горячія страсти, и что онъ жилъ въ средѣ, гдѣ все непрерывно соблазняло и раздражало его. Но онъ дѣлалъ постоянныя усилія, чтобы побѣдить въ себѣ эти свойства, что ему впослѣдствіи и удалось самымъ блестящимъ образомъ. Власть надъ самимъ собой была, можетъ быть, самой замѣчательной чертой его характера“. Такихъ людей было довольно много. Бываютъ, напримѣръ, люди, побѣждающіе органическій страхъ нравственной отвагой, обуздывающіе гнѣвъ и буйность своей природы при помощи разума. У всѣхъ такихъ людей сущность душевныхъ процессовъ въ перевоспитаніи себя одна и та же, именно умъ въ ихъ поведеніи играетъ видную роль, они противопоставляютъ своимъ непосредственнымъ естественнымъ, органическимъ чувствованіямъ, порывамъ и влеченіямъ новые, разумные мотивы,

оцѣниваютъ ихъ значеніе и мало по малу убѣждаютъ себя въ справедливости и цѣлесообразности ихъ и пріучаются слѣдовать въ своихъ поступкахъ за ними, а не за непосредственными органическими побужденіями.

Въ этой возможности перевоспитать себя по началамъ разума, пользуясь оцѣнкой мотивовъ и возможностью противопоставлять ихъ одни другимъ, разъяснять умомъ ихъ силу и значеніе, и лежитъ чувство нашей свободы и, вмѣстѣ, нашей отвѣтственности за наши поступки. И дѣйствительно до извѣстной степени на насъ лежитъ отвѣственность за наши дѣйствія. Поэтому лицамъ, заботящимся о правильномъ развитіи воли, въ высшей степени полезно выработать наиболѣе обстоятельные пріемы оцѣнки мотивовъ. Попытки выяснить и систематизировать эту работу были сдѣланы, хотя вопросъ и не получилъ болѣе глубокаго и широкаго развитія. Франклинъ при взвѣшиваніи относительной силы мотивовъ рекомендовалъ такъ поступать: записывать коротко доводы pro и contra, обдумывая вопросъ въ теченіе нѣкотораго времени. Когда доводы будутъ исчерпаны и новыхъ болѣе не представляется уму, тогда произвести уравненіе: равносильные доводы pro и contra зачеркнуть; если одинъ доводъ pro равняется двумъ доводамъ contra, вычеркнуть всѣ три, и такъ вести уравненіе дальше. Оставшіеся незачеркнутыми на сторонѣ pro или contra доводы покажутъ, какое дѣйствіе нужно совершить, какой рядъ мотивовъ оказался сильнѣе. Бэнъ предлагаетъ другой пріемъ. Онъ находитъ, что обдумываніе сравнительной силы доводовъ въ теченіе короткаго времени не предохранитъ наше обсужденіе отъ вліянія случайныхъ впечатлѣній, настроеній, легкаго нездоровья и т. п. Время обдумыванія сравнительной силы мотивовъ нужно удлиннить, особенно когда вопросъ касается какого-либо важнаго дѣла, напримѣръ, думать о немъ въ теченіе мѣсяца, ежедневно отмѣчая, въ какую сторону мы склоняемся. Въ концѣ мѣсяца мы сводимъ итогъ ежедневныхъ рѣшеній и ихъ большинствомъ опредѣляемъ нашъ способъ дѣйствованія, такъ какъ большинство одинаковыхъ рѣшеній, напримѣръ — 22 изъ 30, устраняя вліянія случайныхъ впечатлѣній, прямо указываетъ, гдѣ лежатъ наши существенные и важные интересы. Если рѣшенія раздѣляются поровну, то можно совершить то или другое дѣйствіе, не впадая въ неразуміе и ложную оцѣнку мотивовъ.

Указанные два пріема не противорѣчатъ другъ другу, ими обоими можно пользоваться, такъ какъ первый пріемъ касается по преимуществу качественной, внутренней оцѣнки достоинства и силы мотивовъ, а второй преимущественно выражаетъ отно-

шеніе нашей личности къ предполагаемому дѣйствію, на сколько дѣйствіе согласно или нарушаетъ наши существенные интересы Во всякомъ случаѣ указанные пріемы можно рекомендовать, когда приходится совершать важные поступки, которые будутъ существенно вліять на дальнѣйшую нашу дѣятельность, или когда приходится распутываться въ массѣ различныхъ и даже противоположныхъ мотивовъ.

Могутъ сказать, что оцѣнка мотивовъ, произведенная по всѣмъ правиламъ искусства, еще не ручается за то, что дѣйствіе будетъ совершено сообразно тому мотиву, который по разумной оцѣнкѣ будетъ признанъ самымъ убѣдительнымъ. Мы можемъ признавать разумность мотива, его превосходство предъ прочими и въ то-же время поступать согласно другому мотиву. Пьяница сознаетъ цѣнность здоровья, времени, трезвеннаго состоянія, но, тѣмъ не менѣе, пьетъ, слѣдуя мотиву, который разсудкомъ не признается достаточнымъ. Но такое предположеніе ошибочно. Стороннему непьющему человѣку кажется, что мотивы пьяницы, заставляющіе его пьянствомъ губить свое здоровье, ничтожны, не заслуживаютъ вниманія и не имѣютъ никакой убѣдительности; но пьяницѣ они представляются чрезвычайно вѣскими и убѣдительными: жизнь безъ напитка, безъ тумана въ головѣ, не веселѣ, по мнѣнію пьяницы, ничего не стоитъ. Къ чему здоровье, время и сама жизнь, если ихъ нельзя тратить на услажденіе напитками? Каждый дѣлаетъ свою расцѣнку мотивамъ, и что кажется неважнымъ одному, то получаетъ громадное значеніе въ глазахъ другого. Сознаніе и оцѣнка мотивовъ индивидуальны.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что у насъ нѣтъ и не можетъ быть никакой другой свободы дѣйствій, помимо сознательнаго слѣдованія за сильнѣйшими и убѣдительнѣйшими мотивами послѣ ихъ разумной оцѣнки, взвѣшиванія ихъ сравнительной важности и силы, ихъ согласія или несогласія съ нашими коренными, основными интересами и стремленіями. Да разумное существо едва-ли и можетъ желать какой-либо другой свободы. Если-бы у насъ не существовало опредѣляющихъ наши поступки мотивовъ, то не существовало-бы вмѣстѣ съ тѣмъ и вліянія предшествующаго опыта и упражненія, выработанныхъ началъ и правилъ. Тогда наша душевная жизнь былабы наполнена разъединенными, разобщенными элементами, воля разстроилась-бы и все душевное существо разрушилось. Свобода не есть беззаконіе. А какіе интересы признавать главными и коренными и какіе второстепенными, какъ взвѣшивать и постигать сравнительную силу мотивовъ — это дѣло нашего ума,

умственнаго развитія. Наша свобода, слѣдовательно, заключается не въ произволѣ, а въ разумѣ, мудрый человѣкъ свободенъ во всѣхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, а глупецъ останется рабомъ навсегда, хотя-бы по положенію онъ занималъ роль тирана другихъ. „Истина сдѣлаетъ васъ свободными“, сказалъ Божественный учитель, т.-е. разумъ, пониманіе, правильныя сужденія и оцѣнка.

Оцѣнивая мотивы, видя обиліе однихъ мотивовъ и слабость другихъ, мы можемъ желать ослабленія неблагопріятныхъ для нашей дѣятельности и усиленія благопріятныхъ. Мы можемъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, осуществлять такія свои желанія. Какими средствами и пріемами—объ этомъ была рѣчь прежде. Направляя свои усилія на развитіе извѣстныхъ мотивовъ, мы тѣмъ будемъ создавать дѣятельныя начала, которыя прямо и непосредственно, съ необходимостью, вызовутъ соотвѣтствующіе ихъ характеру поступки. Воспитаніе, культура мотивовъ есть дѣло болѣе надежное и твердое для благопріятнаго направленія нашей дѣятельности, чѣмъ упованіе на способность произвольныхъ рѣшеній и дѣйствій. Произволъ посрамитъ, а мотивы никогда не посрамятъ: они надежные оплоты нашей дѣятельности. Наша свобода есть свобода мотивированная, а не непонятный произволъ дѣйствія.

XXV.

О типахъ души.

Установка душевныхъ типовъ для педагога очень важна, такъ какъ она приблизитъ его къ воспитываемымъ. Знакомство съ основными душевными явленіями и процессами есть знакомство съ почвой, на которой будетъ совершаться работа педагога; но педагогъ имѣетъ дѣло не съ общими душевными явленіями, а съ личною мыслительностью, чувствованіями и волею образуемыхъ. Слѣдовательно отъ общаго ему нужно перейти къ конкретному. Вотъ для того, чтобы умѣть разбираться въ конкретномъ душевномъ мірѣ, ему и важно ученіе о душевныхъ типахъ. Конечно, типы нѣчто общее; но, сравнительно съ общечеловѣческими душевными процессами, они представляютъ нѣчто болѣе частное и приближаютъ педагога къ образуемымъ. Обыкновенно каждый педагогъ самъ создаетъ себѣ ученіе о душевныхъ типахъ, такъ какъ для него необходимо раздѣлять воспитываемыхъ на группы, характеризовать ихъ, отдавать себѣ отчетъ въ свой-

ствахъ группъ. А результатомъ такой работы и будутъ самодѣльные душевные типы. Поэтому ученіе о душевныхъ типахъ идетъ какъ разъ на встрѣчу существеннымъ нуждамъ педагога. Мы разсмотримъ сначала ученіе о душевныхъ типахъ нѣсколькихъ русскихъ изслѣдователей, а потомъ нѣсколькихъ иностранныхъ. Изъ русскихъ обратимъ вниманіе на труды двухъ изслѣдователей—П. Ф. Лесгафта и А. С. Виреніуса.

П. Ф. Лесгафтъ хотѣлъ точно разграничить тѣ области явленій, которыя обозначаются словами: темпераментъ, типъ и характеръ, устранить путаницу, существующую между этими терминами, и такимъ образомъ содѣйствовать болѣе обстоятельному изученію природы образуемыхъ. Задача серьезная, сложная и въ то-же время весьма трудная для разрѣшенія. Характеръ разсужденій Лесгафта по этимъ вопросамъ — догматическій, онъ утверждаетъ и развиваетъ свою точку зрѣнія, не подвергая критическому разсмотрѣнію другіе взгляды.

По его мнѣнію, съ указанными терминами нужно соединять такой смыслъ: темпераментъ обозначаетъ силу и быстроту проявленія дѣйствій и желаній, а также силу и быстроту чувствованій. Темпераментъ зависитъ отъ строенія кровеносныхъ сосудовъ, питанія и температуры, онъ врожденъ, рано обнаруживается у дѣтей, но можетъ измѣняться отъ конституціальныхъ измѣненій организма. Темпераментовъ пять—обычные четыре съ прибавкой нормальнаго).

Разсматривая это ученіе о темпераментахъ, мы замѣчаемъ слѣдующее: 1) темпераментъ понимается психологически исключительно со стороны внѣшней, какъ извѣстная степень силы и быстроты въ проявленіи чувствованій, желаній и дѣйствій. Всякое качество, всякое содержаніе устраняется изъ понятія темперамента. Между тѣмъ обычно въ сферу темперамента вносятся и нравственные и умственные и волевые элементы, темпераменты считаются опредѣляющими не только силу и быстроту проявленія душевныхъ явленій, но и самыя эти душевныя явленія, ихъ свойства. Такъ Фуллье утверждаетъ, что для опредѣленія и раздѣленія темпераментовъ мы должны обратить вниманіе на взаимное отношеніе интеграціи (накопленія, сочетанія) и дезинтеграціи (траты, разъединенія) въ организмѣ вообще и въ нервной системы въ частности. Тогда получатся темпераменты, характеризующіеся сбереженіями, и темпераменты, характеризующіеся тратой,

[1]) Лесгафтъ, Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. Часть II. Спб. 1890 г. Стр. 6, 21—22, 26—27, 125—126.

одни съ преобладаніемъ интеграціи, другіе съ преобладаніемъ дезинтеграціи. Это будутъ темпераменты чувствительные и активные. Вѣроятно, что обѣ функціи, и чувствительная и двигательная, заключаютъ въ себѣ, въ одно и тоже время, какъ интеграцію, такъ и дезинтеграцію; но не подлежитъ сомнѣнію, что чувствительная функція, въ своихъ главныхъ результатахъ, благопріятствуетъ болѣе интеграціи, въ то время, какъ двигательная функція благопріятствуетъ болѣе дезинтеграціи. Другое, дополнительное, основаніе для раздѣленія темпераментовъ есть интенсивность и быстрота реакціи, вслѣдствіе чего и получатся темпераменты: чувствительный съ быстрой реакціей и чувствительный съ интенсивной реакціей; дѣятельный темпераментъ съ быстрой и интенсивной реакціей и дѣятельный темпераментъ съ медленной и мало интенсивной реакціей, не считая еще смѣшанныхъ темпераментовъ [1]).

2. Если допустить указываемое значеніе термина темпераментъ, какъ обозначеніе силы и быстроты проявленія чувствованій, желаній и дѣйствій, то остается непонятнымъ, почему исключено изъ области темперамента проявленіе умственной дѣятельности со стороны ея быстроты и силы? Различіе душевныхъ явленій по быстротѣ и силѣ есть принадлежность не только чувствованій, желаній и дѣйствій, но и умственныхъ процессовъ. Обыкновенно темпераменты считаются заключающими въ себѣ особенности въ быстротѣ и силѣ и умственныхъ процессовъ. Объективныхъ основаній для пониманія темперамента въ смыслѣ Лесгафта нѣтъ никакихъ, они не указываются, а такое пониманіе просто утверждается, утверждается же потому, что всѣ различія людей въ умственномъ отношеніи относятся Лесгафтомъ къ типу.

3. Лесгафтъ утверждаетъ, что строеніе и форма сердца и сосудовъ должны имѣть несомнѣнное значеніе въ отношеніи силы и быстроты дѣйствій и желаній каждаго лица, а также въ отношеніи развитія его чувствованій, или его темперамента. Сосуды же можно различать на сосуды большого и малаго колибра, съ толстыми и тонкими стѣнками, что, безъ сомнѣнія, имѣетъ отношеніе къ быстротѣ и силѣ протекающей по нимъ струи крови. Но сила и быстрота теченія крови имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ питанію, слѣдовательно и къ силѣ и энергіи, какія могутъ обнаружить ткани человѣческаго тѣла, и къ связаннымъ съ ними ощущеніямъ и чувствованіямъ. Отсюда получается пять темпераментовъ: 1) малый просвѣтъ сосудовъ, толстыя стѣнки, сильное и

[1]) Темпераментъ и характеръ. Пер. Линда. Москва. 1896 г. Стр. 18, 19, 27 и др.

быстрое проявленіе, холерическій темпераментъ; 2) малый просвѣтъ сосудовъ, тонкія стѣнки, быстрое, но слабое проявленіе, сангвиническій темпераментъ; 3) большой просвѣтъ сосудовъ, толстыя стѣнки, медленное, но сильное проявленіе, меланхолическій темпераментъ; 4) большой просвѣтъ сосудовъ, тонкія стѣнки, медленное и слабое проявленіе, флегматическій темпераментъ; 5) средняя толщина и средній просвѣтъ сосудовъ, нормальный темпераментъ.

Нѣкоторыя доказательства за связь между строеніемъ кровеносной системы и темпераментами Лесгафтъ приводитъ, напримѣръ, что страданія сердца и сосудистой системы, а также симпатической нервной системы, имѣющей непосредственное отношеніе къ сосудамъ, всегда сопровождаются измѣненіями темперамента лица. Точно также измѣненія кровеносныхъ сосудовъ съ возрастомъ влекутъ измѣненія въ темпераментахъ и т. п. На основаніи этихъ доводовъ слѣдуетъ признавать связь между строеніемъ кровеносныхъ сосудовъ и темпераментами. Но есть ли необходимость всѣ различія темпераментовъ объяснять исключительно различіями въ строеніи кровеносныхъ сосудовъ? Въ этомъ можно сомнѣваться, припоминая многочисленныя попытки соединить темпераменты съ какими либо особенностями въ строеніи организмовъ: съ четырьмя соками или жидкостями тѣла—кровью, флегмой или слизью, черною желчью и желтою желчью (Гиппократъ); съ четырьмя стихіями и четырьмя основными качествами, связанными съ ними: теплomъ, холодомъ, влажностью и сухостью (Галенъ); съ большею или меньшею плотностью тканей и ихъ раздражительностью (Шталь и Галлеръ); съ преобладающими органами—легкихъ, груди, печени и др., темпераменты „черепные“, „грудные“, и „брюшные“, мускульный, нервный (Тома, Кабанисъ); съ дѣятельностью нервной системы исключительно (Циммерманъ, Гале, Вундтъ); съ химическимъ составомъ и теплотой крови (двѣнадцать темпераментовъ Маріо Пило); съ соотношеніями и видомъ разрушительныхъ и созидательныхъ измѣненій при отравленіяхъ организма, съ преобладаніемъ накопленія (интеграціи) въ темпераментахъ чувствительномъ и легкомысленномъ, чувствительномъ и глубокомъ, и съ преобладаніемъ расхода (дезинтеграціи) въ темпераментахъ дѣятельномъ и пылкомъ, дѣятельномъ и холодномъ (Фулье). Послѣ всѣхъ такихъ попытокъ трудно обольститься гипотезой объ исключительной зависимости темпераментовъ отъ толстоты стѣнокъ кровеносныхъ сосудовъ и величины ихъ просвѣта.

Душевный типъ, по мнѣнію Лесгафта, опредѣляется степенью

сознательнаго отношенія къ окружающей средѣ и нравственнымъ развитіемъ, т. е. отношеніемъ къ правдѣ. Другими словами, типъ дитяти зависитъ только отъ степени умственнаго и нравственнаго его развитія; сознательность и правдивость—главныя характерныя явленія въ типѣ [1]). Такое опредѣленіе душевнаго типа нельзя не признать совершенго произвольнымъ и не отвѣчающимъ дѣйствительности. Типъ нельзя опредѣлять свойствами только двухъ сторонъ человѣческаго существа, умственной и нравственной, онъ зависитъ отъ характера всѣхъ свойствъ личности и ихъ взаимоотношенія. Развѣ можно характеризовать типъ, совсѣмъ упуская изъ вида его физическія свойства, вліяніе физическихъ свойствъ на духовныя? Очевидно, нельзя. Да и самъ Лесгафтъ, опредѣливъ типъ только двумя свойствами—сознательностью и правдивостью, потомъ говоритъ о зависимости типа и отъ физическаго развитія. Для характеристки типа важны сила и быстрота проявленій душевной жизни даннаго лица, а эти свойства и по Лесгафту зависятъ отъ физическихъ качествъ личности. Затѣмъ, нельзя не поразиться упущеніемъ въ характеристикѣ типовъ волевыхъ свойствъ, необычайно важныхъ въ каждой психикѣ. Что за душевный типъ безъ волевыхъ свойствъ? Это прямо дѣло невозможное. У Лесгафта такая странная постановка дѣла объясняется тѣмъ, что онъ всѣ волевыя особенности людей отнесъ къ характеру, характеръ есть проявленіе воли. Но никакихъ основаній за то, что типъ нужно понимать только какъ сочетаніе сознательности и правдивости, онъ не привелъ.

Не ограничиваясь указаніемъ, какъ нужно понимать типъ, Лесгафтъ характеризовалъ подробно нѣсколько школьныхъ типовъ. На этой его работѣ, имѣющей практическое значеніе, мы нѣсколько остановимся [2]).

Авторъ отмѣчаетъ слѣдующіе четыре типа, характеристику и происхожденіе которыхъ онъ и развиваетъ: лицемѣрный, честолюбивый, добродушный, забитый. Послѣдній подраздѣляется на забитый—злостный, забитый—мягкій и угнетенный. Обыкновенно авторъ ведетъ дѣло такимъ образомъ: сначала характеризуетъ типъ. Напримѣръ, добродушный типъ описывается такъ: добродушный ребенокъ—тихій, спокойный, внимательно слѣдящій за окружающими явленіями. На первыхъ порахъ въ классѣ, вслѣдствіе множества новыхъ впечатлѣній, онъ не совсѣмъ владѣетъ своимъ вниманіемъ; но мало по малу его интересъ къ умственной

1) Семейное воспитаніе ребенка. Стр. 107.

2) См. его Школьные типы. Антропологическій этюдъ. СПБ. 1884 г. и позднѣйшія изданія въ его „Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе"—СПБ., 1890 г.

работѣ и собственная дѣятельность возрастаютъ, если обученіе отвѣчаетъ его силамъ. На свою внѣшность добродушный ребенокъ обращаетъ мало вниманія, онъ простъ и даже неловокъ; съ товарищами, особенно угнетенными чѣмъ-нибудь, сближается легко. Онъ отличается наклонностью къ разсужденію о фактахъ, съ которыми знакомится, но съ своими отвѣтами не лѣзетъ впередъ. Провинившись въ чемъ-нибудь, онъ искренно сознается и ни въ какомъ случаѣ не допуститъ, чтобы за него пострадалъ другой. Обвиненный несправедливо, онъ скорѣе промолчитъ, но товарища никогда не выдастъ; невинно обвиненнаго готовъ защищать горячо. Вообще это ребенокъ добрый и любящій, простой и искренній, нежадный, хорошо и мягко относящійся къ низшимъ и прислуживающимъ. Если такого ребенка начинаютъ тѣснить регламентаціями, угрозами, наказаніями, то онъ превращается въ безпокойнаго невыносимаго ребенка, бросаетъ занятія, выставляетъ въ каррикатурномъ видѣ учителей и воспитателей и вообще нравственно опускается. Добродушныя дѣти нерѣдко отличаются недостаткомъ настойчивости въ дѣйствіяхъ, мягкостью и уступчивостью нрава, иногда неподвижностью и даже лѣнью.—Очертивъ типъ, авторъ далѣе указываетъ тѣ обстоятельства, которыя создаютъ его. Условія образованія добродушнаго типа слѣдующія: тихая, спокойная, въ особенности деревенская, жизнь, любящая добрая мать или другое близкое ребенку лицо, отсутствіе наказаній, похвалъ и т. п. вещей въ отношеніяхъ къ ребенку. Ребенокъ пользуется полной свободой, ко всѣмъ его нуждамъ и требованіямъ относятся съ полнымъ вниманіемъ, отказы объясняютъ, ему ничего не навязываютъ, не втолковываютъ, не вбиваютъ насильно. Вся обстановка его проста и чужда искусственности—игры и занятія онъ отыскиваетъ себѣ самъ. Все время до школы онъ проводитъ свободно, безъ навязанныхъ занятій. Указавъ условія, благопріятствующія образованію типа, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію связи тѣхъ обстоятельствъ, которыя способствуютъ созданію извѣстнаго типа, и свойствами самого типа. Неизысканная и даже неряшливая внѣшность добродушнаго ребенка объясняется тѣмъ, что ему не приходилось встрѣчаться съ предметами роскоши и различными украшеніями, разсчитанными на привлеченіе къ себѣ большого вниманія; правдивость, съ которой къ нему постоянно относились, не дозволяетъ добродушному ребенку казаться другимъ, чѣмъ каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; привычка распоряжаться своимъ временемъ, медленно и спокойно заниматься своимъ дѣломъ. мѣшаетъ ему безъ протеста войти въ школьную рутину, зазубривать безъ всякаго разсужденія всевозможныя знанія по приказу и т. д

Приведенный примѣръ обработки авторомъ поставленной задачи показываетъ, что онъ относится къ ней вполнѣ разумно и серьезно. Вообще работа автора производитъ очень хорошее впечатлѣніе и есть, несомнѣнно, цѣнный вкладъ въ педагогическую литературу.

Присматриваясь ближе къ очерченнымъ типамъ, прежде всего поражаешься слѣдующимъ недоумѣніемъ: почему авторъ взялъ указанные четыре типа, а не какіе-либо другіе? Почему онъ взялъ ихъ именно четыре, а не три и не пять? Развѣ указанными типами исчерпываются всевозможные или, по крайней мѣрѣ, всѣ главные, основные типы дѣтей? Очерченные типы дѣйствительно ли суть главные, основные дѣтскіе типы? Авторъ думаетъ, что его типы дѣйствительно основные и исчерпывающіе въ главномъ разновидности дѣтей. Мы можемъ заключать это изъ того, что, намѣчая свою задачу, авторъ, говоритъ, что онъ „намѣренъ представить нѣсколько *главныхъ* типовъ дѣтей“ (стр. 3); добродушный типъ онъ называетъ „третьимъ *основнымъ* типомъ“ (41), всѣ вообще свои типы „выдающимися“ (стр. 122). Но если мы кому-нибудь скажемъ, что дѣти бываютъ или лицемѣрныя или честолюбивыя или добродушныя или забитыя, каждый усумнится, что мы перечислили всѣ главные типы дѣтей. Нѣкоторую разгадку высказаннаго недоумѣнія даютъ, впрочемъ, слова автора на послѣдней страницѣ его книги (123): „рядомъ приведенныхъ типовъ желательно было только выяснить себѣ осуществленіе идеи лжи со всѣми ея видоизмѣненіями—въ лицемѣрномъ типѣ, осуществленіе идеи первенства или величія—въ честолюбивомъ, идеи правды—въ добродушномъ и идею гнета—во всѣхъ остальныхъ типахъ“. Этимъ идеямъ авторъ придаетъ такое важное значеніе, что, по его мнѣнію, намѣченные имъ типы могутъ имѣть существенное значеніе только тогда, „когда мы будемъ въ состояніи выяснить себѣ значеніе ихъ и идею, лежащую въ основаніи этихъ формъ и проявленій, которую они осуществляютъ“ (123).

Едвали приведенныя слова могутъ удовлетворить читателя, но всю работу автора они освѣщаютъ весьма своеобразнымъ свѣтомъ. Изъ этихъ словъ, брошенныхъ на послѣдней страницѣ труда, оказывается, что авторъ изучаетъ дѣтскіе типы не спроста, что они ему важны не сами по себѣ. Если читатель до сихъ поръ думалъ, что авторъ поставилъ своей задачей безпристрастное и чисто научное изученіе дѣтства; что его цѣль—рядомъ наблюденій надъ отдѣльными дѣтскими личностями создать типы дѣтей, очертить разновидности дѣтской природы, ея склада, показать условія ихъ происхожденія и правильнаго отношенія къ нимъ,

то все это нужно теперь оставить, все это не настоящая цѣль автора, не конечная, а только подготовительная, особенной важности не имѣющая. Онъ стремится къ болѣе высокимъ задачамъ, онъ пытается въ дѣтскихъ типахъ усмотрѣть осуществленіе нравственно-метафизическихъ идей, идей лжи, правды, величія, гнета. Дѣти отходятъ на задній планъ и на первый выступаютъ идеи; что ребенокъ имѣетъ такой-то душевный и физическій складъ, это собственно не важно, а важно знать, какая идея осуществилась въ этомъ складѣ дѣтской натуры. Можетъ быть, такая задача и возвышенна; но не думаемъ, чтобы подобная постановка изслѣдованія была полезна и даже научна; примѣсь къ простому психолого-педагогическому анализу, или къ „антропологическому этюду", метафизическихъ элементовъ едва ли можетъ принести добрые плоды.

Присматриваясь къ указаннымъ типамъ, мы замѣчаемъ слѣдующее: два типа характеризуются преимущественно нравственными качествами—лицемѣрный и честолюбивый, три типа—со стороны вліянія первоначальнаго воспитанія на дѣтей—забитый злостный, мягкій, угнетенный, и одинъ типъ обозначается свойствами болѣе общими—добродушный, хотя и въ этомъ типѣ есть нѣкоторый частный спеціальный оттѣнокъ, пріурочивающій его болѣе къ разновидностямъ нравственнаго дѣтскаго склада. Мы не говоримъ, чтобы авторъ характеризовалъ свои типы исключительно заглавными чертами, лицемѣрный типъ только лицемѣріемъ, честолюбивый честолюбіемъ и т. д., у него есть и общая характеристика типовъ, имѣющихъ такое спеціальное обозначеніе, есть указанія на свойства всей ихъ психической личности; но тѣмъ не менѣе преобладающая существенная черта типа, его красная нить, на которую нанизываются всѣ другія свойства, есть заглавное свойство, въ лицемѣрномъ лицемѣріе, въ честолюбивомъ честолюбіе и т. д. Такая постановка характеристики типовъ едвали можетъ быть признана правильной. Типъ, несомнѣнно, есть вещь сложная, представляетъ собою извѣстное сочетаніе и энергію главнѣйшихъ душевныхъ процессовъ; въ сочетаніи основныхъ психическихъ дѣятельностей и ихъ энергіи и заключается сущность типа. Когда же намъ въ типическихъ изображеніяхъ дѣтей даютъ такія картины, въ которыхъ основныя психическія дѣятельности, ихъ сочетаніе и энергія составляютъ отдаленный только фонъ, типъ же главнымъ образомъ характеризуется частными чертами, заимствованными или изъ спеціально нравственной сферы, или изъ вліяній первоначальнаго воспитанія, тогда мы утверждаемъ, что сдѣлана ошибка: существенному, основному придано второстепенное значеніе, а не суще-

ственное поставлено на первый планъ. Еслибы мы стали характеризовать физическіе типы дѣтей такъ: у этого длинныя руки, у того сильное развитіе груди, у третьяго крѣпкіе мускулы, причемъ дали бы довольно неопредѣленную и неясную картину ихъ общаго физическаго здоровья, то наши типы были бы навѣрно признаны недостаточными, не характерными. Положимъ, названныя черты, можемъ быть, выдающіяся въ физическомъ складѣ ребенка, бросающіяся въ глаза, но отсюда еще нельзя заключить, что онѣ въ то же время суть и самыя существенныя для характеристики физическаго типа. Человѣкъ съ длинными руками можетъ быть и силенъ, и слабъ, и способенъ, и не способенъ переносить физическія лишенія, и здоровъ, и боленъ и т. д. Точно также, когда намъ говорятъ, что вотъ этотъ ребенокъ лицемѣренъ, этотъ честолюбивъ, а изъ тѣхъ двухъ одинъ простодушенъ, а другой забитъ, мы психическую физіономію ребенка понимаемъ неясно, потому что наше вниманіе привлекаютъ прежде всего къ частнымъ свойствамъ, къ спеціальнымъ чертамъ.

Лицемѣріе, честолюбіе, простодушіе и забитость не могутъ быть признаны основными первичными свойствами типовъ, опредѣляющими собою другія черты тѣхъ же типовъ; напротивъ, они суть слѣдствія, результаты другихъ чертъ типовъ, дѣйствительно основныхъ и первоначальныхъ. Особенно ясно это видно на забитомъ типѣ. Забитость есть результатъ вліянія воспитанія и обстановки на личность. Но что такое личность помимо этого вліянія? Нельзя же сказать, что она сама по себѣ ничто, потому что забивающаго воспитанія въ примѣненіи къ ней могло и не существовать, а она сама осталась бы. Одна и та же воспитываемая личность, поставленная въ различныя условія, по существу, дастъ одинъ и тотъ же результатъ; различныя личности, поставленныя въ одинаковую воспитательную обстановку, дадутъ различные результаты. То же самое угнетающее воспитаніе однихъ воспитываемыхъ дѣйствительно подавитъ, обезличитъ, а другихъ нѣтъ, напротивъ даже вызоветъ въ нихъ развитіе необычайной упругости и внутренней силы; одни угнетенные могутъ оказаться просто угнетенными, т.-е, раздавленными, разслабленными, обезличенными, а другіе къ угнетенности присоединятъ злобу къ угнетателямъ и угнетающей системѣ. Сказать, что вотъ эти дѣти забиты, значитъ мало охарактеризовать этихъ дѣтей. Нужно еще выяснить, а почему же они оказались забитыми, почему забиты въ такой, а не иной степени. А для отвѣта на подобные вопросы нужно на первый планъ поставить анализъ ихъ психической личности, нужно ярко освѣтить ихъ свойства помимо забитости и въ этихъ-то

свойствахъ раскроется намъ внутренняя природа личности, ея типическія черты. О лицемѣріи, честолюбіи, простодушіи нужно сказать то же самое. Даже взрослаго человѣка едва ли мы достаточно охарактеризуемъ, когда приведемъ его характеристику къ одной существенной чертѣ—честолюбію. Честолюбе есть, конечно, довольно видная страсть и можетъ давать тонъ дѣятельности человѣка, окрашивать ее въ одинъ цвѣтъ; но въ честолюбіе и взрослый человѣкъ, самый честолюбивѣйшій, не уложится, у него останется много другихъ сторонъ и интересовъ, подчасъ не менѣе характерныхъ, чѣмъ честолюбіе. А вѣдь въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о дѣтяхъ, личностяхъ еще не устоявшихся, у которыхъ страсти, свойственныя взрослому, еще далеко не такъ сильны и вліятельны. Неужели дѣтскую-то натуру мы достаточно опредѣлимъ, наклеивъ на нее ярлычекъ съ надписью: честолюбивый? При какомъ сочетаніи основныхъ психическихъ элементовъ возможно появленіе честолюбія? Вѣдь не изъ каждой же дѣтской натуры можно сдѣлать честолюбца. Нашъ авторъ говоритъ, что честолюбивый типъ развивается при двухъ различныхъ условіяхъ: вслѣдствіе соревнованія—это болѣе чистый типъ—и вслѣдствіе постоянныхъ похвалъ и восхищенія достоинствами ребенка. Но во всякомъ случаѣ нужно признать, что изъ дѣтей, подвергшихся вліянію соревнованія и получившихъ обильное количество похвалъ, не всѣ выходятъ честолюбцами. Самъ авторъ говоритъ, что изъ ребенка, котораго мать ласкаетъ, постоянно предупреждаетъ всѣ его желанія, не можетъ наглядѣться на него, можетъ развиться или честолюбивый или мягкій забитый типъ. Значитъ, въ складѣ воспитываемой личности есть что-то такое, что или предрасполагаетъ, или препятствуетъ развитію честолюбія, какъ скоро встрѣтятся благопріятныя ему воспитательныя условія. Это что-то, эти особенности психическаго склада дѣтей мало выяснены нашимъ авторомъ. А безъ нихъ характеризовать дѣтскіе типы трудно.

Характеризуя лицемѣрный типъ, авторъ приписываетъ ему такія свойства, что назвать его просто лицемѣрнымъ очень мало а слѣдовало бы обозначить какъ грубо эгоистическій, жестокій и даже не нормальный. По автору, дитя этого типа „во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется только личною выгодою и совершенно безучастно къ требованіямъ или страданіямъ другихъ, даже самыхъ близкихъ ему лицъ. Только что увидѣвъ страданія и мученія, причиненныя имъ другимъ, оно можетъ спокойно заснуть безмятежнымъ сномъ“; „идеаловъ у него нѣтъ, къ пониманію идеи правды и любви оно не подготовлено, у него нѣтъ вѣры и вообще ничего святого. Сдерживать его можетъ только

физическая сила и боль, чего онъ болѣе всего опасается... Привязанности у него нѣтъ ни къ кому; при удаленіи его изъ родной семьи нельзя замѣтить даже признака грусти" и т. д. Одинъ изъ ненормальныхъ складовъ людей, людей съ „низшею мозговою организаціею", психіатрами описывается такъ: „безучастные ко всему благородному и прекрасному, глухіе ко всѣмъ добрымъ движеніямъ сердца, эти несчастные дефективные люди уже съ ранняго возраста поражаютъ недостаткомъ дѣтской и родственной любви, отсутствіемъ всякихъ соціабельныхъ влеченій, холодностью сердца, равнодушіемъ къ счастію и стараніямъ самыхъ близкихъ имъ людей, полнымъ безучастіемъ къ вопросамъ общественной жизни" [1]).—Честолюбивому типу авторъ почему-то во чтобы то ни стало хочетъ отказать въ самостоятельномъ творчествѣ, хотя честолюбіе не можетъ ограничиваться одною исполнительностью; логически честолюбіе не только не исключаетъ творчества, но, напротивъ, требуетъ его. Что это за честолюбіе, которое высшей своей цѣлью ставитъ покорное слѣдованіе мыслямъ и планамъ другого лица? А по автору именно выходитъ такъ. Честолюбивыя дѣти „хорошіе исполнители, но самостоятельно примѣнять своихъ знаній они не умѣютъ"; „становясь взрослымъ и являясь общественнымъ дѣятелемъ, честолюбецъ въ лучшемъ случаѣ можетъ быть внѣшне-дѣловымъ, исполнительнымъ, знающимъ человѣкомъ, всегда отличающимся самоувѣренностью, отсутствіемъ оригинальности и творческихъ идей. Это—хорошій буржуа" и т. д. Подобныя утвержденія противорѣчатъ и исторіи, представляющей намъ много примѣровъ сочетанія величайшаго честолюбія и высшаго творчества, и ежедневнымъ наблюденіямъ каждаго. Цезарь и Наполеонъ были, конечно, великіе честолюбцы, и честолюбіе, несомнѣнно, сильно вліяло на ихъ дѣятельность. Неужели это были только „хорошіе буржуа?" Обижая честолюбцевъ, лишая ихъ творческой способности, авторъ за то шедро награждаетъ добродушныхъ несокрушимою стойкостью и самостоятельностью. „Это лица, говоритъ онъ, не знающія личныхъ выгодъ и интересовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они никогда не будутъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ или ихъ слугами; они служатъ только выработаннымъ ими принципамъ и идеямъ, за которые твердо стоятъ и часто страдаютъ". И, непосредственно за такой характеристикой, авторъ говоритъ: „недостатокъ настойчивости въ дѣйствіяхъ, мягкость и уступчивость нрава, а иногда просто неподвижность и даже лѣнь дѣлаютъ возможнымъ, что лица такого типа часто недостаточно противо-

[1]) Дриль, Малолѣтніе преступники. Вып. , стр. 64.

дѣйствуютъ злу". Намъ кажется, что первая часть характеристики добродушнаго типа не совсѣмъ согласна со второй.

Характеръ, по Лесгафту, есть проявленіе воли, основанное на истинахъ, выясненныхъ и твердо установленныхъ разумомъ, проявленіе на основаніи разумныхъ истинъ индивидуальной самостоятельной дѣятельности. Умѣнье проявлять свою волю съ личною эгоистическою цѣлью и выгодой, не руководствуясь при этомъ понятіемъ о правдѣ, есть физическій или реальный характеръ лица; индивидуальныя субъективныя проявленія воли, направляемыя правдой, выражаются нравственнымъ характеромъ. Характеръ развивается позже всего [1]).

Такимъ образомъ характеръ, по Лесгафту, есть волевое проявленіе. Но если характеръ есть только волевое проявленіе, то, очевидно, онъ есть одинъ изъ элементовъ или одинъ изъ направленій волевой дѣятельности, а потому нечего и создавать особый отдѣлъ психологіи — ученіе о характерѣ, все ученіе о характерѣ войдетъ въ ученіе о волѣ. Если же ученіе о характерѣ въ психологіи выдѣляется изъ ученія о волѣ, то потому, что этому термину дается болѣе широкій смыслъ, не покрывающійся элементами воли, захватывающій другія свойства и дѣятельности. Этотъ смыслъ есть совокупность всѣхъ особенностей, отличающихъ одного человѣка отъ другого, а не только волевыхъ. Поэтому Фуллье, напримѣръ, различаетъ характеры чувствительные, умственные и волевые [2]). Термины характеръ и типъ по своему смыслу совпадаютъ. Далѣе, характеръ, или по крайней мѣрѣ, одинъ его видъ — нравственный, руководится истинами, установленными разумомъ, или правдой. Но о правдѣ уже была рѣчь при характеристикѣ типа, утверждалось, что типъ опредѣляется нравственнымъ развитіемъ, т. е. отношеніемъ къ правдѣ. Теперь и характеръ опредѣляется тѣмъ же, т. е. отношеніемъ къ правдѣ. Это обстоятельство не свидѣтельствуетъ о логичности опредѣленій, смыслъ терминовъ сливается. Вообще у Лесгафта въ опредѣленіяхъ темперамента, типа, характера и ихъ взаимоотношеній недостаетъ логической ясности и твердости (см., напримѣръ, стр. 107—108. Семейнаго воспитанія ребенка). А для многихъ еще вопросъ: слѣдуетъ-ли, по примѣру Гербарта, связывать характеръ и нравственность, утверждать, что полный характеръ получится только тогда, когда онъ будетъ нравственнымъ? Не представляетъ ли намъ исторія многихъ дѣятелей,

---

[1]) Семейное воспитаніе ребенка. Стр. 85, 124, 125, 126.

[2]) Темпераментъ и характеръ. Книга вторая.

которые не отличались нравственностью, но которымъ въ характерѣ отказать трудно?

Главнѣйшіе выводы изъ критическаго разсмотрѣнія взглядовъ Лесгафта слѣдующіе два: 1) что три термина: темпераментъ, типъ и характеръ должны быть соединены въ одинъ по своему смыслу, обнимающему всю совокупность особенностей, отличающихъ людей другъ отъ друга, и физическихъ и духовныхъ. Эта совокупность особенностей, по нашему мнѣнію, съ удобствомъ можетъ быть обозначена словомъ типъ; 2) что такъ какъ свойства, характеризующія типъ, различны, то слѣдуетъ постоянно искать связи между ними, наблюдать, не влечетъ ли одно свойство вслѣдъ за собой другое, а отсутствіе какого либо отсутствіе другихъ. Это самая существенная задача при изслѣдованіи душевныхъ типовъ.

А. С. Виреніусъ, на основаніи своихъ многолѣтнихъ наблюденій надъ учащимся юношествомъ, пришелъ къ тому заключенію, что при изученіи личности слѣдуетъ различать такія четыре основы ея: тѣлосложеніе, темпераментъ, характеръ и основныя умственныя способности. Наблюдая учащагося съ анатомической стороны, онъ пришелъ къ убѣжденію, что имѣется четыре главныхъ типа тѣлосложенія, соотвѣтственно четыремъ основнымъ тканямъ человѣческаго тѣла. Эти ткани слѣдующія: соединительная (клѣтчатка), эпителіальная, мышечная и нервная. Отъ преобладанія въ количественномъ или качественномъ отношеніи той или другой изъ этихъ тканей зависитъ особенность тѣлосложенія, его высокое или низкое качество въ анатомическомъ и физіологическомъ отношеніи. Самая низкая по достойнству, хотя и весьма важная для жизни организма, ткань есть клѣтчатка, связывающая и сдерживающая въ опредѣленномъ отношеніи всѣ существенныя органы тѣла; за ней идетъ эпителіальная, покрывающая поверхность и полости тѣла; самыя цѣнныя и высшія ткани—мышечная и особенно нервная. Люди клѣтчатковаго тѣлосложенія отличаются не только плохой приспособляемостью къ разнообразнымъ вліяніямъ среды, но и недостаточной силой противодѣйствія вреднымъ вліяніямъ. Клѣтчатковое тѣлосложеніе присуще субъектамъ низкаго уровня тѣлеснаго развитія, мало годнымъ для борьбы за существованіе. Общественныя группы съ преобладаніемъ такихъ субъектовъ обречены на жалкое существованіе, на вѣчное подчиненіе грубой силѣ, на вѣчное тѣлесное и духовное рабство.—Эпителіальная ткань болѣе совершенна, дифференцирована и жизненна, чѣмъ клѣтчатка. Лица эпителіальнаго тѣлосложенія обыкновенно нѣжны, чувствительны, отличаются живымъ блескомъ глазъ, тонкою

кожею, значительной подвижностью, но быстрою утомляемостью. Эпителіальное тѣлосложеніе, сравнительно съ клѣтчатковымъ, свойственно лицамъ болѣе высокаго уровня тѣлеснаго развитія, болѣе годнымъ на борьбу за существованіе. Соціальныя группы съ преобладаніемъ лицъ такого тѣлосложенія способны на болѣе или менѣе самостоятельное существованіе, на противодѣйствіе грубой силѣ и животному рабству. Эпителіальная организація составляетъ специфическую особенность женщины, какъ мышечная организація—специфическую особенность мужчины.—Мышцы составляютъ почти половину вѣса тѣла (40—45%), а по объему превосходятъ всѣ остальныя органическія системы. Преобладаніе въ тѣлѣ мышечной ткани представляетъ во всѣ возрасты большія преимущества, вызывая повышенный обмѣнъ веществъ, большую жизнерадостность, доставляя тѣлесное и духовное удовлетвореніе. Настоящіе мышечные субъекты сильны, энергичны, отлично приспособляются ко всѣмъ условіямъ окружающей среды и противодѣйствуютъ вреднымъ болѣзненнымъ вліяніямъ. Общественныя группы съ преобладаніемъ лицъ мышечнаго тѣлосложенія намѣчены самой судьбой на долгое существованіе. Онѣ способны къ продолжительной и упорной борьбѣ, къ отстаиванью своихъ правъ и убѣжденій.—Нервная ткань самая совершенная, самая жизненная, это первая ткань въ ряду всѣхъ тканей, она главенствуетъ въ мірѣ физическомъ и духовномъ, поэтому и лица нервнаго тѣлосложенія являются избранниками судьбы, главарями повсюду, въ семьѣ и обществѣ. Нервная ткань, развиваясь и отправляя свои функціи, способствуетъ тѣмъ самымъ развитію и дѣятельности другихъ тканей. Такъ, благодаря напряженной умственной работѣ, повышается и тѣлесная дѣятельность, увеличивается динамометрическая сила. Нервая ткань составляетъ специфическую особеннось возмужалаго возраста и мужскаго пола. Другіе возрасты и женскій полъ обнаруживаютъ лишь зачатки и слабыя степени этой ткани. Общественныя группы съ преобладаніемъ лицъ нервнаго тѣлосложенія обладаютъ тѣми же качествами, какъ и группы мышечныхъ субъектовъ, но въ болѣе высокій степени.

Дѣтскому возрасту свойственно соединительно—тканное или клѣтчатковое тѣлосложеніе, отроческому—эпителіальное, юношескому—мышечное и возмужалому—нервное. Осложненіе любого изъ нихъ несоотвѣтствующею ему тканью нежелательно, когда оно происходитъ на счетъ ткани низшаго порядка; мало желательно осложненіе и тканью высшаго порядка. Тѣлосложеніе дается природой, но можетъ видоизмѣняться воспитаніемъ, т. е.

пріобрѣтать черты, то свойственныя, то несвойственныя возрасту. Замедленіе или спѣшность въ дѣлѣ воспитанія влечетъ нарушенія въ ростѣ и развитіи тканей, характеризующихъ возрастъ. Обнаруженіе въ числѣ учащихся дѣтей значительнаго числа лицъ эпителіальнаго или мышечнаго тѣлосложенія, вмѣсто клѣтчатковаго, въ числѣ учащихся отроковъ многихъ лицъ нервнаго, а не эпителіальнаго сложенія есть явленіе ненормальное и столь же нежелательное, какъ и появленіе въ числѣ учащихся юношей большого числа лицъ эпителіальнаго сложенія или въ числѣ отроковъ лицъ клѣтчатковаго тѣлосложенія.

Четыремъ типамъ тѣлосложенія соотвѣтствуютъ четыре темперамента, четыре типа характеровъ и четыре основныя умственныя способности, такъ что человѣкъ параллельно развивается въ четырехъ направленіяхъ.

Получается такая табличка основъ личности:

Тѣлосложеніе.	Темпераментъ.	Характеръ.	Основныя умственныя способности.
Клѣтчатковое.	Флегматическій или Индиферентный.	Индиферентный.	Память.
Эпителіальное.	Сангвинической.	Эмоціальный.	Интересъ.
Мышечное.	Холерической.	Активный.	Вниманіе.
Нервное.	Меланхолической.	Интеллектуальный.	Пониманіе [1]).

Изложенная теорія разработана авторомъ весьма неравномѣрно. Психологическая сторона—основныя умственныя способности—взята авторомъ изъ психологическихъ трудовъ проф. Грота, но изложена весьма неудовлетворительно. Между основными умственными процессами пропущены процессы наблюденія и творческіе, интересъ и вниманіе раздѣлены совершенно искусственно, такъ что получаются существенный пропускъ и дѣленіе недѣлимаго. Теорія характеровъ взята у Бэна и къ ней прибавленъ индиферентный характеръ. Темпераменты принимаются обычные, съ маленькимъ измѣненіемъ. Остается только самостоятельное разсужденіе о четырехъ типахъ тѣлосложенія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ новой попыткой вывести всѣ особенности тѣлосложенія изъ преобладанія одного какого либо элемента—мысль не новая. Доказана такая попытка недостаточно. Авторъ ссылается на свои

[1]) А. С. Виреніусъ. Характеристика учащаюся. Тѣлосложеніе. темпераментъ и характеръ въ пору школьнаго возраста. СПБ. 1904 г. Стр. 4—7, 11, 15, 17, 21, 25, 31—35, 117 и др.

многолѣтія наблюденія, но всѣ наблюденія требуютъ повѣрки. А своихъ наблюденій авторъ не сообщаетъ. Есть у него какой либо статистическій матеріалъ? Въ чемъ онъ состоитъ? Это неизвѣстно, авторъ о немъ не говоритъ. Слѣдовательно провѣрять его нельзя, нечего, остается вѣрить или не вѣрить. Притомъ встрѣчаются значительныя неясности: что это значитъ—преобладающее клѣтчатковое, эпителіальное и т. д. сложеніе, въ чемъ именно сказывается преобладаніе, какъ его опредѣлить точно, по возможности, въ цифрахъ? На этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ, а вслѣдствіе этого въ существенно важномъ пунктѣ получается неясность, темнота. Авторъ сообщаетъ (37 стр.), что чистымъ, безпримѣснымъ нервнымъ тѣлосложеніемъ отличаются весьма многіе евреи, чистымъ мышечнымъ—многіе англичане, эпителіальнымъ—нѣкоторые германцы и клѣтчатковымъ—довольно многіе представители славянской расы. Что это—собственныя наблюденія автора или повтореніе избитыхъ фразъ? Авторъ утверждаетъ, что женщинамъ свойственны лишь зачатки и слабыя степени нервной ткани (стр. 36), а гдѣ доказательства на это? Ихъ нѣтъ. А между тѣмъ авторъ такъ смѣлъ, что рѣшается утверждать, что по одному тѣлосложенію можно, пожалуй, безошибочно предсказать ходъ исторіи любого народа, будущность его побѣдъ или пораженій на почвѣ цивилизаціи, или, точнѣе, на почвѣ тѣлеснаго здоровья и духовнаго благосостоянія его гражданъ (стр. 58).

Въ примѣненіи къ воспитанію авторъ утверждаетъ, что задача педагога, очевидно, должна состоять въ культивированіи мышечной и нервной системы предпочтительно предъ клѣтчатковой и эпителіальной, если не въ ущербъ этимъ послѣднимъ (стр. 58), причемъ замѣчаетъ, что къ классическому образованію болѣе подходятъ субъекты клѣтчатковаго и эпителіальнаго тѣлосложенія, а къ реальному—мышечнаго и нервнаго (стр. 53).

Изъ иностранныхъ изслѣдованій о типахъ души мы остановимся также на двухъ—Рибо и Малапера. Разсмотрѣніе другихъ не представляется необходимымъ.

Рибо [1]) своей классификаціей типовъ старается перебросить мостъ отъ общихъ психологическихъ соображеній и началъ къ отдѣльнымъ лицамъ, съ которыми всѣмъ приходится имѣть дѣло въ практикѣ жизни. Поэтому, указавъ основныя начала типовъ, онъ опредѣляетъ ихъ роды, виды, разновидности и заканчиваетъ указаніемъ на замѣны цѣлыхъ типовъ или, такъ называемые имъ, субституты, частичные характеры или типы. Классификація очень стройная и логическая. Присмотримся къ ней.

[1]) Психологія чувствованій. Пер. съ франц. М. Гольдсмитъ. Спб. 1898 г. Гл. XII.

Основами характеровъ или типовъ Рибо признаетъ единство, т. е. всегда одинаковый способъ дѣйствія, подчиненіе всѣхъ дѣйствій одной цѣли, и устойчивость, которая есть не что иное, какъ единство, продолженное во времени. Относительно единства нужно прибавить оговорку. Каждому человѣку приходится жить и дѣйствовать въ различныхъ сферахъ: онъ есть самостоятельная, замкнутая личность и членъ общества, семьи, какой либо корпораціи, учрежденія. Онъ преслѣдуетъ разныя цѣли и вращается между различными людьми. Единство дѣятельности, главенство одной цѣли можетъ быть лишь весьма относительнымъ. Человѣку поневолѣ приходится разбрасываться, вслѣдствіе чего фактически въ каждомъ человѣкѣ сидитъ два, а то и три человѣка, преслѣдующіе особыя, болѣе или менѣе самостоятельныя и независимыя одна отъ другой, цѣли.

При классификаціи типовъ авторъ выбрасываетъ вонъ изъ классификаціи безчисленное множество людей, называемыхъ имъ аморфными и неустойчивыми, т. е. не имѣющихъ указанныхъ имъ основъ характера. У этихъ лицъ, будто бы, нѣтъ „какого бы то ни было особаго, свойственнаго имъ, индивидуальнаго склада и отпечатка", „въ нихъ нѣтъ ничего врожденнаго", „они представляютъ собою не голосъ, а эхо, и становятся такими или иными, смотря по обстоятельствамъ", „они являются исключительно продуктами обстоятельствъ, среды, воспитанія, вліянія людей и окружающихъ предметовъ". Ихъ легіонъ.—Нельзя не удивиться такому разсужденію, несвойственному ученому психологу. Безчисленное множество людей объявляется лишеннымъ образа и подобія человѣческаго, въ нихъ, изволите видѣть, нѣтъ ничего индивидуальнаго, врожденнаго, своего, они эхо и пр. Но какъ же это возможно безчисленному количеству людей не имѣть людскихъ свойствъ? Не только послѣдній мужикъ и рабочій, но и послѣдній хулиганъ имѣетъ и нѣчто врожденное и индивидуальное и есть голосъ, а не эхо. Это только въ старыхъ исторіяхъ писалось, что настоящіе люди—короли и полководцы, а народныя массы, легіоны людей—это, не имѣющее ничего своего, человѣческое тѣсто, изъ котораго короли и полководцы лѣпятъ, что имъ заблагоразсудится. Для созданія классификаціи типовъ нужно руководиться не старинными сказаніями древнихъ историковъ, а наблюдать живыхъ людей, и тогда окажется, что каждый человѣкъ, если онъ не сидитъ въ домѣ для душевнобольныхъ, владѣетъ человѣческимъ характеромъ, выраженнымъ подчасъ не ярко, тускло. Но характеръ у каждаго непремѣнно есть.

Роды характеровъ, по Рибо, бываютъ троякіе: чувствитель-

ные, дѣятельные и апатичные. Относительно этого дѣленія нужно, прежде всего, замѣтить, что основа дѣленія здѣсь двойная, качественная—чувствительность и дѣятельность—и количественная—апатичность, т. е. пониженіе чувствительности и дѣятельности ниже средняго уровня. Разсужденіе о душевныхъ типахъ съ точки зрѣнія энергіи, напряженности чувствительности и дѣятельности намъ представляется правильной точкой зрѣнія и рѣшительно необходимой; но эти двѣ основы классификаціи такъ опредѣленно и нужно указать, а не подсовывать втихомолку апатичныхъ. Причемъ, если принимается такая точка зрѣнія, то почему же указывать только апатичныхъ, у которыхъ чувствительность и дѣятельность ниже средняго уровня, а не указать еще среднихъ, съ умѣренной чувствительностью и дѣятельностью, и такихъ, у которыхъ чувствительность и дѣятельность выше средняго уровня? Не приведено никакихъ основаній къ тому, чтобы изъ трехъ ступеней напряженія дѣятельности и чувствительности необходимо было избрать только одну—апатичность.

Говоря о типахъ чувствительномъ и дѣятельномъ, Рибо пропускаетъ типъ умственный, неслучайно, а сознательно и намѣренно. Онъ полагаетъ, что первичными элементами характера служатъ аффективныя состоянія и движенія, они составляютъ первую глубокую основу типа, умственныя же свойства суть послѣдующее наслоеніе. Въ основѣ всякаго животнаго лежитъ „влеченіе“ въ смыслѣ Спинозы и „воля“ въ смыслѣ Шопенгауэра, т. е. чувствованіе и дѣйствованіе, а не мысль. Умъ такимъ образомъ не представляетъ собою основного элемента характера, онъ только свѣтъ, но не жизнь, а слѣдовательно и не дѣятельность. Слишкомъ сильное умственное развитіе часто ведетъ за собою атрофію характера, изъ чего открывается независимость ихъ другъ отъ друга.

Съ изложеннымъ мнѣніемъ согласиться невозможно. Выше, при изслѣдованіи вліянія ума на волю, были приведены факты, доказывающіе и прямое, непосредственное и косвенное вліяніе ума на движенія и поступки. Поэтому утвержденіе, что умъ есть не жизнь и не дѣятельность совершенно неправильно. Къ тому же мы встрѣчаемъ много лицъ, душевная жизнь которыхъ явно характеризуется преобладаніемъ умственной дѣятельности надъ чувствованіемъ и волей, для которыхъ мышленіе есть существенная и совершенно естественная потребность, которыя безъ мышленія чувствуютъ себя неудовлетворенными; есть лица, которыхъ глубоко занимаетъ самая игра мыслей, которыя мыслятъ ради мышленія, которымъ дорого не знаніе, а его исканіе и способы

достиженія, и про которыхъ Паскаль сказалъ: „они не ищутъ истины но ищутъ исканія истины"; наконецъ, есть люди, для которыхъ мыслительность есть своеобразная страсть, которые всецѣло отдаются ей, для нея только и живутъ. Про Борда—Демулена его біографъ Гюэ говоритъ: „мыслить—это была его жизнь, его профессія. Его волновали лишь самыя широкія и высокія страсти: истина, человѣчество, Богъ". Бюффонъ говорилъ: „наша душа дана намъ только для познанія". Амперъ утверждалъ, что міръ существуетъ для того, чтобы давать пищу умамъ. Такихъ людей бываетъ довольно, они жертвуютъ научнымъ изысканіямъ всѣмъ, а иногда даже не заботятся объ обнародованіи тѣхъ результатовъ, къ какимъ пришли, не издаютъ своихъ трудовъ. Куда же мы дѣнемъ эти типы (напримѣръ, Спинозу), запишемъ ихъ въ чувствительные или волевые?

При опредѣленіи видовъ типовъ Рибо даетъ мѣсто и умственной дѣятельности. Виды чувствительнаго типа у него слѣдующіе: скромные, созерцательные и эмоціальные. Всѣ три вида характеризуются присоединеніемъ къ чувствительности или посредственнаго ума (скромные), или значительнаго умственнаго развитія (созерцатели), или интеллектуальной утонченности и положительной дѣятельности (эмоціональные). Виды дѣятельнаго типа—дѣятели посредственные, кондотьеры и великіе дѣятельные типы—опредѣляются, между прочимъ, и умственными различіями, а равно и виды апатичныхъ, среди которыхъ есть чисто апатичные и не чисто апатичные, гдѣ „присутствіе сильнаго ума все измѣняетъ", гдѣ „первыми двигателями являются идеи", гдѣ „уму принадлежитъ верховная роль". Представляется логически не совсѣмъ сообразнымъ сочетаніе апатичности, т. е. малой чувствительности и малой дѣятельности, съ сильнымъ умомъ, т. е. съ сильной дѣятельностью умственною. Веньяминъ Франклинъ, этотъ „геній благоразумнаго разсчета", фигурируетъ у Рибо въ разрядѣ апатичныхъ.

Кромѣ видовъ типовъ есть еще разновидности: чувствительно-дѣятельные, апатично-дѣятельные, апатично—чувствительные и умѣренные. Сверхъ разновидностей типовъ допускаются еще частичные типы или субституты, которые представляютъ собою аморфныхъ съ какою либо умственною или аффективною склонностью.

О частностяхъ классификаціи Рибо мы считаемъ излишнимъ разсуждать.

Малаперъ [1]) тѣмъ выгодно отличается отъ другихъ изслѣ-

[1]) Элементы характера и законы ихъ сочетаній. Перев. съ 2-го франц. изд. Бюссель. Москва, 1913.

дователей душевныхъ типовъ, что онъ обращаетъ серьезное вниманіе на задачи такого изслѣдованія и его методологію. Онъ отчетливо сознаетъ, что главнѣйшая задача изслѣдователя душевныхъ типовъ заключается въ изслѣдованіи связи тѣхъ элементовъ, сочетаніемъ которыхъ образуется типъ. Можно ли объяснить чистой случайностью, что всѣ различные элементы типа сошлись въ этомъ типѣ? Можетъ ли, напримѣръ, чувствительность одного типа встрѣчаться въ сочетаніи съ умомъ или волей, характерными для другого типа? Есть ли постоянная связь между чертами даннаго типа? Можно ли думать, что извѣстныя черты имѣютъ какъ бы наклонность встрѣчаться всегда въ сочетаніи другъ съ другомъ, тогда какъ другія, наоборотъ, какъ бы избѣгаютъ соединяться и чувствуютъ другъ къ другу нѣчто въ родѣ непреодолимаго отвращенія? На эти вопросы Малаперъ отвѣчаетъ указаніемъ на дѣятельность въ образованіи типовъ двухъ законовъ: соотношенія и подчиненія. Законъ соотношенія выражаетъ собой тотъ фактъ, что извѣстныя формы наблюдаются всегда совмѣстно, или отсутствуютъ совмѣстно, или измѣняются совмѣстно: тамъ, гдѣ имѣется на лицо одна изъ этихъ формъ, можно ожидать встрѣтить и другія. Опредѣленная форма зуба влечетъ за собой опредѣленную форму мыщелка, лопатки, ногтей точно также ноготь, лопатка, мыщелокъ, бедро предполагаютъ опредѣленную форму зуба, и по каждой изъ этихъ костей, взятыхъ отдѣльно, можно опредѣлить форму зуба или форму всѣхъ остальныхъ костей. Значитъ, всѣ эти части обусловливаютъ собой другъ друга, составляя до извѣстной степени одно неразрывное цѣлое. Эти черты можно назвать соотносительными, т. е. взаимно—связанными.

Законъ подчиненія дѣйствуетъ нѣсколько по другому. Такая-то главная черта не влечетъ за собой неизбѣжно такую-то второстепенную, подчиненную, но ту или другую второстепенную черту изъ опредѣленнаго числа второстепенныхъ чертъ. Напримѣръ, животное позвоночное можетъ имѣть одну изъ четырехъ или пяти различныхъ формъ аппаратовъ кровообращенія, пищеваренія, воспроизведенія и т. п., но оно не можетъ имѣть какую либо другую форму этихъ аппаратовъ, кромѣ какъ одну изъ указанныхъ четырехъ или пяти. Съ другой стороны, каждая изъ этихъ формъ возможна только тамъ, гдѣ есть система позвонковъ. Такимъ образомъ, зная, что данное животное — позвоночное, мы не знаемъ еще, есть ли это животное млекопитающее; зная, что это животное млекопитающее, мы еще не знаемъ, есть ли это животное плотоядное; зная что оно плотояд-

ное, мы еще не знаемъ, есть ли это животное хищное и т. д. Но не наоборотъ: если это животное хищное, то оно непремѣнно и плотоядное и млекопитающее и позвоночное.

Такимъ образомъ законы соотношенія и подчиненія дополняютъ другъ друга. Помощью перваго мы опредѣляемъ самые типы, помощью второго—іерархію этихъ типовъ. Подобными же законами управляется сочетаніе элементовъ въ душевномъ типѣ, только эти законы безконечно менѣе точны въ области психологіи, чѣмъ въ области зоологіи [1]).

Это разсужденіе очень хорошо, но самое важное—осуществленіе его на дѣлѣ при характеристикѣ типовъ. Между тѣмъ, при фактическомъ изслѣдованіи типовъ, законы соотношенія и подчиненія остаются въ сторонѣ, а начинается простое описаніе типовъ и много-много нѣкоторый анализъ ихъ чертъ. Слѣдовало бы стараться разъяснить, почему съ такой-то чертой встрѣчается постоянно такая-то другая, а отсутствуетъ такая-то; или что вотъ эта черта главная, а эти зависящія отъ нея второстепенныя. На самомъ дѣлѣ такихъ разъясненій нѣтъ, а есть простое фактическое описаніе, что, по наблюденіямъ автора, типы имѣютъ вотъ такія-то черты. А почему такія, а не другія — неизвѣстно, нѣтъ даже и попытокъ къ выясненію ихъ внутренней связи, а потому можетъ оказаться и дѣйствительно бываетъ, что другіе изслѣдователи характеризуютъ тѣ же типы нѣсколько по другому, по своему, иными чертами, на основаніи своихъ наблюденій, и разобраться, кто изъ нихъ правъ, а кто неправъ, или оба они правы, или оба неправы, чрезвычайно трудно, даже почти невозможно. Природа слишкомъ богата и разнообразна въ сочетаніяхъ свойствъ, и до тѣхъ поръ. пока мы не поймемъ внутренней логической связи между сочетаемыми свойствами, до тѣхъ поръ одинъ наблюдатель будетъ опровергать и противорѣчить другому. А Малаперъ смиренно и наивно спрашиваетъ (стр. 113): но зачѣмъ же вѣчно стремиться объяснять? Если мы можемъ констатировать, то и это уже есть кое-что. Да, конечно, но констатированіе фактовъ есть низшая форма научнаго изслѣдованія. Впрочемъ мы совсѣмъ не намѣрены обвинять Малапера за то, что онъ останавливается въ самомъ началѣ изслѣдованія—вопросъ о душевныхъ типахъ сложный, трудный, и настоящихъ научныхъ изслѣдованій въ этой области еще нѣтъ, они дѣло будущаго.

По замѣченію самого Малапера (стр. 185), его классификація типовъ есть соединеніе въ одно цѣлое классификацій Рибо и

[1]) Часть II, гл. I, стр. 111—113.

Фулье и имѣетъ такой видъ [1]) различаются шесть типовъ—апатичные, аффективные, умственные, активные, уравновѣшенные (умѣренные) и волевые. Каждый типъ подраздѣляется:

- Апатичные
  - Чисто апатичные.
  - Умные апатичные, отвлеченно мыслящіе.
  - Активные—апатичные.
- Аффективные
  - Чувствительные
    - Чувствительно—пассивные.
    - Чувствительные живые.
  - Эмотивные.
    - Эмотивно-меланхолическіе.
    - *Эмотивно*-импульсивные.
  - Страстные.
- Умственные
  - Умственные—
    - Диллетанты.
    - Страстные.
  - Аффективные.
  - Расчетливые. (отвлеченные)
- Активные.
  - Активно-посредственные.
  - Возбужденные.
  - Великіе дѣятели (Люди большихъ дѣлъ).
- Уравновѣшенные (умѣренные)
  - Аморфные.
  - Высшіе уравновѣшенные.
- Волевые
  - Владѣющіе собой
    - Типы борцовъ.
    - Уравновѣшенные.
  - Люди дѣйствія.

Въ классификаціи Малапера, какъ и Рибо, два начала: качественное и количественное. Оба начала проведены у Малапера шире и обстоятельнѣе, чѣмъ у Рибо, у Малапера есть не только всѣ роды и виды Рибо, но и новые, напр. умственные, рядомъ съ активными—волевые, особый родъ уравновѣшенные или умѣренные (о которыхъ, впрочемъ, упоминалъ и Рибо) и множество новыхъ видоизмѣненій. Относительно различенія активныхъ и волевыхъ нужно сказать, что въ немъ мало нужды. Ставить наряду съ типами чувствительнымъ и умственнымъ активный и волевой не годится, это не роды типовъ, даже не виды, а подвиды. Нужно взять одинъ какой либо въ коренные, но никакъ не оба. А то невольно возникаютъ вопросы: активно-посредственные (рода-активные) владѣютъ собой или не владѣютъ.? (Это свойство Малаперомъ причисляется къ волевымъ). Кажется, отчего бы имъ не владѣть собой, а тогда активные сольются съ волевыми. Точно также почему люди дѣйствія относятся къ волевымъ, а не къ активнымъ? Типы борцовъ относятся къ волевымъ, а люди большихъ дѣлъ къ активнымъ. Почему не наоборотъ, или почему оба

[1]) Часть II, гл. IV. Стр. 221– 222.

не къ одному и тому же роду? Все это не ясно и довольно произвольно. Въ родѣ апатичныхъ у Малапера есть активно-апатичные, т. е. сочетаніе прямо противорѣчащихъ признаковъ. Количественное начало въ классификаціи Малапера представлено апатичными и уравновѣшенными. Эти два рода душевныхъ типовъ могли бы быть пополнены нѣкоторыми видами изъ классификаціи Перэ, построенной на степени энергіи движеній: характеры живые, медленные, горячіе и ихъ сочетанія [1]).

Можно считать въ настоящее время установленнымъ, что душевные типы возникаютъ при разсмотрѣніи душевныхъ явленій съ двухъ точекъ зрѣнія: качественной и количественной. Съ качественной точки зрѣнія типы бываютъ чувствительные, волевые и умственные, причемъ каждый типъ подраздѣляется, вслѣдствіе преобладанія такого или другого вида чувствительности, воли и ума въ типѣ и вслѣдствіе примѣси къ данному основному характерному свойству чертъ другихъ типовъ, въ большей или меньшей мѣрѣ. Различеніе типовъ по качеству на три вида обусловливается тѣмъ фактомъ, что разнокачественная дѣятельность человѣка въ концѣ концовъ истекаетъ изъ общей органической энергіи человѣка, и эта энергія не нѣчто безграничное, а имѣетъ опредѣленный размѣръ, не одинаковый для разныхъ личностей. Расходъ энергіи на дѣятельность въ одномъ направленіи неизбѣжно сокращаетъ силу и длительность ея проявленій въ другихъ направленіяхъ, вслѣдствіе чего и является преобладающимъ одно какое либо качество въ дѣятельности человѣка, служащее основаніемъ того или другого качественнаго типа. Только особо одаренныя личности могутъ обнаруживать одинаково напряженную дѣятельность въ нѣсколькихъ направленіяхъ одновременно. Съ количественной точки зрѣнія типы бываютъ апатичные, медленные, быстрые. Къ этимъ двумъ установившимся, въ той или другой формѣ, точкамъ зрѣнія, для полноты и ясности дѣла, нужно прибавить еще три, болѣе частнаго характера: 1) характеристику типовъ съ физической точки зрѣнія, другими словами, выясненіе анатомо-физіологическихъ свойствъ типа, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, оказываютъ сильное вліяніе на психическія свойства. Для этого слѣдуетъ воспользоваться тѣми положительными данными, которыя заключаются въ ученіи о темпераментахъ; 2) разсмотрѣніе типовъ по степени сложности. Основныя душевныя явленія общи всѣмъ людямъ, но разныя частныя направленія и высокія степени развитія далеко не всѣмъ. Каждый

[1]) B. Perez, Le Caractere de l'enfanta l'homme. Paris 1892 г.

человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ богатый или бѣдный психически, и это богатство или бѣдность — характерныя свойства личности, а слѣдовательно и типовъ. Отчасти эта точка зрѣнія обогатитъ число типическихъ видовъ съ качественной стороны, а отчасти можетъ послужить къ созданію новыхъ родовъ типовъ; 3) слѣдуетъ прямо дополнить роды типовъ новымъ ихъ распредѣленіемъ съ генетической точки зрѣнія на самобытные и сдѣланные. Эта точка зрѣнія важна и съ психологической стороны, но особенно съ педагогической. Безъ всякаго сомнѣнія есть люди, которые суть то, что они суть, не вслѣдствіе воспитанія, вліянія обстоятельствъ, заботъ другихъ, а вслѣдствіе природы. Можетъ быть, объ ихъ воспитаніи никто не заботился, а, можетъ быть, они остались сами собой вопреки воспитанію и всякимъ вліяніямъ. Это такіе люди, отъ которыхъ все отскакиваетъ, которые остаются сами собой при всѣхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, нравственно чистыми, если они таковы по природѣ, живя въ грязной, развращающей средѣ, или которыхъ, наоборотъ, цѣлая уйма воспитателей не въ состояніи отучить отъ ихъ дурныхъ привычекъ и которые среди самого добродѣтельнаго общества остаются глубоко порочными. Что природа имъ дала, то все въ цѣлости у нихъ и сохраняется всю жизнь. Ихъ никто не образовывалъ и не воспитывалъ: ни люди, ни окружающая среда, ни даже они сами, ихъ сполна образовала природа. Другіе представляютъ полную противоположность первымъ—они сдѣланы, образованы, у нихъ если не все, то очень многое не свое, а чужое, привитое къ нимъ, всаженное, вдолбленное. Эти-то люди называются нерѣдко человѣческимъ тѣстомъ, которое лѣпятъ другіе, придавая ему желаемую форму. Извѣстно, что дѣти легче поддаются внушеніямъ, чѣмъ взрослые, но тѣмъ не менѣе и между дѣтьми есть стойкія, не подпадающія силѣ внушенія. Это дѣти изъ первой группы, о которой мы говоримъ. Дѣти различаются по рѣшительности своихъ сужденій: одни судятъ неувѣренно, съ колебаніями и оговорками, другіе—прямо, безъ всякихъ обиняковъ и сомнѣній, какъ ножемъ обрѣзываютъ; одни бываютъ самоувѣренными, за все берущимися, для которыхъ нѣтъ ничего невозможнаго и даже труднаго, другія—склонны къ подчиненію, къ недовѣрію себѣ, испытываютъ часто упадокъ духа; одни идутъ сами, другихъ нужно вести. Изъ дѣтей второй категоріи, получившихъ достаточное образованіе и живущихъ умственною жизнью, выростаютъ такіе взрослые, про которыхъ составлено слѣдующее четверостишіе:

Что ему книга послѣдняя скажетъ,
То на душѣ его сверху и ляжетъ.
Вѣрить, не вѣрить—ему все равно,
Лишь бы доказано было умно.

Послѣдній видъ людей — сдѣланныхъ — можетъ быть подраздѣленъ на сдѣланныхъ другими, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и на самообразовавшихся, въ которыхъ главная черта—собственная самодѣятельность. Ихъ никто не дѣлалъ, ни природа, ни люди, они сами себя сдѣлали, сами работали надъ собой и мало по малу отлили себя въ извѣстную форму. Это люди самодѣльные, не только самоставящіе цѣли для своей внѣшней дѣятельности, но и для образованія своей личности, и сами же эту личность и образующіе. Природа и воспитаніе для такихъ людей только средства для развитія собственной самодѣятельности. Съ педагогической точки зрѣнія послѣдній типъ людей, лѣпящихъ самихъ себя и физически и нравственно, есть наивысшій (онъ можетъ быть совсѣмъ не наивысшимъ психологически), и педагоги должны стремиться къ тому, чтобы размножать этотъ благородный и благодарный въ педагогическомъ смыслѣ типъ.

Само собой разумѣется, что въ дѣйствительности трудно отыскать такихъ лицъ, про которыхъ можно сказать, что это—исключительно самобытныя личности, это—всецѣло сдѣланныя, а третьи—только себѣ обязаны своей формировкой. Въ большей или меньшей степени эти три элемента совмѣстны въ каждой личности, рѣчь можетъ итти лишь о преобладаніи одного изъ этихъ элементовъ и, сообразно съ характеромъ элемента, о соотвѣтствующемъ типѣ. Вообще чистыхъ типовъ ни въ какомъ отношеніи не бываетъ, а есть только типы смѣшанные. Поэтому въ классификаціяхъ какихъ бы то ни было типовъ отдѣльное подраздѣленіе: „смѣшанный типъ“ должно быть исключено.

Высшимъ типомъ душевной жизни не можетъ быть признаваемъ какой либо отдѣльный типъ, съ рѣзкимъ преобладаніемъ какого либо одного свойства—умственный, чувствительный, волевой. Все это типы болѣе или менѣе односторонніе, а для педагога и, съ широкой точки зрѣнія, для каждаго человѣка наиболѣе цѣннымъ типомъ представляется многосторонній гармоническій типъ, въ которомъ правильно, цѣлесообразно сочетались всѣ основныя свойства души человѣческой. Мы знаемъ, что нѣкоторые опредѣляютъ типъ, какъ извѣстное отношеніе къ правдѣ, а нѣкоторые высшей формой характера признаютъ нравственный характеръ. Намъ кажется, что такой взглядъ одностороненъ и узокъ, это есть постановка частной, хотя и очень важной, черты

на мѣсто общей и коренной. Мы высоко цѣнимъ нравственныя начала, но не можемъ втиснуть всю душевную жизнь въ нравственную дѣятельность. Первая несравненно шире и многосложнѣе второй, уложить первую во вторую это значитъ уложить ее на прокрустово ложе. Напримѣръ, мы понимаемъ, что „люди большихъ страстей не тоже самое, что люди сильной воли". Да, страсти сильно возбуждаютъ человѣка, напрягаютъ всѣ его способности въ опредѣленномъ направленіи, придаютъ всей его дѣятельности единство, устойчивость и необыкновенную энергію. Но все это только на время, когда страсть владѣетъ человѣкомъ, и по отношенію къ предмету страсти. Но человѣкъ всегда, даже и въ періодъ страсти, живетъ не однимъ интересомъ, а нѣсколькими; а страсти къ тому же не вѣчны. Одна страсть можетъ смѣнить другую. Притомъ страсти недостаточно разумны и широки, онѣ захватываютъ человѣка крѣпко, но лишаютъ нерѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ широты взгляда, разумности, онѣ очень односторонни. Въ періодъ страсти человѣкъ въ плѣну, не онъ господинъ себя, онъ не свободенъ, онъ прикованъ къ идолу страсти и поверженъ предъ нимъ. Воля разумно-нравственная гораздо выше, тверже и систематичнѣе страсти, какъ руководительница человѣческихъ дѣйствій, но и она, какъ спеціально нравственная, одностороння и не можетъ всюду и всегда руководить человѣкомъ. Въ научной работѣ, въ художественномъ творчествѣ, въ выработкѣ самосознанія своего я и уваженія къ себѣ, въ воспитаніи въ себѣ духа самодѣятельности и настойчивости и при другихъ многихъ явленіяхъ нравственная точка зрѣнія оказывается неприложимой, слишкомъ спеціальной и узкой; втиснуть всего человѣка ни въ какую спеціальную рамку нельзя, какъ бы она важна ни была. Нравственныя начала должны имѣть и осуществлять всѣ люди, но требовать, чтобы всѣ люди превратились въ монаховъ и проповѣдниковъ добродѣтели невозможно. Человѣкъ долженъ стремиться гармонически сочетать въ себѣ всѣ основныя свойства человѣческой души, въ томъ числѣ и религіозно-нравственныя, онъ долженъ развиваться, жить и дѣйствовать, какъ многостороннее, разнокачественное и многогранное существо, а не вытягивать себя по принятому шаблончику и схемѣ, съ вытравленіемъ или утѣсненіемъ нѣкоторыхъ свойствъ своей человѣческой природы.

XXVI.

Существенныя черты психическаго развитія ребенка.

Первый годъ жизни.

Психическое развитіе человѣка совершается въ тѣсной связи съ физическимъ ростомъ, всякими измѣненіями въ тѣлесной жизни и подъ сильнымъ вліяніемъ послѣдней. Это вліяніе отчетливо видно уже въ первый годъ жизни человѣка.

Въ первые шесть мѣсяцевъ жизни у ребенка преобладаютъ физіологическіе растительные процессы надъ психическою жизнью; въ это время душа ребенка едва пробивается, едва просвѣчиваетъ сквозь физическій организмъ. Въ первый годъ жизни вообще чрезвычайно быстро совершается ростъ всѣхъ органовъ тѣла, увеличиваются ихъ вѣсъ, длина, объемы, при чемъ наибольшимъ это увеличеніе бываетъ на второмъ мѣсяцѣ жизни. Къ концу перваго мѣсяца вѣсъ увеличивается на $^1/_3$ первоначальной величины, къ концу полугодія бываетъ уже удвоеніе первоначальнаго вѣса, а къ концу перваго или къ началу второго года ребенокъ вѣситъ уже втрое больше, чѣмъ при рожденіи, и бываетъ въ полтора раза длиннѣе ростомъ. Чтобы достичь полнаго человѣческаго роста, тѣло новорожденнаго должно увеличиться въ три съ половиною раза и стать тяжелѣе почти въ двадцать разъ. Величина головы, съ рожденія до зрѣлаго возраста, учеличивается только вдвое, туловище—втрое, руки—вчетверо, а ноги—впятеро. Увеличеніе различныхъ органовъ совершается въ различныхъ процентныхъ отношеніяхъ и съ различною скоростью. Такъ мозгъ достигаетъ половины нормальнаго вѣса уже къ концу перваго года, а легкія послѣ одиннадцати лѣтъ [1]).

При чрезвычайно быстромъ обмѣнѣ веществъ въ дѣтскомъ организмѣ, при значительномъ возрастаніи всѣхъ органовъ, особенное значеніе въ жизни младенца должны получить органы, служащіе обмѣну, тѣ процессы, которыми получается и усвояется пища. Естественно поэтому, что въ періодъ младенчества органы пищеваренія, въ частности желудокъ, играютъ весьма видную роль, а между процессами—процессъ сосанія и затѣмъ перевариванія пищи. Въ первые шесть мѣсяцевъ жизни сосаніе есть глав-

---

[1]) *Миллеръ*. „Анатомическія и физіологическія особенности дѣтскаго организма“ Москва 1885 г. Стр. 161—163; Н. Оппенгеймъ, Развитіе ребенка, наслѣдственность и среда. Москва, 1913 г.; гл. II и III; Филипповъ, Анатомо-физіологическія свойства дѣтскаго организма (Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія Вып. XLII СБП. 1901 г.)

нѣйшій, существеннѣйшій актъ, такъ что за это время ребенокъ можетъ быть названъ сосущимъ существомъ, сосункомъ. Этотъ процессъ не только служитъ основой его физическаго роста и благополучія, но есть въ то же время и источникъ разныхъ душевныхъ волненій у сосунка.

Движенія сосанія совершаются прежде другихъ движеній, съ перваго дня жизни, и совершаются съ значительною опредѣленностью. Вскорѣ по рожденіи дитя раскрываетъ ротъ, высовываетъ язычокъ и начинаетъ сосать. Оно вообще часто раскрываетъ ротъ и сосетъ, что попадется: грудь, палецъ, пеленку. Ребенокъ повертываетъ головку, вытягиваетъ губы, стремится сосать все окружающее; свои пальцы онъ сосетъ съ наслажденіемъ, причмокивая; въ ваннѣ набираетъ воды; тащитъ въ ротъ, что попадется. За отсутствіемъ подходящихъ предметовъ для сосанія, подсасываетъ собственную нижнюю губу. Словомъ, весь міръ для младенца, вся вселенная—предметы для сосанія. Совершая этотъ процессъ въ первый день жизни недостаточно искусно и энергично, дитя уже со второго дня жизни сосетъ крѣпко и вполнѣ хорошо, а затѣмъ и съ большимъ азартомъ. Губы замѣщаютъ у младенца въ первое время жизни всѣ другіе органы, ознакомленіе съ предметами совершается съ помощью губъ: дитя все тащитъ въ ротъ. Не руки, не глаза, не уши служатъ орудіями изслѣдованія, а губы; что для губъ и для вкуса пріятно, то и хорошо, то и привлекаетъ,—все же прочее интересуетъ сравнительно мало. Изъ сосанія развиваются позднѣе другіе процессы, напр. поцѣлуи; первоначально дитя не цѣлуетъ, а сосетъ подставленную щеку или губы: оно вытягиваетъ свои губки и, вмѣсто поцѣлуя, подлизываетъ языкомъ. Словомъ, губы—преобладающій органъ у младенцовъ, сосаніе—преобладающій процессъ. Поэтому и выраженіе младенческаго лица бываетъ особенное, мимика сосанія оставляетъ на этомъ выраженіи глубокій слѣдъ.

Корень всѣхъ дѣтскихъ знаній и главнѣйшій источникъ первоначальныхъ чувствованій есть сосаніе и все, что сопряжено съ нимъ. Въ первое время жизни дитя спитъ очень много,—оно просыпается, чтобы сосать, а насосавшись, засыпаетъ вновь. Какое самое высшее удовольствіе ребенка въ первое время жизни? Сосать грудь. Грудь успокаиваетъ всѣ недуги и печали; расплакавшагося ребенка прикладываютъ къ груди—и онъ затихаетъ. Насосавшійся вдоволь ребенокъ бываетъ веселъ и доволенъ, потому что онъ удовлетворилъ главнѣйшему природному требованію — ввелъ въ организмъ матеріалъ, необходимый для обмѣна веществъ. Глазки насытившагося младенца блестятъ, щечки розо-

вѣютъ, онъ находится въ благодушномъ настроеніи. Вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ въ ребенка вливается жизненная энергія, которая и отражается пріятными чувствованіями.

Материнская грудь есть первый предметъ знанія ребенка. Въ то время, когда младенецъ плохо и мало видитъ, туго слышитъ, когда другіе его органы внѣшнихъ чувствъ развиты мало, въ это время дитя уже знаетъ питающую его грудь. Первая ассоціація, устанавливающаяся въ человѣческомъ умѣ, служащая краеугольнымъ камнемъ всего дальнѣйшаго знанія и умственнаго развитія человѣка, относится къ сосанію. На второй день жизни за младенцами замѣчается такой фактъ: дитя кричитъ; его берутъ на руки и прикладываютъ къ матери,—кричавшее дитя замолкаетъ. Если въ даваніи груди происходитъ нѣкоторое замедленіе, то дитя снова начинаетъ кричать; какъ скоро грудь дана, дитя сейчасъ же смолкаетъ и успокаивается. Такимъ образомъ уже на второй день жизни образуется ассоціація между сосаніемъ и сопутствующими ему дѣйствіями, ассоціація, одно начало которой способно успокоить кричащее дитя. Младенецъ еще рѣшительно не въ состояніи видѣть грудь, не въ состояніи слышать голосъ матери, обонятельныя раздраженія на него почти не дѣйствуютъ, а питающую его грудь онъ знаетъ, знаетъ помощію своихъ губъ, посредствомъ сосанія. Съ закрытыми глазами младенецъ тревожно ворочаетъ своею головкой, тычется носомъ, совершаетъ массу безпорядочныхъ движеній, ища грудь, пока не натолкнется на нее и не захватитъ сосокъ,—тогда онъ жадно начинаетъ сосать. Весь міръ для младенца въ первые мѣсяцы его жизни есть что-то хаотическое, смутное, неизвѣстное, и изъ этого хаоса опредѣленно выдѣляется одинъ предметъ—питающая грудь. Отсюда начинается все человѣческое знаніе, здѣсь корень всей науки. Материнская грудь есть источникъ, питающій не только тѣло дитяти, но и его душу, его умъ и его сердце, пробуждающій первые зародыши мыслей и чувствованій, полагающій основу всей психикѣ.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ дитяти первенство процесса сосанія и губъ исчезаетъ; главнѣйшимъ органомъ становится другой—рука, и первенствующимъ процессомъ—осязаніе. Всѣ органы внѣшнихъ чувствъ усиленно работаютъ въ первый годъ, и зрѣніе и слухъ и обоняніе постоянно раздражаются окружающими предметами, для дитяти все ново и все интересно; но можно утверждать, что ни одинъ органъ такъ сильно не работаетъ, какъ осязательный. Дѣти буквально испытываютъ осязательный голодъ, у нихъ въ рукахъ появляется какой-то нестерпимый зудъ, подъ давленіемъ котораго губы и сосаніе отодвигаются на второй

планъ, а первое мѣсто занимаютъ рука и осязаніе. Этотъ переворотъ совершается около полугода, такъ что во второмъ полугодіи младенецъ можетъ быть названъ уже не сосункомъ а хватающимъ существомъ, хватуномъ.

Дѣтскія ручки приходятъ въ дѣятельность очень рано, съ перваго дня жизни. Если новорожденному всунуть палецъ въ кулачокъ, то онъ схватываетъ палецъ, хотя скоро и разжимаетъ руку. Далѣе дѣятельность усложняется: дитя любитъ на свободѣ двигать своими ручками, и, если лишается свободы, то протестуетъ. Уже на второмъ мѣсяцѣ дитя, кормясь, охотно вытаскиваетъ ручонки и не прочь бываетъ поцарапать грудь кормилицы. Когда ручки прячутъ, дитя дѣлаетъ гримасы и долго урчитъ, недовольное тѣмъ, что руки лишены свободы. На пятомъ мѣсяцѣ дитя уже прямо начинаетъ шалить и баловать грудью: гладитъ ее рукою, царапаетъ ногтями, захватываетъ сосокъ пальцами и тянетъ его въ разныя стороны, при чемъ смотритъ мамкѣ или матери въ глаза и смѣется. Питающая грудь есть одна изъ первыхъ дѣтскихъ игрушекъ. На шестомъ мѣсяцѣ начинается преобладаніе руки надъ губами, которое становится тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ дальше идетъ время. Стремленіе все брать въ руки дѣлается все сильнѣе и сильнѣе; дитя ко всему тянется, все хватаетъ, по всему скребетъ пальчиками, особенно же по комнатнымъ обоямъ, стучитъ различными предметами по столу, хлопаетъ, гладитъ ручками рѣшительно по всѣмъ вещамъ, до которыхъ можетъ достать, даже по имѣющимъ угловатыя и острыя формы. Дитя часто машетъ въ воздухѣ ручкою то правой, то лѣвой, какъ будто хлопаетъ по невидимому предмету. Забирая въ руки предметъ, дитя теперь уже не всегда несетъ его ко рту, а часто довольствуется держаніемъ въ рукахъ, поглаживаніемъ и похлопываніемъ. Конечно, въ первое время дитя неувѣренно протягиваетъ ручки къ предметамъ, не умѣетъ ихъ захватывать и держать, но затѣмъ постепенно пріобрѣтаетъ нужное искусство и укрѣпляется въ немъ. Довольно долгое время ручки дѣйствуетъ совмѣстно: если одна движется, то движется и другая, хотя бы другой и не было нужды двигаться. Мало-по-малу каждая рука начинаетъ дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно, дитя получаетъ возможность держать по вещи въ каждой рукѣ. Въ то же время обнаруживается непреодолимое стремленіе всовывать свои пальчики во всевозможныя отверстія — въ замочныя скважины, щелки, въ ротъ и уши другимъ, въ дырки и прорѣхи платья, въ продранныя мѣста на обояхъ. Бродя по комнатамъ, дитя любитъ отыскивать различныя отверстія, отворять и затво-

рять всякіе шкапчики и дверцы, содержимое которыхъ, повертѣвъ въ рукахъ, выбрасываетъ тонъ. Перелистываніе книгъ, вставленіе ключей въ замки, вытаскиваніе изъ бутылокъ пробокъ, пересыпаніе гороха, переливаніе воды, всякая вообще дѣятельность, связанная съ движеніями рукъ, становятся самыми любимыми развлеченіями и играми. Къ концу перваго года и въ началѣ второго осязательный голодъ еще въ полномъ разгарѣ, непрерывный зудъ въ рукахъ еще продолжаетъ держаться.

Конечно, параллельно съ дѣятельностію рукъ развивается дѣятельность и другихъ органовъ внѣшнихъ чувствъ — зрѣнія, слуха, обонянія; но осязательно-мускульное чувство является преобладающимъ. Если можно говорить объ осязательномъ голодѣ, то можно говорить и о голодѣ зрительномъ, слуховомъ, обонятельномъ; но голодъ осязательный—наиболѣе острый и нестерпимый, вынуждающій на немедленное и разностороннее удовлетвореніе. Вслѣдствіе перевѣса рукъ надъ другими органами, и умъ дитяти бываетъ наполненъ преимущественно осязательными ощущеніями и представленіями,—это умъ рукъ, ногъ, туловища, пищеварительнаго органа, а не зрѣнія, слуха, обонянія. Послѣдніе элементы только дополняютъ первые.

Сосаніе и схватываніе—родственные процессы. Сосаніе есть осязательно-мускульный процессъ; онъ заключается въ дѣятельности губъ и затѣмъ пищеварительнаго органа, вызываемыхъ внѣшнимъ раздраженіемъ, въ данномъ случаѣ питающею грудью. Раздраженіе заключается въ соприкосновеніи посторонняго тѣла съ органомъ. При схватываніи сущность процесса та же—соприкосновеніе предмета съ захватывающимъ органомъ и, затѣмъ, осязательно-мускульное ощущеніе. На процессъ пищеваренія можно смотрѣть, какъ на спеціальный осязательный процессъ, сопутствуемый особыми ощущеніями—голода и сытости. Такимъ образомъ опредѣленіе младенца въ первое полугодіе его жизни, какъ преимущественно сосущаго существа, а во второе—какъ схватывающаго, по существу приводится къ одному главному свойству: въ первый годъ жизни преобладаетъ дѣятельность осязательно-мускульнаго органа, въ частности губъ и рукъ, а психическое развитіе за это время характеризуется преобладаніемъ осязательно-мускульныхъ ощущеній. Этотъ результатъ имѣетъ большое значеніе для пониманія общаго хода психическаго развитія дѣтей.

Осязательно-мускульное чувство есть основное и первичное по отношенію къ другимъ, на него можно смотрѣть, какъ на праотца другихъ, изъ него развиваются всѣ другіе. Обозрѣвая

обширное царство живыхъ существъ, мы замѣчаемъ, какъ многообразно измѣняются органы внѣшнихъ чувствъ, какъ они, по мѣрѣ упрощенія животныхъ, отпадаютъ и какъ, наконецъ, простѣйшія живыя существа представляютъ комки организованной матеріи, владѣющіе единственно осязательно-мускульными свойствами—соприкосновенія, втягиванія и всасыванія одинаково всею поверхностію, безъ какого-либо обособленія функцій по органамъ. Органовъ еще нѣтъ, они еще не возникли, они разовьются впослѣдствіи изъ первичнаго—осязающей и двигающейся органической матеріи. На развитіи отдѣльныхъ живыхъ существъ, напримѣръ, цыпленка, можно слѣдить постепенное возникновеніе и обособленіе отдѣльныхъ органовъ изъ первоначальнаго—кожи или вообще организованной матеріи.

Будучи первичнымъ органомъ въ эмбріологическомъ отношеніи, осязательно-мускульное чувство есть основное, главнѣйшее и въ психологическомъ. Посредствомъ этого органа получаются главнѣйшія понятія объ окружающемъ насъ мірѣ, о матеріи, о тѣлахъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, о формахъ и движеніяхъ, о сопротивленіи, о гладкости и шероховатости и т. п. Лица, лишенныя всѣхъ другихъ органовъ, кромѣ осязательно-мускульнаго, имѣютъ всѣ необходимыя свѣдѣнія объ окружающемъ мірѣ, могутъ жить въ немъ и, при заботахъ, достигать довольно значительнаго психическаго развитія. Такихъ лицъ, подвергнутыхъ тщательному изученію, было нѣсколько.

Въ виду того, что осязательно-мускульное чувство есть первичный органъ человѣка, становится понятнымъ, почему этотъ органъ имѣетъ преобладающее значеніе въ первый годъ жизни и почему два частные вида осязательно-мускульнаго процесса—сосаніе и схватываніе—выдвигаются на первый планъ среди другихъ процессовъ органической жизни. Пока прочіе органы достаточно разовьются и функціи ихъ достаточно опредѣлятся, осязательно-мускульный органъ уже дѣйствуетъ, закладывая основы всему дальнѣйшему развитію человѣка. Губы проявляютъ свою дѣятельность прежде всего, по связи съ питаніемъ человѣка, съ обмѣномъ веществъ; съ теченіемъ времени выдвигается рука—первенствующій осязательный органъ человѣка.

Первоначальное развитіе ума подъ вліяніемъ осязательно-мускульныхъ ощущеній объясняетъ намъ фактъ чрезвычайной твердости и рѣшительной необходимости нѣкоторыхъ представленій для нашего мышленія. Отрѣшить свой умъ отъ представленій матеріи, тѣла, формы, движенія, твердости, мягкости и другихъ знаній, пріобрѣтаемыхъ нами помощію осязательно-

мускульнаго чувства, намъ очень трудно. Мы довольно легко можемъ представлять вселенную темной, безцвѣтной, погруженной въ мертвенную тишину, безъ вкусовыхъ и обонятельныхъ свойствъ,—но представлять вселенную нематеріальной, безформенной, безъ всякаго измѣненія и движенія намъ трудно. Это потому, что нашъ умъ формируется на данныхъ осязательно-мускульнаго чувства, что онъ срастается съ ними безраздѣльно, что самый умъ есть, прежде всего, сочетаніе осязательно-мускульныхъ ощущеній и представленій. Если вообще дѣтскій умъ есть умъ чувственный, если дѣти не могутъ мыслить, не работая органами зрѣнія, слуха, вкуса и т. д., то самый первичный умъ человѣка, фундаментъ и основа всего дальнѣйшаго умственнаго развитія, есть умъ осязательно-мускульный.

Второй годъ жизни.

Самое замѣчательное явленіе во второй годъ жизни дитяти—пріобрѣтеніе искусства самостоятельно ходить. Это явленіе одинаково важно и для физическаго и для психическаго развитія дитяти. Въ физическомъ отношеніи со времени зачатія человѣкъ переживаетъ слѣдующіе четыре главнѣйшіе переворота: 1) рожденіе, т. е. обособленіе отъ материнскаго организма, начало самостоятельнаго существованія; 2) прекращеніе кормленія грудью и одновременно съ этимъ начинающееся хожденіе, т.-е. дальнѣйшее обособленіе отъ матери и пріобрѣтеніе большой самостоятельности въ физическомъ отношеніи; 3) наступленіе половой зрѣлости, начало родовой жизни; 4) разрушеніе организма, смерть, т. е. возвращеніе силъ и элементовъ, составлявшихъ основу органическаго существованія, въ общую массу міровыхъ силъ. Пріобрѣтеніе искусства самостоятельно ходить есть одинъ изъ главныхъ моментовъ въ физической жизни человѣка; оно же имѣетъ весьма большое значеніе и въ психической исторіи человѣка. Самое пріобрѣтеніе искусства самостоятельно ходить, самый процессъ уже имѣетъ значительный психическій интересъ, представляетъ наглядно развитіе дѣтской сообразительности и настойчивости.

Начало хожденія можно замѣчать у дѣтей на девятомъ мѣсяцѣ (и это и всѣ послѣдующія приведенныя хронологическія данныя о времени появленія различныхъ психическихъ дѣятельностей, конечно, не имѣютъ значенія нормы, а представляютъ результатъ наблюденій надъ нѣсколькими отдѣльными дѣтьми). Къ концу девятаго мѣсяца нѣкоторыя дѣти уже умѣютъ стоять и, стоя, съ

поддержкой или безъ нея, они перебираютъ ножками, какъ будто идутъ, точнѣе сбираются итти, топчатся на одномъ мѣстѣ, какъ солдаты въ строю. На десятомъ мѣсяцѣ топтаніе на мѣстѣ исчезаетъ, дитя, поддерживаемое подъ мышки, дѣйствительно переступаетъ ножками, совершаетъ движенія, нужныя при ходьбѣ. При началѣ ходьбы иногда замѣчается у дѣтей, что они неравномѣрно дѣйствуютъ обѣими ножками; случается, что дитя поднимаетъ и передвигаетъ лишь одну ногу, напримѣръ правую, лѣвая же почти волочится по землѣ. Съ теченіемъ времени этотъ недостатокъ исчезаетъ. Точно также на первыхъ порахъ при хожденіи дитя иногда очень высоко поднимаетъ ножки, безъ всякой нужды и даже въ ущербъ настоящему хожденію. Этотъ недостатокъ также исчезаетъ съ дальнѣйшей практикой. Около 11-го мѣсяца дитя дѣлаетъ первые опыты самостоятельнаго хожденія, держась за что-либо; конечно, при этомъ часто падаетъ. Въ самостоятельныхъ опытахъ хожденія дитя является чрезвычайно осторожнымъ: оно пускается въ путь, лишь будучи увѣрено въ поддержкѣ; руки кормилицы или матери должны составлять около него ограду и предупреждать паденіе. Ступаетъ дитя весьма осторожно и медленно, опираясь постоянно на поддержку; если въ пути дитя поскользнется или упадетъ, то нерѣдко сейчасъ же просится на руки и на нѣкоторое время, болѣе или менѣе продолжительное, отказывается отъ опытовъ хожденія. Сколько-нибудь свободное и безбоязненное хожденіе относится ко второму году, а полное овладѣніе этимъ процессомъ, т. е. когда дитя научается бѣгать, вертѣться, ходить на цыпочкахъ, при ходьбѣ избочениваться, перегибаться то вправо, то влѣво, то впередъ, то назадъ, взбираться на лѣстницы, ходить по узенькимъ дощечкамъ и т. п., падаетъ на вторую половину второго года.

Одновременно съ началомъ хожденія дѣтей обуваютъ въ башмачки. Часто дѣти энергично протестуютъ противъ этого новшества: они горько плачутъ, глядя на свои обутыя ножки, и требуютъ, чтобы сняли башмачки. Когда снимутъ, они и тогда еще продолжаютъ плакать, часто взглядываютъ на ножки и трогаютъ ихъ ручкой, какъ будто для того, чтобы убѣдиться, что ненавистныхъ туфель нѣтъ. Успокоившись и начавъ играть, они опять иногда вдругъ принимаются плакать и опять свидѣтельствуютъ свои ножки. Но замѣчательно, часто на другой день они не только примиряются съ туфлями, но не безъ удовольствія и ходятъ въ нихъ и сидятъ.

Такимъ образомъ изученіе процесса ходьбы есть великая наука для дѣтей, вносящая въ ихъ психическую жизнь весьма много

новаго. Прежде всего, здѣсь являются своеобразныя мускульно-осязательныя ощущенія: нужно поддерживать тѣло въ вертикальномъ положеніи и въ то же время передвигать его. Для этого требуется сложная мускульная комбинація, которой дитя и учится долгое время, особенно если задача усложняется и нужно не только ходить, но и бѣгать, прыгать, вертѣться, нагибаться и т. д. Очевидно, съ процессомъ хожденія приливъ новыхъ осязательно-мускульныхъ ощущеній бываетъ громадный, а вмѣстѣ происходитъ весьма значительный ростъ воли въ управленіи органами тѣла и совершеніи сочетанныхъ движеній различными органами.

При хожденіи дитя испытываетъ нерѣдко страхъ передъ легко возможнымъ паденіемъ и ушибомъ; оно учится осторожному и размѣренному пользованію своими силами и чужою помощью, оно соображаетъ, можно ли пуститься ему въ путь отъ стула до стула. Потерпѣвъ неудачу, онъ падаетъ духомъ, разочаровывается въ своихъ силахъ, отказывается на время отъ подобныхъ попытокъ; испытавъ удовольствіе успѣха, оно набирается отваги на новыя предпріятія. При неудачѣ дитя можетъ проявить особенную настойчивость, не оставляя своихъ опытовъ хожденія, несмотря на ихъ неблагопріятный результатъ; оно упорно можетъ повторять попытки, пускаясь въ путь, падая, поднимаясь и опять идя, лишь увеличивая свою осторожность и напряженіе силъ. Во время самаго хожденія дитя, очевидно, должно быть вполнѣ внимательнымъ, не разсѣиваться посторонними впечатлѣніями, иначе упадетъ; оно должно сосредоточивать всѣ свои физическія и духовныя силы на процессѣ передвиженія. При хожденіи дитя знакомится съ обувью, пріучается къ ея употребленію и вмѣстѣ къ особеннымъ ощущеніямъ прикосновенія и давленія.

Въ виду значительнаго количества психическихъ состояній, неизбѣжно возбуждаемыхъ въ душѣ дитяти процессомъ хожденія, этотъ процессъ можетъ быть и могучимъ средствомъ всесторонняго развитія дитяти и препятствіемъ, тормазомъ на пути физическаго и психическаго его развитія. Если за дитятей тщательно наблюдаютъ, вовремя оказываютъ ему помощь, не допускаютъ до частаго испытыванія сильной неудачи въ своихъ попыткахъ, то въ душу дитяти будутъ вливаться бодрость, мужество, самоувѣренность, дитя будетъ отличаться веселымъ, бодрымъ настроеніемъ, въ немъ будетъ складываться предпріимчивый характеръ. Въ то же время дитя отъ движенія будетъ всесторонне развиваться и въ физическомъ отношеніи. Если же дитя слишкомъ рано вынудятъ на опыты хожденія, если эти опыты будутъ часто оканчиваться неудачами, дитя окажется не въ состояніи пройти

до извѣстнаго мѣста, то въ его душу закрадутся робость, неувѣренность, образуется меланхоличное, подавленное настроеніе, развитіе характера задержится. Поэтому въ высшей степени желательно, чтобы на процессъ пріобрѣтенія дѣтьми искусства ходить было обращено серьезное вниманіе родителями и воспитателями. Тѣ промахи и ошибки, которые могутъ быть при этомъ сдѣланы, не ограничатся лишь болѣе быстрымъ или медленнымъ усвоеніемъ дитятей искусства ходить, но отразятся на всей его дальнѣйшей жизни, на всемъ его психическомъ развитіи.

Какими послѣдствіями на психическомъ развитіи дитяти отражается пріобрѣтенное искусство ходить? Оно отражается, прежде всего, большимъ выясненіемъ и опредѣленіемъ дѣтской личности.

Питаясь материнскою грудью и не умѣя ходить, дитя всецѣло зависитъ отъ окружающихъ его лицъ. Если какое-либо внѣшнее возбужденіе заинтересовывало дитя, оно часто не могло удовлетворить своей любознательности изслѣдованіемъ предмета, такъ какъ подчасъ взрослые не понимали, что интересуетъ дитя, а иногда, понимая, не хотѣли возиться съ дитятей,—вѣдь нельзя же выполнять всѣ желанія такихъ маленькихъ существъ. Тѣмъ или другимъ путемъ психическіе запросы дѣтской личности не удовлетворялись, личность оставалась невыраженною, самое развитіе ея задерживалось. Дѣло существенно измѣняется съ началомъ пріобрѣтенія искусства ходить.

Если дитя почему-либо чувствовало склонность къ преимущественному воспріятію слуховыхъ или свѣтовыхъ впечатлѣній, оно могло совершать соотвѣтственныя движенія для достиженія источника этихъ впечатлѣній и вдоволь наслаждаться ими; если дитя оказывалось особенно любящимъ движенія, оно могло предаваться имъ въ той мѣрѣ, какъ у него возрастала способность движеній; если оно предпочитало тихую игру безъ движеній, оно могло сидѣть; если оно боялось чего-либо, оно прямо убѣгало; если страшный предметъ не страшилъ его, оно шло ему навстрѣчу. Такимъ образомъ, съ пріобрѣтеніемъ искусства ходить, дѣтская личность получала значительныя средства къ тому, чтобы выразить и удовлетворить свои природныя предрасположенія, склонности, мимолетныя желанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстро совершается психическое развитіе личности въ всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ притокъ всякихъ впечатлѣній съ самостоятельнымъ передвиженіемъ возрастаетъ весьма значительно.

Прежде всего, весьма быстро и значительно крѣпнетъ память и дѣлается болѣе самодѣятельною. Въ первый годъ жизни дѣти

вспоминаютъ о предметахъ преимущественно тогда, когда предметы на лицо, передъ глазами. Если дитя чего-либо требуетъ, то стоитъ только желаемый предметъ убрать съ глазъ, спрятать, и дитя забываетъ о немъ почти моментально, занявшись другимъ предметомъ: съ глазъ долой—и изъ памяти вонъ. На второй же годъ дитя продолжаетъ требовать предметъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ убранъ, скрытъ. Впечатлѣніе отъ предмета сохраняется долѣе и живѣе и не заслоняется сейчасъ испытываемыми ощущеніями. По второму году дитя, случается, вдругъ вспомнитъ что-либо и настоятельными криками, краснѣя и напрягаясь, требуетъ вещь. Къ сожалѣнію, не всегда бываетъ легко догадаться, какая именно вещь требуется дитятей, такъ какъ промежутокъ времени, протекшій между наблюденіемъ вещи и ея припоминаніемъ, можетъ быть довольно значителенъ, напримѣръ, около двухъ недѣль. Расположеніе комнатъ въ квартирѣ, предметы, въ нихъ находящіеся, назначеніе и свойство предметовъ, порядокъ дня, бывающія въ семьѣ лица запоминаются дитятей на второмъ году очень хорошо, такъ что дитя свободно бродитъ по всей квартирѣ, можетъ принести какаю-либо вещь, отнести на мѣсто и т. п. Дѣвочкѣ одного года и восьми мѣсяцевъ отецъ сказалъ: „принеси мнѣ изъ моего кабинета съ дивана газету“. Дѣвочка пошла. Чтобы достигнуть кабинета, ей нужно было пройти двѣ комнаты Вступивъ въ кабинетъ—большую комнату—дѣвочка остановилась. Мать, слѣдовавшая за нею, сказала: „ну что же иди“. Дѣвочка пошла, подошла къ дивану, взяла газету и принесла отцу. Особенно же твердо дѣти знаютъ, гдѣ лежатъ сласти, гдѣ хранятся ключи, которыми отпирается ящикъ со сластями, и т. д. Если нѣсколько разъ пройти съ дитятей по извѣстной дорогѣ, зайти на пути въ лавку, то дитя быстро и хорошо запомнитъ и дорогу и лавку и будетъ съ удовольствіемъ гулять по той же дорогѣ и непремѣнно требовать, чтобы зашли въ ту же лавку. Если съ дитятей играли разъ или два извѣстнымъ образомъ и въ извѣстномъ мѣстѣ, то дитя будетъ требовать, чтобы и на будущее время съ нимъ играли тѣмъ же порядкомъ и на томъ же мѣстѣ.

Такое относительно быстрое развитіе памяти обусловливается тѣмъ, что дитя само всюду ходитъ, само все видитъ, все беретъ въ руки, повертываетъ, что оно становится въ болѣе тѣсныя и разностороннія отношенія къ предметамъ, вслѣдствіе чего и впечатлѣнія отъ предметовъ получаются болѣе живыя и отчетливыя. Конечно, нельзя при этомъ забывать и той подготовки, которую дитя получило въ первый годъ жизни въ дѣлѣ запоминанія и

которая, будучи весьма значительной, облегчаетъ хорошее усвоеніе новыхъ предметовъ во второй годъ.

Подражательныя дѣйствія, столь важныя въ развитіи человѣка, во второй годъ жизни чрезвычайно увеличиваются въ количествѣ и сложности, по сравненію съ первымъ годомъ. Тѣхъ дѣйствій, которыя совершаются на глазахъ дитяти и которымъ оно подражаетъ, какъ, напримѣръ, оно пьетъ изъ пустого стакана, утираетъ ротъ себѣ и другимъ, начинаетъ играть мячикомъ, ходитъ на носкахъ и т. д., очень много. Изъ нихъ не малое количество бываетъ подчасъ очень сложными: дитя представляетъ, какъ мать танцуетъ—топчется на мѣстѣ, слегка приподнимаетъ платье и нагибается; молится Богу—просто или съ земными поклонами, съ колѣнопреклоненіями и даже съ стояніемъ на одномъ колѣнѣ; своихъ резиновыхъ куколъ дѣвочки моютъ, вытираютъ, заставляютъ молиться Богу и укладываютъ спать на постели. Подражанія не ограничиваются живыми людьми, но простираются и на картинки. Подражая картинкамъ, дѣти представляютъ спящихъ, пытаются стоять на одной ногѣ, показываютъ, какъ на картинкѣ дядя грозитъ кошкѣ, желающей утащить рыбу, поднимаютъ ручки и ножку въ подражаніе нарисованному дитяти и т. п. Очевидно, такія подражательныя дѣйствія невозможны безъ умѣнія ходить.

Въ связи съ укрѣпленіемъ памяти и развитіемъ движеній, у дѣтей во второй годъ жизни значительно усиливаются собственно умственныя дѣятельности и становятся разнообразнѣе чувствованія.

Изъ умственныхъ процессовъ этого года обращаетъ на себя вниманіе живое отношеніе дѣтей къ доступнымъ имъ разсказамъ. Дѣти очень внимательно слушаютъ, когда имъ разсказываютъ что-либо, особенно если въ разсказахъ упоминаются знакомыя имъ лица и предметы. Разсказчикамъ дѣти любятъ смотрѣть въ лицо, въ глаза и даже въ роть. Когда разсказъ конченъ, они требуютъ продолженія или повторенія, засовываютъ разсказчику палецъ въ ротъ или тычатъ имъ въ зубы, какъ будто хотятъ сказать: „продолжай, молъ, что ты замолкъ“. Замѣченныя въ разсказѣ неправильности дѣти исправляютъ. На полу лежалъ клочекъ бумажки. Дѣвочка (одного года и почти семи мѣсяцевъ) увидѣла его, а няня подняла и подала ей. Потомъ няня стала разсказывать, что мама уронила клочокъ бумаги на полъ, няня увидала и подняла его. Дѣвочка въ этомъ мѣстѣ разсказа какъ будто перебила няню и приложила руку къ щекѣ (жестъ, которымъ она обозначала себя). Тогда няня поправилась и сказала, что дѣвочка увидѣла бумажку, а няня подняла ее и подала дѣ-

вочкѣ. Дѣвочка съ удовольствіемъ нѣсколько разъ подрядъ выслушала этотъ разсказъ, сама вставляла слова „мама“, „няня“ и прикладывала ручку къ щекѣ, т.-е. называла себя. Но, будучи требовательными относительно точнаго воспроизведенія замѣченнаго или слышаннаго, дѣти зато нисколько не скучаютъ, слушая одинъ и тотъ же разсказъ безъ всякихъ перемѣнъ разъ по десяти и по двадцати подъ рядъ и сотни разъ въ недѣли и мѣсяцы. Вообще пробуждающееся дѣтское мышленіе отличается крайнею механичностью. Безъ малѣйшей устали и скуки дѣти десятки разъ сподрядъ повторяютъ одни и тѣ же движенія, слова, жесты. Дѣвочка двухъ лѣтъ и двухъ недѣль подъ рядъ сорокъ три раза зажигала и гасила свѣчку на елкѣ съ удовольствіемъ; когда съ этой дѣвочкой, въ концѣ второго года, старшіе играли, догоняя ее, бѣгая по комнатамъ, то она постоянно бѣгала въ одномъ направленіи и рѣшительно отказывалась бѣгать въ противоположномъ; эта же дѣвочка, замѣтивъ, гдѣ кто сидитъ въ столовой за обѣдомъ, чаемъ и т. д., наблюдала строгій порядокъ въ размѣщеніи обѣдающихъ, не дозволяя рѣшительно никому сѣсть на новое мѣсто. Замѣтивъ подобную перемѣну, она краснѣла, ворочала головой, дулась и всячески протестовала до тѣхъ поръ, пока всѣ не усаживались по своимъ прежнимъ мѣстамъ. Случалось, что нарушителей она прямо пыталась стащить со стула, говоря, что этотъ стулъ папинъ или маминъ.

Въ то же время у дѣтей замѣчается сильная склонность разсуждать по аналогіи. Зная себя, няню, маму и папу и видя на улицѣ дѣтей, барышень, пожилыхъ женщинъ, мужчинъ, дѣти разсуждаютъ такъ: папа, мама, няня, т.-е. идутъ не ея папа, мама, а папа и мама другіе. Иначе представлять людей, какъ подъ формой извѣстныхъ ей родственныхъ отношеній, дѣти на первыхъ порахъ не могутъ, такъ что все человѣчество распадается для нихъ на папъ, мамъ, нянь, дѣтей. Точно также всѣ другія свои отношенія и положенія дѣти переносятъ на весь міръ, напр., что въ извѣстное время всѣ должны пить молоко, надѣвать башмаки и т. д.

Изъ чувствованій во второй годъ болѣе или менѣе отчетливо выступаютъ смѣлость и чувство собственности. Въ первый годъ жизни дѣти бываютъ дичками, боятся всѣхъ новыхъ лицъ, къ чужимъ относятся недовѣрчиво, неохотно идутъ къ нимъ на руки и всегда готовы бываютъ расплакаться. Несмотря на всѣ поощренія родителей, дѣти упорно держатся своего недовѣрія. Во второй годъ это недовѣріе значительно исчезаетъ и замѣняется любопытствомъ по отношенію къ новымъ лицамъ. Они довольно

легко знакомятся съ другими, начинаютъ заигрывать съ посторонними дѣтьми и взрослыми,—словомъ, не боятся и не дичатся. Начавъ во второй годъ самостоятельно ходить, всюду бродя, дѣти неизбѣжно вступаютъ въ непосредственныя отношенія съ бо́льшимъ числомъ лицъ и дома и на прогулкѣ, вслѣдствіе чего боязливость и недовѣрчивость перваго года по необходимости исчезаютъ.

Чувство собственности на второй годъ жизни выражается весьма рельефно. Постоянно путешествуя по комнатамъ, дитя успѣваетъ хорошо ознакомиться и съ самыми вещами, въ нихъ находящимися, и съ ихъ владѣльцами. А разъ у дитяти сложилась такая ассоціація лица и вещи, то оно возмущается всякимъ присвоеніемъ чужихъ вещей. Поэтому дѣти не дозволяютъ вещи матери брать отцу и обратно; захваченную другимъ лицомъ вещь они сейчасъ же отбираютъ и возвращаютъ владѣльцу. Сами они, поигравъ чужими вещами, склонны бываютъ возвращать ихъ владѣльцамъ, за исключеніемъ, конечно, сластей. Дѣтямъ какъ будто бы кажется, что извѣстная вещь не принадлежитъ извѣстному лицу, а составляетъ часть этого лица, есть нѣчто безраздѣльное съ нимъ.

Такимъ образомъ второй годъ жизни даетъ очень много дѣтямъ, и всѣ пріобрѣтенія ихъ этого времени находятся въ прямой или косвенной связи съ капитальнѣйшимъ фактомъ жизни дѣтей во второй годъ—искусствомъ самостоятельно ходить Дитя второго года—ходунокъ.

Третій годъ жизни.

Третій годъ жизни, особенно вторая его половина, есть для наблюдателя одна изъ наипривлекательнѣйшихъ эпохъ дѣтства; а если дѣтство считать наиболѣе привлекательнымъ возрастомъ въ жизни человѣка, то и всей жизни. Во второй половинѣ третьяго года дѣтство достигаетъ вершины расцвѣта и прелести; въ это время мы имѣемъ дитя со всѣми присущими дѣтству прекрасными свойствами и въ то же время безъ недостатковъ, которые скоро послѣ третьяго года обнаруживаются въ дитяти и значительно уменьшаютъ привлекательность дѣтства.

По сравненію съ двухлѣтнимъ — преимущества трехлѣтняго дитяти очевидны: оно владѣетъ своимъ физическимъ организмомъ, чего про двухлѣтняго сказать нельзя. Трехлѣтнее дитя свободно бѣгаетъ, прыгаетъ, лазаетъ, можетъ совершать довольно продолжительныя прогулки; двухлѣтнему еще далеко до этого. Трех-

лѣтнее дитя довольно хорошо владѣетъ способностью рѣчи, оно почти свободно говоритъ о всевозможныхъ вещахъ, очень любитъ слушать разсказы другихъ и само немножко разсказываетъ; двухлѣтнее владѣетъ членораздѣльною рѣчью еще очень несовершенно. А такъ какъ вмѣстѣ съ членораздѣльною рѣчью развивается и мышленіе, то и вообще въ психическомъ развитіи трехлѣтнее дитя на много превосходитъ двухлѣтнее.

По сравненію съ дѣтьми болѣе старшаго возраста, трехлѣтнее также имѣетъ важное преимущество полной искренности, всецѣлой правдивости, не только отсутствія лжи, но еще и непониманія, что такое ложь. Слово обманывать, правда, уже встрѣчается въ словарѣ трехлѣтняго дитяти, но оно имѣетъ еще не то значеніе, которое оно получаетъ въ позднѣйшій возрастъ,—дитя само еще не обманываетъ, оно узнало только, что кто-нибудь сказалъ не то, что было въ дѣйствительности, что его обманули, но въ какихъ видахъ это сдѣлано, случайно или не случайно—оно еще не знаетъ и подобными вопросами не задается, его правдивой, искренней душѣ они совершенно чужды. Трехлѣтнее дитя само допускаетъ неправду только въ видѣ шутки и забавы, чтобы посмѣяться, доставить удовольствіе и себѣ и другимъ, никакой особенной выгоды изъ допускаемой неправды дитя лично для себя не извлекаетъ. Дѣтская неправда этого времени есть только шалость, дурачество и употребляется въ видахъ достиженія комическаго эффекта. А между тѣмъ немного позже дѣтская неправда становится серьезной неправдой, обманомъ другихъ для достиженія эгоистическихъ цѣлей, при чемъ дитя пытается замаскировать свою лживость, стремится показаться откровеннымъ и честнымъ. Одинъ разъ вкусивъ сладкаго, но запрещеннаго плода, дитя увлекается выгодами искусной лжи и часто впадаетъ въ грѣхъ, загрязняя свою душу. Дитя становится неискреннимъ, фальшивымъ, и отъ него отлетаетъ чистый и прекрасный ангелъ.

Обратимся къ характеристикѣ отдѣльныхъ чертъ психическаго развитія дитяти въ третій годъ жизни.

Въ это время замѣчаются первые серьезные проблески самостоятельности дитяти, какъ личности; слова: „я хочу“, „я не хочу“, „самъ, сама“, получаютъ весьма видное значеніе. Научившись владѣть своимъ физическимъ организмомъ, дитя и самостоятельность обнаруживаетъ, прежде всего, въ сферѣ движеній. Оно все хочетъ дѣлать само, отвергаетъ постороннюю помощь, предупредительныя услуги и бываетъ крайне недовольно, если когда кто-либо окажетъ ему непрошенную поддержку. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ поведеніе дитяти бываетъ подчасъ комичнымъ. Дитя под-

нимается по лѣстницѣ и почти на послѣдней ступенькѣ замѣчаетъ, что его кто-нибудь поддерживаетъ. Оно сейчасъ же разражается криками и плачемъ, энергично отталкиваетъ поддерживающую его руку и считаетъ своею священнѣйшею обязанностью спуститься съ лѣстницы и снова пройти ее всю до послѣдней ступеньки, какъ будто поддержка сдѣлала недѣйствительнымъ восхожденіе, лишивъ его надлежащей силы и законности. Точно также, если во время бѣганья, прыганья или чего-либо подобнаго дитя замѣтило какую-либо помощь въ концѣ пути, оно непремѣнно вернется къ началу и самостоятельно совершитъ весь путь. Чувствованіе самостоятельности слишкомъ ново и свѣжо, доставляетъ такое еще острое волненіе, что малѣйшее его нарушеніе отзывается болѣзненно въ дѣтской душѣ и вызываетъ съ стороны дитяти самые энергическіе протесты. А такъ какъ сложное движеніе, состоящее изъ цѣлаго ряда многихъ отдѣльныхъ движеній, напримѣръ, восхожденіе на лѣстницу или бѣганье взапуски по дорожкѣ, представляется дитяти единымъ цѣльнымъ актомъ, то дитя, замѣтивъ поддержку, и считаетъ необходимымъ весь актъ передѣлать заново.

Самодѣятельность въ области собственно психическихъ явленій у трехлѣтнихъ дѣтей значительно слабѣе, чѣмъ въ области движеній. Дитя въ три года чрезвычайно любитъ, напримѣръ, слушать разсказы, но само разсказываетъ мало. Всего больше дитя обнаруживаетъ самостоятельности и творчества въ играхъ. Мало-по-малу у дитяти назрѣваетъ способность играть самому, а не просто смотрѣть на то, какъ играютъ другіе; изъ пассивно развлекаемаго человѣка дитя превращается въ активнаго игруна, на игру котораго окружающіе взрослые только смотрятъ. Этотъ переходъ изъ одного состоянія при игрѣ въ другое чрезвычайно важенъ, такъ какъ истинный человѣкъ есть человѣкъ активный, дѣйствующій самъ, а не созерцающій лишь дѣйствія другихъ.

Что касается самыхъ игръ трехлѣтнихъ дѣтей, то въ нихъ гораздо больше простого воспроизведенія, чѣмъ творчества. Въ дитяти сильно работаетъ память, и образы памяти оживаютъ въ сознаніи его съ значительною яркостью и энергіей при первомъ встрѣтившемся поводѣ. Игры и суть выраженія такихъ припоминаній, возбуждаемыхъ игрушками, дѣйствіями, обстановкой. У дитяти подъ рукой разныя баночки и стклянночки, вотъ оно и начинаетъ игру: большая баночка—папа, поменьше—мама, еще меньше—само играющее дитя, прочія стклянки и банки—горничная, кухарка, маленькая сестрица, кормилица. Между величиной пузырьковъ и баночекъ и величиной обозначаемыхъ ими

лицъ соблюдается правильное отношеніе, т.-е. большому пузырьку дается наименованіе большой ростомъ личности и т. д. Всѣ эти лица отправились на вокзалъ, чтобы съ дачи ѣхать въ городъ, вотъ они сѣли въ вагонъ—всѣ баночки и пузыречки уставляются въ какую-нибудь корзиночку,— вотъ они поѣхали, остановились и т. д. Дитя играетъ въ такую игру долгое время само, не требуя участія взрослаго. Такая игра, очевидно, навѣвается живымъ припоминаніемъ дачной жизни и недавнимъ, можетъ быть, переѣздомъ съ дачи. Живое припоминаніе въ подобной игрѣ самое главное дѣло, а таковы въ большинствѣ игры этого возраста.

Другое весьма важное явленіе этого времени есть овладѣніе членораздѣльною рѣчью, превращеніе дитяти изъ малословеснаго существа въ словесное. На третій годъ развитіе рѣчи совершается быстро, дитя оказываетъ въ ней весьма большіе успѣхи. Среднимъ числомъ словарь трехлѣтняго дитяти городского, изъ интеллигентной семьи, можно считать около тысячи словъ, которыми оно распоряжается довольно искусно, говоря обо всемъ. Конечно, въ этомъ направленіи дитяти остается сдѣлать еще много, словарь его увеличится еще въ нѣсколько разъ, звуки, недоступные ему теперь, будутъ произноситься чисто, и способность связной рѣчи возрастетъ и окрѣпнетъ. Тѣмъ не менѣе пріобрѣтенія дитяти въ области рѣчи въ третій годъ жизни громадны, они пріобщаютъ дитя къ обществу взрослыхъ, устанавливаютъ между ними тѣсныя разумныя отношенія. Взрослые довольно охотно занимаются и играютъ съ дѣтьми этого возраста, такъ какъ трехлѣтній субъектъ можетъ разсказать все, что ему нужно, что онъ чувствуетъ, что у него болитъ, вслѣдствіе чего и вліянія на него общества взрослыхъ бываютъ глубже и серьезнѣе, чѣмъ на дѣтей меньшихъ возрастовъ.

На третій годъ жизни ясно обнаруживаются начала нравственнаго сознанія, нравственнаго чувства. Дитяти, несмотря на всѣ его прекрасныя качества, приходится время отъ времени нарушать тѣ требованія, которыя ему предъявляются родителями. Подобныя нарушенія бывали, конечно, и прежде, но мало привлекали къ себѣ вниманіе дитяти. Нарушивъ какую-либо родительскую заповѣдь и замѣтивъ неудовольствіе по этому поводу родителей, дитя само огорчается на короткое время, а затѣмъ быстро забываетъ все событіе, погруженное въ переживаніе минуты, и дѣлу конецъ. Никакихъ слѣдствій, никакого руководства для будущаго изъ происшедшаго факта дитя не извлекаетъ. Двухлѣтнее дитя въ будущее не заглядываетъ, да и не можетъ заглядывать по отсутствію представленій о времени. Нѣсколько иначе ведетъ

себя въ случаяхъ прегрѣшеній и нарушенія требованій трехлѣтнее дитя.

Когда трехлѣтнему дитяти выражаютъ неудовольствіе по поводу его проступковъ, оно огорчается гораздо сильнѣе двухлѣтняго, громко и продолжительно плачетъ, отыскиваетъ мать или отца, выразившаго неудовольствіе, ласкается къ нимъ, цѣпляется за платье. Видно, что оно желало бы загладить вознишее неудовольствіе, оно чувствуетъ себя неловко и стремится возстановить нарушенное равновѣсіе. Мало этого, оно нерѣдко прибавляетъ заявленіе, что впередъ оно не будетъ дѣлать запрещеннаго, нарушать заповѣди. Какой смыслъ оно соединяетъ съ этимъ послѣднимъ заявленіемъ — судить трудно. Прежде всего, откуда возникаетъ подобное обѣщаніе? Есть ли оно слѣдствіе движенія собственнаго чувства дитяти, естественный результатъ того огорченія, которое испытываютъ родители и которое отражается соотвѣтственнымъ образомъ на дитяти? Или оно есть простое внушеніе няни, что въ случаяхъ прегрѣшеній нужно просить у родителей прощеніе и обѣщать имъ на будущее время не повторять содѣяннаго преступленія? Несомнѣнно, что приведенное дѣтское заявленіе можетъ возникать и тѣмъ и другимъ путемъ. Когда оно возникаетъ самостоятельно, а не представляетъ повтореніе заученной фразы, оно указываетъ на стремленіе ума извлечь изъ случившагося руководство на будущее время, чтобы избѣжать повторенія только что пережитыхъ непріятностей. Конечно, нельзя придавать такому стремленію слишкомъ серьезное значеніе,—всѣ свои обѣщанія дитя забываетъ довольно легко, — но все же оно представляетъ нѣчто и это нѣчто есть начало серьезнаго, важнаго явленія. Собственно нравственный характеръ подобныхъ дѣйствій является довольно слабымъ, такъ какъ дѣйствіе со стороны дитяти мотивируется главнымъ образомъ желаніемъ избѣжать неудовольствія со стороны родителей и вмѣстѣ предупредить появленіе собственныхъ непріятныхъ чувствованій, какъ отзвука настроенія родителей.

Указывая привлекательныя черты трехлѣтняго дитяти, было бы несправедливо не упомянуть и о тѣхъ недочетахъ, которые столь же замѣтны у дѣтей въ возрастѣ трехъ лѣтъ, какъ и симпатичныя свойства. Къ числу недочетовъ слѣдуетъ отнести прежде всего весьма малое самообладаніе, малую способность сдержки. Дитя трехлѣтняго возраста легко поддается всякимъ впечатлѣніямъ и чувствованіямъ; они увлекаютъ его, они господствуютъ надъ нимъ, а не оно надъ ними; плыть противъ ихъ теченія оно не можетъ. Дитя играетъ, шалитъ, и вотъ можно бываетъ отчет-

ливо наблюдать, какъ оно замѣтно увлекается и становится все менѣе и менѣе способнымъ къ самообладанію. Его движенія дѣлаются энергичнѣе и порывистѣе, смѣхъ громче, лицо краснѣетъ, глаза блестятъ. Дитя легко переступаетъ границы и совершаетъ дѣйствіе во вредъ другому, но остановиться само не можетъ; оно увлекается дальше потокомъ и, не сдерживаемое посторонней силой, быстро доходитъ до крайнихъ предѣловъ возбужденія, когда можетъ совершить дѣйствія, явно безразсудныя, нелѣпыя и въ то же время вредныя. Или дитя чѣмъ-нибудь огорчено, оно начинаетъ плакать, и въ той мѣрѣ, какъ плачетъ, плачъ становится громче, энергичнѣе, и въ заключаніе дитя рыдаетъ и заливается слезами. Со времени начала плача горе дитяти не увеличилось, а плачъ усилился; попытки успокоить дитя не приводятъ къ цѣли, а часто только усиливаютъ плачъ. Нужно дать дитяти выплакаться. Случается, что ночью дитя вдругъ начинаетъ громко плакать, что называется, ни съ того, ни съ сего. Вѣроятно, оно что-нибудь видитъ во снѣ непріятное или страшное, потому что самое тщательное изслѣдованіе не открываетъ никакихъ внѣшнихъ причинъ плача. Всѣ утѣшенія дитяти не успокаиваютъ его, оно продолжаетъ плакать, видимо не владѣя собой, и засыпаетъ, утомившись отъ плача, отъ мимовольнаго ослабленія возбужденія.

Владѣя малою способностью самообладанія, трехлѣтнее дитя нерѣдко мало поддается внушеніямъ разума и доводамъ разсудка. Убѣдить его въ чемъ-нибудь бываетъ подчасъ трудно, между прочимъ и потому, что у него весьма слабо выработаны представленія о времени, пространствѣ, величинѣ и объемѣ предметовъ, и оно въ доводахъ взрослыхъ не можетъ усвоить того, что связано съ измѣненіями времени, приближеніемъ и удаленіемъ предметовъ. Представленія о времени крайне скудны у трехлѣтняго; оно знаетъ слова сегодня, вчера, завтра, но соединяетъ съ ними весьма неопредѣленныя значенія. Оно употребляетъ ихъ въ разговорѣ неправильно, такъ что можно сомнѣваться, чтобы у него были въ сколько-нибудь опредѣленномъ видѣ даже самыя элементарныя представленія о времени. „Ты когда пойдешь къ тетѣ?“ спрашиваютъ дитя.—„Я пойду вчера“, отвѣчаетъ оно. Что вчера, что завтра, что сегодня—ему все равно. О пониманіи болѣе длинныхъ промежутковъ времени, понятно, не можетъ быть и рѣчи.

Представленія о пространствѣ, разстояніи, величинѣ и емкости тѣлъ, а равно объ отношеніяхъ предметовъ по величинѣ являются у трехлѣтняго дитяти смутными и неопредѣленными. Дитя нерѣдко утверждаетъ возможность помѣщенія большаго предмета

въ меньшемъ. Такъ оно, напримѣръ, помнитъ, что лѣтомъ на дачѣ качалось на довольно большой доскѣ. Зимой оно вспоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ и проситъ мать достать доску и покачаться съ нимъ. На вопросъ: гдѣ же доска? дитя отвѣчаетъ, что въ комодѣ. Ему стараются разъяснить, что большая доска не можетъ сохраняться въ комодѣ, вызываютъ въ памяти образъ той доски, на которой дитя качалось лѣтомъ, но безуспѣшно. Дитя продолжаетъ утверждать, что доска можетъ помѣститься въ комодѣ.

Но въ данномъ случаѣ можно предполагать ошибку памяти. Зато можно приводить факты непониманія соотношенія предметовъ по величинѣ въ то время, когда они находятся передъ глазами. Дитя забавляется маленькими игрушечными вагончиками и локомотивомъ. Вдругъ ему приходитъ блестящая мысль сѣсть въ вагончикъ, и онъ пытается сдѣлать это, хотя въ вагончикѣ не только не можетъ помѣститься само дитя, но и его башмакъ. Забавляясь игрушечными вершковыми скамеечками, дитя устаавляетъ одну изъ нихъ на полъ и совершенно серьезно пытается сѣсть на нее.

Очевидно въ разсматриваемомъ отношеніи дитяти многаго еще недостаетъ. Но, можетъ быть, самые эти пробѣлы и недочеты въ умственномъ развитіи имѣютъ свою долю прелести и освѣщаютъ дитя своеобразнымъ свѣтомъ крайней наивности и непосредственности, при нѣкоторой сообразительности и даже наклонности подчасъ схитрить, хотя эта хитрость и оказывается обыкновенно на дѣлѣ очень не хитрой.

Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній въ третій годъ жизни, по его глубокому вліянію на развитіе всей дальнѣйшей душевной жизни, есть овладѣніе рѣчью. Поэтому дитя по третьему году жизни и можетъ быть названо говорункомъ.

Четвертый годъ.

Чѣмъ больше становится дитя, тѣмъ все труднѣе и труднѣе дѣлается схватываніе общихъ характерныхъ чертъ, выдѣляющихъ извѣстный періодъ жизни дитяти изъ другихъ періодовъ.

Въ четвертый годъ жизни центральнаго главенствующаго явленія, объединяющаго всѣ другія и окрашивающаго цѣлый періодъ, нѣтъ. Въ три года дитя нѣсколько окрѣпло физически, его движенія разнообразны, быстры и увѣренны; рѣчью оно владѣетъ довольно свободно; свѣдѣній объ окружающемъ у него накопилось уже достаточно. Вслѣдствіе этого по четвертому году

дитя является способнымъ къ самой разнообразной дѣятельности; оно не поставлено въ необходимость, какъ въ предшествующіе годы, учиться чему-либо преимущественно одному, весьма важному и необходимому; оно направляется въ разныя стороны, интересуется всѣмъ, нѣсколько разбрасывается. Поэтому и трудно схватить такую одну черту, которая господствовала бы и опредѣляла все психическое развитіе дитяти въ четвертый годъ жизни. Но тѣмъ не менѣе на довольно широкомъ поприщѣ дѣтской дѣятельности этого времени выдается нѣсколько пунктовъ, которые, какъ курганы въ степи, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе наблюдателя, главенствуя въ извѣстной степени надъ всѣмъ прочимъ содержаніемъ психической жизни. На этихъ-то выдающихся пунктахъ психическаго развитія дитяти въ четвертый годъ жизни мы и остановимся.

Дитя по четвертому году становится самостоятельнѣе, у него возникаютъ свои собственные интересы и желанія, подчасъ несогласные съ интересами и желаніями окружающихъ его взрослыхъ; оно затаиваетъ свои помыслы на время, а потомъ, пользуясь удобной минутой, осуществляетъ свои сокровенныя намѣренія. Дитя начинаетъ хитрить, скрывать, а иногда и прямо лгать—въ видахъ осуществленія своихъ замысловъ и желаній. Оно понемножку отдаляется отъ взрослыхъ душевно и начинаетъ свою особую жизнь, не только отличающуюся отъ жизни взрослыхъ, но иногда и сталкивающуюся въ своихъ интересахъ съ жизнью взрослыхъ. Все это понятно и даже необходимо, такъ какъ дитя становится больше, самостоятельнѣе, эмансипируется, если можно такъ выразиться, отъ жизни родителей. Конечно, всѣ подобныя явленія совершаются въ формахъ чисто дѣтскихъ, имѣютъ микроскопическій размѣръ, но ихъ смыслъ, ихъ идея именно такова.

Въ утробный періодъ дитя составляло часть организма матери, жило ея жизнію и не имѣло никакой самостоятельности. Рождаясь, оно отдѣляется отъ материнскаго организма, начинаетъ самостоятельное существованіе, сохраняя однако самую живую связь съ материнскимъ организмомъ—питаясь молокомъ матери. Начавъ само ходить, дитя еще больше освобождается отъ подчиненія матери, оно само передвигается; съ усвоеніемъ рѣчи самостоятельность повышается, такъ какъ теперь дитя легко сносится съ окружающими, принимаетъ участіе въ ихъ жизни. Мать, няня, какъ переводчики, какъ выразительницы его нуждъ и желаній, ему болѣе не нужны, оно само излагаетъ свои нужды и желанія. Но въ третій годъ дитя психически еще связано съ матерью, его душа открыта, оно не умѣетъ еще ни хитрить, ни притворяться,

ни лгать. Оно еще такъ мало, что не можетъ само отыскать средства и орудія для исполненія своихъ желаній; оно вынуждено еще постоянно обращаться къ помощи взрослыхъ, когда ему что-либо нужно; оно еще ничего не можетъ затаить въ себѣ, въ немъ все наружу и открыто. А по четвертому году дитя находится въ другомъ положеніи: оно владѣетъ собой, говоритъ, много знаетъ, понимаетъ, какія средства нужно пустить въ ходъ для достиженія извѣстной цѣли. Ему случается желать того, чего взрослые не желаютъ и не исполняютъ. Но дитя не отказывается отъ такихъ своихъ желаній, оно затаиваетъ ихъ и само пріискиваетъ средства для ихъ выполненія, даже вопреки заявленіямъ взрослыхъ; оно сдерживается, хитритъ, подстерегаетъ удобный моментъ. Во всѣхъ подобныхъ хитростяхъ сказывается новое теченіе въ душевной жизни, сказывается зарождающаяся новая маленькая личность, обнаруживаются ея особые интересы, происходятъ первыя сознательныя столкновенія этой новой личности со взрослыми. Факты самые мелки, но смыслъ ихъ глубокъ. Приведемъ одинъ фактъ для разъясненія дѣла.

Мать кроитъ дѣтское платье, дѣвочка по четвертому году играетъ въ той же комнатѣ. Замѣтивъ на столѣ свободныя ножницы, дѣвочка беретъ ихъ и бѣжитъ въ коридоръ, гдѣ натянутъ коверъ-дорожка. Дѣвочка присѣла на полъ къ ковру, намѣреваясь рѣзать его. Мать во-время пошла за дѣвочкой и предупредила порчу ковра. „Отдай, дѣтка, ножницы; коверъ нельзя рѣзать, ты его испортишь. Желаешь рѣзать — вотъ тебѣ лоскутъ отъ платья, рѣжь его, сколько хочешь“.—„Хорошо, мамочка“, отвѣтила дѣвочка и чинно усѣлась на стулъ. Спустя немного времени, мать вышла въ другую комнату. Дѣвочка сейчасъ же схватила ножницы и выполнила задуманный планъ. Она, торопясь, надрѣзала коверъ во многихъ мѣстахъ, пыталась даже совсѣмъ перерѣзать его, да не хватило силенокъ. Минутъ черезъ пять вернулась мать и застала свою дочку за спѣшной работой. Оказалась, что дѣвочка мѣстахъ въ 12 надрѣзала коверъ: гдѣ на вершокъ, а гдѣ и на 2, на 3, на 4 вершка.

Вотъ столкновеніе маленькой личности съ волей взрослыхъ. Дѣвочка схитрила и настояла на своемъ желаніи. Дѣвочка и мальчикъ по третьему году такъ бы не поступили: они, пожелавъ рѣзать коверъ, пошли бы на проломъ къ осуществленію взбредшаго имъ на умъ желанія, стали бы рваться къ ковру; если же имъ дали бы другой матеріалъ для рѣзанія, то они забыли бы про коверъ; случайное желаніе исчезло бы изъ ихъ памяти. Дѣвочка по четвертому году ведетъ себя иначе; она своего желанія не за-

бываетъ и для его осуществленія пользуется первымъ подходящимъ случаемъ, при чемъ ужасно торопится, очевидно сознавая, что ей въ ея продѣлкѣ могутъ помѣшать.

Заслуживаетъ нѣкотораго вниманія и конецъ этой исторіи. Что было дѣлать матери въ этомъ столкновеніи? какое положеніе занять? Если ограничиться замѣчаніями, то можно было опасаться, что дѣвочка отнесется къ нимъ легко и надумаетъ другую затѣю въ томъ же родѣ. Сегодня ей пришла фантазія изрѣзать коверъ, завтра она вздумаетъ изрѣзать занавѣски, послѣзавтра—платье матери и т. д. Нужно было привлечь особое вниманіе дѣвочки къ этому случаю, запечатлѣть въ умѣ неудобство подобныхъ дѣйствій. Мать рѣшилась не давать дѣвочкѣ въ теченіе дня гостинцевъ, которые ей обыкновенно давались въ положенное время и которые дѣвочка, конечно, очень любила. Нужно замѣтить, что дѣвочку ни такимъ способомъ, ни какимъ-либо другимъ ни разу не наказывали. Взысканіе было объявлено, дѣвочка чрезвычайно огорчилась, много плакала и просила, чтобы дали ей гостинцевъ, но ей не дали. На слѣдующій день все вошло въ норму, и дѣвочка, припоминая вчерашній случай, сама стала наводить на себя критику. „Жила была“, разсказывала дѣвочка, „у мамы одна дѣвочка бебяка (т.-е. нехорошая дѣвочка); взяла эта дѣвочка ножницы и испортила коверъ. Мама не дала ей за это гостинцевъ. Бебяка плакала и кричала, думала, что ей дадутъ гостинцевъ, а мама такъ и не дала; бебяка осталась безъ гостинцевъ. Теперь эта дѣвочка не будетъ больше портить ковра“.

Ковра-то, вѣроятно, эта дѣвочка дѣйствительно не будетъ больше портить, но несомнѣнно, что она будетъ сталкиваться въ своихъ желаніяхъ съ желаніями взрослыхъ. А такъ какъ она толкомъ еще не знаетъ, какія желанія можно выполнять и какія нельзя, то она не всегда будетъ довѣрять убѣжденіямъ взрослыхъ, что этого нельзя и того нельзя, особенно если это огорчительное слово „нельзя“ будетъ повторяться часто. Дитя будетъ тогда затаивать желанія въ себѣ и потомъ, при удобномъ случаѣ, пытаться осуществлять ихъ собственными силами и средствами, безъ помощи взрослыхъ. Такія явленія неизбѣжны. Маленькая личность формируется, предъявляетъ свои права, не можетъ разомъ войти въ подобающую колею и, встрѣчая сопротивленіе со стороны взрослыхъ, хитритъ, прикидывается, а иногда и прямо лжетъ.

По четвертому году дѣти запасаются уже довольно значительнымъ психическимъ опытомъ. Они бываютъ довольно хорошо знакомы съ окружающими предметами и лицами, видѣли городъ

и деревни, точнѣе—дачу (разумѣемъ городскихъ дѣтей средняго круга), слышали множество сказокъ и разсказовъ; дѣтская память является довольно богатой, мыслительность возбуждена, словомъ—токъ душевной дѣтской жизни приподнятый, высокій. Такая усиленная внутренняя работа неизбѣжно просится наружу, стремится выразиться чѣмъ-либо во внѣ. И ранѣе четвертаго года дитя отличалось этимъ свойствомъ, этимъ стремленіемъ—все внутреннее выражать во внѣ. Дитя не можетъ надолго задерживать въ себѣ получаемыя впечатлѣнія; они сейчасъ же выходятъ изъ него вонъ, преобразуясь въ слова, жесты, движенія. Въ психической жизни дитяти очень правильно идетъ приливъ и отливъ: впечатлѣнія притекаютъ въ видѣ воздѣйствій на органы внѣшнихъ чувствъ и отливаютъ въ видѣ движеній и рѣчи. На четвертомъ году продолжается тотъ же процессъ, та же работа, но ея характеръ измѣняется—она становится болѣе упорядоченной, систематической и въ то же время, со стороны матеріала и дѣйствій, болѣе разнообразной. Дитя по четвертому году продолжаетъ попрежнему охотно и много играть, но при этомъ оно обнаруживаетъ еще большую склонность къ разнымъ ручнымъ занятіямъ и работамъ—рисованію, вырѣзыванію изъ бумаги, наклеиванію, сгибанію бумажныхъ квадратовъ, постройкамъ изъ кубовъ и другимъ, такъ называемымъ, фребелевскимъ упражненіямъ.

Всѣ дѣти обнаруживаютъ склонность къ подобнаго рода занятіямъ, такъ какъ побужденіе къ нимъ лежитъ въ самомъ существѣ дѣтской природы, въ условіяхъ ихъ развитія. Процессъ внутренней переработки полученныхъ впечатлѣній у нихъ еще сравнительно слабъ; только взрослый человѣкъ можетъ долгое время носиться съ какою-либо мыслью, развивать ее, обдумывать и въ то же время свою внутреннюю работу въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ не выражать во внѣ. Дѣти же быстро внѣшними дѣйствіями даютъ знать о томъ, что совершается у нихъ внутри. Поэтому они очень любятъ всѣ тѣ упражненія и занятія, которыя даютъ имъ хорошій матеріалъ для выраженія накопившагося въ ихъ памяти психическаго опыта.

Такъ называемыя, фребелевскія упражненія суть собственно не фребелевскія, а просто дѣтскія; ихъ не Фребель выдумалъ, а выдумали сами дѣти, сама жизнь. Тамъ, гдѣ никто и никогда не слыхалъ ничего о Фребелѣ, тамъ дѣти и рисуютъ, и лѣпятъ, и строятъ, и клеятъ, и вырѣзываютъ—словомъ, продѣлываютъ массу фребелевскихъ работъ; на нихъ дѣтей наталкиваетъ сама природа, онѣ внушаются самою жизнью. Но, конечно, не всѣ

дѣти равно любятъ всѣ фребелевскія занятія; между ними есть болѣе любимыя и менѣе любимыя. Менѣе всего любятъ дѣти фребелевскія упражненія, которыя мало способны выражать душевную жизнь дитяти, его представленія и чувствованія, сущность которыхъ заключается въ наученіи дѣтей чему-либо полезному. Такъ называемое плетеніе изъ разноцвѣтныхъ полосокъ бумаги дѣти, особенно живыя, подвижныя, дѣятельныя, обыкновенно не любятъ, потому что этимъ упражненіемъ они рѣшительно не въ состояніи выразить ничего изъ своей душевной жизни, потому что это упражненіе разсчитано главнымъ образомъ на пріученіе дѣтей къ правильному счету и мало даетъ пищи для дѣтской дѣятельности. Оно мало возбуждаетъ дѣтскій умъ, дѣтскую энергію и совсѣмъ не затрогиваетъ дѣтское чувство. Въ томъ же положеніи находится и вышиваніе, занятіе довольно таки кропотливое, не подходящее къ живой и дѣятельной дѣтской природѣ. Такія занятія, требующія усидчивости и механической правильности движеній, наиболѣе нравятся вялымъ, малоподвижнымъ дѣтямъ, у которыхъ психика слабо возбуждена. Дѣти же живыя, дѣятельныя, энергическія всячески уклоняются отъ подобныхъ упражненій—на всевозможные лады, всевозможными способами. Дѣвочка, о которой выше была рѣчь, не любила вышиванья. Если мать предлагала ей это упражненіе, то она занималась имъ самое короткое время, одну-двѣ минуты, а потомъ вдругъ заявляла: „мамочка, у меня животъ заболѣлъ, потри, мамочка“, или говорила, что у ней руки устали, или вдругъ ей захочется ѣсть и она побѣжитъ въ столовую и кухню за хлѣбомъ. Сначала мать вполнѣ вѣрила заявленіямъ дѣвочки, но потомъ частыя и неожиданныя заболѣванія и усталость открыли матери маневръ дѣвочки.

Другія занятія—рисованіе, постройки изъ кубиковъ, вырѣзываніе, наклеиваніе—дѣвочка любила. Они представляли возможность выражать во внѣ то, что интересовало дѣвочку, давали больше матеріала для дѣятельности дитяти. Но способность сосредоточивать вниманіе и на такихъ занятіяхъ была очень невелика; очень часто чрезъ 5—6 минутъ дѣвочка требовала уже смѣны занятія, и удержать ея вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ болѣе продолжительный срокъ оказывалось труднымъ. Слушать разсказъ, не отрываясь, дѣвочка могла гораздо дольше, чѣмъ рисовать, клеить и т. п. Но слушаніе разсказа болѣе пассивная дѣятельность, чѣмъ рисованіе, клейка и т. п. Случалось впрочемъ нерѣдко, что дѣвочка увлекалась какимъ-либо занятіемъ, ея фантазія и чувство возбуждались, и она проводила довольно долгое время—болѣе получаса—за однимъ и тѣмъ же упражне-

ніемъ. Вообще въ этомъ отношеніи можно сдѣлать такое замѣчаніе: когда дитя само выбираетъ предметъ занятія и само же бросаетъ его по собственному желанію, тогда оно гораздо дольше можетъ сосредоточивать свое вниманіе на одномъ не измѣняющемся занятіи, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда занятіе ему рекомендуется, а тѣмъ болѣе навязывается; тогда требованіе перемѣны занятія является очень скоро. Указываемая разница объясняется возвышеннымъ интересомъ въ свободно избранномъ упражненіи и пониженнымъ, а то и полнымъ его отсутствіемъ—въ навязанномъ.

Есть еще одно характерное явленіе, встрѣчающееся на четвертый годъ жизни. Сообственно, это явленіе есть общее всѣмъ почти возрастамъ жизни человѣка, оно встрѣчается и ранѣе четвертаго года, встрѣчается и позже. Мы разумѣемъ способность дѣтей глубоко поражаться какимъ-либо впечатлѣніемъ и затѣмъ нѣкоторое время жить имъ однимъ. Если дитя сильно заинтересовано какимъ-либо явленіемъ, то, о чемъ бы вы ни заговорили съ нимъ, чѣмъ ни стали бы его занимать, оно непремѣнно сведетъ рѣчь и занятіе на поразившее его впечатлѣніе. У маленькихъ дѣтей, напримѣръ, по третьему году, эти увлеченія скоро проходятъ и быстро смѣняются новыми. Мы знали дѣвочку по третьему году, которая однажды была сильно увлечена сапогами. Ей купили новые сапоги, и она не хотѣла снимать ихъ; въ комнатахъ ходила непремѣнно въ сапогахъ, у всѣхъ прежде всего обращала вниманіе на сапоги, трогала ихъ ручками, разсматривала; свои сапоги, ложась спать, клала съ собою въ постель и по пробужденіи первымъ дѣломъ освѣдомлялась о сапогахъ. Сапоги сдѣлались idée fixe дитяти. Прошла недѣля – и сапоги уступили мѣсто новому излюбленному предмету.

Жизнь взрослыхъ представляетъ подобное же явленіе. Нѣкоторое время они увлекаются однимъ—модой, теоріей, книжкой, удовольствіемъ, новымъ мѣстомъ; потомъ гонятся за другимъ, болѣе новымъ. Есть такіе взрослые, которые, подобно дѣтямъ, никакъ не могутъ остановиться на чемъ-нибудь надолго и твердо, которые перебѣгаютъ отъ занятія къ занятію, пробуютъ десятки профессій, бываютъ всѣмъ, а въ заключеніе оказываются ничѣмъ. Мода на платья, мода на идеи — это явленія дѣтскаго характера.

Подобное явленіе въ опредѣленной рѣзкой формѣ встрѣчается на четвертомъ году жизни. Дитя сильно увлекается впечатлѣніями, поражающими его въ какомъ-либо отношеніи, и живетъ ими, но живетъ не короткій срокъ, какъ бывало прежде, но довольно долго, такъ что поразившее впечатлѣніе становится

какъ бы психическимъ центромъ, вокругъ котораго группируются всѣ другія явленія.

Дѣвочка, увлекавшаяся по третьему году сапогами, на четвертый годъ увлеклась „стариками“. Лѣтомъ на дачѣ ей пришлось присутствовать на двухъ дѣтскихъ представленіяхъ, главнымъ содержаніемъ которыхъ были живыя картины. Тутъ-то и фигурировали „старики“, которыхъ изображали знакомыя дѣвочки. Когда дитя увидало на сценѣ въ первый разъ „стариковъ“, оно испугалось и не захотѣло смотрѣть ихъ,—оно уткнуло лицо въ колѣни няни. Во второй разъ оно смотрѣло на „стариковъ“ относительно спокойно. Несмотря на страхъ, вызванный „стариками“, они произвели на дѣвочку громадное впечатлѣніе; она была поглощена переживаніемъ и воспроизведеніемъ этого впечатлѣнія. Цѣлые дни она не уставала повторять, какъ въ театрѣ она видѣла стариковъ: „динь-динь-динь, разъ; динь-динь-динь, два; динь-динь-динь, три; открывается занавѣсъ, а тамъ старики. И всѣ кричатъ: „браво, браво“,—и при этомъ хлопала въ ладоши. Дѣвочка разсказывала объ этомъ всѣмъ и каждому, и даже сама стала наряжаться „стариками“. Во всѣхъ предметахъ она находила какое-либо отношеніе къ „старикамъ“. Ей пришлось быть на Невскомъ проспектѣ въ то время, когда весь городъ былъ въ траурѣ по случаю кончины государя Александра III. При видѣ массъ черной матеріи, спускавшейся со всѣхъ домовъ, дѣвочка замѣтила: „какъ будто занавѣсы, какъ будто хотятъ играть въ стариковъ“.

Чѣмъ по существу дѣла отличается это увлеченіе дѣвочки „стариками“ отъ увлеченій взрослыхъ, напримѣръ, столоверченіемъ? У дѣвочки увлеченіе „стариками“ держалось нѣсколько мѣсяцевъ; у взрослыхъ увлеченіе столоверченіемъ держалось не дольше, кромѣ очень упрямыхъ поклонниковъ этого спорта.

XXVII.

Наблюденія надъ развитіемъ рѣчи и мышленія у дѣтей.

Членораздѣльная рѣчь есть только одинъ изъ видовъ языка, одинъ изъ способовъ выражать душевныя явленія. Ближе всего по своей природѣ къ ней подходятъ нечленораздѣльные звуки, которые имѣютъ нѣкоторое значеніе и въ членораздѣльномъ языкѣ. Разнообразное видоизмѣненіе этихъ звуковъ дѣлаетъ ихъ способными выражать самыя различныя волненія. Далѣе слѣдуетъ языкъ жестовъ—языкъ глухонѣмыхъ, который можетъ быть очень богатъ, можетъ выражать съ достаточною степенью опредѣленности всѣ

душевныя явленія, особенно, если въ его развитіи принимали участіе лица, владѣющія членораздѣльною рѣчью. Болѣе общій видъ языка жестовъ есть языкъ мимическій, когда психическое волненіе отражается въ выраженіи лица, глазъ, въ положеніи и движеніяхъ всего тѣла. Языкъ жестовъ есть только спеціальный отдѣлъ мимическаго языка. Наконецъ, есть еще языкъ письменъ, фигуръ, символовъ, помощію которыхъ мы также выражаемъ различныя мысли и душевныя настроенія. Такимъ образомъ понятіе языкъ есть понятіе чрезвычайно обширное и сложное.

Какъ возникъ языкъ въ человѣчествѣ? Есть ли онъ результатъ мимовольныхъ психофизіологическихъ процессовъ въ человѣкѣ, такъ что человѣкъ на самыхъ первыхъ ступеняхъ своего развитія владѣлъ всѣми видами языка—мимическимъ, жестовъ нечленораздѣльныхъ и членораздѣльныхъ звуковъ—хотя бы и въ несовершенной степени? Или же онъ, какъ думалъ ученый XVIII столѣтія Тидеманнъ, есть результатъ нужды и размышленія, изобрѣтенъ ради удобства сношеній самими людьми,—сначала языкъ жестовъ, а потомъ и членораздѣльный, въ послѣднемъ сначала звукоподражательныя слова, а потомъ и другія? Разбирать вопросъ о происхожденіи и развитіи языка въ человѣчествѣ здѣсь не мѣсто; мы замѣтимъ только, что теорія изобрѣтенія языка въ настоящее время оставлена, языкъ признается неизбѣжнымъ продуктомъ дѣятельности психофизическаго организма человѣка, есть непремѣнный спутникъ этого организма. Движенія и звуки возникаютъ невольно и они, какъ обнаруженія психической жизни, не составляютъ исключительной принадлежности человѣка, но суть достояніе животнаго царства вообще. Животныя, особенно живущія обществами, владѣютъ языкомъ движенія и нечленораздѣльныхъ звуковъ, а нѣкоторыя способны даже и къ членораздѣльной рѣчи. Имѣя въ виду ту мысль, что языкъ есть неизбѣжный, мимовольный результатъ психофизическаго организма человѣка, мы обращаемся спеціально къ наблюденіямъ надъ развитіемъ членораздѣльной рѣчи у дѣтей и постараемся отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) Создаютъ ли дѣти языкъ сами самобытно, творчески, или же усвояютъ готовый языкъ чрезъ подражаніе? 2) Какъ нужно смотрѣть на отношеніе языка и мысли у дѣтей? 3) Какъ усвояютъ дѣти физическую (фонетическую) и психологическую (логическую) сторону языка? 4) Какъ дѣти первоначально говорятъ? 5) Какъ воспитывать способность рѣчи ребенка?

I.

Первый вопросъ съ перваго взгляда представляется страннымъ. Дѣти русскихъ говорятъ по-русски, дѣти французовъ—по-французски, китайцевъ—по-китайски. Если русскаго ребенка рано отвезть во Францію или Китай, то его роднымъ языкомъ будетъ французскій или китайскій, а не русскій. Всѣ эти общеизвѣстные факты подтверждаютъ ту мысль, что языкъ есть результатъ подражанія и изученія, а не самобытнаго творчества ребенка.

Все это такъ, но все это не доказываетъ отсутствія самобытнаго творчества ребенка при овладѣніи имъ членораздѣльною рѣчью. Языкъ изучается, усвояется, какъ нѣчто данное и готовое; но способность говорить, самый процессъ изученія указываютъ на значительное присутствіе творческаго элемента. Безъ этого самобытнаго творчества невозможно было бы ребенку усвоить и готовый языкъ, такъ что усвоеніе ребенкомъ родного языка до нѣкоторой степени есть актъ, подобный созданію языка всѣмъ человѣчествомъ. Пояснимъ нашу мысль.

Голосовой аппаратъ очень сложенъ. Органы, содѣйствующіе произношенію звуковъ, слѣдующіе: гортань, легкія, дыхательное горло, полости глотки, рта, носа и губы. Различные звуки производятся дѣятельностію различныхъ частей голосового аппарата и различнымъ сочетаніемъ ихъ; нѣкоторыя изъ этихъ частей невидимы, а другіе и видимы, но соотношеніе ихъ при произношеніи звуковъ бываетъ очень сложное. Нѣкоторыя части голосового аппарата имѣютъ далеко не простое устройство, такъ, напр., гортань состоитъ изъ нѣсколькихъ хрящей, покрытыхъ мягкой мышечной тканью, снабжена щелью, такъ называемою, голосовою щелью, на которой натянуты упругія мышечныя пластинки, такъ называемыя, голосовыя связки. Голосовая щель и голосовыя струны расширяются и сокращаются, смотря по тому, расширяются или сокращаются мышцы гортани. Голосовыя струны, вслѣдствіе своей упругости, сотрясаются при каждомъ сокращеніи или расширеніи, сотрясенія передаются воздуху, проходящему чрезъ голосовую щель, на которую они натянуты, и гортань; отсюда онъ различнымъ образомъ отражается и видоизмѣняется въ полостяхъ глотки, рта и носа.

И такъ звукъ—процессъ очень сложный; рядъ звуковъ или слово—процессъ еще болѣе сложный. При такихъ физіолого-анатомическихъ условіяхъ произведенія звука, какимъ образомъ ребенокъ можетъ учиться говорить? Можно ли ребенка вызвать на подражаніе рѣчи, можно ли его заставить вслѣдъ за собой произносить слова? Эти попытки—учить дѣтей говорить—совершаются

многими матерями и нянюшками: онѣ нерѣдко цѣлые десятки разъ повторяютъ ребенку какое-нибудь слово, которое имъ хотѣлось бы заставить ребенка говорить. Въ отвѣтъ на эти старанія ребенокъ или молча хлопаетъ глазами, или же говоритъ совсѣмъ не то, чего отъ него требуютъ. Учительницы нерѣдко сердятся и обзываютъ ребенка глупымъ. Но можетъ ли онъ подражать? Рѣшительно нѣтъ, потому что онъ не знаетъ, какую часть голосового аппарата надобно для этого привести въ движеніе; учительницы же его этого не показываютъ, или потому, что это невозможно,—тѣ части голосового аппарата, которыя должны дѣйствовать, невидимы,—или потому, что онѣ и сами не знаютъ, какъ производится извѣстный звукъ, такъ какъ такое знаніе предполагаетъ довольно основательное знакомство съ анатоміей и физіологіей голосового аппарата. Естественно, что ребенку, въ такихъ обстоятельствахъ, на вызовъ къ подражанію, приходится или хлопать глазами, или же произносить тѣ звуки, которые сдѣлались ему доступными. Слѣдовательно, учить ребенка говорить на первыхъ порахъ физіологически невозможно, такъ же невозможно, какъ невозможно ребенка, еще не овладѣвшаго элементами письма, не могущаго правильно и свободно провести горизонтальную или вертикальную линію, заставить начертить сложную фигуру, или вызвать на подражаніе письма цѣлаго многосложнаго слова; надобно предоставить его собственному творчеству, собственной самодѣятельности, и только тогда, когда онъ уже нѣсколько будетъ владѣть своимъ голосовымъ аппаратомъ, можно будетъ вызывать его и на подражаніе. Въ первое же время попытки вызвать ребенка на подражаніе могутъ имѣть значеніе для развитія рѣчи только второстепенное и посредственное—дѣйствуя на органъ слуха, онѣ рефлективно могутъ отражаться и на дѣятельности голосового аппарата и такимъ образомъ пріучать къ произношенію членораздѣльныхъ звуковъ.

Но первоначальное изученіе языка невозможно не только съ анатомофизіологической стороны, но и съ психологической. Говорить не значить только произносить звуки, слова, лишенныя смысла; говорить значитъ выражать въ звукахъ психическія явленія, умѣть соединять со словами болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ. Слѣдовательно, развитіе членораздѣльной рѣчи предполагаетъ параллельное развитіе душевной жизни, мыслительной дѣятельности, образованіе новыхъ душевныхъ фактовъ. Но невозможно на первыхъ порахъ учить ребенка образованію новыхъ душевныхъ явленій, представленій, понятій и т. д. Эти явленія создаются самимъ ребенкомъ. Ребенокъ первоначально не пони-

маетъ ни словъ, произносимыхъ передъ нимъ, ни представленій и понятій, которыя выражаются словами, такъ какъ у него нѣтъ еще достаточной душевной опытности, достаточнаго матеріала для образованія, а вмѣстѣ и для пониманія соотвѣтственныхъ душевныхъ явленій. Для того, чтобы ребенокъ усвоялъ и развивалъ психологическую сторону языка, онъ долженъ быть поставленъ въ благопріятную среду, у него передъ глазами и подъ руками должно быть достаточное количество предметовъ, наблюдая которые, онъ невольно будетъ работать умственно и результаты работы выражать въ звукахъ. У нормальнаго развивающагося ребенка количество словъ бываетъ одинаково съ количествомъ представленій; всѣ же слова, изученныя имъ исключительно по подражанію и не отвѣчающія росту его душевной жизни, суть звукъ пустой, лишняя тяжесть, которой отягощаетса память ребенка. Помощь ребенку съ этой стороны, т. е. со стороны психологической языка, на первыхъ парахъ можетъ быть только не прямая: можно окружать ребенка достаточнымъ количествомъ доступныхъ его наблюдательности предметовъ, вызывать его умственую самодѣятельность и такимъ образомъ способствовать накопленію новыхъ душевныхъ явленій, имѣющихъ быть выраженными въ языкѣ. Прямая же помощь можетъ явиться только позднѣе, уже послѣ того, какъ ребенокъ запасется нѣкоторымъ количествомъ психологическаго матеріала, навыкнетъ наблюдать предметы, составлять представленія и понятія.

Итакъ мы приходимъ къ тому заключенію, что въ основѣ дѣтской рѣчи лежатъ процессы творческаго характера, дѣти и физіологически, и психически, прежде всего, создаютъ свою рѣчь, а потомъ изучаютъ рѣчь другихъ, т. е. языкъ окружающихъ лицъ. Если съ этой точки зрѣнія разсматривать рѣчь дѣтей, то мысли о творчествѣ дѣтей въ сферѣ языка можно найти многочисленныя фактическія подтвержденія. Вотъ что сообщаетъ Тэнъ о дѣвочкѣ, которую наблюдалъ: „она пріобрѣла (матеріалъ языка) большею частью сама собой и совершенно одна, и только очень небольшую часть, благодаря помощи другихъ и подражательности. Она сначала издавала звукъ—*мм*, самопроизвольно съ шумомъ дуя сквозь сжатыя губы. Это ее забавляло и было для нея открытіемъ. То-же самое было въ отношеніи звука *краао*, произносимаго глубокими гортанымм звуками; вотъ доля личнаго творчества, случайнаго и проходящаго. При ней нѣсколько разъ повторяли эти звуки; она внимательно слушала и теперь она можетъ тотчасъ же повторить ихъ, какъ только слышитъ. То-же самое и относительно звуковъ *папапапа*, которые издала случайно и

и сама собой, которые потомъ стали повторять ей до сотни разъ, чтобы запечатлѣть ихъ въ ея памяти и которые она, наконецъ, стала говорить намѣренно, очень легко и вѣрно, но не понимая смысла ихъ, какъ простое щебетанье, производить которое пріятно. Въ цѣломъ примѣръ и воспитаніе послужили лишь къ тому, чтобы обратить ея вниманіе на звуки, которые она начала произносить сама, или сама находила, вызвать повтореніе и совершенствованіе ихъ, направить къ нимъ ея предпочтеніе, заставить ихъ выдѣлиться и какъ бы всплыть изъ толпы другихъ звуковъ. Но вся инціатива принадлежитъ ей" [1]) Къ разряду подобныхъ фактовъ слѣдуетъ отнести всѣ тѣ случаи, когда дѣти сами составляютъ слова, какихъ нѣтъ въ языкѣ окружающихъ ихъ лицъ, и пользуются ими въ разговорѣ; когда они самостоятельно измѣняютъ слова, даютъ имъ не тѣ окончанія, которыя слова имѣютъ обыкновенно, по своему склоняютъ и спрягаютъ; когда они придаютъ словамъ родного языка свой особый смыслъ; когда они даютъ своеобразную конструкцію своей рѣчи, когда они создаютъ даже свой особый цѣлый языкъ и на немъ говорятъ между собою. Оттого дѣтскаго языка взрослые часто совсѣмъ не понимаютъ [2]) Такихъ фактовъ очень много. Родители и воспитатели нерѣдко относятся къ этимъ фактамъ очень неправильно, смотрятъ на нихъ какъ на явленія комическаго характера, тогда какъ они очень серьезны и важны. Это одни изъ первыхъ плодовъ дѣтскаго творчества. Когда дѣти составляютъ новыя слова, или какъ нибудь своеобразно соединяютъ старыя, они въ этихъ случаяхъ всегда имѣютъ въ виду внѣшнія свойства предметовъ, поражающія ихъ органы внѣшнихъ чувствъ, и эти-то случайныя, несущественныя черты выражаютъ въ своихъ названіяхъ. Одна дѣвочка называла свою нянюшку „Марія-Вечеръ", потому что та пришла въ первый разъ вечеромъ, а одного мальчика называла „уксусъ", потому что онъ пришелъ однажды въ домъ съ сильнымъ запахомъ уксуса. (Lazarus, Das Leben der Seele 11, 168).

Если же, несмотря на то, что дѣти первоначально говорятъ своимъ языкомъ, создаютъ его, послѣ выучиваются родному языку, то причины этого явленія и процессъ его очень просты: ребенокъ замѣчаетъ, что взрослые въ разговорѣ между собою и съ нимъ употребляютъ опредѣленныя слова. Ему, слѣдовательно, необхо-

---

[1]) Переводъ этой статьи „Наблюденія надъ усвоеніемъ языка ребенкомъ" См. въ Знаніи 1876 г. окт.

[2]) Попытка Идельбергера свести внѣ явленія на подражаніе дѣтей не можетъ быть признана убѣдительной. См. Die Entwickelung der kindlichen Sprache. Von H. A. Idelberger. Berlin, 1904 стр. 45-64.

димо изучать языкъ окружающихъ лицъ, чтобы понимать ихъ рѣчь и участвовать въ ихъ жизни и дѣятельности. Обращаясь на своемъ языкѣ къ взрослымъ, дѣти скоро замѣчаютъ, что взрослые не вполнѣ ихъ понимаютъ, а вслѣдствіе этого замедляется удовлетвореніе ихъ нуждъ и желаній. У нихъ возникаютъ такимъ образомъ довольно сильные мотивы къ тому, чтобы скорѣе усвоить языкъ окружающихъ лицъ; притомъ этотъ языкъ представляетъ уже вполнѣ выработанныя и готовыя формы для выраженія самыхъ различныхъ душевныхъ состояній и способность рѣчи развивается быстрѣе и легче, когда пользуются языкомъ уже готовымъ, чѣмъ когда создаютъ новый. Поэтому можно сказать, что языкъ съ его обширнымъ лексическимъ матеріаломъ и съ его выработанными этимологическими и синтаксическими формами сначала подавляетъ творчество ребенка въ сферѣ языка, а потомъ и совсѣмъ заглушаетъ. Первоначально ребенокъ борется съ готовыми формами языка, онъ ихъ измѣняетъ, передѣлываетъ и употребляетъ по своему; нерѣдко, пораженный какимъ нибудъ фактомъ, доселѣ имъ невиданнымъ, онъ создаетъ новое слово для его обозначенія по образцу знакомыхъ ему, если между этими знакомыми словами нѣтъ подходящаго для обозначенія замѣченнаго явленія. Ребенокъ двухъ съ половиной лѣтъ въ купальнѣ упалъ съ подмостковъ въ воду и сейчасъ же былъ вытащенъ. Разсказывая объ этомъ происшествіи, по возвращеніи домой, своей матери, онъ выразился такъ: „мама! я сначала *втонулъ*, а потомъ *вытонулъ*“. Но мало по малу, привычка и среда совершенно втягиваютъ его въ сферу готовыхъ, принятыхъ формъ; ребенокъ начинаетъ говорить все съ меньшими и меньшими отступленіями отъ правилъ языка и, наконецъ, говоритъ совершенно чисто, т. е. пользуется для выраженія своихъ мыслей и чувствъ готовымъ запасомъ словъ и формъ, на новыя слова и новыя сочетанія словъ начинаетъ смотрѣть, какъ на неправильности, на смѣшныя отступленія отъ принятой рѣчи, старается даже подражать кому либо въ своихъ словахъ и оборотахъ. Творчество въ сферѣ языка совсѣмъ угасло. Позднѣе, когда этотъ ребенокъ сдѣлается взрослымъ, когда въ его головѣ зародятся оригинальныя мысли и новыя чувства, тогда онъ снова вступитъ въ борьбу съ принятыми формами языка и будетъ искать для своихъ новыхъ думъ и чувствъ новыхъ словъ, новыхъ сочетаній и оборотовъ, тогда онъ снова будетъ дѣлать попытки творчества въ сферѣ языка. Оригинальные и талантливые писатели суть главнѣйшіе выразители творческаго процесса въ языкѣ въ послѣдній періодъ его развитія.

II.

Какъ относится языкъ дѣтей къ ихъ мысли? Есть ли онъ средство выраженія готовыхъ мыслей, или вмѣстѣ съ тѣмъ и средство развитія понятій и мыслей? Прибавляется ли языкъ уже къ готовымъ понятіямъ, или онъ самъ создается и развивается одновременно съ созданіемъ и развитіемъ мыслей? На эти вопросы давали два отвѣта: языкъ есть только удобное средство выраженія готовыхъ мыслей; языкъ, будучи хорошимъ средствомъ выраженія мыслей, есть въ то-же время и необходимое орудіе развитія мыслей.

Первый изъ этихъ отвѣтовъ давался такими филологами, которые признавали, что языкъ изобрѣтенъ людьми для большаго удобства во взаимныхъ сношеніяхъ. По этому воззрѣнію, котораго придерживался вышеупомянутый Тидеманнъ, мысль человѣка, безъ помощи членораздѣльнаго языка, достигла такого высокаго развитія, что люди пришли къ сознанію недостаточности языка жестовъ, который употреблялся до членораздѣльнаго во взаимныхъ сношеніяхъ, подмѣтили нечленораздѣльные звуки, издававшіеся животными подъ вліяніемъ различныхъ душевныхъ волненій, и рѣшили воспользоваться ими для созданія болѣе удобнаго средства взаимныхъ сообщеній. Такимъ образомъ, мало-по-малу, возникъ членораздѣльный языкъ. При такомъ воззрѣніи на происхожденіе языка, подъ языкомъ разумѣется собственно фонетическая сторона, рядъ звуковъ, языкъ сводится на простой инструментъ, на мертвое орудіе выраженія мыслей и взаимныхъ сообщеній.

Это воззрѣніе пережито и оставлено наукой. Главное неудобство его заключается въ неправильномъ взглядѣ на языкъ, какъ на рядъ звуковъ. Понять правильно языкъ, какъ что-то отдѣльное отъ мысли, существующее само по себѣ, и мысль отдѣльно отъ языка, существующую саму по себѣ, невозможно. Языкъ и мысль тѣсно, можно сказать, неразрывно связаны между собою, а по разсматриваемому воззрѣнію предполагается, что языкъ присоединяется къ мысли, уже достигшей значительной степени развитія. Притомъ языкъ, какъ и мысль, не есть что либо готовое, законченное, что остается неизмѣннымъ; языкъ есть вѣчное, непрерывное развитіе, языка собственно нѣтъ, а есть способность рѣчи, находящаяся постоянно въ процессѣ измѣненія.

Эта-то теорія о томъ, что членораздѣльный языкъ присоединяется къ мысли уже довольно развитой, примѣняется, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и смягченіями, къ языку и мысли дѣтей нѣкоторыми изслѣдователями. Именно Пере въ своей книгѣ „Les trois premieres annees de l'enfant“ утверждаетъ (въ главѣ

Generalisation), что у дѣтей есть общія идеи, независимыя отъ языка, существующія въ ихъ умѣ ранѣе соотвѣтствующихъ словъ. Доказательства, которыя Пере приводитъ въ подтвержденіе своей мысли, слѣдующія: у животныхъ можно замѣтить нѣкоторые проблески и начала общихъ идей помимо членораздѣльнаго языка у дѣтей, прежде чѣмъ они начнутъ говорить, можно наблюдать существованіе обобщающей способности, по тѣмъ поступкамъ и жестамъ, которые они совершаютъ; въ то время, когда ребенокъ начинаетъ говорить и выражаетъ свои идеи словами, у него можно замѣтить другія общія идеи, которыя не выражаются словами. Изъ этихъ фактовъ Пере выводитъ то заключеніе, что языкъ есть болѣе орудіе фиксаціи и опредѣленія общихъ идей, чѣмъ ихъ образованія: слово прогрессируетъ вмѣстѣ съ идеей и чрезъ идею. „Если бы, говоритъ Пере, общая идея не существовала, въ какой бы то ни было степени образованія, прежде соотвѣтствующаго ей названія, то я видѣлъ бы въ появленіи ея дѣйствіе безъ причины, меньшее, производящее большее, знакъ, производящій обозначаемую вещь“ (181). Между тѣмъ самъ Пере приводитъ слова Макса Мюллера, повторяемыя Тэномъ; „если лингвистика что нибудь доказала, то именно положеніе, что мысль концептуальная или дискурсивная можетъ развиваться только чрезъ слова. Не существуетъ мысли безъ словъ, какъ не существуетъ и словъ безъ мысли“. Кто же правъ—Пере или лингвисты?

Оставляя въ сторонѣ животныхъ, мы разсмотримъ собственно то, что касается мышленія дѣтей и его отношенія къ языку.

Что нѣкоторыя представленія—мы не говоримъ объ идеяхъ—дѣти имѣютъ прежде, чѣмъ начинаютъ говорить—это несомнѣнный фактъ. О немъ сообщаетъ не только Пере, но и другіе наблюдатели психической жизни дѣтей, напримѣръ, Сигизмундъ (Дитя и міръ). Онъ разсказываетъ о своемъ сынѣ, что онъ, будучи девяти мѣсяцевъ, безошибочно различалъ слова: отецъ, мать, свѣтъ, окно, луна, улица, потому что онъ смотрѣлъ или указывалъ немедленно же, какъ только произносилось одно изъ этихъ словъ, на предметъ, обозначаемый звукомъ. На вопросъ: гдѣ папа? одна шестимѣсячная дѣвочка уже искала его глазами (144). Сигизмундъ показывалъ своему сыну, еще не достигшему года, набитаго глухаря и, намекая на него, сказалъ: птица. Тотчасъ за этимъ дитя посмотрѣло въ другую сторону комнаты, гдѣ на печи находилась набитая бѣлая сова въ такой позѣ, какъ будто она готова взлетѣть. Сову дитя несомнѣнно видало раньше. Это повторялось дитятей всегда, когда Сигизмундъ показывалъ ему ту или другую птицу (147–8). При этомъ Сигизмундъ замѣчаетъ, что если по-

казать дитяти яблоко, назвать его плодомъ или какъ нибудь иначе, то можно будетъ видѣть, что оно обращаетъ свои глаза на тыкву, лежащую въ иномъ мѣстѣ, если только оно раньше знало о существованіи послѣдней (149).

Что касается того, что дитя, когда оно уже начало говорить, имѣетъ такія представленія, которыхъ оно не въ состояніи еще толково выразить словами, то это нерѣдко можно наблюдать надъ дѣтьми: ребенокъ начинаетъ иногда очень одушевленно разсказывать или объяснять что либо, увлеченный представившимся предметомъ. Слушаешь—слушаешь его, видишь, что онъ хочетъ что то сказать, но не понимаешь, ребенокъ объясняется очень плохо. Но несомнѣнно, что въ его головкѣ мелькаетъ въ это время какая то смутная, неясная мысль, которой онъ не можетъ изложить. Иногда случается, что взрослая особа, привыкшая обращаться съ ребенкомъ, изучившая его языкъ жестовъ и мимическій, является къ нему на помощь и съ этой подмогой ребенокъ благополучно выясняетъ промелькнувшую мысль.

Вопросъ слѣдовательно въ смыслѣ и значеніи фактовъ, а не въ самыхъ фактахъ. Какъ ихъ понять? Нужно имѣть постоянно въ виду, для правильнаго пониманія этихъ фактовъ, что лингвисты не отрицаютъ возможности мышленіи вообще безъ членораздѣльнаго языка, они отрицаютъ только подобную возможность для мышленія понятіями. Здѣсь большая разница. И животныя мыслятъ, и дѣти, до начала членораздѣльной рѣчи, мыслятъ. Но какъ мыслятъ? Мышленіе мышленію рознь. Мы постараемся разсмотрѣть, какіе психическіе акты возможны безъ членораздѣльнаго языка и какіе невозможны.

Что ощущеніе возможно безъ членораздѣльнаго языка, объ этомъ, конечно, нечего и говорить. Остановимся на представленіи. Представленіе возникаетъ изъ сочетанія ощущеній, однородныхъ или разнородныхъ. Если ощущеніе одного цвѣта повторялось много разъ, то мы получаемъ возможность воспроизведенія цвѣта при отсутствіи дѣйствительныхъ предметовъ, имѣющихъ этотъ цвѣтъ. Такое представленіе цвѣта также вполнѣ возможно безъ словъ. Если представленіе будетъ разнородное, т. е. будетъ состоять изъ признаковъ, воспринятыхъ различными органами, то и оно возможно безъ слова. Многія животныя имѣютъ множество такихъ представленій, собака, напримѣръ, о своемъ хозяинѣ, о членахъ его семейства, своей конурѣ и т. д. Далѣе, сходныя представленія могутъ сливаться и образовать одно общее представленіе о человѣкѣ вообще, домѣ, животномъ и т. д. Могутъ ли возникать такія общія представленія безъ членораздѣльной рѣчи? Несом-

нѣнно могутъ, если принять во вниманіе силу законовъ ассоціаціи и приведенные выше факты. Дѣйствіе законовъ ассоціаціи не обусловливается присутствіемъ или отсутствіемъ членораздѣльной рѣчи. Два близко сходныя представленія, въ силу закона сходства, будутъ возбуждать въ памяти другъ друга и даже сливаться, если они очень сходны, несмотря на то, выражаются они или нѣтъ соотвѣтствующими словами. Факты относительно психической жизни животныхъ и дѣтей, прежде чѣмъ они начнутъ говорить, подтверждаютъ эту мысль. Животныя, напримѣръ, собаки, лошади, кошки, имѣютъ много общихъ представленій, о людяхъ и животныхъ, о домахъ, о рѣкѣ и т. д. Иныя собаки очень хорошо различаютъ нищихъ отъ другихъ людей, долго помнятъ причинившихъ имъ побои и т. д. Дѣти до начала рѣчи также сливаютъ сходныя представленія: укажите ребенку на птицу и скажите—это птица, и онъ повертываетъ голову и начинаетъ искать глазами другую. Слѣдовательно, одно представленіе вызываетъ въ немъ другое сходное.

Итакъ, до сихъ поръ все правъ Пере; далѣе начинается справедливость утвержденія лингвистовъ.

Образованіе общихъ представленій не есть еще мышленіе въ собственномъ смыслѣ слова, мышленіе понятіями. До понятій еще надо сдѣлать одинъ шагъ далѣе. Для образованія понятій чрезвычайно важно умѣть выдѣлять изъ цѣлаго представленія отдѣльные признаки и черты и мыслить ихъ самостоятельно, отвлеченно; важно выдѣлять отъ предметовъ дѣйствія и ихъ ставить, какъ особый предметъ мысли; важно обозначать такія свойства и дѣйствія, которыя сейчасъ, сразу, въ настоящій моментъ не могутъ быть схвачены чувствами, какъ, напримѣръ, рости, развиваться, измѣняться, старѣть, полнѣть и т. д. Настоящее мышленіе понятіями предполагаетъ всѣ эти процессы. А они возможны только съ помощію членораздѣльной рѣчи. Когда нѣтъ членораздѣльной рѣчи, то сходныя представленія воспроизводятся цѣликомъ со всѣми признаками и качествами; выдѣленія чертъ не бываетъ. Чтобы этотъ процессъ *дифференціаціи* представленій и ихъ новой *интеграціи* былъ возможенъ, для этого нужно имѣть въ рукахъ такое средство, помощію котораго мы могли бы разлагать умственно предметъ на составляющіе его признаки и качества. Эта средство и есть членораздѣльныя слова. Помощію словъ мы можемъ мыслить не только о какомъ либо бѣломъ предметѣ, какъ цѣлой совокупности чертъ, но мыслить и о бѣлизнѣ, какъ самостоятельномъ предметѣ; можемъ представлять себѣ не только умныхъ, здоровыхъ, красивыхъ людей, но и мыслить объ умѣ,

здоровьи, красотѣ; можемъ разсуждать, какъ о самостоятельномъ предметѣ, о ростѣ, измѣненіи, старости и т. д.

Насколько важна эта помощь языка для анализа представленій и образованія изъ нихъ новыхъ сочетаній, высшихъ (понятій), это можно иидѣть изъ наблюденій надъ людьми, не искусившимися въ мышленіи: заговорите съ ними о чемъ нибудь добромъ, истинномъ, кругломъ, бѣломъ, и они сведутъ рѣчь на добрыхъ людей, истинные, справедливые приговоры и сужденія, на бѣлые и круглые предметы. Имъ тяжело въ сферѣ отвлеченія, отдѣльные признаки вызываютъ въ ихъ сознаніи цѣлыя совокупности признаковъ, съ которыми связаны первые; поэтому ихъ разсужденіе постоянно уклоняется въ сторону отъ предмета рѣчи. Если это замѣчается съ людьми, которые уже владѣютъ членораздѣльною рѣчью, имѣютъ отдѣльныя обозначенія для отдѣльныхъ качествъ и все же умственно постоянно рвутся къ цѣлымъ совокупностямъ признаковъ, то что же сказать о людяхъ, которые не владѣли членораздѣльною рѣчью и такимъ образомъ по необходимости должны были мыслить цѣлыми образами? Для мышленія, кромѣ возможности анализа цѣлаго представленія, еще очень важно отчетливое воспроизведеніе пережитыхъ впечатлѣній и результатовъ прежнихъ мыслительныхъ работъ. До закрѣпленія въ памяти этихъ впечатлѣній и работъ какимъ либо знакомъ припоминаніе ихъ бываетъ очень слабо. Возьмите для примѣра какую либо сложную работу, требующую сопоставленія и сравненія многихъ представленій. Какъ скоро предпринятая работа окончена, то представленія, собранныя для этой работы отовсюду, снова разъединяются, расходятся по прежнимъ группамъ, а вмѣстѣ съ этимъ и результатъ, выведенный изъ сопоставленія собранныхъ представленій, теряетъ подъ собой почву, становится не ясенъ и легко забывается, такъ что очень скоро для полученія того же самаго результата приходится передѣлывать всю работу снова. Если же мы и процессъ и результатъ работы закрѣпляемъ въ памяти какими либо внѣшними знаками, напр. словами, то эта работа не исчезнетъ ни такъ скоро, ни такъ безслѣдно, останутся внѣшніе знаки этой работы, которые и будутъ напоминать о ней.

Итакъ мы согласны съ Пере, что слово прогрессируетъ съ идеей и чрезъ идею; мы согласны, что корни идей лежатъ въ дословной эпохѣ жизни ребенка и что за это время у него уже замѣчается нѣкоторая склонность къ обобщенію, т. е. къ сліянію сходнаго; но мы желали бы прибавить, что и идея прогрессируетъ вмѣстѣ со словомъ и чрезъ слово, и что мышленіе понятіями возможно только при членораздѣльной рѣчи.

Теперь обратимся къ дальнѣйшимъ вопросамъ относительно языка дѣтей, къ усвоенію ими фонетической и логической стороны членораздѣльной рѣчи.

III.

Первый языкъ, которымъ пользуется дитя для выраженія своихъ душевныхъ состояній, есть языкъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, мимики и жестовъ. Каждому дитяти, даже глухонѣмому, природа даетъ даръ такого языка,—учиться ему не нужно: онъ необходимое явленіе въ жизни человѣческаго существа; поэтому онъ всеобщъ и одинаковъ, его понимаютъ всѣ дѣти, всѣ люди, на немъ можно говорить со всѣми. Конечно, и онъ имѣетъ у разныхъ народовъ нѣкоторыя особенности, характеризующія только данный народъ; но въ своемъ существѣ, въ своихъ основахъ онъ одинаковъ: и печальное и радостное настроенія, и гнѣвъ и страхъ, и боль и наслажденіе всюду, въ сущности, выражаются одинаково.

Языкъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, мимики и жестовъ во всю жизнь человѣка имѣетъ громадное значеніе. Въ первый годъ жизни человѣкъ на немъ только и объясняется. Съ возникновеніемъ и развитіемъ членораздѣльной рѣчи его значеніе уменьшается, сокращается, но никогда не уничтожается, никогда не доходитъ до нуля. При началѣ членораздѣльной рѣчи языкъ дитяти представляется крайне смѣшаннымъ и сложнымъ, онъ состоитъ въ меньшей части изъ членораздѣльныхъ словъ, а въ большей—изъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, жестовъ, мимическихъ выраженій лица, глазъ и всего организма. Съ развитіемъ членораздѣльной рѣчи она получаетъ все большее и большее значеніе въ языкѣ дитяти, а область нечленораздѣльныхъ звуковъ, мимики и жестовъ уменьшается; членораздѣльныя слова составляютъ около половины всей той суммы знаковъ, которыми дитя выражаетъ свое психическое состояніе, потомъ половину, а наконецъ и большую часть. Но языкъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, мимики и жестовъ никогда не исчезаетъ при взаимныхъ сношеніяхъ между людьми, всегда дополняетъ членораздѣльную рѣчь, придавая ей характерные оттѣнки, особенную силу и выразительность.

Когда маленькое дитя, еще не умѣющее говорить членораздѣльно, подходитъ къ креслу, на которомъ сидитъ отецъ, и говоритъ: папа, тащитъ отца за платье, при этомъ напрягается и даже сердится, особенно если его не понимаютъ, или не хотятъ

скоро исполнить его желаніе; когда же отецъ встанетъ съ кресла, то дитя обрадуется, будетъ хлопать ручкой по сидѣнью кресла и снова говорить: папа,—тогда его желаніе ясно: оно хочетъ, чтобы отецъ всталъ съ кресла и на свое мѣсто посадилъ его, дитя. Вся членораздѣльная рѣчь здѣсь заключается въ одномъ словѣ папа, повторенномъ нѣсколько разъ, но зато мимики и жестовъ очень много. Точно также, когда дитя видитъ, что отецъ сбирается уходить, и приноситъ ему шляпу, достаетъ изъ угла и подаетъ палку, затѣмъ машетъ ручкой по направленію къ улицѣ и говоритъ: папа,—тогда мы имѣемъ снова цѣлую рѣчь, выраженную жестами и мимикой и заключающую одно членораздѣльное слово. Постепенно соотношеніе членораздѣльнаго элемента и элемента жестовъ и мимики въ языкѣ дитяти мѣняется, словъ произносится больше, а жестовъ и мимики становится меньше. Восемнадцатимѣсячную дѣвочку спрашиваютъ: кто поѣдетъ кататься на лошадкѣ? Она отвѣчаетъ: папа, мама, няня, и затѣмъ прикладываетъ руку къ своему лицу, обозначая этимъ жестомъ себя. Та же дѣвочка въ два года подходитъ къ отцу и матери, тащитъ ихъ за платье и говоритъ: „папа мама, нямъ-нямъ“, т.-е. папа, мама, идите обѣдать или завтракать. Въ приведенныхъ случаяхъ членораздѣльная рѣчь является уже преобладающимъ элементомъ въ языкѣ дитяти. Наступленіе этого періода преобладанія членораздѣльной рѣчи въ языкѣ дитяти выражается цѣлымъ рядомъ любопытныхъ явленій, между прочимъ и тѣмъ, что дѣти начинаютъ по всякому поводу очень много говорить, при чемъ слова, ими произносимыя, не всегда понятны и обычны. Во второй половинѣ второго года одна дѣвочка очень любила читать. Чтеніе состояло въ слѣдующемъ: она брала книжку или бумажку, ходила съ ней и бормотала. Станетъ въ уголъ, прижметъ бумажку къ стѣнѣ или положитъ на стулъ и бормочетъ. Иногда положитъ бумажку на полъ, сама ляжетъ возлѣ бумажки, водитъ по ней пальчикомъ и читаетъ, т.-е. бормочетъ. Постепенно такое чтеніе укрѣплялось, вмѣсто бормотанья появлялись слова, слѣдовавшія одно за другимъ безъ перерыва и довольно долгое время, дѣвочка стала помаленьку читать и ходя, при чемъ число правильно произносимыхъ словъ постепенно возрастало. Очевидно, потребность въ членораздѣльномъ выраженіи своихъ душевныхъ состояній возрастала у дѣвочки и отодвигала на второй планъ жесты и мимику.

Обращаясь къ наблюденію надъ развитіемъ собственно членораздѣльной рѣчи, мы различаемъ въ немъ два главные періода: развитія пониманія рѣчи другихъ и собственное говореніе.

Прежде чѣмъ дитя начнетъ говорить, оно понимаетъ уже многія слова Возможность пониманія словъ безъ умѣнья произнотить ихъ обусловливается слѣдующими обстоятельствами: 1) одновременной ассоціаціей предмета и его названія. Очень часто дитяти показываютъ какой-либо предметъ и въ то же время называютъ его. Зрительное и слуховое впечатлѣнія дѣйствуютъ совмѣстно и въ силу своей совмѣстности ассоціируются, такъ что дитя, слыша наименованіе предмета, припоминаетъ образъ его. Такимъ путемъ дитя усвояетъ смыслъ многихъ существительныхъ, обозначающихъ окружающіе его предметы и лица, а равно глаголовъ, которыми обозначаются дѣйствія, производимыя на глазахъ. Дитя довольно рано узнаетъ, кто называется мамой, няней, папой, Аннушкой, Прасковьей; что означаютъ слова: рука, нога, носъ, ротъ, глаза, столъ; что значитъ стучать, ѣсть, пить, звонить, бросать, поднимать и т. п.; 2) помощью языка мимики и жестовъ, который постоянно сопровождаетъ членораздѣльную рѣчь взрослыхъ. Этимъ вторымъ путемъ дитя усвояетъ смыслъ глаголовъ, обозначающихъ желанія и сложныя дѣйствія. Таковы глаголы: хотѣть, бояться, гулять, разсказывать, одѣваться, ѣхать, играть и т. п. Этими же двумя способами дитя усвояетъ смыслъ цѣлыхъ фразъ, напримѣръ: дай ручку, покачай головкой, разинь ротикъ, сдѣлай ладошки, помахай ручкой, понюхай цвѣточекъ и т. д., при чемъ фраза представляется дитяти чѣмъ-то цѣлымъ, не имѣющимъ частей, какъ бы однимъ словомъ.

Начало пониманія словъ дитятей относится къ очень раннему времени его жизни. Въ концѣ четвертаго мѣсяца уже можно замѣчать какъ бы проблески пониманія словъ. Такъ одна дѣвочка на послѣдней недѣлѣ четвертаго мѣсяца какъ будто обнаруживала нѣкоторое пониманіе выраженія: „дай ручки“. При этой фразѣ она сейчасъ же закопошится, зашевелитъ ручками, хотя сама и не дастъ ихъ. Въ концѣ пятаго мѣсяца дѣвочка прекрасно понимала слово „кушать“. Какъ бы она ни рѣзвилась, но если ее спросить: „хочешь кушать?“ она сейчасъ же начнетъ дѣлать нетерпѣливыя гримаски и чмокать губами. Въ то же время она понимала слова „гулять“. Если она плакала, то стоило сказать ей „хочешь гулять?“ и она сейчасъ же замолкала и терпѣливо давала одѣвать себя.

Съ четвертаго-пятаго мѣсяца начинается довольно быстрое увеличеніе числа словъ, понимаемыхъ дитятей. Пониманіе выражается тѣмъ, что дитя совершаетъ движенія, обозначаемыя словомъ или фразой, ищетъ называемые лица и предметы. Дитяти говорятъ: „сдѣлай ладошки“, и оно дѣлаетъ; его спрашиваютъ:

„гдѣ у тебя носикъ? гдѣ лампа?“ и оно указываетъ на соотвѣтственные предметы.

Что касается количества понимаемыхъ дитятей словъ и выраженій до начала членораздѣльной рѣчи, то опредѣлить его съ точностью довольно трудно, такъ какъ ошибка въ такомъ случаѣ легко возможна. На основаніи наблюденій надъ различными дѣтьми, количество понимаемыхъ ими болѣе или менѣе отчетливо словъ въ возрастѣ одного года можно опредѣлять въ 50—100. Разница въ количествѣ понимаемыхъ словъ будетъ зависѣть отъ многихъ обстоятельствъ: отъ личныхъ способностей и свойствъ дитяти, отъ способности памяти и быстроты воспріятія впечатлѣній, отъ отношенія взрослыхъ къ данному предмету, т.-е. отъ того, обращаютъ ли они вниманіе на пониманіе дѣтьми словъ, прилагаютъ ли заботы о томъ, чтобы съ произносимыми словами соединялись и воспріятія называемыхъ предметовъ и дѣйствій, или нѣтъ, и, наконецъ, отъ способа изслѣдованія этого вопроса, т.-е. отъ того, отмѣчаются ли лишь слова, понимаемыя вполнѣ опредѣленно, ясно, отчетливо, или и такія, которыя понимаются нѣсколько смутно. На основаніи указанныхъ соображеній, число 50—100 словъ и фразъ, понимаемыхъ дѣтьми въ возрастѣ одного года, нужно считать приблизительнымъ, среднимъ числомъ, уклоненія отъ [которгао могутъ быть въ обѣ стороны, т.-е. число понимаемыхъ словъ можетъ быть и меньше 50 и болѣе 100. Къ полутора годамъ дитя можетъ слѣдить, понимая, за разговоромъ объ окружающихъ предметахъ, какъ скоро разговоръ сопровождается достаточно выразительными жестами и мимикой; ему можно бываетъ на словахъ поручить что-либо принесть или отнесть, и оно исполняетъ порученіе.

Что касается характера понимаемыхъ дѣтьми словъ и фразъ, то всѣ они относятся къ обозначенію того, что есть на глазахъ, что совершается часто, что воспринимается различными органами внѣшнихъ чувствъ. Таковы слова: мама, папа, Лена, Прасковья, Аннушка, Мотя, головка, волосы, уши, ножки, зубочки, грудочка, чашечка, рубашечка, передничекъ, башмачки, кушать, пить, поцѣлуй маму, дай ручки, столъ, стулъ, зеркало, сдѣлай папѣ ручкой, лягъ, спой пѣсню, посмотри, помани, сядь, возьми и т. д. „Дай мамѣ“, говорятъ дѣвочкѣ по 11 мѣсяцу, и если у ней въ рукахъ сухарь, то она суетъ его въ ротъ матери и выжидаетъ, чтобы та откусила немножко отъ сухаря.

Дѣти начинаютъ понимать общій смыслъ фразъ прежде, чѣмъ достигнутъ пониманія отдѣльныхъ словъ, входящихъ въ составъ фразы. Смыслъ фразы они схватываютъ по сопровождаю-

щему членораздѣльную рѣчь мимическому языку, т. е. по выраженію лица, глазъ, жестамъ и т. д. Скажите ребенку, протягивая ему руку: „хочешь ли идти со мною въ садъ?“ Онъ повторитъ: „да, да, идти со мною въ садъ“; тѣлодвиженіе и слово садъ уже объяснили ему все. Если же скажете, отталкивая его: „я пойду въ садъ безъ тебя“, то онъ долго будетъ жалобно кричать: „не безъ тебя, не безъ тебя“. Изъ этого видно, что онъ понялъ ясно все предложеніе, не придавая особеннаго смысла каждому слову [1]). Одинъ ребенокъ, выучивъ слова „хорошій мальчикъ“, употреблялъ ихъ всегда вмѣстѣ. Когда онъ хотѣлъ выразить понятіе хорошая корова, онъ говорилъ: хорошій мальчикъ корова. Точно также одна дѣвочка, желая выбранить доктора, который ей досаждалъ, говорила: докторъ дурная дѣвочка (Тэнъ, объ умѣ и познаніи, 11, 144). Колѣни и на колѣни, люлька и въ люльку и т. п. для ребенка долгое время имѣютъ одинаковое значеніе.

Второй періодъ въ развитіи членораздѣльной рѣчи есть собственное говореніе дитяти. Оно подготовляется издаваніемъ довольно разнообразныхъ звуковъ, которые трудно бываетъ подчасъ выразить буквами нашего алфавита, которые какъ-то переливаются и измѣняются, образуя весьма оригинальныя и сложныя сочетанія звуковъ. Тутъ слышатся аі, ма-а-м, ля-а, элъ, ау, ан-на-а, ауа, мэм-мэ, ббб, аббб, бббу, ба, бя и др. Дитя, находясь въ бодрственномъ состояніи, уставится глазами на что-нибудь и начинаетъ гимнастику голосового аппарата, издавая звуки то низкіе и сипловатые, то высокіе и чистые. Тэнъ говоритъ про одну дѣвочку (около 4 мѣсяцевъ) [2]), что она, лежа въ саду лѣтомъ на коврѣ, издавала самые разнообразные звуки, въ которыхъ слышались исключительно гласные и ни одного согласнаго звука. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; постепенно къ гласнымъ звукамъ присоединились согласные, восклицанія дѣлались болѣе и болѣе членораздѣльными. Въ цѣломъ выходила очень совершенная и очень разнообразная болтовня, продолжавшаяся по четверти часа и повторявшаяся по десяти разъ въ день. Звуки, гласные и согласные, вначалѣ неопредѣленные и трудно уловимые, постепенно приближались къ тѣмъ, которыми мы владѣемъ; дѣвочка представлялась какъ бы говорящею на иностранномъ языкѣ. Она наслаждалась своею болтовнею, какъ птица щебетаніемъ. Болтовня была не болѣе, какъ щебетаніе: съ звуками, которые дѣвочка произносила, она не связывала никакого смысла; она владѣла только матеріаломъ языка. Особенно часто дѣти

[1]) Неккеръ де-Соссюръ, Постепенное воспитаніе, 1, 213 (русск. перев.).

[2]) Вышеназвананя статья въ „Знаній“ 1876 г. октябрь.

упражняются въ голосовой гимнастикѣ по утрамъ, только что проснувшись послѣ хорошаго, крѣпкаго, освѣжающаго сна.

За отдѣльными звуками или цѣлыми сочетаніями звуковъ, ничего не выражающихъ, слѣдуютъ такія сочетанія, которыя приближаются къ словамъ взрослыхъ, каковы ба-ба, бэбэ, бя-бя, няня, та-та, тятя, га-га, тпруа. Нѣкоторыя изъ этихъ созвучій, просуществовавъ болѣе или менѣе продолжительное время, исчезаютъ, другія же остаются, получаютъ опредѣленное значеніе и составляютъ первый словарь дитяти. Словъ, имѣющихъ опредѣленный смыслъ и произносимыхъ дитятей, на первыхъ порахъ бываетъ мало. Словарь одной дѣвочки года и трехъ мѣсяцевъ состоялъ изъ слѣдующихъ шести словъ: 1) ба—мокрое, грязное, нехорошее; 2) что-то въ родѣ длятуйте—здравствуйте; 3) папа; 4) мама; 5) тпруа—гулять; 6) да. Словарь растетъ очень медленно, при чемъ нѣкоторыя прежнія слова съ теченіемъ времени исчезаютъ. Такъ у выше упомянутой дѣвочки исчезло слово длятуйте, появилось было слово „титеечка"—копеечка, но тоже скоро исчезло. Въ полтора года словарь дѣвочки состоялъ лишь изъ слѣдующихъ семи словъ: папфъ (папа), мама, няня, дити, аапъ (Арабка—собака), ци-ци (гостинцы), ня (на, возьми). Особенно быстро рѣчь дитяти возрастаетъ въ концѣ второго года и во весь третій годъ; въ это время словарь дитяти увеличивается почти со дня на день.

Что касается особенностей въ произношеніи дѣтьми словъ, то онѣ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) длинныя слова сокращаются, изъ нихъ произносится лишь одинъ слогъ или два слога. Напримѣръ, слово гостинцы сначала произносится ци-ци, потомъ астицы и наконецъ гостинцы. Подобная же исторія происходитъ и съ другими длинными словами: молоко произносится сначала просто ма, Лиза—а, вмѣсто упала говорится упа, вмѣсто собака—бака и т. д.; 2) такъ какъ согласные звуки наиболѣе трудны для дитяти, то оно часто опускаетъ трудные согласные или замѣняетъ ихъ болѣе легкими: вмѣсто Лиза дитя говоритъ Лія, вмѣсто чулки—чуки, вмѣсто булка—бука, вмѣсто печка—пека, стѣна—тѣна, дрова—дёва. Замѣна трудныхъ согласныхъ болѣе легкими бываетъ весьма разнообразная. Одна дѣвочка особенно затруднялась слѣдующими звуками: р, ж, л, ш, ы; р она, будучи почти трехъ лѣтъ, совсѣмъ не произносила, вмѣсто ж произносила что-то среднее между ж и з, вмѣсто л произносила ё, вмѣсто ш—с, вмѣсто ы—и. Другая дѣвочка трехъ лѣтъ и 8 мѣсяцевъ затруднялась звуками р, ч, с, з, щ, замѣняя р—л, ч—ц, с—ш, з—ж, щ—сц, напримѣръ произнося вмѣсто ротъ—лотъ, ничего—ницево, сама—шама, зубы—жубы, еще—есцо.

Словарь дѣтей, какъ замѣчено, быстро возрастаетъ со второго полугодія второго года и къ двумъ годамъ достигаетъ довольно значительнаго объема. Исчисленіе словъ дѣтскаго словаря было произведено различными изслѣдователями,—результаты, какъ и слѣдовало ожидать, оказались различные. Одинъ изслѣдователь подвергъ изслѣдованію трехъ дѣтей въ возрастѣ 24 мѣсяцевъ, и словарь каждаго былъ различенъ отъ словаря другихъ по объему: у перваго онъ включалъ 483 слова, у второго 399 словъ, а у третьяго лишь 173 слова. Другой изслѣдовалъ словарь тоже двухлѣтняго ребенка, и опредѣлилъ его въ 1121 слово. По грамматическимъ категоріямъ эти слова распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

	Существит.	Глаголы.	Прилаг.	Нарѣч.	Прочія слова.	Всего.
1-ое дитя	285.	107.	34.	29.	28.	483.
2-ое „	230.	90.	37.	17.	25.	399.
3-ье „	113.	30.	13.	6.	11.	173.
4-ье „	592.	283.	114.	56.	76.	1121.

Разница результатовъ оказывается слишкомъ значительной и указываетъ на различные пріемы, употребленные при изслѣдованіи. Вѣроятно, первый изслѣдователь внесъ въ дѣтскій словарь только тѣ слова, которыя составляли болѣе или менѣе прочное достояніе дитяти, часто имъ употреблялись въ разговорѣ, между тѣмъ какъ второй записалъ и такія, которыя дитя само въ разговорѣ не употребляло, а только могло повторить вслѣдъ за говорившимъ.

Намъ также приходилось составлять словарь трехлѣтней дѣвочки. Пріемъ, употребленный для этой работы, состоялъ въ простомъ записываніи по алфавиту произносимыхъ дѣвочкой словъ. Работа велась медленно, на досугѣ, и заняла мѣсяца два. Такъ какъ возрастъ дѣвочки приближался къ тремъ годамъ, а между тѣмъ, прислушиваясь къ ея рѣчи, удавалось улавливать все новыя и новыя слова, которыя еще не были занесены въ алфавитъ, то нѣсколько буквъ было провѣрено по словарю, и оказалось, что въ алфавитъ, составлявшійся съ живой рѣчи дѣвочки, не вошли довольно многія слова, ей несомнѣнно извѣстныя и, можетъ быть, рѣдко, но все же употребляемыя въ разговорѣ. Эти слова были занесены въ алфавитъ. Но такая провѣрка по словарю была произведена не на всѣ буквы алфавита, такъ что слѣдуетъ думать, что составленный алфавитъ словъ дѣвочки не заключалъ всего богатства ея языка, а нѣсколько меньше, по приблизительному исчисленію словъ на 200.

Всѣхъ словъ за дѣвочкой, считая ея возрастъ ровно въ три года, записано 1268. По грамматическимъ категоріямъ они распадаются такъ:

Существ.	Глаголовъ.	Прилагат.	Нарѣчій.	Предл. и союз.	Мѣстоим.	Числит.	Всего.
663.	375.	102.	71.	34.	13.	10.	1268.

Изъ буквъ алфавита самая богатая въ дѣтскомъ словарѣ п, она имѣетъ 149 словъ; за ней слѣдуетъ с—147 словъ, и третье мѣсто занимаетъ к—103 слова. Самыя бѣдныя буквы: ю, э—по одному слову, ѣ—3 слова, е—4, ц и я—по 6 словъ, а—7 словъ, ф—9 словъ, щ—13 словъ. Остальныя буквы имѣютъ отъ 15 до 65 словъ.

Изъ распредѣленія словъ дѣтской рѣчи по грамматическимъ категоріямъ видно, что существительныя составляютъ болѣе половины всего числа словъ дѣтей, глаголы всего числа словъ, а потомъ уже идутъ прилагательныя, нарѣчія и прочія слова. Такъ какъ дитя словами существительными обозначаетъ преимущественно цѣлые окружающіе предметы и лица, а глаголами дѣйствія, имъ самимъ совершаемыя, то отсюда уже можно сдѣлать заключеніе о и томъ, въ какую сторону преимущественно направляется дѣтское вниманіе, чѣмъ питается дѣтскій умъ, какіе предметы и явленія наиболѣе занимаютъ его на первыхъ порахъ. Но такое общее, суммарчное распредѣленіе словъ дѣтскаго словаря по грамматическимъ категоріямъ не даетъ возможности ближе взглянуть на природу дѣтскаго ума, понять преобладающіе въ немъ интересы; для достиженія этой цѣли мы попытались разбить дѣтскія слова на другія группы, которыя бы обнаруживали структуру дѣтскаго ума, его характерные процессы. Эти группы слѣдующія: органы и части человѣческаго тѣла, отправленія органовъ тѣла, наименованія лицъ, домашней утвари, обуви и одежды, пищевыхъ продуктовъ, растеній, животныхъ, обще-натуральныя явленія, психическія состоянія, отвлеченныя и общія наименованія, заключающія обозначенія зрительныхъ впечатлѣній, слухнвыхъ, осязательно-мускульныхъ, вкусовыхъ, обоняетлтныхъ, дѣйствій человѣка и движеній предметовъ и собственно отвлеченныя наименованія.

1. Органы и части человѣческаго тѣла. Обозначаются существительными. Словъ, относящихся къ этой категоріи, 39. Присматриваясь къ этимъ словамъ, мы замѣчаемъ, что, за исключеніемъ трехъ наименованій: язычекъ, сердце и кровь, всѣ они относятся къ внѣшнимъ органамъ и частямъ тѣла: голова, волоса, глаза, грудь, руки, ноги, ротъ, рѣсница, щека, борода, бровь,

колѣно, кулакъ, названіе пальцевъ и т. п. Внутренніе органы тѣла не поименовываются, ихъ трехлѣтнее дитя еще не знаетъ; оно знаетъ животъ, но не знаетъ желудка, знаетъ ноздри, ротъ, но не знаетъ легкихъ.

2. Отправленія органовъ тѣла. Обозначаются глаголами и отчасти существительными (слезка, слюни, сопли, какашка). Такихъ словъ 50; изъ нихъ около 30 обозначаютъ процессъ движенія, совершаемый различными органами движенія – бѣгать, говорить, грызть, дуть, кусать, кашлять, сидѣть, мурлыкать, сгибаться, стоять, хватать и т. п., а остальныя слова обозначаютъ отправленія другихъ органовъ тѣла—пить, смотрѣть, тошнить, сосать, плакать, слушать, сморкаться, чихать и т. д., при чемъ въ явленіяхъ, обозначаемыхъ этими послѣдними словами, видный элементъ составляютъ также движенія.

3. Наименованія лицъ. Наименованія распадаются на двѣ большія группы: собственныя имена и нарицательныя. Собственныхъ именъ—55. Ими обозначаются окружающія дитя лица, герои разсказовъ и сказокъ. Сюда же мы включили и собственныя наименованія нѣсколькихъ улицъ, рѣкъ и т. п. Нарицательныхъ наименованій лицъ 50. Присматриваясь къ нимъ, легко замѣтить, что дѣвочка—горожанка, такъ какъ между этими личными наименованіями въ достаточномъ числѣ поименовываются представители городскихъ профессій — дворникъ, докторъ, извозчикъ, лавочникъ, матросъ, офицеръ, прачка, портной, портниха, солдатъ, сторожъ, сапожникъ, торговецъ, трубочистъ, художникъ,—сельскія же профессіи представлены крайне скудно: мужикъ, садовникъ, работникъ, да и эти лица встрѣчаются въ городѣ. Прочія наименованія обозначаютъ родныхъ—папа, мама, бабушка, сестра, тетя, дядя, или разныхъ лицъ вообще—гость, именинникъ, старикъ шалунъ, дѣвочка и пр.

4. Наименованія домашней утвари, мебели, посуды и вообще предметовъ домашней обстановки составляютъ самый обширный отдѣлъ въ разрядѣ существительныхъ, именно 156 словъ. Это понятно: міръ дитяти есть прежде всего міръ дѣтской, квартиры, ближайшихъ къ нему вещей, ими оно живетъ, ими занимается и интересуется, ихъ и обозначаетъ въ своей рѣчи.

5. Наименованія обуви, одежды и относящихся къ нимъ вещей обнимаютъ 40 словъ—для трехлѣтняго возраста довольно богатый запасъ словъ. Между словами этой категоріи встрѣчаются такія наименованія: браслетъ, брошка, бантикъ, бусы, запонка, корсетъ, ленточка, лифъ, сережка, шпилька, шлейфъ, юбка. Наименованій мужской одежды мало,—жилетъ, сюртукъ, шинель; боль-

шинство наименованій, почти всѣ, обозначаютъ принадлежности женскаго костюма.

6. Наименованія пищевыхъ продуктовъ—52. Разсмотрѣніе этого отдѣла словъ опять указываетъ на жизнь въ городѣ, а не въ деревнѣ, и на принадлежность дитяти къ средней семьѣ, имѣющей возможность доставлять дѣтямъ довольно разнообразный столъ и нѣкоторыя сласти и лакомства: булка, бульонъ, варенье, колбаса, икра, бонбошка, сыръ, шоколадъ, пастила, котлетка, крендель, кофе и т. д.

7. Наименованія растеній и плодовъ—42 (апельсинъ, арбузъ вишня, грибъ, орѣхъ, береза, сосна, ель, фіалка, резеда, рѣпа и т. д.).

8. Наименованія животныхъ—48. Большинство наименованій этихъ двухъ категорій возникло вслѣдствіе живого наблюднія соотвѣтствующихъ предметовъ, такъ какъ они доступны и при городской жизни, восполняемой пребываніемъ въ лѣтнее время на дачѣ; нѣкоторыя же наименованія суть результаты слушанія разсказовъ и разсматриванія картинокъ, каковы ананасъ, журавль, жаворонокъ, волкъ, заяцъ, лисичка, щука, сова. Между словами этихъ категорій встрѣчаются нѣсколько общихъ наименованій, каковы звѣрь, рыба, дерево, цвѣтокъ. Словъ: растеніе, животное въ дѣтскомъ словарѣ не встрѣчалось.

9. Общія натуральныя явленія. Къ этому разряду мы относимъ слѣдующія 19 наименованій: вѣтеръ, вода, громъ, дождь, день, ночь, земля, звѣздочка, зима, луна, море, озеро, рѣка, радуга, солнце, снѣгъ, свѣтъ, туманъ.

10. Психическія состоянія—62 наименованія. Они распадаются на три группы: чувствованія, умственныя явленія и дѣятельность (воля). Наибольшая группа — чувствованія, 25 наименованій, умственные процессы 15 наименованій и дѣятельность 12. Остальныя наименованія смѣшаннаго характера. Примѣры словъ изъ этой группы: бояться, жалѣть, ждать, испугаться, любить, молиться, плакать, просить, думать, знать, забыть, понимать, обманывать, шалить, умѣть, искать, заниматься, щеголять.

11. Отвлеченныя и общія наименованія. Это самый обширный классъ, обнимающій 418 словъ. Сюда входятъ свыше 200 глаголовъ, всѣ нарѣчія, прилагательныя и нѣсколько существительныхъ. Отдѣлъ этотъ по своему составу весьма разнообразенъ, при чемъ степень отвлеченія и обобщенія оказывается весьма различной. Прежде всего, выдѣляются изъ этой группы прилагательныя, обозначающія отдѣльныя свойства, воспринимаемыя различными органами внѣшнихъ чувствъ, преимущественно зрѣніемъ или слухомъ, осязаніемъ, обоняніемъ и вкусомъ.

а) Зрительныя свойства — 45 прилагательныхъ, между ними 21 обозначеніе цвѣтовъ, 9 величины, остальныя — различныхъ формъ и смѣшанныя наименованія, и нѣсколько глаголовъ, въ родѣ блестѣть, горѣть, дымить, полетать всего около 10 глаголовъ, итого 55 словъ. Чисто слуховыхъ наименованій очень мало— громко, тихо, аукаться, гремѣть, стучать, свистѣть, итого 10 словъ. Осязательно-мускульныхъ свойствъ предметовъ отмѣчено 20, въ родѣ мокрый, сухой, холодный, твердый, мягкій, ледянистый и т. д.; наименованій вкусовъ—7 и свойствъ запаховъ—1: вонючій (названія пахнущихъ цвѣтковъ и разныхъ пахучихъ матеріаловъ отнесены въ другія рубрики).

б) Дѣйствія, совершаемыя человѣкомъ, и движенія, производимыя предметами. Такихъ словъ свыше 200; это именно глаголы, не вошедшіе въ предшествующія группы. Наибольшее число ихъ приходится на долю дѣйствій, совершаемыхъ человѣкомъ при помощи различныхъ органовъ тѣла: взять, вставить, вертѣть, валиться, входить, курить, купаться, кланяться и т. п.; потомъ слѣдуютъ движенія предметовъ и, наконецъ, ихъ состоянія, въ родѣ висѣть, высохнуть, завянуть, течь, таять и т. п. Послѣднихъ глаголовъ сравнительно немного, около 20 наименованій.

в) Собственно отвлеченныя и общія наименованія—около 73 словъ, преимущественно нарѣчій—сегодня, скоро, сколько, теперь, довольно, дешево, когда, какъ, зачѣмъ и т. п., прилагательныхъ— старый, новый, большой, чужой, Божій, законный, трудный и т. д., и существительныхъ—Богъ, время, деньги, погода, праздникъ, работа, рожденіе, фамилія и т. п. Насколько при произношеніи этихъ словъ въ сознаніи дѣвочки совершался отвлеченный процессъ мыслительности—трудно сказать. Несомнѣнно одно, что въ данной категоріи словъ мы имѣемъ только первые шаги отвлеченія, намеки на него, а нерѣдко одни отвлеченныя слова, усвоенныя памятью, безъ соотвѣтствующаго содержанія. Дѣвочка знала слова вчера и завтра, но очень часто употребляла ихъ одно вмѣсто другого; она знала слова Богъ, время, но едва ли соединяла съ ними какое-либо опредѣленное понятіе; точно также она говорила слова: музыка, аптека, фотографія, осторожно, наконецъ, сирота и т. д., но смыслъ ихъ былъ для нея неясенъ. Она выхватывала всѣ эти слова изъ языка взрослыхъ, запоминала ихъ, произносила сама, вставляя въ свою рѣчь иногда удачно, а иногда неудачно, но понимала ихъ плохо. Другая дѣвочка (3 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ) уловила въ рѣчи взрослыхъ слово „мученица“ и дня два повторяла его, примѣняя его значеніе довольно удачно. Этимъ словомъ она называла свою куклу, когда дѣлала ей замѣчанія по

поводу ея воображаемыхъ шалостей. Чрезъ нѣсколько дней слово исчезло изъ словаря дитяти. Подобнымъ образомъ дѣти улавливаютъ и повторяютъ цѣлыя фразы, какъ напримѣръ: „какая досада!“, „Господи помилуй!“ и т. п.

Вообще дѣтскій словарь не есть какая-либо неизмѣнная величина на сколько-нибудь продолжительное время. За дѣвочкой, подвергнутой нами наблюденію, записано 1268 словъ; сверхъ того она, вѣроятно, располагала еще примѣрно 200 словъ, такъ что весь ея словарь заключалъ около полутора тысячи словъ. Но не всей массой этихъ словъ дѣвочка располагала постоянно, иныя она употребляла часто, другія рѣдко, нѣкоторыя знакомыя слова даже забывала, какъ это бываетъ и съ взрослымъ. Ея обычный повседневный словарь заключалъ менѣе половины указаннаго числа, каждый день ей далеко не приходилось переговорить всѣ знакомыя слова, истощить весь запасъ. По свидѣтельству одной наблюдательницы надъ дѣвочкой 3 л. 8 мѣс., запасъ постоянныхъ ея словъ, которыя не исчезали, которыя были часто у нея на языкѣ, ограничивался всего 200 словъ, хотя это число намъ и кажется очень малымъ.

Относительно представленнаго распредѣленія словъ на группы слѣдуетъ замѣтить, что оно только приблизительное и сдѣлано для удобнѣйшаго ознакомленія съ понятіями и представленіями дѣтскаго ума. На самомъ же дѣлѣ группы соприкасаются, и слова одной группы, не нарушая логическихъ требованій, можно переносить въ другую.

Изъ изложенныхъ фактовъ относительно развитія членораздѣльной рѣчи дѣтей можно сдѣлать слѣдующій выводъ относительно самой основы человѣческаго ума: вниманіе въ первые годы жизни наиболѣе привлекается цѣлыми окружающими предметами и собственными дѣйствіями, совершаемыми различными органами тѣла. Словъ, обозначающихъ эти два ряда фактовъ, наиболѣе всего. Все же прочее: отдѣльныя свойства предметовъ, психическія явленія, чисто отвлеченныя наименованія—все это только прибавка къ указаннымъ двумъ основамъ.

Что касается сочетанія словъ въ предложенія, то оно бываетъ на первыхъ порахъ самымъ краткимъ, элементарнымъ и выражается простымъ предложеніемъ.

IV.

Эта ступень представляетъ громадный шагъ въ развитіи дѣтской рѣчи. До сихъ поръ ребенокъ говорилъ только отдѣль-

ныя слова, а если говорилъ предложенія, то, какъ попугай, не сопровождая свою рѣчь пониманіемъ, запомнивъ лишь извѣстную послѣдовательность звуковъ. Теперь онъ, мало по малу, начинаетъ образовывать предложенія, говорить предложенія со смысломъ. Когда начинается этотъ періодъ въ развитіи членораздѣльной рѣчи? Невозможно для всѣхъ дѣтей указать строго опредѣленное время. Мальчикъ Сигизмунда началъ говорить предложенія на 22 мѣсяцѣ. (Дитя и міръ, 182); ребенокъ, котораго наблюдали гг. Симоновичъ, сказалъ первое предложеніе 1 года и 7 мѣсяцевъ. (Замѣтки о воспитаніи. 1, 111); одна дѣвочка, которую мы наблюдали, сказала на 16 мѣсяцѣ слѣдующія свои два первыя предложенія: „папа тпруа“, „мама тпруа“, т. е. папа пошелъ гулять, мама пошла гулять.

Какой характеръ имѣютъ первоначальныя предложенія, произносимыя ребенка? Они тѣмъ отличаются отъ предложеній взрослыхъ, что заключаютъ въ себѣ самыя существенныя части безъ всякихъ объяснительныхъ и дополнительныхъ словъ, даже безъ указаній связи между словами. Это просто напросто рядъ отдѣльныхъ словъ, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ и выражающихъ одну мысль. Прежде эти отдѣльныя слова и соотвѣтствующія имъ представленія стояли въ одиночку, независимо другъ отъ друга въ головѣ ребенка, теперь же они приводятся въ нѣкоторое соотношеніе, хотя это соотношеніе и выражается еще слабо въ рѣчи—только непрерывною послѣдовательностью словъ. Недостающая связь между словами въ изобиліи дополняется жестами, мимикой: выраженіемъ лица, глазъ и т. д. Вотъ образцы первыхъ предложеній дѣтей: „папа-мама“.Это предложеніе было сказано ребенкомъ, котораго наблюдалъ Пере. Онъ прогуливался съ нимъ нѣсколько минутъ, когда ребенокъ увидѣлъ свою мать. Онъ пожелалъ идти къ ней, а такъ какъ Пере не торопился отвести его къ матери, то ребенокъ началъ тащить его, показывать мать и, простирая къ ней руки, съ умоляющимъ видомъ сказалъ раза три: „папа-мама“, т. е. папа, веди меня къ мамѣ [1]). Только позднѣе онъ научился вставлять болѣе или менѣе правильно слово веди. Другой ребенокъ, видя отца и мать грѣющимися у огня сказалъ: „папа, мама, жарко“ [2]). Это предложеніе очень характерно, оно ясно показываетъ, какъ ребенокъ создаетъ свою связную рѣчь. Третій ребенокъ свое первое предложеніе сказалъ слѣдующее: „Адя ушіоль“ (Адя ушла) [3]). Это предложеніе

[1]) Les trois premières années de l'enfant, 229.

[2]) Некеръ де-Соссюръ, Постепенное воспитаніе, 1, 212.

[3]) Симоновичъ, Замѣтки, 1, 111.

состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго; больше ничего въ немъ нѣтъ.

Первыя предложенія дѣти говорятъ очень медленно и съ большимъ трудомъ. До сихъ поръ представленія и соотвѣтствующія имъ слова существовали сами по себѣ, отдѣльно; теперь они приводятся въ связь, сопоставляются. Понятно, что на первыхъ порахъ ребенокъ не можетъ говорить быстро. Впрочемъ, не только на первыхъ порахъ, но довольно долгое время вообще медленность и безсвязность суть характерныя черты дѣтской рѣчи, когда эта рѣчь становится уже сравнительно длинной и сложной. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересенъ образчикъ рѣчи, которая была сказана сыномъ Сигизмунда, когда ему было 20 мѣсяцевъ. Это цѣлый, очень характерный, разсказъ. Онъ говорилъ своему отцу: „Atten, Beene, Titten, Bach, Eine, Puff, Anna“. Говорилъ онъ съ довольно длинными паузами и оживленными жестами. Это значило: Wir waren heute im Garten, haben Beeren und Kirschen gegessen, dann in den Bach Steine geworfen, und sind der Anna begegnet (сегодня мы были въ саду, ѣли ягоды и вишни, потомъ бросали въ ручей каменья и встрѣтились съ Анной [1]). Мысль ребенка уже довольно сложная, ея хватаетъ на цѣлый разсказъ, а между тѣмъ какъ несвязно и отрывочно онъ говоритъ. Представленія у него еще не ассціировались въ стройныя системы.

Одинъ изъ самыхъ первыхъ и длинныхъ періодовъ одной дѣвочки былъ таковъ (возрастъ—2 года 4 мѣс.): „мамуника, мамуника (т.-е. мама, мама), надѣнь Инѣ (Зинѣ) хапаги (сапоги), на хапаги калоки (калоши) и потомъ тпруа“ (пойдемъ гулять). Этотъ періодъ дѣвочка повторяла очень часто, при чемъ постоянно ея лицо краснѣло и она вся напрягалась. Было очевидно, что такой длинный періодъ требуетъ отъ нея весьма большихъ усилій и значительной затраты энергіи. Съ такими же усиліями, краснотой лица и натугой дѣвочка говорила и другіе длинные періоды. Вообще ея рѣчь, совершенно ясная и раздѣльная, когда она состояла изъ короткихъ предложеній, становилась запутанной, сбивчивой и не совсѣмъ понятной, какъ скоро дѣвочка пыталась разсказывать связно. Ей приходилось постоянно подсоблять, ставить вопросы и такимъ путемъ по частямъ извлекать изъ нея цѣлый разсказъ.

Для выясненія характера связыванія краткихъ и простыхъ предложеній въ стройную періодическую рѣчь можетъ послужить слѣдующая сценка, списанная съ натуры (дѣвочкѣ 3 года и 8 мѣ-

[1]) Дитя и міръ, 197—198.

сяцевъ). Дѣвочка играетъ одна. „Буду варить дѣткамъ (т.-е. куклам) завтракъ“ (слова дѣвочки приводятся въ исправленномъ произношеніи). Подходитъ къ игрушечной плитѣ. „Нѣтъ, дрова все сырыя. Лучше повезу дѣтокъ въ зоологическій садъ, булочку купимъ для слона“. Отходитъ отъ куколъ и смотритъ въ окно. „Какъ же ѣхать? Дождь идетъ“. Въ это время замѣчаетъ игрушечный домикъ на этажеркѣ. „Поиграю домикомъ“. Достаетъ его и разсматриваетъ. „Этотъ домикъ сдѣланъ изъ спичекъ; вотъ окошечко, вотъ дверь... Я хочу сама сдѣлать такой домъ“. Смотритъ на столъ „Есть ли мнѣ мѣсто?“ Убираетъ лишніе предметы со стола. „Книжки отодвину. Есть теперь мѣсто, буду дѣлать домикъ изъ спичекъ. Принесу стулъ и спички“. Приноситъ то и другое и усаживается за столъ; выкладываетъ что-то изъ спичекъ. „Спичекъ мало. Нечего дѣлать. Я хочу сдѣлать большой домъ. Да, Иночка? (любимая кукла дѣвочки). Иночка молчитъ, спитъ; буду дѣлать. Вотъ окошечко, вотъ звѣздочки вылетаютъ изъ окошечка, вотъ такъ, а ты, Иночка, не умѣешь дѣлать звѣздочекъ... Нѣтъ спичекъ мало, не выходитъ. Будетъ звѣздочка“. Выкладываетъ звѣздочку. „Посмотри, Маня, какую я звѣздочку сдѣлала, какъ въ столовой на дверяхъ“... Въ это время въ передней раздается звонокъ и прерываетъ сцену.

Въ овладѣніи членораздѣльною рѣчью и затѣмъ въ употребленіи ея дѣти подчиняются, какъ и во всѣхъ другихъ актахъ психической жизни, основнымъ законамъ смежности и сходства. Ребенокъ усвояетъ, прежде всего, слова по смежности. Онъ видитъ предметъ, слышитъ названіе его,—и въ его умѣ предметъ и названіе ассоціируются: предметъ вызываетъ представленіе о звукѣ и звукъ вызываетъ представленіе о предметѣ. Понятно отсюда, что ребенокъ первоначально усвояетъ слова, обозначающія видимые предметы и дѣйствія: въ этомъ случаѣ смежная ассоціація между обозначаемымъ предметомъ или дѣйствіемъ и словомъ возникаетъ легко; какъ же скоро обозначаемый предметъ или дѣйствіе не очевидны, имѣютъ идеальную отвлеченную природу, то ассоціація затрудняется: ребенокъ видитъ тогда одинъ членъ ассоціаціи и не замѣчаетъ или плохо замѣчаетъ другой.

Законъ сходства также имѣетъ громадное значеніе въ развитіи рѣчи ребенка: отъ него зависитъ, что слова, употребляемыя ребенкомъ, имѣютъ первоначально, по большей части, весьма обширное значеніе, не имѣютъ того частнаго опредѣленнаго смысла, который придаемъ имъ мы. Усвоивъ смыслъ какого нибудь слова и самое слово, ребенокъ не ограничивается частнымъ значеніемъ этого слова, но, увлекаемый сходствомъ обозначеннаго этимъ сло-

вомъ предмета со множествомъ другихъ, сходствомъ нерѣдко очень незначительнымъ, онъ и эти послѣдніе обозначаетъ тѣмъ же самымъ словомъ. Вслѣдствіе этого кругъ предметовъ, обозначаемыхъ однимъ словомъ, можетъ быть очень обширенъ и заключать предметы очень разнородные. Любопытный фактъ въ этомъ отношеніи сообщенъ въ Revue philosophique (1878 г. № 11, p. 503, Note 1): одинъ ребенокъ назвалъ утку „квакъ"—очевидно, по звукоподражанію и этимъ же словомъ назвалъ воду, по смежности. Потомъ, по ассоціаціи сходства, онъ назвалъ словомъ „квакъ", съ одной стороны, птицъ и насѣкомыхъ, а съ другой— всѣ жидкости. Затѣмъ, всѣ монеты онъ назвалъ также „квакъ", потому что увидалъ на одной монетѣ орла. Такимъ образомъ одно и то-же слово обозначало совершенно различныя вещи: муху, вино, монеты, воду, утку, орла. Вообще дѣти не чувствуютъ нужды въ двухъ различныхъ словахъ для обозначенія двухъ нѣсколько сходныхъ вещей, они довольствуются однимъ словомъ. Ребенку дарятъ куклу. Въ честь лица, подарившаго ее, кукла называется „Бесси". Спустя нѣкоторое время, тому же ребенку дарятъ новую куклу, которая такъ же, какъ и первая, получаетъ имя „Бесси". Въ другомъ имени, сообразно съ различіемъ куколъ, ребенокъ нужды не чувствовалъ; если же ему приходилось говорить объ одной изъ куколъ въ отдѣльности, тогда онъ выражался „другая Бесси" [1]). Подобныхъ фактовъ бываетъ много. Вотъ еще одинъ изъ нихъ, извѣстный намъ лично: въ одну семью, гдѣ былъ мальчикъ лѣтъ двухъ, пріѣхали двое его дядей, имѣвшіе сходство между собой и по возрасту, и по росту. Одинъ изъ нихъ назывался Николай. Для удобства произношенія ребенокъ называлъ его „дядя Колай или Колая", другого же своего дядю онъ звалъ „Энтотъ Колая". По мѣрѣ того, какъ въ сознаніи дитяти выясняются различія сходныхъ предметовъ, онъ усвояетъ и различныя названія. Сначала дѣти нерѣдко называютъ кошку и собаку однимъ именемъ, а потомъ, по мѣрѣ диференціаціи и опредѣленія представленій, называютъ ихъ различными словами.

Эта необуздываемая наблюденіемъ различій способность поражаться сходствомъ предметовъ—факторъ очень дѣятельный на первыхъ порахъ развитія мышленія и языка. Скажите ребенку слово папа и укажите на его отца; этимъ словомъ онъ назоветъ потомъ каждаго мужчину въ пальто, съ бородой и. пр., т. е. если замѣтитъ въ немъ какіе либо сходство съ отцомъ. Такое сильное давленіе закона сходства на ребенка вызываетъ иногда явленія,

[1]) Mind, july, 1878, 398.

на первый взглядъ кажущіяся совершенно нелѣпыми, но на самомъ дѣлѣ имѣющія свой смыслъ. „Я показала, разсказываетъ г-жа Симоновичъ, полуторогодовому ребенку картину, изображающую сову и, къ удивленію моему, слышу, что онъ называетъ сову именемъ одной извѣстной ему особы. Вглядѣвшись въ картину, я увидѣла, что дѣйствительно круглые глаза совы нѣсколько напоминали глаза той особы“ [1]).

Выше было замѣчено, что нечленораздѣльные звуки, предшествующіе членораздѣльной рѣчи, выражаютъ настроенія и чувства дитяти. Не слѣдуетъ представлять и членораздѣльный языкъ исключительно связаннымъ съ мышленіемъ, думать, что его природа чисто интеллектуальная. Языкъ есть органъ всей душевной жизни человѣка, а на первыхъ порахъ чувствованія и желанія играютъ болѣе видную роль, чѣмъ чисто познавательныя дѣятельности объективнаго характера. Человѣкъ сначала есть чувствующее и желающее существо, а потомъ уже познающее. Поэтому и въ первоначальной дѣтской рѣчи, въ первыхъ словахъ есть много элементовъ чувства. Когда дитя разнородные предметы въ значительномъ числѣ называетъ однимъ словомъ, тогда, кромѣ неразличенія ихъ и улавливанія отдаленнаго и поверхностного сходства между ними, дитя можетъ руководиться въ ихъ одинаковомъ обозначеніи испытываемымъ имъ отъ нихъ пріятнымъ или непріятнымъ впечатлѣніемъ и собственно болѣе его обозначать, чѣмъ самые предметы. Нѣсомнѣнно во всякомъ случаѣ, что членораздѣльный языкъ интеллектуализируется постепенно, переходя рядомъ ступеней изъ языка чувства въ языкъ ума; долгое время дитя живетъ въ своемъ субъективномъ мірѣ, видитъ не то, что есть въ дѣйствительности, а что ему представляется съ его личной точки зрѣнія, оно волнуется, радуется, печалится, и эти свои переживанія и выражаетъ въ своемъ мышленіи и своей рѣчи. Дѣвочка трехъ съ половиной лѣтъ однажды вечеромъ, часовъ въ 6, увидала рабочихъ муравьевъ, присѣла къ нимъ и съ большимъ участіемъ слѣдила за ихъ движеніями, ведя въ тоже время такой разговоръ: „теперь вечеръ, поздно, имъ нельзя оставаться наружѣ. Они бѣгутъ домой, бѣдные, а то ихъ съѣдятъ волки“. „Этотъ еще малъ, онъ не можетъ еще спуститься по лѣстницѣ“. Потомъ она хотѣла своимъ пальчикомъ сдѣлать отверстіе муравьиной кучи шире, а въ заключевіе она заткнула отверстіе. О муравьѣ, спрятавшемся отъ нея подъ кучкой земли, она думала, что онъ играетъ съ нею въ прятки. Изъ всѣхъ силъ

[1]) Замѣтка объ общественномъ и индивидуальномъ воспитаніи дѣтей. 1,114.

она хотѣла завладѣть имъ и кричала при этомъ: „плутъ, плутъ!“ Годъ спустя та же дѣвочка на томъ же мѣстѣ въ саду опять увидѣла муравьевъ, но отнеслась къ нимъ по другому: она раздавливала ихъ и кричала: „я ихъ убиваю, я ихъ убиваю“.—„Зачѣмъ?“—„Затѣмъ, что они кусаются“.—Пятилѣтнему мальчику отецъ никакъ не могъ растолковать, почему медвѣдь ходитъ на четырехъ лапахъ. Послѣ того какъ отецъ, приведя четыре пріемлемыя основанія, воздержался отъ дальнѣйшихъ разсужденій, дитя само такъ разрѣшило вопросъ: „потому что онъ былъ дурной и былъ наказанъ“ [1]).

Очевидно, въ приведенныхъ случаяхъ дитя является не наблюдателемъ окружающаго міра и не мыслителемъ о немъ, а существомъ, переживающимъ своеобразныя волненія по поводу впечатлѣній отвнѣ и эти свои переживанія обозначающимъ въ своей рѣчи.

V.

Считаемъ не лишнимъ присоединить къ сказанному нѣсколько педагогическихъ замѣтокъ. Главная мысль, которую долженъ имѣть въ виду педагогъ при воспитаніи рѣчи дѣтей, это гармонія между развитіемъ рѣчи и развитіемъ мысли. Нечего и думать о развитіи дара слова помимо развитія дара мысли. Рѣчь, слова не суть только соединенія звуковъ, но и соединеніе понятій. Имѣть въ виду только внѣшнюю фонетическую сторону языка значитъ пренебречь душой, смысломъ языка. Поэтому задача воспитанія по отношенію къ языку—сдѣлать гармоничнымъ, равномѣрнымъ развитіе рѣчи и развитіе мысли. Нельзя не сознаться, что много и часто приходится встрѣчать нарушеній этого требованія въ воспитательной практикѣ, нарушеній самыхъ разнообразныхъ, и

[1]) L. Nagy, Psychologie des kindlichen Jnteresses Leipzig, 1912. S. 35.

Литература по изученію дѣтскаго языка и мышленія весьма обширна. Укажемъ нѣкоторыя произведенія, бывшія у насъ подъ рукой.

Wilhelm Ament, Die Entwicklung von Sprechen und Denken beim Kinde. Leipzig, 1899.

Онъ-же, Begriff und Begriffe der Kindersprache. Berlin, 1902.

Gustav Lindner, Aus dem Naturgarten der Kindersprache. Leipzig, 1898

Erust Meumann, Die Entstehung der ersten Wortbedentungen beim Kinde. Leipzig, 1902.

H. A. Jdelberger, Die Entwicklung der kindliehen Sprache. Berlin. 1904.

Dr. W. Oltuszewski, Die geistige nnd sprachliche Entwickelnng des Kindes. Berlin, 1897.

Dr. Fritz Schultze, Die Sprache des Kindes. Leipzig, 1887.

Clara und William Stern, Die Kindersprache Leipzig, 1907.

А. Левоневскій, Мой ребенокъ. СПБ., 1914.

въ ту, и въ другую сторону. Чаще всего можно наблюдать стремленіе развить и обогатить рѣчь ребенка внѣ параллельнаго развитія его мысли. Воспитатели нерѣдко выказываютъ большое удовольствіе, если словарь ребенка достаточно великъ, этимологическія и синтаксическія формы усвоены имъ довольно правильно, если, словомъ, онъ болтаетъ довольно легко и свободно. При этомъ они нерѣдко опускаютъ изъ виду, насколько психическое богатство—запасъ идей отвѣчаетъ богатству словъ, не есть ли это словесное богатство обманчивое, внѣшнее, только видимое и въ нѣкоторомъ родѣ дутое? А это можетъ быть очень легко при большой способности дѣтей быстро схватывать и удерживать нѣкоторое время всевозможныя впечатлѣнія, при ихъ способности интересоваться чисто внѣшней стороной языка—разнообразнымъ сочетаніемъ звуковъ, и при ихъ склонности играть роль взрослаго, вполнѣ владѣющаго рѣчью, человѣка. Если же у дѣтей ясно замѣчается излишекъ словъ сравнительно съ идеями, то это значитъ, что въ головѣ ребенка заложена прочная основа всевозможной путаницы и пустозвонства. Въ такомъ случаѣ, ребенокъ „отъ молодыхъ ногтей“ пріучается говорить только слова, не сопровождая теченіе словъ теченіемъ идей. Въ его головѣ неизбѣжно господствуетъ туманъ отъ массы неизвѣстныхъ, непонятныхъ словъ. Но такъ какъ постоянно безъ смысла употреблять цѣлую массу заученныхъ словъ скучно, то ребенокъ по-неволѣ долженъ самъ выдумывать значеніе словъ, связывать хотя кой-какія идеи или обрывки идей съ произносимыми словами—и ребенокъ это дѣлаетъ. Результатомъ подобной работы является такой дѣтскій жаргонъ, который поставитъ въ тупикъ самаго проницательнаго филолога,—жаргонъ, разобраться въ которомъ чрезвычайно трудно. Очевидно, нормальное развитіе ребенка сбилось съ своего прямого пути и идетъ какими то закоулками.

Обстоятельства, которыя могутъ вызывать такой недостатокъ въ развитіи дѣтей, слѣдующія: раннее и чрезмѣрное чтеніе книгъ. Отъ всей души нужно желать возможнаго ограниченія значенія книги при первоначальномъ воспитаніи. Чтеніе въ раннемъ дѣтствѣ нужно замѣнять живыми разсказами, разсказами—импровизаціями. Живое слово и понятнѣе и убѣдительнѣе книжнаго ученья. Правильное развитіе рѣчи существенно обусловливается ограниченіемъ вліянія книги при воспитаніи. Вмѣсто того, чтобы пичкать дѣтей книгами, лучше позаботиться о развитіи ихъ наблюдательности и вмѣстѣ представленій. Для этого нужно окружать ихъ достаточнымъ количествомъ разнообразныхъ предметовъ и результаты наблюденій и сравненій предметовъ неиз-

бѣжно выразятся въ словѣ. Но чтобы рѣчь ребенка развивалась правильно, нужно слѣдить за его выраженіями, терпѣливо слушать его болтовню и помогать правильному и связному выговариванію.

Другое обстоятельство, которое можетъ привить указанный недостатокъ ребенку, это слишкомъ частое обращеніе со взрослыми и малое значеніе товарищества и игръ въ жизни ребенка. Мысль, а вмѣстѣ съ мыслью и рѣчь взрослаго, на много степеней выше и сложнѣе мысли и рѣчи ребенка. Присутствуя часто при бесѣдахъ взрослыхъ, ребенокъ естественно набирается множествомъ такихъ словъ, которыя выше его пониманія, и которыя онъ долженъ употреблять или прямо безъ смысла, или коверкать ихъ смыслъ, сообразно своему развитію и своимъ понятіямъ. Въ результатѣ—путаница мыслей ребенка, нетвердость и неувѣренность его рѣчи. Самое лучшее общество для ребенка дѣти же, и самый пріятный предметъ занятій—общія игры. Въ обществѣ сверстниковъ и при игрѣ органы внѣшнихъ чувствъ ребенка, его руки и ноги, а вмѣстѣ голова и языкъ заняты вполнѣ надлежащимъ образомъ, а потому развитіе рѣчи можетъ итти въ данномъ случаѣ вполнѣ правильно. Коротко говоря, учителями словесности ребенка, послѣ природы, должны быть не взрослыя лица и ихъ солидныя бесѣды, а дѣти и игры.

Третье обстоятельство, которое можетъ обусловить появленіе указаннаго недостатка, есть цѣлая система воспитанія, ставящая своей главной существенной задачей изученіе словъ и сравнительно мало обогащающая понятіями. Это давно извѣстная система практическаго и одновременнаго ознакомленія ребенка съ нѣсколькими иностранными языками помощію разноязычныхъ боннъ и гувернантокъ. Ребенокъ, чуть ли не съ колыбели, слышитъ вокругъ себя русскую, французскую, англійскую рѣчь и ему предстоитъ пріятная перспектива съ малыхъ лѣтъ говорить по французски, какъ кровному парижанину, и по англійски, какъ уроженцу береговъ Темзы. Слѣдовательно ребенку представляется не малый трудъ—на каждое понятіе усвоить три слова, словъ у него бываетъ втрое болѣе, чѣмъ понятій. Память его естественно бываетъ загромождена словами, такъ что подъ ними и не видать соотвѣтствующихъ идей. Такая голова бываетъ богата словами, но бѣдна идеями. Самое усвоеніе языковъ бываетъ при такой системѣ въ большинствѣ случаевъ не особенно удовлетворительно. Не успѣетъ ребенокъ вполнѣ овладѣть конструкціей и особенностями одного языка, вникнуть въ его особенный характеръ, освоиться съ его духомъ, какъ уже нужно изучать еще два другихъ языка, не менѣе

своеобразныхъ, чѣмъ первый. Результатъ—недостаточно твердое владѣніе всѣми этими языками. Человѣкъ не знаетъ основательно ни одного языка.

До сихъ поръ мы разсматривали тотъ недостатокъ въ развитіи рѣчи, когда фонетическая внѣшняя сторона опережаетъ у ребенка развитіе внутренней логической, когда слова преобладаютъ надъ идеями. Но можетъ быть и противоположенный недостатокъ—внутренняя сторона, идеи развиты достаточно, а фонетическая внѣшняя сторона очень скудна. Между взрослыми такой недостатокъ не составляетъ большой рѣдкости: нѣкоторые мыслящіе люди говорятъ неособенно связно и бойко; между дѣтьми же такое явленіе встрѣчается весьма не часто. Живость и впечатлительность дѣтской природы главные враги такого явленія и нужны какія либо особенныя условія, чтобы онъ появился. Такими условіями могутъ быть: физическіе недостатки органа рѣчи, забитость и пугливость ребенка, боящагося промолвить слово, большая застѣнчивость, сознаніе нѣкоторыхъ недостатковъ своей рѣчи, общая вялость и болѣзненность организма. Отъ какой бы причины такой недостатокъ ни возникъ, необходимо обратить на него серьезное вниманіе. Какъ и первый недостатокъ въ развитіи рѣчи, онъ можетъ сопровождаться большимъ вредомъ для развитія всей психической жизни. Не говоря уже о томъ, что въ такихъ случаяхъ страдаетъ фонетическая сторона языка и вообще способность пользоваться словомъ, какъ хорошимъ орудіемъ мысли, самая мысль, недостаточно выражаясь въ словѣ, получаетъ характеръ чего-то темнаго и неопредѣленнаго, чего-то тяжеловѣснаго и въ тоже время неуловимаго съ достаточною осязательностью. Люди съ такимъ недостаткомъ на первый разъ кажутся очень глубокомысленными, богатыми идеями и планами, но когда присмотришься къ нимъ ближе, то въ концѣ концовъ замѣтишь только одну темноту и неопредѣленность мысли, соединенныя съ неискуснымъ изложеніемъ, вводящимъ первоначально въ обманъ относительно свойствъ наблюдаемаго субъекта.

Относительно усвоенія ребенкомъ собственно фонетической стороны языка слѣдуетъ замѣтить, что для правильнаго развитія въ этомъ отношеніи ребенку необходимо слышать внятное и отчетливое произношеніе. Ребенокъ на первыхъ порахъ произносить правильно не можетъ, онъ коверкаетъ слова. Взрослые иногда подлаживаются къ говору ребенка и при бесѣдахъ съ нимъ также коверкаютъ слова, вслѣдствіе чего усвоеніе ребенкомъ фонетической стороны языка затрудняется, такъ какъ ребенокъ не имѣетъ предъ собой правильнаго образца.

XXVIII.

О развитіи запоминанія и творчества у дѣтей.

По умственной сторонѣ дѣтство въ значительной степени можетъ быть названо періодомъ запоминанія—такъ много приходится дѣтямъ запоминать: окружающіе дитя предметы, лица, ихъ свойства и взаимоотношенія, порядокъ жизни, разныя событія; наименованія всѣхъ этихъ предметовъ, т. е. родной языкъ. При чемъ кругозоръ ребенка непрерывно расширяется: сначала дѣтская комната, потомъ другія комнаты, садъ, улица, мѣстечко или городъ и т. д. Пусть кто нибудь попытается подсчитать, сколько предметовъ и лицъ приходится запомнить ребенку, сколько ихъ свойствъ и дѣйствій, сколько всякаго рода положеній, случаевъ, происшествій, сколько именъ всего запоминаемаго объективнаго міра и внутренняго, субъективнаго, пусть все это подсчитаютъ за шесть, за семь лѣтъ жизни дитяти, когда дитя уже совершенно свободно держится и среди предметовъ и среди людского общества, и тогда будетъ понятно, какую громадную работу запоминанія совершаетъ дитя въ первые годы своей жизни, какое громадное количество энергіи и силъ оно должно бываетъ отдать на эту работу. Тогда поймутъ, что справедливо назвать этотъ періодъ періодомъ запоминанія.

Но не только количество запоминаній въ данномъ случаѣ важно, важно еще наслажденіе процессомъ запоминанія, которое постоянно наблюдается у дитяти, наслажденіе повторными криками, стуками, разрываніемъ бумаги, бросаніемъ вещей на полъ, звономъ ключей и другими самыми элементарными дѣйствіями. Свистѣть въ какую нибудь свитульку, прыгать и вертѣться на одномъ и томъ же мѣстѣ, разсматривать одну и туже картинку дитя можетъ столько разъ подрядъ, такое продолжительное время, что выведетъ изъ терпѣнія каждаго взрослаго. Дитяти ничего не стоитъ повторить съ наслажденіемъ одно и тоже дѣйствіе, звукъ и т. п. нѣсколько десятковъ разъ подрядъ, что повергаетъ взрослаго въ полное уныніе. У дитяти особая душа, особое удовольствіе. Что взрослому необычайно скучно, то ему очень пріятно. Когда дитя подростетъ и будетъ въ состояніи слушать разсказы, тогда оно будетъ требовать повторенія тѣхъ же разсказовъ, тѣми же самыми словами, которыми былъ разсказанъ первый разсказъ, будетъ возставать противъ всякихъ измѣненій въ фабулѣ. Одинъ разъ выслушанный разсказъ долженъ быть повторяемъ безъ всякихъ перемѣнъ, только тогда онъ выслушивается съ большимъ удовольствіемъ.

Причина недопущенія дѣтьми измѣненій выслушаннаго

разсказа заключается, кромѣ удовольствія отъ повторенія, еще и въ томъ, что дѣти первоначально не знаютъ никакихъ выдумокъ и фантазій, что имъ чужда ложь, равно какъ и мечта. Дитя первоначально все воспринимаетъ, какъ истинно сущее, никакого выдуманнаго міра не понимаетъ, да онъ для дитяти еще и не существуетъ. Что ни скажите дитяти, все будетъ для него непреложная правда и несомнѣнная дѣйствительность, дитя настолько реалистично и ограничено, что каждый самый фантастическій разсказъ воспринимаетъ, какъ повѣсть о дѣйствительно бывшемъ приключеніи. Поэтому измѣненіе слышаннаго разсказа понимается имъ, какъ искаженіе дѣйствительности, нарушеніе правды жизни. Мы имѣемъ пока дѣло съ человѣкомъ памяти, факта, наивной вѣры въ каждое сказанное слово, какъ изображеніе жизненной правды, міръ отвлеченностей, фантазій, мечты и лжи ему еще неизвѣстенъ.

На основаніи широкаго значенія процесса запоминанія въ психической жизни дитяти, наслажденія дитятей запоминаніемъ и непониманія имъ фантазій и отвлеченій, на основаніи быстраго усвоенія дѣтьми нѣкоторыхъ знаній, какъ, напримѣръ, иностранныхъ языковъ, на основаніи прочности дѣтскихъ усвоеній, очень живо подчасъ припоминаемыхъ даже въ старости, составилось мнѣніе, что дѣтская память очень сильна, сильнѣе чѣмъ у взрослыхъ, что дѣтство—это періодъ наибольшаго расцвѣта и энергіи памяти, а за дѣтствомъ начинается, хотя постепенное и медленное, но непрерывное ослабленіе памяти. Противъ этого мнѣнія вооружились новые педагоги — психологи, экспериментаторы, которые, произведя сравнительные опыты относительно усвоенія взрослыми большаго количества матеріала и съ меньшимъ числомъ повтореній, чѣмъ дѣтьми, объявили изложенное мнѣніе предразсудкомъ, не подкрѣпляемымъ ни результатами экспериментальнаго изслѣванія, ни общими соображеніями психофизіологическаго характера. Они утверждали, что до сихъ поръ ни одному психологу не удалось найти метода, при помощи котораго можно было бы научнымъ образомъ убѣдиться въ особенной силѣ дѣтской памяти въ какомъ бы то ни было отношеніи. Предполагая, что въ дѣтствѣ память отличается наибольшей силой, приходится допустить, что процессы памяти, имѣющіе такое существенное значеніе для всего душевнаго міра, представляютъ собою какое-то непонятное исключеніе изъ общаго развитія душевной жизни.

Новѣйшія экспериментальныя изслѣдованія показали, что въ обоихъ изложенныхъ взглядахъ есть доля истины и доля заблужденія или неточности въ формулировкѣ взглядовъ.

Нужно различать два вида запоминанія: непосредственное (его можно назвать усвоеніемъ) и длительное. Первое запоминаніе есть запоминаніе на короткое время, при этомъ запоминаніи нужно сейчасъ воспроизводить; длительное запоминаніе есть запоминаніе на продолжительное время, а если возможно, то и навсегда. Мѣра усвоенія зависитъ главнымъ образомъ отъ упражненія: отъ умѣнья сосредоточивать вниманіе, умѣнья работать вообще, пользоваться подходящими пріемами въ данномъ случаѣ и т. п., мѣра же запоминанія зависитъ отъ общихъ свойствъ психофизическаго организма; усвоеніе есть нѣчто формальное, наживное, скоропріобрѣтаемое и скоротеряемое свойство, запоминаніе же есть болѣе постоянное и характерное свойство, обусловливаемое возрастомъ и мѣрой общаго развитія. Въ усвоеніи взрослые превосходятъ дѣтей, въ запоминаніи дѣти превосходятъ взрослыхъ. Взрослый 46 лѣтъ владѣетъ лучшимъ усвоеніемъ, чѣмъ школьникъ въ лучшую пору своего школьнаго развитія, т. е. взрослому нужно меньшее число повтореній для усвоенія и меньше времени, чѣмъ школьнику, при одинаковомъ заучиваемомъ матеріалѣ. За то школьники, учащіеся въ народной школѣ, выученное при одинаковыхъ условіяхъ запоминаютъ на значительно продолжительнѣйшій срокъ, чѣмъ взрослые. Даже въ періодъ школьнаго времени младшія дѣти, при одинаковой трудности запоминаемаго матеріала, нуждаются въ большемъ числѣ повтореній, чѣмъ старшія дѣти, но за то запоминаютъ на болѣе продолжительное время и воспроизводятъ, послѣ опредѣленнаго промежутка времени, гораздо точнѣе, чѣмъ старшія. Относительно собственно запоминанія опыты Вессели надъ гимназистами дали тѣ же результаты, которые получились отъ опытовъ надъ учащимися въ народныхъ школахъ. Такимъ образомъ усвоеніе и запоминаніе имѣютъ противоположный ходъ развитія: между тѣмъ какъ способность усвоенія у младшихъ дѣтей меньше, чѣмъ у старшихъ, и постепенно возрастаетъ съ годами, вѣрность запоминанія у младшихъ дѣтей, въ теченіе школьнаго возраста, больше и уменьшается съ годами (школьный возрастъ принимается отъ 7 до 14 лѣтъ). Точно также забвеніе изученнаго у младшихъ дѣтей меньшее и возрастаетъ съ годами. Высшій расцвѣтъ способности усвоенія есть время отъ 20 до 25 лѣтъ. Въ 30—40 лѣтъ вліяніе упражненія на усвоеніе становится меньше, а запоминаніе уже значительно ослабѣло. Ослабленіе памяти совершается очень медленно и задерживается упражненіемъ [1]).

[1]) Ernst Meumann, Vorlesungen zur Einiführung in die experimentelle Pädagogik und ihre psychologischen Grandlagen. Erster Band. Leipxig. 1907. 5. 192—203 его же Экономія и техника памяти.—Пер. Самсонова. Москва, 1913 г. Стр. 161—3.

Собственно способность запоминанія достигаетъ наивысшей силы въ продолженіе дѣтства, а затѣмъ постепенно понижается. До 20 или 25 лѣтъ это пониженіе (для большинства цѣлей) болѣе чѣмъ уравновѣшивается повышеніемъ способности къ усвоенію. Позднѣе наблюдается пониженіе какъ способности запоминанія, такъ и способности усвоенія, хотя до достиженія средняго возраста пониженіе можетъ почти устраняться постояннымъ упражненіемъ [1]).

Какъ возникаютъ и развиваются творческіе процессы въ дитяти? Сначала незамѣтно, невольно, безсознательно, вслѣдствіе многихъ причинъ: неизбѣжныхъ пропусковъ въ воспроизводимомъ, отчего припоминаемые образы и событія сжимаются, сокращаются въ своемъ содержаніи и такимъ образомъ получаютъ нѣсколько новый, иной видъ по сравненію съ дѣйствительными впечатлѣніями; перестановокъ въ памяти за отсутствіемъ или слабостью и неопредѣленностью пространственныхъ и временныхъ нормъ отчего дѣйствительность получаетъ часто фантастическій и нелѣпый видъ; смѣшенія съ дѣйствительностью сновидѣній, слышаннаго и прочитаннаго. Начиная съ трехъ лѣтъ о дѣтяхъ имѣется рядъ фактовъ, что они исторіи, слышанныя отъ другихъ или прочитанныя, искренно передаютъ за пережитыя ими самими, не понимая всей ихъ невозможности. Одно дитя (4-хъ лѣтъ) въ теченіе цѣлой зимы разсказывало каждому, что, будучи на дачѣ въ лѣсу, убило двухъ львовъ, съѣло ихъ и въ борьбѣ получило рану. Дитя было убѣждено въ дѣйствительности приключенія и, въ подтвержденіе его истинности, указывало, въ видѣ трофея, шкуру обезглавленной козы, служившую ковромъ, и царапину на ногѣ. Источникъ всей этой исторіи—чтеніе въ журналѣ статьи подъ заглавіемъ „Жераръ, губитель львовъ“. Дитя однажды вечеромъ ознакомилось по этой статьѣ съ смѣлыми дѣяніями охотника, и вся фантазія дитяти была не что иное, какъ искаженное воспроизведеніе названной статьи. Наконецъ, въ силу указанныхъ причинъ, дѣти невольно и часто увеличиваютъ размѣры наблюдаемыхъ предметовъ и явленій и легко пополняютъ недостаточность наблюденій своими предположеніями и объясненіями, выдавая ихъ за часть наблюденія. Напримѣръ, дитя видѣло, какъ его сестра упала и ушиблась; но сообщая объ этомъ, оно прибавляетъ, что сестра сломала ногу, чего оно не видало и что не отвѣчало дѣйствительности; или дитя видѣло, какъ, мимо оконъ,

[1]) Джемъ Селли, Педагогическая психологія. Пер. подъ ред. Громова. Москва 1912 г. стр. 244,

спѣшно прошли пожарные и еще нѣсколько человѣкъ, и оно сообщаетъ о вспыхнувшемъ пожарѣ.

Такъ незамѣтно и постепенно въ простое воспроизведеніе прокрадывается творчество, видоизмѣняя образы памяти и наблюденія. И долгое время дитя остается при такомъ положеніи творчества, не возвышаясь до намѣреннаго сознательнаго созиданія новыхъ построеній. Но намъ скажутъ: а увлеченіе дѣтей сказками, играми? А одушевленіе неодушевленнаго? Развѣ это не несомнѣнные признаки дѣтскаго творчества и дѣтской фантазіи? Остановимся на указываемыхъ фактахъ и разсмотримъ ихъ.

Между другими психологическими ошибками, вредно вліяющими на воспитательную практику, не послѣднее мѣсто занимаетъ мнѣніе о чрезвычайно развитомъ воображеніи у дѣтей. На дѣтей смотрятъ какъ на маленькихъ поэтовъ; говорятъ, что дѣти—великіе фантазёры; что самая ничтожная игрушка, съ помощію ихъ богатаго и живаго воображенія, можетъ занимать ихъ цѣлые дни; что самая невѣроятнѣйшая сказка представляется имъ какъ-бы совершающейся предъ ихъ глазами; что они одушевляютъ свои игрушки, мебель и пр.; что самая плохая гравюра, картинка превращается ихъ воображеніемъ въ яркій, живой, дѣйствительный предметъ. Какъ, въ виду такого множества неоспоримыхъ и убѣдительныхъ фактовъ, не придти къ заключенію, что ужъ чѣмъ другимъ, а фантазіей дѣти могутъ похвастать,—очень живая, очень богатая, развивается слишкомъ скоро, составляетъ психическую особенность дѣтства! Такое, съ виду весьма правдоподобное, мнѣніе изъ неотчетливой, ненаучной ежедневной воспитательной практики попадаетъ въ педагогическія книжки и—пошло гулять по свѣту, какъ результатъ строгихъ научныхъ наблюденій, какъ авторитетная истина.

А между тѣмъ эта авторитетная истина, при небольшомъ критическомъ анализѣ ея, оказывается весьма сомнительной. Возможно-ли допустить, что у дѣтей очень развито воображеніе? Всѣ психическіе процессы, равно какъ и физіологическіе, развиваются во взаимной связи въ ребенкѣ; одинъ процессъ поддерживаетъ другой, впередъ они двигаются вмѣстѣ, совокупными усиліями, а не въ одиночку, не въ разбродъ: память сама по себѣ, фантазія, разсудокъ чувство, воля сами по себѣ. Нельзя представлять себѣ, что душа разгорожена на нѣсколько отдѣльныхъ клѣтокъ или силъ, изъ которыхъ каждая можетъ дѣйствовать отдѣльно, независимо отъ другихъ. Между тѣмъ какъ память несовершенна, разсудокъ дремлетъ, чувства и воля еще не развиты, тѣмъ временемъ воображеніе уходитъ далеко впередъ. А если такъ, то

какимъ образомъ можетъ сильно развиться фантазія при слабости психической жизни вообще? Иное дѣло, еслибы намъ сказали, что у нѣкоторыхъ дѣтей, вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, сильно развито воображеніе; но нѣтъ, намъ говорятъ, что это не исключеніе, не аномалія, не особенный талантъ, а общее правило, законъ природы. Какъ это возможно? Какъ-бы вы отнеслись къ сужденію, что у дѣтей всѣ органы тѣла развиты сравнительно съ органами взрослаго, слабо, но что органъ дыханія представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе—онъ развитъ у ребенка такъ же, какъ и у взрослаго? Не было-ли-бы такое сужденіе очевидною физіологическою странностью и не казалось-ли-бы очень сомнительнымъ? А вотъ когда говорятъ, что у дѣтей воображеніе очень развито, такъ что не уступитъ воображенію взрослаго человѣка, а то, пожалуй, будетъ и сильнѣе, то такому сужденію не удивляются, какъ будто это вещь самая обыкновенная. Нисколько не затрудняются даже тѣмъ, что тогда придется допустить двѣ совершенно различныя и даже противоположныя формы развитія психической жизни: одну для всѣхъ психическихъ явленій, кромѣ воображенія, а другую для воображенія. Принимаютъ и это и принимаютъ совершенно спокойно. „Наблюдательность ума укрѣпляется по мѣрѣ изслѣдованій; память дѣлается тѣмъ тверже, чѣмъ болѣе образуется нитей между идеями; сужденіе становится тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ болѣе оно сравнило между собою предметовъ: но воображеніе идетъ другимъ путемъ. Оно вдругъ ростетъ и потомъ убавляется съ такою-же удивительною быстротою". (Неккеръ-де-Соссюръ, Постепенное воспитаніе, 1, 273). Но какъ это возможно? Отвѣта нѣтъ.

Разсмотримъ теперь факты, которые приводятъ въ защиту такого, теоретически столь несостоятельнаго, мнѣнія.

Факты этимъ всѣмъ давно извѣстны и на нихъ было указано. Они состоятъ въ одушевленіи дѣтьми всѣхъ окружающихъ предметовъ, въ крайнемъ увлеченіи самыми невѣроятными сказками, въ любви дѣтей къ играмъ, которыми они постоянно занимаются, въ увлеченіи картинками и гравюрами, въ которыхъ они видятъ дѣйствительныя, живыя существа. Подобныхъ фактовъ безчисленное множество; они совершенно несомнѣнны и общеизвѣстны. Поэтому приводить ихъ мы не будемъ. И вопросъ будетъ заключаться не въ обсужденіи достовѣрности фактовъ, а въ объясненіи ихъ. Слѣдуетъ-ли объяснять эти факты необыкновенно развитымъ воображеніемъ дѣтей, или какъ-либо иначе?

Намъ кажется, что ссылка на воображеніе для объясненія упомянутыхъ фактовъ мало помогаетъ дѣлу. Если указанные факты

суть результатъ дѣятельности необычайно развитого воображенія, то мы должны заключить, что гдѣ мы найдемъ такое же сильное воображеніе, тамъ найдемъ и подобные факты, потому что одно — причина, а другое—слѣдствіе. Но этого мы не видимъ. Несомнѣнно, что у многихъ взрослыхъ воображеніе не менѣе развито, чѣмъ у дѣтей, а между тѣмъ одушевленія окружающихъ предметовъ, увлеченія сказками и т. п. мы не видимъ. Намъ укажутъ, можетъ быть, на поэтовъ. Въ одушевленіи и очеловѣченіи поэтами природы есть нѣчто сходное съ дѣятельностью дѣтей. А между тѣмъ поэтъ и богато развитая фантазія—двѣ вещи нераздѣльныя. „Все, что воспѣвали поэты, что обожала миѳологія, все, что суевѣріе предчувствовало изъ тайнъ жизни, разлитой въ природѣ, все то является въ дѣтскихъ играхъ подъ наивными и смѣшными чертами". „Если бы не пустота дѣтскихъ выдумокъ, они (дѣти) были бы похожи на поэтовъ" (Неккеръ де Соссюръ, 279). Такое сопоставленіе воображенія дѣтей съ воображеніемъ поэтовъ требуетъ анализа психической дѣятельности дѣтей при ихъ, такъ называемомъ, творчествѣ.

Замѣтимъ напередъ, что на первый разъ кажется какъ-то страннымъ хотя бы и отдаленное сопоставленіе фантазіи трехчетырех-лѣтнихъ Коли, Маши и т. п. съ фантазіей Гете, Шиллера, Шекспира, Гоголя и др. Величины, кажется, несравнимыя. Но разсмотримъ самые психическіе процессы.

Няня разсказываетъ дѣтямъ самую нелѣпую, самую фантастическую сказку. Дѣти такъ увлечены, ихъ фантазія такъ разыгралась, что они видятъ сказочныя дѣйствія, герои и героини сказки проходятъ предъ ихъ глазами совершенно живыми; постучись въ дверь кто-нибудь въ то время, когда въ сказкѣ изображается, какъ какое либо чудовище подкрадывается къ богатырю, и дѣти страшно перепугаются, они вообразятъ, что чудовище сказочное къ нимъ пришло. Вотъ, говорятъ, воображеніе-то! Но въ чемъ же тутъ сказывается сила воображенія? Почему ребенокъ въ сказкѣ видитъ дѣйствительность, а не сказку? Потому, во первыхъ, что онъ не умѣетъ отличить возможное отъ невозможнаго. Чтобы считать дѣйствительными сказочныя событія, которыя невозможны, для этого, очевидно, необходимо не умѣть отличать возможное и невозможное. Безъ этого существеннаго условія такъ сильно увлекаться сказкой, какъ дѣти увлекаются, невозможно. И Пушкинъ, и Лермонтовъ увлекались русскими народными сказками и сильно увлекались, но ихъ увлеченіе было иное, чѣмъ увлеченіе дѣтей. Они не видѣли въ сказкѣ дѣйствительныхъ фактовъ—подобная мысль была для нихъ невозможна,— они увлека-

лись поэтичностью сказокъ, ихъ мѣткимъ языкомъ. Дѣтямъ же естественно увлекаться сказкой, какъ дѣйствительностью, потому что у нихъ способность различенія возможнаго отъ невозможнаго очень слаба. Знаніе природы у нихъ такъ недостаточно, законы явленій на столько еще неизвѣстны имъ, что у нихъ нѣтъ раздѣленія между дѣйствительнымъ и вымышленнымъ, между возможнымъ и невозможнымъ. Эта весьма естественная особенность дѣтской психической жизни выражается во многихъ фактахъ. Напр., извѣстенъ фактъ, что дѣти не умѣютъ хорошо различать между лицами и событіями, видѣнными во снѣ, и дѣйствительными людьми и приключеніями. Они перемѣшиваютъ ихъ, увѣряютъ, что дѣйствительно видѣли лицъ, которыхъ и не существуетъ. Врачъ Эргардъ пишетъ о себѣ, что въ дѣтствѣ онъ часто спорилъ съ своими домашними, утверждая, что онъ на самомъ дѣлѣ видѣлъ или слышалъ то, что между тѣмъ видѣлъ только во снѣ. И въ послѣдующее время жизни многія сновидѣнія, спустя нѣкоторое время послѣ пробужденія, казались ему дѣйствительностью, часто безпокоили его и вынуждали справляться— особенно когда дѣло касалось постороннихъ лицъ—точно ли у него было что нибудь подобное тому, что ему представляется, или онъ видѣлъ все это во снѣ. Гете въ своей автобіографіи (Поэзія и правда моей жизни) пишетъ о своихъ дѣтскихъ годахъ: „мы, мальчики, имѣли по воскресеньямъ свои собранія, на которыхъ каждый изъ насъ долженъ былъ представить свои стихи. Одинъ изъ насъ, добрый мальчикъ и мой пріятель, но совершенно неспособный къ подобной работѣ, заставлялъ писать стихи своего гувернера и не только считалъ ихъ лучшими, но былъ въ полной увѣренности, что сочинялъ ихъ самъ“. Сама Неккеръ де Соссюръ говоритъ: „спрячьтесь за занавѣсъ; радость ребенка и крики, когда онъ опять увидитъ васъ, доказываютъ, что ему было бы грустно, но не удивительно, если бы вы совсѣмъ исчезли“ (274). По данному вопросу одна опытная дѣтская садовница сообщила намъ слѣдующія наблюденія: „мнѣ приходилось и приходится много возиться съ дѣтьми трехъ, четырехъ и пяти лѣтъ, и я давно убѣдилась въ ихъ полномъ неумѣньи отличать возможное отъ невозможнаго. Для примѣра приведу самую обыденную игру „Кошка и мышки“. Пока котъ не ловитъ, мыши всѣ рѣзвятся, но лишь только тотъ зацѣпитъ мышенка какимъ либо образомъ за передникъ или за платье — бѣда! Такой вой подымется, что ничѣмъ не уймешь! Спросишь, наконецъ: „о чемъ ты плачешь“?—„Да какъ же, кошка поймала меня, она меня заѣстъ“! Начнешь уговаривать, что такой-то мальчикъ или д

не кошка на самомъ дѣлѣ, вѣдь это только игра и никто никого заѣсть никоимъ образомъ не можетъ. Никакія увѣщанія не помогаютъ и на слѣдующій разъ таже исторія. Другія дѣти не плачутъ, но зато блѣднѣютъ и дрожатъ отъ страха и бываютъ рады-радешеньки, когда какой-нибудь хищникъ оставитъ ихъ во время игры въ покоѣ. Такіе примѣры у меня повторяются каждый день".

Такимъ образомъ неспособность дѣтей ясно различать между возможнымъ и невозможнымъ выражается во многихъ фактахъ ихъ дѣтской жизни. Въ частности это явленіе служитъ основаніемъ ихъ сильнаго увлеченія сказками, значительнаго вліянія сказокъ на чувства, на настроеніе ребенка. Не считая сказку невозможной, ребенокъ естественно увлекается ею. Такимъ образомъ причина могущественнаго вліянія сказокъ на дѣтей—не богато развитое воображеніе, а скудость знаній, слабость интеллекта, неумѣнье отличить возможное отъ невозможнаго. Но это не единственная причина.

Другая особенность психической жизни дѣтей, имѣющая значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ, есть значительная живость, яркость представленій. Эта черта опять есть результатъ не богато развитаго воображенія, а недостатка развитія всей психической жизни дѣтей по сравненію съ жизнью взрослаго. У взрослаго, особенно у образованнаго, въ значительной степени бываетъ развита способность обобщенія. У него представленія не остаются одинокими, но сейчасъ же сравниваются между собою и изъ сравненія ихъ возникаютъ новые продукты, болѣе отвлеченные, менѣе живые и яркіе, чѣмъ представленія, именно понятія. Въ понятіи нѣтъ тѣхъ частныхъ чертъ, которыя принадлежатъ представленію и которыя даютъ представленію яркость и жизненную полноту; понятіе есть только остовъ, скелетъ, схема представленій и подъ эту схему можетъ подойти безчисленное количество представленій. Образованныя чрезъ сравненіе представленій, понятія также сравниваются между собою, и изъ сравненія ихъ возникаютъ новыя понятія, еще болѣе общія, и т. д., пока не получатся самыя общія понятія, на которыхъ классифицирующая дѣятельность разсудка и должна остановиться. Такимъ образомъ у взрослаго представленія служатъ только матеріаломъ для образованія высшихъ психическихъ продуктовъ, мышленіе же совершается помощью понятій. Конечно, это не значитъ, чтобы у взрослаго человѣка не существовало въ памяти представленій, чтобы каждое представленіе у него вошло въ составъ соотвѣтствующаго понятія и само по себѣ перестало существовать, какъ отдѣльный,

самостоятельный психическій продуктъ. У каждаго человѣка существуетъ, въ видѣ матеріала, не пошедшаго въ дѣло, на образованіе новыхъ высшихъ продуктовъ, довольно представленій. И чѣмъ человѣкъ менѣе мыслитъ, чѣмъ менѣе занимается онъ систематизированіемъ, классификаціей своихъ знаній, тѣмъ больше у него такого матеріала, не пошедшаго въ дѣло, остающагося безъ употребленія. Память самыхъ великихъ систематизаторовъ хранитъ неизбѣжно большее или меньшее количество такого мертваго, безпроцентнаго умственнаго капитала, невольно образующагося вслѣдствіе ежедневныхъ, будничныхъ встрѣчъ и приключеній, свиданій съ различными лицами, чтенія газетъ и журналовъ. Но вообще мы можемъ сказать, что психическая дѣятельность взрослаго всегда отличается болѣе или менѣе отвлеченнымъ характеромъ, вслѣдствіе присутствія въ его памяти значительнаго количества понятій.

Совсѣмъ иной характеръ психической жизни ребенка. Способность обобщенія у него очень слаба, у него нѣтъ даже и охоты къ сопоставленію представленій и образованію изъ нихъ новыхъ высшихъ продуктовъ. Представленія у него не матеріалъ для высшихъ продуктовъ, а суть сами по себѣ эти высшіе продукты; память его наполнена ими. Естественно, что психическая жизнь дѣтей является болѣе образной, картинной, яркой, чѣмъ жизнь взрослаго. Въ то время, когда какой либо разсказъ пробуждаетъ въ памяти взрослаго рядъ тусклыхъ образовъ, перемѣшанныхъ съ понятіями, совершенно отвлеченными продуктами, въ это время въ душѣ ребенка, соотвѣтственно разсказу, возникаетъ рядъ яркихъ картинъ, чуждыхъ всякой отвлеченности. Даже отдѣльныя представленія у дѣтей бываютъ гораздо живѣе, чѣмъ у взрослаго. Взрослый привыкъ обращать вниманіе на главное, на существенное; первымъ дѣломъ умственной дѣятельности при знакомствѣ съ новымъ предметомъ онъ ставитъ отнесеніе этого предмета къ извѣстному классу, пріурочиванье его къ извѣстному понятію. А въ этомъ случаѣ частности, мелочи, которыя оттѣняютъ предметъ, которыя даютъ ему жизненность, полноту, не важны и даже могутъ быть вредны, заставивъ обратить вниманіе на не важное и опустить изъ виду главное. Ребенокъ же знакомится съ новымъ предметомъ, такъ сказать, совершенно безстрастно; онъ тщательно разсмотритъ его, одинаково запомнитъ какъ главныя черты, такъ и мелочи. Сопоставлять этотъ предметъ съ другими онъ особенной потребности не чувствуетъ. Если онъ припомнитъ, что видалъ подобный предметъ прежде, то онъ, можетъ быть, сравнитъ эти два предмета; если же не

припомнитъ, то ему и горя мало. Онъ нисколько не опечалится, что не въ состояніи отнести этотъ новый предметъ къ разряду какихъ-либо, видѣнныхъ имъ прежде; онъ просто будетъ разсматривать этотъ предметъ и запомнитъ все въ немъ, важное и неважное, главное и мелочное. А вслѣдствіе этого предметъ отпечатлѣется въ памяти ребенка несравненно полнѣе и живѣе, чѣмъ при классифицированіи предмета. Картина, изображеніе предмета всегда бываетъ несравненно живѣе и яснѣе, чѣмъ понятіе о предметѣ.

Слушая сказку, считая сказочныя событія вполнѣ возможными, ребенокъ представляетъ ихъ въ образахъ живыхъ, яркихъ, съ различными частностями и подробностями, чего не бываетъ у взрослаго. Естественно, что сказка производитъ на него сильное впечатлѣніе. Но очевидно, что въ этой второй чертѣ ничего не приходится на долю воображенія. Воспроизведеніе образовъ— дѣло памяти; а что эти образы ярки и живы, это результатъ не воображенія, а результатъ отсутствія высшихъ формъ познавательной дѣятельности.

Третье обстоятельство, на которое нужно указать для объясненія дѣйствія сказокъ на дѣтей, это простота фабулы сказки, простота мотивовъ дѣйствій. Въ сказкахъ дѣйствія героевъ и героинь опредѣляются мотивами весьма рельефными и не сложными, страстной злобой, местью, любовью, страхомъ, феноменальной глупостью, хитростью, жадностью и т. п. Въ сказкѣ изображаются двѣ-три такихъ страсти, тонкаго психологическаго анализа ихъ нѣтъ, сложныхъ, запутанныхъ столкновеній—также. Самыя страсти изображаются крайне ярко, рѣзко, такъ сказать, по суздальски безъ всякихъ ограниченій, какъ будто составители сказокъ придерживались извѣстнаго правила, „коль любить, такъ безъ разсудку... коль ругнуть, такъ сгоряча... коль рубнуть, такъ ужъ сплеча... коли пиръ, такъ пиръ горой". А если даже и такая страсть не вывозила, то къ услугамъ волшебство, сверхъестественныя силы—колдуньи, бабы-яги, дивные сѣрые волки, конькигорбунки и т. д. Всѣ подобные мотивы для ребенка ясны и понятны, такія чувства, хотя и въ меньшей степени напряженія, въ другихъ формахъ, онъ испыталъ, онъ ихъ знаетъ. Поэтому сказка, со всѣмъ ея волшебствомъ и чудесностью, для него ясна, какъ день, онъ ее вполнѣ понимаетъ и потому интересуется ею. Но дайте ему художественное произведеніе болѣе сложное, дайте ему романъ, повѣсть, и онъ будетъ скучать, его фантазія еще не доросла до того, чтобы обнять подобное произведеніе. Прекрасная повѣсть покажется ребенку хуже, чѣмъ самая нелѣпая сказка,

подобно тому, какъ прекрасная картина великаго художника для него гораздо хуже, чѣмь картинка на его большой конфеткѣ, подаренной ему въ имянины. Очевидно, что и въ этой причинѣ, обусловливающей сильное дѣйствіе сказокъ на дѣтей, мы не видимъ и слѣдовъ богато развитаго воображенія, а, совершенно напротивъ, замѣчаемъ фантазію крайне скудную, неразвитую, которой не подъ силу еще художественное въ истинномъ смыслѣ этого слова, которой нравится все грубое, рѣзкое.

Такимъ образомъ причина увлеченія дѣтей сказками—не богато развитое воображеніе, а слабость развитія психической жизни вообще, неумѣнье отличать возможное отъ невозможнаго и слабость развитія собственно фантазіи, не могущей обнять произведеній болѣе сложныхъ и художественныхъ. Справедливость такого объясненія подтверждается другими параллельными фактами и наблюденіями, именно: мы находимъ, что повсюду, гдѣ сильно развита отвлеченная умственная дѣятельность, гдѣ сферы возможнаго и невозможнаго рѣзко отдѣлены, гдѣ дѣйствительно развитая фантазія наслаждается сложными и высокими произведеніями искусства, тамъ сказокъ не любятъ. Всѣ образованные люди предпочитаютъ сказкѣ романъ; простота фабулы сказки, грубость въ обрисовкѣ мотивовъ, фантастинность не нравятся развитому эстетическому вкусу. Сказка слишкомъ первобытна, она плодъ разсвѣта психической жизни и зрѣлой психической жизни не по плечу. Но за то сказку чрезвычайно любятъ тамъ, гдѣ умственная дѣятельность ушла не далеко, гдѣ она отличается болѣе конкретнымъ, чѣмъ абстрактнымъ характеромъ, гдѣ сферы возможнаго не разграничены и постоянно пореходятъ одна въ другую.

На полудикарей сказка дѣйствуетъ такъ же сильно, какъ и самая дѣйствительность. И для нихъ сказка есть не сказка, не вымыселъ, а драма, взятая прямо изъ жизни и полная глубокаго интереса и значенія. Причны такого явленія тѣ же что и у дѣтей [1])

Другой рядъ фактовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе значительно развитой фантазіи у дѣтей, — это одушевленіе дѣтьми всего окружающаго міра, мебели, игрушекъ, очеловѣченіе животныхъ, превращеніе самыхъ плохихъ гравюръ и рисунковъ въ живыя дѣйствительныя существа. Намъ кажется, что для того, чтобы въ подобныхъ фактахъ видѣть подтвержденіе богато развитой фантазіи у дѣтей, надобно имѣть очень сильное желаніе видѣть это. Фантазія здѣсь рѣшительно не причемъ. Почему ребенокъ оживляетъ и надѣляетъ человѣческими способностями весь-

[1]) См. факты, приведенные выше, въ гл. VIII.

міръ? Потому что онъ не знаетъ этого міра, его свойствъ, его формы существованія, и судитъ о немъ по себѣ. Войдите въ психическое положеніе ребенка, представьте себѣ ходъ его мыслей: ребенокъ еще ничего не знаетъ о томъ, какъ существуютъ предметы, онъ только начинаетъ присматриваться къ нимъ. Все, что онъ знаетъ, это онъ самъ. Онъ замѣчаетъ, что онъ хочетъ ѣсть, пить, что онъ двигается въ направленіи предмета, который ему нравится, что ему бываетъ больно, холодно и т. д. Онъ видитъ предметы. Что онъ долженъ думать о нихъ? Какъ онъ долженъ представлять ихъ существующими? Онъ видитъ, что собака, кошка двигаются, ѣдятъ, пьютъ, крнчатъ, когда ихъ бьютъ. Онъ находитъ въ нихъ много сходства съ собой и полагаетъ, что они владѣютъ тѣми же свойствами, какъ и онъ самъ. Также онъ думаетъ и о неодушевленныхъ предметахъ; иначе онъ и думать не можетъ. Онъ не знаетъ еще, что это предметы неодушевленные, такъ онъ знаетъ только себя, существо одушевленное. Онъ не знаетъ еще никакой другой формы существованія, кромѣ человѣка, ету ему невозможно и представить, что есть предметы бездушные. Чтобы понять, что міръ существуетъ нѣсколько иначе, владѣетъ другими свойствами, чѣмъ человѣкъ, для этого ребенокъ долженъ сдѣлать много наблюденій, долженъ рѣзко отличить себя отъ другихъ предметовъ. Когда онъ сдѣлаетъ такія наблюденія, тогда онъ перестанетъ считать неодушевленные предметы одушевленными и животныхъ—человѣкообразными существами. А до тѣхъ поръ ему иначе представлять міръ, нежели массой существъ живыхъ и человѣкоподобныхъ, рѣшительно невозможно. У него для такого воззрѣнія нѣтъ основаній и побужденій, нѣтъ элементовъ. Причемъ же тутъ фантазія? Рѣшительно не причемъ. Дѣло идетъ не о фантазіи, а о крайней не развитости психической жизни ребенка, дѣлающей для него временно необходимыми подобныя неправильныя воззрѣнія.

Въ увлеченіи дѣтей гравюрами и картинками также нельзя видѣть дѣятельности фантазіи. Ребенокъ потому увлекается ими, что онъ не видитъ различій между гравюрой и соотвѣтствующимъ ей предметомъ. Подарите маленькому мальчику лошадку-игрушку: ребенокъ поражается прежде всего сходствомъ формы лошадки-игрушки съ дѣйствительной лошадью; у игрушки-лошадки есть и голова, и хвостъ, и ноги и все какъ у дѣйствительной лошади. Увлеченный сходствомъ, ребенокъ и не думаетъ обратить вниманіе на различія: онъ преспокойно садится верхомъ на своего мирнаго бѣгуна, подстегиваетъ его кнутикомъ, поитъ и кормитъ. Неужели это свидѣтельство богато развитой фантазіи? Но почему-же,

въ такомъ случаѣ, не слышно, чтобы великіе поэты и художники принимали игрушекъ-лошадокъ за дѣйствительныхъ лошадей? Подобные факты изъ дѣтской жизни—самыя убѣдительныя доказательства умственной неразвитости дѣтей. Ребенокъ видитъ, что лошадка-игрушка не ѣстъ, не пьетъ, не бѣгаетъ, но не даетъ на первыхъ порахъ этимъ фактамъ значенія, не выводитъ изъ нихъ никакихъ заключеній о различіи между игрушкой-лошадкой и дѣйствительной лошадью и продолжаетъ считать свою игрушку живымъ конемъ. Подобнымъ-же образомъ ребенокъ увлекается и гравюрами. Гравюра напоминаетъ ему дѣйствительный, видѣнный имъ прежде, предметъ, а такъ какъ представленія у ребенка, какъ мы говорили выше, очень ярки, очень живы, то ребенокъ, смотря на гравюру, какъ-бы видитъ соотвѣтствующій ей предметъ. Различіе-же между плохой гравюрой и его живымъ и яркимъ представленіемъ о предметѣ отъ него ускользаетъ, такъ какъ онъ на различія вообще не обращаетъ вниманія, увлекаясь сходствомъ Ребенокъ, говоритъ Вундтъ, можетъ вѣрить разсказу, зная, что онъ сочиненъ. Ребенокъ можетъ считать свою куклу настоящимъ ребенкомъ и любить ее тою любовью, какую онъ можетъ ощущать только къ чувствующему существу, и въ то же время можетъ быть увѣреннымъ, что эта кукла не самъ человѣкъ, а только несовершенное подражаніе человѣческому существу [1]).

Третій и послѣдній рядъ фактовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе богато развитой фантазіи дѣтей, есть любовь дѣтей къ играмъ. Дѣти дѣйствительно очень любятъ играть, играютъ много и съ увлеченіемъ, но въ ихъ играхъ очень много воспроизведенія, подражательности. Присмотритесь и прислушайтесь къ дѣтскимъ играмъ — изображаются папа, мама, учитель, въ игрушкахъ и играхъ воспроизводятся мебель, кухня, военныя принадлежности, весь обыденный бытъ со всѣми его мелочами. Творчества мало, хотя, безспорно, въ играхъ оно есть. Если мы возьмемъ наиболѣе творческія дѣтскія игры, когда дѣти играютъ безъ игрушекъ, создаютъ не только игру, но воображаютъ и самый матеріалъ, то и тогда они обнаруживаютъ творчества собственно мало. Припомнимъ, прежде всего, слабую способность дѣтей различать возможное и невозможное, представленіе, игру и дѣйствительность. Мы уже знаемъ, что дѣти свои сновидѣнія принимаютъ за дѣйствительные, внѣшніе факты, и стихи, сочиненные для нихъ другими, совершенно, вполнѣ искренно выдаютъ за свои. Что же удивительнаго, что

[1]) В. Вундтъ, Фантазія, какъ основа исскуства Пер. Зандера СПБ. 1914 г. Стр. 100.

ребенокъ, увлеченный игрой, находясь подъ вліяніемъ возбужденія, принимаетъ свое представленіе за внѣшній предметъ? Даже въ жизни взрослыхъ мы можемъ указать подобный фактъ: когда взрослый, какъ говорится, мечтаетъ, то онъ нерѣдко забываетъ время и мѣсто, гдѣ онъ находится, забываетъ окружающую среду, свое положеніе и пр. и совершенно переносится въ тѣ мѣста, бесѣдуетъ съ тѣми личностями, которыя въ это время возникаютъ въ его фантазіи. Онъ живетъ въ другомъ мірѣ, чѣмъ окружающій его дѣйствительный міръ, онъ какъ бы видитъ этотъ воображаемый міръ. Но раздался рѣзкій звукъ, почувствовался уколъ, пахнула струя холоднаго воздуха—и мечтатель очнулся, изъ воображаемаго міра снова спустился въ дѣйствительный. То же бываетъ и съ ребенкомъ. Взрослый замечтался, ребенокъ заигрался.

Вопросъ въ этомъ случаѣ только въ томъ: на сколько въ подобныхъ психическихъ актахъ участвуетъ воображеніе? Что касается мечтаній взрослаго, то намъ кажется, что въ этихъ, такъ называемыхъ, фантазированьяхъ болѣе участвуетъ память, чѣмъ воображеніе, т. е. происходитъ болѣе воспроизведеніе образовъ, чѣмъ созданіе новыхъ. Мечтая, мы отдаемся обыкновенно теченію представленій; куда повлекутъ насъ ассоціаціи, туда мы и идемъ. Будучи весело настроены, мы припоминаемъ картины пережитаго счастья, веселья; подъ вліяніемъ грусти въ нашемъ сознаніи и картины проходятъ грустныя. Иногда мы мечтаемъ впрочемъ на опредѣленную тему и тогда создаемъ нѣчто новое; мы думаемъ, напримѣръ, какъ бы хорошо было имѣть хорошее матеріальное обезпеченіе на всю жизнь, какъ бы мы тогда устроили свою жизнь, чѣмъ и какъ стали бы заниматься, какимъ образомъ измѣнили бы свои отношенія къ окружающимъ насъ лицамъ; или воображаемъ себя достигшими большаго вліянія и власти въ обществѣ и рисуемъ картину, какіе бы тогда мы планы осуществили, какіе новые порядки ввели и т. п. Здѣсь, несомнѣнно, есть дѣятельность воображенія, потому что создаются новыя картины; но этотъ видъ творчества одинъ изъ самыхъ низшихъ, потому что связь между отдѣльными образами довольно механическая, вполнѣ стройной и связной картины у насъ не выходитъ, и мы просто, по поводу извѣстнаго чувства или желанія, нанизываемъ одинъ образъ на другой.

Что касается игръ дѣтей, то намъ кажется, что творчества здѣсь еще меньше, чѣмъ въ мечтахъ взрослаго. Игры дѣтей, какъ мы сказали, суть воспроизведенія окружающей обстановки и дѣятельности; самостоятельнаго сочетанія представленій мы здѣсь видимъ мало. Матеріалъ игръ, очевидно, также воспроизводится,

а не создается. Ребенокъ, напримѣръ, воображаетъ въ комнатѣ утокъ и куръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ. Что же это за творчество? Это воспроизведеніе, а если творчество, то ужъ по истинѣ куриное! Другой примѣръ, приводимый Неккеръ де-Соссюръ, а за ней Ушинскимъ и Мишо: „отецъ слышитъ, сидя у окна, что дѣти его въ саду стрѣляютъ изъ лука. Одинъ судитъ о выстрѣлахъ, другой жалуется на его судъ, спорятъ, кричатъ, хвалятъ удачно выстрѣлившаго, смѣются надъ неловкимъ. Отецъ приходитъ въ безпокойство. Откуда взяли они стрѣлы? Могутъ ли они стрѣлять? Не поранятъ ли другъ друга? Онъ не вытерпѣлъ, бѣжитъ въ садъ и что же видитъ? У дѣтей раскраснѣлись лица, они всѣ въ большомъ оживленіи и наполнены неподдѣльною горячностью, сопровождающею обыкновенно очень большое удовольствіе. Вся пантомима исполнялась въ совершенствѣ; не было только ни лука, ни стрѣлъ, ни мишени; одна стѣна составляла весь матеріалъ игры“ (279—280). Здѣсь опять мы видимъ очень живое воспризведеніе, а не творчество. Притомъ матеріалъ, хотя и скудный—всего одна стѣна— все же былъ. Живое же воспроизведеніе лука, стрѣлъ и всего процесса стрѣльбы было вызвано большимъ увлеченіемъ дѣтей игрой—они были очень оживлены и раскраснѣлись. Въ такомъ состояніи возбужденія, когда они совсѣмъ заигрались, имъ было естественно довольствоваться вмѣсто дѣйствительныхъ предметовъ своими живыми и яркими представленіями. Впрочемъ, подобные факты—игры безъ матеріала—набюдаются сравнительно рѣдко; обыкновенно дѣти играютъ съ помощію игрушекъ, хотя бы и самыхъ простыхъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому общему заключенію, что всѣ факты, приводимые въ доказательство необычайно развитаго воображенія у дѣтей, составляющаго исключеніе изъ обыкновеннаго хода развитія прочихъ психическихъ способностей, не доказываютъ тезиса: всѣ они объясняются гораздо проще и естественнѣе недостаточностью развитія ихъ психической жизни вообще, слабостью развитія фантазіи въ частности и особенною живостью и яркостью представленій дѣтей, обусловливающимися недостаточнымъ развитіемъ ихъ интеллекта.

Дальнѣйшее подтвержденіе эта мысль—о скудости дѣтскаго воображенія—находитъ въ анализѣ дѣятельности воображенія. Какая отличительная черта воображенія? Сущность дѣятельности воображенія состоитъ въ творчествѣ, въ созданіи новыхъ продуктовъ. Когда поэтъ въ своемъ поэтическомъ произведеніи одушевляетъ природу, то что за процессъ въ немъ совершается? Онъ не просто, какъ ребенокъ, одушевляетъ природу, т. е. считаетъ

отдѣльные предметы живыми существами—онъ такъ не думаетъ,—но онъ влагаетъ въ явленія природы какую-нибудь свою думу, свою страсть, свое чувство и такимъ образомъ дѣлаетъ извѣстныя явленія природы выразителями психическихъ состояній. Слѣдовательно, здѣсь разнородный матеріалъ служитъ для постройки прекрасной поэтической картины: извѣстная мысль или страсть выражается въ рядѣ явленій природы. Самое же соединеніе управляется тонко развитымъ чувствомъ прекраснаго. Такимъ образомъ въ поэтической картинѣ міръ субъективный и объективный, гармонически соединяясь, даютъ новый продуктъ—художественное произведеніе. Очевидно, это актъ очень сложный и съ дѣтскимъ одушевленіемъ всего міра имѣетъ чисто внѣшнее и притомъ весьма незначительное сходство. Дайте вы ребенку истинно художественное произведеніе, въ которомъ рядъ явленій природы служитъ выразителемъ чувства или мысли и представляетъ высокую поэтическую картину,—и ребенокъ не пойметъ этой картины; разскажите ему сказку, въ которой котъ да баранъ представлены дѣйствующими по человѣчески и испытывающими различныя бѣдствія,—и ребенокъ отлично пойметъ сказку и вполнѣ будетъ доволенъ ею. А между тѣмъ это болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное сходство поэтической дѣятельности и нѣкоторыхъ воззрѣній ребенка на природу не мало содѣйствовало распространенію и укорененію мнѣнія, что дѣти—маленькіе поэты, что воображеніе у нихъ чрезвычайно развито, потому что у насъ слова поэтъ и фантазія нераздѣльны. У дѣтей именно творчества-то и не достаетъ въ ихъ дѣятельности. Вся ихъ дѣятельность носитъ преимущественно характеръ простого воспроизведенія и увлеченія механическимъ сходствомъ. Ихъ игры, по большей части, суть результатъ подражанія, воспроизводительности, а не творчества; ихъ одушевленіе природы есть результатъ крайне скудныхъ знаній и необращенія вниманія на различія предметовъ. Механичность, неразвитость психической жизни дѣтей выражаются самымъ различнымъ образомъ, во множествѣ мелкихъ фактовъ. Признавая фантазію ребенка болѣе легко возбуждаемой и болѣе жизненной, чѣмъ фантазія взрослаго, Вундтъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что ребенокъ обладаетъ очень большой и всегда готовой воспроизводящей фантазіей, но почти не обладаетъ фантазіей комбинирующей [1]).

Другой подобный-же фактъ: бываетъ такой періодъ въ жизни дѣтей, когда они довольно удачно острятъ. Многіе родители въ этихъ дѣтскихъ остротахъ видятъ признаки талантливости своихъ

[1]) Вундтъ, тамъ же, стр. 103.

дѣтей, говорятъ: какой умный мальчикъ, какія смѣлыя сопоставленія и сближенія предметовъ онъ дѣлаетъ! Но напрасно въ дѣтскихъ остротахъ видятъ признакъ талантливости. Острота есть сопоставленіе, объединеніе какой-либо сходной чертой такихъ предметовъ, какіе съ виду кажутся совершенно различными. Дѣти, какъ мы замѣчали раньше, сильно увлекаются сходствомъ, которое поразило ихъ, и не обращаютъ вниманія на различія. Поэтому ихъ остроты крайне рискованны и крайне механичны. Пораженныя сходствомъ, они иногда крайне смѣло и очень удачно сближаютъ предметы—выходитъ очень милая острота; но иногда необращеніе вниманія на различія увлекаетъ ихъ слишкомъ далеко и заставляетъ сблизить такіе предметы, въ которыхъ нѣтъ ничего сходнаго—тогда выходитъ, къ прискорбію родителей, глупость. По нашему мнѣнію, дѣти равно неповинны ни въ остротахъ, ни въ глупостяхъ; они просто, вслѣдствіе недостаточности своего общаго умственнаго развитія, увлекаются первымъ, поразившимъ ихъ, сходствомъ и, не обращая вниманія на различія, не давая себѣ труда сравнить предметы, показавшіеся сходными, сопоставляютъ ихъ. Иногда выходитъ хорошо, а иногда плохо. Поэтому, въ особенности къ дѣтскому остроумію, примѣнимо замѣчаніе Жана Поля Рихтера объ остроуміи вообще, что остроуміе похоже на легкомысленнаго священника, который соединяетъ бракомъ каждую встрѣтившуюся пару.

Мы не хотимъ сказать, чтобы сказками, играми и всякаго рода упражненіями дѣти не развивали своего творчества; мы говоримъ только, что увлеченіе ими маленькихъ дѣтей (до 4—5 лѣтъ) не свидѣтельствуетъ за силу и богатство ихъ творчества. А перечисленными упражненіями дѣти развиваютъ, конечно, до извѣстной степени свое творчество. Въ увлеченіи сказками возбужденіе творчества состоитъ въ томъ, что дитя живо представляетъ, а потому видитъ и слышитъ сказочное событіе. А послѣднее превосходитъ дѣйствительность размѣрами (великаны, карлики, необычайно злыя и добрыя существа) и часто отличается отъ нея новыми сочетаніями дѣйствительныхъ чертъ, въ окружающей природѣ не встрѣчающимися (говорящія животныя, летающая на помелѣ баба-яга, разступающаяся передъ преслѣдуемыми дѣтьми гора и т. п.). Слушая такую сказку, дитя создаетъ, по ея указанію, соотвѣтствующіе грандіозные образы, увеличиваетъ и уменьшаетъ дѣйствительныя явленія, производитъ новыя сочетанія, а все это есть творческая дѣятельность, хотя и совершаемая по указкѣ, по сказочной канвѣ. Точно также увлеченіе играми содѣйствуетъ пробужденію творчества, хотя бы игра и имѣла цѣлью

воспроизведеніе бывшаго: чтобы въ игрѣ воспроизвести пережитое, нужно это психическое состояніе воплотить въ какомъ либо матеріалѣ, сочетать духовное съ физическимъ. Самое это воплощеніе есть уже нѣкоторый видъ творчества, особенно если игра отличается сложностью. Нѣчто подобное нужно сказать и про всѣ другіе приведенные факты.

Начавшись, творчество не останавливается и мало по малу переходитъ въ сознательное и намѣренное. Съ развитіемъ душевной жизни дѣтей, у нихъ постепенно устанавливаются основныя различенія явленій и элементарныя научныя нормы—пространственныя, временныя, физическія и логическія. Онѣ сообщаютъ ясность и опредѣленность дѣтской мысли и даютъ основу болѣе планомѣрнымъ и разумнымъ новымъ построеніямъ. Сильный толчекъ намѣренномворчу тесту дѣтей дается такими явленіями, которыя привлекаютъ вниманіе на различіе дѣйствительности отъ произведеній ненамѣреннаго творчества, каковы увеличеніе и уменьшеніе размѣровъ предметовъ и явленій, замѣчаніе иллюзій, въ которыя дитя легко впадало, не владѣя установленными ни физическими, ни духовными нормами. Теперь оно начинаетъ понимать, что поверхъ дѣйствительнаго міра можетъ быть еще другой міръ—представляемый, фантастическій, шуточный, и что можно жить въ двухъ мірахъ. Особенно остро дитя чувствуетъ разницу между дѣйствительнымъ и фантастическимъ міромъ съ появленіемъ лжи.

Попавъ въ какое либо затруднительное положеніе, дитя пытается выбраться изъ него и нерѣдко нападаетъ на ложь. Какъ только дитя солгало, оно сейчасъ же почувствовало, что есть два міра: дѣйствительный и выдуманный, и, въ случаѣ удачи лжи, оно охотно будетъ прибѣгать къ выдумкѣ. Эта собственная выдумка будетъ заманивать дитя въ новый міръ. Мало по малу дитя войдетъ во вкусъ новаго міра и постепенно будетъ наслаждаться имъ. Тогда и настанетъ время царства сказокъ, игръ, клоунства, актерства, фантазерства, не какъ реальныхъ вещей и явленій, не какъ единаго истинно сущаго, а какъ творческихъ фантазій, вслѣдствіе пріятности ставить себя въ новыя положенія, жить не обыденною жизнью, испытывать новыя волненія, словомъ превращаться во все и превращать все. Это періодъ намѣреннаго, сознательнаго творчества.

Дѣтское творчество, все равно, что и творчество взрослаго человѣка, принимаетъ два направленія: теоретическаго и практическаго. Первое — раннее сочиненіе сказокъ, фантастическихъ исторій, дѣтскихъ романовъ—есть удѣлъ сравнительно немногихъ

дѣтей, наиболѣе талантливыхъ, особенно нервно возбудимыхъ, живущихъ уединенно, безъ товарищей (примѣръ—Жоржъ Зандъ въ дѣтствѣ); второе, выражающееся преимущественно играми и разными дѣятельными упражненіями, есть достояніе большинства дѣтей, живущихъ съ товарищами и подругами.

XXIX.

Дѣтская религія.

При изученіи религіи дѣтей, нужно постоянно помнить, что ихъ религіозное сознаніе не начинается съ нуля, съ самаго начала, а имѣетъ уже подготовленную почву въ религіи взрослыхъ. Религія проникла во всю жизнь взрослыхъ и пропитала ее: языкъ, міровоззрѣніе и мышленіе, практика жизни, нравственность, законодательство, искусство и вообще эстетика—все носитъ въ томъ или другомъ отношеніи болѣе или менѣе глубокую печать религіи. Въ языкѣ мы имѣемъ слова Богъ, духъ, Творецъ, Искупитель, Троица, таинство, грѣхъ, Спаситель, Богочеловѣкъ, воплощеніе и т. п. Все наше мышленіе проникнуто духомъ религіознаго міросозерцанія: наши понятія о происхожденіи міра и человѣка, объ отношеніи Бога къ міру и человѣчеству, о судьбѣ міра носятъ печать религіозности, такъ какъ для обыкновеннаго мышленія подобныя идеи нераздѣльны съ идеей Бога. У насъ есть даже шутливыя мысли, сужденія и поговорки, вошедшія въ ежедневный нашъ обиходъ и имѣющія религіозное происхожденіе. Таковы: это было еще до потопа, дѣло это будетъ тянуться до второго пришествія и т. п. Нравственныя требованія мы часто основываемъ на религіи, говоримъ, что Богъ требуетъ добродѣтели, что за дурные поступки Онъ наказываетъ, а за хорошіе награждаетъ, что мы должны бояться прогнѣвить Бога своими нехорошими дѣйствіями. Въ практикѣ жизни всюду встрѣчаются слѣды и выраженія религіозности: храмы, богослуженія, процессіи, молитвы, духовенство и всяческая религіозная обрядность. Законы особенно строги къ преступленіямъ религіознаго характера. Религіозные сюжеты часто служатъ содержаніемъ беллетристическихъ и нерѣдко спеціально для дѣтей назначенныхъ произведеній, темами картинъ, оперъ, трагедій. Религія проникла всюду, просочилась во всѣ стороны жизни и творчества, ея слѣды встрѣчаются на каждомъ шагу. Жить въ обществѣ и не проникаться религіей невозможно, дитя всасываетъ религію съ молокомъ матери. Дѣти не начинаютъ и не могутъ начать свое религіозное развитіе съ самаго начала, съ нуля, они почерпаютъ основные элементы ре-

лигіи у взрослыхъ готовыми, религія дѣтей не есть всецѣло результатъ ихъ творчества, ихъ самобытная дѣятельность, а въ значительной степени заимствованіе у взрослыхъ и подражаніе имъ.

Идея о Богѣ и вѣра въ него для дѣтскаго ума вполнѣ естественны и нормальны, вполнѣ отвѣчаютъ общему дѣтскому міровоззрѣнію, правиламъ и условіямъ дѣтскаго мышленія. Почва для созданія и воспріятія идеи о Богѣ подготовляется антропоморѳизмомъ дѣтскаго ума, т.-е. необходимостью для дитяти до изиѣстнаго возраста всѣ явленія понимать человѣкообразно. Антропоморѳизмъ не есть дѣтская выдумка, а есть совершенно неизбѣжная, какъ мы видѣли, на извѣстной ступени развитія форма мышленія. На первыхъ порахъ мы не знаемъ ничего бездушнаго, мертваго, мы все понимаемъ по аналогіи съ самими собой, мы всюду видимъ нѣчто подобное людской жизни и человѣческой дѣятельности. Особенно гдѣ есть, движеніе, тамъ по убѣжденію дѣтей, есть непремѣнно и человѣкоподобная жизнь. Поэтому дитяти такъ близокъ, дорогъ и интересенъ міръ сказокъ, басенъ, всевозможныхъ чудесъ и необыкновенныхъ приключеній, въ которомъ все живетъ, все любитъ и ненавидитъ, ѣстъ и пьетъ, веселится и горюетъ. Разскажите дитяти о бабѣ-ягѣ, колдунѣ, милой феѣ, о добромъ рождественскомъ дѣдушкѣ, наполняющемъ дѣтскіе чулочки подарками,—дитя все это пойметъ и всему повѣритъ. Разскажите о Богѣ, объ ангелахъ, о злыхъ духахъ—дитя также все по-своему пойметъ и всему повѣритъ. Это входитъ въ кругъ его антропоморѳическаго мышленія и пониманія, это ему родное, близкое, понятное, ничего удивительнаго и невѣроятнаго въ вашемъ сообщеніи дитя не найдетъ. Каждый антропоморѳически настроенный умъ по самому существу склоненъ вѣрить во всевозможныхъ фей, волшебниковъ добрыхъ и злыхъ, въ ангеловъ и Бога, въ антропоморѳизмѣ корень суевѣрія и вѣры.

Но если дѣти вполнѣ охотно и съ сердечною искренностью отдаются внушенію о Богѣ, ангелахъ, демонахъ, то на нихъ не слѣдуетъ претендовать, что о всѣхъ сообщаемыхъ существахъ они будутъ думать по-своему, согласно состоянію своего ума и способу мышленія, т.-е. вполнѣ антропоморѳически и матеріально. Дѣти на первыхъ порахъ не могутъ представить себѣ Бога иначе, какъ въ видѣ могучаго и большого ростомъ человѣка, живущаго во всѣхъ отношеніяхъ по-человѣчески. Согласно наблюденіямъ Стэнли Голля, одинъ ребенокъ представлялъ себѣ Бога, какъ необыкновенно большого человѣка синяго цвѣта, другой—какъ огромное существо, члены котораго покрываютъ все небо; третій ребенокъ считалъ Бога такимъ невѣроятно высокимъ, что Онъ

можетъ стоять одной ногой на землѣ и въ то же время касаться облаковъ. При этомъ Онъ силенъ, какъ гигантъ. Богъ живетъ на небѣ—на звѣздахъ, на лунѣ, въ облакахъ, въ прекрасномъ дворцѣ, окруженномъ большимъ паркомъ или садомъ. Вмѣстѣ съ Богомъ живутъ дѣти, птицы и св. Николай. Божескій дворецъ устроенъ подобно человѣческому дому, въ немъ могутъ быть сквозняки. Одна семилѣтняя дѣвочка, у которой недавно умеръ дѣдушка, молилась Богу: „Прошу Тебя, Боже, дѣдушка ушелъ къ Тебѣ. Прошу Тебя, смотри хорошенько за нимъ. Прошу Тебя, всегда помни, чтобы дверь была закрыта, потому что онъ не можетъ переносить сквозняка". Нечего удивляться также, если дѣти иногда спрашиваютъ, какъ одна четырехлѣтняя дѣвочка: „А есть ли у Бога жена?" Исходя изъ такого представленія о Богѣ, американскія дѣти объясняютъ громъ стонами Бога или Его тяжелыми шагами по полу неба, или стукомъ Его молотка, или тѣмъ, что Онъ ссыпаетъ уголь. Молнія приписывается тому, что Богъ быстро зажигаетъ газъ или множество спичекъ, а дождь Богъ пускаетъ изъ колодца, крана или пропускаетъ его сквозь сито или сквозь ковшъ съ дырочками. Подобнымъ же образомъ одна дѣвочка пяти съ половиной лѣтъ, чтобы объяснить сильный вѣтеръ, говорила, что сегодня, въ день своего рожденія, Богъ получилъ въ подарокъ трубу и дуетъ въ нее [1]).

Представляя Бога чисто по-человѣчески, матеріально, дѣти, естественно, совсѣмъ не могутъ понять нѣкоторыхъ его свойствъ, сообщаемыхъ имъ взрослыми. Нечего говорить, что дѣти ничего не понимаютъ въ словѣ „духъ" или „духовность". Слово они запомнить могутъ, могутъ его повторять, но не въ состояніи связать съ нимъ надлежащаго понятія. Точно также дѣти совсѣмъ не понимаютъ вѣчности Божіей. Нужно вообще замѣтить, что безконечность божественныхъ свойствъ дѣтямъ мало доступна, такъ какъ ихъ творчество весьма ограничено, а они въ своемъ мышленіи держатся реальныхъ элементовъ. Представленіе о времени у дѣтей бываетъ весьма слабымъ, они не могутъ представить себѣ года, а въ первые годы жизни—мѣсяца, недѣли. Такимъ-то дѣтямъ говорятъ о вѣчности Бога, что Онъ всегда былъ, есть и будетъ. Дитя ничего въ этомъ не понимаетъ. Дитя 7 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, котораго наблюдалъ Егеръ [2]), однажды спросило у ма-

---

[1]) Сёлли, Очерки по психологіи дѣтства. Пер. съ англ. М. 1901 г. Стр. 120, 148.

[2]) Egger. Observations et reflexions sur le developement de l'intelligence et du language chez les enfants. Paris, 1879. p 65.

тери: „Что было раньше міра?“—„Богъ, Который создалъ міръ“, отвѣчали ему.—„А до Бога?“—„Ничего“.—„Нѣтъ, должно было существовать мѣсто, гдѣ находится Богъ“.—По мнѣнію другого малыша, „Богъ очень старъ, ему болѣе 10.000 лѣтъ“, „онъ былъ уже ранѣе, чѣмъ существовало небо и земля“- Точно также недоступно дѣтямъ вездѣсущіе Бога. Какъ бы великъ Богъ ни былъ, но все же Онъ живетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ и не можетъ быть вездѣ, напримѣръ, въ погребѣ, гдѣ лежитъ масса картофеля. Поэтому дѣти нерѣдко отвѣчаютъ рѣшительнымъ отрицаніемъ на вопросы о вездѣсущіи Бога, а одинъ пятилѣтній мальчикъ американецъ, услыхавъ, что Богъ находится вездѣ, въ частности въ комнатѣ, и можетъ все видѣть даже при закрытыхъ ставняхъ, заявилъ: „я знаю, это какой-нибудь фокусъ“ [1]). Если же дѣтскій умъ мирится съ вездѣприсутствіемъ Бога, то опять съ помощью какого-либо дѣтскаго пріема, напр. Богъ представляется тогда такимъ маленькимъ, что можетъ легко пройти въ щель или замочную скважину и наблюдать, что дѣлается.

Другія свойства Божіи болѣе сообразны съ характеромъ дѣтскаго мышленія и болѣе соотвѣтствуютъ состоянію представленій дѣтей, поэтому легче и охотнѣе усвояются дѣтьми. Такъ, дѣти понимаютъ, хотя и по-своему, дѣятельную, творческую сторону существа Бога и считаютъ Его великимъ работникомъ, постоянно занятымъ какими-либо дѣлами на пользу людямъ. Богъ сдѣлалъ землю, звѣзды, воду, деревья, Онъ находится въ непрерывномъ трудѣ. Онъ творецъ, работникъ, кузнецъ, механикъ, Онъ не только создалъ міръ, но и теперь постоянно занимается его благоустройствомъ. Особенно на мальчиковъ дѣятельная сторона Бога производитъ сильное впечатлѣніе. По словамъ бостонскихъ дѣтей, Богъ производитъ всевозможныя вещи, начиная съ младенцевъ и кончая деньгами, а ангелы помогаютъ Ему. Но зато это Божіе свойство служитъ поводомъ къ значительнымъ недоразумѣніямъ. Мальчикъ 3-хъ лѣтъ и 10-ти мѣсяцевъ разъ сильно поразилъ свою мать, спросивъ у нея при видѣ нѣсколькихъ рабочихъ, возвращавшихся съ работы: „мама, это боги?“—„Боги?“ переспросила мать, „почему?“—„Потому что они дѣлаютъ дома и церкви, точь-въ-точь, какъ Богъ дѣлаетъ солнце, людей и маленькихъ собачекъ“—Другой ребенокъ, видя, какъ рабочій исправляетъ телеграфную проволоку, прикрѣпленную къ большому шесту на крышѣ высокаго дома, спросилъ, не Богъ ли это? [2]).

---

[1]) Селли, ibidem, стр. 149—150.

[2]) Селли, ibidem, 152.

Такъ какъ дѣти представляютъ Бога сообразно съ своими личными свойствами и даже иногда надѣляютъ Его послѣдними, то, какъ существуютъ лѣнивыя дѣти, точно также есть и дѣтскія божества, которыя, подобно изнѣженнымъ людямъ, по цѣлымъ днямъ сидятъ въ удобномъ креслѣ, и вся работа которыхъ въ лучшемъ случаѣ заключается въ томъ, что они ночью выставляютъ на небѣ луну и звѣзды.

Изъ дру ихъ божескихъ свойствъ дѣти хорошо понимаютъ могущество Бога, хотя и не могутъ усвоить себѣ понятіе о всемогуществѣ, обширныя знанія Бога, граничащія со всевѣдѣніемъ, такъ какъ и своихъ родителей дѣти представляютъ первоначально почти всевѣдущими, и, наконецъ, любовь Бога, вспоминая при этомъ о любви родителей; конечно, послѣднее свойство понимается весьма эгоистически въ томъ смыслѣ, что Богъ всегда готовъ дѣлать дѣтямъ прекрасные подарки, начиная съ яснаго дня и кончая игрушечнымъ ружьемъ, и вообще доставлять всякое удовольствіе. Одинъ мальчикъ, около четырехъ лѣтъ возрастомъ, благодарилъ Бога за то, что Онъ создалъ „море, ямы, гдѣ живутъ раки, деревья, поля и цвѣты“, и очень жалѣлъ, что Богъ не пошелъ еще дальше и тѣхъ животныхъ, которыхъ мы ѣдимъ, не сдѣлалъ вареными [1]).

Не представляютъ ли иногда дѣти Бога злымъ и жестокимъ существомъ? Несомнѣнно, такія представленія встрѣчаются. Гёте, въ своемъ сочиненіи „Изъ моей жизни. Правда и поэзія“ [2]), разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ, что оно было потрясено ужаснымъ міровымъ событіемъ—лиссабонскимъ землетрясеніемъ 1 ноября 1755 года. Гёте шелъ въ то время седьмой годъ. Страшное бѣдствіе поразило всѣхъ, долго весь міръ занимался толками объ этомъ событіи. Страхъ, внушенный чужимъ несчастьемъ, заставлялъ всякаго задуматься о безопасности себя самого и своихъ близкихъ, и это чувство усиливалось все болѣе по мѣрѣ того, какъ приходили быстро распространявшіяся по всему міру подробныя свѣдѣнія о разразившейся катастрофѣ. Можетъ-быть, никогда до тѣхъ поръ демонъ ужаса не охватывалъ всю землю такъ быстро и такъ могущественно. Ребенокъ, которому пришлось выслушать столько разсказовъ объ этомъ предметѣ, былъ, конечно, сильно пораженъ: Богъ, творецъ и хранитель неба и земли, изображавшійся такимъ мудрымъ и милостивымъ въ перво-

[1]) Сёлли, ibidem, 153.

[2]) Собраніе сочиненій Гёте въ переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей Вейнберга. Т. VIII. Книга первая.

начальныхъ ученіяхъ вѣры, поступилъ въ этомъ случаѣ вовсе не по-отечески, поразивъ одинаково гибелью и добрыхъ и злыхъ. Напрасно пыталось молодое воображеніе бороться съ этою мыслью, и это ему было тѣмъ труднѣе, что даже мудрецы и книжники не могли сойтись въ объясненіяхъ, какъ слѣдовало смотрѣть на это событіе.

„Слѣдующимъ лѣтомъ, продолжаетъ Гёте, новый случай поставилъ мои мысли вновь лицомъ къ лицу съ этимъ гнѣвнымъ Богомъ, о которомъ такъ много говоритъ Ветхій Завѣтъ. Внезапно налетѣвшая буря съ градомъ произвела страшныя опустошенія въ нашемъ новомъ, только что отстроенномъ, домѣ. Дѣтямъ катастрофа эта показалась тѣмъ страшнѣе, что во время грозы всѣ домашніе внѣ себя кое-какъ укрылись въ темномъ корридорѣ, стараясь смягчить разгнѣваннаго Бога громкимъ плачемъ и молитвами".

Подобные случаи не рѣдкость и въ нѣжную, впечатлительную душу дитяти они неизбѣжно зароняютъ сѣмена сомнѣнія въ благости Божіей, Богъ естественно представляется, хотя бы на время, злымъ и жестокимъ существомъ. Между тѣмъ, есть масса заброшенныхъ, безпризорныхъ, несчастныхъ дѣтей, жизнь которыхъ одно сплошное страданіе, страданіе совершенно несправедливое, такъ какъ страдаютъ вполнѣ невинныя существа. Какъ они, вѣчно голодныя и холодныя, не имѣющія обезпеченнаго куска хлѣба и угла, думаютъ, если только думаютъ, о Богѣ, допускающемъ такія страданія? Едва ли Онъ можетъ представляться имъ съ свойствомъ благости, милосердія, любви и даже простой справедливости.

Можно спросить, не встрѣчается ли въ религіозныхъ представленіяхъ дѣтей слѣдовъ многобожія? Дѣло въ томъ, что твердая идея о единомъ Богѣ предполагаетъ пониманіе цѣльности вселенной и неизмѣнности законовъ, въ ней дѣйствующихъ. Въ историческомъ развитіи религіознаго сознанія въ человѣчествѣ, именно въ возникновеніи и укрѣпленіи идеи о единомъ Богѣ, мысль о цѣльности вселенной и неизмѣнности ея законовъ имѣла весьма большое значеніе. Ничего подобнаго указываемой мысли у дѣтей нѣтъ, а потому и ихъ вѣра въ единаго Бога едва ли можетъ быть твердой и серіозной. Внѣшняя же природа ихъ чувствамъ и уму является столь разнообразной, измѣнчивой, такъ наполненной борьбой и столкновеніями, что мысль о многихъ богахъ очень близка сердцу и уму дѣтей, допущеніе многихъ боговъ вполнѣ сообразно съ характеромъ дѣтскаго мышленія и способомъ ихъ представленія Божества. Недаромъ одинъ маль-

чикъ, при видѣ рабочихъ, спросилъ: „не боги ли это“? Новозеландскій вождь говорилъ одному европейцу: „неужели у европейцевъ существуетъ только Одинъ, Который производитъ всѣ вещи? Но вѣдь существуетъ же одинъ, который есть плотникъ' и другой—кузнецъ, и третій, который есть корабельщикъ. И такъ было съ самаго начала. Одинъ породилъ это, другой—то. Тане породилъ деревья, Ру—горы, Тангороа—рыбъ, и т. д.“ [1]). Подобнымъ же образомъ разсуждаютъ и дѣти. Притомъ дѣтямъ говорятъ о троичности лицъ Божества, о Богочеловѣкѣ, о Божьей Матери, а все это можетъ путать дѣтскую религіозную мысль. По крайней мѣрѣ, одинъ взрослый сообщалъ, что въ дѣтствѣ онъ очень сильно смущался ученіемъ о троичности лицъ Божества. Такъ какъ онъ былъ у своихъ родителей единственнымъ ребенкомъ, то для истолкованія себѣ этого ученія онъ приравнялъ его къ представленію о своей семьѣ, причемъ отецъ изображалъ Бога Отца, самъ мальчикъ былъ Богъ Сынъ, а роль Духа Св. выпала на долю матери [2]).

Религія есть не только представленія о Божествѣ, но и способъ чувствованія и дѣйствованія, сообразный съ представленіемъ о Богѣ, и выраженіе вовнѣ религіознаго настроенія, т. е. культъ. Поэтому и интересно наблюсти, чѣмъ опредѣляется поведеніе дѣтей: внушеніями и примѣромъ родителей, или представленіями о Божествѣ и Его предполагаемыми повелѣніями, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Дѣтская нравственность начинается полною независимостью отъ религіозныхъ представленій и первоначально есть не что иное, какъ выполненіе указаній родителей. Дѣти, какъ извѣстно, отличаются первоначально большою эгоистичностью, они на весь міръ, на своихъ родителей и даже на Бога смотрятъ, какъ на источники своихъ удовольствій; до блага и положенія другихъ имъ дѣла бываетъ мало. Этотъ естественный, не рефлективный, такъ сказать, донравственный дѣтскій эгоизмъ удерживается и въ дальнѣйшіе годы, причемъ его господство или ограниченіе будетъ весьма много зависѣть отъ жизненной обстановки ребенка, вліянія родителей и окружающихъ взрослыхъ и сравнительно очень мало отъ религіозныхъ представленій. Особенно эта черта сказывается въ дѣтяхъ недостаточныхъ классовъ, для которыхъ сносныя матеріальныя условія составляютъ предметъ мечтаній. „Я спрашивала, разсказываетъ г-жа Ломброзо,—у пятидесяти самыхъ маленькихъ дѣтей, такихъ, которые еще не прониклись наставленіями изъ книгъ, или моралью школьнаго учи-

[1]) Гефдингъ. Философія религіи. Пер. съ нѣмецк. Спб. Стр. 140,

[2]) Селли, Очерки по психологіи дѣтства. Стр. 154.

теля, о предметѣ и причинѣ ихъ привязанностей. „Кого ты любишь больше всѣхъ?“—„Маму и папу.“—„А почему?—„Потому что они зарабатываютъ деньги, чтобы кормить меня“, или же „потому что работаютъ и покупаютъ мнѣ кушать“, или „люблю маму, потому, что готовитъ мнѣ кушать“, „потому что умѣетъ готовить поленту, и потому что ходитъ покупать мнѣ кушать“.—„А потомъ кого еще любишь?“—„Джіованно“ (брата).—„Почему?—„Потому что всегда даритъ мнѣ сладкій пирогъ по воскресеньямъ.„—„Что вамъ больше всего нравится? Когда вы испытываете самое большое удовольствіе?“ Отвѣты были слѣдующіе: „на масленицѣ, когда я ѣлъ блины“, „на свадьбѣ сестры, потому что тогда былъ большой обѣдъ“, „когда я иду къ кормилицыному мужу, потому что тамъ есть виноградъ“, „на Пасхѣ, когда мнѣ подарили шоколадное яйцо“ [1]). Понятны идеалы, чувствованія и стремленія подобныхъ дѣтей, въ нихъ нѣтъ ни малѣйшихъ религіозныхъ элементовъ.

Что касается внѣшнихъ, культовыхъ обнаруженій религіознаго настроенія, какъ то молитвъ, поклоновъ и т. п., то они заимствуются обыкновенно у взрослыхъ главнымъ образомъ путемъ подражанія и обученія; но интересно наблюсти, не вноситъ ли дитя чего-либо своего въ свои моленія, не сочиняетъ ли оно какихъ-либо своихъ молитвъ и обращеній къ Богу и ангеламъ, не выдумываетъ ли оно какого либо своего богослуженія, своихъ обрядовъ, своего культа? Это не только съ дѣтьми можетъ быть, но и бываетъ въ дѣйствительности. При наличности нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій, дѣти обнаруживаютъ болѣе или менѣе значительное творчество въ религіозной сферѣ.

Гёте разсказываетъ о себѣ, что ему приходилось въ дѣтствѣ слушать много споровъ на темы о религіи. Эти споры производили сильное впечатлѣніе на живого мальчика и побуждали самому попробовать пуститься въ подобныя же разсужденія. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ рѣшился войти въ болѣе близкія отношенія съ Богомъ, воздвигнуть Ему, по примѣру Ветхаго Завѣта, алтарь и принести жертву. Страхъ предъ грознымъ Богомъ, нѣкогда испытанный мальчикомъ, былъ забытъ при видѣ красотъ природы, созданной Творцомъ, и того добра, которое люди отъ него получили. Теперь Гёте представлялъ Бога находящимся въ непосредственномъ сношеніи съ природой, любящимъ ее, какъ свое произведеніе; такой Богъ долженъ столько же заботиться о человѣкѣ и прочемъ существующемъ, сколько Онъ заботится

[1]) Ломброзо. Жизнь ребенка. Стр. 161—2.

о движеніи звѣздъ, о перемѣнахъ дня и года, о растеніяхъ и животныхъ. При жертвоприношеніи весь міръ символически изображался произведеніями природы, а надъ ними слѣдовало зажечь огонь, какъ изображеніе человѣческаго духа, возносящагося къ Творцу. Алтаремъ послужилъ очень красивый, сдѣланный изъ краснаго дерева, съ золотыми украшеніями, пюпитръ для нотъ, произведенія природы были представлены добытыми нѣсколькими экземплярами изъ различныхъ собраній натуральныхъ произведеній, а человѣческій духъ, возносящійся къ Творцу, изображался курительными свѣчками съ пріятнымъ запахомъ. Все было установлено очень красиво и эффектно, и въ назначенный день, при восходѣ солнца, когда всѣ еще спали, курительныя свѣчки были зажжены при помощи зажигательнаго стекла и такимъ образомъ жертва была принесена.

Богъ, которому принесъ жертву семилѣтній Гете, не былъ христіанскимъ Богомъ, никакихъ христіанскихъ чертъ въ немъ не видно. Это былъ языческій богъ, холодный, равнодушный, съ одинаковымъ олимпійскимъ величіемъ взиравшій на людей и на все существующее, заботившійся о человѣкѣ столько же, сколько и о растеніяхъ и о движеніи звѣздъ. Это былъ богъ въ значительной степени отвлеченный, потому что видимаго изображенія его Гете не могъ представить, богъ разсудочный, творецъ красивой природы, котораго поэтому и почтить можно было лишь эстетически, расположивъ всѣ вещи въ красивомъ порядкѣ и совершивъ жертвоприношеніе при эффектной, со вкусомъ устроенной, обстановкѣ, при восходѣ солнца, при пріятномъ ароматѣ курительныхъ свѣчекъ на изящномъ пюпитрѣ. Очевидно, дитя, приносившее жертву такому Богу и при такихъ условіяхъ, было очень умное дитя, съ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ по отношенію къ красотамъ природы; но не видно, чтобы другія чувствованія, обыкновенно соединяющіяся съ религіознымъ, были возбуждены въ этомъ дитяти. Можетъ-быть, причина такой скудости религіозныхъ волненій заключалась въ характерѣ религіознаго обученія. Гете сообщаетъ, что преподававшіяся ему богословскія протестантскія воззрѣнія не заключали въ себѣ ничего, кромѣ сухой морали. Объ искусномъ и увлекательномъ изложеніи предмета не было и рѣчи, и „вообще все ученіе ровно ничего не говорило ни уму, ни сердцу“ [1]).

Поэтому и жертвоприношеніе было эстетично, но суховато

[1]) „Изъ моей жизни“. Книга первая.

и холодно. Это была игра въ религію умнаго дитяти, безъ сильнаго сердечнаго увлеченія.

Совершенно другой характеръ носитъ религіозное творчество маленькой Жоржъ Зандъ.

Аврора Дюпенъ еще въ дѣтствѣ отличалась необыкновенной силой фантазерства, мечтательности, творчества. „Привычка къ мечтательности, говоритъ она о себѣ,—усвоена мною почти съ колыбели, и я сама не могу дать себѣ въ ней отчета". При этомъ еще Аврора владѣла большою возбудимостью чувства, сердечною впечатлительностью. Потребность творчества составляла существенную потребность душевнаго склада Авроры, безъ фантастическихъ построеній она жить не могла. По двѣнадцатому году она повсюду носила въ головѣ одинъ романъ, за который сейчасъ же и принималась, какъ только у нея была свободная минута—на прогулкѣ, въ саду, въ полѣ, предъ тѣмъ, какъ заснуть, и по пробужденіи. Она постоянно собирала матеріалы для этого романа и прибавляла къ нему главу за главой. Этотъ романъ, игравшій весьма важную роль въ духовной жизни Авроры, назывался „Корамбе".

Будучи 11 лѣтъ, Аврора прочитала „Иліаду" и „Освобожденный Іерусалимъ". Обѣ книги произвели на нее чрезвычайно сильное впечатлѣніе и показались слишкомъ короткими. Она рѣшительно не знала, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Религіозная поэзія прочитанныхъ книгъ овладѣла ея душою, религія и романъ совмѣстились въ ея умѣ. Хорошо усвоивъ фабулу прочитанныхъ книгъ, она попыталась отчасти продолжить приключенія изображенныхъ героевъ и героинь, отчасти измѣнить. Потребность въ такомъ религіозно-поэтическомъ идеалѣ и творчествѣ и выразилась въ „Корамбе".

Въ это время Аврора жила и воспитывалась у своей бабушки въ ея имѣніи Ноганъ, а бабушка была раціоналистка, имѣла трезвый, разсудочный взглядъ на міръ и скептически относилась къ религіознымъ вѣрованіямъ. Подъ вліяніемъ бабушки Аврора не вѣрила чудесамъ, не вѣрила въ божественность Іисуса и вообще въ религію. Между тѣмъ, соотвѣтствующая духовная потребность у дѣвочки была, сердце ея уже успѣло настрадаться, а по своей натурѣ она была чувствительна и поэтична, любила всякія чудесныя фантазіи. Поэтическо-фантастическое настроеніе дѣвочки, нѣжные запросы ея сердца на любовь и покровительство, на защиту и опору въ горѣ не могли найти удовлетворенія въ сухомъ, холодномъ и скептическомъ міровоззрѣніи бабушки. Аврора говорила себѣ: „Пусть всякая религія есть выдумка, но мы сочи-

нимъ романъ, который будетъ религіей, или религію, которая будетъ романомъ. Я не вѣрю въ свои романы, но они даютъ мнѣ столько счастья, что какъ будто бы я въ нихъ и вѣрю. Впрочемъ, если и случится мнѣ время отъ времени въ нихъ повѣрить, то никто объ этомъ не узнаетъ, никто не будетъ противорѣчить моей иллюзіи, доказывая мнѣ, что я грежу".

Внучкѣ нуженъ былъ Богъ, которому она могла бы поклоняться, къ которому она могла бы прибѣгать въ нуждѣ и горѣ; Богъ кроткій, милосердный, идеальный, Богъ примиритель и утѣшитель, Божественный другъ нашего несчастнаго человѣческаго рода, посредникъ, Богочеловѣкъ. Ни Іегова, ни Юпитеръ ей не нравились, это боги слишкомъ высокіе и холодные. И вотъ она и создала себѣ желательнаго Боги—Корамбе. „Онъ былъ чистъ и милосердъ, какъ Іисусъ, лучезаренъ и прекрасенъ, какъ Гавріилъ, но у него не было граціи нимфъ и поэзіи Орфея. Онъ имѣлъ менѣе строгія формы, чѣмъ христіанскій Богъ, и болѣе духовное чувство, чѣмъ боги Гомера". Корамбе часто представлялся Аврорѣ въ видѣ женщины, вообще пола не имѣлъ и являлся въ различныхъ формахъ. „Нѣкоторыхъ языческихъ богинь я любила: мудрую Палладу, цѣломудренную Діану, Ирисъ, Гебу, Флору, Музъ, Нимфъ. Это были очаровательныя существа, которыхъ я не хотѣла лишиться вслѣдствіе христіанства. Нужно было, чтобы Корамбе владѣлъ сполна тѣлесной и нравственной красотой, даромъ краснорѣчія, всемогущей прелестью искусствъ, особенно же талантомъ музыкальной импровизаціи. Я хотѣла любить его, какъ друга, какъ сестру, и въ то же время почитать его, какъ бога. Я не хотѣла бояться его и для этого желала, чтобы онъ имѣлъ нѣкоторые изъ нашихъ недостатковъ и слабостей".

Корамбе дѣйствительно имѣлъ недостатокъ—излишнюю доброту и снисходительность и его существованіе представлялось Аврорѣ длиннымъ рядомъ испытаній, страданій, мученичества. Она называла книгой или пѣсней каждую фазу его воплощенія, такъ какъ онъ становился каждый разъ мужчиной или женщиной, касаясь земли, и иногда высшее всемогущее божество, назначившее его правителемъ нашей планеты, удлиняло срокъ его изгнанія среди насъ, въ наказаніе за его чрезмѣрныя любовь и милосердіе къ людямъ. Въ каждой изъ этихъ пѣсенъ (а ихъ было въ поэмѣ о Корамбе, по крайней мѣрѣ, тысяча, хотя и не было написано ни одной строчки) цѣлый міръ новыхъ личностей группировался около Корамбе. Всѣ они были добрыя, злыхъ не было. Корамбе всѣхъ утѣшалъ, все возстановлялъ. Онъ являлся Аврорѣ среди плѣнительныхъ красотъ природы, окруженный грустными

и нѣжными существами. Сначала Аврора отдавала отчетъ въ своемъ творчествѣ, но, спустя нѣкоторое время, не она уже владѣла предметомъ, а онъ ею: „моя мечта становилась какъ бы пріятной галлюцинаціей, столь частой и иногда столь полной, что я была какъ бы восхищена изъ дѣйствительнаго міра".

Въ честь Корамбе Аврора воздвигла жертвенникъ и устроила нѣчто въ родѣ культа. Она отыскала въ паркѣ Ногана укромное мѣстечко, никѣмъ не посѣщаемое, окруженное чащею толстыхъ деревъ и густыхъ кустарниковъ, и тамъ соорудила родъ жертвенника, украсила его гирляндами и букетами цвѣтовъ и приносила на немъ Корамбе жертвы. Убивать животныхъ въ честь его Аврора считала недостойнымъ, въ честь милосерднаго существа она полагала приличнымъ давать жизнь и свободу. Она ловила птичекъ-маленькихъ звѣрьковъ и насѣкомыхъ, запирала ихъ въ ящичекъ, который ставила на жертвенникъ, а потомъ открывала ящичекъ и выпускала плѣнниковъ на волю въ честь бога любви и свободы—Корамбе [1]).

Богъ Жоржъ Зандъ существенно отличенъ отъ бога Гете Послѣдній отвлеченъ, холоденъ, сухъ, олимпійски спокоенъ; первый преисполненъ чувства, любви, милосердія, самъ прекрасенъ и нѣженъ, какъ женщина, какъ мать. Въ Корамбе бьется живое сердце, въ немъ міровая скорбь и міровая любовь. Его натура сложная, тонкая и чувствительная, полуязыческая, полухристіанская. Въ Корамбе Аврора воплотила всю сущность, всѣ стремленія своего духа, возраста и пола. Религіозно-поэтическое настроеніе маленькой Жоржъ Зандъ несравненно выше и сложнѣе построенія маленькаго Гёте, въ него Аврора вложила больше своей души, больше своихъ чувствъ и думъ, чѣмъ Гёте въ своего бога. Корамбе несравненно ближе былъ сердцу и уму Жоржъ Зандъ, чѣмъ богъ Гёте его сердцу и уму. Религіозное творчество Гете небольшой эпизодъ, а въ исторіи дѣтства Жоржъ Зандъ—весьма важная черта.

Эти два примѣра религіознаго творчества показываютъ, какъ лично усвояется, понимается и чувствуется религія, какіе субъективные оттѣнки въ этомъ процессѣ бываютъ, въ какой различной степени религіозное чувство захватываетъ жизнь дѣтей. Не нужно предполагать, что религіозное творчество встрѣчается въ жизни только такихъ высоко одаренныхъ дѣтей, какъ маленькій

[1]) George Sand, Histoire de ma vie. Четыре тома. Paris, 1893. Дѣтство и юность писательницы изображены преимущественно во II и III томахъ: въ частности о Корамбе см. I гл. III тома (собственно эта глава составляетъ VIII гл. Troisiéme partie. De l'enfance à la jeunesse. 1810—1819 гг!).

Гете или маленькая Жоржъ Зандъ, оно въ большей или меньшей степени встрѣчается, вѣроятно, въ каждой дѣтской душѣ, у каждаго мальчика и дѣвочки, только мы этого не замѣчаемъ или не придаемъ значенія. Если наблюдать дѣтей, между прочимъ и съ этой точки зрѣнія, то можно быть увѣреннымъ, что дѣтское творчество откроется тамъ, гдѣ его прежде совсѣмъ не предполагали, такъ какъ дѣтской душѣ Богъ ближе, чѣмъ душѣ взрослаго: послѣднему Богъ нерѣдко представляется довольно отвлеченной идеей, а для дитяти Онъ есть всегда живое и вполнѣ реальное существо, которое живѣе, ближе чувствуется, больше возбуждаетъ волненій и всякаго рода переживаній, чѣмъ идея—Богъ взрослаго. Религія дѣтей типа религіи маленькой Жоржъ-Зандъ, а религія взрослыхъ—типа религіи Гете.

Задача религіознаго воспитанія, очевидно, будетъ заключаться въ томъ, чтобы постепенно освобождать религіозное сознаніе дитяти отъ грубаго антропоморѳизма и поднимать его до христіанскаго пониманія божества, какъ безконечнаго идеала и совокупности безпредѣльной любви, благости, всего прекраснаго, истиннаго и радостнаго, но не какъ абстрактной философской идеи, а какъ живого благого личнаго существа, какъ Отца небеснаго. Это длинный путь, которымъ нужно не скакать, а итти медленно и осторожно, примѣняясь постоянно къ дѣтскимъ силамъ, къ общему постепенному развитію дитяти. Круто перевести мысль дитяти отъ антропоморѳическаго бога къ христіанскому нельзя, слишкомъ велико разстояніе. Кто поторопится, тотъ достигнетъ лишь повторенія заученныхъ словъ о Богѣ по памяти, но разумъ и сердце дитяти не будутъ участвовать въ этихъ словахъ. Въ послѣднее время производились обслѣдованія религіозныхъ представленій дѣтей и школьниковъ до 15 лѣтъ въ Германіи и Россіи, и черты, бросающіяся въ глаза въ этихъ обслѣдованіяхъ, между прочимъ, слѣдующія: 1) книжность отвѣтовъ, отвлеченныя, недоступныя дѣтямъ, опредѣленія, какая-то вымученность ихъ: „Богъ есть Господь, который надъ всѣми господствуетъ... Богъ есть Духъ Святой... Богъ есть существо всемогущеее, вездѣсущеее, вѣчное, а также невидимое... Богъ есть святое Лицо, Троица!.. и рядомъ съ этими вымученными словесными опредѣленіями по памяти стоятъ такія реальныя и самобытныя воззрѣнія: „Богъ посылаетъ намъ хлѣбъ, овесъ, ленъ, скотину... Богъ есть во всей Россіи хозяинъ“... 2) остатки грубаго антропоморѳизма: „рай это—прекрасный садъ съ прекрасными растеніями и цвѣтами... Хорошо тамъ жить... Тамъ цвѣты растутъ... Это большая зала (по опредѣленію нѣмецкихъ дѣтей)... тамъ души

праведныхъ людей, тамъ души и ангелы, они тамъ играютъ въ большой залѣ“ [1]).

XXX.

Недостатки дѣтской воли.

Развитая воля выражается въ поступкахъ, а каждый поступокъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю и внутреннюю. Внѣшнюю сторону поступковъ составляютъ движенія различными органами тѣла большей или меньшей сложности и самаго разнообразнаго сочетанія; внутреннюю сторону поступковъ составляютъ побужденія дѣйствій, которыми слу жатъ идеи и чувствованія также въ различныхъ сочетаніяхъ. Обратимъ прежде всего, вни маніе на внутреннюю сторону поступковъ. Въ дѣятельности взрослаго видную роль играетъ борьба мотивовъ. Но въ развитой волѣ выраженіе мотива въ дѣйствіи совершается не непосредственно, не моментально, мотивы не выпаливаютъ, какъ бы изъ ружья, дѣйствіями, но между возникновеніемъ мотива и выраженіемъ его въ дѣйствіи проходитъ нѣкоторый промежутокъ времени. Тѣ идеи, тѣ чувствованія и желанія, которыя возникаютъ въ нашемъ сознаніи и влекутъ насъ къ дѣйствіямъ, крайне многочисленны и разнообразны, очень нерѣдко противорѣчивы, удовлетвореніе многихъ изъ нихъ неизбѣжно будетъ сопровождаться впослѣдствіи значительнымъ вредомъ для насъ. Выражать каждую мысль, каждое желаніе во внѣ, поступать въ духѣ и интересѣ случайно возникшаго чувствованія для насъ не вполнѣ удобно; если мы поспѣшимъ съ дѣйствіемъ, то позднѣе раскаемся. Поэтому въ развитой волѣ предъ совершеніемъ дѣйствія происходитъ борьба мотивовъ, оцѣнка различныхъ интересовъ затрогиваемыхъ извѣстнымъ дѣйствіемъ, совершается обдумываніе и обсужденіе побужденій. Чѣмъ серьезнѣе дѣйствіе, тѣмъ дольше процессъ обдумыванія, предшествующій поступку. Если ставится вопросъ о томъ: быть или не быть, то каждый, прежде чѣмъ совершить окончательное дѣйствіе, подумаетъ достаточное время.

Воля дитяти тѣмъ существенно отличается отъ воли взрослаго, что дитя почти совсѣмъ не переживаетъ при совершеніи дѣйствія борьбы мотивовъ. Дитя такъ мало въ состояніи пред-

[1]) Dr. Hans Pohlman Beitrag zur Psychologie des Kindes auf Grund systematisch—empirischer Untersuchundgen über die Entwickelung des Wortverständnisses und damit Zusammenhängender sprachicher und psychologischer Probleme bei Kindern im Alter von 5 bis 14 Jahren. Leipzig. 1912.—Статья Рыбникова. Религіозныя представленія школьниковъ (журналъ Для народнаго учителя, 1913 г. № 8).

видѣть послѣдствія своихъ дѣйствій, оно такъ неопытно, память его такъ коротка, различные интересы и склонности такъ сравнительно неопредѣленны, не сложились еще, не системировати-зались, что у дитяти любой мотивъ сейчасъ же переходитъ въ дѣйствіе. Лишь только въ головѣ дитяти промелькнула какая-либо мысль, возникло какое-либо желаніе, какъ сейчасъ-же дитя и осуществляетъ возникшій мотивъ. Оно не ждетъ и ждать не любитъ. Стоитъ лишь возбудить въ дитяти какую-либо мысль или желаніе, и дитя сейчасъ же выразитъ мотивъ соотвѣтственнымъ дѣйствіемъ. Различные мотивы у него предъ совершеніемъ дѣйствія еще не возникаютъ, не затрогиваются, поэтому дитя въ своихъ дѣйствіяхъ стремительно и прямолинейно.

Тою же самою причиною, т.-е. весьма малою еще долею опредѣленности и устойчивости душевныхъ интересовъ и состояній дитяти, объясняется и другой недостатокъ, присущій дѣтской волѣ, именно отсутствіе настойчивости въ проведеніи задуманнаго предпріятія, нежеланіе бороться съ встрѣтившимися препятствіями легкій отказъ отъ намѣченной цѣли и обращеніе всѣмъ сердцемъ къ другой. Дитя мечется изъ стороны въ сторону въ своихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ, не сосредоточиваетъ своихъ силъ на осуществленіи одного стремленія; у него такъ много желаній, оно такъ сильно влечется къ самымъ различнымъ вещамъ, что почти каждый моментъ гонится за двумя зайцами, готовое всегда ихъ бросить и погнаться за третьимъ. Недостаточная глубина душевныхъ интересовъ, соединенная съ ихъ разнообразіемъ, побуждаетъ дитя постоянно перескакивать съ однихъ рельсъ на другіе и, мчаться съ равною энергіей и быстротой въ самыя разныя стороны.

Въ развитой волѣ не замѣчается такихъ явленій, развитая воля характеризуется настойчивостью въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, единствомъ стремленій. У взрослаго человѣка есть всегда группы твердыхъ систематизированныхъ интересовъ, которые побуждаютъ его прямо и неукоснительно итти къ выполненію поставленной задачи, добиваться цѣли, вступать въ ожесточенную борьбу съ попадающимися на пути препятствіями и сворачивать съ намѣченной дороги или останавливаться лишь при встрѣчѣ съ невозможностью. Чѣмъ опредѣленнѣе и тверже интересы человѣка, чѣмъ лучше они систематизированы, чѣмъ сознательнѣе и обстоятельнѣе относится человѣкъ къ оцѣнкѣ случайно возникающихъ въ немъ различныхъ мотивовъ, тѣмъ больше единства и настойчивости бываетъ въ его дѣйствіяхъ.

Обращая вниманіе на содержаніе и качество мотивовъ, оп-

редѣляющихъ поступки, мы замѣтимъ, что дѣти гораздо больше руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ чувствованіями, чѣмъ идеями, болѣе ближайшими, хотя бы и маленькими, удовольствіями и непріятностями, чѣмъ большими наслажденіями и страданіями, но предстоящими въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Дѣти въ своихъ дѣйствіяхъ непоколебимо придерживаются правила: лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. Соблазнить ихъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ великими наслажденіями, которыя воспослѣдуютъ чрезъ пять лѣтъ по совершеніи дѣйствій, крайне затруднительно, такъ какъ представленія о времени у нихъ развиты недостаточно; они мало занимаются анализомъ прошлаго, пережитыхъ состояній и гаданіями о будущемъ: они всецѣло погружаются въ переживаніе настоящаго. Поэтому близкое, хотя бы и маленькое, удовольствіе въ ихъ глазахъ несравненно значительнѣе большого, но отдаленнаго, которое когда-то будетъ и которое прямо представляется имъ чѣмъ-то совершенно неяснымъ непонятнымъ и мало привлекательнымъ.

Точно также идеи сравнительно мало опредѣляютъ дѣйствія дѣтей. Конечно, идеи владѣютъ двигательной силой и необходимо вліяютъ на дѣятельность дѣтей; но для дитяти чувствованіе всегда могущественнѣе идеи. Дитя больше живетъ впечатлѣніями на органы внѣшнихъ чувствъ, ощущеніями и элементарными чувствованіями, чѣмъ идеями,—послѣднія ему кажутся нѣсколько блѣдными и непонятными; удовольствіе же и страданіе, хотя бы и маленькія, живы и ярки. Поэтому дитя мало поддается доводамъ разсудка, его трудно убѣдить самыми справедливыми и несомнѣнными логическими доказательствами, оно ихъ плохо усвояетъ, но зато ему вполнѣ доступенъ языкъ чувствованій; затрогивая сердце дитяти, его способность испытывать удовольствія и непріятности, мы легко склонимъ его къ поступкамъ въ извѣстномъ направленіи.

Внѣшняя сторона поступковъ — движенія — также служитъ источникомъ недостатковъ воли у дѣтей. При наличности и достаточной энергіи мотивовъ дѣятельность можетъ быть весьма слабой и неправильной именно вслѣдствіе затрудненій при совершеніи движеній. Для надлежащаго обнаруженія воли необходимо владѣть въ достаточной мѣрѣ своимъ физическимъ организмомъ и быть искуснымъ вообще въ совершеніи различныхъ движеній; иначе выраженіе и достаточно сильныхъ и опредѣленныхъ мотивовъ встрѣтитъ существенныя затрудненія, что часто у дѣтей и бываетъ. При письмѣ, рисованіи, игрѣ на музыкальномъ инструментѣ, танцахъ, при разныхъ ручныхъ работахъ дитя очень часто

оказывается крайне неискуснымъ въ совершеніи движеній, неповоротливымъ, оно борется съ своимъ физическимъ организмомъ и нерѣдко изнемогаетъ въ борьбѣ. Оно сильно стремится къ достиженію поставленной цѣли, дѣлаетъ усилія, у него есть довольно вліятельные мотивы, поддерживающіе его энергію, но недочеты въ искусствѣ владѣть организмомъ дѣлаютъ тщетными всѣ усилія. Получается явленіе, которое хорошо характеризуется пословицей: „охота смертная да участь горькая". Трудная болѣе или менѣе внѣшняя техника дѣла отпугиваетъ дитя отъ него; дитя скучаетъ и крайне затрудняется усиліями, нужными для систематическаго выполненія движеній, а въ заключеніе совсѣмъ бросаетъ задуманное и остается недѣятельнымъ. Съ другой стороны, недостаточное владѣніе организмомъ сказывается и чрезмѣрною ненужною дѣятельностью, мѣшающею хорошему выполненію дѣла, но которую дитя въ данное время устранить не въ состояніи. Таковы чрезмѣрная дѣтская болтливость, отъ которой дитя не въ состояніи воздержаться, необычайное обиліе движеній всевозможными органали—руками, ногами, головой, языкомъ, когда эти движенія совсѣмъ не нужны или же нужны лишь движенія какого-либо одного органа. Масса совершенно лишнихъ, ненужныхъ для дѣла движеній свидѣтельствуетъ о присутствіи въ дитяти какого-то сильнаго мускульнаго напряженія, которое еще не находитъ настоящихъ правильныхъ путей для своего обнаруженія. Если почти полное отсутствіе борьбы мотивовъ располагаетъ дитя въ стремительности дѣйствій, то напряженное мускульное состояніе еще болѣе усиливаетъ эту стремительность, перенося центръ волевой жизни дитяти изъ сферы мотивовъ въ сферу движеній, сосредоточивая его волю не на внутренней, а на внѣшней сторонѣ поступковъ.

Недостатки дѣтской воли весьма отчетливо выражаются состояніемъ, которое называется „раздражительною слабостью".

Дѣти, страдающія въ большей или меньшей степени раздражительною слабостью, отличаются быстрою и легкою возбудимостью нервной системы и столь же рѣзкимъ и быстрымъ пониженіемъ возбудимости, утомленіемъ и истощеніемъ нервной энергіи. Органы внѣшнихъ чувствъ у такихъ дѣтей отличаются особенно острою воспріимчивостью; тѣ впечатлѣнія, которыя на другихъ дѣтей не дѣйствуютъ, не причиняютъ имъ никакого неудовольствія, у раздражительныхъ дѣтей возбуждаютъ страданія, — они, кажется буквально слышатъ, какъ растетъ трава. Хорошо выразилъ это напряженное состояніе органовъ внѣшнихъ чувствъ Андерсенъ въ одной изъ своихъ сказокъ, повѣствуя о какой-то

принцессѣ, которая черезъ 64 матраца чувствовала, что подъ нею лежатъ горошинки. Уколъ пальца, малѣйшій голодъ, холодъ, легкій ушибъ побуждаютъ такихъ дѣтей къ самымъ энергичнымъ выраженіямъ страданія. Вообще ихъ чувствованія отличаются повышеннымъ тономъ. Слегка задѣтое самолюбіе, простой выговоръ и замѣчаніе заставляютъ ихъ страдать; разставаясь съ любимымъ лицомъ хотя бы на короткое время, они обязательно плачутъ и рыдаютъ; они легко увлекаются состраданіемъ, гнѣвомъ, расположеніемъ къ какому-либо товарищу или подругѣ, но столь же легко и охладѣваютъ въ своихъ симпатіяхъ и одушевленіи. У раздражительно слабыхъ дѣтей нерѣдко замѣчается раннее пробужденіе и развитіе полового чувства и легко возникаютъ въ этой сферѣ разныя, прямо болѣзненныя, явленія.

Умственная дѣятельность раздражительно слабыхъ дѣтей также отличается значительнымъ подъемомъ. Они легко увлекаются различными занятіями и предметами, сосредоточиваютъ на нихъ всѣ силы, быстро и смѣло сочетаютъ самыя различныя представленія и мысли, при чемъ у нихъ нерѣдко появляются очень счастливыя и остроумныя комбинаціи. Ихъ фантазія бываетъ дѣятельной и богатой, не рѣдко чрезмѣрно; они создаютъ цѣлые фантастическіе міры и живутъ въ нихъ. Даже ихъ ночной сонъ не бываетъ покоенъ, они часто и много грезятъ, при чемъ сновидѣнія отличаются необычайною живостью: дѣти мечутся въ кроватяхъ, сбрасываютъ одѣяла, вскакиваютъ, громко говорятъ, стонутъ, плачутъ. Словомъ, при первомъ знакомствѣ раздражительно слабыя дѣти кажутся способными и даже талантливыми, очень много обѣщающими въ будущемъ; но эти обѣщанія ими обыкновенно не исполняются.

При болѣе близкомъ знакомствѣ съ такими дѣтьми очень скоро открывается, что все ихъ возбужденіе, повышенный тонъ чувства, блестящія умственныя способности не имѣютъ достаточно твердаго основанія. Возбужденіе и одушевленіе легко и быстро смѣняются утомленіемъ и равнодушіемъ, вниманіе часто разсѣивается даже самыми мелочными впечатлѣніями, въ родѣ боя часовъ, летающихъ мухъ, измѣненій освѣщенія комнаты; сосредоточеніе силъ на предметѣ бываетъ слишкомъ короткимъ, выдержки и настойчивости совсѣмъ нѣтъ,—дитя ни одного дѣла не доводитъ до конца, бросаетъ его на серединѣ и даже вначалѣ. Волевая дѣятельность у раздражительно слабыхъ дѣтей бываетъ особенно недостаточной, они обыкновенно слишкомъ прихотливы и капризны, слишкомъ измѣнчивы въ своихъ вкусахъ и стремленіяхъ. То они энергично и широко развиваютъ какой-либо родъ

дѣятельности, быстро идутъ въ гору, то стремительно спускаются внизъ и, наконецъ, останавливаются въ полномъ изнеможеніи. Способность самоуправленія и контроля у такихъ дѣтей бываетъ вполнѣ ничтожной, бороться съ препятствіями они не умѣютъ. Если даже въ игрѣ имъ что-нибудь не удается сразу, они кричатъ, плачутъ, неистовствуютъ и не въ состояніи помочь самимъ себѣ.

Не трудно замѣтить, что раздражительная слабость имѣетъ близкое родство съ естественными и необходимыми недочетами воли у дѣтей. Эти недочеты въ раздражительной слабости достигаютъ высшей степени своего развитія и затвердѣваютъ, т.-е. изъ временныхъ не совершенныхъ формъ обнаруженія воли превращаются въ постоянную и прочную форму дѣятельности человѣка, становятся устойчивымъ строемъ его душевной жизни. У дѣтей встрѣчаются еще два недостатка воли: безволіе и видимая противоположность ему—упрямство.

Вотъ сообщеніе одной воспитанницы о двухъ дѣвочкахъ, которыхъ она знала не одинъ годъ.

„Мои ученицы воспитаны интеллигентными родителями, которые посвятили себя дѣлу воспитанія своихъ дочерей. Съ ранняго возраста развивали они въ нихъ всѣ человѣческія способности и добродѣтели, развивали спокойно, систематично, съ большимъ тактомъ, любовью и умѣньемъ, и добились того, что ихъ дѣти могутъ считаться образцово воспитанными дѣтьми. Всякій учитель, всякое учебное заведеніе будутъ въ высшей степени благодарны родителямъ за такихъ ученицъ. Онѣ хорошо подготовлены, чтобы воспринять всякую школьную науку, а объ ихъ нравственныхъ качествахъ нечего и говорить. За уроками сидятъ образцово, учатся понятливо, прилежно, внимательно. Онѣ необыкновенно послушны, вѣжливы, ласковы, услужливы. Но у нихъ есть одинъ ужасный недостатокъ: полное отсутствіе своей воли, полная неспособность къ самостоятельности.

„Вся ихъ жизнь съ пеленокъ была послушаніе и исполненіе своихъ обязанностей, и эти добродѣтели имъ ничего не стоятъ, къ нимъ онѣ подготовлены искусной рукой. Имъ никогда въ голову не придетъ не выучить урока, сдѣлать что-нибудь по-своему, высказать противорѣчіе или упрямство. У нихъ все идетъ, какъ по маслу. Я никогда не замѣчала у нихъ увлеченія игрой или чѣмъ другимъ до самозабвенія или до забвенія чьихъ либо приказаній, тотчасъ онѣ оставляютъ самую интересную игру, если кто позоветъ ихъ. Онѣ никогда не сомнѣваются въ справедливости мнѣній своего папы или мамы, такъ же какъ не сомнѣваются въ книжныхъ истинахъ, съ которыми знакомятся на уро-

кахъ. У нихъ нѣтъ ничего своего, личнаго, все ихъ духовное богатство вложено въ нихъ ихъ родителями и учителями; имъ поэтому нечего отстаивать, оберегать. Да, наконецъ, къ этому и нѣтъ никакихъ поводовъ: воспитаніе ихъ слишкомъ раціонально, что-либо могущее случиться уже заранѣе предусмотрѣно, предупреждено, у нихъ нѣтъ поводовъ ни для противорѣчія, ни для непослушанія, ни для манкировки своими обязанностями. Ихъ воля, ихъ личный произволъ бездѣйствуютъ. Все, что онѣ дѣлаютъ, дѣлаютъ по привычкѣ, по шаблону, по заранѣе придуманной для нихъ программѣ; сравненіе и критика въ ихъ дѣйствіяхъ совершенно отсутствуютъ [1])

Корреспондентка прибавляетъ, что ея ученицы въ высшей степени милыя, привлекательныя дѣвочки, но тѣмъ не менѣе она часто задаетъ себѣ вопросъ, какъ будутъ онѣ жить на свѣтѣ, въ этомъ мірѣ отстаиванія и борьбы, безъ самостоятельности и воли, безъ желанія постоять за себя, безъ какихъ либо орудій борьбы „Что-то очень большое и очень нужное пропущено въ ихъ воспитаніи».

Да, пропущено очень большое и очень важное, не замѣченъ слонъ... пропущена воля дѣвочекъ, ихъ собственная личность и дѣятельность. Изъ дѣвочекъ вынута ихъ дѣтская душа и замѣнена родительской. Родительскій умъ, родительская воля вложены въ дѣвочекъ и управляютъ ими, а своего у бѣдныхъ дѣвочекъ ничего нѣтъ. Ихъ много учили, имъ кажется, много дали, но на самомъ дѣлѣ ихъ ограбили, ихъ пустили по міру нищими, пустыми, безвольными, безъ способности и желанія борьбы. Дѣвочки не живые люди, а куколки — манекенчики, которые и ходятъ, и говорятъ, и учебниковъ много выучили, и владѣютъ всѣми добродѣтелями, но онѣ, какъ органчики, заведены и, кромѣ заведенныхъ мелодій, другихъ играть не могутъ. И все это вытравленіе собственнаго индивидуальнаго я изъ дѣвочекъ, все это обезличеніе и обездушеніе дѣтей произведено родителями по великой родительской любви къ дѣтямъ, для доставленія имъ счастья. Бѣдные родители и еще болѣе бѣдныя и несчастныя дѣти! Такое воспитаніе можно назвать образцовымъ — по безобразію, по его полной несостоятельности, несмотря на внѣшнюю раціональность.

Но случается, что система подавленія личности вызываетъ совершенно противоположный недостатокъ въ развитіи дѣтской воли, именно упрямство. Коса находитъ на камень, попытка взрос-

[1]) Воспитаніе и Обученіе 1895 г. № 4.

лаго чрезмѣрно расширить свое вліяніе на маленькую личность встрѣчаетъ въ послѣдней полное недовѣріе и сопротивленіе даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда руководство взрослаго было бы полезно и желательно для дитяти. Причины, по которымъ тираническая система воспитанія въ однихъ дѣтяхъ вызываетъ приниженность и ослабленіе воли, а въ другихъ—самую отчаянную оборону своей личности и рѣшительное недовѣріе къ руководительству взрослыхъ и даже отрицаніе его, заключаются въ личныхъ свойствахъ дѣтей и бываютъ, прежде всего, органическаго характера. Живому, сильному, здоровому ребенку или весьма нервному, чуткому, способному трудно абсолютно подчиняться, отказаться отъ своей воли и сдѣлаться простымъ орудіемъ другого; онъ неизбѣжно бунтуетъ, чувствуя въ себѣ обиліе силъ физическихъ или умственныхъ. А такъ какъ его силы сдавливаютъ, лишаютъ возможности свободнаго употребленія ихъ и заставляютъ постоянно дѣйствовать по указкѣ, то онъ, защищая себя, также переходитъ надлежащія границы: вмѣсто простого отпора излишнимъ притязаніямъ взрослыхъ, онъ упрямо отвергаетъ всякое ихъ руководительство и стремится всегда и во всемъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Что такое упрямство? Это есть сознательное и крайне настойчивое стремленіе выполнить свои несправедливыя желанія. Разсмотримъ ближе такое опредѣленіе.

Признакъ сознательности нужно внести въ понятіе упрямства, потому что терминомъ „упрямство“ обозначаютъ обыкновенно фактъ психическаго характера, подъ нимъ разумѣютъ состояніе или настроеніе духа. А сознательность самая характерная черта всѣхъ душевныхъ явленій. Дѣятельность, никогда не освѣщаемая большей или меньшей долей сознательности, есть дѣятельность автоматическая, машинообразная. Прилагать къ существу, дѣйствующему исключительно такимъ машинообразнымъ способомъ, названіе упрямый, невозможно; ни одна машина не есть упрямое существо. Если дитя безъ всякаго сознанія настойчиво совершаетъ дѣйствія, которыя оно не должно бы совершать, то оно машина, хотя и чувствительная.

Упрямство есть непремѣнно стремленіе крайне настойчивое; безъ настойчивости упрямство немыслимо. Если мы представимъ себѣ, что возникшее стремленіе быстро исчезаетъ и смѣняется другимъ, то тогда мы имѣемъ рядъ различныхъ капризовъ, мимолетныхъ желаній, а не упрямство. Упрямый человѣкъ существенно характеризуется тѣмъ, что отъ принятаго рѣшенія онъ уже не отступаетъ. Приводите ему какіе угодно, самые убѣдительные и

разумные, доводы противъ его рѣшенія, онъ будетъ стоять на своемъ. Твердый человѣкъ подастся передъ доводами разума и невозможностью, упрямецъ же никогда. Пусть разрушится весь міръ, погибнетъ и онъ самъ, но принятое рѣшеніе никогда, ни подъ какимъ видомъ измѣнено не будетъ.

Желанія, которыя преслѣдуются при упрямствѣ, непремѣнно должны быть несправедливы, иначе упрямство исчезнетъ. Настойчивое и сознательное преслѣдованіе совершенно справедливыхъ желаній составляетъ весьма достохвальное качество, стойкій характеръ, сильную волю, противъ такого свойства вооружаться нечего. Правда, бываютъ такіе случаи, когда настойчивость на желаніяхъ, самихъ по себѣ очень справедливыхъ и резонныхъ, есть не что иное, какъ упрямство, именно когда по обстоятельствамъ данное справедливое желаніе дитяти выполнить нельзя. Дитя очень справедливо можетъ требовать новой одежды, развлеченія, новаго блюда, но, требуя сейчасъ, немедленно, капризничаетъ и упорствуетъ. Относительно подобныхъ случаевъ нужно замѣтить, что требованіе, которое невозможно сейчасъ удовлетворить по уважительнымъ причинамъ, есть въ данный моментъ несправедливое требованіе, и настойчивость на немъ есть упрямство. Но дѣти очень часто не понимаютъ этихъ уважительныхъ причинъ, превращающихъ ихъ справедливое требованіе въ несправедливое. Съ другой стороны, ссылка на уважительныя обстоятельства для отклоненія требованія, самого по себѣ справедливаго, очень часто бываетъ фальшивой, какъ въ воспитаніи, такъ и въ общественной жизни, и просто прикрываетъ, не рѣдко весьма плохо, эгоистическое желаніе совсѣмъ не исполнить справедливаго требованія.

Таково упрямство по своимъ составнымъ элементамъ. Если присмотрѣться къ нимъ, то легко замѣтить, что изъ нихъ несимпатично лишь одно—несправедливое желаніе. Но дитяти очень трудно въ каждый данный моментъ правильно рѣшить, чего оно справедливо желаетъ и на чемъ настаиваетъ, и чего несправедливо. Не забудемъ, прежде всего, что дѣтское упрямство есть очень часто актъ самозащиты дѣтей противъ неправильныхъ притязаній взрослыхъ, ихъ тиранiи и произвола. Упорное стѣсненіе дѣтской личности взрослыми вызываетъ упрямство и въ дѣтяхъ, такъ что дѣти, упрямясь, нерѣдко платятъ взрослымъ лишь тою же монетою. Затѣмъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что взгляды и понятія дѣтей и взрослыхъ о томъ, что справедливо и что несправедливо, часто расходятся вслѣдствіе неодинаковаго развитія, и доказать дѣтямъ, что они поступаютъ въ такомъ-то случаѣ не-

справедливо, настаивая на своемъ рѣшеніи, подчасъ бываетъ весьма затруднительно. Дѣтямъ нерѣдко разрѣшается извѣстное дѣйствіе, а потомъ запрещается; является непослѣдовательность со стороны взрослыхъ, противъ которой дитя и протестуетъ упрямствомъ. Развѣ оно поступаетъ несправедливо, указывая, что оно уже имѣетъ разрѣшеніе на дѣйствіе, а объ отмѣнѣ разрѣшенія, или даже о противоположномъ приказаніи, и знать не хочетъ? Часто дитя считаетъ себя обязаннымъ настаивать на извѣстномъ поступкѣ, хотя формально оно и неправо, напримѣръ, не выдать провинившагося товарища, не мириться съ оскорбителемъ, не просить извиненія за содѣянное преступленіе и т. п. Нравственные кодексы дѣтей и взрослыхъ неодинаковы; у дѣтей свои заповѣди, свои скрижали завѣта, далеко не вполнѣ совпадающія съ заповѣдями взрослыхъ. Такія дѣтскія заповѣди не столько неправильны, сколько несовершенны, неполны, но онѣ необходимый моментъ въ нравственномъ развитіи дѣтей, и настойчивость въ подобныхъ случаяхъ нельзя считать упрямствомъ. Между тѣмъ, непониманіе хода психическаго развитія дитяти, незнаніе тѣхъ переходныхъ несовершенныхъ формъ, въ которыхъ по необходимости въ извѣстное время выражается дѣятельность дитяти, заставляетъ взрослыхъ видѣть упрямство тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ. Мы не хотимъ сказать, что упрямства не существуетъ у дѣтей; оно есть, но въ девяти случаяхъ изъ 10 то, что называется дѣтскимъ упрямствомъ и противъ чего борятся, о чемъ печалятся, есть не упрямство, не порокъ, а твердость воли, дѣтская добродѣтель, заслуживающая поощренія. То, что называется дѣтскимъ упрямствомъ, состоитъ въ весьма близкомъ родствѣ съ твердостью характера и достохвальною настойчивостью, а потому представляется серьезная опасность, при борьбѣ съ мнимымъ упрямствомъ, повредить стойкости характера и вообще искалѣчить дитя нравственно, сдѣлать его безвольнымъ. Согласно съ общимъ несовершеннымъ развитіемъ дѣтей, и твердость ихъ воли выражается также несовершенно—упрямствомъ. Это собственно необходимая ступень въ развитіи воли, черезъ которую больше или меньше проходитъ каждая совершенствующаяся воля.